1972
1973

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1972 — 1978

ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1972

ПОВЕСТИ

Сборник приключенческих

ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1973

РАССКАЗЫ

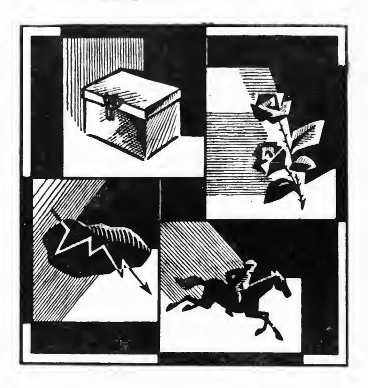
повестей и рассказов

Р2
П-75

Художник
Ю. БАЖАНОВ

7-3-2
191-73

ПОВЕСТИ



Встреча

I

Когда мне бывает трудно, когда я не уверен в себе и не знаю, какое принять решение, я вспоминаю его. Я спрашиваю его, а он, живой в моей памяти, отвечает мне. Или вдруг улыбнется краешком губ и бросит: «Поэт!» Да, в то время я писал, подражая Хамзе, и даже както раз мои стихи были напечатаны в газете. Еще я сочинил однажды любовное послание в стихах — адресовано оно было молоденькой учительнице, а подписано именем моего друга, влюбленного в нее, но очень застенчивого.

И вот сколько уж лет прошло. Поэт из меня не получился. Может, он знал заранее, а? Он всегда говорил с улыбкой: «Поэт», я не обижался и улыбался тоже. Потом я перенял эту его привычку, и, когда у кого-нибудь из моих молодых сотрудников дело не ладится, я бросаю ему с усмешкой: «Эх ты, поэт». Они не понимают и удивляются. Пока не понимают. Я знаю, придет время, и они тоже с улыбкой скажут то же оплошавшему новичку. Я хочу, чтобы было так, хотя никому не рассказываю о том, кто первый назвал меня «поэтом». Это моя маленькая тайна, моя память о близком человеке, память молодых и горячих лет... Самого человека давно уже нет, а вот словечко живет, осталось. Живет и дело, которому он учил меня.

В те годы многие из нас хотели стать чекистами, и особенно, конечно, мои сверстники. Чекист — значит почет тебе и уважение в городе и в кишлаке, ты — сила, гроза всяческой контры, ты — на переднем крае борьбы за революцию, борьбы за светлую, спокойную и счастливую жизнь наших городов и кишлаков, и еще — кто же из нас в те годы не видел себя во сне в кожанке и с револьвером на боку?

Мы, семнадцатилетние, работавшие в губкоме комсомола, просто мечтали о полной опасностей и приклю-

чений жизни чекиста, в свободное время любили рассказывать друг другу удивительные истории, где героями неизменно бывали чекисты, но главное, что волновало нас и делало наши мечты осязаемо близким будущим, — то, что за последний год двенадцать наших товарищей ушли по решению комсомола работать в ГПУ. Значит, мы нужны — так понимали мы, нужны наша преданность и решимость, наша вера в собственные силы, крепкие руки, острые глаза и отважные сердца.

Однажды утром секретарь губкома вызвал нас к себе, сразу восемь человек. Мы все догадывались, о чем с нами будет говорить секретарь, и взволнованно обсуждали ожидавшиеся перемены в нашей жизни. Правда, я, хоть и мечтал, как все, о скрипучей кожанке и тяжелом маузере, все же считал себя в душе не военным, а чуть ли не актером и потому был немного растерян.

В кабинете нашего секретаря Виталия Колосова находились, кроме него, два человека, одетые именно в те кожанки, что волновали наше воображение. Сам же Колосов всегда был при оружии, только носил он предмет нашей зависти не сбоку, а на животе. Зависти — потому что из всех работников губкома у него одного был наган.

Колосов назвал каждого из нас по имени, представил сидящим, а потом поднялся, уперся кулаками в стол и начал:

— Почему мы вызвали вас? Усилились враждебные действия против молодой Республики Советов! — Он вообще всегда так выражался и любил поговорить перед народом — ни один митинг без него не обходился, и в своем кабинете он выступал будто с трибуны. — В Душанбе тайно собирался курултай басмачей, в нем участвовал представитель международного империализма, враг революции Энвер-паша! Акулы империализма усиливают снабжение наших внутренних врагов оружием, деньгами и даже продуктами! Опять встревожен покой трудового народа! Участились нападения басмаческих банд на кишлаки и города, особенно в Ферганской долине! В ответ на это мы, преданная смена партии большевиков, должны считать себя мобилизованными!..

Колосов налил себе воды и стал пить, один из чекистов воспользовался паузой.

— Товарищ Колосов очень хорошо рассказал о последних событиях. Мы обращаемся к вам, ребята: в ГПУ нужны такие грамотные, проверенные люди, как вы, комсомольцы. Все ли согласны участвовать в борьбе с басмачами?

Мы в один голос ответили: да, все готовы защищать завоевания трудового народа.

— Тогда не будем медлить, дело не ждет. Начнем распределение.

Второй чекист взял лист бумаги.

— Шукуров!

Ну надо же, начали прямо с меня.

— Вас направим в Алмалык. Возражений нет? — Тон вопроса не оставлял возможности для возражений, и я растерянно молчал.

— Завтра туда следует отряд милиции. Поедете с ними. Вот путевка.

Он протянул мне бумагу, и я невольно взял ее.

— Джумаев! Вас направим...

Я повернулся и пошел к двери. Вот уж никак не ожидал, что участь моя решится так скоро. Меня догнал Колосов, положил руку на плечо.

— Не ждал? Растерялся?

Я только покачал головой и неуверенно улыбнулся.

— Не бойся, привыкнешь! Ты не хуже других, мы за тебя поручились... Ну ни пуха... Будь здоров! — Он крепко пожал мне руку и вдруг добавил тихо и печально: — Я, брат, тоже еду...

— Куда?

— В Нанай... Убили там секретаря ячейки...

Это был третий случай за последние дни, басмачи не щадили активистов. Но в словах Колосова поразила меня особая, неприкрытая горечь. Лишь за дверью кабинета я узнал, что секретарем в Нанае работала его невеста.

Да, это были не акулы империализма, обыкновенные басмачи. Только я знал, что́ они делают с девушками перед тем, как убить... И сомнения мои остались там, в кабинете нашего секретаря. Театр и ликбез могут обойтись пока без меня, сейчас мое место там, где стреляют. Алмалык — что ж, пусть будет Алмалык. Работая в губкоме комсомола, я не привык сидеть на месте. Вот только что скажут родители?

Я ждал, что дома будет ужасный скандал, когда

родители, особенно мама, узнают о моей новой работе и о завтрашнем отъезде. Она просто могла не отпустить меня, пойти с жалобами и плачем в губком комсомола, в ГПУ: единственный сын, и всего семнадцать ему, и... и... Что было бы дальше, я боялся подумать. Позору не оберешься — тут уж придется скрываться еще где-нибудь подальше Алмалыка.

Но, кажется, гроза не собралась — хорошо, что дома был отец. Женщины, правда, получили уже равные права с мужчинами, но слово отца до сих пор было в нашей семье законом, не подлежащим обсуждению, — и слава богу.

Итак, отец не возражал против моего отъезда, хотя и не обрадовался, конечно. В его согласии я видел поддержку мужчины, и еще была одна причина, связанная с обстановкой тех первых послереволюционных лет.

Отец мой вырос в интеллигентной семье, верил в силу знания и часто вспоминал слова мудрого Фитрата: «Развитие каждой нации начинается с просвещения». Еще до семнадцатого года он, собрав с помощью зажиточной родни и знакомых нужную сумму денег, снял помещение — балахану Дусимбая, из Дамарыка, и открыл там школу для бедных.

Но ко времени моего рассказа, через три года после Октября, Аллаера и Фитрата обвинили в джадидизме *. Рядом с их именами в газетах и на собраниях стали появляться такие слова, как «ярый враг революции».

Отец боялся за свою школу, перестал вспоминать Фитрата и Аллаера и учил теперь по книгам Хамзы «Легкая литература» и «Книга для чтения». Все же, когда о просвещении народа говорили на собраниях или выступала на эту тему газета, отец нервничал и волновался — со школой была связана его жизнь.

Возможно, поэтому сейчас он промолчал и не стал возражать против моего отъезда.

А мама чуть не плакала.

— Что за комсомол такой, если он лишает меня сына! Да поразит его гнев аллаха!

— Замолчи, не смей так говорить о комсомоле! — прикрикнул отец.

— Все равно будь он проклят!

---

* Джадидизм — реакционное националистическое учение.

— Хватит, тебе говорят! — отец повернулся ко мне и сказал тоном сообщника: — Не понимает. Ты не обращай внимания. Когда надо ехать?

— Завтра.

Я чувствовал, что и у отца на сердце кошки скребут, но держался он как мужчина — иначе бы мать совсем расходилась — и ничем не выказал своих сомнений и боязни.

— Это большое доверие. Будь осторожен.

Я понял: отца тревожит не только мое будущее участие в погонях и перестрелках, где жизнь моя будет в опасности, но и самый факт, что его сын, мальчишка еще, будет работать в ГПУ и может сделать какую-нибудь глупость, которая покроет позором всю родню. Мол, смотри в оба, иначе из-за тебя может пострадать вся семья. И школу его тогда могут закрыть... Такой уж он был человек, мой отец.

Ночью я почти не спал, а когда дремал, мне виделись стычки с басмачами, перестрелка и погоня...

Мама тоже не спала, кого-то осыпала проклятиями, тихо, чтобы не разбудить нас с отцом, плакала и пекла лепешки, жарила боорсаки, потом увидела, что я не сплю, подсела ко мне и принялась перекраивать старую овчинную шубу отца. В шубу можно было закатать двоих таких молодцов, как я, и мама перешивала пуговицы, укорачивала рукава и не переставая осыпала проклятиями весь земной шар в целом и губком комсомола на его поверхности в особенности. Я понял из ее слов, что теперь все заботы вселенной пали на мою несмышленую голову и я непременно должен буду сгинуть под ними. Чтобы этого не случилось, она сняла с моей старой детской колыбельки-бешик бусинки от сглаза и пришила их под воротником шубы.

Я не стал возражать, иначе я рисковал оказаться в одной компании с теми недостойными, покинутыми аллахом, которые делают все, чтобы сократить ее путь на этой земле, и замышляют сотворить ужасное зло ее единственному, горячо любимому сыну...

Утром, чтобы не огорчать маму, я послушно сел завтракать. Отец и мама, казалось, нарочно медлили, я же сидел как на иголках. Наконец отец благословил меня перед дорогой. Мама заплакала в голос, обняла меня и не хотела отпускать. Я не знал, как утешить ее, осторожно освободился и молча направился к воротам.

— Устроишься — сразу напиши, — сказал мне вслед отец.

Я кивнул, помахал на прощанье рукой и вышел на улицу.

— Стой! Стой! — закричала мама. — Для кого же я все это пекла?

Она догнала меня, отдала узелок с лепешками и боорсаками, снова обняла меня и снова заплакала.

— Ну не надо, мама... Я же не на фронт иду...

— Да-да, — сказала мама. — Уж лучше б на фронт, только рядом, здесь... Не уезжал бы ты, а, сынок?

II

В Алмалык отправлялось десять верховых, все милиционеры, в помощь тамошнему отделу ГПУ. С ними ехал и я.

Алмалык был тогда скорее не городом — ни заводов, ни фабрик, — а большим кишлаком в предгорьях. Но народу на улицах нам встретилось много, и базар оказался многолюдным. Я знал со слов отца, что Алмалык стоит на пересечении старых торговых путей и связан с Ташкентом и Туркестаном — с одной стороны, с Ошем, Кашгаром и далее Китаем — с другой, и с Ура-тюбе и Кабулом — с третьей. Когда знаменитый правитель Бабур был изгнан из Самарканда, в этих местах он встретился со своими дядями и собрал силы для борьбы с Шайбани... Конечно, все это было далекое прошлое — сейчас ничто не напоминало в Алмалыке о давних походах и войнах. А о сегодняшней жизни Алмалыка я узнал сразу же по приезде: в городе было неспокойно. За окнами домиков, выстроенных из камня и глиняных катышей, рано гасили свет, в городе воцарялась кладбищенская тишина, и никому не было известно, что там происходило, в этих домиках. Не было известно и другое — какую тревожную весть принесут милиционеры наутро, а приносили их теперь ежедневно.

Нас, приезжих, встретил начальник местного отдела ГПУ Константин Иванович Зубов, плотный мужчина, лет под пятьдесят, в военном, с буденновскими усами, с решительными жестами.

— Очень хорошо, — он поднял глаза от сопроводительной бумаги и еще раз оглядел милиционеров. — Такие джигиты нам сейчас как воздух нужны! А вы, молодой человек? — он повернулся ко мне, я подал ему путевку обкома комсомола. Он прочел ее раз, посмотрел на меня, потом еще заглянул в путевку. Да, кажется, возраст мой и внешность его не обрадовали. Он разгладил пальцем усы и решил: — Ну что ж! Значит, так тому и быть. Посидите пока здесь, подождите. А ну, джигиты, пошли.

Я остался в его кабинете один. Осмотрелся. Стол, накрытый газетами, несколько стульев. В углу на стуле ведро, кружка. На стене два портрета: Ленин и Дзержинский.

Ниже портретов лозунг, написанный большими неуклюжими буквами: «Советская власть — это власть народа. В. И. Ленин».

«Надо будет мне самому этот лозунг написать», — решил я. Мы в комитете комсомола писали такие лозунги каждый день.

Вдруг во дворе послышался топот и где-то рядом закричала женщина. Я подошел к окну: милиционеры, приехавшие со мной, верхом выезжали со двора, но никакой женщины с ними не было. Я вернулся на место и снова услышал женский крик, потом плач. Что это? Что здесь происходит? И что я должен делать? Отворил дверь из кабинета в коридор — плач слышался из соседней комнаты. Допрашивают? Почему она плачет, почему кричала? Что они здесь — мучают людей? Разве мы басмачи? У них же портрет Ленина на стене!

Сжав кулаки, я шагнул к двери, за которой все плакала женщина, и тут же в коридор с улицы вошел Зубов.

— Что, юноша, заскучал? Ничего, долго скучать не придется. — Мы вошли в его кабинет. — Проклятые, разорили Тангатапды. Не бывал там?

— Нет.

— И правильно. Жалкий кишлак. Но и его не оставляют в покое.

— Басмачи?

— Кто же еще? Как собаки плодятся! Банда курбаши Худайберды. Незнаком?

— Нет.

— Еще познакомишься. Этот нас помучает — ловок,

хитер, молодой. И грамотный — в Бухаре учился. Но в руки ему лучше не попадаться — отца родного не пожалеет. Говорят, сам допрашивает, сволочь.

За стеной снова послышался плач женщины.

— А вы... жалеете людей?

— Это ты о ком — «вы»?

— Ну мы... ГПУ?

Взгляд Зубова сделался жестким.

— Разве мы пытаем людей? Где ты это слышал?

Я кивнул на стену — вот, мол, непонятно разве?

Зубов помолчал, затем улыбнулся в усы и постучал кулаком в стену.

— Саидов! — потом повернулся ко мне: — Сейчас познакомишься с этим палачом!

В дверях кабинета появился сухощавый рослый человек.

— Слушай, Джура, кого это ты там пытаешь, а?

— Я? Пытаю? — Саидов приложил ладонь к груди. — Меня, меня пытают!

— Да ну? А то я уж и не знал, что говорить; вот молодой человек обвиняет нас: мол, мы мучаем людей.

Саидов глянул на меня, понял все и рассмеялся.

— Кстати, Джура, познакомься. Как вас зовут, юноша?

— Сабир, — ответил я, покраснев.

— Да, да, Сабир Шукуров направлен к нам губкомом комсомола. Новый работник.

Джура подал мне руку, мы поздоровались.

— А это, — продолжал Зубов, — это Джура Саидов, гроза басмачей и вообще всякой контры. Боятся его, хотя, по-моему, бывает мягковат.

Я не понял последних слов Зубова и ждал, что он скажет еще. Но объяснять он ничего не стал, а положил мне руку на плечо и легонько подтолкнул к Саидову.

— Будете работать вместе. Джура, возьми его к себе...

Джура кивнул. Так я стал сотрудником ГПУ Алмалыка.

Покончив со мной, Зубов обратился к Джуре:

— А что говорит твоя артистка?

— Опять Худайберды. Отдал их своим басмачам, всех опозорили, и певицу Уктам тоже. А плачет ее пле-

мяиница. Оиа засватана была. «Теперь, — говорит, — кому я нужна?»

— Что будешь делать?

— А что сделаешь? — Джура пожал плечами. — Пообещал, что вернем добро, у них серьги, браслеты, в общем, все висюльки отобрали.

— Сволочи! — ие выдержал Зубов. — Ну вот что. Дай сопровождающих и отправь их.

— Конечно, отправлю. Только вот племяннница певицы Уктам говорит, иикуда не поедет. Говорит: «Кому я иужна?»

— А иу пошли. И ты, Шукуров.

— Сабир, — поправил я.

— Да, Сабир, и ты. Посмотришь, как ведем допрос, и чтобы больше об этом разговоров ие было. А еще комсомол!

Мы перешли в соседнюю комнату — там уже сидели шесть жеищии, все молодые, лишь одна была постарше, оиа обияла за плечи девушку и что-то говорила ей, а та тихо плакала. «Видио, это и есть Уктам-певица, — подумал я. — Слышал о ией еще в детстве — «прекрасиая певица, отличная таицовщица», — говорили. А та, рядом, видио, ее племяиница».

— Что будем делать, Уктамхои? — спросил Зубов.

Я ие ошибся. Жеищииа, обнимавшая соседку, вскочила с места.

— Ах, дорогой иачальник, что иам делать, придется ехать дальше... Судьба... Чтоб ей пропасть, этой культурной революции!.. Вот Зумрад моя плачет все. Первый раз поехала с нами, еле упросила ее мать отпустить девочку в культпоход, обещала беречь...

Девушка, сидевшая рядом с Уктам, все всхлипывала, ие подиимая головы, лицо закрыла ладоиями.

— Не плачь, сестрица, что ж теперь, — сказал ей Зубов. — Хочешь, оставайся в Ташкенте, а? Я тебе записку дам, будешь жить со сверстницами, забудешь обо всем... Не горюй — ведь вся жизиь впереди!

— Коиечио, коиечно, — согласилась за племяиницу Уктам. — Правда, Зумрадджан, девочка моя, оставайся в Ташкенте, я тоже об этом думала! Мать я сама успокою. А жеиих — шайтаи с ним! В Ташкенте еще получше иайдешь! Ведь все равио ие любила этого толстяка!

Зумрад, услышав такие слова, заплакала в голос и припала к теткиной груди.

— Ну вот и правильно, моя девочка, и согласилась, и нечего тебе домой возвращаться! — Уктам обняла девушку и, приговаривая, целовала ее в голову. — В Ташкенте, в Ташкенте будешь жить, доченька, там тебе и дорога откроется, голосок-то у тебя соловьиный, учиться будешь, станешь певицей, почет тебе везде оказывать станут, а жениха-то себе самого лучшего, по душе найдешь! Ну не плачь, ну хватит, родная, не мучь себя, хорошо, мой ягненочек.

Девушка что-то сказала сквозь слезы, и все поняли ее так, что раз говорит что-то, значит, соглашается, и облегченно вздохнули.

— Так, — продолжал Зубов, — что у вас отобрали, какие вещи?

— Разве вернешь их теперь? — несмело спросила одна из женщин.

— Вернем обязательно, — отрезал Зубов. — Все разыщем... Шукуров!

— Сабир, — тихо сказал я.

— Да-да, Сабир... Возьми бумагу, карандаш, пиши. Говорите, Уктамхон.

Уктам начала перечислять вещи, отобранные у женщин басмачами, а я записывал.

— Десять браслетов, два золотых, остальные серебряные. Еще жемчужные бусы в четыре нитки — пять штук. Золотые сережки с яхонтовыми глазками — лучше бы я умерла, чем надела их! От покойной матери остались, лежали бы сейчас дома!.. Так, еще два платья из парчи... Айсара, твое платье тоже из парчи было?

Одна из женщин молча кивнула. Другая не выдержала:

— Апа, скажите о моем пальто!

— Обо всем скажу, не забуду. Значит, платьев из парчи — три. Пальто из бекасама, совсем новое, она его только вытащила из сундука, первый раз надела — сама видела... Четыре подушки пуховые... Проклятые, даже подушки забрали! Что я забыла из украшений, а? — она повернулась к женщинам.

— Мое кольцо.

— Да, кольцо Айнисы с двумя глазками, и весило два золотника... Ну хватит, остальное мелочь, так, тряпки. Проклятые, пусть смерть их настигнет, даже тряпки забрали; всех раздели, дорогой начальник. И меня, старую...

Отец рассказывал мне об искусстве Уктам — никто лучше ее не исполнял сложных классических песен, никто не мог сравниться и в танцах. И вот, оказывается, она к тому же еще и очень красива: тонкие черты лица, множество косичек, как черные змеи, опускаются до колен, большие, очень живые черные глаза играют. Только полнота выдавала ее годы — молодость Уктам миновала.

— Ничего, не огорчайтесь, — сказал Зубов, — вернем ваши вещи.

— О, дай аллах, чтоб сбылись твои слова, дорогой начальник! — Уктам молитвенно сложила ладони и склонила голову. — Ну, девочки мои, поехали.

Мы проводили женщин во двор, и они стали устраиваться на повозке.

— Хорошо, хоть лошадь не отобрали, проклятые, сразу узнали, что не наша, а торговца чаем Абдукадыра!

Наконец повозка тронулась в путь, ее сопровождали два конных милиционера, и все скрылось за клубами пыли.

— Слишком много наобещал им, — упрекнул Джура Зубова.

— Боишься, не поймаем Худайберды?

Джура не ответил.

— Поймаем обязательно! — заявил Зубов, как мне показалось, очень уж уверенно. Посмотрел на меня и добавил с легкой усмешкой: — Раз комсомол помогает — значит, Худайберды конец. Поймаем басмачей, Шукуров?

— Сабир, — поправил я.

— Да, Сабир.

— Скоро увидим.

— Непременно поймаем! — Зубов покрутил ус и направился к себе в комнату.

— Голодный? — спросил меня Джура.

— Есть лепешки и боорсаки.

— Пока не трогай, еще пригодятся. Сейчас пойдем на базар, да и дело там есть.

III

Солнце сияло уже с полуденной высоты, а народу на базаре, кажется, не убавлялось. Мы шли вдоль ярких рядов, где глаз манили щедрые дары нашей земли; нам предлагали ярко-красные сюзане, вышитые женщинами, в жизни своей не выходившими на улицу и вложившими в узор всю свою душу и все мечты; еще здесь торговали меховыми шапками, новомодными покрывалами машинной вышивки и граммофонами с огромным раструбом... Базары Востока живут сложной, но упорядоченной жизнью — и огромные городские базары, и скромные кишлачные. Какое бы изобилие товаров ни выплеснул тебе базар навстречу, ты всегда знаешь: нужную вещь можно найти в определенном месте, и ищущий тюбетейку не зайдет в ряд, где продают чапаны.

Да, кажется, на алмалыкском базаре можно было приобрести все, что душе угодно, — были бы деньги. Но денег у людей, видно, не было, поэтому многие не покупали вещь, а выменивали ее на другую. При мне за пару сапог отдали четырех баранов...

В ряду, которым мы шли, продавали тюбетейки, я на ходу разглядывал их и вдруг заметил на руках женщины, скрывавшей лицо за белым платком, серебряные браслеты. Я дотронулся до плеча Джуры и кивком указал на женщину. Он глянул и засмеялся.

— Басмачей за дураков считаешь? Так они и понесут добычу на базар! Нет, брат, те браслеты уже пропали — ищи или в Кабуле, или в Стамбуле.

— А что же тогда Зубов?..

— Зубов правильно сказал: поймаем Худайберды — вернем золото... Ну-ка заглянем сюда.

Мы выбрались из тесноты рядов и пошли к чайхане у хауза, но, не доходя до чайханы, Джура вдруг остановился подле пышноусого сапожника, сидевшего перед колодкой на низеньком стульчике у забора.

— А, Натанбай, опять на базар вышел?

— Ассалам-алейкум, товарищ начальник! — сапожник неожиданно ловко поднялся, приложил руки к груди. — Здоровы ли? Добро пожаловать, садитесь! — Он вытер кусочком бархата стул и пододвинул его Джуре. — Это младший брат? — он кивком указал на меня. — Очень похож на вас, товарищ начальник.

Джура не сел, а продолжал расспрашивать.

— Что это тебя не было видно, Натан?

— Э-э-э, товарищ начальник, — и сапожник покачал головой, — как не видно, по делам ходим... Революция нам счастье дала, еврей, ты тоже человек, сказала, свободный человек, — вот и ходим за хлебом насущным... Пятеро детей у меня, знаете, товарищ начальник, все есть просят — как не ходить за хлебом? А ваше как здоровье, товарищ начальник, не было вас несколько дней, не заболели?

— В Тангатапды ездил, — объяснил Джура, — работа, понимаешь, Натан...

— Да-да-да-да, у вас тоже работа, товарищ начальник, трудная работа... — сапожник сочувственно вздохнул. — Врагов кругом много, сегодня работаешь — все спокойно, а завтра где душа твоя будет летать.

— А что ты там делал, Натан, а?

— Я? В Тангатапды? — сапожник высоко поднял брови, округлил глаза.

— Видел тебя.

— Зачем смеётесь, товарищ начальник! Нехорошо, я ведь тоже человек. Что мне делать в Тангатапды — нечего. В Ахангаране был, кожи привез, не смейтесь над бедным евреем. Сам болен, жена больна, пятеро детей кушать просят...

— Когда видел Ураза, Натан?

— Ай, товарищ начальник! — Натан развел руками и улыбнулся. — Все видите, все знаете! Ровно месяц прошел, как видел его, две кожи мне принес, я купил — аллах надо мной! — и деньги отдал...

— Не лги, Натан.

— Товарищ начальник, ай-яй-яй, я тоже человек, почему лгу?

— Три дня назад тебя видели с Уразом.

— Зачем мучаете, товарищ начальник! — на глаза сапожника навернулись слезы. — Революция нам счастье дала... Дом мой, вы знаете, раньше был у базара, теперь живу напротив ГПУ. Пусть аллах простит оговорившего меня!

— Ну ладно, видно, я ошибся, — согласился Джура и глянул исподлобья: — Может, это был другой человек, правда, Натан?

— Истина говорит вашими устами, товарищ начальник! — сапожник заметно оживился. — Человек похож

на человека, все мы одинаковы, все сыны Адама... Конечно, ошиблись, товарищ начальник!

— Сколько взял с него за сапоги?

Натан побледнел.

— Товарищ начальник, Джура-ака... Я еще... не брал я...

— Когда Ураз придет?

— Завтра... Завтра ночью... товарищ начальник! — сапожник прижал руки к груди, склонился к Джуре и хотел было еще что-то сказать, но тот не дал.

— Я только это хотел узнать.

С этими словами Джура двинулся дальше.

Я ничего не понял из услышанного разговора. Кто такой Ураз? Какое отношение имеет к хитрому сапожнику? Хотел было спросить Джуру, но он уже подошел к чайхане, а я был так голоден, что отложил ради обеда все свои вопросы.

Обедали мы дыней, хлебом и чаем — в общем, небогато. Потом вернулись в отдел.

И там я спросил:

— Кто такой Ураз?

— Старый мой знакомый... Умен и смел, но сбился с пути, пристал к басмачам...

Вот что рассказал мне Джура.

Раньше Ураз был пастухом, смотрел в горах за отарой ташкентского бая Абдукадыра, известного богача, торговца чаем. Когда в Туркестане установилась Советская власть, бай собрал свое богатство и бежал в Кабул. Пастухи бая гнали отары в сторону границы, и вот тут, у границы, Ураз исчез, но не один, прихватил несколько сот баранов. Богатым стать хотел... И сейчас еще хочет. Сдать баранов государству отказывается, но и жить в открытую не может. Вот и связался с басмачами — от таких, как Натан, везет Худайберды последние новости, от самого курбаши доставляет Натану награбленные вещи, а тот сплавляет еще дальше...

— Почему же мы не арестуем Натана? Раз вы столько о нем знаете?

— Нет оснований. Знаю, но не видел.

— Так вы же сказали о сапогах!

Я не понимал. Ведь ГПУ должно бороться со всякой контрой, а Джура не хочет арестовать врага, которого можно взять голыми руками, значит, тот и дальше

будет помогать басмачам? А может, натворит еще чего похуже? Как объяснить Джуре? «А вдруг... вдруг он с ними заодно?» — я подумал и сам испугался своих мыслей.

— Верно спрашиваешь, говорил я о сапогах. Видел Ураза в сапогах. Натан сшил, Ураз носит. А может, украл их у Натана, а? Докажи, что нет. Натан так бы и сказал, и нам нечего ему ответить... Натан дал важные сведения, ценные. Если поймаем Ураза, многое узнаем. Тогда и о Натане подумать можно. Как говорю — верно?

Я пожал плечали: трудно сказать.

— Подумай еще. За что арестовывать сейчас Натана? За связь с басмачами? Тогда мы должны арестовать в кишлаке всех, к кому заходили басмачи... И певиц тех не должны были отпускать — вдруг тоже на басмачей работают? Нельзя таким подозрительным быть. Натан трус, значит, ты понимать должен: мы ему скажем — сделает, басмачи скажут — тоже сделает. Все сделает, сам слышал — пять человек детей, шестая жена, все кушать просят... — Джура улыбнулся, положил мне руку на плечо. — С ними жить надо вместе, Сабир. Натана сажать не надо, пусть помогает нам — вот что надо. Со временем может стать нашим человеком. А посадил — ему плохо, жене, детишкам плохо, и нам нехорошо — кто об Уразе скажет?

В комнату вошел Зубов.

— Составь протокол по тангатапдинскому делу, прокурор просит.

— Составим... Слушай, Костя, кажется, Ураз попался...

— Да ну?!

— Натан сказал: завтра Ураз к нему собирается.

— Ай да сапожник твой, хорош!

— Хорош-то хорош, да трусит больно, дрожит как овечий хвост. Будешь возле базара, похвали, подбодри его, ладно?

— Это можно... — Зубов пошел было, но задержался в дверях: — Кого возьмешь?

Джура кивнул на меня.

Я был ужасно рад — вот она, начинается настоящая, полная приключений жизнь! — но старался казаться невозмутимым и сдержанным: еще подумают, что мальчишка.

IV

В этот первый день мы работали до полуночи: составили протокол тангатапдинского дела. Джура диктовал, я писал. Так у нас и повелось — правда, иногда он и сам писал протоколы, но, видно, находил, что мой почерк лучше, — оформление документов легло на мои плечи.

Вот что случилось в Тангатапды.

Басмачи налетели под вечер, согнали всех — мужчин, женщин, стариков, старух, детей — на площадь и всех связали вместе. А чтобы не сказали о них люди — мол, совсем озверели прóклятые аллахом, — вынесли из домов и колыбели-бешик с грудными детьми, отдали детей матерям — пусть кормят, если нужно... Потом снова пошли по домам, брали лучшие вещи и грузили на коней... И угнали весь скот; корову, что не могла ходить, тут же и зарезали, взяли с собой тушу... И увели с собой двух девушек и восемь молодых джигитов...

В Алмалык весть о нападении пришла утром на следующий день. Джура с группой милиционеров тут же отправился в путь, и в полдень они въехали в кишлак. Люди все сидели на площади, связанные вместе. Увидев милиционеров, заплакали женщины, закричали дети и еще раз прокляли бандитов мужчины. Покидая кишлак, басмачи стрельнули для острастки в воздух и наказали строго: всем сидеть, не двигаться с места до их возвращения или еще лучше — подождать, пока милиция глаза протрет. Посмеялись и уехали — увезли добро, угнали скот, увели людей.

— Из всех басмачей они самые жестокие. Любят издеваться просто так, без смысла, — объяснял мне Джура. — Не щадят никого. Говорят, Худайберды мстит каждому встречному и поперечному, всем, кто не с ним, кто признает Советскую власть, мстит за утраченное богатство и за отца, никого не жалеет.

— А отец что, жив?

— Говорят, будто бы недавно умер он, Махкамбай, старый хищник. А правда или нет — не знаю.

И вот вечером того дня Джура видел в Тангатапды Ураза, но издали, а рядом с ним человека, обликом напоминавшего Натана. Зачем приходил Ураз — выяснить не удалось. Следил, не будет ли за басмачами погони, наверное.

— Вороной Ураза, знаешь, он как аэроплан. Если Ураз на вороном — всё, не поймаешь его, уйдет от любой погони. В тот день под ним был вороной, я и виду не подал, что заметил его. Но теперь не убежит, — зачем-то понизив голос, уверенно закончил Джура. — Завтра поедем к нему в гости.

В этот первый свой день в Алмалыке я остался ночевать у Джуры. Большой дом с террасой и обширным двором, конфискованный у богатого торговца хлопком, был передан местной милиции, и в одной из комнат этого дома жил Джура. Комната была пустая: железная кровать в углу, и больше ничего. Джура постелил себе на полу, мне показал на кровать: ложись здесь. Я запротестовал было, но Джура и слушать не стал.

— Ложись, ложись. Здесь жить, здесь спать будешь. Завтра еще одну кровать принесем.

Мы улеглись. Джура, кажется, сразу же заснул, а я ворочался, ворочался, потом встал, подошел к окну, открыл. В темной осенней ночи перемигивались высоко в небе редкие звезды, тихо и безлюдно было, городок спал мертвым сном.

Я обернулся, посмотрел на Джуру — лицо его было спокойным, как и вся эта тихая осенняя ночь; я разглядел, казалось, даже сетку морщинок — след прожитых лет, но потом понял, что глаза обманывают меня и дорисовывают по памяти дневных впечатлений черты лица, к которому успел привыкнуть. Тишина и спокойствие ночи передались и мне, черный город и непонятная еще работа не пугали больше. И хотя будущее мое было пока неясно и черты его таяли в наступающем времени, как образы дня в ночи, как морщины на лице Джуры в темноте комнаты, все же душа моя была спокойна. Все, что делается и сделано, все правильно, и я на месте.

Так началась моя новая, самостоятельная и вовсе не спокойная жизнь. А оборваться она могла на следующий же день.

Проснулся я оттого, что кто-то тронул меня за плечо. Я открыл глаза, но не сразу сообразил, где я и что со мной. Наконец узнал Джуру и окончательно стряхнул остатки сна.

— Пора, пора, время не ждет! Подымайся.

Я вскочил, быстро оделся, вышел во двор ополоснуть

лицо. Солнце уже показалось, но воздух хранил еще прохладу ночи.

— Позавтракаем в дороге, а сейчас едем. Возьмешь эту лошадь.

Я увидел клячу, привязанную посреди двора к стволу груши, — она казалась такой же сонной, как и я, и мне захотелось спросить Джуру, не упадет ли она, если отвязать ее от дерева.

Джура глянул на меня, на клячу и улыбнулся: наверное, мысли мои были написаны у меня на лице.

— Старая, да, бегать не может. Но если сегодня будет нам удача — получишь хорошего коня. Все, поехали. Не забудь свои боорсаки.

Я сбегал за узелком с домашними припасами, что дала в дорогу мама, и мы выехали со двора.

Да, Джура сказал правду: лошадь подо мной не была скакуном и вдобавок ко всему прихрамывала — кажется, одной подковы не было.

Когда я очень уж отставал от Джуры, я подбадривал свою клячу прутиком, она кое-как нагоняла жеребца Джуры, но потом опять отставала.

— Вы что же, всех новичков так испытываете? — не выдержал я наконец.

Джура засмеялся, подождал меня.

— И за эту кобылу спасибо скажи, еле нашел, а то пешком пришлось бы тебе идти! — И снова пустил жеребца вперед, а я снова отставал и нагонял, нагонял и отставал.

К полудню мы добрались до заброшенного кишлака. Печальное это было зрелище! Крыши домов провалились, дувалы разворочены, земля усеяна камнями, валунами. А кругом тихая степь. Ни людей, ни животных.

Джура остановил жеребца, спешился.

— Что за кишлак, почему он брошен, Джура-ака? — спросил я, слезая с лошади.

— Это место люди называют Селькелды — значит, сель прошел. Каждый год беда приходит — ну прямо басмачи, даже хуже. Все губит сель — и людей, которые не успеют спастись, и скот, и дома, и добро. Так год назад государство дало людям землю под Алмалыком, и все туда вместе и переехали, всем кишлаком.

— А разве нельзя было здесь построить плотину, защититься от селя?

— Э-э, брат, хорошо ты говоришь да силы где взять

плотину строить? Сейчас людям легче переехать, чем бороться с селем... Да, земли свободной у нас много, а сил пока что мало. Но вот увидишь: будем живы — такие кишлаки здесь построим, такие сады будут цвести на этом месте! И люди возвратятся сюда к могилам предков. А пока что... пока что посмотри-ка, не найдется ли чего в твоем узелке?

Я развязал узелок — от собранных мамой мне в дорогу припасов оставалось немного — пол-лепешки да с десяток боорсаков.

Подкрепившись, мы снова тронулись в путь, поднимаясь все выше и выше. Налетевший ветерок заставил меня поежиться.

— Во-он впереди возвышенность Бештерак, — показал Джура. — Поднимемся туда, спустимся, а там и кишлак рядом. Кишлак Ураза.

— А не обманул нас Натан, а?

— Зачем же ему врать, Натану? Завтра вернемся, увидим его. Бежать ему некуда, семья у него, сам слышал. А вот Ураз может и не заехать домой, правда, но тут Натан не виноват, он думает, мы Ураза в Алмалыке ждать будем.

— Но разве можно доверять такому? Надо было взять его с собой.

— Зачем? Чтоб видел, как мы ловим Ураза? И потом рассказывал, кому надо и не надо?

— Наверное, не повредило бы, — заметил я.

— Как раз бы повредило, — спокойно объяснил Джура. — Ты же слышал, что говорил Натан: он тоже человек, ему жить надо, кормить семью. А возьмем мы его с собой — Ураз скажет: Натан предатель...

— Так мы же все равно посадим Ураза! Пусть думает и говорит что хочет.

— Это не так просто. Ураз ведь был пастухом, с басмачами недавно и держится сам по себе. Стоит ли сразу сажать? Подумать надо...

Я не верил своим ушам. Как ни старался, не мог понять слов Джуры. Натана сажать нельзя, и Ураза, оказывается, тоже? Зачем же мы отправились ловить его? Чтобы тут же и отпустить? Я не понимал, удивлялся, но не решался расспрашивать дальше.

Пока мы добирались до кишлака Ураза, спустились сумерки. Кишлак назывался, как и возвышенность, Бештерак, то есть «пять тополей», но в темноте я не разли-

чал ни одного тополя; за низкими дувалами чернели какие-то деревья, не то урючина, не то орешина — не разобрать было, но тополей я так и не увидел, и это странно занимало мои мысли — устал, что ли, думать об Уразе и басмачах?

Мы въехали в темный кишлак, проехали еще немного по узенькой улочке, и Джура остановился у дувала возле кокандской арбы, стоявшей с поднятыми оглоблями, спешился, привязал коня к колесу арбы; я сделал то же самое.

Кругом было темно и тихо, даже собак не слыхать. Джура тронул меня за плечо:

— Пошли.

Мы перебрались по доске через небольшой арык, вошли в чей-то двор, во тьме я различал только деревья да кусты; Джура обернулся ко мне, я увидел рядом блеск его глаз и спросил:

— Здесь?

— Тихо... — шепнул Джура. — Тихо, его дом близко.

Мы прошли в соседний двор, и в темноте и тишине кишлак казался неживым. «Селькелды, — вспомнил я. — Сель прошел». И тут прямо передо мной коротко заржала лошадь, фыркнула, и снова все замерло.

— Хорошо, вовремя пришли, — шепнул мне на ухо Джура. — Намаз совершает.

Кто совершает намаз, где совершает и почему это хорошо — ничего не вижу, ничего не понимаю.

Джура взял меня за плечо, повернул, и мы двинулись вдоль низкого дувала. Темнота и тишь обострили мое зрение и слух, я ожидал появления кого-то притаившегося, ожидал нападения из темноты, и вдруг будто что-то толкнуло меня — слева я заметил движение по земле, будто ползет кто-то. Приглядевшись внимательно, я понял — это была тень человека. И увидел, откуда падает на землю эта тень.

Перед нами была калитка. Джура без скрипа отворил ее, мы вошли во двор и подошли к дому. В окошке помаргивал огонек; человек на молельном коврике не мог нас увидеть — он сидел спиной к нам и разговаривал с богом.

Джура кивком указал мне на человека, и мы на цыпочках двинулись к двери.

Сердце мое бешено колотилось, из-за его стука я не слышал наших осторожных шагов. Не услышал их и

Ураз — ни когда мы тихонько вошли в комнату, ни когда Джура, словно тень, скользнул ближе к молельному коврику и поднял с пола маузер. После этого Джура вернулся к двери и сел, скрестив ноги, — не стал мешать Уразу совершать намаз. Я остался стоять — боялся шелохнуться. Время остановилось, и единственное, что напоминало о жизни, — двигавшаяся при помаргивании светильника тень Ураза.

Наконец он дочитал молитву, обратился налево, выдохнул: «Суф» — и замер: увидал нас. И что маузера нет под рукой — тоже увидел. Он не пошевелился и не сказал ничего, молчали и мы с Джурой. Только расширились глаза и как-то помертвело, пустым стало обросшее, с густыми усами и бородой лицо, словно жизнь сжалась где-то внутри Уразова тела. Потом я увидел, что губы Ураза шевельнулись.

И еще какое-то время Ураз сидел неподвижно, а потом выдавил зло:

— Съел-таки меня, милиционер!

— Нет, — возразил Джура. — Не я, ты сам съел свою жизнь.

— Сейчас уведешь?

— Больше некого ждать.

— Верно, знаешь, — согласился Ураз. — Тогда мне надо попрощаться с семьей.

— Как хочешь, — сказал Джура. — Только ни слова о том, кто мы. Они не должны знать, что ты арестован. Приехали по делу, понятно? Бежать не советую — ты знаешь, как я стреляю.

— Что ж в Тангатапды — промахнуться боялся?

— Коня твоего пожалел.

— Да, за коня сам Худайберды сто баранов давал — шутник!

В комнату неслышно вошла женщина — одной рукой прижимала к груди ребенка, на другой блюдо с пловом. Увидела нас, замерла, испуганно посмотрела на Ураза — взглядом спросила, какие распоряжения будут.

— Плов в чашку положи, я еду, — сказал Ураз жене и глянул на Джуру, тот кивнул. — Да поживее!

Женщина исчезла неслышно, как и появилась.

Джура кивком указал Уразу на дверь — пошли, мол. Мы вышли во двор — Джура, Ураз и за ними я.

Женщина уже протягивала мужу мисочку с пловом,

завернутую в румол — поясиой платок. Склонив голову, она спросила еле слышно:

— Когда ждать вас?

— Про то один аллах ведает, — сумрачно бросил Ураз и добавил еще, но уже мягче: — Береги сына.

Мы вышли из кишлака; я вел в поводу свою клячу и жеребца Ураза.

На дороге Джура подал поводья моей лошади Уразу.

— Садись... На этой далеко не уйдешь.

Ураз выругался, но поводья принял.

Потом Джура похвалил меня:

— Везучий ты, парень, смотри, какого коня получаешь. — Гиедой Ураза нетерпеливо бил копытом. — Однако садиться погоди — пока Ураза провожаем, я сам на его жеребце поеду.

Джура с Уразом неторопливо двииулись по направлению к Алмалыку, я держался чуть позади и слушал их разговоры. Напряжение охоты еще не оставило меня, наверное, оттого, что не было ему нормального выхода — погони и борьбы. Честио говоря, я никогда ие думал, что поймать басмача так просто — ведь мы взяли Ураза без труда, без выстрела, можно сказать, голыми руками. Что это — везение, случайность? Тогда я еще не мог найти ответа...

— Не надо было мие приезжать сегодня, — как бы отвечая на мои немые вопросы, пожаловался Джуре Ураз. — И не хотел ведь — плохой сон видел, будто сын мой маленький умер.

— Зиачит, долгая жизнь ему суждена, так поверье обещает.

— Что прячешься за поверье, милиция, говори уж прямо: отсчитает ему аллах от моей жизни! — Ураз хохотнул коротко и зло, и я подумал: все же надеется убежать, и потрогал маузер у себя на боку. — А ты, одиако, ловкий, милиция, как узиал о том, что приеду, скажи, а? Молчишь... Слыхал, слыхал о тебе.

— Ничего, и ты не хуже. Три раза удирал, я не мог догиать.

— Спасибо. И сегодия ушел бы, да задержался дома... Как ты думаешь, вас дожидался, а? — Ураз снова хохотнул и перемеиил тои на угрожающий: — Но помии, милиция, услышит обо мне Худайберды — за меня одного вас тысячи головы положат.

— Неужто так страшен ои, твой хозяин?

— Ты не знаешь его, милиция, настоящий дракон, кого хочешь проглотит! Ни тебя, ни меня не пожалеет, если понадобится ему. Да... Только не называй его, милиция, хозяином моим. Сам знаешь, я другой. И я сам себе хозяин. На коня моего можешь сесть — на меня узду не накинешь!

— Узда на тебе не нужна. У нас каждый себе хозяин.

— У кого это у вас?

— У тех, кто признает Советскую власть.

— Ах вот ты о чем! Не пустословь, зря стараешься, милиция.

— Никогда не пустословлю — сам убедишься. А вот басмач как может быть хозяином над собой? Человек может быть хозяином. Басмачи — разве человек? Разве может не убивать, не грабить, а, Ураз?

— Аллах накажет за такие слова, милиция! — сердито отвечал Ураз. — Басмачи не один к одному, разные бывают, Худайберды — бай, а мои и отец и дед пасли стада, я и сам за отарой ходил!

— Если ты пастух, почему с баем против нас, почему кишлаки грабишь?

— Это вы опоганили наши кишлаки, растоптали религию. Вами правят гяуры, аллах отступился от вас, проклял...

— Не свои слова говоришь, пастух. Вот это правда пустословие. Большевики не признают имамов, но ты слышал, чтобы мы помешали мусульманину совершать намаз? Тебе ведь не помешали, Ураз, подождали, когда кончишь. Разве не так? Ходи себе в мечеть, молись на здоровье, но чужого не трогай — вот наш закон. Чтобы ни богатых, ни бедных, все равны — вот чего мы хотим. Знаю, ты боишься — в горах спрятал краденых овец. Все равно отберем, Ураз, если сам не отдашь. Отберем и отдадим в кишлаки все, что вы награбили, в Тангатапды отдадим беднякам, пастухам, каким ты был раньше. Вот так, Ураз. А насчет веры — не свои слова говоришь. Очень тебе хочется, чтобы Туркестан называли Мусульманабадом, да? — Джура посмеялся своим словам и будто невзначай добавил: — Это твой курбаши тебя учит, да?

— Курбаши делом занят, — уже спокойно ответил Ураз. — Так говорит Махкамбай.

— Ого! Жив, значит, Махкамбай, отец Худайберды? А я слышал, будто умер он...

— Какая плохая разведка у тебя, милиция! И как узнал, что домой заеду, — до сих пор не пойму! Не-ет! Махкамбай жив... И почему ты говоришь, милиция, что он отец Худайберды? Курбаши — не сын, приемыш Махкамбая. Болтают, будто Худайберды — сын Аппанбая.

— Какого Аппанбая? Ты не ошибаешься, Ураз? — торопливо переспросил Джура, и я услышал тревогу в его голосе и невольно оглянулся. Но никого и ничего не было видно в ночи, и только цокот копыт по дороге нарушал тишину. За разговорами мы перевалили Бештерак и теперь спускались к развалинам Селькелды; по-прежнему Джура держался рядом с Уразом, а я — чуть поотстав.

— Откуда же можно знать точно, кто чей сын? Эх, милиция... Был такой Аппанбай, жил в Тойтюбе. Давно, лет двадцать уже минуло, ушел Аппанбай в хадж и не вернулся. Говорят, умер по пути к святым местам. И будто бы Худайберды — его сын. Только родился уже после отъезда отца вскоре. А когда еще ребенком был несмышленым, года через два или три, Намаз-вор разграбил земли Аппанбая, сжег там все, а самого Худайберды и мать его забрал с собой, увез в Шагози. Может, мстил за что-то Аппанбаю, а может, выкупа ждал. И дождался. Махкамбай, он глава соседнего рода, дал большой выкуп и забрал к себе наследника земель Аппанбая, и воспитал его. Может, он родственник Аппанбаю или друг — точно не скажу...

— Нет, не может того быть, ошибаешься ты, — возразил Джура. — Я знаю точно: Аппанбай ушел в хадж через год после смерти жены.

— Ну, может, младшая жена была или просто женщина, как теперь узнать? Все же кто-то родил Худайберды — правда, милиция? Уж это я знаю точно, ты не спорь, — засмеялся Ураз. — Слушай, а почему интересуешься? Может, и ты из рода Аппанбая? Лицом на Худайберды похож, правда! И земли были бы твои, а, милиция? И стада, деньги!

— Замолчи! — сердито оборвал его Джура. — Не говори пустое. Вспомни лучше — от кого слышал эту историю?

— Откуда помнить? Уши есть, вот и слышат, что кругом болтают. Но такое говорил и сам Махкамбай!

— А кто может знать точно?

— Время прошло, милиция... Намаз-вор сжег тогда

весь кишлак, кто уцелел — поразбежались, не осталось никого из людей Аппанбая, пусть земля ему будет пухом... Что за месть была у Намаза — не знаю.

— А мать Худайберды, она жива?

— Ой, милиция, как торопишься допрашивать! Боишься, сбегу по дороге, да? Не знаю я о матери его, откуда мне знать... Одни говорили, что умерла, другие — будто Намаз-вор убил ее. Не знаю.

Я слушал разговор Джуры с басмачом, мирный и почти дружеский, и удивлялся: зачем Джуре-ака история мертвого бая, чем интересно прошлое курбаши? Может, и его, проклятого Худайберды, не надо будет сажать, когда поймаем, а? Я видел, что Джура-ака почему-то сильно встревожен и взволнован и что забыл он и о дороге, и обо мне, а главное, о том, что Ураз может попытаться бежать. Вдруг нападет на нас? Я ощущал непривычную тяжесть маузера на боку и прикидывал, как быть и что делать, если Ураз бросится на Джуру. Уж очень близко держался к нему! Выбьет из седла и окажется на своем коне, а там поминай как звали!

Но Ураз вел себя мирно и если не был увлечен разговором, как Джура, то все же говорил с ним не как с врагом, скорей как со старым знакомым — давно не виделись, а теперь вот встретились.

— Откуда знаешь Аппанбая, милиция?

— Батрачил у него... Он и в хадж брал меня с собой.

— Да ну, ты и хадж совершил, оказывается? Где же твоя зеленая чалма?

— Нету ее... Не дошел я до Мекки, вернулся с полдороги.

— Слушай, может, это ты убил Аппанбая?

— Ты в своем уме, а, Ураз? Да я в то время бая отцом называл, благодетелем считал. Нет, напали курды, я один остался в живых, случайно. Но Аппанбай выехал в хадж после годовщины смерти жены, я точно помню. Худайберды ему не сын.

— Не знаю, милиция. Рассказал тебе, что слышал. Может, кто другой знает больше. Будешь в Шагази — найди аксакала Саксанбая, он самый старый в кишлаке. Спроси его.

Разговор прервался, и снова только цокот копыт на дороге и напряженная тишина вокруг.

Мы одолели уже больше половины пути — впереди показались развалины Селькелды.

— Так хочешь узнать, кто мать Худайберды? — будто что-то вспомнив, спросил вдруг Ураз.

— Ну? — Джура быстро повернулся к нему.

— А ты у него самого, у Худайберды, спроси!

Джура засмеялся облегченно.

— А что ж... Когда поймаем, обязательно спрошу!

— Нет, милиция, не поймаешь его. Или сбежит, или тебе ребра своим кинжалом пощекочет... Лучше сейчас спроси, не откладывая.

— Поиздеваться хочешь надо мной, Ураз, да?

— Нет, зачем, слово даю, можешь спросить. Через неделю свадьба его, женится Худайберды. Пойди на свадьбу и спроси. Хочешь, поведу тебя?

Джура не ответил, повернулся к Уразу, косо посмотрел на него — и все. Тогда Ураз сказал:

— Зря обижаешься, милиция. Я не сбегу. Хотел бы уйти — зачем тогда вернулся от границы? Я ведь не дурак, знаю, что Натан мог сказать обо мне. Басмачи недолго продержатся, я понимаю. Уходить не хочу. Что скажешь на это?

— Подумаю, — ответил Джура.

Дальше ехали молча. В Селькелды остановились, втроем съели плов, что завернула и дала с собой Уразу жена, и снова в путь.

С восходом солнца мы въехали в Алмалык.

IV

Дверь комнаты отворилась, вошел быстрым шагом Зубов, поздоровался с нами за руку, кивком указал на Ураза — тот сидел на стуле у стены, опустив голову.

— Это и есть Ураз? С виду точно басмач. Намучились с ним?

— Нет, — ответил Джура.

Зубов обратился ко мне:

— Шукуров!

— Сабир, — вставил я.

— Да, Сабир. Что скажешь?

— То же самое, товарищ Зубов. Не сопротивлялся. Мы пришли — он намаз совершал.

— Ну вот, а говорят, религия — опиум. Все же иногда помогает. Только кому — большевикам! — Зубов сел, повернулся к Уразу: — А ты, друг ситный, расска-

зывают, обещал меня повесить, а? Что же теперь делать будем?

Ураз не поднял головы, молчал.

— Глупый ты парень! Пастух и связался с басмачами! Что они тебе — жизнь сытую и вольную дали, в доме и семье мир и достаток? Или таких же, как ты, пастухов, грабить нравится? А может, хочешь добиться возвращения бая Абдукадыра, для него овец в горах сохраняешь, а, Ураз? Да, наградил тебя аллах хорошим ростом, но пожалел наградить хорошим умом... Османов!

В комнату вошел солдат-конвойный.

— Уведи.— Зубов показал на Ураза и добавил, когда тот поднялся: — Подумай до завтра, завтра еще поговорим.

Мы все глядели на Ураза: он сник, плечи опустились, лицо посерело. Наверное, потому, что Ураз сдался не сопротивляясь, я так и не видел в нем врага и сейчас остро пожалел его: была б моя воля — тут же и отпустил бы.

У двери Ураз задержался и, не оборачиваясь, буркнул:

— Милиция, миску жене верни, в хозяйстве нужна.

— Верну, не беспокойся, — сказал Джура.

Ураз вышел, за ним конвойный.

— И я пойду, — Зубов поднялся. — В Тангатапды хлеб отправляем, люди там голодают. Весь скот увели, сволочи. Обоз с охраной пойдет... А вы отдыхайте, Шукуров!

Я не ответил.

— Да, Сабир, — поправился Зубов.

— Слушаю! — я поднялся.

— Как гнедой Ураза, нравится?

— Здорово! — обрадовался я.

— За удачное выполнение задания получай награду — коня Ураза передаем тебе!

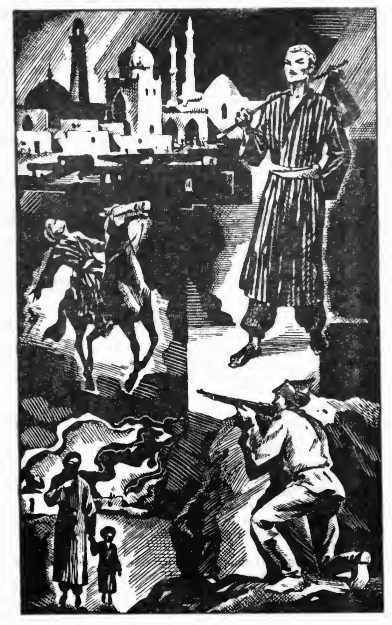
— Спасибо, товарищ Зубов!

— Только смотри, Уразова жеребца знает вся округа, и наши, и не наши. Заметен станешь. Не испугаешься?

— Нет.

— Молодец. Правильно, — одобрил Зубов и вышел.

— Ну что, пойдем соснем немного, Сабир, — предложил Джура. — Ты иди ложись, а я задам корм лошадям и тоже на боковую. Да, миску вот захвати, надо будет вернуть жене его...



Радужное настроение мое тут же исчезло, а осталось как бы недоумение: ведь утром сегодня, по дороге, втроем ели из этой миски плов, а сейчас хозяин ее уже в тюрьме, и что ждет его? Я вспомнил молчаливую, покорную женщину с ребенком на руках, ее тихое: «Когда ждать вас?» Я и не задумался о том, что подарок командира, доставивший мне столько радости, — гнедой жеребец Ураза, — был для него куда дороже глиняной миски.

— Джура-ака, что будет с Уразом?

Джура ответил не сразу. Помолчав, сказал, будто размышляя вслух:

— Что будет с Уразом, решит он сам. Все от него зависит.

И опять я не понял Джуру, но почувствовал, что он тоже думает об Уразе, и, значит, все должно быть по справедливости, и это успокоило меня.

Конечно, мне, комсомольцу и чекисту, вряд ли стоило жалеть басмача. Попадись мы с Джурой бандитам Худайберды, нас бы не пощадили и, может быть, именно Ураз расстрелял бы нас. Ведь он, оказывается, обещал повесить Зубова. И почему повесить — пули, что ли, пожалел для большевика? Но все же, несмотря ни на что, может, оттого, что мы так легко захватили Ураза и он не сопротивлялся, может, оттого, что он не держался врагом и рассказывал Джуре все, что тот хотел услышать, во мне не было ненависти к Уразу, и я видел, что и Джура, похоже, думает так же, как и я.

Когда я вошел в комнату Джуры, а теперь и мою, я увидел, что для меня поставили уже кровать у окна. Я снял сапоги, растянулся поверх одеяла, но сон не шел — перед глазами сменялись картины нашей ночной поездки. Ураз, его жена с ребенком и ее умоляющее и робкое лицо, развалины Селькелды, разговор Джуры с Уразом... Кто такой Аппанбай? А Махкамбай? Зачем Джуре прошлое курбаши Худайберды, имя его матери?

Пришел Джура, я услышал — скрипнула кровать.

— Разбудил тебя? Прости, не спится мне что-то.

— Да я и не спал, дремал только.

— Закурить хочешь?

— Нет.

— И правильно. Рано тебе. А я прежде нас * закла-

* **Нас** — род табака.

дывал под язык, да Зубов отругал. Тогда курить стал, но редко, только если устал очень. А чего не спишь?

— Да так просто. А вы?

— Хочу полежать, не думать ни о чем, а не получается, все мысль за мысль цепляется, уводит далеко... Тебе сколько лет?

— Семнадцать.

— Э-э, ребенок еще совсем. Какие у тебя заботы, какие думы, ты спать должен спокойно. — Джура вздохнул, помолчал. — А мне вот сорок. И нет покоя. И не было... Лежу, ворошу в памяти прошлое — и вижу, точно не было... Мысли такая штука, брат, дашь им власть над собой — высохнешь, живой жизни видеть не будешь. Да, а в твои годы я женат уже был. Мог бы и детей иметь — старше тебя мог сын у меня быть. Да не судил бог.

— А жена ваша... она умерла?

— Не знаю, брат, ничего не знаю о ней. — Джура снова чиркнул спичкой, затянулся. — Может, умерла, а может, и не умерла и живет где-то.

Я не спрашивал больше ничего, чувствовал — Джура не договорил, но хочет рассказать еще что-то. Он молча курил, думал, где-то далеко был в мыслях своих, потом снова заговорил:

— Я тебе сказал вчера — сам я из Тойтюбе, там и родился, и вырос там. Но родителей своих не помню...

V

Да, в тот день я услышал от Джуры много удивительного, его рассказ растревожил меня и заставил задуматься над тем, что казалось простым и ясным, и еще над тем, о чем раньше не думал вовсе. И, наверное, именно в тот день что-то переменилось во мне, я начал понимать понемногу ход мыслей и поступки человека, ставшего для меня старшим братом.

Я слушал историю его скитаний, уносился вместе с ним в далекие, сказочные города и одновременно вглядывался в его скуластое смуглое лицо, покрытое сеткой морщин, подобно треснувшей от безводья земле, ловил взгляд печальных глаз и вбирал — и что-то щемящее откликалось во мне, — слушал его голос, задумчивый и грустный, напомнивший мне звуки двухструнного там-

бура, вытесаииого из грубого дерева. И если ие умом еще мальчишеским, то сердцем я был уже с этим человеком...

А иа шее у него, справа, я заметнл рубец — след пули. Ошнблась она всего иа вершок...

— Мать, рассказывали, умерла после того, как родила меия, — продолжал Джура-ака, — а что с отцом сделалось, так я и ие узиал иавериое: один говорили, будто настигли его в степи и разорвали волки, другие — что бай, обнаружив пропажу овец, в хозяйском гиеве забил отца насмерть — в тот год раио пришли холода и стада в горах гибли... Как было иа самом деле — кто расскажет? И первое, что помню о детстве, —ие родителей, а то, как прислуживал Аппанбаю, иа побегушках был и его за отца и владыку моей жизии почитал. Голодать мие ие пришлось — в байском большом доме жнли сытио, н оставалось миого и мие, и другнм слугам, и собакам. Служба такая — ни дием ин иочью покоя не знал, все бегать куда-то прнходнлось, н каждый иадо миой был хозяии, имел власть позвать и приказать. А я был быстрым и ловким, и даже среди ночи легко просыпался от малейшего шума и бежал иа зов как послушиый пес, н поэтому меия оставили в услужеиье при доме, когда сверстиики мои отправились со стадами в горы.

Почему я говорил Уразу, что умерла жеиа Аппаибая? Помню ее и помию, как умерла, — с иеделю всего и похворала. А я уже с тебя вырос, семнадцать миуло. Жена Аппаибая была даже грамотной, хотя и злая очеиь. Своих детей учила сама, а я слушал и тоже поиемногу ума иабирался. Так иаучился читать н писать.

Когда оиа умерла, бай не взял иовую жену, а эта жена на моей памяти была у него едииствеииой, не как у других богатых людей. Стар ои был уже — семь десятков минуло. А может, имущество не хотел делить, все детям оставлял. Кто его зиает... Помию еще — ходил ои, покривнвшнсь иа левый бок: до смерти любнл бай козлодрание, сам раиьше участвовал и где-то в Туркестаие упал с лошади, сломал себе иесколько ребер... Так и остался ои жить одии, старый скособочеиный бай: новой жены ие взял, а после годовщниы смерти старой выдал дочь замуж в Ферганy, сыиа жеиил и отправил в Ташкеит, слуги постепеиио разбрелнсь кто куда, и остались в большом байском доме мы с ннм вдвоем: я прислужи-

вал ему, а он не выходил на люди и все книжки читал... Хозяйство свое большое передал сыну.

Однажды утром бай позвал меня и сказал ласковые слова:

«Джурабай, сынок. Отец твой хорошо служил мне, мать тоже. Да будет земля им пухом! И тобой я тоже доволен. — Я испугался, понял так: прогонит сейчас меня бай, а у меня ни дома, ни близких, ни денег, и не выезжал я никуда, кроме как сопровождая своего бая в недалеких поездках... Куда пойду, что есть буду, где голову приклонить смогу? Но, оказалось, ошибся я: речь бай повел о другом. — Вырос ты уже. Сколько ж тебе лет?»

«Семнадцать, бай-ата».

«Смотри, какой молодец! — обрадовался бай: чем-то я ему угодил. — Молодец, сынок! В семнадцать я уже был отцом. Теперь и тебя хочу женить. Что скажешь на это?»

Что я мог сказать, привыкший не прекословить баю? Опустил в смущении голову и молчал.

«Я так и знал, что ты согласен! — засмеялся бай. — Ну теперь иди, занимайся своими делами, а я, когда надо будет, распоряжусь».

Через неделю мулла совершил свадебный обряд; лицо жены моей было скрыто под волосяной сеткой — чачваном, и я так и не видел ее, пока мы не остались одни в комнате, выделенной нам баем в своем доме; если бы жена моя вышла из комнаты, я не смог бы отыскать ее среди других женщин.

И вот мы — моя жена и я — сидим в разных углах и не знаем, о чем говорить.

Я сказал «жена», но на самом деле это был живой дрожащий комок под цветастым платком — ни лица, ни фигуры не разглядеть. Наконец я спросил, от смущения голос мой звучал сердито:

«Как тебя зовут?»

Жена что-то прошептала, я не расслышал и переспросил, подойдя к ней ближе.

«Ортикбуш...» — Голосок ее звучал нежно, и я порадовался этому — нежно со мной еще никто никогда не говорил, но тут же, сообразив, что именно означает ее имя («ортик» значило «лишнее»), спросил брезгливо:

«Почему так назвали? Что на тебе — нарост какой-нибудь?»

Жена задрожала в испуге и склонила голову, что означало «да».

«Покажи», — сказал я и легонько толкнул ее в плечо.

Жена выпростала из-под платка руку, и я стал разглядывать: смуглая, на запястье тонкий серебристый браслет, а у мизинца я увидел маленький бугорок — нарост величиной с фасоль. Я успокоился.

«Это, да?»

Жена закивала головой.

«А я уж подумал, что у тебя два носа! — засмеялся я облегченно и несильно потянул за платок: — Сними, посмотрю на тебя».

«Нет, нет!» — быстро и испуганно прошептала Ортикбуш и еще туже завернулась в платок, и руку убрала.

«Что ж ты делаешь? — удивился я. — Боишься? Бояться чужих надо, а я ведь муж твой, Джура меня зовут».

«Я... я знаю... Только... вы бросите меня», — жалобно ответила Ортик и всхлипнула.

«Ты что, сумасшедшая, да? Почему так думаешь? И я же не байский сын, чтоб иметь четырех жен...»

«Вы не знаете обо мне... Бай-ата не сказал вам... Он в хадж собирается, и вас с собой берет...»

Новость ошеломила меня. В хадж — значит в Мекку? Бай-ата собрался поклониться святым местам? Такая поездка могла растянуться на годы, это я понимал. И почему бай ничего не сказал мне, а Ортик знает? Но задумываться над этим я не стал, а решив, что особенного худа от такого путешествия произойти не может, наоборот, это счастье выпало мне — посетить святые места, носить потом зеленую чалму и пользоваться уважением и почетом среди людей, — начал успокаивать жену:

«Ну и что ж такого? Отправлюсь в хадж с баем-ата, с ним и вернусь, не пропаду. Ты что — боишься, что не дождешься меня?»

«Нет. Сколько скажете — буду ждать».

«Так чего же плачешь?»

«Привезете из хаджа еще жену».

Я рассмеялся от души.

«Вот это сказала. Ну ты действительно сумасшедшая! Как же возьму вторую, зачем мне, если и тебя не знаю как прокормить!»

От этих слов Ортик успокоилась, перестала всхлипывать и сама подняла платок, открыла лицо. Я ахнул —

такой она показалась мне красивой. Много ли я видел женских лиц, не закрытых чачваном? Сколько времени прошло с тех пор, считай сам, идет мне сорок первый... Многое забыл и лица ее ясно не помню... Но голос и глаза — будто сейчас она рядом... Знаешь, как у овцы, — круглые, добрые, доверчивые, только заплаканные...

Джура-ака вздохнул и принялся сворачивать самокрутку; потом закурил и долго молчал; я с жадностью ждал, когда он начнет рассказывать, что было дальше.

— Всего два дня пробыли мы вместе, два дня и две ночи. А на третий собрала жена моя Ортикбуш свои узелки и отправилась на арбе в кишлак Шагози — там выделил нам Аппанбай участок земли с домом. А сам бай в тот же день выехал в Самарканд, и я сопровождал его.

Если бы аллах дал людям возможность знать наперед, если бы я хоть на секунду мог заглянуть в будущее, я забрал бы жену и бежал бы с ней куда глаза глядят. Но знать, что случится завтра, человеку не дано, да я и не беспокоился о том, что ждет меня и мою жену, а просто радовался путешествию.

Пробыли мы с баем в Самарканде неделю, потом отправились в Термез. Там мы встретились с друзьями Аппанбая и их слугами: друзья бая были богаты, как и он, и так же стары, и остаток жизни решили посвятить угодным богу делам. Всего нас отправилось в дорогу десять человек.

С такими набитыми карманами, как у этих баев-паломников, путешествовать было легко и приятно; приходилось нам ехать и на лошади, и на верблюде, а то и пешком шли, но не мучились, а в селениях богатых паломников всегда ожидали и еда, и ночлег, и лошади.

Аппанбай прочитал за свою жизнь много разных книг, считался человеком знающим и вел себя, как подобало баю-ученому. Поэтому мы то и дело задерживались в пути — поклонялись могилам святых, осматривали славные своей историей города. В Кабуле, у могилы Бабура, Аппанбай сам читал коран, а потом устроил жертвоприношение в пользу бедных и сирых мира сего. В Герате то же повторилось у могилы шейха Убайдуллы... И вот, двигаясь так неторопливо, выехав из Самарканда осенью, мы только весной достигли Каира.

Вернувшись через Багдад и Дамаск, Аппанбай и его спутники двинулись наконец к Медине. Два дня караван

наш шел через пески — ни единого деревца кругом, ни тени. Намучились мы... К вечеру второго дня приблизились к селению, заброшенному и бедному; видел Селькелды? Очень похоже. Арабы-проводники советовали остановиться здесь на ночь, видно было, чего-то опасались. Аппанбай решил заночевать. Хозяева устроились в доме с исправной крышей, а мы, слуги, улеглись кто где на каком-то дворе.

И вот тут, в заброшенном селении, в песках, и настигла нас беда, и с ночи той жизнь моя круто переменилась.

Только я задремал — слышу выстрелы, и близко. Я вскочил, выбежал на улицу, какие-то всадники летят, стреляют на ходу. Араб, вожатый каравана нашего, бежит от них, и успел я услышать, как кричал он: «Курды, курды!..» Тут меня ударило под ухом, и больше ничего не помню.

Очнулся — вижу, светает уже. Лицо, шея, рубаха на мне — все в крови. Стал кричать, звать попутчиков своих — тишина. Никто не отзывается. Бросили меня? Одного в пустыне?

Поднялся я кое-как, на шее рана болит, голова раскалывается. Доплелся до того дома, где остановились хозяева, баи наши, вошел — и в глазах у меня помутнилось, повалился я снова на землю.

Когда в себя пришел, заплакал я — от страха, от бессилия, от жалости к себе заплакал. А хозяин мой Аппанбай и спутники его лежали в крови: тут же, в доме, и кончили их бандиты. «Бай-ата!» — звал я и плакал, но никто не отозвался мне. Тогда я понял наконец, что один-единственный остался в живых в брошенном селении среди пустыни...

На мое счастье, меня подобрал караван, направлявшийся из Медины в Багдад. Я упросил караванбаши, и тот согласился взять меня с собой, поставив условием, что я пойду пешком и буду погонять верблюдов. За это караванбаши обещал кормить меня. Но и такому случаю я был рад.

И вот, слабый, отощавший и с побитыми ногами, пришел я в Багдад. И понял тут, что никому не нужная я букашка в огромном этом муравейнике, что никто не спросит меня, кто я и откуда, что у всех свои заботы, и если я помру с голоду, то туда мне и дорога.

Я дошел с караваном до базара, и здесь караван-

баши отпустил меня. Я поклонился ему и поблагодарил — он сделал для меня, что мог.

Так я оказался на багдадском базаре. Тут мог насытиться любой глаз и истощиться даже бездонный карман, душу человеческую и ту можно было б найти — только заплати,

Что такое деньги, какое это проклятие рода человеческого — только на базаре багдадском понял я. Аппанбай ведь не платил мне деньгами, только кормил да одевал. А тут узнал я, что в этом мире деньги — мать и отец. Есть деньги — весь мир твой, нет денег... Видел я на базаре купцов, что, потеряв богатство, кончали с собой, не могли пережить. Видел я и таких, что состоянием были равны шаху.

А на меня, нищего, безъязыкого, и не смотрел здесь никто — кому я был нужен! Торговые люди искали одного: удачи, денег, богатства! Деньги — вот был их пророк, базар — их Мекка. И в этой Мекке я должен был найти себе кров и еду, если хотел выжить.

Я пропадал на базаре, хватался за любую работу, базар был для меня и домом, и полем. Так прошло несколько лет. Днем я успевал думать только о куске хлеба, а ночами вспоминал родные места, жену и верил, что подвернется счастливый случай и приведет меня домой.

Однажды мне повезло — я угодил двум богатым турецким купцам, и они посадили меня на свой корабль, идущий в Стамбул. Так я оказался среди людей, которые понимали мой язык, а я понимал их.

Какими только работами не занимался я в Стамбуле, чего не насмотрелся! Наверное, единственно, чего не видел, так это денег, с которыми можно было пуститься в дальнюю дорогу к родному кишлаку, зная, что не помрешь в пути с голоду или не застрянешь в самом начале в поисках заработка и куска лепешки...

И там, в Стамбуле, в маленькой каморке за Кок-мечетью, я прожил до самой революции семнадцатого года.

Услышав об этих событиях, мои друзья, такие же бедные, как и я, с помощью своих знакомых и родственников собрали для меня деньги на дорогу в революционную Россию. Они хотели хоть как-то прикоснуться к революции и, думаю, верили, что, помогая мне, помогают и ей.

Увидев деньги и поняв, что я могу ехать домой, я заплакал.

Маленький грузовой пароходик, зайдя по пути в несколько портов, на пятый день пришел в Одессу. Оттуда через Тифлис, Баку и Ашхабад я добрался наконец до Ташкента.

На улицах Ташкента, как и в Баку и в Тифлисе, часто встречались люди с красной повязкой на рукаве, проходили отряды солдат, все двигалось и стремилось куда-то, прежнее медленное течение жизни сменилось бурным водоворотом. Я остановил молодого парня с красной повязкой — он погонял ишака, тащившего арбу с сеном.

«Слушай, брат, что творится в этом городе, куда бегут люди?»

«Вы с неба, что ли, упали, ака? — изумился парень. — Как не знаете — Куропатка в клетке сидит, свобода пришла! Сейчас вот отвезу сено домой и тоже побегу...»

Я слушал разинув рот. Куда он побежит? Вслед за остальными? А те куда? И если куропатка сидит в клетке, при чем здесь свобода? Но расспросить парня подробнее я не успел: еще не приспособился к быстроте новой жизни. Пока я закрыл рот, он уже исчез за углом. И только позднее я узнал, что куропатка в клетке была важной птицей: парень говорил о генерале Куропаткине, царском военном начальнике края.

На другой день я добрался до Тойтюбе и увидел то же, что и в Ташкенте: все спешат, кто пешком, кто на коне, сплошная суматоха. Во дворе Аппанбая полно народу, но никто из собравшихся не был мне знаком. И двор и дом сильно постарели: дом чуть покосился, а дувал местами развален.

Я назвал себя собравшимся, и нашлись старики, что помнили обо мне.

«Говорили, бай взял с собой в хадж слугу, — сказал один из стариков, — так это, значит, ты?»

«Мы думали — ты давно умер, — добавил другой. — Сын Аппанбая лет двадцать назад устраивал поминки по отцу. Так я говорю?»

«Да, так, — подтвердили и остальные аксакалы, — лет двадцать уже прошло».

«У бая был конюх, Аваз-курносый, может, он жив? — спросил я. — Когда-то мы дружили с Авазом...»

«Нет, он тоже умер, — отвечал первый старец. — Что же, родственником тебе приходился?»

«Нет, хотел у него о жене своей узнать.»

«Кто твоя жена?»

«Ортикбуш. Жила в Шагози».

Старик задумался.

«Нет, не знаю, — ответил он наконец. — Намаз-вор спалил кишлак Шагози, говорят, никто не спасся».

«А давно спалил?»

«Да как бай уехал, так скоро и спалил. Тоже, считай, лет двадцать минуло. Давние все это дела, сынок, кого найдешь теперь?..»

Душа моя, теплая и живая, сжалась от горя, и в груди стало пусто и холодно. Один я на этом свете, не дождалась меня Ортикбуш. Куда пойду теперь?..

«Не печалься, сынок, — успокаивали меня старики, — благодари аллаха, что жизнь тебе сохранил, ведь сколько бед над головой прошло! Да и кто знает, может, и жива еще твоя жена, может, найдется где-нибудь».

Я ответил, что пойду искать ее в Шагози.

«Если не найдешь жену, возвращайся, сынок, будешь жить в этом доме. Земли бая теперь наши, и дом тоже... А сын бая давно умер, сестра его неизвестно где».

Но я не думал о жилье, искорка надежды, подогретой словами доброго старика, гнала меня в Шагози. Прошел я с версту по дороге — слышу сзади топот, и нагоняет меня верховой, а с собой ведет еще коня.

«Ата велел отдать коня вам, — сказал верховой, — вернете на обратном пути», — и протянул мне поводья.

Да, брат, много на свете хороших людей. Не будь их — не сидел бы сейчас с тобой...

Приехал я в Шагози — вижу, тридцать-сорок дворов всего, бедный очень кишлак, и ни жены моей, ни знакомого лица. Из прежних жителей, людей Аппанбая, не осталось никого. Часть Намаз перебил, часть разбежалась...

«Сказывали, будто увез Намаз-вор с собой женщину одну, и будто имя ей было Ортикбуш, а с ней ребенок малый...» — вспомнила седая старуха, и больше никто ничего не знал. «Моя ли это Ортик? Мой ли ребенок?» — гадал я, но точнее узнать не мог, а следа никакого не оставалось. Искать больше было негде.

Я заехал в Тойтюбе, вернул аксакалу лошадь, поклонился старикам и отправился в Ташкент.

Ну вот, а там уже познакомился с Костей Зубовым — он в милиции работал и меня к себе взял: подру-

жились мы. Потом вместе гонялись в Фергане за Мадаминбеком и Холходжой, известные басмачи были, слыхал, наверное? А в прошлом году нас снова направили в милицию, уже сюда. Я стал большевиком, Костя меня и рекомендовал. И вот год минул, как работаю в Алмалыке. Но если слышу что-то об Аппанбае или людях его, волнуюсь и думаю о пропавшей жене моей Ортикбуш. Жива ли? Если умерла, то где могила? О ней ли говорила старуха в Шагози? И если так, то что с ребенком, с моим ребенком?

VI

В дверь постучали. Я поднялся с кровати и еще под впечатлением рассказа Джуры-ака пошел открывать. Теперь-то я понимал, почему он так долго расспрашивал Ураза!

На пороге стоял Натан, бледный и насмерть перепуганный. Я впустил его в комнату, он молча подошел к Джуре, опустился на колени и низко склонился.

— Товарищ начальник, простите меня, бедного. Я приезжий человек, родина моя Бухара, в поисках хлеба насущного пришел в этот город...

— Встань, Натан, — спокойно попросил Джура и сам стал помогать сапожнику подняться. — Ну что опять стряслось?

— Ничего, товарищ начальник, ровно ничего. — Натан поднялся с колен и сел на стул. — Вы, оказывается, схватили этого нечестивца Ураза. Большое дело сделали, товарищ начальник! — Он приложил руки к груди. — Я рад! До каких пор эти басмачи будут нас мучить?

— Разве тебя тоже мучили, а, Натан?

— А как же! Просят деньги, золото. Откуда возьму? Беден я, пятеро детей у меня, с женой вместе шесть, все кушать просят. Революция нам счастье дала...

— Зачем пришел, Натан? — прервал его Джура.

— Товарищ начальник! Не говорите обо мне разбойнику, зарежет ведь, зарежет, а я тоже человек!

— В тюрьме он, как зарежет?

— Не знаете его, товарищ начальник, сущий шайтан. Убежит.

— Это от меня-то, Натан? — удивился Джура.

— Простите, товарищ начальник, вы великий человек! Но сбежит он и от вас.

— Ураз сам сдался. Мы не ловили, — сказал я.

— Ураз? Сам? Басмач сам сдался? — не поверил Натан. — Не смейтесь надо мной, бедным, товарищ начальник.

— Правда, Натан, — подтвердил Джура. — Не веришь — спроси у него самого.

Щеки Натана порозовели.

— Ах, товарищ начальник! Вы великий человек, я маленький человек, Ураз тоже человек, наверное, кушать хочет. Разрешите, обед принесу, товарищ начальник, Ураз хворый, он плов любит.

Джура рассмеялся.

— Ладно, неси.

Натан поклонился и, пятясь, вышел из комнаты.

— И ты предлагал его арестовать, а? — насмешливо упрекнул меня Джура. — Таких, как он, много, надо привлечь их, постепенно перетянуть к нам, на нашу сторону. Тогда тоже, как Ураз, плов кушать будем, поэт...

Вошел солдат-конвоир.

— Товарищ Саидов, тот вас спрашивает...

— Кто тот?

— Да этот... басмач. Я говорю: «Спит, нельзя будить, ночь не спал, тебя, головореза, ловил». А он все свое талдычит и ругается еще: мол, важное сообщить хочу, зови скорее...

Джура вышел с конвойным, скоро вернулся, бросил мне с порога:

— Вставай, браток, найди Зубова скорее, а я еще с Уразом побеседую...

Начальника милиции я нашел у амбара — провожал в Тангатапды последнюю арбу с пшеницей. Джура уже ждал нас в кабинете Зубова.

— Басмачи готовят нападение на продотряд, идущий в Чадак, — встретил он нас новостью.

— Откуда сведения?

— Ураз сказал. В пятницу обоз должен выйти из Коканда. У Чадака — засада Худайберды.

— Османов! — позвал Зубов.

Вошел конвоир.

— Приведи Ураза... А не врет он, Джура?

— Верю ему.

— Уж очень многим ты веришь... Как бы не вышло нам боком!

— Послушайте лучше, что он предлагает. «Отпустите меня, — говорит, — я приведу вам тех, что в засаде. Старший — уйгур, Абдуллой зовут. Не ладит с Худайберды».

Конвоир ввел Ураза. Теперь он не прятал, как утром, взгляд, держался смелее. «Решился», — подумал я.

— Не обманываешь нас, Ураз?

— Не люблю обманывать.

— Сколько их будет в засаде?

— У Абдуллы двадцать человек. Пойдет он — пойдут все.

— Как узнал, что продотряд выйдет в пятницу?

— Худайберды сказал. В Коканде его человек есть. Большой человек. Я раз видел, угощал его Худайберды. По имени и кто такой, не знаю.

— Бежать хочешь, а, Ураз?

— Жить хочу, — глухо молвил Ураз и опустил голову. Потом добавил: — Отпустите — всех их приведу сюда. Только есть условие.

— Какое?

— Не сажайте их. Ведь вышел такой приказ, слыхал я.

— Османов! — распорядился Зубов. — Уведи.

Конвойный вывел Ураза.

— Ну, Джура, что делать будем?

— Разреши, Костя!

— Сбежит — потом волосы на себе рвать будем.

— И все-таки разреши. Я с группой пойду в Чадак; если Ураз не приведет людей Абдуллы, троимся в Коканд, навстречу продотряду.

— Хорошо, — подумав, согласился наконец Зубов. — Только с Кокандом связаться надо будет, пусть отряд укрепят.

Конвоир привел Ураза.

— Отпускаем тебя, — сказал Зубов. — Но если обманешь, найду и пристрелю, помни!

Ураз улыбнулся, оскалил зубы.

Когда он в конюшне седлал хромоногую клячу, мне стало жаль его. Отпускаем на волю, а коня что ж, отобрали? Я кивком показал Уразу: можешь взять своего гнедого. Ураз обрадовался:

— Брат, если будет все хорошо, сам найду для тебя

коня. А этого жеребца я и Худайберды не уступил. Тоскует он без меня... — И, выехав уже на улицу, обернулся и крикнул мне: — Эй, милиция! Большое дело сделал! Не забуду твою доброту. Ураз еще покажет себя, да!

И погнал коня.

Но не получилось так, как хотел Ураз, как хотел Джура. То, что произошло в Чадаке, свинцовой тяжестью легло на мою душу.

Когда мы с Джурой и с нами отряд милиционеров вошли в Чадак, мы увидели у крайних домов двадцать один труп. Двадцать басмачей лежали, расстрелянные, и с ними Ураз.

Случилось это так: узнав от Зубова о предполагавшейся засаде, член Кокандского ревкома Саидхан Мухтаров лично возглавил продотряд. Когда они подошли к Чадаку, навстречу вышел Ураз. «Двадцать джигитов Худайберды согласны сдаться красным, Зубов знает, а Джура-милиция уже выехал сюда с отрядом принять пленных», — вот что сказал Ураз Мухтарову. Мухтаров распорядился, чтобы басмачи вышли и сдали ему оружие и коней. Басмачи согласились. Как Ураз уговорил их сдаться — никто уже не расскажет... Когда басмачи остались без оружия, Мухтаров приказал связать их; связали и Ураза.

— Что ты делаешь! — возмутился Ураз. — Мы же добровольно перешли к вам!..

В ответ Мухтаров хлестнул его нагайкой по лицу.

И тут только Ураз узнал в нем человека, которого угощал Худайберды. Но было поздно...

Обо всем этом услышал я через шесть лет, когда Мухтарова нашли и арестовали.

А мы — мы опоздали на час. Боясь разоблачения, Мухтаров расстрелял всех пленных.

Это была настоящая беда. И те басмачи, что колебались и могли бы уйти от Худайберды, теперь становились нашими заклятыми врагами.

— Ты предатель! — кричал Джура в лицо Мухтарову. — Судить тебя будут, я добьюсь!

— Попробуй! — равнодушно отвечал Мухтаров. — Попробуй, но что это даст? Правильно я сделал! Они хитростью хотели взять нас, но мы их опередили. А кто поверит тебе, полумулле, двадцать лет жил где-

то в чужой земле, неизвестно чем занимался, а потом втерся в ряды большевиков!

Джура побелел от гнева.

— Возвращайтесь и передайте Зубову, что Кокандский ревком выражает вам благодарность за своевременную помощь... — распорядился Мухтаров.

Жители кишлака помогли нам похоронить убитых. Потом мы молча двинулись к Алмалыку, но, едва отъехали, Джура заставил меня вернуться:

— Стой! Надо забрать у них коня Ураза! Догони их!

Мухтаров не стал спорить, отдал гнедого.

Когда я вернулся к своим, Джура глянул на осиротевшего жеребца и сказал только:

— Хороший человек был Ураз. Те джигиты тоже стали бы хорошими людьми... — И больше до самого Алмалыка не проронил ни слова.

На следующий день я увидел — Джура собирается в дорогу. Еще прежде Зубов составил и отослал в Ташкент рапорт, где обвинял Мухтарова в убийстве басмачей, согласных сдаться властям.

Пришел Натан. В лице, в глазах печаль.

— Товарищ начальник, возьмите, Ураз оставил у меня... — и протянул Джуре маленький мешочек. По щекам Натана скатились две слезинки. — Как умер, а? Пусть земля ему будет пухом!

В мешочке было несколько серебряных колечек, серьги, два золотых браслета.

— Это все... — горько вздохнул Натан. — Все, что осталось от него. Я не успел продать...

Джура передал мешочек мне, сам оседлал коня. Натан все это время тихо стоял рядом с опущенной головой. Потом не выдержал:

— Товарищ начальник, что со мной будет?

Джура не понял вопроса, пожал плечами.

— Всей душой умоляю, товарищ начальник, не отправляйте в Сибирь! У меня даже ватника нет дома, был, да жена ребятишкам безрукавки сделала!

— Какая Сибирь, Натан, что за ватник?

Я тоже ничего не понимал.

— А разве вы меня не посадите?

— А за что, Натан?

— Ну все же... Продавал ворованные вещи... Помогал внутреннему врагу... Вы же понимаете, товарищ начальник, жить-то надо!

— Иди, работай спокойно. Никто не собирается сажать тебя, — ответил Джура.

— Ах, долгой жизни я вам желаю, товарищ начальник, очень долгой... — Натан снова заплакал. — Если не от меня, то от аллаха... — он запнулся, — хочу сказать, от государства воздастся вам за благодеяние.

— Сабир, — сказал Джура, — составь опись, и пусть Натан распишется...

— Спасибо, спасибо, ах, товарищ начальник... Не успел продать...

Я повел Натана к себе, составил акт о передаче в милицию награбленных вещей. Золотые браслеты были из тех, о которых говорила певица Уктам. Прав оказался Зубов: вернули-таки золото.

Джуры не было три дня. Зубов сказал, что он уехал в Бештерак. На четвертый день я ехал с милиционерами на стрельбище и увидел далеко на дороге двух конных. Одного сразу узнал по посадке — Джура. А когда приблизились, узнал и второго: это была жена Ураза. Ребенка Джура держал на руках.

VII

В конце сентября в кишлаках стало особенно беспокойно — дурные вести приходили каждый день. Басмачи не нападали теперь целой бандой, а разбивались на группы в несколько человек и кусали исподтишка, но часто и в разных местах одновременно. Трудно было понять — то ли мало осталось у них людей, то ли берегут силы, готовятся к решительному нападению. В Чадаке убили молодого парня, учителя, приехавшего, как и я, по путевке комсомола. Только день и успел поработать... В Тангатапды басмачи напали на обоз, отвозивший в город на продажу урожай фруктов. Еще в одном кишлаке растерзали корреспондента ташкентской газеты и тело сбросили в обрыв...

В кишлаках портились собранные овощи, виноград, яблоки, дыни, амбары были переполнены, а тут еще зачастили дожди, на дорогах слякоть. Арбакеши отказывались пускаться в путь без охраны, каждый неболь-

шой обоз сопровождали несколько милиционеров. Нам тоже приходилось охранять обозы, свободного времени почти не было, но по настоянию Зубова все наши работники и милиционеры еще и занимались ежедневно: тренировались в стрельбе, ездили верхом, а я учил грамоте тех, кто не знал ее. Неграмотных было много, не все хотели учиться, некоторые увиливали, и тогда Зубов распорядился повесить в коридоре милиции лозунг: «Кто не учится, тот внутренний враг!»

Лозунг показался мне очень страшным, и я было попросил Зубова заменить его на другой, помягче, но начальник не согласился. Потом грозный плакат примелькался, и, как бывает обычно, люди перестали замечать его.

Я привык к новому месту, новым товарищам, а работа моя даже стала мне нравиться, хотя стихи писать я не бросил и даже показывал их Джуре, а он подшучивал надо мной: «Поэт», объясняя этим и неумелость мою, и незнание людей, и увлечение крайностями... Меж тем я научился прилично стрелять, владеть саблей, только вот замучил меня жеребец Ураза. С неделю после смерти хозяина гнедой ничего не ел, глаза сделались тусклыми, стоял, опустив голову, не шевелился. Если я входил в конюшню — перебирал ногами, оглядывался на меня и снова замирал. Только через неделю начал пить, потянулся к кормушке. До того никого не подпускал к себе, лишь жену Ураза, а теперь давал мне подойти и погладить себя. Еще через неделю я сел на жеребца верхом и несколько раз объехал двор. И наконец я приучил гнедого к себе. Товарищи завидовали мне, просили разрешения прокатиться на таком знатном скакуне, но гнедой никого из них не подпускал — кусал или лягал, если подходили сзади. Признавал только меня да жену Ураза, Зебо.

Зубов устроил ее было на хлопковый завод, но она осталась жить в нашем общежитии. Убирала, смотрела за лошадьми — в одной руке ребенок, в другой метелка или тряпка.

Все звали Зебо «апа», что означало «старшая сестра», хотя была она совсем молоденькая, всего лет семнадцати. Ходила, как жеребец Ураза, с опущенной головой, с нами почти не разговаривала, не спрашивала, не отвечала на вопросы, только с Зубовым держалась свободнее. Быстро справлялась со всеми своими делами и

тихо сидела на крылечке, молчаливая, уставившись в вдаль невидящим взглядом.

Горе ее было известно всем, но как помочь ей, как вернуть к жизни — мы не знали. Завидев ее сидящей в печали на крыльце, Зубов начинал ворчать:

— Доченька, сколько можно убиваться так, ведь бела света не видишь! Твой муж был хороший человек, да и все-таки басмач... Что уж теперь поделаешь? Терпеть надо. Ты молодая еще совсем, все у тебя будет, сам найду для тебя настоящего джигита... Ну хватит, хватит, вставай!..

Зебо молча вставала, не прекословила, молча же делала что-нибудь по хозяйству и опять возвращалась на свое место на крылечко. Можно было подумать — ждет кого-то...

— Ну что ты за человек! — сердился Зубов. — Ведь погибнешь так! Хоть о ребенке подумай, на кого оставишь?

В базарный день Джура принес, положил у колыбельки ее сына кусок шелка. Зебо отодвинула подарок. Вмешался Зубов:

— Зачем обижаешь человека? Он по-большевистски дарит, помочь хочет, а ты отказываешься. Бери!

Зебо заплакала.

— Ну что поделаешь с ней, сумасшедшая, да и только! — огорчался Зубов.

Думая о Зебо и ее погибшем муже, я вспомнил рассказ Ураза о предстоящей свадьбе Худайберды и както спросил Джуру:

— Что, женился уже курбаши?

— На свадьбе захотелось погулять, да?

— А что ж! Интересно, какая свадьба бывает у басмачей! Посмотреть бы...

— Я тоже об этом думал... Нет, не женился еще курбаши, отложил свадьбу. Оплакивает джигитов Абдуллы.

— Так, может, еще попадем к нему на свадьбу, а?

Джура не ответил.

Кроме участия в операциях и учебы, приходилось мне еще возиться с бумагами. Зубов поручил мне навести порядок в документах управления и в том числе заново составить протокол о расстреле сдавшихся в плен басмачей в Чадаке.

Оказывается, Зубов после того трагического случая

послал в Ташкент жалобу на Саидхана Мухтарова, но ответ получил такой: «В нашем деле эксперименты недопустимы. Отвечаете своим партбилетом». Джура хотел было сразу же ехать в Ташкент, но Зубов уговорил его подождать до зимы: через два месяца, в январе, в Ташкенте будет общее собрание народной милиции республики, тогда и нужно обратиться либо в спецотдел, либо к самому комиссару лично... А пока следовало подробнее составить протокол, записать допрос Ураза.

Пока я занимался документами, Джура и Зубов думали о том, как разделаться с курбаши Худайберды. Я ничего не знал об их планах, но в один прекрасный день Джура оторвал меня от бумаг вопросом:

— Слушай, Сабир, ты ведь хотел видеть, как женится басмач?

— Конечно, а что?

— Тогда собирайся. Завтра свадьба Худайберды.

Сборы мои были недолгими: оседлать гнедого, взять оружие. Мы тут же пустились в путь и на рассвете были в Шагози — маленьком кишлаке у подножия гор. Я помнил этот кишлак по рассказам Джуры — сюда уехала его Ортикбуш — и теперь с интересом разглядывал его: домов немного, сорок или пятьдесят, но видно, что кишлак сравнительно зажиточный. Я знал, что басмачи не тревожили Шагози, и ходили слухи, будто доставляли они сюда награбленное в других кишлаках.

Остановились мы в доме единственного здесь милиционера, Шадмана-охотника. Это был пожилой и многодетный пастух. Когда-то в молодости он, охраняя байское стадо, застрелил двух волков и тем заработал себе славное прозвище «охотник». И после, когда спрашивали его об имени, всегда уже называл себя Шадман-охотник.

Кишлак Шагози прикорнул у подножия гор, совсем близко к басмачам — приходи да грабь, а уйдешь потом в горы — ищи-свищи тебя...

Но старый Шадман держался спокойно, помощи от нас не требовал, да я и не помню случая, чтобы он столкнулся с басмачами. Была здесь какая-то тайна, но такого случая, чтобы он явно навредил нам, тоже известно не было. Так или иначе, когда нам нужно было что-нибудь в Шагози или заезжали сюда, мы всегда обращались к Шадману, и он не отказывал в по-

мощи. Тут вроде все было ясно. А вот то, что он не обращался за поддержкой и с просьбами к милиции, было гораздо интереснее. Я подозревал, что старый Шадман одинаково хорошо ладит и с милицией, и с басмачами: мол, когда ты брал — я не видал. И такое случалось в те дни.

Сегодня он встретил Джуру словами:

— Ничего не мог узнать для тебя, братец. Видно, потерял ты след.

Я понял — Джура просил Шадмана узнать что-нибудь о своей пропавшей жене.

— Говорят, есть в округе два-три старика, которые жили здесь раньше, да как найдешь? Времена неспокойные, сам видишь. Однако постараюсь, постараюсь... Вы по этому делу сюда или как?

— На свадьбу хотим попасть, — ответил Джура.

— Да. — Шадман-охотник покачал головой. — Думаешь, перейдет?

— Поговорим, тогда и увидим.

— Нет, этот не перейдет, не жди. И помощь ему поступает из Оша, силы у него большие... Но вообще-то, конечно, кто знает, кто знает...

Шадман налил нам чаю, мы выпили по пиалушке и поднялись.

— Место все то же? — спросил Джура.

— Да, только будь осторожен. Не дразни его...

Тон, каким сказал эти слова Шадман-охотник, не сулил нам ничего доброго. И правда, куда нас несет? Разве басмачи выпустят живыми?

Джура заметил мое волнение, но ничего не сказал мне, а ответил Шадману:

— Послов не убивают.

Мы выехали из Шагози, и сразу начался подъем. Мелкий холодный дождь, ветер пронизывает насквозь, вершины гор белые от снега — такой запомнил я дорогу на перевал.

Наконец тропинка повела вниз. И тут навстречу нам выехал всадник, при сабле, за плечом винтовка.

— Кто такие?

— Люди Аппанбая, — ответил Джура.

Басмач не понял.

— Не знаю никакого Аппанбая, но лошадь под товарищем твоим — Ураза.

— Саидхан дал. Проводи к Худайберды.

Басмач, видно, не знал, на что решиться. Джура заметил его колебания и распорядился властно:

— К земле прирос, да? Чего медлишь? Веди!

Басмач буркнул что-то себе под нос, но все же повернул лошадь и повел нас вниз. В ущелье дорогу нам преградили еще четверо верховых.

— От Саидхана, — сказал им басмач, и они повели нас дальше, в горы.

Я не понимал, почему Джура назвался человеком Аппанбая, почему объявил, что мы от Саидхана. Что еще за Саидхан? Даже обиделся немного...

Потом уже Джура сказал мне, что сердцем чуял — связан Саидхан Мухтаров с басмачами. Он рисковал, конечно, называя это имя, но не ошибся. Единственного, кто мог бы рассказать нам правду — Ураза, — Мухтаров убил. Но если не был он врагом, почему расстрелял людей, сдавшихся в плен, почему не подождал нас?

Когда мы поднялись на второй перевал, ветер разогнал тучи, и видно было, что солнце уже клонится к закату.

Вдали, на равнине, поднимались в разных местах струйки белого дыма. Мы начали спуск, и скоро порыв ветра донес до наших ушей звук бубна. Тех четырех конных, что сопровождали нас, сменили уже другие четверо — постарше, возрастом равные Джуре, и снаряжены были побогаче: хромовые сапоги, чапаны из бекасама, у всех английские винтовки.

Проехали еще километра два, и видны сделались шатры, послышались громкие голоса, смех, долетел запах только что закрытого для упарки плова.

Шатров близко стояло с десяток, а сколько за ними, я не мог сосчитать. Два шатра в центре украшены были особо: на одном ярко-красное полотнище, и поверх наброшено семь-восемь бархатных паранджей; второй шатер белого войлока, покрыт был с одной стороны красным ковром. А вокруг, на траве, еще ковры, войлочные паласы. Дальше, за шатрами, возле ручья, у большого костра собрались люди. Видны большие и малые котлы, и доносятся оттуда дразнящие запахи. Вокруг котлов, напевая, расхаживают повара, полы узорчатых халатов заткнуты за пояс, а на поясах у кого ножи, а у кого и сабля. Мы среди праздничных приготовлений, видно, не привлекали внимания, лишь один из поваров пригляделся и крикнул:

— Смотрите, Ураз! Эй, давай сюда!

— Твой Ураз давно в могиле. Это конь его, — ответил кто-то.

— Стой! — распорядился один из провожавших нас басмачей. Мы остановились, с нами остались трое конных, четвертый подъехал к белому шатру, спешился и, подняв полог, шагнул внутрь.

Я не видел уже ничего вокруг, сердце моё бешено колотилось, и существовал только белый шатер, откуда должен был вернуться басмач и объявить нашу судьбу. Рука моя сама потянулась к оружию, машинально я расстегнул кобуру и, поймав себя на этом движении, глянул на Джуру. Он тоже напряженно смотрел на белый шатер, но почувствовал мой взгляд, обернулся и, поняв, видно, мое волнение, успокаивающе прикрыл глаза. Не бойся, мол, все в порядке.

Да я и не боюсь. Но если случится что, так просто им не дамся. Краем глаза глянул на ближнего басмача. Тот дремал в седле. Второй был рядом с Джурой. Ладно, со своим я справлюсь, второго сомну лошадью, а Джура тем временем достанет пулей третьего, что держится за нашими спинами. Если быстро разделаемся с ними, успеем уйти. Только далеко ли? Ладно, нам лишь бы добраться до перевала. Я глазами указал Джуре на конного позади нас, он кивнул.

В это время четвертый басмач вышел из-за полога шатра и не спеша пошел к нам.

— Оружие сними, — приказал он Джуре. Тот спокойно отдал басмачу саблю и маузер.

— Ты тоже, — обернулся басмач ко мне. Я глянул на Джуру. — Не бойся, не пропадет, — успокоил басмач.

Я спешился и отдал револьвер и саблю.

— Да, парень, когда бы вы пришли не от Саидхана, распрощался бы ты с этим конем! — осклабился басмач, взяв у меня поводья. Потом обернулся к Джуре: — Идите.

Я все еще не знал, кто такой Саидхан, почему это имя охраняет нас и открывает нам дорогу. А спросить у Джуры нельзя было — басмачи провожали нас до самого шатра.

Мы вошли за полог.

На алом ковре, опираясь на бархатные подушки, расположились трое: по краям два почти уже старика,

а между ними в центре молодой, богато одетый, на плечи накинут халат, шитый золотом. Это и был, видно, курбаши Худайберды. В первое мгновение, увидев эти густые брови вразлет и темные пристальные глаза, я опешил: почудилось, что сидит на почетном месте Джура. Но нет, вот он, рядом, мой товарищ. А правда, похож на него курбаши. Недаром спрашивал, значит, Ураз тогда на дороге, не байского ли рода Джура-милиционер.

Джура поздоровался, курбаши еле ответил, указал рукой, где нам сесть. Один из приближенных его советников прочел молитву, другой передал Джуре пиалу с чаем...

— Что шлет нам Саидхан? — спросил курбаши.

— Ничего. — Джура твердо смотрел в глаза Худайберды. Курбаши понял его по-своему.

— Можешь говорить.

— Я по своему делу.

— Кто ты? — удивился курбаши.

Джура достал из кармана гимнастерки удостоверение ГПУ и протянул Худайберды, тот взял и долго рассматривал.

— Так это ты и есть — Джура-милиционер?

— Да.

— Знаю тебя. Много хлопот нам доставил.

— Работа такая, — улыбнулся Джура.

— Я не слыхал, что ты наш... Этот тоже? — Худайберды кивком указал на меня.

— Да.

— Ты говорил моим джигитам, что вы люди Аппанбая. Кем доводишься ему?

— Я был его слугой. Он брал меня в хадж...

Джура коротко рассказал о хадже, о страшной гибели в пустыне Аппанбая и всех его спутников. Курбаши внимательно слушал, а когда гость кончил, долго молчал; его советники, видно, ждали слова предводителя.

Наконец заговорил один из стариков.

— Стоит ли много переживать, бек? — начал он медленно. — Вашего покойного отца, Аппанбая, аллах принял в свои владения, он в раю вместе со святыми. Ваш покойный ныне брат — мир праху его! — устраивал в свое время поминки по отцу, и была прочитана заупокойная молитва, и народу было не перечесть. Слава аллаху, все было как надо — достаточно и почестей,

и уважеиия. И еще скажу, бек: ие та мать, что родила, а та, которая воспитала. Махкамбай вырастил и воспитал вас, волей аллаха вы стали большим человеком. Да, ваш отец — великого рода, и это тоже по воле аллаха. Не горюйте, мой бек!

— Ты причинил нам боль, — сказал Худайберды, глядя исподлобья иа Джуру. — Мы слыхали о том, что отец погиб в пустыне, ио рассказ твой сжал нам сердце. Домулла, прочитайте молитву в память моего отца, мир праху его!

Старик, что возиосил молитву вначале, прокашлялся и напевио стал читать суру корана. Когда он закоичил, Джура, я видел, хотел было что-то спросить у курбаши, ио тот остаиовил его, а советникам сказал:

— Одарите их одеждой, они дорогие гости иа иашей свадьбе. Аминь!

Мы поднялись, направились к выходу, и тут курбаши спросил вслед:

— Как, говоришь, звали жеиу твою, милиционер?

— Ортик, Ортикбуш...

— Да, Ортикбуш. Ты иашел ее?

— Нет. След теряется в Шагози.

— Будет на то воля аллаха — иайдешь ее, милиционер.

Мы вышли иаружу. Вечерело. У шатров зажжеиы были уже иесколько костров, летели искры, вокруг плясали, что-то пели, ио из-за пьяных выкриков я ие мог разобрать слов. В общем, каждый иа этой свадьбе веселился как мог.

Повииуясь слову Худайберды, нас усадили иа огиеиио-красиый ковер, расстелили перед иами достархаи, принесли горячие лепешки, сушеиые фрукты, блюдо с мясом. Увидев посыпаииые душистыми семенами лепешки, услышав восхитительный аромат мяса, я почувствовал такой голод, что все страхи и сомнения уиеслись, как искры от костра, и главное, о чем я заботился, — как бы ие иаброситься волком иа предложенные яства и не нарушить приличий.

Джура сидел рядом со мной, был печален и даже ие смотрел на достархан. Я не понимал его и не мог тогда понять: мы сидим среди басмачей как почетиые гости — вряд ли Джура мог предполагать, что нас ожидает такая удача, — так чего ж тут печалиться? Ку-

шать надо! Не часто мы с ним видели перед собой такое богатое угощение.

Если б я тогда мог догадаться, что же мучает Джуру, я хоть как-то поддержал бы его и не вел бы себя как мальчишка: продолжал уплетать за обе щеки, даже бузы выпил. Не знай я наверное, что гостим мы на свадьбе Худайберды, подумал бы я, что сидим мы с Джурой среди бродячих артистов. Вокруг веселились, кричали, немного поодаль человек семь-восемь сидели кружком, а один в середине — мне показалось, уйгур — задушевно пел. Я пригляделся — совсем молоденький парнишка, прижал к груди дутар, глаза закрыты, весь в игре, в песне...

Но удивили и привлекли меня не мастерская игра и пение, а слова песни, смысл ее. Кругом кипело свадебное веселье, а в песне басмача не было ни игривости, ни радости, ни мечты, разливала она боль человека, потерявшего надежду на счастье, горькая была песня.

Когда веселье чуть поутихло, начали раздавать плов, и нам с Джурой принесли слова Худайберды — курбаши звал нас угощаться в кругу приближенных. Помню, что удивили меня стоявшие в ряд огромные расписные китайские блюда, и я подумал еще: где они их взяли, как доставили в глухие горы — уму непостижимо...

Плов был приготовлен искусно. Мы брали его горстью, проводили рукой, уминая, чтоб взятое не рассыпалось, по жирному краю блюда и несли ко рту...

— Говори, милиционер, что могу сделать для тебя? — сказал Худайберды, вытирая после плова руки.

Джура попытался изобразить улыбку.

— Ничего мне не нужно. Прожил двадцать лет на чужбине, стосковался по родной земле, по узбекской свадьбе — вот и захотел посмотреть. Этот, молодой, тоже напросился. — Джура глянул на меня: — Ну что, нравится тебе здесь?

— Лучше не бывает!

— Э-э, малый, не видел ты настоящей свадьбы, — покачал головой курбаши и тут же похвастался, и я понял, что он тоже пил бузу: — Вот прогоним гяуров, той закачу на всю землю святую, весь мусульманский род удивлю! Приезжайте тогда, гостями будете.

— А уверены вы, бек, уверены, что прогоните? — спросил Джура, и я напрягся весь, ожидая ответа курбаши.

— А ты сам что скажешь, милиционер?

— Я? — Джура будто бы задумался. — Я?.. Вот если бы нам еще пять-шесть таких смелых и мудрых, как вы, бек...

— Правильно говоришь, — согласно кивнул Худайберды. — Таких, как я, мало, да и те, что были, погибли уже... Эх, да что уж, — он решительно махнул рукой, как бы пресекая неуместную на свадьбе беседу. — Не будем ныне об этом... Моя свадьба сегодня, девушка красивая ждет меня. В горах тоже жена нужна... Как ты говоришь, милиция, твою жену звали? Ортикбуш, да?

— Так, — подтвердил Джура.

Худайберды задумался.

— Мою мать тоже звали Ортикбуш. Почти не помню ее, но знаю: когда было мне два года, Намаз выкрал нас, Махкамбай выкупил и женился на моей матери. Но она умерла в том же году...

— У нее на руке на левом мизинце нарост был, с фасольку всего... — продолжал Джура, будто и не слышал слов курбаши.

— А ты откуда знаешь? — быстро спросил Худайберды, и я почувствовал его тревогу. В глазах у него больше не было тумана, смотрел напряженно.

— Я рассказываю вам, бек, о своей жене, — глядя ему в лицо, говорил Джура. — У Аппанбая не было жены по имени Ортик.

Глаза Худайберды горели как у волка, сам побледнел, но не шевелился. Странно смотрел он на Джуру. Потом отвел взгляд и улыбнулся одними губами:

— Думаю, отец не отчитывался перед тобой... — Поднялся, распорядился властно: — Домулла, пора, приступайте к обряду!

Толпа джигитов проводила курбаши к красному шатру под паранджами, где ждала его невеста.

— Едем, — шепнул мне Джура.

Увидев, что мы собрались в путь, нам принесли наше оружие. Опять четыре басмача проводили нас до перевала и там передали другим.

— Сердце мое чуть не разорвалось, боялся за вас, — так встретил нас в Шагози Шадман-охотник. — Ну что, согласился?

— Поживем — увидим, — ответил Джура.

Мы двинулись дальше, и до самого Алмалыка Джура ехал молча, казалось, не видя дороги, уронив руки на луку седла. Я знал, что мучило его, но помочь или хотя бы посоветовать что-то путное казалось мне невозможным.

В управлении нас встретил Зубов, выбежал во двор:

— Ну?

— Костя... — сказал ему Джура, — Худайберды... Худайберды — мой сын!

VIII

Я сидел в управлении за бумагами и не мог работать — все думал о Джуре. Что будем делать теперь, что Джура будет делать, каково ему сейчас?..

Пришла Зебо с ребенком на руках, хотела убрать комнату. И впервые заговорила со мной:

— Боялась я... Ураз рассказывал — у курбаши злое сердце, не любил его.

— Ну не такой уж он и злой, этот курбаши. Мы с ним из одного блюда плов ели!

Зебо не поверила. Подняв край платка, внимательно смотрела на меня узкими киргизскими глазами.

— Правда, — добавил я. — Были на свадьбе его, из одного блюда с ним ели и бузы выпили...

— Что ж тогда Джура... Джура-ака печальный такой?

Я хотел было сказать Зебо, потом раздумал. Захочет Джура — сам объяснит ей. Но что-то надо было ей ответить, и я вспомнил о Саидхане. После нашего возвращения от Худайберды Зубов сообщил в Ташкент, что Саидхан связан с басмачами. Никто не сомневался теперь, что Мухтаров и есть тот самый Саидхан, имя которого открыло нам дорогу к Худайберды. Но Мухтаров успел бежать: пока из Ташкента пришел в Коканд приказ об его аресте, Мухтаров исчез. Только через шесть лет он был пойман таджикскими чекистами в Хороге, все шесть лет, работая в сельсовете, вредил как мог. Из Хорога его переправили к нам, и я допрашивал убийцу Ураза... Потом его осудили.

Но сейчас я только мог сказать Зебо:

— Среди нас был враг, он предал Ураза.

— Поймали?
— Нет еще.
— Ураз хорошо говорил о Джуре-ака.
— Джура хороший человек.
— Почему живет один?
— Нет никого родных, — ответил я и тогда впервые вдруг подумал: «А что, если поженятся они, Зебо и Джура-ака? Ведь здорово было бы!.. Сейчас оба несчастны, а соединятся — заживут счастливо!» Я решил было поделиться своим открытием с Зубовым, но не успел, отвлекли срочные дела. Опять пришлось собираться в Шагози.

Приближалась зима, и все труднее было поддерживать связь с кишлаками. Дороги раскисли, подвод мало. Басмачи почувствовали себя свободнее, нападали все чаще.

Больше нельзя было медлить. Захватим мы Худайберды и его отряд, мелкие группки, действующие вокруг Ахангарана, станут бессильны, и справиться с ними будет проще.

Зубов попросил подкрепление из Ташкента, а до его прибытия мы тоже не сидели сложа руки. Джура сам было хотел ехать к Худайберды, но начальник не разрешил.

— Он ведь не признал тебя за отца, — сказал Зубов. — Вырос у бая, им воспитан. Разве такой человек назовет отцом бедняка? Думаю, он не обрадуется, может и пристрелить тебя, рука не дрогнет. Лучше сделаем так: Шадман-охотник отнесет ему письмо от нас. Дадим неделю срока. Придет сам — сохраним ему жизнь. Нет — пусть знает, мало осталось гулять на свободе. Возьмем его с боем.

И вот я повез в Шагози письмо, адресованное Худайберды. В письме сказано было, что Джура отец его, что из уважения к отцу и памяти матери ГПУ просит его сдаться без боя, выйти самому. Это облегчит его вину. В противном случае ему больше не на что рассчитывать — и он, и его басмачи будут уничтожены.

Шадман-охотник с письмом отправился дальше в горы, к басмачам Худайберды, я же вернулся в Алмалык. Сюда уже прибыл из Ташкента кавалерийский эскадрон, и мы с нетерпением стали ждать ответа кур-

баши. Я от души желал, чтобы Худайберды сдался, чтобы признал Джуру, чтобы с криком «Отец!» бросился ему иа грудь...

Худайберды, конечно, посадят, и иадолго, ио ведь вернется же ои, вериется к отцу! Может, сделается даже его помощником, он, видио, ловок и смел, решителен он, курбаши Худайберды. А если еще Джура-ака жеиится иа Зебо, все будет хорошо, все будут счастливы и спокойиы!

Через шесть дней мы получили ответ, его прииес младший сын Шадмана-охотника. Худайберды спустился со своим отрядом в Шагози и повесил всю семью Шадмаиа. Младший сын, на счастье, был в тот день в степи и так спасся.

Мы тут же пустились в путь, эскадрои сопровождал иас. Да, прав был домулла, утешавший Худайберды: «Не та мать, что родила, а та, которая вырастила». Махкамбай на славу воспитал своего приемного сыиа.

Ночью мы подошли к Шагози и окружили кишлак с трех сторои, оставив одии путь — в горы. А там басмачей ждала засада.

На рассвете комаидир эскадроиа послал к Худайберды человека — в последний раз курбаши предлагали сдаться, и он опять отказался.

Начался бой. С выстрелами, с дробью пулемета мешались крики женщин и детей. Только к полудию мы выгиали басмачей из кишлака. Оии было подались в горы, но сверху их осыпали огнем ожидавшие в засаде бойцы. Басмачи метались, как волки, попавшие в капкаи, но бежать им было некуда.

И тут иа склоне горы, над обрывом, показалась группа всадников — там, видно, была тропа, о которой мы не знали.

— Это Худайберды! — крикнул мне Джура и бросился к лошади. Я пустился за ним, и вот тут-то убедился, что конь Ураза ие зиает себе равиых. Мы с Джурой иастигали басмачей, и я вырвался далеко вперед. Басмачи сначала, видно, уверены были, что сумеют уйти и не стреляли, но, когда я приблизился, над ухом моим свистиула пуля.

— Стой, Сабир, стой! — кричал мне Джура. Я не поимал, чего он хочет, но задержался, подождал его. Обогнав меня, Джура приказал: — Держись за мной!

Мы поскакали рядом — конь Ураза не хотел идти

позади, и я еще раз увидел, как стреляет Джура. Два выстрела — два басмача свалились с лошадей.

Третья лошадь несла двоих.

— Не стреляй, — крикнул мне Джура, — там женщина... В парандже...

Я разглядел — синяя бархатная паранджа была на женщине, в день свадьбы курбаши она покрывала шатер невесты...

Мы догоняли Худайберды.

Вдруг женщина покачнулась, наклонилась вбок и упала с лошади на тропу.

— Посмотри, — бросил мне на ходу Джура и помчался вперед, а я еле остановил коня, спешился, подбежал к женщине. Она тихо стонала. «Жива», — обрадованно подумал я и тут заметил рукоять ножа: Худайберды ударил ее в бок. Я скорей вытащил нож из раны, женщина потеряла сознание.

Подоспели бойцы эскадрона, я поручил им жену Худайберды, а сам пустился вдогонку за Джурой — он спустился по склону куда-то ниже. Обогнув скалу, я увидел впереди двух уходящих вскачь басмачей: Худайберды шел вторым; позади, шагах в пятидесяти, поспевал за ними Джура. Я пустил своего гнедого вдогонку, нагнал Джуру и крикнул — почему не стреляет? Патроны кончились? Я поднял винтовку, взял на мушку Худайберды — и два одновременных крика остановили меня.

— Не стреляй! — крикнул мне Джура.

— Не стреляйте, отец! — донесся голос Худайберды.

«А, теперь, значит, признал отца!» — мстительно подумал я, но хлопнул выстрел, конь мой споткнулся, и я вылетел из седла. «А-а-а!» — раздался страшный крик, и я успел понять, что это ранен Худайберды.

Когда я через короткое время очнулся от удара о землю и поднял голову, первое, что я увидел, — недалеко от меня Джура сидит на корточках подле Худайберды. Второго басмача не видать — ушел, наверное.

Хромая, опираясь на винтовку, как на палку, я подошел к Джуре. Глаза Худайберды были закрыты, но он был еще жив.

— У тебя есть вода? — спросил Джура.

Я протянул флягу. Джура отвинтил колпачок, приложил горлышко ко рту Худайберды. Тот глотнул раз, другой, открыл глаза. До сих пор помню его лицо: как

у ребенка, что очнулся от страшного сна. В глазах его я увидел слезы.

— Похороните... рядом с матерью... — еле слышно выдохнул он. — В Чусте...

Джура не ответил, поднял голову сына и снова дал ему пить. Но пить Худайберды уже не стал, побелевшие губы его дрогнули, он захрипел, будто пытался что-то сказать, рука сползла с груди, тяжело упала на траву.

— Все, — сказал Джура. Я глянул ему в лицо, и мне стало страшно. Тут бабахнуло сверху, я быстро обернулся, увидел на скале над нами фигурку с винтовкой, быстро выстрелил в ответ, не знаю, попал ли. Басмач исчез, я обернулся — и... Джура лежал рядом с Худайберды.

— Джура-ака! Джура-ака! — звал, кричал, плакал я. Но он не отозвался.

Джуру перевезли в Шагози, здесь и похоронили. Я попросил было отвезти его в Чуст, похоронить рядом с женой, но Зубов не согласился.

— Нет, Сабир, Джура должен лежать здесь. Тут он служил, на этой земле пролил кровь. Придет время — Шагози назовут кишлаком Джуры Саидова...

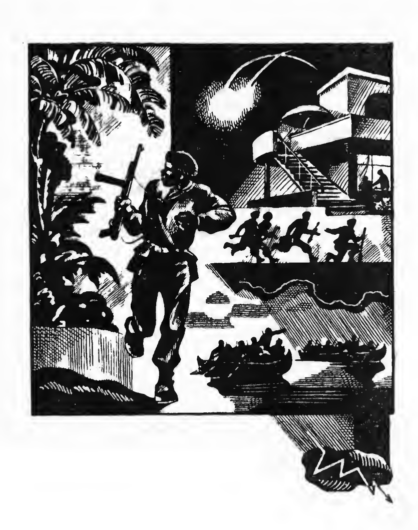
И вот сколько уж лет прошло. Когда мне бывает трудно, когда я не уверен в себе или не знаю, какое принять решение, я вспоминаю его. Я спрашиваю его, а он, живой в моей памяти, отвечает мне, Джура-ака, старший брат.

Алмалык теперь большой город, и кишлак Шагози тоже разросся, здесь много народу, поднялись кирпичные дома, проложены хорошие дороги, только никто не говорит теперь «Шагози» — называют просто Джуракишлак.

Когда я приезжаю сюда, встречаюсь с Зебо — она здесь председатель сельсовета. Ее сын Бохадур стал большим ученым. Иногда мы все вместе собираемся, едем к могиле Джуры, вспоминаем его, вспоминаем прошлое. Вот и сегодня я вспомнил тоже...

Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева

Евгений КОРШУНОВ



Гроза над лагуной

ГЛАВА 1

— Тише вы там!

Майор Хор яростно выдохнул эту фразу в микрофон, прицепленный к пропотевшему воротнику пятнистой, видавшей виды куртки десантника. И черная тень каноэ, скользившего позади метрах в двадцати, словно споткнулась: ровный и ритмичный всплеск весел враз прекратился, было видно, как в ночной темноте с их лопастей скользила, голубовато фосфоресцируя, вода.

Ночь была глухой и безлунной, и Майк еще раз порадовался этому. Конечно, побережье, перерезанное узкими заболоченными местами, охваченное скользкими переплетениями мангровых зарослей, не охранялось, но все же кому охота умирать от шальной пули перепуганного африканского полицейского, вздумавшего вдруг проявить бдительность.

— Скоро?

Хор нетерпеливо подтолкнул Майка плечом.

— За мысом будут пальмы...

— Ты точно знаешь?

В возбужденном голосе майора слышалось сомнение. Майк усмехнулся.

— Я здесь родился.

Хор промолчал. Затем он оглянулся в темноту.

— Раз, два, четыре, шесть... Все! — с удовлетворением сказал он и включил микрофон. — Говорит Пума. Приготовиться...

Шесть вертких рыбачьих каноэ бесшумно двигались вслед за лодкой командира ударной группы майора Хора. Майк участвовал в операции в качестве его заместителя и, несмотря на молодость, имел звание капитана: во-первых, он был европейцем, во-вторых, англичанином, в-третьих, он родился в Богане и лучше всех знал место начавшейся операции.

Получив в девятнадцать лет звание капитана, он начинал неплохо: остальные офицеры в тех же чинах были

людьми гораздо более солидного возраста, уже повидавшими виды. Почти все они воевали и на Мадагаскаре, и в Алжире. Были среди них ветераны войны в Нигерии и Судане. Кое-кто сражался в Дофаре.

Майк Браун очутился в учебном лагере португальских войск всего лишь три месяца назад. Ему было четырнадцать лет, когда власти Боганы иацонализировали огромные плантации каучуконоса-гевеи и какао, приносившие семейству Браунов миллионные доходы. Правда, за плантации Браунам была выплачена в виде компенсации кругленькая сумма. Отец Майка, Фред Браун, кроме того, успел заранее вложить капиталы в кое-какие надежные предприятия в соседней португальской колонии — словом, с голоду Браунам умирать не пришлось. Вся семья, включая миссис Браун, мать Майка, и двух его сестер, спокойно перебралась через границу и поселилась в главном городе колонии, где Фред Браун вскоре стал известным, уважаемым бизнесменом.

Но, несмотря на то, что и климат, и условия жизни здесь были почти такие же, как в Габероне, столице Боганы, Майк чувствовал себя здесь чужим. Ему не хватало города его детства, пыльного и бестолкового, выросшего на берегу лагуны, на месте, где когда-то португальские купцы поджидали караваны рабов, прибывавшие из глубины диких и мрачных лесов Западной Африки. Майку не хватало диких зарослей и мангровых болот, в которых он привык охотиться, католической школы Святого Спасителя, где учились лишь белые дети да отпрыски очень богатых африканских семейств. Не хватало, наконец, старого, построенного еще в колониальном стиле дома на берегу лагуны, дома, где он родился и вырос.

В новом городе у семейства Браунов дом был получше. В школе, а затем в колледже, где учился Майк, черных не было и в помине. Но когда друзья отца (а их и здесь у Брауна-старшего оказалось предостаточно) заводили разговор о Габероне, лицо Фреда Брауна темнело.

В день, когда Майку исполнилось девятнадцать лет, отец пригласил его в свой кабинет и молча протянул ему местную газету — неряшливый листок с текстом на португальском и английском языках: редактор, полицейский сержант в отставке, судя по многочисленным ошибкам, не знал как следует ни того, ни другого. На первой полосе было отчеркнуто одно из объявлений.

Некий Смит прнглашал на хорошо оплачиваемую работу мужчни в возрасте до 50 лет, любящнх прнключеиия, ие боящнхся опасностей н (желательно) нмеющнх опыт военной службы.

Майк и раньше видел это объявлеиие. Контора мистера Смита (никто ие зиал подлниное нмя плотного молчаливого человека иеопределеиного возраста, содержавшего оффис иа одной из тихих улочек) вербовала людей для участия в различного рода «горячих» делах.

Отец, высокнй, сухой, резкий, шагал по плотному ситетическому ковру стальиого цвета. Густой ворс ковра глушил его твердые шаги. Ои был в старой зеленой куртке с оттопырнвшимися погончиками и плотных брюках, заправлеииых в ннзкие сапоги. Старый Брауи только что вериулся с охоты: вместе с иесколькнми белыми колонистами, тоже изгианиымн нз Боганы, ездил в саванну стрелять аитилоп. Даже ие переодевшнсь, ие передохнув с дороги, ои сразу же поднялся к себе в кабннет н потребовал Майка.

— Ты знаешь, что это такое? — сказал он, кивиув иа газету в руках сыиа. Его холодиые серые глаза былн прнщурены, седая щетина, выросшая за время, проведенное в савание, резко выделялась иа желто-красиой коже щек и подбородка.

Майк любил отца и боялся его. С пяти лет отец брал его с собой иа охоту. Он словно приучал сына к постоянным опасностям афрнканского буша, к обманчивой тишине зеленых рек, к миражу мангровых болот. Отец чувствовал там себя ие хуже африкаицев-проводнников, хорошо чнтал следы, разбнрался в повадках животных н птиц. Богана стала его второй роднной, н ои ннкогда ие вспомниал об Англни. Дома бывал редко: охота и плантации, плантации и охота заннмали все его время. Но когда Майк бывал с отцом, он порой ловнл на себе его взгляд: и в этом взгляде сквозь холод и равиодушие проскальзывало прнстальное винмаиие.

В день, когда Майк выиграл первый приз клуба «Стар» за стрельбу по движущимся мишеиям, когда ои, счастливый, радостный, шел иа свое место с новым, только что врученным ему президентом клуба ружьем и взглянул в лицо отца, сидевшего в первом ряду почетных гостей, он увндел, что на бесстрастиом, желтом от тропического загара и хинниа, иссечеином глубокн-

ми резкими морщннами лнце Фреда Брауна что-то дрогнуло. Впрочем, может быть, Майку это только показалось.

И сейчас, когда отец указал на газету в руках Майка, Майк вспомннл о том мгновеннн.

Отец был возбужден и взволнован: не в его обычаях было входнть в кабинет в грязной охотннчьей одежде. Да н с сыном он никогда не говорнл таким тоном — неуверенным, почтн нзвнняющнмся.

— Вндит бог, — задумчнво пронзнес отец, — я сделал все, чтобы не впутывать тебя в эту нсторню. Но Крюгер прав... (Майк знал, что Генри Крюгер возглавлял «Союз белых Боганы» — всех тех, кто лншился в Богане плантаций и бежал в колонню к португальцам.) Мы должны действовать сейчас, еслн хотнм вернуть то, что этн ублюдкн отнялн у нас. И нашн дети должны быть в первых рядах борьбы за нх же будущее.

Майк уднвленно пожал плечами. Он осмелился на этот жест — ведь сегодня отец впервые говорил с ннм как со взрослым.

Фред Браун прошелся по кабинету. Это была просторная комната с огромным столом-сейфом посереднне. Стальные тумбы матово поблескивалн, мягкий серый пластик на поверхности стола успокаивал глаза после яркого афрнканского солнца.

Стенку напротив окна — высокого, от пола до потолка — занимал длинный и ннзкнй бар. Над ним внсела шкура зебры, две любнмые винтовкн отца с оптическнмн прнцеламн и «токннг драм» — «говорящий барабан» нз Боганы.

Отец не храннл свон охотннчьн трофеи — он раздарнвал нх друзьям, хваставшнмся потом в Европе подвнгамн в афрнканском буше. Для друзей он держал н бар: сам Браун-старшнй не курнл н почтн не пнл, счнтая, что алкоголь и ннкотнн убивают в нем охотннка, расшатывают нервы н прнтупляют зренне.

Майк, как н отец, не курнл н не пнл даже пива. Он был высок, крепок, ловок. И в школе Святого Спасителя в Габероне, потом в португальском колледже девушки откровенно засматривалнсь на этого парня с удлнненным, открытым лицом, коротко остриженными мягкнмн каштановымн волосамн и добрымн каримн глазамн с длннными женскнми реснннцамн.

Майк смущался н краснел. Но нн для кого в Габеро-

не не было секретом, что ему нравилась Елена Мангакис — дочь Бэзила Мангакиса, грека с паспортом США, работавшего по направлению ЮНЕСКО советником при Мануэле Гвено, молодом министре экономики Республики Богана.

Елена училась в школе Святого Спасителя и из одноклассников выделяла сына советского журналиста, прожившего в Богане с перерывами уже лет десять. Парня звали Женя Корнев (в школе его называли Юджин или Джин). Он был на год моложе Майка и жил в Габероне с шестилетнего возраста. Его отец — рассеянный, рано располневший человек с близорукими добрыми глазами — пользовался в Богане уважением. Он написал об этой стране две книги и готовил третью.

Майк втайне испытывал чувство ревности, когда видел Елену с Джином, но виду никогда не подавал: он считал, что настоящий мужчина не имеет права терять над собой контроль.

И сейчас, когда отец словно оправдывался перед ним, Майк думал лишь о том, чтобы сдержаться, не расплакаться по-мальчишески, не кинуться к отцу и не сказать ему, что он, Майк, все сделает, все, что скажет отец, только не надо вот так, не надо оправдываться... отец не должен быть таким.

Но лицо Майка было спокойно. И отец ходил по кабинету, опустив глаза, и его сапоги тонули в ворсе ковра, как во мху высохшего болота.

— Поверь мне, иного пути нет, — говорил отец теперь уже подчеркнуто ровным голосом. — Насилие всегда претило мне. Но мы с тобой... (он взглянул сыну в лицо) сами стали жертвами насилия. Мои плантации создавались годами. Для них вырубались джунгли, проводились отводные каналы. Я научил этих черных ухаживать за гевеей. Я!

Фред Браун остановился. Он был бледен от ярости. Таким Майк тоже видел его впервые.

— Там, на охоте, — продолжал отец, — эти болтуны вроде Крюгера посмели меня упрекнуть в бездеятельности. Им мало тех тысяч, которые я вложил в...

Он внезапно осекся, затем глубоко вздохнул. Глаза его потеплели, тяжелая рука легла на плечо Майка.

— Ты должен быть там, сынок. Португальцам не хватает преданных людей, солдаты — сброд, а наемники... — Он махнул рукой. — И «Союз» решил, чтобы

наша молодежь тоже взяла оружие. Вам пора взрослеть. В конце концов, это борьба за жизнь. Дарвин прав — побеждает и выживает сильнейший. Впрочем...

Браун-старший помолчал, словно раздумывая над чем-то. Затем продолжал твердым голосом:

— Ты поступишь в подчинение к майору Хору. Я велел ему позаботиться о тебе.

Сколько времени прошло с момента этого разговора? Всего лишь несколько недель? Или, может быть, целая вечность? Португальцы умели обучать «командосов» — инструкторы из стран НАТО знали свое дело.

И вот первая группа десантников, начиная операцию «Сарыч», шла к предместью Габерона, столицы Боганы, города, в котором Майк родился и вырос.

ГЛАВА 2

Майк с детства увлекался моторными лодками. Желтая лагуна была для этого идеальным водоемом, и Майк уверенно мог пройти по ней в любую погоду, даже ночью. Неясные тени на берегу говорили ему больше, чем маяки, легчайшее движение воздуха подсказывало путь в темноте по изгибам лагуны, от которой поднимались тяжелые, душные испарения.

Течение здесь постоянно менялось — то в одну сторону, то в противоположную — в зависимости от прилива и отлива. Порой оно было таким сильным, что даже легкие, узкие африканские каноэ с трудом могли идти против него. Песок засыпал фарватер, и каждое утро африканцы-смотрители сновали по лагуне, отмечая длинными шестами, воткнутыми в дно, путь для небольших катеров, таскавших плоскодонные баржи.

Для каноэ же было не страшно любое мелководье. Именно поэтому были забракованы десантные моторные лодки, предложенные было для операции губернатором колонии генералом Спинолой, выделившим в распоряжение десантников два фрегата и четыре корабля береговой охраны. Конечно, каноэ были более хрупкими, мотор на них не поставишь, но зато они были легки и бесшумны.

В группе майора Хора было лишь двое белых — он сам да Майк. Солдаты же были африканцами, больше половины из них — боганийцы.

Все они знали, что Майк родился в Богане. Некото-

рые даже говорили, что помнят его — в конце концов, в Габероне было не так-то уж много белых!

Частенько вечерами, когда в офицерском клубе становилось чересчур шумно и густой табачный дым, смешанный с парами алкоголя, ел глаза, Майк любил бродить по лагерю. В густой вечерней тишине гулко тарахтел дизельный движок, снабжавший электроэнергией штаб, офицерский клуб и двухэтажное здание, где жили белые наемники. Черные солдаты жили в обычных хижинах, беспорядочно разбросанных по территории лагеря — куску буша, кое-как огороженному проволочной сеткой. Хижины строились самими наемниками: каркас, плетенный из прутьев, обмазывался латеритом, сверху нахлобучивался конус тростниковой крыши. Внутри несколько циновок из рафии да пустые консервные банки с аккуратно закругленными краями. Кое у кого были самодельные деревянные чемоданы с маленькими, но хитрыми висячими замочками, изготовленными местными кузнецами.

По вечерам уставшие после учений солдаты сидели около своих хижин на корточках или скрестив босые ноги на грязных циновках, лениво играли в измочаленные карты или пели грустные, монотонные песни, закрыв глаза и раскачиваясь. Рядом с каждым стояла тщательно вымытая эмалированная миска, разрисованная цветами — красными или желтыми. Чадили жаровни, и горластые толстые мамми — торговки — время от времени нетороплива помахивали ярко раскрашенными тростниковыми веерами над багровым мерцанием углей, на которых в чаду жарились куски переперченного мяса или птицы.

Солдатской столовой в лагере не было, и пронырливые, разбитные мамми были здесь желанными гостями: часовые, скучавшие у проходов в колючей проволоке, которой был обнесен лагерь, пропускали их сюда беспрепятственно, а офицеры давно уже махнули рукой на то, что по лагерю бродят посторонние. Многие солдаты обзавелись семьями, кое-кто держал по две-три козы. Майк иногда присаживался у какой-нибудь чадящей жаровни, и его всегда с удовольствием угощали печенной на углях козлятиной, мясом со жгучим соусом из красного перца, иногда кислым пальмовым вином.

Размякнув после сытной еды, солдаты рассказывали о себе. В лагерь наемников, готовящихся к высадке в Бо-

гаиу, вели пути миогочислеииые и разиые. Были здесь и оказавшиеся на мели бедолаги безработиые, прошедшие в поисках счастья всю Западиую Африку и спавшие иа тротуарах всех западноафрикаиских столиц. Иногда им удавалось иа какое-то время закрепиться на одном месте — получить работу, скопить иемиого деиег и иачать мелкую торговлю. Но местные жители, недовольные коикуреицией пришельцев, изгоияли их, в коице коицов, с помощью властей, охотио делавших это ради укреплеиия собствеииой популяриости.

Такие считались людьми бывалыми. Оии быстро примечали, где что плохо лежит, и частенько дезертировали, прихватив казеииые вещички — от одеял до ящиков с мылом: мечты о собствеииых лавочках не оставляли их иикогда.

Были в лагере и матерые уголовиики, бежавшие из Богаиы, грабители и лесиые разбойиики, чьи лихие баиды взимали иа иочиых дорогах даиь с покорных, примирившихся с иеизбежиым злом торговцев, но были разгромлеиы новыми властями. Такие вели долгие и завистливые разговоры со вздохами и уиылыми паузами о тех, кто удачио и быстро разбогател. Они спорили о том, как скорее и легче достичь богатства любыми средствами, а потом зажить в свое удовольствие, иичего ие делая и иаслаждаясь всеми запретными плодами цивилизации белых, принесеииой из-за океаиа и расцветшей уродливым цветком на почве, возделаииой колоиизаторами.

Интересио было слушать и разговоры другой категории обитателей лагеря. Это были обозлеииые иа весь мир честолюбцы, которых иазывали «идейиыми противииками режима». Недоучившиеся студеиты с амбицией премьер-мииистра. Самолюбивые и заиосчивые клерки, видевшие себя «отцами иации» и ради этого готовые служить кому угодно. Разгульиые сынки владельцев магазиию, коифликтующих с властями Богаиы из-за ограиичеиий, введеииых на импорт товаров, которыми торговали их расчетливые папаши. Были здесь и сторонники политикаиов, иедурио живших при колоиизаторах и оказавшихся ие у дел после провозглашеиия независимости. Для этих вопрос свержеиия радикальиого правительства Богаиы был вопросом жизии: в случае удачи они виовь вериулись бы в офисы с коидициоиироваииым климатом и оказались бы при каком-ибудь министерстве, из которого выжали бы все и для себя лично, и во славу и процветаиие

своей многочисленной родни. Такие рвались в Богану. Они старательно учились обращению с оружием, и белые офицеры-наемники доверяли им больше других.

Майк вспомнил о них, когда сержант по имени Аде, сидевший на носу каноэ, вдруг обернулся:

— Мистер Майк...

— Ну?

— Здесь... Я чую...

Португальцы не утруждали себя проверкой черных солдат. По их мнению, черные были просто не способны на какие-нибудь авантюры, требующие долгого обдумывания, а уж на борьбу во имя политических принципов — тем более. Но об Аде было известно, что он служил телохранителем одного из погибших в автомобильной катастрофе политиканов, бежавшего из Боганы к португальцам. Этого было более чем достаточно.

Сейчас голос Аде был хрипловат от волнения: он давно уже не бывал в родных краях.

— Я из здешней деревни, на другом берегу лагуны. А здесь брали песок...

Да, Майк тоже узнал это место. Он помнил его: здесь, на самом мысу, у рухнувшей в воду старой пальмы, стоя по пояс в воде, африканцы наполняли тяжелым серым песком большие корзины, сваливали их в неуклюжие лодки, опрокидывали — и так до тех пор, пока лодки не оседали в воду почти по самые края бортов.

Потом лодки тащились к берегу, и опять наполнялись корзины, на этот раз шла разгрузка. Вода стекала сквозь прутья, мускулистые тела двигались ритмично, уверенно. На берегу росли горы песка, солнце сушило его на глазах: из серого он превращался в желтый, затем в белый.

Толстяк в пышной национальной одежде — широкополой длинной рубахе с просторными, закидываемыми за плечи рукавами — считал корзины и делал отметки в клеенчатой тетради.

Время от времени на берегу появлялись грузовики. С них соскакивали грузчики с лопатами — такие же ловкие и мускулистые, как и собиратели песка, толстяк указывал им гору посуше, и она быстро исчезала в кузове. Грузчики лезли в кузов, усаживались на песок, и машина, тяжело урча, уходила в город. В последние годы Габерон лихорадочно строился, и песка нужно было немало.

Вечером собиратели песка иногда оставались на бе-

регу. И тогда далеко вокруг чувствовался тошнотворный запах пальмового масла, на котором они готовили себе ужин.

Майк приходил сюда ловить рыбу: вечерами здесь было тихо, и на улов везло, а к запаху пальмового масла можно довольно быстро привыкнуть.

Аде был прав. Майк глубоко втянул воздух: так и есть, пахло пальмовым маслом. Значит, здесь высаживаться нельзя. А ведь отсюда метров четыреста до дороги, где их должен был ожидать полицейский грузовик, чтобы доставить десантников к полицейской казарме — старому бараку милях в пяти от берега. В задачу группы Хора входил бесшумный и быстрый захват здания. Это обеспечит безопасную высадку других групп.

Майк всмотрелся в темноту: так и есть, на берегу было видно слабое мерцание догоравшего костра.

— У них собаки, — прошептал Аде.

Собак он не мог видеть, но Майк знал, что габеронцы держат часто сразу по нескольку низкорослых желтых и черных дворняжек, которые иногда идут в пищу.

— На середину лагуны, — решительно сказал Майк.

Хор удивленно вскинул глаза.

— Сбились с пути?

— Там, где мы хотели высадиться, — люди...

— Черные? — презрительно спросил Хор.

Майка от его тона слегка покоробило.

— И черные и белые кричат одинаково, — спокойно ответил он.

Каноэ бесшумно и быстро шли по течению. Был прилив, и океан наступал на лагуну. Мыс с пальмами остался позади. Здесь Майк обычно клал румпель своей моторки налево, а там... Да, там были огни одного из домов Фреда Брауна. Его арендовал Мангакис, и Майк там часто бывал... почти каждый раз встречаясь с Джином Корневым.

Джин был на год моложе Майка. Проучившись в школе Святого Спасителя, он уехал в Союз (так говорили Корневы о России), но приезжал к отцу каждый год на каникулы и жил в Габероне по три-четыре месяца. Отец заставлял его ходить в это время в школу, чтобы не забыть английский язык, и парень страшно злился.

Но на следующий год он приезжал опять, иногда с матерью. Она обычно жила в Москве, где надо же было кому-нибудь присматривать за подростком!

«Интересно, где же Корневы сейчас? — подумалось Майку. — Ведь у Джина каникулы».

Огоньки на берегу увеличивались, приближались. Берег здесь был пологий и твердый, до шоссе — рукой подать. Вспомнив об этом, Майк даже удивился: как это он раньше не додумался — идеальное место для высадки!

— Держать на огни! — приказал он.

— Отлично, сынок!

Твердость его голоса понравилась Хору.

Каноэ резко свернули к берегу — туда, где Майку было знакомо каждое дерево в саду двухэтажной белой виллы, все комнаты которой были сейчас ярко освещены.

Бэзил Мангакис только что сделал коктейль — свой любимый, «Эль президенте», и принес его в сад Корневу. Передав стакан гостю, он уселся в легкое кресло, плетенное из разноцветных пластиковых шнуров, и с наслаждением вытянул ноги.

Он был среднего роста, широкоплеч и, несмотря на свои пятьдесят шесть лет, узок в поясе. Коричневая трикотажная рубаха, распахнутая на груди, обтягивала мускулистый торс атлета. Густая шевелюра увеличивала и без того крупную голову. Из-под широких бровей пронзительно смотрели черные, как антрацит, глаза.

— Что же вы льете сюда? — спросил Корнев, отхлебнув из низкого и широкого розоватого стаканчика, протянутого ему Мангакисом.

— Ром, лимонный сок, сахар и лед.

Круглолицый, пожалуй, излишне полноватый Корнев хитро улыбнулся.

— Э-э, нет, — погрозил он со смехом хозяину дома. — Вы что-то скрываете. Я знаю «Эль президенте». Но откуда у него этакая... я бы сказал... свежесть?

— Ладно, так уж и быть!

Мангакис с наслаждением отхлебнул из стакана, шутливо вздохнул.

— Пользуйтесь моим открытием... Я добавляю сюда несколько капель болгарской «мастики», что-то вроде водки с запахом капель датского короля. Мне тут знакомый из болгарского торгпредства подарил несколько бутылок, вот я и экспериментировал.

Он подмигнул.

— Хорошо все-такн быть международным чнновннком. В вашем посольстве меня угощают водкой. Французы предлагают отличное внно...

— А что англнчане?

Грек помрачнел.

— Вы спрашнваете это лншь затем, чтобы еще раз услышать о моей любвн... (он выделнл голосом последнее слово) к этнм носнтелям демократнн?

Корнев почувствовал себя неловко.

— Извнните, Ннкос.

Мангакнс поспешнл сменнть тему:

— Вы мне лучше скажнте, когда появнтся мой дорогой шеф мнстер Гвено? Откровенно говоря, блестящнй молодой человек. Отличный экономист, умница, а вот кое-какне африканскне черточкн ему все-такн мешают, напрнмер неточность.

При свете, падавшем с веранды в сад, Корнев задумчнво смотрел на Мангакнса.

Кто он, этот непонятный челове? Его лоб нсполосован глубокими морщннамн. Левая щека обезображена белорозовым, не поддающнмся загару рубцом. Подбородок тяжелый, квадратный, решнтельный. В черных блестящих глазах глубокая грусть, сменяющаяся напряженной настороженностью.

Они знакомы уже много лет, но что он, Корнев, в сущности, знает о Мангакнсе?

Советннк словно прочел мысли Корнева.

— Все наблюдаете, — сказал он н непонятно почему вздохнул, отвернулся, забарабанил пальцамн по своему стакану. Неожнданно он обернулся и глянул прямо в лицо гостя:

— Скажите... вы вернте в предчувствня?

Лицо его было напряженно-вннмательным.

— Я верю в телепатню, — отшутился Корнев.

Грек не принял шутки.

— Нет, — покачал он головой. — А я... не то чтобы верю в предчувствня... — он улыбнулся беззащнтной н грустной улыбкой, — но вот уже несколько дней, как мне почему-то очень тревожно.

Корнев прищурнлся.

— Это потому, что газеты и радно уже много недель твердят о предстоящем вторженин?

— Нет!

Советннк резко отодвннулся.

— Оин не посмеют!

— Почему же? — спокойио продолжал Корнев. — Правнтельство Боганы зашло, по их мнеиию, достаточно далеко. Монополиям здесь уже не развернуться. Собственность иностранцев практнческн нацнонализнрована. Земельиая реформа идет полным ходом. И еслн этот процесс не остановить...

— Вы с ума сошлн! — почтн выкрнкиул Маигакнс. — Ведь это только экспернмент!

— Вот те, кто готовит вторженне, и не желают продолжения этого экспернмента, — жестко отрезал Корнев. — Кроме того, еслн для вас лично это эксперимент, то для боганнйцев это выбор будущего.

— Ладно...

Мангакнс махнул рукой. Он был взволнован, лнцо его напряглось.

— В конце концов, сейчас уже не время «дипломатни канонерок». Вторгнуться в незавнснмую страну, чтобы свергнуть правительство, это уж слишком.

— И тем не меиее вы не хуже меня зиаете, что всего в какнх-инбудь ста пятидесяти мнлях отсюда португальцы обучают наемников.

Мангакис неожндаино усмехнулся.

— Знаете что, Николас? — сказал он с грустной улыбкой. — А я ведь думал, что здесь, в Африке, я в общем-то найду то, что нскал много лет, — покой. Покой, ннтересную работу. Буду воспитывать дочь и ловнть рыбу. И ннкакой политнкн. Быть вне лагерей — не бороться, а просто жнть — без побед, но зато и без поражениі.

Корнев промолчал. Он тянул коктейль и смотрел в небо. Луиы ие было, н звезды казались особеино яркимн. С океана время от временн набегал прохладный, пахнущнй прелымн водорослями ветерок и шелестел в невиднмых гривах высокнх королевскнх пальм, гладкнми серыми колоннами стоящих в саду.

Корнев перевел взгляд в глубину сада по направленню к лагуне. Там, облокотясь на белый камень парапет, лнцом к лагуне, стоялн юиоша и девушка — Евгеннй и Елена.

— Не люблю, когда опаздывают. Даже миинстры! — проворчал хозяин дома.

Корнев взглянул иа часы.

— Скорее всего он в штабе «борцов за свободу».

Мистер Кэндал разыскивал его по всему городу, звонил даже мне.

Мангакис помрачнел.

— Ох, как не нравятся мне эти срочные встречи с Кэндалом.

Он встал, расправил плечи, сделал несколько шагов по саду, затем резко обернулся.

— Кстати, почему вы упорно называете Кэндала «мистером», а не товарищем? Ведь он не скрывает, что он марксист, а его «борцы за свободу» собираются после изгнания португальцев строить «новое общество»?

— А вам это не нравится?

Грек внимательно посмотрел на него и отвернулся. Он молча смотрел в темноту, в сторону лагуны.

— Завидуете?

Корнев чуть заметно кивнул на расплывчатые силуэты Елены и Евгения.

— Я?

Мангакис пожал плечами, сел в заскрипевшее кресло и откинулся на его пружинистую спинку. И опять при свете, падавшем с веранды, Корнев заметил на лице отца Елены грустную улыбку. И вдруг тот заговорил — медленно, словно в раздумье:

— А вы никогда не ощущали той пустоты в душе, когда страсти не остается, когда все проходит — и любовь, и ревность, и когда воспоминания становятся мучительными?

Корнев удивленно посмотрел на Мангакиса. Потом непроизвольно поднес к лицу левую ладонь, стиснул большим и указательным пальцами переносицу, провел их снизу вверх, сдвигая тяжелые очки на лоб, надавил пальцами в уголки глаз и зажмурился. В мозгу вспыхнули желтые молнии, глаза пронзило болью... Корнев всегда делал так, снимая усталость глаз: это была спасительная привычка, Африка все-таки давала себя знать.

— У вас, наверное, есть что вспомнить?—осторожно спросил он.

Мангакис понял и мягко улыбнулся.

— Разве я похож на героя-любовника?

Он кивнул в сторону лагуны, где Елена и Евгений о чем-то оживленно разговаривали.

— Ее мать тоже звали Еленой.

Корнев удивленно вскинул голову — Мангакис никогда раньше не говорил о своей жене.

— Она... жива?

— Жива, — просто ответил Мангакис. — Живет в Штатах, вышла замуж за преуспевающего врача. — Он поднес к губам стакан. — Когда во время отпуска мы бываем в Штатах, дочь встречается с нею.

Корнев задумчиво смотрел прямо перед собою.

— Вы никогда не рассказывали мне о матери Елены... Она красива?

— Для меня — да. Вам может показаться странным, но мы увидели друг друга — я говорю «увидели» по-настоящему, как мужчина и женщина могут увидеть друг друга, — во время отступления. Это было в сорок девятом. Мы проиграли гражданскую войну. Моя бригада была выбита из гор и отходила к морю. Елена присоединилась к нам с остатками одного небольшого отряда, тоже отходившего к побережью. Она прекрасно стреляла из пулемета и тащила его на себе, никому не доверяя: высокая, тоненькая, волосы как у мальчишки. Пилотку она потеряла, но куртка и брюки на ней были такими, будто она их только что отгладила.

Последний бой мы дали почти у самой кромки воды. За нами было море, море и баркасы, которые пригнали для нас местные рыбаки.

С нами были раненые, женщины и дети. Я приказал спасать в первую очередь их. Остальные залегли за камнями. Фашисты знали, что нам никуда уже не уйти и мы будем драться до последнего. Они сидели и ждали, пока не подвезли минометы. Когда взорвалась первая мина, я увидел Елену. Она поднялась и пошла с гранатами вверх, по склону горы, прямо на фашистов. И мы все пошли за ней. Это было безумие, и я вдруг понял, что все эти дни, пока мы, оборванные, грязные, усталые, отступали к морю, Елена была дорога мне. Она была тогда такой же, как наша дочь сейчас, — высокой и очень тонкой.

А потом... потом я очнулся у рыбаков. Меня, контуженного, Елена притащила в рыбачью деревню. Там нас долго скрывали под ворохом старых сетей.

Потом мы переправились на Кипр, с Кипра на Мальту. Обвенчались мы в Ливии. Родители выслали мне денег на дорогу, и мы уехали в Штаты к моим родственникам.

Он вздохнул и замолчал.

— Значит, вы сражались в Греции, — с уважением заметил Корнев.

— Нет, нет! — заторопился Мангакис. — Я не был коммунистом. Но когда в 1936 году в Греции пришел к власти фашистский режим Метаксаса, я вместе с коллегами-студентами пытался бороться против него. Родители отправили меня доучиваться в Англию. Там я получил диплом экономиста. И буквально влюбился в эту страну: после фашистского террора Англия стала для меня идеалом законности и демократии.

В Грецию я вернулся в 1941 году — с английскими «командосами». Мы боролись уже против немецких фашистов. Потом, в сентябре 1941-го, был создан ЭАМ — национально-освободительный фронт Греции. Партизаны объединились в армию освобождения — ЭЛАС. У меня была военная подготовка, полученная в Англии. Англичане способствовали моей карьере в ЭЛАС: я стал командиром бригады. Но когда в октябре 1944 года ЭЛАС освободила почти всю Грецию, англичане высадили на нашей земле войска и вместе с греческими фашистами ударили по нашим отрядам. Английская разведка, видимо, считала меня своим человеком: я должен был со своей бригадой по их приказу в нужный момент неожиданно ударить по ЭЛАС.

Мангакис усмехнулся.

— А я дрался против фашистов и англичан. И должен сказать — дрался упорно.

— Я помню, в те дни все наши газеты были забиты сообщениями из Греции, — задумчиво сказал Корнев. — Я учился в университете и писал стихи о гражданской войне в Греции.

— А мне тогда было тридцать пять. И стихов я уже не писал. В Штатах родственники помогли мне устроиться на преподавательскую работу. Пришлось, правда, сменить имя — ведь я был «красным».

— Собственно, без помощи американцев фашисты вряд ли бы победили.

Мангакис покачал головой.

— Я дал себе слово забыть о том, что было. Прошлое для меня умерло вместе с моим прежним именем.

Голос его был запальчив, он словно продолжал какой-то давний спор. И Корнева вдруг осенило.

— Из-за этого вы и разошлись с женой?

Мангакис резко отшатнулся.

— Нет, просто наша любовь умерла.

— Я много читал об одной американке греческого

происхождения... очень активиой участнице борьбы за граждаиские права в США. Но фамилия ее ие греческая...

— Это мать Елены. И хватит об этом!

Мангакис встал.

— Кстати, в России, по-моему, гостей принято кормить ие только разговорами, — сказал ои. — Или вы решили все-таки дожидаться министра?

— Пошли!

Кориев, иесмотря на полноту, легко вскочил иа иоги.

— Елеиа! Евгений! — крикнул он в глубь сада и обернулся к хозяину дома: — Сорок два года и восемнадцать. Евгений относится ко мне скорее как к старшему товарищу, а не как к отцу. Не зиаю, хорошо ли это...

Мангакис усмехнулся.

— А Елене нравится, когда где-иибудь в театре или в ресторане я ухаживаю за ней, как влюбленный старый селадон.

Оба рассмеялись.

Молодые люди подошли к дому.

— А вот вы им завидуете! — тихо сказал советиик, взгляиув иа молодых людей, и Кориев молча кивиул.

Сейчас он смотрел на сына, этого высокого крепыша, словно бы со стороны. За последние два-три года Евгений неожиданно перерос и отца и мать. И Корневу с трудом верилось, что тринадцать лет назад ои, двадцатидевятилетний корреспондент центральной московской газеты, приехал в далекую и малоизвестиую страиу, только что ставшую независимой, с пятилетним малышом, который с удовольствием повторял за матерью стихи: «Африка ужасна, да, да, да! Африка опасна, да, да да!» И оба смеялись. С отцом мальчик ие боялся ни горилл, ни злых крокодилов, но на всякий случай взял с собою в Африку свой пистолет — пистоиный, самый любимый.

Потом его привели в школу Святого Спасителя и представили миссис Робсон — сухой и очень строгой англичанке. Она лишь посмотрела на своего будущего ученика сквозь большие очки, и малыш испуганно затих.

Через полгода Евгений уже довольно сносно говорил по-английски. Он учился в Габероне до девяти лет. Программу первых двух классов осилил с помощью отца и, приехав в Москву, поступил сразу в третий класс школы, где преподавание велось на английском языке. Но чтобы

мальчик свой английский совершенствовал, было решено отправлять его на каникулы к отцу, в Богану.

Первые два года Евгений жил под присмотром бабушки. Ему не нравился московский климат — особенно осень, когда холодные дожди вдруг начинали день за днем поливать землю, а деревья обнажались, их черные ветви тянулись к небу, как чьи-то изломанные руки. Зимой было чуть получше, но мальчик все же скучал по вечной зелени, по теплой желтой лагуне.

Родители присылали ему яркие марки, черных божков, фотографии. Приходили от них интересные письма: отец писал о небольших и веселых приключениях, об удивительных встречах в африканском буше. Он был знаком с местными охотниками и колдунами, вождями племен и сказителями. И мальчик читал его письма, словно увлекательнейшие рассказы.

Часто в конверте оказывался и листок с русскими предложениями, написанными на английский лад: прямые, без наклона буквы, подлежащее непременно перед сказуемым. Это писала Елена — с нею мальчик подружился буквально с первого же дня учебы в школе Святого Спасителя: миссис Робсон считала, что такая дружба поможет ему скорее научиться говорить по-английски.

На третий год бабушка заболела. Маме пришлось срочно вернуться в Москву. Мальчик часто слышал, как она говорила бабушке, что ей надоело сидеть в Богане без дела, терять стаж и знания архитектора. Она осталась в Москве.

С тех пор и пошло: мать договаривалась, чтобы Евгения отпускали из школы еще в апреле. Его сажали в самолет, и через несколько часов в аэропорту Габерона его встречал отец. В октябре же они возвращались в Москву вместе: отец любил осень и старался захватить хоть немножко зимы.

Он не любил жаркую влажность боганского климата.

ГЛАВА 3

Каноэ одно за другим с легким шорохом уткнулись в песок. Майор Хор выпрыгнул первым. Десантники знали, что делать: их было почти три десятка, прекрасно вооруженных, хорошо обученных.

Трое осталось у лодок, остальные быстро рассыпались

цепью по берегу — под самым парапетом, отделявшим территорию виллы от лагуны.

— Знаешь это место, сынок? — спросил Хор Майка.

Они лежали рядом, с автоматами наизготовку, и Хор собирался передать на десантные суда, что высадка началась.

— Это один из домов моего отца, — тихо сказал Майк.

— Ого!

Майор Хор посмотрел на него с любопытством.

— А кто же здесь живет?

— Не знаю, раньше жили мои друзья, а теперь...

— Во всяком случае, постараемся, чтобы собственность твоего батюшки не пострадала, — деловито заметил майор.

И опять что-то покоробило Майка в тоне майора. Этот немец (в лагере говорили, что майор немец и воевал в России) чем-то определенно ему не нравился.

— Эй, кто там? Ко мне! — чуть слышно приказал майор в темноту. Послышался шорох, скрип песка. К ним подполз один из десантников.

— Слушаю, сэр!

Это был Аде.

— Разведай, что в доме, да поосторожней. Передай остальным — оцепить виллу и ждать сигнала.

— Слушаю, сэр!

Даже растянувшись на песке, Аде попытался было козырнуть и щелкнуть каблуками.

Майору это нравилось. Он и в лагере отмечал Аде за его исполнительность и старание. Именно по представлению Хора Аде получил нашивки сержанта колониальных частей португальской армии.

Вернулся он минут через десять. Ему удалось подслушать разговор сторожей. В доме живут белые. Сейчас садятся ужинать, но ожидают, что приедет Мануэль Гвено.

— Министр? — обрадованно удивился Хор.

Майк подтвердил: да, министр экономики.

Хор даже потер руки от удовольствия и зябко передернулся. В редкие минуты, когда он волновался, его вдруг охватывал озноб — это осталось на память о снегах России.

— Отлично! Крупная птица попадет нам в руки!

Он слегка толкнул Майка в бок.

— Кстати, именно благодаря его стараниям ваш батюшка лишился плантаций в этом райском уголке.

Мануэль Гвено. Кулаки Майка сжались. Отец часто произносил это имя со сдержанной ненавистью. И Майку этот человек представлялся гориллообразным животным с тяжелыми руками, низким лбом и тупым взглядом. Майк не знал, что он сделал бы с Гвено, если бы встретил его. Убил бы? Пожалуй, нет.

Майк убивал в своей жизни, но только животных. Да и отец вряд ли одобрил бы его. Нет, пусть черной работой занимаются черные, такие, как Аде. Это Майк усвоил твердо.

Хор обернулся к Майку.

— Дай бог, чтобы нам и дальше так везло, сынок!

Везло? Майк промолчал, но на душе у него вдруг стало нелегко: а что, если Мангакисы живут здесь и сейчас? Нет, этого не должно быть. Ему стало страшно за то, что может произойти на этой вилле, окруженной со всех сторон головорезами Хора.

Он пытался представить, как может выглядеть Елена сейчас. Ведь тогда, пять лет назад, он был по-мальчишески влюблен в нее и из-за этого временами ненавидел своего друга Джина, которого вся школа считала избранником Елены Мангакис.

Она была длинношеей, нескладной, голенастой девчонкой с коротко стриженными — под мальчишку — волосами. Колени были вечно сбиты, распахнутый ворот ковбойки, верхних пуговиц у которой, как правило, не хватало, позволял видеть торчащие ключицы.

Хозяйство Мангакисов вела толстая и добродушная африканка — «мама Иду», как звала ее Елена.

Мама Иду давно уже отчаялась добиться от Елены, чтобы та вела себя, как полагается вести «белой леди». И лишь одно средство могло заставить девочку сидеть спокойно — рассказы мамы Иду о колдовских обрядах джу-джу, о тайном обществе Леопарда, наводящего на всех по ночам ужас. Иду рассказывала о боге Тандо, покровителе страны, который в старые времена превращался в мальчика и давал врагам захватить себя в плен. Потом, оказавшись на чужбине, он опустошал страну врагов ужасными болезнями. Шепотом повествовала мама Иду об очень толстой и злой Катарвири, жене доброго Тандо. Катарвири — покровительница крокодилов, злой дух воды. Имя ее стараются не произносить, а если

говорят о ней, то зовут Матерью Воды, «мамми Уота».

Большие серые глаза Елены становились еще больше, она хмурилась, слушая рассказы мамы Иду. Губы ее сжимались, и ноздри прямого, прямо-таки классической формы носика трепетали от возбуждения. Да и что скрывать, рассказы мамы Иду захватывали и мальчишек — Майка и Евгения.

Майк про себя усмехнулся: многие из десантников перед началом операции приносили жертвы Катарвири, прося простить их за вторжение в тишину ночной лагуны.

— Говорит Пума, говорит Пума! — бормотал Хор в микрофон.

— Сарыч слушает, Сарыч слушает, — услышал Майк в своем наушнике: у него была дублирующая радиосистема.

— Занимаем виллу примерно в трех милях от намеченного ранее места высадки. Группа «Эй» очистит берег. Группа «Би» пойдет на встречу с группой «Зэт»...

Майк знал, что в группу «Зэт» входили люди из антиправительственной организации, созданной португальскими агентами в самом Габероне: они-то и должны были захватить полицейский грузовик.

— На вилле ожидают Мануэля Гвено. Считаю возможным оставить здесь засаду для его захвата. В остальном действуем по плану.

Хор дождался согласия Сарыча, выключил микрофон.

— Вперед! — сказал он и встал во весь рост, легко подбежал к парапету, ловко перемахнул через него. Майк проделал то же самое. Пятнистые фигуры наемников неслышно возникали над парапетом и падали в сад.

Здесь было все, как пять лет назад. Те же клумбы, засаженные каннами — белыми, розовыми, красными, тигровыми. Старые качели с выгоревшим тентом. Королевские пальмы заметно подросли, а бананы все сведены. С бананами была целая история — их посадил по незнанию Мангакис. Обычно европейцы здесь с бананами боролись: стоило в саду появиться одному, как буквально во всех уголках из-под земли вдруг начинали пробиваться толстые зеленые стрелы. Корни расползались по всему саду, и банановые стволы росли не по

дням, а по часам. Считалось, что бананы способствуют появлению москитов. Городские власти Габерона даже приняли решение уничтожить все бананы в черте города. Однако Фред Браун, увидев банан, посаженный Мангакисом, ничего не сказал своему арендатору. И лишь садовник, присланный им позже, объяснил, в чем дело. Но было уже поздно: война с зелеными стрелами, выскакивающими из-под земли в самых неожиданных местах, заняла не один год.

Пригибаясь и держа автомат наготове, Хор подбежал к веранде и остановился. Отсюда сквозь распахнутые стеклянные двери был виден просторный холл, разделенный решетчатой перегородкой, как в большинстве «европейских» домов Габерона, на две половины — гостиную и столовую. В гостиной, несмотря на жару, в высоком камине, отделанном мрамором, потрескивало пламя. За столом, уставленным блюдами, сидели четверо. Пятый стул—напротив хозяйского, во главе стола,— был пуст.

У Майка внутри словно все оборвалось. Он узнал четверых, хотя из всех четверых нисколько не изменился только лишь Мангакис. Корнев-старший заметно пополнел. Лицо у него было усталое, под глазами тяжелые мешки.

Джин превратился в плечистого крепыша. Он коротко стригся, и это делало его лицо подчеркнуто открытым. Ворот белой рубашки был распахнут. Джин что-то весело говорил Елене, и та смотрела на него с мягкой улыбкой.

Майк вдруг почувствовал ревность — точно так же, как пять лет назад, когда он, нескладный, неуклюжий подросток, стискивал кулаки, глядя, как Джин и Елена вместе выходили из школы и шли к машинам, ожидавшим их с шоферами отцов у входа в школьный компаунд. Он даже испытывал какое-то злорадство, когда видел, как шофер Мангакиса, маленький, юркий Шува, почтительно сняв свою высокую, придающую ему рост фуражку перед Еленой, решительно забирал из рук Джина портфель девочки. Шува тоже тайно ревновал юную «мисс» к ее школьному товарищу.

Майк смотрел на Елену, узнавая и не узнавая ее. Она по-прежнему стриглась под мальчика: аккуратные светлые волосы были по-мальчишески зачесаны назад, угловатое лицо с маленьким и узким подбородком све-

тилось удивительной чистотой. Губы, свежие, чуть полноватые, были слегка открыты. Большие серые глаза спокойны и уверенны: это была красивая молодая женщина, сознающая свою красоту.

Она улыбалась, слушая слова Корнева-младшего, и Майк видел ее ровные, влажно поблескивающие зубы.

О чем шла речь, слышно не было. Лопасти фена — огромного вентилятора — гудели под потолком, заглушая шедший за столом негромкий разговор.

Хор и Майк задержались у входа на веранду всего на несколько секунд, но Майку они показались вечностью.

Елена... Теплая волна нежности вдруг поднялась в его груди, и он забыл, зачем он здесь, забыл, что на нем нелепая пестрая куртка и тяжелые солдатские башмаки, что в руках у него автомат «узи», а на брезентовом поясе граната.

А девушка, как завороженная, слушала Евгения.

Каждый год, когда он приезжал сюда, в Габерон, она заставляла его часами рассказывать о Москве, о Советском Союзе, о друзьях, о Московском метро, о том, что едят люди в России, как одеваются.

Отец иногда говорил с нею о России. Обычно разговор об этой стране начинался случайно — и всегда после разговора об их родине — Греции.

В школе любимым поэтом миссис Робсон был Байрон, и, когда она читала стихи мятежного лорда, она всегда смотрела на Елену.

— Он погиб в Греции и за Грецию, — любила повторять директриса, гордо вскидывая строгое, тщательно ухоженное лицо.

Елена как-то еще в начальных классах рассказала об этом отцу. Он нахмурился, некоторое время молчал, потом вздохнул:

— Да, Байрон погиб за нашу свободу. Зато в сорок четвертом англичане...

Он оборвал фразу и ласково потрепал волосы дочери:

— Тебе незачем об этом думать. Слушай лучше о «мамми Уота» — Катарвири...

Потом Елена, уже повзрослев, поняла, что отец ненавидит Англию. Она не спрашивала почему. Даже мать — красивая, экспансивная женщина, с которой Елена иногда встречалась, приезжая с отцом в отпуск в Штаты, — не говорила о прошлом. Мать была всегда

очень занята: то она собирала какие-то подписи, то ее нынешнему супругу, толстяку в золотых очках, приходилось выручать ее из полицейского участка, где она оказывалась с участниками антивоенной демонстрации. Однажды она чуть было не утащила Елену на митинг против войны во Вьетнаме. Отец подоспел вовремя — Елена осталась с ним.

В другой раз, тоже в Штатах, о Байроне заговорила уже мать. Отец резко оборвал ее:

— В те времена у нашего народа был лишь один настоящий друг — Россия!

Россия! Там все должно быть не так, как в тех странах, где она бывала с отцом.

В школе Святого Спасителя полный курс был рассчитан на восемь лет. Колледжей или институтов в Богане не было, и отец уговаривал Елену поехать учиться куда-нибудь в США или в Европу. Но она не спешила. Может быть, потому, что Джин каждый год приезжал в Габерон месяца на три-четыре, и это время казалось ей самым радостным.

Европейские бизнесмены почти все покинули Богану. С ними уехали и все ее знакомые девушки и юноши. А Джин возвращался к ней каждый год. Каждый год! И каждый год она ждала его.

Он приезжал к ней вестником из другого мира — далекого, заманчивого и интересного. Но скоро все это должно было кончиться. Корнев-старший собирался уезжать: его третья, завершающая, книга о Богане была почти готова. Он говорил, что осталось подобрать лишь новейшие данные по экономике — отец помогал в этом Корневу. А потом дом у лагуны опустеет...

Про себя Елена решила: вот тогда уедет и она. Но отец торопил. Последнее время он заметно нервничал. Да и Елена чувствовала, как тревожно стало все вокруг. Даже миролюбивая и толстая мама Иду записалась в народную милицию и ходила на курсы санитарок.

По вечерам она часто уходила патрулировать улицы. Тогда ей давали старую английскую винтовку, тяжелую и длинную. Мама Иду после дежурства чистила ее на кухне порошком для мытья посуды. «Нужно быть готовым к войне», — говорила она.

И когда Елена увидела двух людей в желто-зелено-коричневых куртках, она поняла — война пришла.

ГЛАВА 4

— Хэлло! — как ни в чем не бывало сказал Хор, входя в холл. Он небрежно забросил автомат на спину, как бы подчеркивая свои мирные намерения. — Извините за вторжение, джентльмены! У нас просто не было другого выхода.

Он галантно поклонился побледневшей, вцепившейся в руку Евгения Елене.

— Фрейлейн...

— Кто вы такие?

Мангакис вскочил.

— Это частное владение, и вы не имеете права...

— Конечно, — спокойно согласился с ним Хор. — Свободный мир держится на уважении права собственности. Но в данном случае мы здесь как раз для того, чтобы это право защищать.

Хор опять галантно поклонился Елене:

— Позвольте представиться, фрейлейн. Майор Хор. Командир первой десантной группы армии освобождения.

Евгений сделал движение, чтобы вскочить.

— Спокойно, мальчик! — усмехнулся Хор. — Мы воюем только с черными.

Женя взглянул на отца. Лицо Корнева побледнело, он нервно сдавил пальцами переносицу у самых глаз, на мгновение зажмурился.

— Значит, они все-таки решились, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

И тут Мангакис узнал Майка.

— Майк? Вы... с ними? — вырвалось у него.

Хор резко обернулся к Майку.

— Ого! Вы знакомы?

— Майк?!

Это был уже голос Джина. Радость вспыхнула в глазах юноши и сейчас же погасла. Губы его презрительно скривились, он демонстративно отвернулся.

Майк растерялся.

— Но мы же воюем не против вас! — почти выкрикнул он, обводя взглядом сидевших за столом.

Лицо Хора потемнело. Он резко обернулся к Майку, и голос его был жестким и властным:

— Капитан Браун, кто эти люди?

— Сэр...

Майк вытянулся.

— Капитан Браун!!!

— Я... думал, что за эти пять лет...

— Вы знаете их давно!

Мангакис резко вскочил из-за стола, с грохотом упал отброшенный им стул.

— Это дом подданного США! И вы не смеете...

— Американцы?

Хор зябко поежился:

— Черт! Как здесь холодно!

Он подошел к камину и протянул руки к огню, не сводя глаз с Мангакиса.

— Вы, американцы, всегда оказываетесь там, где не нужно. И теперь ваше посольство будет обвинять нас в том, что мы нарушили договоренность.

— Договоренность?

Мангакис смотрел на Хора с удивлением.

— Ну да, — уже спокойнее ответил майор. И вдруг неожиданно взорвался: — А вы и сейчас прикидываетесь невинным младенцем? Или хотите сказать, что ваше посольство ни о чем вас не предупреждало?

Хор хрипло расхохотался.

— А может быть, вы ко всему прочему намерены помешать мне арестовать и мистера Гвено — этого черномазого умника, как только он явится сюда?

Мангакис вздрогнул.

— Вы хотите сказать, что посольство США...

— А вы не знали? — саркастически усмехнулся немец.

Мангакис обернулся к сидевшему в мрачном молчании Корневу:

— Николас... Я хоть и подданный США... но, честное слово...

Корнев ничего не ответил. Конечно же, нападения этого ожидали, и в посольстве США не могли не знать точной даты высадки. Но американские дипломаты относились к Мангакису со сдержанной холодностью, да и сам экономический советник их не слишком-то жаловал.

Он перевел взгляд на молодых людей. Елена с любопытством рассматривала Майка, стоявшего за спиной Хора и в смущении не знавшего, куда девать руки. Евгений не скрывал, что любопытство Елены ему не нравится. Он сидел насупившись, положив сжатые ку-

лаки на стол, вызывающе насвистывая какой-то нелепый мотивчик.

Хор остановил на нем тяжелый взгляд, потом отвернулся.

— Сержант! — крикнул он в сад, и на пороге вырос африканец в куртке десантника.

— Сэр...

— Поставьте караулы. Никого не выпускать...

Он помедлил:

— А впускать... всех.

— Слушаю, сэр!

Африканец поднес руку к пятнистому берету, щелкнул каблуками.

Хор обернулся к Майку.

— Капитан Браун, установите связь с группами «Эй», «Би» и «Зэт». Запросите о ходе операции на остальных участках. Штаб моей группы будет здесь. Информируйте командование.

Майк молча козырнул. Он был во власти этого лобастого, тяжелолицего немца. Тот исполнял приказы его отца, и Майк не мог ему не подчиняться.

«Мы на войне. А на войне приказ — это всё», — думал он, шагая по посыпанным красным песком дорожкам сада в ожидании, пока радист, щуплый парнишка-альбинос с крашенными в коричневый цвет волосами и грустными глазами, устроившийся в клумбе тигровых канн, вызывал группу «Эй».

Радист волновался, у него что-то не ладилось. Майку было тоже не по себе. Что будет дальше? Он не мог уйти от этого вопроса. Там, в доме, остались его друзья — Джин и Елена. А вернее — Елена и Джин. И Корнев, и Мангакис. А с ними Хор.

Майк вспомнил, как зябко ежился майор, как тянул руки к огню. А что, если немец психически болен? Не может здоровый человек дрожать от холода в африканской жаре!

— Связь с группой «Эй»! — тихо сказал радист, протягивая Майку наушники.

Парню было явно не по себе, и он не мог справиться со страхом. Майк однажды разговаривал с ним в лагере. Его звали Кейта Диеш, он родился в колонии и был призван в португальскую армию. Получил специальность радиста в кавалерийской школе в Санта-Рой. В лагерь наемников прибыл вместе с сотней португаль-

ских солдат-африканцев за месяц до высадки. От других солдат держался обособлению, был очень грустен и целыми днями иаигрывал на губиой гармоиике, сидя иа корточках где-нибудь в теии.

«А ведь уйди ои из армии, мог бы приличио зарабатывать, — иевольно подумал Майк. — Среди африканцев ие так,уж миого радиоспециалистов».

Ои взял иаушиики — теплые чериые кружки иа стальиой дужке, пахнущие потом, — брезгливо вытер их о куртку и подиес одии из иих к уху, ие прикасаясь к пластмассе.

Группа «Эй» задачу выполнила успешио. Наемиики прочесали берег, захватили спящих собирателей песка и иескольких рыбаков, заиочевавших в лодках у берега. Заставив рыбаков показать подходы к незаболочеиным участкам земли, они отыскали фарватер для тяжелых десантных катеров. Но для того чтобы выйти иа каиоэ в лагуиу и обеспечить сигиализацию — показать десанту все изгибы фарватера, — ие хватало людей: в группе «Эй» было всего десять человек. Комаидир группы просил еще хотя бы пятерых.

Майк обещал связаться с ним через несколько миiут. Ои передал наушиики радисту. Что ж, пока дела шли иеплохо. Если же удастся без лишнего шума захватить полицейские казармы, можно будет считать, что дело уже сделано. Тогда десаитников иичто не остановит.

Майк зиал, что высадка будет осуществляться силами до трех батальонов, прикрываемых орудийным огием кораблей. Два фрегата — «Моитаите» и «Бомбарда», четыре сторожевых корабля — «Идол», «Ориеит», «Кассиопея» и «Дракон», три самоходные баржи, иесколько десаитиых катеров — по африкаиским масштабам это была уже целая армада.

Профессиоиальные иаемиики, солдаты колоииальных португальских частей, проводники из тех, кто бежал после провозглашеиия республики из Боганы, все оии входили в отдельные группы, которым в составе своих батальоиов предстояло выполнить какое-нибудь одно, строго определенное задаиие.

Общий плаи операции был известеи только офицерам. Первый батальон должен был захватить резидеицию премьер-мииистра и иемедлеиио расстрелять главу правительства республики. Второй — атаковать штаб-

квартиру «борцов за свободу» и перебнть всех, кого удастся захватить. В задачу третьего батальоиа входило блокировать воеиный лагерь республиканцев в пяти милях от города и атаковать его. Одиа рота должна была иапасть на аэродром и уиичтожить стоящие там воеиные самолеты. Одиовременно ударной группе во главе с Хором следовало занять радиостанцию и объявить о победе «народной революции». По этому сигналу по всей стране должны былн начаться выступления зараиее сформированных вооружеиных групп «пятой колоны», а потом...

Майк смутно представлял, что должно было случиться потом. Конечно, новое правительство отменило бы все реформы Мануэля Гвено. Отец и те плантаторы, кто вынужден был оставнть в Богане свою собствеиность, вернулись бы. А сам Майк? Отец скорее всего отправнл бы его учиться куда-ннбудь в Англию, и все пошло бы по-старому. Разве что на всю жизнь осталась бы память о необычном и остром приключении, пережнтом одиажды иочью на африканском берегу. И все. В коице коицов, пусть делами Боганы занимаются те, кому это иитересно.

Как и другнм белым офицерам, Майку уже заплатнлн за участие в операции. На его имя в одном из лондонских банков уже переведено авансом две тысячн фунтов. Столько же должиы были по контракту заплатить ему по окончанин операцни. Четыре тысячи фунтов — для иачала это уже неплохо. Так сказал и отец. «Но ие в деньгах дело, — добавил он. — Важиы принципы».

— Связь с группой «Би»!

Раднст вновь передал иаушиикн Майку.

Группа «Бн» соедииилась с группой «Зэт». У инх был большой полицейский грузовик. В группе «Зэт» двадцать четыре человека (нтого тридцать четыре в обеих группах, подсчитал Майк). Через минуту они двинутся к казарме. К ее захвату все подготовлено. Дежурный офнцер — член «пятой колонны».

Майк удовлетворенно кивнул. Это походило на игру — опасную, но ннтересную. Думал лн Майк, еще совсем недавно с увлеченнем смотревший прнключенческие книофильмы, что ему самому когда-нибудь удастся стать участником такого захватывающего дух приключення? Он вызвал по своей связи Сарыча, доло-

жил обстановку и узнал, что десантные катера уже вышли. Было необходимо срочно обеспечить обозначение фарватера.

— Слушаю, сэр! — ворвался вдруг в наушник голос Хора, и Майкл понял, что майор контролирует его связь с Сарычем.

Сарыч приказал усилить группу «Эй» еще пятью солдатами. Каноэ с захваченными рыбаками ждать подхода катеров.

Майк передал приказ Аде, и через минуту пятерка наемников зашагала цепочкой вдоль берега.

Когда Майк вернулся в дом, он застал майора в кресле у камина. Положив автомат на пол, майор тянул из высокого стакана виски. Пустая тарелка, стоявшая на полу, свидетельствовала, что Хор не потерял аппетита.

Корнев-старший сидел за столом и чертил вилкой узоры по скатерти. Елена уже окончательно оправилась от испуга и даже улыбнулась Майку как ни в чем не бывало. Джин приветствовал его угрюмой улыбкой и отвернулся. Лучше всех, казалось, чувствовал себя хозяин дома.

Он небрежно откинулся на спинку стула, в руках его был бокал вина. Он мирно беседовал с Хором.

— ...такая же профессия, как прочие? — услышал Майк обрывок сказанной им фразы.

— Да, такая же!

Хор был, как обычно, уверен в себе. Фразы его были резкими и четкими.

— Да, мы наемники. И вы, и я. И мистер Корнев. («Он уже знает всех», — почему-то удивился Майк.) Мы все продаемся. Вы втолковываете африканцам простейшие экономические истины. Я приучаю их к ответственности.

Хор отпил виски.

— Нам платят, потому что мы профессионалы. А белые солдаты африканцам нужны позарез. Без нас на континенте грызня никогда не прекратится.

— Вы имеете в виду военные перевороты? — поднял голову Корнев.

Он поморщился, стиснул пальцами переносицу.

— У вас давление, — заметил Хор. — Вам нельзя жить в тропиках.

— В конце концов, — продолжал Корнев, не обра-

щая внимания на последние слова Хора, — африканское общество само найдет политическое решение своих проблем.

Хор посмотрел на тяжелые черные часы, широкий матерчатый ремень которых плотно обтягивал его левое запястье.

— Политическое решение — это когда политический противник уничтожен, — усмехнулся он.

На лице Корнева промелькнуло любопытство:

— Впервые вижу человека, у которого на все есть лишь один ответ — пуля. Это граничит с патологией.

Хор побледнел. Он окинул презрительным взглядом полнеющую фигуру Корнева и фыркнул:

— Сейчас вы начнете читать лекцию о гуманизме. Не трудитесь, я знаю все, что вы мне скажете. Но вам никогда не понять нас, санитаров человечества, делающих грязную работу, называемую войной. Слышите? Моя жизнь — это война. Благодаря ей у меня есть боевые товарищи. Потому что только война дает настоящих товарищей. Она не позволяет лицемерить, лгать, притворяться. Война — жестокое, но самое честное испытание для настоящего мужчины. Да, я служу войне, я живу войной, и я верю, что на мой век войн хватит.

Корнев насмешливо вздохнул:

— Насколько я знаю, в Конго вы не придерживались законов рыцарства. Вы сжигали беззащитные деревни и отрубали головы старикам и детям. И получали за это такие деньги, каких вам никогда бы не заработать в Европе. Кое-кто из тех, кого вы так сентиментально именуете боевыми товарищами, продолжает наживаться на своих прежних преступлениях, даже, как говорится, отойдя от дел. Они пишут книги, снимаются в фильмах, изображая собственные подвиги. Не так ли, мистер Хор?

— Что ж, если люди читают наши книги и видят в нас, которых вы называете преступниками, героев, тем хуже для них. Каждый получает то, что он заслуживает.

— Это было написано на воротах фашистских концлагерей, — вмешался Женя.

Хор посмотрел на него с интересом.

— А ведь из тебя, попади ты в хорошие руки, вышел бы неплохой солдат, парень. Как из твоего друга...

Он кивнул на стоящего в дверях Майка и опять обернулся к Корневу:

— Кстати, мистер Корнев...

Он уселся в кресло и демонстративно зевнул.

— Вам везет! Я знаком со многими журналистами. Обычно они гонялись за мной — интервью, контракты на книги и все такое. А вы первый, кто видит меня в действии. И если вы будете вести себя паинькой, как до сих пор, новое правительство вышлет вас из страны в целости и сохранности. Тогда вы заработаете на сегодняшней истории кучу денег. Не правда ли, мистер Мангакис?

Мангакис пожал плечами.

— Мой друг никогда не гонялся за сенсацией. Он ученый, он анализирует проблемы...

— Тем лучше!

Голос Хора обрел доверительные нотки.

— Я не сенсация. Я проблема.

— Сэр!

В дверях вырос Аде.

— Подъехала машина. Черный «фольксваген».

Хор вскочил:

— Гвено? Дать ему спокойно войти!

ГЛАВА 5

Аде поспешно выбежал. Хор, схватив автомат, встал за дверью, прижавшись к стене.

— Капитан Браун! На веранду! — негромко приказал он и обернулся к сидевшим за столом. — А вы, господа, не двигайтесь. В интересах вашей же личной безопасности. Ну!

Корнев сглотнул комок, внезапно подступивший к горлу. Евгений взглянул на отца и опустил голову. Впервые в жизни он вдруг ощутил свое бессилие. До сих пор он не знал, что такое неудача. В школе он учился хорошо, шел в первых учениках, хотя и не слишком утруждал себя сидением над учебниками. Знания давались ему легко, зато дисциплина хромала. Его энергичная, деятельная натура требовала чего-то большего, чем подчиненная режиму школьная жизнь. Он быстро увлекался и так же быстро остывал. Увлечение фотографией сменялось коллекционированием

магнитофонных записей, из автомобильного кружка он переходил в драматический. Он оставался верен лишь одному увлечению — книгам. Отец собрал большую и интересную библиотеку, и с каждым годом юноша открывал в ней для себя все новые, неизвестные ему дотоле сокровища. Книги о подвигах, которыми он раньше зачитывался, теперь вызывали лишь глухое раздражение. Ну и что? Тогда характеры действительно выковывались в трудностях, в борьбе. Гайдар командовал полком в четырнадцать лет — таково было время. А сколько было Олегу Кошевому?

Его энергия находила выход на уроках военного дела. Их вел офицер-отставник, бывший десантник. Левая рука его была навечно скрючена, полподбородка начисто стесано. Он носил старую гимнастерку и целый щит орденских планок на груди.

Ребята в нем души не чаяли, особенно когда он начинал рассказывать о войне. Истории были жуткие, жестокие, но дух от них захватывало. Разошедшись, военрук доставал из кармана большой складной нож и метал его в цель — специально принесенный чурбак — в самый срез, в кольца дерева. Метал раз за разом, точно в центр.

Все мальчишки школы — от третьеклассников до усатых выпускников — увлекались этим. И многие мечтали об армии, о службе в десантных войсках...

Армия! Вот где и сегодня нужны сила и ловкость, твердый характер, решительность, воля.

В Африку Евгений уезжал с радостью. Он твердо верил, что сегодня это единственный континент, где еще живут приключения, где таинственное и неизвестное таится на каждом шагу в обычных на первый взгляд вещах.

Он знал, что над Воганой сгущаются тучи. Он читал об этом еще в московских газетах. Да и здесь все ждали вторжения или переворота, или еще чего-нибудь в этом роде. Евгений внутренне был готов к бурным событиям в стиле приключенческих фильмов. И даже сейчас происходившее занимало его своей бурной стремительностью.

Он смотрел на все словно бы со стороны, не ощущая реальности происходящего.

Тишина длилась минуты две-три. Потом за дверью что-то загрохотало, раздались крики, шум борьбы.

— Черт! — вырвалось у Хора.

Он ударом ноги распахнул дверь и направил ствол автомата в коридор.

— Живым взять! Живым! — проревел он.

И сейчас же в холл ввалились два солдата и Аде. Они волокли африканца в окровавленной белой рубашке, выбившейся из-под элегантного черного пиджака, один рукав которого был оторван.

Аде мощным ударом в подбородок швырнул пленного на пол, он пролетел через весь холл, ударился головой о камин, застонал, попытался встать.

Солдаты испуганно смотрели на распростертое тело. Оба они были из Боганы, и Майк помнил, что одного из них звали Джимо. Это был невысокий крепыш с тяжелым квадратным лицом. Вместе со своим другом (Майк не помнил, как его зовут), длинным малым с чахоточной грудью и развинченными движениями рук, болтавшихся словно на шарнирах, он бродил в поисках работы от Порт-Жантиля до Дакара. Длинный тщательно скрывал в лагере свою болезнь — боялся, что его выгонят, хотя о том, что он болен туберкулезом, знали все офицеры. Но им было совершенно безразлично, кого уложат у берегов Боганы.

Джимо мечтал стать проповедником и учился грамоте самостоятельно. Он даже добровольно вызывался в караул — сидел в будке у лагерных ворот и при свете прожектора учил английские буквы и слоги по дешевому тоненькому букварю, аккуратно скрепленному самодельной обложкой из прозрачной пластмассы.

К Джимо приходил его друг, и Майк видел, обходя посты, как тот сидит, закутавшись в грязное, бывшее когда-то бежевым одеяло, и, стараясь удержать кашель, чтобы не мешать, с уважением следит за толстыми, с трудом произносящими чужие звуки губами Джимо.

В глубине души Майк подозревал, что эта пара дезертирует, как только окажется на родной земле, и то, что они сумели схватить Гвено, искренне удивило его.

— Идиоты! — прошипел Хор. — Я же предупреждал — впустить беспрепятственно.

Он обернулся к солдатам:

— Эй вы, свиньи! Разве так обращаются с министрами? Помогите ему встать. Вот так. Да прислоните его к стенке, если не держится на ногах!

Джимо с другом поспешно выполнили приказ. Чахо-

точный даже попытался стереть рукавом кровь с лица Гвено, который резко от него отвернулся.

Хор оглянулся на сидящих за столом, закусил губу, зябко поежился. Взгляд его скользнул по лицу Елены, бледному, полному ужаса, задержался на руках Женн.

Он сделал несколько шагов по холлу и резко остановился перед Майком.

— Капитан, — скривившись, сказал он. — Я вижу, вы здесь встретили друзей детства. Наверняка вам будет что с ними вспомнить. Так вот, возьмите-ка этих двух симпатичных молодых людей и уединитесь с ними где-нибудь подальше от нашей компании. Но предупреждаю, что если хоть один из них ускользнет и поднимет шум...

Он положил руку на плечо Майка и криво улыбнулся:

— Надеюсь, ты, сынок, понимаешь, что в случае провала операции нас в плен брать не станут.

Он обернулся к сержанту:

— Аде, помогите капитану Брауну отконвоировать молодых людей. Да чтобы они у вас были в целости и сохранности!

Евгений угрюмо усмехнулся:

— Спасибо за заботу.

Майк молча пропустил Елену и Евгения впереди себя в коридор. Сзади шел Аде с автоматом наизготовку.

— Пойдем к тебе? — мрачно спросил Майк девушку, когда они миновали часового, стоявшего у двери в холл.

— Как хочешь, — покорно согласилась девушка, и они пошли по лестнице на второй этаж.

Убедившись, что Майк увел Елену и Евгения, Хор обернулся к пленнику:

— Добрый вечер, господин министр. Мы ждали вас к ужину. Прошу...

Он забросил свой автомат на ремне за спину и широким жестом хозяина пригласил пленника к столу.

— Как видите, ваш прибор ждет вас, а я, как незваный гость, примощусь где-нибудь с краю. А вы, господа, что же вы не приветствуете своего гостя, министра Мануэля Гвено?

— Это не Мануэль Гвено! — твердо сказал Корнев. — И прекратите этот балаган.

— Вот как? — усмехнулся Хор. — А кто же?

— Это личный секретарь министра, я его хорошо знаю, — спокойно подтвердил слова Корнева грек.

Хор недоверчиво посмотрел на пленника: слова советника (подданный США!) несколько поколебали его.

— К тому же министр никогда не станет ездить на «фольксвагене», — серьезно продолжал Мангакис.

— Резонно, — согласился Хор. — Со слона они пересаживаются обычно прямо в «мерседес». Но мне хотелось бы послушать и нашего гостя.

Он подошел к пленнику, стоящему у стены под прицелом автоматов:

— Ну, молодой человек? Кто же вы и зачем пожаловали в этот дом?

Пленник вскинул голову. У него было приятное, правильное лицо. Нос почти прямой, тонкий. Широкие ноздри трепетали от ярости, губы плотно сжаты.

— Собака! — процедил он, и глаза его вспыхнули ненавистью.

Хор неторопливо вынул из кармана куртки тонкие черные перчатки, все так же неторопливо натянул их, расправил... и страшный удар в челюсть бросил пленника на стену. Обмякшее тело сползло на пол.

Хор качнул голову пленника носком башмака.

— Оттащите-ка его к лагуне, приведите в чувство да побеседуйте с ним по-своему, — приказал он наемникам. — Но смотрите, чтобы остался в живых. А ровно через полчаса тащите его сюда. И кстати, пусть сюда придет радист, а то мы тут несколько отвлеклись...

Солдаты поволокли безжизненное тело к веранде, перекинули его через перила и скрылись в темноте сада.

Хор подошел к столу. Налил себе полстакана виски и залпом выпил.

— Так вот, господа, — начал он, как будто продолжая только что прерванный разговор. — А теперь мне хотелось бы провести небольшой эксперимент. Белая солидарность еще ни разу не подводила меня в Африке. Мне не хотелось бы, чтобы она подвела меня и сегодня. Потому что если окажется, что вы меня обманули, что этот парень действительно министр, значит, вы встали по другую сторону черты, там, где черные. А вы должны знать, что т а к о е в Африке не прощается.

Он налил еще виски, выпил, посмотрел на часы.

— Но я даю вам еще один шанс. Мои люди умеют

допрашивать. И если я узнаю, что этот черномазый в действительности Мануэль Гвено, а не тот, кем вы мне его пытаетесь представить, не от вас, а от него самого... Словом, подумайте о своих детях. Я думаю, что отцам неприятно доживать век, если они лишатся детей из-за собственного глупого упрямства. Тем более что министр этот парень или нет — у него одна дорога: пуля в затылок — и в лагуну. — Он снова поежился. — Вы видите, господа, я нервничаю. Давно мне уже не бывало холодно. Прошу вас, не доводите меня до необходимости принимать крайние меры. Я пойду поброжу пока по саду, соберусь с мыслями. Мне надо собраться...

В голосе его была усталость.

Кейта Диеш с ящиком полевой рации появился из темноты и щелкнул каблуками.

— Есть новости? — обернулся к нему майор и поморщился: типичные черты африканца в сочетании с крашеными волосами и белой в желтых пятнах кожей Диеша раздражали его. Еще в лагере немец громко заявил, что согласен с обычаями некоторых племен убивать альбиносов при рождении.

— Группа «Зэт» захватила полицейские казармы, сэр, — доложил радист. — Сарыч сообщает, что через час начинается общая атака.

— Доложи Сарычу, что мы выступаем к радиодому.

Радист козырнул, четко сделал поворот кругом.

Хор проводил его взглядом, криво улыбнулся и твердым шагом пошел к двери.

Корнев и Мангакис переглянулись.

— Похоже, что дело серьезно, — заметил Корнев. — И если их не остановят...

— Как вы можете сейчас об этом думать!

Советник нервно вскочил.

— Этот зверь — сумасшедший. И он не остановится перед убийством моей дочери и вашего сына. Для него это ровно ничего не значит. Вы понимаете? Он убийца, профессиональный убийца!

— А что вы предлагаете? Пойти и сказать ему, что они действительно схватили Мануэля Гвено?

Корнев вышел из-за стола, прошелся по холлу. Радист, устроившийся на веранде, не спускал с него настороженных глаз.

— Я не знаю... Я просто не знаю, что делать в таких случаях!

Грек опять хрустнул пальцами.

— Но я не хочу, понимаете, не хочу вмешиваться в эту историю! Я сыт по горло прошлым. Я проиграл войну, я потерял веру в страну, которую любил как страну свободы. Даже жену у меня отняла политика. И единственное, что у меня еще осталось в жизни, — это Елена. И я отдам все, все... — Он помолчал. — ...чтобы спасти свою дочь!

— Ценою жизни другого человека? А что она скажет вам, когда узнает об этом?..

Корнев вздохнул, на мгновение задумался.

— Нет, — решительно сказал он. — Мне бы Евгений этого не простил.

— Но нельзя допустить, чтобы...

На Мангакиса было страшно смотреть. Перед Корневым был глубокий старик — с трясущимися руками, опущенными плечами, раздавленный жизнью.

— Что же делать?

В голосе Мангакиса было отчаяние.

— И потом ведь майор сказал, что все равно расстреляет этого человека — министр он или не министр.

Корнев посмотрел на часы:

— Пять минут одиннадцатого. Значит, у нас, если верить майору, в запасе 25 минут. Наступать они начнут в одиннадцать и к этому времени рассчитывают захватить радиостанцию.

— А полицейская казарма уже захвачена. Если они победят...

— ...все ваши реформы полетят к черту! — окончил его мысль Корнев.

Мангакис вздрогнул и закусил губу.

— И вам придется испытать еще одно поражение в жизни. Последнее и окончательное!

Он пристально смотрел в лицо экономического советника, и голос его был холодным и жестким:

— Вы лжете самому себе, Бэзил. Посмотрите на себя со стороны и признайтесь в этом хотя бы сейчас.

Мангакис упрямо мотнул головой.

— Нет! Нет! И еще раз нет!

Корнев прищурился.

— Нет, Бэзил, жизнь не сломила вас!

Он помолчал, прошелся по холлу. Затем подошел и остановился перед сидящим на стуле советником.

— И напрасно вы стараетесь убедить себя, что можете отречься от того, что вам дорого. Признайтесь хотя бы сейчас, в этот момент: вы любите то, что делаете в Богане вместе с Мануэлем Гвено, вместе с людьми, с которыми вы работаете, позабыв о том, что их кожа отличается от вашей. Признайтесь, ведь вы мечтаете тайком о том времени, когда в Богане люди будут служить тем идеалам, за которые вы в свое время сражались в Греции. Вы мечтаете выиграть здесь борьбу, которую проиграли в сорок девятом. И победить не оружием, а силой своих знаний, отданных людям маленькой африканской страны.

— Но что вы всем этим хотите сказать? — хрипло проговорил Мангакис. Лицо его осунулось, он словно сразу постарел.

— Иногда достигнутое необходимо защищать с автоматом в руках! — отчеканил Корнев. — Вы были в ЭЛАС не меньше чем полковником.

— Я отказался от прошлого!

— И это говорит герой гражданской войны Микис...

— Молчите! — вскочил Мангакис. — Вы... Откуда вы знаете мое имя?

Корнев спокойно положил ему руку на плечо.

— В юности я писал стихи о Греции и собирал вырезки — статьи, карты, фотографии. Наша война уже кончилась, и я не успел убежать на фронт, хотя и пробовал трижды. А вы дрались с фашистами...

Он прищурился:

— В одном из наших журналов был напечатан и очерк о вас, о полковнике ЭЛАС Микисе Ставропулосе!

— В газетах было, что я погиб, — глухо ответил Мангакис.

— У меня отличная память на лица, и ваше лицо все время казалось мне удивительно знакомым... полковник.

Грек бессильно опустился на стул.

— Я не хотел, чтобы Елена когда-нибудь узнала об этом. Дети презирают побежденных.

— А вы уверены, что она ничего не знает?

— Да.

— Тогда почему же вы хотите, чтобы она видела вас сейчас побежденным — человеком, чьи идеи, чей почти

десятилетний труд оказался растоптанным сапогами того фашиста, который, может быть, дрался против вас в Греции?

— Замолчите! Я требую — замолчите!

Голос Мангакиса был яростен, руки его дрожали.

— Я и Елена, мы вне борьбы.

— Хорошо. Забудем об этом, — неожиданно оборвал разговор Корнев.

Он молча подошел к радиокомбайну, стоящему в углу, машинально нажал клавиш включения. Приемник был настроен на волну «Радио Габерона».

Станция работала нормально. Передавали национальную музыку. И вдруг Корнев встрепенулся:

— Вы говорите... пять минут одиннадцатого? Но тогда должны были передавать последние известия. Странно, почему они изменили программу?

На веранде загрохотали шаги, Корнев поспешно выключил приемник, и почти сейчас же в холл вошел Хор.

— Пока вам везет, джентльмены!

Он сказал это мрачно, почти со злобой.

— Эти болваны так обработали черномазого, что тот просто не в силах что-нибудь сказать. Да ладно, у меня есть еще кое-что в запасе на этот случай. Кстати, я советовал бы вам хорошенько подумать — ведь ни девушка, ни парень не умрут легкой смертью, если вы мне все-таки пытались солгать.

Он обернулся к веранде и крикнул в темноту:

— Тащи-ка его сюда, ребята!

Двое наемников втащили потерявшего сознание Мануэля Гвено, бросили его на пол.

Это были уже не Джимо с товарищем: парни служили раньше в полиции Боганы, еще при колонизаторах — в «спешиал бранч», особом отделе. Уж они-то умели вытряхивать из арестованных все, что те знали. В лагере они сотрудничали с агентами тайной португальской полиции — ПИДЭ, и Хор лично включил их в свою группу.

— Симон, Ашаффа, пока вы свободны, — кивнул Хор палачам. — Идите.

Подождав, пока наемники не покинули холл, майор обернулся к Мангакису и Корневу.

— Способные ребята, а?

Он кивнул в сторону сада.

— И будет очень жаль, если к ним в лапы попадет... ну, допустим, белая девушка!

Мангакис встал и, сжав кулаки, молча пошел на Хора. Тот вскинул автомат и упер его ствол в грудь Мангакиса.

— Но, но! Хоть вы и с американским паспортом...

Советник стиснул зубы, но остановился. Лицо его побагровело.

— Вы не посмеете! — яростно выдохнул он.

Хор опустил автомат и отошел к камину, плюхнулся в кресло, следя за каждым движением отца Елены.

— Как знать... — скривился он, — на войне как на войне...

Мангакис обвел его тяжелым взглядом, потом шагнул к распростертому на полу Гвено.

— Когда-нибудь вы за это ответите, Хор!

Сказав это, Корнев тоже шагнул вперед и стал на колени возле тела министра.

— Вина!

Он обернулся к Мангакису, и тот дал ему бокал, твердой рукой наполнив его вином. Корнев осторожно влил несколько капель вина в разбитый рот Гвено.

Мануэль застонал и очнулся. Он увидел склонившегося над ним Корнева и попытался улыбнуться.

— Ничего, — услышал Корнев его слабый шепот. — Мы... их сильнее... все равно сильнее...

— Господин секретарь, скажите, где министр?

При этих словах Хор мрачно улыбнулся.

Мануэль Гвено слабо качнул головой. Его окровавленные губы зашевелились.

— Скажите... Скажите им, кто я такой... Я... их... не боюсь...

— Он бредит! — почти выкрикнул Корнев, стараясь заглушить слабый шепот Гвено. — Он потерял рассудок.

— Это мы сейчас выясним. Симон!

Один из солдат, втащивших Мануэля Гвено, немедленно появился с веранды, вытянулся.

— Слушаю, сэр...

— Позови-ка сюда Аде, да поживей!

Солдат козырнул, снова щелкнул каблуками и кинулся исполнять приказание.

Майор проводил его взглядом.

— Так вот, господа, — обратился он затем к своим

пленникам. — Я забыл вам сказать, что Аде знает вашего друга в лицо. Они же из одной деревни, что напротив нас, через лагуну.

Майор посмотрел на часы.

— У меня еще есть пятнадцать минут. Через пятнадцать минут мы уйдем; но я обращаюсь к вам, господин Мангакис, как к человеку более благоразумному. Большевики (он кивнул в сторону Корнева) всегда отличались безрассудным упрямством даже тогда, когда игра проиграна...

— Как, например, под Москвой в сорок первом, под Сталинградом в сорок втором...

Корнев выпрямился над вновь потерявшим сознание Гвено.

Судорога исказила лицо Хора, рука его стиснула автомат, и в этот момент вошел Аде.

— Слушаю, сэр...

Хор нашел в себе силы сдержаться.

— Ты знал Гвено, не так ли? — удивительно спокойно спросил он сержанта. — Парни сказали, будто ты говорил им, что вы с Гвено из одной деревни.

— Так точно, сэр!

Сержант изо всех сил ел глазами начальство.

— И ты его узнаешь?

— Постараюсь, сэр!

Хор довольно хмыкнул и кивнул в сторону Гвено.

— Этот?

Аде подошел к лежащему, посмотрел на него сверху, затем присел на корточки и долго-долго всматривался в разбитое лицо не приходившего в сознание человека.

— Нет, кажется, это не он, — сказал наконец Аде.

ГЛАВА 6

Где-то глухо погромыхивало. Отблески далеких вспышек отражались на стеклах окна, выходящего на лестничную площадку второго этажа, где была комната Елены. Но Майк знал, что это еще не голоса тяжелых орудий «Бомбарды» или «Дракона». Был канун сезона дождей, и духота сегодняшнего вечера предвещала грозу.

— «Мамми Уота» сердится, — ни к кому не обра-

щаясь, сказал Майк. С той самой минуты, когда Хор приказал ему увести Елену и Евгения из холла, это были первые его слова.

Они молча поднялись на второй этаж, вошли в комнату Елены, и Майк поразился, как мало перемен произошло с тех пор, как он побывал здесь в последний раз.

На полу лежал все тот же толстый ковер, на котором Елена, Женя и Майк слушали рассказы старой негритянки. В углу японский телевизор. Стена слева от двери увешана африканскими музыкальными инструментами, здесь же низкий и длинный книжный шкаф: на фоне пестрых изданий коллекция маленьких фигурок из легкого белого дерева, которое здесь называлось «бумажным».

Лишь широкий диван, на котором раньше спала Елена, куда-то вынесли, а вместо него стояли две узкие софы под углом одна к другой. Легкий книжный стол поражал аккуратностью книжных стопок. Новым здесь было и высокое зеркало-трельяж, на стеклянных полках которого поблескивали разноцветные коробочки и флакончики. Девушка не красилась, и Майк подивился, зачем ей был нужен весь это набор для «мейк ап».

— Садитесь! — Елена по-хозяйски махнула рукой в направлении двух зеленых кресел, стоявших около ее письменного стола.

Сама она устроилась на кожаном пуфе рядом с трельяжем, выжидательно глядя на Майка. И под внимательным взглядом ее больших серых глаз Майк почувствовал себя неловко.

Если внизу, в холле, в присутствии Хора, он выступал в роли второстепенного действующего лица, то сейчас, оказавшись наедине с друзьями детства, он должен был сам избрать линию поведения — но какую?

Евгений, тоже выжидательно глядя на Майка, сел в кресло, а Майк, испытывавший все большее чувство неловкости, прошелся несколько раз по комнате, прежде чем присесть, наконец, на самый край узкого дивана. Автомат он положил на диван, рядом с ним берет с дурацкой эмблемой — череп и кости.

Елена и Евгений молчали, и Майку почудилась в их молчании холодная насмешка. Они не боялись его и ждали объяснения.

— А где... мама Иду? — спросил он, почему-то оглядываясь.

— Она не работает по уикендам.

Елена смотрела на Майка уже с откровенной насмешкой.

— Кроме того, она в санитарном отряде народной милиции. И не думаю, чтобы она очень обрадовалась, увидев тебя... с ними.

Девушка презрительно кивнула на дверь.

— Особенно если бы увидела, что вы сделали с Гвено! — резко добавил Евгений.

— Гвено?

Глаза Майка округлились.

— Так это Гвено?

У Евгения перехватило дыхание. Но было уже поздно.

— Да, Мануэль Гвено! — после секундной заминки вызывающе продолжал он. — Можешь идти и доложить этому недобитому гитлеровцу. В конце концов, тебе за это платят!

Майк побледнел.

— Черномазый ограбил моего отца, — тихо, но твердо сказал он.

— Хорошо, что ты хоть не сказал, что он ограбил тебя, — саркастически заметил Женя.

Майк упрямо стиснул зубы.

— А значит, и меня!

Елена встала, подошла к Майку, села с ним рядом.

— Если ты выдашь его...

Брови ее были нахмурены. Такой Майк помнил ее в детстве — она становилась такой за несколько секунд до того, как броситься в драку, не глядя ни на что, не соразмеряя свои силы с силами какого-нибудь мальчишки из старшего класса, обижавшего ее.

— Елена! — в голосе Евгения были злость и презрение. — Разве с ним теперь можно говорить по-человечески!

Майк закусил губу.

— Ведь мы так долго не виделись, Джин, — сказал он, тяжело дыша. — Неужели у нас не о чем больше говорить, как только обо всем этом?..

— О чем же ты предлагаешь нам разговаривать? Уж не об учебе ли в школе Святого Спасителя? Там нас этому...

Евгений кивнул на автомат: — ...насколько я помню, не учили.

— Хорошо!

Майк вскочил и решительно тряхнул головой.

— Тебе не нравится, что я здесь, не нравится, для чего я здесь. Что ж!

В комнате было душно, и на лбу у него блестели капельки пота. Он перевел дыхание.

— Лучше было бы, если бы все шло по-прежнему, как несколько лет назад. Но меня выгнали отсюда. Или ты, если бы тебя выгнали из твоей страны, не захотел бы вернуться назад. Ну?

Евгений облизнул пересохшие губы, помедлил. Елена смотрела на него с ожиданием, и он понимал, что должен ответить на вопрос Майка. На ум лезли красивые и громкие фразы — вроде того, что «если бы я служил Родине, она бы меня не выгнала». Но он сказал просто:

— Да, я вернулся бы.

— Вот видишь...

Евгений старался говорить спокойнее.

— Но не так, как ты. Ведь ты вот вернулся, а что дальше?

— Дальше?

Майк пожал плечами:

— Ну... сменят правительство, и все пойдет по-старому.

— И твой отец получит назад все его плантации?

— Земли отняли не у него одного!

— А что будет с теми африканцами, между которыми эти земли поделены? Ты не знаешь? Нет, знаешь! В деревни будут направлены карательные отряды. Твоих «соотечественников» — ты ведь родился в Богане! — будут убивать тысячами. И все для того, чтобы ты вернулся... на родину!

— Ты упрощаешь...

В голосе Майка проскользнула неуверенность.

— Джин прав. И то, что вы задумали, подло!

Елена встала перед Майком, вызывающе глядя ему в лицо:

— Если бы я знала, что ты станешь таким...

Она не договорила. Внизу резко ударили автоматные очереди.

— Папа! — в ужасе закричала Елена и кинулась к двери. — Они убили папу!

— Назад!

Майк схватил девушку за руку, рванул на себя.

— Оставь ее!

Женя, нагнув голову, бросился на Майка. Тот, словно в тренировочном зале, сделал корпусом полуоборот — и Евгений оказался отброшенным в угол ударом в челюсть.

— Идиоты! — заорал Майк. — Вас же всех перебьют!

Он взял с дивана автомат и, не глядя на Женю, пытавшегося подняться, цепляясь за стеиу, пошел к двери. Он даже спииой чувствовал, с какой ненавистью смотрит ему вслед Елена. Ну и пусть, думал он. Пусть она возится с этим... проповедииком. Она еще вспомнит о нем, когда поймет, что настоящие мужчины ие болтают, а действуют, рискуя жизнью во имя...

Он не додумал, «во имя» чего, да и так ли это было важно сейчас, когда иачиналось дело — настоящее, хоть и кровавое.

Майк вбежал в холл в тот самый момеит, когда перед Хором вытянулись Аде и Симои. Гвено без сознаиия лежал в кресле, передвинутом к столу. Рядом с иим стояли Корнев и Мангакис.

Аде с неприязнью косился иа бывшего полицейского — коротконогого и длиннорукого, с выдвинутой вперед челюстью. Симон поблескивал маленькими глазками, глубоко запавшими под придавленным, скошенным иазад лбом.

— Кто стрелял?

В голосе Хора была холодная ярость. Аде молча кивнул иа Симона, тот переступил с ноги на ногу, его тяжелые руки непроизвольно колыхиулись.

— Этот недопеченный ублюдок — радист хотел бежать, — голос Симона был тускл. — Он крался к забору со своим ящиком.

Майк сразу же поиял, о ком идет речь. «Недопеченным» в лагере называли радиста-альбиноса. Симон вместе со своим дружком грозили пристрелить радиста еще в лагере — ведь альбииосы, по поверью, приносят несчастье. Кейта Диеш сам докладывал об этом Майку.

«Бедный Кейта, — подумал Майк. — Они все-таки

расправились с ним. И вовсе не потому, что он хотел бежать...»

Гром прокатился уже гораздо ближе, чем раньше.

— Они убили рядового Диеша, потому что идет гроза. «Мамми Уота», дух воды, гневается, — сказал Майк с порога, с отвращением глядя на тупое лицо Симона.

— А при чем тут Диеш? — круто обернулся к нему Хор.

— Он был альбиносом...

Это сказал уже Кориев. Хор скривился:

— Дикари! И вы хотите, чтобы они... как это по-вашему... строили «новую жизнь»?

— Такие, как он, не хотят!

На этот раз уже Кориев кивнул на тупо уставившегося перед собою Симона.

— Таких устраивает то, к чему зовете их вы!

Хор досадливо отмахнулся.

— Вы мне надоели, господин журналист!

Он подошел вплотную к Симону.

— Это правда? Насчет грозы... и прочей чепухи?

— Да, сэр! — неожиданно отчеканил Симон. — Диеш мог вызвать духов.

— Идиот! — взорвался Хор и сразу же успокоился. Он потрепал Симона по плечу: — Ладно, иди. Да не вздумай ухлопать еще кого-нибудь. Грозу уже не остановишь, а солдат у меня не так много. И ты... — Майор обернулся к Аде. — И ты, сержант, смотри, чтобы больше такого не было. Бери людей и отзови с берега группу «Эй». Мы выступаем.

— Слушаюсь, сэр!

— А вы, капитан Браун, возьмите все машины, которые найдете на вилле. Кстати, и «Волгу» мистера Кориева. Разместите по машинам солдат — и назад. И напомните им, что нам будут помогать люди с зелеными повязками. Это «пятая колонна», по ним не стрелять.

— Слушаю, сэр!

Майк вышел, вслед за ним вышли, печатая шаг, Симон и Аде.

— Моя школа, — довольно улыбнулся Хор и подошел к столу, за которым сидели Кориев и Мангакис, взялся за спинку свободного стула.

— Итак, господа, я рад, что вы меня не обманули. Если мне пришлось несколько потеребить ваши нервы, то... не взыщите. На войне как на войне.

Он налил себе виски и заговорщически подмигнул Корневу.

— В России мы перед атакой всегда пили водку. Куда надежней этой дряни. Ваше здоровье, господа!

Не дожидаясь ответа, он выпил.

И сейчас же с веранды вбежал Аде.

— Господин майор! — выкрикнул он взволнованным голосом. — Лодки!

— Что «лодки»? — Хор резко обернулся к сержанту. — Ну? Говори!

— Лодки! — Аде перевел дыхание. — Унесло лодки. Сейчас прилив — их унесло!

— А часовой? Где был часовой? Расстрелять мерзавца!

Хор словно взбесился. На губах у него выступила пена. Стиснув кулаки, он подскочил к Аде.

— Кто охранял лодки?

Аде испуганно отшатнулся.

— Ни... никто, господин майор. У нас было так мало людей, едва хватило на посты со стороны города... Я... я... сам проверял... все время, сэр...

— Ну! — угрожающе выдохнул майор. — Твое счастье, что, кроме тебя, мне некого оставить с капитаном Брауном. А то бы на одного осла на земле стало меньше! Ты понял меня?

— Да, сэр! — щелкнул каблуками Аде.

— То-то...

Покорность сержанта несколько смягчила Хора.

— Ты остаешься здесь и головой отвечаешь мне за каждого, кто находится на вилле. За каждого!

Последнюю фразу майор произнес подчеркнуто, по слогам.

В саду послышались топот тяжелых солдатских ботинок и громкая речь. Десантники группы «Эй» возвращались совсем не так, как уходили прочесывать берег: теперь, когда они обеспечили высадку трех батальонов отлично вооруженных наемников, они были уверены в победе.

Хор насмешливо поднес руку к берету.

— А вы, господа, можете продолжать ужин. Впрочем, мы еще встретимся. Во всяком случае, мистера Корнева я обязательно приду проводить на аэродром. Когда его будут высылать.

Он расхохотался, довольный своим остроумием, легко перемахнул через перила веранды и скрылся в темноте.

— Вот и все, — глубоко вздохнул Мангакис и вытер взмокший лоб салфеткой.

— Я в этом далеко не уверен, — задумчиво произнес Корнев.

— Тогда...

Мангакис выпрямился, хотел что-то сказать...

Корнев молча ждал, но советник раздумал.

— Бедняга Гвено, — словно про себя произнес он. — Они его изувечили.

Мангакис склонился над Гвено, легонько похлопал его по щеке, сильно подул в ноздри. Тот застонал и открыл глаза.

— Они... ушли?

Голос Гвено был хрипл и прерывист.

— Где... Хор?

Корнев удивленно вскинул голову:

— Вы его знаете?

Гвено с трудом выпрямился в кресле и попытался улыбнуться:

— Если Хор ушел... жаль.

— Но он убил бы вас! — вырвалось у Мангакиса.

Гвено покачал головой:

— Мы... будем его судить...

Он с трудом поднес к глазам распухшую руку. Лицо его напряглось, губы чуть шевелились. Он смотрел на свои часы.

— Не могу, — сказал он в отчаянии. — Я ничего не вижу.

Корнев бросил взгляд на часы Гвено. Стекло было буквально вмято в циферблат: кто-то из наемников наступил, видимо, на кисть Гвено. Корнев быстро посмотрел на свои часы.

— Ровно одиннадцать, — сказал он.

— Значит, сейчас все начнется...

И при этих словах на вспухшем лице министра впервые получилась не гримаса, а настоящая улыбка.

— Только... жаль... если уйдет Хор...

— Он бредит, — помрачнел Мангакис.

Но Корнев поспешно склонился к Гвено.

— Повторите! — взволнованно попросил он. — Если я вас правильно понял...

Гвено кивнул более уверенно.

— Никто не предполагал, что они изменят место высадки...

— Значит...

— Сегодня мы ликвидировали всю «пятую колонну». Прямо на сборных пунктах их отрядов. Их было легко отличить — они все надели зеленые повязки.

Силы возвращались к Мануэлю Гвено. Он выпрямился в кресле.

— Мы знали о ночном десанте. Я приехал от Кэндала, как только кончилось совещание военных, чтобы увезти вас из опасной зоны. И опоздал...

Он перевел взгляд на стоящий в углу радиокомбайн.

— Включите...

Мангакис поспешил выполнить его просьбу. Послышались позывные «Радио Габерона» — удары тамтама. Потом сухо щелкнуло, и в эфир понесся взволнованный голос диктора:

— К оружию, граждане! К оружию! Два часа назад враги революции высадились на нашей земле. Это отряды наемников, сформированные португальскими колонизаторами, НАТО и международным империализмом. Они хотят отнять у нашего народа его завоевания, вновь отдать нас в рабство. К оружию, граждане!

Диктор умолк. Загремел военный марш. Его слушали в молчании, не отрывая глаз от комбайна. И снова заговорил диктор. Голос его был хриплым. Он старался говорить как можно спокойнее. Но паузы, чуть более долгие, чем нужно, выдавали его волнение.

— Передаем сводку военных действий. Противник высадился силами трех батальонов. В гавань вошли португальские суда «Бомбарда», «Монтанте», «Идол», «Ориент», «Кассиопея», «Дракон». Слушайте наши сообщения каждые пятнадцать минут.

Опять загремел марш, но музыка сразу же оборвалась. Радиостанция прекратила передачи.

Гвено помрачнел. Мангакис заложил руки за спину и, опустив лицо, принялся шагать по холлу — от стола к веранде, от веранды к столу. Его шаги были размеренны и тверды.

— Дикость! — вырвалось у Корнева. — Сидеть и ждать сложа руки...

Гвено, превозмогая боль, решительно встал.

— Я должен выбраться отсюда!

— А как?.. — Мангакис кивнул в сторону сада, откуда доносились негромкие голоса мирно беседующих иаемников.

Кориев демоистративно кашлянул.

— Что вы хотите сказать? — резко обернулся к нему советник.

Корнев прнщурился. Лицо его напряглось. Он подошел к греку.

— Бэзил, — твердо сказал он, глядя в глаза бывшего партизаиа. — Вы командовалн бригадой...

Гвено с любопытством посмотрел на своего советника. Грек отвел глаза.

— Это было... давно... — слабо возразил он. — И потом...

Корнев положил ему руку на плечо.

Мангакис настороженно взглянул на Корнева, глубоко вздохнул. Затем взял стул, уселся на него верхом, положил руки на спинку и задумался.

Кориев и Гвено молчали в ожиданнн.

— Сколько людей Хора здесь осталось? — ни к кому не обращаясь, задумчнво произнес Мангакис.

— До десятка, не больше, — деловито ответил Корнев. — Тише!

Он подиял руку и прислушался. Где-то далеко-далеко приглушенно гремелн выстрелы. Стреляли из легкого оружия, но часто, упорно.

— Это в районе военного лагеря, — заметнл Мангакис. — Будь я на их месте...

— Нам известны их планы... господин... Простите, я не знаю вашего воинского звания.

Это были слова Гвено.

— В последние днн войны я командовал бригадой, — горько усмехнулся Мангакис. — И нас разбнли.

Он покосился на Корнева, н голос его окреп.

— Это было в сорок девятом. Я был полковнником ЭЛАС.

— Армия греческих партизан, — подсказал Корнев мннистру.

— Знаю, — кивнул тот. — А теперь, господин советиик... как я только что слышал... вы вне игры?

Гвено говорил задумчиво, осторожно подбирая слова.

— А жаль... В наших экономических реформах мы продвинулись гораздо дальше, чем в реформах армии.

Вы знаете, что от английских военных мы избавились. Только что проведена чистка высшего командования. Но практически... (он развел руками) сейчас мы можем положиться лишь на солдат и младших офицеров.

— А народная милиция? — вмешался Корнев. — А партизаны Кэндала?

— Да, мы вооружили народ, но подготовка милиции еще очень слаба. А насчет партизан — это правда. Мы задержали отправку в освобожденные от португальцев районы почти батальон...

— Короче говоря, — решительно подытожил Мангакис, — мне необходимо срочно попасть в ваш штаб?

— Да, — глядя ему прямо в глаза, кивнул Гвено.

ГЛАВА 7

Хор приказал остановить машины в полумиле от радиодома, под прикрытием густой, ровно стриженной стены кустарника.

Здание было построено недавно — год или полтора назад — на окраине Габерона, почти у самой лагуны. Когда-то здесь было сплошное болото. Тучи комаров летели на город из черных зарослей мангров, малярия была бичом Габерона, и долгое время город считался в Европе «могилой белого человека». Кто-то из габеронцев даже в шутку предложил поставить памятник малярийному комару. Но комары не слишком разбирались в переменах, происходящих в стране, и необходимость борьбы с малярией встала и перед молодым правительством Боганы.

И вот наступил день, когда на болота пришли бригады «самопомощи». Школьники, клерки, домохозяйки пришли с лопатами и кирками, носилками и корзинами. Дренажные каналы квадратами расчертили топь. Мангры отступили к лагуне. А затем рыбаки принялись запускать в воду каналов черного габеронского карася, большого охотника до комариных личинок. Карась жирел — ловить его здесь было строго запрещено, и габеронцы, обычно не слишком покладистые по отношению к закону, строго соблюдали запрет.

На осушенной земле появились ровные, тщательно ухоженные лужайки с редкими кустами, широкие ленты асфальта, расчерченные белыми квадратами для стоян-

ки автомашин. Именно здесь вырос радиодом — гордость всей республики. Строил его архитектор-авангардист, и здание из стекла и бетона являло собой беспорядочное скопление кубов и параллелепипедов. Висячие галереи шли вдоль этого сооружения, прорезанные низкими вертикальными щелями, похожими на бойницы дота.

Внутри тоже царствовал модерн. Картины художников-абстракционистов украшали лабиринты коридоров. Стеклянные полустены позволяли видеть далеко — на несколько «кабинетов» вперед. Но только человек, хорошо знакомый с радиодомом, мог быстро и без труда найти нужную ему комнату.

Обычно радиодом охранялся лишь престарелыми вахтерами в выгоревшей зеленой униформе, мирно дремавшими на грубых стульях кустарной работы у двух или трех дверей с разных углов здания.

Они-то и сопровождали новичков по лабиринту радиодома, получая за этот труд небольшую мзду. Ночью у главного входа спал ночной сторож — больше ни в самом здании, ни в его окрестностях обычно никого не бывало.

Но в последние недели вокруг здания патрулировали вооруженные милиционеры под командой армейских сержантов. Правда, по сообщению агентуры, командование десанта знало, что два-три дня назад патрулирование прекратилось — беспечные жители Габерона не могли заниматься одним и тем же долгое время.

Операцию по захвату радиодома Хор и его группа репетировали до бесконечности. В лагере был выстроен легкий фанерный лабиринт — точно по плану, полученному из Габерона. Группа захвата делилась на три части. Одна должна была блокировать главный вход, заменить сторожа своим человеком и устроить засаду — арестовывать всех, кто вдруг появится у здания. Вторая группа быстро проникала в ту часть здания, где были установлены передатчики, и обеспечивала их работу. И, наконец, сам Хор во главе третьей группы захватывал студию.

Речь главы нового правительства, адвоката, известного в прошлом местного политического деятеля, рассчитывавшего на пост премьер-министра еще до ухода англичан, лежала в кармане защитной куртки Хора. Она была записана на магнитофонную ленту, и оста-

валось только занять аппаратную, чтобы мир узнал о восстановленин в стране старого режима.

Сначала все шло в соответствин с планом. Радиодом казался пустым н тихим, даже ночной сторож куда-то ушел, оставив у входа на циновке, на которой он обычно спал, узелок с едой и одежду. Первая группа быстро блокнровала главный вход. Часть ее залегла на лужайке, часть расположнлась в вестнбюле.

Но уже вторая группа, проникнувшая в радиодом через боковой вход, замешкалась. Корндор, ведущнй к передатчнкам, оказался блокированным тяжелой стальной дверью, которая не значнлась на плане. И подрывник еще закладывал взрывчатку, чтобы проложить себе дорогу в аппаратную, как с тыла молча, без едниого звука ударили «борцы за свободу».

Схватка была жестокой. Нн те, нн другие не стрелялн. Это был бой на ножах, свнрепый, беспощадный. Ни один из десантников не остался в живых. Затем стальная дверь открылась, и люди Кэндала вошли внутрь, к аппаратам, у которых стоялн взволнованные технnки ночной смены, вооруженные автоматами.

Третья группа — группа самого Хора — сначала не встретнла никакнх препятствий. Их было всего семь человек, и они неслышно проскользнули в здание через второй боковой вход.

Хор бежал впереди по лабиринту корндоров, держась поближе к стене и посвечнвая себе под ноги маленькнм снним фонарем.

Сзади почтн вплотную бежал техник-радиооператор. Это он должен был вести передачу — первую передачу нового правительства.

Хор считал про себя повороты — третий, пятый, седьмой... Они выскочнлн на наружную галерею, огибавшую здание. Сквозь узкне и длинные щели-бойннцы, вертикально прорезавшне тонкую наружную стену, тянуло пряным запахом травы, скошенной и оставленной сохнуть на лужайке перед домом.

Хор на бегу повернул голову в сторону наружной стены и вдруг увидел в свете фонарика какую-то тряпку, лежавшую вплотную к стене.

— Вперед! — приглушенно приказал он наемникам. — Третий поворот налево! Я сейчас...

Он нагнулся к ботинку, делая внд, что хочет завязать шнурок, н пропуская солдат вперед. Фонарик он

погасил, но глаза, привыкшие видеть в темноте, четко различали неизвестный предмет.

Пропустив последнего наемника, Хор протянул руку и при свете фонарика увидел... красный берет с черной пятиконечной звездой, берет «борца за свободу».

Хор оглянулся — кругом был камень, они были в каменной западне. Он интуитивно чувствовал опасность, чутье старого солдата предупреждало его...

И в этот момент все вокруг загрохотало. Стрельба шла впереди, у аппаратной. Стреляли внизу, в холле. Засада была подготовлена, она ждала Хора.

Сорвав с брезентового ремня противотанковую гранату, Хор сунул ее в щель-бойницу наружной стены галереи. Затем отбежал метров на шесть, где от галереи как раз отходил один из коридоров, присел за угол и, почти не целясь, дал по гранате длинную очередь из автомата.

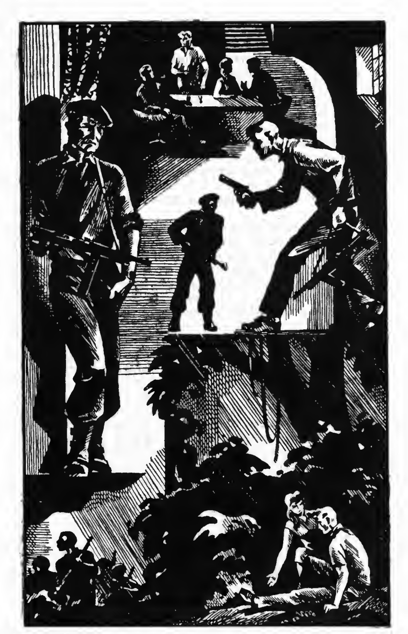
Оранжевое пламя с грохотом брызнуло во все стороны. Едкий горячий дым, перемешанный с цементной пылью, тугой волной ударил в лицо, но Хор, пригнувшись, кинулся в пролом и спрыгнул с высоты третьего этажа.

И в этот момент грохнул еще один взрыв — в другом конце здания. Симон, бывший полицейский, боявшийся «мамми Уота» и веривший, что альбиносы приносят несчастье, смертельно раненный в бою у стальной двери, подполз к порогу и из последних сил швырнул противотанковую гранату в передатчики...

Но Хор не знал этого. Он бежал, петляя, в темноту, туда, где стояли машины, захваченные на вилле Мангакиса: черный «мерседес» хозяина виллы, «Волга» Корнева и «фольксваген» Гвено.

Именно в этот момент ему в голову впервые пришла ясная, жестокая мысль: их предали, и если бы кто-то из людей Кэйдала не обронил в спешке свой берет, он, Хор, никогда бы не вырвался из каменной ловушки, в которой погиб почти весь его отряд.

Уже открыв дверцу машины, он вдруг увидел вспышку и охнул — голень левой ноги обожгло. Брючина сразу стала тяжелой и липкой. Он выхватил из кармана индивидуальный пакет, вскрыл его зубами и перетянул рану поверх брючины, чтобы остановить кровь. Раны он не боялся, но сумеет ли он теперь вести машину?



И в этот момент подбежали наемники. Их было человек пять-шесть — все, что осталось от первой, самой многочисленной группы его отряда. Они бросились в ту же машину, отталкивая друг друга, и Хор, сжав зубы, превозмогая боль, рванул машину с места.

Навстречу ему из кустов бежали люди, на бегу стреляя из автоматов, не целясь. Хор бросал машину из стороны в сторону. Очередь резанула по ветровому стеклу, которое сейчас же рассыпалось на сотни снежных звездочек, и солдат, сидевший рядом с Хором, охнул и захрипел, навалившись на него.

— Уберите! — заорал Хор по-немецки, но его поняли. Кто-то протянул руки, и труп отбросило на дверцу машины.

Стрельба по машине вдруг разом стихла. Хор вырвался на широкий перекресток асфальтовых лент, освещенных оранжевыми фонарями, вздетыми высокими серебряными мачтами к кронам королевских пальм.

На мгновенье Хор словно увидел план города: он отпечатался в его мозгу со всеми подробностями. Налево — аэропорт, направо — военный лагерь. Прямо — лагуна. По этой дороге еще несколько минут назад он вел свой отряд на штурм радиодома.

Хор злобно выругался и притормозил. И справа и слева доносилась пальба, светилось желтое зарево: высадившиеся батальоны штурмовали аэродром и военный лагерь. Хор знал, что, как только эти объекты будут захвачены, на аэродроме начнут приземляться транспортные самолеты с португальскими солдатами. Их срочно «пригласит» на помощь новый премьер. Хор решительно повернул налево, к аэропорту. Но черная рука, появившаяся сзади, легла на баранку.

— К лагуне, маста... — твердо сказал наемник, сидевший сзади.

Бунт? Сидевшие сзади глухо заворчали — они не хотели опять оказаться там, где ждала их смерть.

— Ну подождите! — по-немецки прошипел Хор.

Машина резко повернула к лагуне, к вилле Мангакиса.

Десантникам везло. Резиденцию премьер-министра они захватили без единого выстрела. Но майор Лео, бельгиец, командир первого батальона, насторожился:

у резиденции не было обычиой охраны — двух-трех часовых, которые, по данным разведки, обычио стояли у ворот. В доме не было ни самого премьера, ин его семьи, ии слуг. Пуст был и гараж.

Солдаты в ярости перевернули все вверх дном. Оин крушили мебель, вспарывали подушкн, хватали все, что можно было унести. Майор Лео сидел в домашием кабииете премьера за столом иа втором этаже, и иа душе у него стаиовилось все беспокойиее. Радист, устроившись на полу в углу кабииета, вызывал иа связь Сарыча. Но связь была затрудиена, слышались какие-то страииые помехи.

Тогда бельгиец приказал связаться со вторым батальоиом, люди которого должиы были захватнть штаб «борцов за свободу». Батальоном комаидовал аигличаиии Робинсои, или просто Роб. Роб отозвался почтн сразу.

— Лео! — орал он. — Что у тебя, Лео?

— Птичка улетела, — ответил Лео. — А у тебя?

— Тоже пусто. Похоже, что их предупреднли. Правда, в комиатах иакуреио, они иаверняка были здесь полчаса назад.

— Проклятье!

— Как дела у Хора?

— Не знаю. Никак не могу устаиовить связь — ии со штабом, нн с...

Связь внезапно прервалась. Бельгиец раздражеино выругался. Радист, сндящий на корточках у передатчика, испуганио посмотрел на иего.

— Что-то у них... — поспешил оправдаться он.

— А мне иаплевать! Вызывай сиова! — бешеио заорал бельгиец. — Слышншь, да пожнвее, если тебе дорога шкура!

И почти сейчас же Робиисон отозвался. Голос его был возбужденно весел.

— Они нашлись, Лео! — крнчал ои. — Нашлись! Оин иапали иа иас. Идет бой! Хорошеиькое дельце!

— Кто оии? — спроснл бельгиец.

— Люди Кэидала. Они только что передали нам через мегафои требоваиие сдаться!

В наушиике было слышно, как там, иа другом конце города, трещат автоматы, рвутся сиаряды базук.

«Идиот! — пробормотал про себя бельгиец. — Веселится на собственных похоронах».

— А что думаешь делать дальше? — как можно спокойнее спросил он Робинсона.

— Перебьем этих подонков и двинем на соединение с тобой. Ол райт?

Что-то грохнуло, и связь оборвалась.

— Это у них, — опять испуганно поспешил сообщить радист.

— Без тебя знаю! — огрызнулся Лео и, подумав, снял берет.

Он был суеверен и верил, что несчастье передается от одного человека к другому, как зараза.

На столе вдруг резко задребезжал телефон. Майор непроизвольно снял трубку:

— Алло!

— Майор Лео! — послышался в трубке красивый бархатный голос.

— Я, — сухо бросил бельгиец.

— Вы окружены. Во избежание ненужного кровопролития предлагаю сложить оружие.

— Кто вы?

— Я Кэндал, командир «борцов за свободу». Кстати, предупреждаю, что батальон майора Робинсона сдается. Сам майор только что убит.

Бельгиец оторвал трубку от уха.

— Вы мне не верите? — слышалось оттуда уже тише. — Мы ждали вас. Мы знали о каждом вашем шаге заранее. Не верите опять? Так почему же я знаю ваше имя и звание? Почему я знаю Робинсона?

Бельгиец усмехнулся. Что ж, судя по всему, Кэндал не врет. Не такой он человек, Кэндал. Вот уже семь лет он руководит отрядами «борцов за свободу», целой армией африканцев, которые дерутся как черти — и в Анголе, и в Мозамбике, и в Бисау. За его голову португальцы обещали приличные деньги. Кое-кто в лагере люто завидовал Робинсону — голова Кэндала должна была достаться ему. Бедняга Робинсон, слишком рано он радовался...

Майор Лео бросил трубку. Он быстро принял решение: пробиваться, пробиваться во что бы то ни стало к берегу!

— Майор Лео, майор Лео! — взывала трубка голосом Кэндала. — Мы даем вам на размышление пять минут...

Бельгиец усмехнулся, вытащил револьвер. Оскол-

ки трубки разлетелись одновременно с грохотом выстрела. И сейчас же все вокруг загрохотало, глухо хлопнула базука, и снаряд взорвался где-то на первом этаже.

— Не выдержали! — злорадно сказал майор вслух. — Нервы не выдержали у ваших, господин Кэндал.

Он бросился вон из кабинета, держась поближе к стенам и привычно пригибаясь. Бельгиец был уверен в своих людях — многие из них служили еще Чомбе и с тех пор где только ни бывали. Правда, в батальоне были и ненадежные солдаты-африканцы колониальных частей Португалии, и еще не обстрелянные добровольцы — противники нынешнего режима, бежавшие за рубеж. И когда бельгиец выскочил во двор, просторный, окруженный высокой каменной стеной, он увидел то, что ожидал увидеть. Его ветераны лежали под самой стеной, время от времени вскакивая и посылая в небо короткие очереди. Зато новобранцы в панике метались по двору. Майор поспешно растянулся у двери. Вот взлетела и повисла в небе осветительная ракета.

Внезапно стрельба снаружи прекратилась.

— Сдавайтесь! — загремел металлический голос, усиленный мегафоном. — Народный суд учтет ваше раскаяние. Сдавайтесь, пока не поздно.

Лежащие у стен зашевелились.

— Ну что же вы, идите! — насмешливо крикнул им бельгиец. — Идите прямо на виселицу. А те, кто хочет жить, — за мной!

Он вскочил и прыжками ринулся к воротам из этой проклятой западни, на ходу посылая очереди в темноту впереди себя. Наемники вырвались из огненного кольца и рассыпались по темным, узким и кривым улочкам города.

Третий батальон капитана Блейка, целью которого был захват военного лагеря «Мирида», наступал. Десантники вовремя обнаружили засаду. У кого-то из младших командиров республиканской армии не выдержали нервы — солдаты засады открыли огонь раньше времени, не дав десантникам спокойно втянуться в лагерь, как было намечено.

Блейк бросил батальон в атаку. Наемники, отчаянные, подготовленные лучше, чем не имевшая никакого опыта армия республики, ворвались в лагерь и устремились к военной тюрьме, где содержались под арестом схваченные накануне члены «пятой колонны». Но в тот самый момент с тыла и во фланги им ударили отряды подоспевшей народной милиции. И хотя эти рабочие и служащие, только что получившие со своих складов оружие, имели о военном искусстве весьма отдаленное представление, их натиск был столь яростен, что наемники вынуждены были перейти к обороне той части территории лагеря, которую им удалось захватить.

Капитан Питер Блейк, южноафриканец по рождению, слыл среди офицеров «интеллигентом». Во-первых, он носил очки, во-вторых, его хобби было коллекционирование африканских масок и ритуальной утвари. Каждый его набег на какую-нибудь деревню, будь то в Конго или Судане, Нигерии или Анголе, сопровождался разграблением местных святилищ: как ни скрывали их туземцы, у Блейка был на это особый нюх, и священные ритуальные маски, заботливо вырезанные из пальмы изображения духов предков, фетиши и амулеты черного и красного дерева отправлялись за океан. Там, на одной из бойких улочек Лондона, миссис Блейк, элегантная дама, член нескольких благотворительных комитетов, держала маленький магазин с большими ценами для знатоков: Европа сходила с ума по африканским «примитивам». Обычно экспедиции капитана проходили без особых осложнений, и сейчас Блейк пришел в ярость от того, что кто-то может помешать ему пополнить его «коллекцию» изделиями известных своим мастерством племен Боганы.

Он не скрывал это, приказывая радисту немедленно просить Сарыча открыть огонь из судовых орудий по лагерю.

Лейтенант О'Нил, рыжий зеленоглазый ирландец, лежавший рядом с Блейком в неглубокой придорожной канаве, устланной мягкой травой, где расположился командир третьего батальона, с сомнением покачал головой:

— Но ведь там уже почти вся наша первая рота, Питер. А отойти ей невозможно. Огонь слишком плотен!

— Чем меньше негров останется в Африке, тем лучше, — яростно отрезал Блейк. — Черных на этом свете больше, чем надо.

И тяжелые орудия «Монтанте» и «Бомбарды» заговорили. Координаты цели были заранее известны португальским канонирам. И первый же термитный снаряд угодил в здание тюрьмы, похоронив под ее бетонными обломками сразу всех арестованных по делу «пятой колонны».

И начался ад. Снаряды разносили в пыль глинобитные казармы, они разметали каменную стену вокруг лагеря, оранжевым пламенем пылали пакгаузы с боеприпасами, и защитники лагеря, новобранцы и милиционеры, никогда не бывавшие под огнем тяжелых орудий, стали отступать. Напрасно молодые офицеры пытались удержать их. Они отходили, смешавшись с остатками первой роты батальона Блейка, с десантниками, охваченными паникой, не понимавшими, что происходит. Обстрел продолжался ровно двадцать минут. А затем Блейк хладнокровно кинул своих людей в атаку.

«Пленных не брать, раненых добивать», — был его приказ, и наемники, озлобленные потерями, ворвались в пустой лагерь, в хаос пылающих зданий, трупов, дымящихся воронок и обломков стен.

Ливень разразился как раз в этот момент. Тяжелая лавина воды рухнула на землю, превратив ее в вязкое болото. Удары грома сотрясали все вокруг, молнии рвались над лагерем, словно разъяренная «мамми Уота», толстая Катарвири, дух воды, посылала их на головы врагов своего народа.

— Катарвири гневается, — пролепетал перепуганный радист.

Штаб во главе с Блейком укрылся от ливня в полуразрушенной офицерской столовой.

— Катарвири? — Блейк усмехнулся. — Посмотрим, что она скажет, когда мы отправим ее вещички в Лондон! А ты... (он смерил радиста презрительным взглядом) передай Сарычу, что лагерь взят.

В отличие от Хора Блейк не считал нужным утруждать себя личными переговорами с португальскими офицерами.

У групп, штурмующих аэропорт, где стояли пять истребителей и два транспортных самолета республи-

канской армии, дела шли хуже. Артиллерия кораблей не могла достать эту цель, да и взлетные полосы десантникам было приказано не портить. Неприятности начались уже на подходах к аэродрому. Два взвода десантников вдруг ударили по основной группе: все их солдаты во главе с сержантами перешли на сторону республиканцев. Остальные наемники вынуждены были залечь под перекрестным огнем прямо в саванне, окружавшей аэропорт.

Если бы Хор знал это, он возблагодарил бы бога, спасшего его опять. Но Хор ничего не знал. Он гнал машину к вилле Мангакиса, и душа его была полна злобы: впервые в жизни он был вынужден подчиниться черному!

ГЛАВА 8

Женя сидел в кресле, опустив глаза. Сколько же времени прошло с того момента, когда он услышал, как со двора виллы выехали машины и стало тихо?

— Ничего, — через силу улыбнулся он тогда Елене. — Все будет в порядке. Мы еще выберемся отсюда!

— Да, — сказала девушка.

И в этот момент вошел Майк, вошел и стал к ним спиной у окна, всматриваясь в темноту сада.

Ровно гудел «кондишн», нагнетая в комнату приятную прохладу. Все было мирно, как много лет назад. Они так же вот бывали в этой комнате, втроем, но тогда им было весело и хорошо, у них были общие дела, общие заботы, даже мысли их были схожи. А теперь...

Женя смотрел на широкую спину Майка, вглядывавшегося в темноту за окном. Интересно, о чем он сейчас думает?

Майк стоял, широко расставив ноги, автомат висел у него за спиной дулом вниз. Тяжелые солдатские бутсы казались особенно неуклюжими и нелепыми здесь, в комнате Елены.

«А ведь он влюблен в нее! — вспыхнуло вдруг в мозгу у Жени. — И всегда был в нее влюблен! А я-то, дурак, не замечал!»

«Скорее бы все это кончилось, — думал тем временем Майк. — Все встанет на свои места. Джин уедет,

а Елена останется. Мангакису ведь все равно кому служить: его-то направила на работу ООН! И в конце концов Елена поймет, почему он, Майк, здесь. Он не хочет скитаться, как ее отец, и зависеть от каждого, кто сможет испортить ему карьеру. Он не хочет остаться без родины, без денег, без будущего. И совсем не обязательно заливать кровью африканцев плантации гевеи. Ведь работали же они на землях Фреда Брауна раньше, да еще считали, что им повезло — у них была работа.

А Мануэль Гвено? При мысли о Гвено ему стало немного не по себе. Так вот каким он оказался — никакое не чудовище! Умное лицо, элегантный вечерний костюм. Жаль будет, если новое правительство осудит его на смерть. Но если таков закон, если приговор вынесет суд... Во всяком случае, он, Майк, не допустит, чтобы Гвено убили в доме, принадлежащем Браунам. А пока нужно ждать.

Ох, если бы не Джин! Этот Джин старается вывести его из себя, показать его перед Еленой то идиотом, то негодяем... Как-то так у него получается, что берет верх всегда он, а не другой. Или их учат этому там, в Советском Союзе?

— Можно?

Майк резко обернулся. На пороге стоял Мангакис.

— Пришел проведать, — как ни в чем не бывало сказал он. — Ну как вы здесь?

Майк почувствовал себя неловко.

— Спасибо, дядя Бэзил, — сказал он и сразу умолк: слишком уж фальшиво прозвучали сейчас слова, с которыми он с детства привык обращаться к Мангакису.

Тот добродушно улыбнулся.

— Ну что вы здесь надулись, словно рыба-шар. Знаете такую? Когда на нее нападают, она превращается...

— А разве на нас не напали? — резко сказал Женя. — Пусть он попробует отложить автомат, и тогда мы...

Он потер ушибленную Майком челюсть и зло посмотрел на него.

— И что тогда?

Майк покраснел, резким движением сдернул автомат и протянул его Мангакису.

— Подержите, дядя Бэзил, я ему...

Они стояли грудь к груди — почти одного роста, крепкие парни со стиснутыми кулаками, готовые сцепиться в жестокой мальчишеской схватке.

— Ну? — вызывающе сказал Майк.

— Ну? — в тон ему повторил Женя. — Пойдем выйдем!

— Майк, Женя! — вмешалась Елена, мгновенно очутившись между юношами. — Что это такое? Я запрещаю вам, слышите! А ну помиритесь...

Она не договорила... и вдруг заплакала.

Первым опомнился Майк.

Он откашлялся и постарался придать своему голосу как можно больше твердости:

— Я спущусь на несколько минут вниз. Не попытайтесь что-нибудь выкинуть — дом окружен.

По лестнице он буквально сбежал и лишь перед дверью в холл на секунду задержался, чтобы перевести дух.

— Скоро их разобьют и вышвырнут отсюда, — как нечто само собой разумеющееся, сказал Женя, лишь только за Майком захлопнулась дверь.

— Для того чтобы добиться победы, мало лишь верить в нее, — спокойно заметил Мангакис.

— Надо перебить их! — Женя возбужденно сжал кулаки.

— Это не игра в солдатики, Джин, — покачал головой Мангакис. — Проигрыш здесь оплачивается слишком дорого!

— Я не мальчик! — обиделся Евгений.

Мангакис неопределенно покачал головой. Ну как рассказать этим молодым людям, что творится у него в душе? Как объяснить им, чего ждут от него Корнев и Гвено? Радио молчит: кто знает, что там произошло?

Дочь подошла к нему и прижалась щекой к плечу, заглядывая в глаза.

— Ведь ты воевал, папа, — неожиданно сказала она полушепотом. — Придумай что-нибудь.

— Тебе сказала об этом мать? — резко вскинул голову Мангакис.

Девушка кивнула.

Отец горько усмехнулся.

— Я был плохим солдатом.

— Неправда, мама говорила, что вам не повезло.

Мангакис подошел к окну. Гроза бушевала над западной частью города, там, где был военный лагерь «Мирнида». Пальба в той стороне стихла.

— Дядя Бэзил...

— Ну?

Грек обернулся к юноше. Лицо Евгения было решительно.

— Вы должны уйти отсюда. Вы должны быть...

— Вы словно все сговорились! И ты, и твой отец, и Мануэль Гвено!

Мангакис почти кричал.

— А Елена? Что будет с Еленой?

— Но я же не маленькая, папа! Что вы все твердите: Елена, Елена, Елена?..

— Вы уйдете отсюда вместе, — неожиданно спокойно сказал Женя.

— Не говори чепухи! — рассердился Мангакис.

— Отсюда можно уйти!

Женя осторожно приоткрыл окно: сильный ветер гудел в листве сада.

— Можно, папа, можно! — девушка вдруг радостно запрыгала, захлопала в ладоши.

Евгений благодарно улыбнулся, подошел к ней, обнял — впервые в жизни он обнимал девушку, и все получилось удивительно просто и естественно.

Но Елена слегка оттолкнула его.

— А как ты?

— Я останусь здесь.

— Ты пойдешь с нами, — решительно сказала Елена.

ГЛАВА 9

Мангакис не сразу догадался о способе, при помощи которого молодые люди предполагали выбраться из дома. Одно из окон комнаты Елены выходило в боковую часть сада — всего лишь метров десять было между высоким забором, за которым начинался заросший высокой травой пустырь, и стеной дома. Здесь росло мощное дерево-зонт: его ветви тянулись параллельно земле четко различимыми этажами. Еще несколько лет назад Женя, Елена и Майк изобрели для себя своеобразный вид спорта: из окна, в которое по-

чти упирались две мощные ветви, нужно было перебраться на пустырь за стеной сада.

И сейчас этот путь не был особенно трудным. Главное, чтобы солдаты не заметили, как они будут перебираться из окна на дерево.

— Староват я, чтобы лазить по деревьям, — проворчал Мангакис, прикидывая в уме предстоящий путь по ветвям. — Ну ладно, рискнем!

— Но я пойду, если пойдет и Джин, — упрямо заявила Елена.

Евгений тяжело вздохнул.

— Хорошо. И я с вами.

Ветер все сильнее гудел в ветвях. Во дворе возбужденно разговаривали наемники. Потом кто-то затянул унылую, протяжную песню.

— Тише! — вдруг загремел голос Аде. — Грозы не видали? А ну разойтись по местам! И чтоб больше носа никто во двор не высовывал!

Пение оборвалось. Наемники, вполголоса огрызаясь на сержанта, побрели по своим местам. Во дворе все стихло.

Женя решительно выключил свет и подбежал к окну.

— Я пойду первым, — сказал он и вскочил на подоконник.

Через минуту он уже стоял на массивной ветви, одной рукой держась за другую ветвь, идущую строго параллельно той, на которой он стоял.

— Давай руку! — сказал он, протягивая свободную руку девушке.

Та отрицательно покачала головой.

— Лучше сам держись покрепче. А я-то уж какнибудь...

Она уверенно выбралась из окна.

— Ну что ты стал? Иди же!

Третьим выбрался Мангакис.

Нижняя ветвь пружинила и слегка потрескивала под тяжестью их тел, верхняя, за которую они держались, чуть прогибалась. Но широкие, как у фикуса, листья надежно укрывали их от взглядов снизу. Впрочем, во дворе никого не было.

Они быстро очутились у могучего ствола — половина пути была пройдена.

— А ты храбрая! — с уважением заметил Женя, когда они прижались к стволу, переводя дух.

— Это я от страха, — призналась девушка. — А ты, папа?

Она замолчала, словно подбирая слово, но так и не окончила фразы.

— Осваиваю на старости лет цирковую профессию: новый аттракцион — «Под куполом Мангаксиы», — пошутил ее отец.

— А что из-за нас будет Майку? — вдруг забеспокоилась Елена.

Женя осторожно тронул ее локоть:

— Пошли!

— Тише! Смотри!

Девушка испуганно схватила его руку и кивнула вниз. Сквозь листья было видно, как чья-то тень бесшумно скользнула вдоль стены дома и скрылась за углом. Они подождали еще несколько мгновений и хотели было уже двинуться по ветвям к забору, как вдруг из-за угла грохнуло: один выстрел, второй... Две красные ракеты одна за другой взмыли в черноту ночного неба. И сейчас же еще два выстрела — на этот раз две зеленые ракеты...

— Стой! — раздался сейчас же резкий голос Аде. — Стой, буду стрелять!

У Жени перехватило дыхание. А за углом послышался какой-то шум, глухие звуки ударов и короткая автоматная очередь.

— Сволочь! — громко выругался сержант. — Этот парень кому-то сигналил, господин капитан! Он пытался бежать. Пришлось его...

— Бежать?

Это уже был голос Майка. Затем последовала пауза, и опять голос Майка — встревоженный, резкий:

— Сержант! Давно погас свет на втором этаже?

— Не обратил внимания, господин капитан! — в голосе Аде все еще звучало возбуждение. — А куда этого предателя?

— Да погоди ты!

Женя услышал, как захрустел гравий под ногами Майка, бегущего в дом.

— Бегите! — приглушенно крикнул он, пропуская вперед Елену и ее отца. — Сейчас он все поймет. Быстрее!

Елена осторожно пошла вперед. Ветвь под ногами была скользкая, толстая: словно отполированная кора не держала ногу. Но девушка крепко держалась за другую ветвь, протянувшуюся почти параллельно той, по которой она шла, вверху.

Ветви дерева-зонта росли четко обозначенными этажами — метра полтора пространства отделяло один от другого. И Мангакис мысленно возблагодарил природу, создавшую зеленый мост, по которому он шел вслед за дочерью к свободе.

Оказавшись на самом конце ветви — уже за забором, — Елена секунду помедлила, прыгнула и почти бесшумно упала в густую, высокую траву. Следом за нею тяжело рухнул Мангакис.

«Только бы не нарвалась на змею», — подумал Женя и повернул назад. Он не боялся того, что его ожидало, и думал лишь об одном — сколько минут он сможет выиграть для беглецов: пять, десять, пятнадцать?

Небо над головой грохотало. Гроза была уже почти над домом, и Женя знал — тропический ливень поможет уйти и дяде Бэзилу, и Елене.

Он прыгнул в темноту двора, и в этот момент сноп белого света из окна ударил ему в лицо.

— Стой! — закричал Майк.

Женя успел вскочить на ноги, когда к нему подбежал низкорослый десантник. Автомат висел у него за спиной, он вытянул руки.

Женя ударил его коленом в живот и, когда солдат скорчился головой вперед, обрушил на его шею удар стиснутых вместе рук, как учил их в школе военрук.

—Молодец, сынок!

Женя вскинул голову — напротив у стены высилась здоровенная фигура сержанта. Юноша пригнулся, готовясь к броску, но Аде ловко отскочил в сторону.

Из-за угла к нему бежали двое, трое, четверо наемников. Они рвали из-за спин автоматы...

— Не стрелять! — закричал сверху из окна Майк. — Не стрелять! Взять их живыми!

— Здесь только один, сэр! — крикнул в ответ Аде. — Парень.

«Неужели эта скотина велит гнаться за ними?» —

с ненавистью подумал Женя о Майке. Последовавшее молчание показалось ему бесконечным.

— Ведите его в холл, — глухо приказал Майк, и Женя вздохнул с облегчением.

Наемник у его ног дернулся и затих.

— Герой! — насмешливо сказал Аде, и Женя не понял, к кому это относилось — к нему или к неудачнику-солдату.

— Пошли!

Этот приказ сержанта относился к Жене уже наверняка. Он шагнул вперед, и солдаты расступились, пропуская его к дому.

Они молча ввели его в холл, и первое, что бросилось ему в глаза, — лицо отца. Он медленно поднимался со стула, не сводя с него глаз.

— Ничего, папа!

Евгений старался улыбнуться как можно беспечнее. Это ему удалось, и он вдруг понял, что не боится, ничего не боится — ни того, что происходит, ни того, что может произойти.

И в этот миг во дворе взревел двигатель автомобиля. Хлопнули дверцы. Хор вошел в холл, опираясь на Джимо.

Он понял, что произошло, сразу, лишь только взглянул в лицо Майка.

— Ну?

Он смерил Женю взглядом с головы до ног.

— Вы все никак не угомонитесь, молодой человек. Ай-ай! А еще говорят, что в России много занимаются воспитанием молодежи!

Он перевел взгляд на Корнева-старшего, словно вовлекая его в разговор.

— Я на свое воспитание не жалуюсь!

Женя даже сам удивился резкости своего тона. Думал ли он когда-нибудь, что вот так будет стоять перед самым настоящим гитлеровцем — и нисколько его не бояться?

— Ого! Он не боится!

Хор усмехнулся.

— А почему я должен бояться? Это вам надо бояться. В любую минуту сюда могут прийти, милиция или армия. И вот тогда...

— Молчать!

Хор со стоном опустился в кресло.

— Пока это случится, я отправлю тебя на дно лагуны!

— Вы не посмеете!

Гвено тяжело встал и подошел к Жене.

Хор передернулся.

— А ты, черномазая образина, еще можешь разговаривать. Что ж, тем хуже для тебя...

Он обернулся к солдатам.

— Возьмите-ка его, ребята!

— Стойте! — раздалось вдруг за спиной Евгения, и Майк вышел вперед.

Он вытянулся перед Хором, щелкнул каблуками.

— Это министр, господин майор. Мануэль Гвено.

Хор удивленно поднял брови.

— Ловко!

Он перевел взгляд на Корнева-старшего, поискал взглядом Мангакиса и не нашел его.

Лицо немца налилось кровью.

— А где?..

Майк опустил голову.

— Бежал? — взревел Хор. — И девчонка?

Молния со страшным грохотом ударила где-то неподалеку от дома. Зазвенели стекла. И тут же обрушился ливень.

Джимо испуганно прижался к стене: глаза его округлились, толстые губы тряслись. Он бормотал заклинания.

— Значит...

Хор понял, что ни один солдат не выйдет сейчас из дома, чтобы броситься в погоню за бежавшими пленниками. И ярость его обратилась на Корнева.

— Значит, вы все-таки обманули меня! — прошипел он и уставился на Аде: — А вот... что ты мне скажешь, сержант? Ты вроде бы знал господина министра в лицо!

Аде опустил голову.

— Виноват, сэр. Я давно не видел его. Тогда он был еще совсем молод...

— А что скажете вы?

Майор смотрел на министра.

— Я Мануэль Гвено, — последовал твердый ответ.

Хор откинулся на спинку кресла.

— Что ж, это меняет дело.

Он кивнул Майку.

— Ты подсказал мне одну мысль, сынок! Нет, мы не будем сейчас же расстреливать ни господина министра, ни русского журналиста, они нам, пожалуй, еще пригодятся. Хотя бы... в качестве заложников, а?

Майк вяло вытянулся. Все, что происходило, виделось ему будто в тумане. Он, Майк, выдал беззащитного человека в руки убийц. И Елена узнает об этом. Она же просила его молчать, а он...

Он назвал имя Гвено, стараясь любым способом выиграть время, дать Елене и ее отцу хотя бы две-три лишние минуты. Но теперь уже поздно рассуждать об этом.

— Капитан Браун! — словно издалека донесся до него голос Хора. — Возьмите господина министра и господина журналиста и заприте их в гараж. А с мальчишкой я еще потолкую.

Гвено и Корнев стояли рядом, плечом к плечу.

— Держись, Жека, — сказал Корнев и, обернувшись к Хору, предупредил его спокойным, уверенным голосом: — Если с парнем что-нибудь случится...

— Вы слышите, Хор? — твердо произнес Гвено. — Вы мне ответите за жизнь Джина Корнева собственной головой!

— Слишком многие хотят, чтобы я расплатился с ними именно этим столь ценимым мною самим предметом, — усмехнулся Хор в ответ. Но лишь дверь за пленниками закрылась, Евгений увидел перед собою искаженное ненавистью лицо немца.

В холле их теперь было лишь трое: Евгений, Хор и Аде, молчаливо стоящий за креслом майора.

— Подойди сюда, — Хор смотрел на Евгения пустым, холодным взглядом. — Значит, ты меня не боишься?

Ноги Евгения вдруг стали свинцовыми, тело оцепенело, казалось чужим.

Ливень прекратился, и наступила тишина.

Хор говорил тихо-тихо, почти беззвучно:

— Я бы сам расстрелял тебя...

Лицо его стало бесстрастным.

— Аде! Выведи его... к лагуне!

Хор пристально всматривался в лицо Евгения, стараясь найти в нем страх. А юноша, упрямо склонив голову, шагнул к двери.

...Через несколько минут над лагуной разорвалась короткая автоматная очередь.

ГЛАВА 10

...Елена почувствовала резкий толчок — не удержалась на ногах и упала в траву лицом вперед на вытянутые руки. И сейчас же услышала стон.

Отец лежал на боку, подвернув левую ногу, и тщетно пытался подняться: каждое движение причиняло ему боль.

— Нога... — сказал он.

— Папа!

Девушка вскочила, подбежала к отцу. Он оперся на ее плечо, с трудом встал.

— Не везет... как всегда, — попытался улыбнуться он.

И в этот момент по ту сторону забора послышались крики, треск ломающихся ветвей и шум борьбы.

— Джина схватили, — вырвалось у Елены. — Я вернусь туда! — девушка решительно кивнула в сторону виллы. — Это все из-за меня...

— Нет, — покачал головой отец. — Беги! Беги, дочка, сейчас все зависит от тебя...

— А ты?

— Мне не привыкать, — Мангакис старался говорить как можно спокойнее.

Елена оглянулась. Вокруг стояла высокая густая трава.

— Пошли, — решительно сказала девушка.

— Беги, — задыхаясь, повторил Мангакис. — Они не пощадят тебя...

— Держись за шею, — приказала девушка. — Я потащу...

Ливень, обрушившийся на них, был словно небесное благословение. В секунду они оказались промокшими — холодный водопад, казалось, закипал на разгоряченной коже. Дышать стало легче, и оба судорожно глотали воду, хлещущую прямо в лицо.

Они пересекли шоссе. Ливень прекратился.

Девушка упала на колени: сил больше не было.

— А теперь... оставь меня и беги... к Кэндалу...

Голос отца умолял, Елена никогда не слышала его таким.

— Приведи солдат, милиционеров, кого хочешь. Ведь там... ведь на вилле остались...

Он недоговорил.

Елена встала, всей грудью вобрала воздух и побежала по шоссе. Она не пряталась — мысль об этом не пришла в голову, она бежала изо всех сил, и сердце ее стучало: скорее, скорее, скорее...

— Стой!

Какая-то тень вдруг метнулась ей наперерез из кювета. Крепкие руки схватили ее...

— Пустите! — испуганно закричала Елена.

— Ого! — послышался удивленный голос, и сейчас же она почувствовала, что ее отпустили. Вокруг нее стояли люди в маскировочных куртках десантников, настороженные, с автоматами наизготовку.

Человек, державший ее, отступил на шаг, потер себе щеку.

— Кто вы? — спросила Елена.

Человек, терший щеку, нажал кнопку фонарика, висевшего у него на груди, и широкий круг синего рассеянного света окутал девушку с головы до ног.

— Мисс Мангакис? Дочь экономического советника?

— А вы?

Голос человека с фонарем был знаком Елене.

— Я Кэндал.

— Мистер Кэндал?

Да, теперь Елена определенно вспомнила этот голос: Кэндала она часто видела в городе, он как-то раз даже заезжал к ее отцу. В городе Кэндал был популярен.

Все знали, что Кэндал — не его настоящее имя. В переводе с английского это означало «свеча». Как же его звали в действительности — не знал никто. Даже в Анголе, в португальской тюрьме, где он очутился в четырнадцать лет за участие в забастовке сельскохозяйственных рабочих, уже и тогда его знали под именем «Кэндал».

Сейчас ему было лет тридцать шесть — тридцать восемь. У него была густая, черная, с легкой проседью борода, закрывавшая всю нижнюю часть его широкого, круглого лица. Большие и очень живые глаза все время лукаво блестели. Он любил пересыпать свою речь шутками, пословицами и поговорками, и казалось, что у него вообще не может быть дурного настроения.

Все знали, что именно он несколько лет назад повел горстку повстанцев, вооруженных дробовиками, на

полицейский участок португальцев, чтобы освободить арестованных накануне товарищей. В тот день началось восстание, которое португальцы так и не сумели подавить. Организация «Борцы за свободу», поднявшая восстание, освободила уже значительные территории. Штаб ее находился пока в Габероне.

Но никто никогда не знал, где бывал Кэндал в тот или иной момент: в Богане, где его партизаны проходили военную подготовку, или в джунглях, на базах партизан. Он внезапно исчезал из города и возвращался так же внезапно. Португальцы предлагали за его голову довольно крупную сумму. В него дважды стреляли — один раз в Лондоне, другой в самом Габероне. В Париже его пытались похитить. Его личный секретарь погиб от взрыва мины, вскрывая посылку «с медикаментами», поступившую якобы от швейцарского Красного Креста.

Кэндал с интересом посмотрел на Елену:

— Так куда же вы спешите, мисс?

У нее перехватило горло:

— Там... мой отец...

— Господин советник? Что с ним?

— Он сломал ногу.

Елена заплакала.

— Ну вот! — Кэндал поморщился. — Слезы...

— Скорее, а то они всех там перебьют! Там Джин Корнев, его отец, мистер Гвено.

— Гвено?

Кэндал схватил Елену за плечо и резко тряхнул.

— Ну! Прекратите истерику! Мануэль Гвено у вас на вилле?

— Да, — вытирая мокрые щеки, ответила девушка. — А отец около шоссе, неподалеку отсюда...

Кэндал нетерпеливо кивнул.

— Лейтенант Овусу! Возьмите людей и быстро вдоль шоссе.

— Есть!

Великан в маскировочной куртке и каске с подвязанными к ней ветками что-то сказал на местном языке, и несколько партизан побежали вдоль шоссе.

Сквозь кольцо «борцов за свободу» протиснулся юноша, почти мальчик.

— Радио передало, что власть... в стране...

Он заикался от волнения.

— Ну?

Мальчик опустился на траву и закрыл лицо руками. Наступила глубокая тишина.

Кэндал запустил руку в широкий карман своей куртки и выхватил оттуда маленький, меньше ладони, транзисторный приемник. В тишине раздался легкий щелчок, и все сразу же услышали мужской голос:

— ...ционное правительство страны приказывает остаткам бывшей республиканской армии и людям Кэндала прекратить ненужное сопротивление и сложить оружие. Членам народной милиции вериуться домой. Добровольно сдавшимся будет объявлена амнистия...

Голос диктора был необычен: он говорил с легким иностраниым акцентом. Затем загремел победный марш. Кэндал выключил радиоприемник.

— Встать! Смирно! — неожиданно рявкнул он на мальчишку-радиста. Тот послушно вскочил и вытянулся.

— Марш к рации и немедленно свяжись со штабом, — уже спокойнее продолжал Кэндал. — А теперь слушайте!

Кэндал поднял руку, и бойцы встали вокруг него еще тесиее. Было слышно их тяжелое дыхание.

— Враг способен на любую провокацию, — твердо чеканил Кэндал фразу за фразой. — Сейчас он предлагал вам амнистию. Вы знаете, что значат такие обещания, вы дрались с португальцами в буше. И каждый раз, когда вы громили их, они обещали вам амнистию...

Бойцы загудели, послышался смех.

— Значит, все ясно, — удовлетворенно продолжал Кэндал. — Мы продолжаем выполнять наше задание. По местам!

«Борцы за свободу» словно растворились в черноте ночи.

На шоссе со стороны виллы послышались шаги. Потом они стихли, и вдруг в темноте раздался жалобный крик какой-то птицы. Раз, другой... Неподалеку от Елены отозвалась такая же птица. И тяжелые шаги заспешили прямо на ее крик.

— Ваш отец, — сказал Кэндал девушке, вглядываясь в темноту. — Они нашли его.

Елена вскочила. Впереди замаячили тени, и через минуту рядом с Кэндалом опустился великан Овусу, аккуратно сгрузивший со своей спины Мангакиса.

Елена молча обняла отца.

— Хэлло, Бэзил! С прибытием!

Кэндал приветствовал Мангакиса, словно они встретились на теннисном корте городского клуба.

— Боюсь, что спринтера из меня не выйдет, — грустно ответил Мангакис. — Во всяком случае, от твоих парней мне удрать не удалось.

— Господин советник пытался помериться со мной силой...

Лейтенант Овусу гордо расправил широкие плечи.

— Это было нелегко, — охотно признался грек, и сразу же его голос стал серьезным. — Мне хотелось бы поговорить с вами, Кэндал, наедине...

Партизанский командир кивнул, потом вдруг замер и бросился на землю, увлекая за собой девушку. Овусу распростерся рядом с ними.

— Вот они...

Кэндал замер, чуть приподнявшись над землей. Елена слегка приподнялась тоже. Сначала она ничего не заметила. Потом до нее донесся слабый шорох. Расплывчатые серые тени почти бесшумно скользили вдоль шоссе по обеим его сторонам.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал Кэндал сам себе. — Это те, кто ушел от нас у виллы премьер-министра. Высокий, по-моему, майор Лео.

Тени исчезли так же быстро, как и появились. Подождав минуты две, Кэндал тихо свистнул. Трава зашуршала, подполз один из бойцов его отряда.

— Где радист?

— Связь со штабом пока установить не удается. Идут сплошные помехи, — доложил боец.

Кэндал обернулся к Мангакису.

— Только что «Голос Габерона» заговорил вдруг чужим голосом. Теперь помехи на наших волнах.

— «Пятая колонна» есть и в армии, — спокойно заметил Мангакис.

Кэндал хмыкнул.

— Мы тоже знали волны, на которых работают португальцы. Если бы мы не перехватили разговор майора Лео с Сарычем, мы бы не были сейчас здесь. Сарыч приказал ему отходить на вашу виллу, к майору

Хору. И если нам удастся захватить сразу двух таких крупных преступников...

— Они будут драться жестоко, — с сомнением покачал головой Мангакис. — Я знавал таких... когда-то.

Кэндал свистнул опять.

— Замкнуть кольцо, — жестко приказал он. — Быстро и без шума!

ГЛАВА 11

— Опять ракеты?

Хор передернулся в нервозном ознобе. Пожалуй, впервые в жизни он не чувствовал в себе полной уверенности. События развивались явно не так, как было спланировано в штабе десанта, и Хор понимал, что они направляются уже не Сарычем, а отсюда, из Боганы.

«Подонки, — думал Хор, — подонки — и те, кто организовал высадку, и те, кто в ней участвовал. Никому из них нельзя верить, никому!» Эх, было бы у него десятка полтора таких парней, как этот сержант...

Аде ел глазами начальство. Казалось, он понимал все, что творится в душе у командира, и майору стало от этого неприятно.

Хор опустил голову, закрыл ладонью глаза. Сержант терпеливо стоял рядом.

— А что же дальше, сержант? — неожиданно тусклым голосом спросил он. — Чего мы здесь ждем?

— У нас есть заложники, сэр, — ответил сержант.

— Ах да! Русский и его превосходительство господин министр. Сейчас... Дай мне сосредоточиться...

Аде шагнул к столу, налил полстакана виски. Майор поспешно протянул руку. Он пил виски как воду, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, и зубы его стучали о край стакана.

Но вот лицо его порозовело, черты стали жестче, он мотнул головой, словно стряхивая с себя остатки слабости.

— Кто у рации?

— Я сам, сэр!

На этот раз Аде позволил себе слегка улыбнуться.

— Так надежнее.

Хор не заметил, или, скорее, решил не заметить улыбки на плоском лице наемника.

— Что Сарыч?

Голос его становился все увереннее. Он опять был самим собой — жестоким, решительным, тем самым Хором, кого во многих странах называли «майор Смерть» и разыскивали как преступника.

— Сарыч приказал майору Лео пробиваться сюда. Нам предложено организовать оборону и ждать подхода подкреплений. На рейд вошла еще одна группа судов. В долине реки Кири два батальона полковника Генри перешли границу. У них танки и броневики...

— Это же всего в ста милях отсюда! Чего же ты молчал?

Он на секунду задумался.

— Сколько осталось людей?

— С теми, кто вернулся с вами...

Аде поднял глаза к потолку. Губы его шевелились, шевелились и пальцы: он считал про себя.

— Одиннадцать рядовых, один сержант, два офицера, четыре базуки, пять пулеметов, семь гранатометов, одна рация...

Хор облегченно вздохнул.

— Выберемся!

Аде опустил глаза.

— Если повезет, сэр, — сказал он хмуро.

— Повезет! Мне всегда везет!

Хор остановил свой взгляд на раненой ноге.

— Даже и сейчас — пуля в ногу, а не в лоб!

Аде кивнул.

Хору действительно везло. Он вспомнил об этом сейчас, сидя в кресле у камина, в котором догорали тяжелые бруски красного дерева, и довольно улыбнулся: счастье не изменило ему. Ведь точно так же, почти чудом, ему удалось избежать «котла» в Сталинграде много лет назад. И тогда раненый Хор проскочил по дороге на изрешеченном БМВ — по дороге, которую уже несколько минут спустя перерезали русские. Но тогда он был молод, силен, решителен... Хор усмехнулся — молодость ушла, но на смену ей пришел опыт.

И все же он завидовал молодости. Он завидовал юности Майка Брауна, его неопытности и тому, что называл «сопливым идеализмом». В конце концов, он,

Хор, сходит со сцены, а иа смену ему приходят люди типа Майка Брауна. И что из того, что парень немиого сентиментален — с годами это проходит.

— Прибыл майор Лео, сэр! — доложил с порога один из иаемников.

— Точно! — пробасил и сам майор Лео, отстраняя солдата со своего пути.

Он вошел тяжелым, усталым шагом, прислоиился к стене у самой двери, кивнул Хору и обвел тяжелым взглядом холл.

— Однако вы здесь неплохо устроились! — хмыкиул он. — Со стаканом у камина...

Пестрая куртка его была изорвана, закатанные рукава обнажали тяжелые, поросшие рыжей шерстью руки. Он был высок, широкоплеч, и лишь рост скрадывал тяжелую полноту.

Лео вытер мясистое лицо о свою волосатую руку, перевел дух.

— Почему Сарыч приказал нам пробиваться к тебе? — спросил он Хора, направляясь к столу.

— У меня здесь пока тихо, — пожал плечами немец. — Место удобное для высадки. Мы сами не знали, что высадимся здесь, потому не знали об этом месте и чериомазые...

Он внезапно вспомнил об Аде, спокойно стоявшем за спинкой его кресла.

— Сержант! Идите и примите под свое командоваиие людей майора Лео!

— Слушаюсь, сэр!

Аде вышел, печатая шаг, и Хор с удовольствием проводил его взглядом. Лео перехватил его взгляд, усмехнулся.

— Все играешь в солдатики?

Он налил себе стакан виски, понюхал жидкость, посмотрел иа свет.

— Везет тебе!

Хор махнул рукой.

— Как всегда. У меня тут кое-что есть про запас. Не поверишь — сам министр экономики Гвено!

— Ого!

Лео выпил, с интересом посмотрел на Хора, шутливо погрозил ему мясистым пальцем.

— Ах ты, старый лис! Думаешь, габеронцы согласятся выпустить тебя из мышеловки в обмен иа неиспор-

чениое здоровье его превосходительства? Или ты уже начал торговаться за свою шкуру?

Хор пропустил это замечание мимо ушей.

— Если все идет по плану, вторжение в долину реки Кири уже началось, — сказал он сухо. — Армия Боганы будет скована, там ведь наступают танки. А с милицией и горсткой бродяг Кэндала мы тут управимся. Главное для нас — удержать плацдарм.

— А стоит ли?

Лео поднял мохнатые рыжие брови, напряжение, до сих пор не сходившее с его лица, ослабло.

— Дай-ка мне виски. Дьявол, ногу мою они все-таки зацепили.

Хор засопел, стиснул зубы и сунул руку в карман.

— Выпьем за удачу!

— Выпьем! — охотно согласился Лео.

Он повернулся к столу, и почти в то же мгновение что-то тупое и горячее гулко ударило ему в спину, разрывая, раскалывая его могучее тело. Бельгиец рухнул лицом в тарелки, в предсмертных судорогах цепляясь за стол.

Хор твердо знал, что одного его габеронцы охотнее обменяют на жизнь двух заложников, чем вместе с его другом Лео.

ГЛАВА 12

Гараж, в котором по приказанию Хора заперли Корнева и Гвено, охранял Джимо. Добродушный проповедник меланхолично шлепал по теплым лужам, оставленным ливнем на плотном, хорошо утрамбованном и посыпанном гравием дворе.

За воротами гаража горел яркий свет: мощная лампа под плоским железным абажуром освещала голые стены, верстак.

Мануэль Гвено сидел на старой шине, которую они выкатили из-под верстака на середину гаража. Корнев молча ходил взад и вперед от задней стены гаража к воротам и обратно, кружил вдоль стен, не останавливаясь ни на мгновенье.

Он думал о сыне, о том, как все произошло случайно и нелепо. Он горько усмехнулся: а так ли уж все это было случайно и нелепо?

Ведь он, Корнев, в сущности, знал, что вторжение вот-вот начнется. Об этом знала вся страна. Наемники скапливались на границах, португальцы проводили маневры на побережье, их военные суда то и дело появлялись в прибрежных водах республики. Речь шла только о сроках. А когда республиканское правительство объявило, что конфискует контрольные пакеты акций иностранных банков, стало ясно, что вторжение начнется в ближайшие недели. Габерон чувствовал, что на него надвигается гроза, и готовился к ней.

И Корнев сначала твердо решил написать Жене, чтобы этим летом он не приезжал. Потом передумал. У парня были последние каникулы, и он так любил Африку! Но где-то в глубине души была и другая мысль — сыну пора становиться настоящим мужчиной. А если ему придется понюхать пороху, что ж, это пойдет только на пользу.

Не было для него случайностью и участие сына в побеге Мангакиса и Елены. Да, советник поднялся наверх не затем, чтобы бежать: он был готов к побегу морально, разговоры в холле сделали свое дело. Но Корнев был уверен, что организовал побег его сын — не таков он был, чтобы не попытаться чего-нибудь предпринять, чтобы молча сидеть и ждать сложа руки своей участи.

Слишком хорошо знал Корнев характер своего сына! Он сглотнул комок, подступивший к горлу. Что там, в холле? Что задумал Хор? Что с Евгением? Корнев не верил, не хотел верить, что с сыном может случиться что-нибудь...

Гвено встал и подошел к нему, видно, хотел что-то сказать, но так ничего и не сказал.

Неожиданно ворота скрипнули и приоткрылись. В широкой щели появилась добродушная физиономия Джимо.

— Пардон, маста... — сказал он робко, протискиваясь в гараж. — Свет... можно мне свет?

Он говорил на ломаном английском языке и был явно смущен.

— Я не закрывать дверь? О'кэй, маста?

Джимо обращался к Корневу: белый человек был для него хозяином на всю жизнь, что бы ни случилось вокруг.

Корнев безразлично пожал плечами.

— Таикью, маста, — расплылось в широкой улыбке лицо Джимо. — Таикью...

Ои попятился и скрылся, оставив ворота приоткрытыми. Гвено осторожно подошел к воротам и выглянул иаружу. Затем ои обернулся, прижал палец к губам и кивиул Корневу. Тот, стараясь ие шуметь, подошел к иему.

Сиаружи, присев иа корточки, расположился Джимо. Он держал в полосе света перед собою — почти иа вытяиутых руках — тоикую киижечку в твердой обложке из прозрачиого пластика. Толстые губы его шевелились, ои старательно морщил лоб, неуклюже выговаривая вполголоса аиглийские слова.

Автомат его мирио лежал рядом, иа земле. Рядом с ним стоял маленький траизисториый·приемиик с выдвииутой антенной.

— Эй, — иегромко окликиул солдата Гвено.

Джимо вскииул голову, прищурился, стараясь разглядеть лицо Гвеио, из-за спииы которого бил яркий свет.

— Дай нам приемиик!

Гвено сказал это властио, иа местиом языке, и Джимо поспешио выполиил его приказ. Он встал и протяиул приемиик Гвеио, и в тот же момеит сильиый рывок втянул его в гараж.

Рваиув солдата за кисть, Гвено отпряиул в стороиу и выставил вперед иогу. Джимо перелетел через иее и рухиул лицом вииз, иа цемеитиый пол гаража. Гвеио рваиулся вперед, подхватил автомат наемника.

— Ворота! — хрипло крикнул он Кориеву. — Закройте ворота на засов...

Ои стоял с автоматом у ворот, ие сводя глаз с Джимо, сидевшего иа полу и державшегося обеими руками за голову. Засова иа воротах ие было.

Корнев схватил лом, старый и ржавый, забытый, вероятно, здесь много лет иазад. К счастью, иа створках ворот были привареиы скобы, которыми пользовались как ручками. Корнев поспешио суиул туда лом.

Джимо обалдело крутил головой, все еще ие поиимая, что случилось. Гвеио решительио подошел к нему и отцепил от широкого брезеитового пояса противотаиковые граиаты, киижал. Джимо суиул руку во внутреииий карман и сам протянул ему пистолет.

— Парабеллум, — сказал он с уважением к оружию.

— Все? — строго спросил его Гвено.

— Да, маста...

Джимо вскочил на ноги и вытянулся.

— Ладно! — прикрикнул на него Гвено. — Садись в угол и читай свою книжку.

Он поднял радиоприемник, щелкнул кнопкой.

— ...дром в руках солдат революции, — говорил голос с португальским акцентом. — Войска освобождения наступают из долины реки Кирн. Генеральный штаб войск свергнутого режима сдался в полном составе. Революционное правительство, не желающее дальнейшего кровопролития, еще раз предлагает солдатам и милиционерам бывшей республики прекратить бесполезное сопротивление и сдать оружие. Вы слушаете радиостанцию «Голос Габерона».

Заиграла бравурная, победная музыка.

Корнев вопросительно посмотрел на Гвено. Тот стоял как вкопанный, закусив губу.

— Предатели! — яростно шептал он. — Заговорщики!

Взгляд его остановился на пистолете, который он сжимал в левой руке.

— Ну теперь они меня живым не возьмут!

Корнев осторожно взял у Гвено пистолет.

— Я не верю, что они захватили радиодом. Хор бы не вернулся сюда, да еще без своих молодчиков.

Снаружи, почти у самых ворот, заскрипел гравий.

— Тише!

Корнев осторожно заглянул в щель между створками ворот:

— Майк Браун!

— Если он попытается войти, пусть пеняет на себя!

Гвено все еще не мог взять себя в руки.

— Побережем пули для врагов, — тихо заметил Корнев.

— Он враг!

Майк уныло прохаживался около гаража, тяжелые ворота которых он сам закрыл полчаса назад за теми, кто был ему... Майк боялся признаться себе, как дороги стали вдруг ему и Джин, и Корнев, и даже к Гвено он не испытывал сейчас ненависти. Майк корил себя за то, что не сдержался, увидев пустую комнату — там, на втором этаже виллы Мангакиса. Тревогу он поднял непроизвольно и, если бы под Джином не обломилась

ветка, может быть, постарался дать возможность бежать и ему, как он позволил бежать Елене и ее отцу.

Майк не думал, что будет с ним дальше: утром, завтра, послезавтра. Его жизнь кончилась сегодняшней ночью, по крайней мере, та жизнь, которой он жил до сих пор.

А какой взгляд был у Корнева-старшего, когда он проходил мимо Майка! Корнев, казалось, видел все, что творилось у него в душе, он смотрел на юношу как на обреченного, он прощался с ним. И странное дело, Майк чувствовал именно себя заложником в руках Хора: он был здесь пленником, а не Корнев.

А теперь был мертв Джин. И это он, Майк, схватил и предал его в руки убийц. Рука его непроизвольно скользнула в карман куртки — маленький пятизарядный револьвер, подаренный отцом, сам лег в ладонь.

И Майк пошел в темноту, к лагуне. Часовые не остановили его, когда он зашел по щиколотку в теплую воду и побрел вдоль берега — туда, где метрах в ста от виллы темнели несколько пальм.

Из города доносилась редкая стрельба, иногда завывали сирены. Черное небо то с одного края, то с другого загоралось красным, белым, зеленым пламенем. Но у лагуны пока все было тихо, хотя ночная тишина доносила откуда-то милях в трех отсюда рокот автомобилей.

Майк шел по привычке, выработавшейся в тренировочном лагере, почти бесшумно. Он был уже метрах в двадцати от пальм, когда из-за одной из них вдруг ухнула ракетница — раз, два, три, четыре. Две красные ракеты, две зеленые...

Заученными движениями он бросился на песок, откатился в сторону и замер. Перенапряженные нервы больше не могли выдержать, им требовалась разрядка. Короткий бросок, еще, еще... Светлая тень выскользнула из-за пальмы.

— Руки вверх, или буду стрелять! — раздался негромкий голос Джина. — Руки! — грозно повторил Джин, и Майк как во сне пошел на него. Слезы радости застилали ему глаза, текли по щекам. Он глотал их и шел навстречу автомату, плясавшему в руках Джина.

— Буду стрелять!

Джин отступил на шаг, еще на шаг. Спина его уперлась в пальму.

— Стреляй! — прошептал Майк, но Джин его не

слышал. Он изо всех сил давил на курок, но автомат молчал. Джин в отчаянии опустил его и взял за дуло, как палку.

Они стояли в метре друг от друга и молчали.

— Ты... — наконец выговорил Джин. — А я чуть тебя не застрелил... Вот видишь...

Он вздохнул и опустил голову. Майк как во сне протянул руку, и Джин отдал ему автомат.

— Ты забыл нажать на предохранитель...

Майк снял затвор с предохранителя и протянул автомат Джину.

— Спасибо, — вздохнул Джин и взял оружие.

Майк молча опустился на песок, сел лицом к лагерю, вытянул ноги и оперся на отставленные назад руки. Джин сделал то же самое. Они сидели несколько минут, не говоря ни слова.

— Значит, он не убил тебя...

— Нет...

— А ракеты? Кому ты подаешь сигналы?

Голос Майка был глух. Он глубоко втянул воздух, тяжелый, душный.

Джин молчал.

— Значит, ракеты тебе дал...

Майк боялся поверить своей догадке: Аде — предатель? Сержант, старательно выслуживающийся перед Хором, на самом деле не тот человек, за которого он себя выдает?

— Я убью его, — решил он вслух.

Евгений отодвинулся. Автомат лежал у него на коленях дулом в сторону Майка.

— Нет, — сказал Евгений. — Ты не смеешь его убивать.

— Я сейчас пойду и убью его! — глухо и уверенно повторил Майк. — Это он предал нас. Это из-за него погибло столько людей.

— Людей? — Евгений горько рассмеялся. — Среди вас он один был настоящим человеком.

Майк не ответил. Но лишь только он шевельнул рукой, как Джин направил автомат прямо ему в лицо.

— Ты сам снял автомат с предохранителя, — предупредил он.

— Мне все равно. Стреляй!

Майк неторопливо встал.

— Ну? Стреляй же!

Евгений колебался. Наконец он опустил автомат.

— Майк!

Он впервые за весь вечер назвал Майка по имени.

— Майк, — твердо повторил Джин. — Не ходи туда. Беги, Майк! Аде спрятал лодку. Она... здесь. Беги. Тебе нельзя оставаться здесь. Тебя расстреляют.

— Да, — повторил Майк. — Расстреляют.

— Я прошу тебя, Майк, прошу!

Евгений тянул Майка за рукав куртки к воде, к мангровому дереву, торчащему из лагуны подобием черного шатра. И Майк сделал было шаг вслед за ним и сейчас же остановился.

— Я не могу, Джин, — сказал он в отчаянии. — Я должен остаться. Должен!

Он кивнул в сторону виллы.

— Меня послал отец. Он верил, что я буду с ними. И я должен быть с ними!

— И убивать? Женщин, детей, стариков?

— Мы пришли сюда не для этого, — возразил Майк. — Мы хотели сделать все так, как было раньше, вернуть людям то, что у них отняли.

— Плантации?

— Тебе этого не понять, — грустно заметил Майк.

— Зато я могу понять, что ваши бандиты расстреляют и моего отца, и Мануэля Гвено, если наемников не отпустят на корабли. А их не отпустят, ни за что не отпустят! И правильно сделают!

Майк опустил голову, помолчал с минуту, потом поднял лицо.

— Нет. Твоему отцу и Мануэлю Гвено ничего не сделают, — сказал он твердо. — Я обещаю тебе...

Он обернулся и медленно пошел к вилле. Женя догнал его, забежал вперед, загородил путь.

— Не ходи, — тихо попросил он.

Майк отрицательно покачал головой.

— Если ты выдашь Аде, ты мне больше не друг! — с отчаянием выкрикнул Евгений.

Майк молча отстранил его с дороги и медленно, очень медленно пошел вдоль лагуны. Когда он отошел метров на пять-шесть, Евгений решительно вскинул автомат, стиснул зубы и тщательно прицелился в понурую спину...

И в этот самый момент Майк обернулся.

— Я не выдам его, — негромко сказал он. — Но я должен идтн. Я должен быть там.

И он пошел к вилле, все ускоряя и ускоряя шаги.

Евгений долго смотрел ему вслед, пока темнота не скрыла Майка. А ведь всего лишь несколько мгновений назад... Он вздрогнул: да, еще несколько мгновенний назад, не обернись Майк, он нажал бы курок.

Евгений провел ладонью по лицу, стер крупные капли пота. Всего лишь полчаса прошло с тех пор, как его привелн сюда, к пальмам, на самый берег лагуны.

Мокрый песок глушил шаги. Гроза ушла дальше, н в разрывах черного неба ярко сверкали крупные звезды. После ливня стало прохладнее, и Евгений глубоко дышал — свежий воздух почти пьянил.

— Стой! — негромко сказал сержант, и Евгений остановился, повернулся к нему лицом.

«Сейчас я на него брошусь, — твердо решил он, мгиовенно прикинув расстоянне до сержанта. — И пусть будет что будет...»

Ему стало мерзко при мыслн, что он покорно позволит убить себя, не защищаясь, тупо ожидая смерти.

Сержант опустнл автомат и пристально смотрел на юношу.

Тело Евгения превратилось в стальную пружину, он стнснул зубы н склонил вперед голову... «Сейчас, — стучало в его мозгу, — сейчас...»

И вдруг сержант сунул руку за пазуху, вытащнл оттуда что-то н бросил ему.

— Держи! — сказал он отрывисто.

Евгений автоматически вытянул вперед руки и схватил на лету револьвер с шнроким круглым стволом.

— Ракетница! Стрелять сможешь?

Все еще ничего не поннмая, Женя кивнул.

— Врешь! Дай сюда — и смотри!

Евгений протянул ракетницу сержанту. Аде нажал кнопку, н ствол отвалился, как у охотничьего ружья. Сержант ловко засунул туда большой картонный патрон.

— Это красная, — сказал он, протягивая ракетницу Евгению. — Вот красная еще. А это — две зеленые. Ты выстрелишь два раза красными, потом две зеленые. В направлении виллы. Потом уходи. Сразу же.

— Но...

Евгеиий стоял с широко раскрытыми глазами: четыре ракеты, пущеииые кем-то из-за угла дома, две красиые, две зелеиые. Потом очередь. Аде застрелил иаемиика за то, что тот пускал ракеты...

Но сержант словио прочел его мысли.

— Бери мой автомат.

Ои снял с плеча свой «узи» и протяиул его Евгению.

— Сделаио в Израиле. Специальио в расчете иа тропики. Португальские каратели думают, что это им поможет... Смотри, это предохранитель. Сдвинь его, прежде чем будешь стрелять. Но лучше тебе ие стрелять Это иаше дело. Мы кончим его сами.

— Но кто вы? — вырвалось иакоиец у Евгения.

Аде покачал головой.

— Ты слишком любопытеи. Впрочем... ты же выполиишь мое поручение, пустишь ракеты. Ладно. Я Морис Такои. Капитан Морис Такон. Служба государственной безопасиости Республики Богаиа.

Евгений ие верил своим ушам.

— Вы...

— Капитан Морис.

Великан улыбнулся, устало провел ладоиью по своему крупиому тяжелому лицу, затем положил руку иа плечо юноши.

— Ладио! Мие пора идти. Дай автомат.

Он взял «узи», щелкиул предохраиителем, подиял оружие иад головой. Резкая очередь ударила в тишиие, град гильз посыпался на песок.

— Ты пустишь ракеты минут через десять. И сейчас же уйдешь. Понятно?

Он потрепал Евгеиия по плечу.

— Ты хорошо держался, пареиь! Из тебя выйдет толк.

...И теперь Евгений сидел иа песке с автоматом иа коленях. Почему ои не послушался капитана Мориса, почему ие ушел сразу, как только пустил ракеты? Ои не мог уйти. Там, на вилле, отец. И там фашист Хор, который...

Евгений вскочил. Нет, он ие мог ждать, когда кто-то придет и покоичит с Хором. Ведь у него теперь есть оружие.

Он быстро пошел к вилле, пригнувшись, стараясь ступать как можно тише.

Он шел и думал об отце, о Елене, о Мангакисе. Что с ними сейчас?

А Елена и ее отец в это время тряслись в темноте на зеленом «джипе» республиканской армии. Отец постанывал, когда машину подбрасывало на выбоинах шоссе. Ногу ему перевязали в отряде Кэндала — молодой фельдшер ловко наложил шину.

— Там вас должны осмотреть как следует, — сказал он на прощанье.

«Там» означало полицейские казармы, где расположился штаб республиканцев и куда Кэндал распорядился немедленно отправить Мангакиса и Елену.

Девушка отказалась было покинуть отряд.

— Я пойду с вами, —сказала она решительно. — Там мои друзья.

— Нет! — отрезал Кэндал и пошел в темноту не оглядываясь.

Елена с минуту постояла на шоссе, глядя в сторону, куда ушли Кэндал и его «борцы за свободу». Потом вздохнула и шагнула к «джипу», в который шофер и лейтенант Овусу уже усадили отца.

Они проехали километра три, и свет синих фар уперся в железные бочки, окутанные колючей проволокой, перегораживающие шоссе. Из-за бочек раздался окрик:

— Стой! Пароль!

Человек в защитной куртке, держа наготове автомат, вышел на дорогу.

Овусу открыл дверь машины.

— Родина, — шепотом сказал он.

— Победа, — так же тихо отозвался человек в куртке, посветил фонариком, козырнул: — Идите за мной! Дальше ехать нельзя.

Он спрыгнул в кювет и, согнувшись, пошел по нему, изредка оглядываясь.

Шофер и лейтенант помогли Мангакису выбраться из машины. Затем они взялись за руки крест-накрест, и Мангакис с помощью Елены уселся в это импровизированное кресло, обняв своих носильщиков за шеи.

Они дошли до колючей проволоки, окружавшей полицейские казармы, пролезли в один из лазов в ограде и очутились среди сотен вооруженных людей.

Здесь были солдаты республиканской армии, много людей в гражданской одежде, но с красными повязками на рукавах. Они стояли в очередях, тянувшихся

к армейским грузовикам, с которых солдаты поспешио раздавали оружие. Затем сержаиты строили их группами человек по тридцать, и маленькие отряды уходили в темиоту.

— Мы вооружили иарод, — сказал Овусу с гордостью.

Оии подошли к большому пакгаузу, возле которого стоял открытый «джип». На крыше его кабииы торчало безоткатиое орудие.

— От Кэидала, — сказал Овусу часовому у двери пакгауза. — Срочное сообщеиие.

Часовой иедоверчиво оглядел их, заколебался.

— Господии советник? — иеожидаиио узиал ои Маигакиса.

— Вы меия... зиаете? — искреине удивился тот.

Солдат пожал плечами.

— Вы служите моему иароду. Входите!

Солдат отступил от двери, и оии очутились в просториом, залитом ярким светом помещеиии. В цеитре иад большим столом, иа котором была разложеиа карта, освещенная мощиой лампой, прикрытой сверху металлическим колпаком, склоиилось иесколько людей в воеииой форме.

— Противиик перешел граиицу в райоие... — услышала Елеиа слова одиого из офицеров.

И сейчас же воеииые смолкли, стараясь рассмотреть вошедших — после яркого света, падавшего иа карту, их глаза ие сразу привыкли к полумраку пакгауза.

Шофер и Овусу усадили Маигакиса иа стул у самой двери. Затем лейтеиант подошел к столу, вытяиулся, козыриул.

— Овусу?

Маленький худощавый человек в куртке десаитиика дружески кивиул лейтенаиту и поправил большие круглые очки в легкой металлической оправе, делавшие его круглое лицо похожим иа лицо ребенка, страдающего близорукостью.

— Кэндал прислал вам донесеиие, господии командующий!

Овусу вытащил из виутреииего кармаиа куртки сложеииый вчетверо листок и протянул его малеинькому человеку в очках.

Комаидующий взял его и, прежде чем развериуть, улыбиулся Мангакису.

— Что с вами, Бэзил? И как вы оказались у этих разбойников? Да еще с вашей красавицей дочерью!

Он кивнул на Овусу и шофера.

— А вы? — ответил вопросом на вопрос Мангакис. — С каких пор майор Марио Сампайо стал командующим вместо генерал-майора Рэйка?

— Генерал Рэйк перешел к врагу, — сразу посерьезнел Сампайо. — А я лишь временно командую армией.

Он развернул листок, привезенный ему от Кэндала, и бегло прочитал его. Потом перечитал еще раз — внимательнее — и с интересом посмотрел на Мангакиса.

— Среди нас вы — старший по званию, господин полковник, — с уважением сказал он и обернулся к офицерам. — Друзья, позвольте представить вам полковника... впрочем, вы все знаете советника Мангакиса и то, что он в отличие от многих белых, да и небелых специалистов служит нашей стране, как своей родине. Но советник — скромный человек...

Майор хитро подмигнул Мангакису.

— Оказывается, он отдавал нашему народу далеко не все знания.

Офицеры заулыбались.

— Я думаю, именно эти его знания будут нам сейчас кстати. Мы...

Он не успел окончить фразу. Тяжелый рев пронесся над крышей и сейчас же слился с глухими раскатами взрывов. Лампа заплясала, с потолка посыпалась какая-то труха. Дверь сорвало, и она, гулко хлопнув по стене, повисла на одной петле.

— Бомбят! — крикнул часовой, приседая и придерживая рукой каску.

— Сволочи! — вырвалось у Мангакиса, и он погрозил небу кулаком. — Сволочи!

Елена испуганно прижалась к стене. По всему лагерю шла стрельба. Часто-часто хлопали скорострельные зенитки. Удалившийся было гул самолетов опять нарастал — они шли на второй заход. И вдруг небо раскололось от взрыва: оранжевый, нестерпимо яркий свет ворвался сквозь незашторенные узкие окна пакгауза. И сразу же земля заходила ходуном — тр-рах! Лампа заметалась над столом, редко помигивая.

— А-а-а... — пронесся по лагерю восторженный вопль сотен людей.

— Сбили, — выдохнул Мангакис. — Зенитчики.

Он обернулся к Сампайо.

— А что с авиацией, господин командующий?

Тот перевел дыхание, стараясь держаться как можно спокойнее.

— Самолеты выведены из строя под предлогом ремонта. По приказу генерала Рейка, — сухо ответил он и кивнул дежурному: — Узнайте, что за самолет. И есть ли в лагере потери...

Он задержал взгляд на перебинтованной ноге Мангакиса.

— ...да пришлите санитаров и врача.

— Не надо! — твердо произнес Мангакис. — Я никуда отсюда не уйду.

Майор заколебался.

— Хорошо, — согласился он, и его лицо стало жестким: — Вы иностранец, советник, посланный к нам ООН. И мы не имеем права втягивать вас в наши...

— Да, я иностранец. И я слишком долго старался быть нейтральным. Но теперь...

Мангакис попытался встать, чтобы подойти к столу, и со стоном схватился за спинку стула. Елена подхватила его.

— Мы никуда отсюда не уйдем! — решительно сказала она. — Мы шли именно к вам!

На столе резко зазвонил телефон. Сампайо взял трубку.

— Командующий...

Кто-то с другого конца линии кричал на местном языке торопливо, взволнованно. И Мангакис вдруг увидел, что лица офицеров смягчаются, улыбки все шире растягивают их губы.

— Начинайте, — сказал майор в телефонную трубку, положил ее на аппарат и расплылся в широкой улыбке.

— Они высадили десант на аэродроме. Батальон Блейка вышел из лагеря и идет с ними на соединение, направив одну роту к радиодому... (он усмехнулся) на помощь «группе Хора».

Офицеры уже держали себя в руках. Улыбки исчезли, они стали серьезными. Командующий обвел всех взглядом и остановился на Мангакисе.

— Все, — выдохнул он с облегчением. — Десант

португальцев попал в засаду — аэродром в наших руках. Мы просто сообщили известным нам кодом, что десантники контролируют аэродром и готовы принять десант.

— А батальон Блейка?

— Нам надо было его выманить из лагеря. Мы даже пошли на то, чтобы вести радиопередачи от имени людей Хора...

Мангакис облегченно вздохнул.

— Но ведь это могло вызвать панику! — заметил он. — Опасно, слишком опасно...

— Зато теперь, когда началось уничтожение десанта и батальона Блейка... Вот взгляните на карту, полковник...

Овусу и шофер «джипа» подхватили стул, на котором сидел Мангакис, и поднесли его к штабному столу.

Мангакис склонился над картой, внимательно изучая нанесенные на ней отметки. Потом вскинул голову:

— Если не возражаете...

Командующий кивнул.

— Силы вторжения перешли границу. Судя по вашим отметкам, вы собираетесь остановить их? Танковый батальон идет им наперерез. А отсюда наступает полк министерства государственной безопасности.

Командующий опять кивнул.

— Я бы не стал спешить, — задумчиво протянул Мангакис. — Пусть танки отрежут противника от границы. Теперь, когда десант в городе уничтожен, мы не должны упустить и этих...

Мангакис положил ладонь на карту.

— Артиллерию всю выдвигайте на берег. И по судам противника — прямой наводкой. Нужно отогнать их или потопить, прежде чем мы займемся уничтожением группы, наступающей от границы... Да...

Он хитро улыбнулся.

— Продолжайте вести победоносные передачи от имени наемников. Сообщите португальцам, что аэродром захвачен: пусть высылают «правительство», которое они, наверное, уже держат на своем аэродроме.

Офицеры заулыбались. А Мангакис опять углубился в изучение карты. Губы его беззвучно шевелились, глаза возбужденно блестели.

И Елене показалось, что отец ее сразу помолодел лет на двадцать.

ГЛАВА 13

— Майор Хор н майор Лео, сдавайтесь. Вы окружеиы. Помощи вам ждать иеоткуда. Это я, Кэидал, от имени Сарыча приказал вам собраться иа вилле. Сдавайтесь!

Голос, усилениый мегафоном, прозвучал словно с иеба.

Хор с трудом поднялся. Тяжелое тело бельгийца лежало иа полу. В громоздком кулаке зажаты осколки стакаиа.

«Страиио, что иа выстрелы иикто ие пришел, — подумал Хор. — Впрочем, им все безразличио — каждый думает о собствеииой шкуре».

Ои остановил взгляд иа теле бельгийца. Интересно, насколько ои, Хор, переживет его? Потом обошел убнтого, стараясь ие задеть его, и проковылял к вераиде. Когда глаза привыкли к темиоте, ои разлнчнл в саду фнгуры своих людей, залегших вдоль стены, окружавшей виллу.

— Сдавайтесь! — опять загремело с неба. — Вам не уйти. Вторжеиие в долниу реки Кирн сорвано. Наши таики отбросили интервентов. Десаит, высажеииый на аэродроме, окружен н уннчтожается. Батальои Блейка рассеяи. Сам Блейк убит.

— Сержаит! — иегромко позвал Хор.

— Здесь, сэр!

Аде мгиовеиио вырос из темноты, словно только и ждал, когда его позовут, и был где-то совсем рядом.

— Где капитаи Браун?

— Я вндел его возле гаража, сэр...

— Я здесь!

Майк появнлся из сада, со стороны лагуны. Он решительно подошел к веранде, не глядя на Аде, легко перемахнул через пернла.

— Вы слышалн?

Хор кнвиул в сторону, откуда доносился голос Кэидала.

— Онн требуют сдачи, — безразлнчио пожал плечами Майк.

— Это я слышал, — раздраженно поморщился Хор. — А что думаете вы?

Майк отвериулся.

— Оин будут иас судить.

— Вы открываете мне одну истину за другой! — взорвался майор. — А я спрашиваю — намерены ли вы подумать о спасении хотя бы собственной шкуры?

Майк поднял глаза — в них было безразличие.

— Что с вами?

Хор схватил Майка за плечи и резко тряхнул. Взгляд Майка остановился на убитом бельгийце.

— Вы убили майора Лео?

— А... — отмахнулся Хор. — Если бы я не стрелял первым, он убил бы меня. Одно дело — двое заложников за одного, другое — за двоих.

— Тогда вы должны убить и меня.

В голосе Майка было равнодушие.

— Не говорите чепухи! Вы не в счет. Ну кто вы такой? Мальчишка-проводник, никогда в жизни не стрелявший в человека. А мы с Лео открываем список... (он усмехнулся) «врагов Африки». За наши головы обещана награда.

Он выпрямился, лицо его стало даже высокомерным.

Глядя сквозь Хора, Майк прошел в холл, подошел к столу и сел, положив локти и обхватив голову руками. Хор проводил его удивленным взглядом.

— Что с вами? — спросил он в недоумении. — Испугались? Бросьте, вам это грозит разве что двумя-тремя годами тюрьмы, да и то вас отпустят при первой же возможности! Африканцы еще не привыкли держать белых в тюрьмах. Берите пример с меня — я же не боюсь.

Майк ничего не ответил. Его отсутствующий взгляд остановился на скатерти, лицо побледнело, губы плотно сжались.

— Встать! — заорал вдруг во весь голос Хор. — Встать! Мальчишка! Трус! Видел бы тебя твой отец!

— Отец?

Майк словно очнулся, глубоко вздохнул.

— Сдавайтесь! — в третий раз прогремел мегафон. — Я даю вам еще десять минут.

Немец усмехнулся.

— Они знают, что у нас есть заложники, и не посмеют атаковать.

Он обернулся к веранде.

— Сержант! Немедленно связь с Сарычем!

— Есть, сэр, — отозвался Аде.

Майк вскинул голову, тело его напряглось: о, как он ненавидел человека, которого Хор называл сержантом, предателя, подло наносящего удары в спину!

— Приведите заложников, капитан! — с циничной усмешкой прервал его мысли Хор. — Начнем торг.

Корнев первым услышал шаги Майка. Юноша спешил. Решение было принято, и выполнить его было необходимо во что бы то ни стало. Майк теперь уже ни на минуту не сомневался в том, что Хор психически болен. Ведь так хладнокровно застрелить майора Лео — человека, с которым, как говорили в тренировочном лагере, Хор воевал бок о бок и в Конго, и в Биафре...

Распростертый на залитом кровью полу великан бельгиец был словно и сейчас перед глазами Майка. А если Корнев и Гвено...

Юноша не обратил внимания на то, что во дворе ему не встретилось ни души. Он быстро подошел к воротам и рванул створки на себя.

Ворота распахнулись. Гвено и Корнев стояли у входа, направив на Майка автомат и пистолет. Джимо, прижавшись к бетонной стене в дальнем углу, с ужасом смотрел на Майка.

— Идите к лагуне и не оборачивайтесь, — хрипло приказал Корнев и чуть повел пистолетом.

Майк не шелохнулся. Да, это была для него идеальная возможность умереть. Броситься вперед, и... все будет кончено, и больше не надо будет мучиться и ломать голову над всем, в чем он так нелепо оказался замешан.

— Идите к лагуне вдоль стены, слева. К водостоку, — повторил Корнев, заметно нервничая.

Майк молча повернулся и пошел налево. Он знал, где водосток: в бетонной стене, выходящей к лагуне, было пробито довольно большое отверстие. В сезон дождей бурные розоватые потоки устремлялись сквозь него в лагуну, смывая красный гравий, которым посыпался двор.

Майк поймал себя на том, что идет крадущейся походкой, пригибаясь, стараясь держаться поближе к стене.

«Только бы не наткнуться на кого-нибудь из десантников, — думал он. — Ведь ни Гвено, ни Корнев наверняка не умеют обращаться с оружием...»

Он слышал за своей спиной сдержанное сопение простака Джимо. Еще одна глупость этих глубоко штатских людей: они не обезоружили Майка, и стоит ему сейчас броситься на землю — бедный Джимо получит заряд в живот, а он, Майк, прикрывшись его телом, швырнет гранату в...

Но Майк знал, что он никогда не сделает этого.

— В водосток! — приказал Кориев.

Майк пробрался сквозь дыру под стеной: через нее же со стороны лагуны проскальзывали во двор змеи — в период дождей они искали места посуше.

Затем протиснулся толстяк Джимо. Майк усмехнулся, помогая тяжело дышавшему Кориеву выбраться из лаза: ствол пистолета был плотно забит землей, Кориев опирался на него, вылезая из водостока.

Последним, демонстративно отказавшись от руки Майка, выбрался Гвено.

— А что дальше?

Майк стоял у стены, удивляясь, как при таком шумном побеге их не заметил ни один из наемников: они все словно исчезли.

Внезапно со стороны лагуны появилась чья-то тень. Человек осторожно крался к вилле. Вот он подполз к невысокой стене, огляделся и разом перемахнул во двор.

Свет с веранды упал на него, когда он был на гребне забора, лишь на одно мгновение, затем рухнул в темноту.

— Женя! — ахнул Кориев.

— Это Джин, — упавшим голосом сказал Майк.

Он обернулся к своим «конвоирам» и махнул им рукой:

— Скорей! Хор убьет его!

И сейчас же ловко метнулся через забор, не скрываясь, во весь рост побежал по садовой дорожке к веранде, на ходу срывая с плеча автомат. Он слышал, как Кориев и Гвено с трудом спешили за ним.

«Хоть бы Джимо догадался подсадить их», — подумал он, подбегая к веранде.

...Хор и Аде стояли у стены холла — почти рядом с выходом на веранду. Между ними было шагов пять, не больше.

Хор мрачно разглядывал сержанта. Рот его кривился.

— Значит, вы хотите купить свою жизнь, выдав ме-

ня, сержант? И получить деньги, обещанные тому, кто доставит меня живым или мертвым?

— Я офицер, а не торговец преступниками! — отрезал Аде. — Ваша игра проиграна, господин Хор.

И в этот момент майор рванулся вперед. В руках его оказалась тяжелая бронзовая пепельница, схваченная со столика, стоявшего у стены.

Аде отпрянул в сторону, сбил Хора с ног. Он прижал майора к полу. Хор сильным ударом колена в живот отбросил Аде. Тот вскочил, но пистолет был уже в руках Хора.

— Рукн вверх! — раздался голос с веранды.

Евгеннй стоял с автоматом, наведенным на майора.

Немец прыгнул в сторону и нажал курок. Но в это мгновенье Евгения что-то с силой отбросило. И сейчас же автоматная очередь вспорола грудь Хора. Немец пошатнулся, пальцы его впились в спинку стоящего рядом кресла. Колени подогнулись, он опустился на пол, упал на бок, перекатился на спину.

Майк тяжело вздохнул и опустил автомат.

— Вы спасли парню жизнь, — тихо сказал Аде.

Он протянул руку, и Майк послушно отдал ему свой автомат. Корнев и Гвено, ворвавшнеся на веранду следом за Майком, уже подннмали Евгення: юноша, отброшенный Майком, ударился головой об угол стола и теперь, слегка оглушенный, все еще не поннмал, что с ним случилось.

— Арестуйте его, капитан Морис!

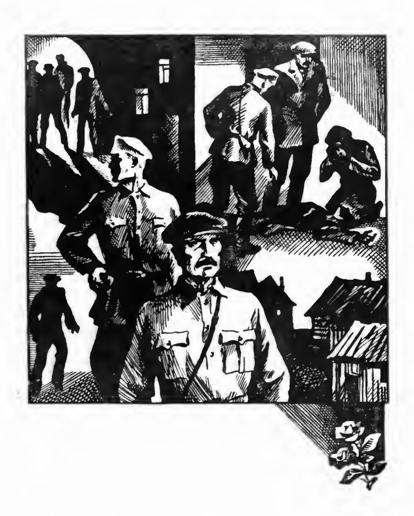
Гвено решнтельно указал на Майка, бледного, стоящего с опущенной головой.

Аде помедлил, затем подошел к Майку н положил ему руку на плечо.

— Уходнте, капитан, — сказал он тихо. — Там, под пальмами, я спрятал лодку. Я верю, что мы с вами... еще будем друзьями.

Майк слабо улыбнулся, потом обвел всех взглядом, задержав его чуть дольше на Евгении, и медленно пошел к выходу.

Юлий ФАЙБЫШЕНКО



Розовый куст

В Горны я попал случайно. Бродил по знакомому с детства Заторжью, обошел кладбище со старыми, не поддающимися времени отполированными цоколями купеческих памятников, вышел за ограду, спустился по Заварной и вдруг увидел пруды, поросшие ряской, наглухо замкнутые с двух сторон высокими почернелыми заборами, на которых, навалясь, дремали яблоневые ветви. Буйно зеленел на противоположном берегу травянистый бугор. По стежке я выбрался туда, огляделся. Со всех сторон подступали к укрытой невдалеке за насыпью железнодорожной линии кварталы пятиэтажных типовых зданий. Горны лежали внизу, обойденные новыми микрорайонами, но пока не тронутые. Дома там стояли вразброд, как попало. У некоторых не было даже заборов. А там, где они и были, за их дощатой неприступностью крылись отнюдь не сады и оранжереи. В Горнах всегда жили люди пришлые, не собиравшиеся оседать здесь надолго, и теперь, когда новостройки обкладывали поселок, как победоносные армии ветхую крепость, еще яснее была его обреченность. Но прямо на взгорке, за которым они и начинались, собственно, эти самые Горны, ударил мне в глаза вешним розовым цветением могучий куст шиповника. Я стоял перед ним, удивляясь его нездешности и рокочущей под ветром ветвистой мощи, сумасбродству самого его красочного явления на скудной и угрюмой земле Горнов. Откуда он? Какой ветер развеял в этих местах розовое семя? Неужели дикая воля природы закинула сюда крохотное зернышко, давшее потом такие цепкие рослые всходы?

Нет, оказалось — куст этот посажен здесь человеком. Давно. Почти полвека назад. Тогда он был розой. Но годы шли, умер человек, присматривавший за ним до самой своей смерти, и вот теперь цветет в Горнах шиповник. Но шиповник — это всего лишь одичавшая роза. А лет прошло много, и было с чего ему одичать.

Вот она, эта история.

ГЛАВА 1

Рабочий день в бригаде по особо тяжким преступлениям заканчивался. Ветер заносил в открытое окно томительный запах сирени. За оградой угрозыска в соседних садах шумели яблони. Кроны, опушенные белым цветением, делали их похожими на гимназисток в форменных фартуках. Закат порой проливался на них, и белые их наряды начинали лиловеть в наступающих сумерках.

— В карты, что ли, сыграем? — спросил Селезнев. Он осмотрел остальных и ни в ком не нашел поддержки.

— В азартные игры не играю, — сказал Стас, поднимая свою взъерошенную кудрявую голову, — и тебе не советую.

— Это почему же? — насмешливо полюбопытствовал Селезнев.

— Как партнёру, — сказал Стас.

— Ах, какие ужасти! — захохотал Селезнев. — Яйца курицу учат!

Климов хотел было срезать Селезнева, сказав, что тот давно напоминает ему каплуна, но дверь распахнулась, и дежурный завопил:

— Особо тяжкие! На выезд!

Они кинулись вниз.

Дежурный, топоча по ступеням подкованными сапогами, на ходу крикливо излагал:

— Позвонила и орет: «Скорее! Скорее! Скорее!» Я говорю: «Что случилось?» А она: «Скорее! Скорее!» Я говорю: «Адрес давай!» А она опять: «Скорее!» В общем, у парка, Белоусовский проезд, дом два. Особнячок такой...

— Погоди, — сказал Климов, останавливаясь, — да там же доктор живет, Клембовский.

— Вот оттуда и звонили...

«Фиат» у шофера Коли долго фырчал, пыхал дымом, но не заводился. Поочередно крутили ручку. Климов уже хотел бежать за извозчиком, но мотор вдруг зарычал, и они вскочили в машину. Через ворота на Тургеневскую, затем по Базарной, разгоняя кур и собак, прыгая по булыжникам выщербленной мостовой, пугая старух на завалинках. Затем поворот на улицу Свободы, дальше по Алексеевской, и на углу перед первыми

кустами парка встали у двухэтажного особнячка с приветливым палисадником.

— Климов, за понятыми! — приказал Селезнев, а сам со Стасом помчался на второй этаж.

На первом жил ювелир Шварц. Открыла бледная горничная, семейство стояло в столбняке, с выпученными глазами. Старик Шварц в расстегнутой визитке сидел в кресле, прикладывая платок ко лбу.

— Гражданин Шварц и вы! — сказал Климов, ткнув ладонью в горничную. — Попрошу быть понятыми.

— Это они ко мне приходили! — объявил Шварц и уставился перед собой.

— А вы кто такой? — вдруг закричала его жена, толстая набеленная женщина с громадными глазами, опухшими от слез.

Климов показал им удостоверение.

— Угрозыск, — сказал он, — и давайте, граждане, без паники. Не к вам они приходили, а к доктору. Они в таких делах не ошибаются.

— Скажите, — сказал вдруг растерянно, по-старчески завертев головой, Шварц, — можно здесь выставить охрану? Я заплачу!

— Мы вас и так охраняем, — сказал Климов. — Пройдемте, граждане, наверх.

— Вы нас охраняете? — закричал Шварц, с внезапной прыткостью вскакивая на ноги. — Да вы рады, что нас укокошат! Вы рады! Вы их даже не ловите! Они же убивают нэпманов! А кто для вас нэпман? Это наживка на удочке! Вы не согласны? Когда убивают рабочих, вы казните! А когда нэпманов, то все равно что червяка! Нэпман для вас не человек! Тогда для чего вы нас разрешили?

— Мы всех защищаем, — ответил Климов. — Пошли наверх, папаша. Наши ждут!

Наверху в комнатах все было перевернуто. Стеллажи, опоясывающие коридор и другие комнаты, были частью выворочены, книги свалены в груду, диваны взрезаны, письменный стол в кабинете зиял пустотами нутра. Ящики вынуты и брошены тут же. Зубоврачебное кресло и бормашина в кабинете сдвинуты с места.

В кухне, прислонившись к стене виском, застыла светловолосая девушка. Она молча огромными глазами, в которых еще плавал неугасший ужас, смотрела на

двигавшихся вокруг людей. Это была дочь Клембовских.

— Климов! — крикнул из комнат Селезнев. — Сюда!

Он толкнул дверь и вошел в одну из комнат. Стас и Селезнев стояли над трупами. Убитых было четверо. Они лежали лицом вниз, затылки у всех были размозжены чем-то тяжелым. Пол и стены сплошь были забрызганы кровью.

— Веди понятых! — приказал Селезнев и, кивнув Стасу, стал приподымать трупы для опознания.

Шварц и горничная вошли. Старик, скорчившись и открыв рот, не мог оторвать глаз от убитых.

— Это кто? — спрашивал Селезнев, морщась и поворачивая голову рослого мужчины с искаженным криком лицом. Мужчина был в жилете и выпущенной из-под него ситцевой рубахе, сапог на босых ногах не было. Почти раздеты были и остальные.

— Кто это, спрашиваю? — уже с раздражением выкрикнул Селезнев и отпустил голову. Она звонко ударила в паркет пола. Все вздрогнули.

— Дворник... — пробормотал Шварц, — а я все думаю, почему Кузьма с субботы не заходил...

Горничная, мутно-белая, стояла, раскачиваясь всем телом, и вдруг медленно начала оседать на пол. Климов едва успел подхватить ее.

— Воды! — сказал он.

— С-сатана! — ощерился Селезнев. — Какая тут вода! Оттащи ее на кухню. Там отдышится.

Климов отнес горничную в кухню, положил там на стол. Дочь Клембовских, оторвавшись от стены, подошла, всмотрелась в лежащую, потом принесла воды, набрала в рот и брызнула ей в лицо. Веки у горничной затрепетали.

Климов вышел.

Инструктор по научной части сметал на свои бумажки слой пыли в коридоре. Фотоаппарат и тренога стояли в углу.

— Сняли, Потапыч? — спросил Климов.

— Увековечил, — Потапыч обернулся и дунул себе в усы. Оба конца вскинулись и осели. — Почерк знакомый.

— Те, что на хуторе поработали? — спросил Климов.

— Они. — Потапыч снял и, внимательно оглядев, вытер пенсне. — Очень беспощадно работают. Нет, это

не здешние. Нашн кодекса боятся. По возможности не убивают. Это залетные.

— Вы мне дело говорите! — гаркиул Селезнев за дверью. — Что лепечете? Я говорю: вы что, шума не слышали?

Чуть слышно зашелестел голос старого Шварца.

— На понятых крнчнт, на арестованных кричит! — поудивлялся как бы про себя Потапыч. — Нет, господа красные сыщики, не одобряю я ваши методы.

Климов заглянул на кухню. Дочь Клембовских сидела за столом н пристально разглядывала что-то на противоположной стене. Казалось, она даже не осознает случившегося. Солице плавило золото ее волос. Коричневые зрачки медленно коснулись Климова и вновь бездумно отвлеклись к прежней точке.

Приехал эксперт судебиой медицины. С ним остались Стас и Селезнев. Им предстояло опросить соседей. Климов и Потапыч могли возвращаться в управлеиие.

— Красотку эту прихватите! — приказал Селезнев, указывая подбородком на кухню. — Климов, сними допрос.

Клнмов растеряино кивнул. Было совершенно непонятно, как снимать допрос с человека в таком состоянии. Он вошел на кухню. Девушка сидела в той же позе, что и раньше. Худые локти были уперты в стол, глаза высматривали что-то на противоположной стене.

— Гражданка, — беспомощно затоптался рядом с ней Климов, — вам надо... В общем, поедете с нами.

Девушка с усилием вслушалась в его слова, казалось, она осваивает незнакомую чужеземную речь.

— Тут... недалеко, — мучился Климов, оглядываясь назад, — машина ждет.

В этот миг на кухню бочком скользнул Потапыч, оттер Климова и, не говоря ни слова, взял девушку за локоть и повлек ее к двери. Клембовская прошла, взглянув на Климова с немой и бессмысленной покорностью.

Пока ехали, не обменялись друг с другом ни единым словом. В подотделе Климов наконец взял себя в руки. Жалость жалостью, а дело делом.

— Ваша фамилия, нмя, отчество?

— Клембовская Виктория Дмитрневна, — пробормотала девушка. Взгляд у нее стал осмысленнее. — Вы нх найдете?

Глаза ее сузнлись. В них появилась странная, почти

сумасшедшая настойчнвость, от которой Клнмову стало ие по себе.

— Вы вот поможете, — сказал он, не выдержнвая силы ее взгляда, — думаю, поймаем. — Воротннчок был хоть выжми. Ои пересчлнл себя. — Где вы работаете?

— Учусь, — оиа опустнла реснниы, н что-то в лнце ее сразу построжало, — в Москве на медицннском факультете.

— Расскажите, как вы обнаружнлн... — он все время подыскнвал слова, — как вы...

Она подияла векн. Глаза ее опять ушлн куда-то. На внске пульснровала жнлка.

— Открыла дверь, — оиа задохнулась, секунду помолчала, но справилась с собой. — Открыла дверь... Ннкто ие встречает... Вошла в папнн кабннет. — Бднтельиый Потапыч подскочнл со стаканом воды. Оиа пила, зубы лязгали о стекло.

— Отдохиите пока, — сказал Климов, злясь на Селезнева за скоропалительность этого допроса. В коице коицов, допросить можно было бы н через час.

В полиом молчаини онн проснդели минут пятнадцать. Входил н уходнл Потапыч. Ветер из открытого окна подобрался к золотым волосам Клембовской н затрепал над узкнм лбом тонкне, светящнеся пряди. Сквозь окио доиосились шумы двора. Переговаривались возчики, ржала лошадь, фыркал мотор «фиата». Протарахтели колеса, процокалн копыта. Раздался голос Селезнева, и через миыуту он уже входнл в подотдел, стягнвая иа ходу кепку с круглой головы. Ои сдвннул Климова со стула, сел иа его место, прочитал протокол и взглянул на Клембовскую.

— Замок открывалн, легко поддался?

— Как всегда, — ответнла она.

— Из вещей что унесено?

— Не зиаю, — оиа посмотрела на него с досадой, — кажется, ковры, верхняя одежда... Не интересовалась...

— Ясио, — с полуусмешкой на иепонятно ожесточнвшемся лице пробормотал Селезиев, — ие до инзменных материй, так сказать.

Клембовская вскннула ресинцы. Зрачкн ее сфокуснровались иа переиосице Селезнева. Все лнцо ее враждебно иапряглось.

— Золотишко-то воднлось у папаши? — иебрежио оглядывал ее Селезнев.

— «Золотишко»? — переспросила она. Неотрывные ее глаза что-то выискивали на селезневском лице. Климову показалось, что на минуту сквозь враждебность на лицах обоих проступило нечто вроде взаимопонимания, Клембовская зло улыбнулась: — «Золотишко» отец давно сдал...

— Уважал наши законы, — хмыкнул Селезнев, — золотишко сдал, а все нэпманы города его золотыми коронками сверкают!

Климов изумленно смотрел на Селезнева: что он делает? О чем он спрашивает?

Хлопнула дверь, вошел начальник управления Клейн.

— Здравствуйте, товаричи!

— Здравствуйте, — Селезнев кивнул на Клембовскую, — вот по делу об убийстве на Белоусовском, два.

— Клембовская Виктория Дмитриевна? — спросил Клейн, присаживаясь сбоку на стул, — соболезную, мадемуазель.

Клембовская перевела на него тяжелый взгляд, установила что-то для себя и опять всмотрелась в Селезнева. Клейн в секунду оценил ситуацию.

— Устроим перерив, — сказал он, четко, как всегда, выговаривая русские слова, — ви можете отдохнуть, мадемуазель, потом продольжим. — Ряд русских звуков не давался Клейну.

— Вы в самом деле заинтересованы узнать что-нибудь кроме того, не утаил ли отец от государства золото? — Клембовская встала. Голос у нее был напряжен, как струна.

— Гражданка, — тоже встал Клейн, — мы же хотим помочь вам!

— Я обойдусь! — уже от двери отрезала она. — Как-нибудь выясню все и без рабоче-крестьянского розыска. — Дверь за ней хлопнула.

— Бур-жуйская дочка! — сквозь зубы просипел Селезнев. — В восемнадцатом мы таких на принудработы гоняли, а теперь я что, нанялся им прислуживать?

— Товарич Селезнев, — жестко взглянул на него Клейн, — ви дольжни научиться отбрасивать все личное при допросах. Объявляю вам виговор. Он будет в приказе.

— Объявляйте, — набычился Селезнев, — но я им не дешевка, чтобы перед нэпманами на задних лапках прыгать!

— У нее семью перебнли! — почти крикнул возмущенный Климов. — А ты...

— Жалостлнвые стали! — Селезнев с презреннем оглядел Климова. — Погодите, дожалеетесь. Они вам революцню живо в отхожее место переделают!

— Вннмание, — перебнл Клейн, — к этой теме есче вернемся. Сейчас о деле: убнйство на Белоусовском, два — редкое по жестокости. Таких преступников мн упустнть не имеем права. Пока у нас нет следов. Однако план есть. — Он оглядел всех прищуренным взглядом. — Мн давно готовнлн чнстку гнилнх углов. Теперь она назрела. Прнвлечем части ЧОНа и пехотнн курси. Бьем сразу по самн опасни место — по Горни. Затем переключаемся на беженскн бараки у Воронежски тракт. После них очередь притонов на Рубцовской.

Климов и остальные слушали его молча. Клейн умел мыслить широко и точно. Это был высокий черноволосый австрнец, с черной щеточкой усов под изящным носом, с умными серыми глазами на худом интеллигентном лице.

В пятнадцатом под Перемышлем во время отражения кавалерийской атаки лейтенант Клейн был взят в плен русскнми драгунами и оказался в туркестанскнх лагерях для военнопленных. Революционная пропаганда прорывалась сквозь проволочные заграждения и тесовые стены бараков. В начале восемнадцатого года вооруженные русскне рабочие распахнули ворота лагерей для военнопленных. И многие тогда связали свою судьбу с русской революцней.

Тяжелое, опасное настало время. Почти два года шагал теперь уже коммунист Клейн по выжженной, встречавшей пулей и казачьим гиком земле фронтов. Дрался под Иркутском и Омском, под Царицыном и Лозовой. На русскую землю падала кровь дважды раненного в боях за революцию австрийского студента и бывшего лейтенанта.

В девятнадцатом его вызвали в отдел по работе с военнопленными.

— Принято решение отправнть на родину часть наших товарищей, — сказал ему пожилой человек в кепи австрнйского солдата. — Согласны ли вы вернуться, чтобы и там продолжать борьбу?

Клейн кивнул. Вnски его вдруг обдало жаром волнення.

— Я согласен, — сказал он.

В конце девятнадцатого он вернулся на родину. Его высокую тонкую фигуру видели на венских заводах, глухой его голос слышали на митингах в Линце, Зальцбурге и Вене. Потом перешел границу соседней Венгрии. Через год за ним захлопнулись ворота будапештской тюрьмы.

В двадцать первом товарищи выручили Клейна. Он бежал.

А через несколько недель страна, ставшая его второй родиной, вновь приняла его к себе. С тех пор прошло два года, и вот теперь он снова пошел туда, где было жарко, — бороться с бандитами. Он руководил губернским розыском. Слово его ценилось дорого. Розыск при нем повел широкое наступление на местную уголовную братию. Но бороться было трудно. Город лежал на пути с юга к Москве. Залетные бандюги появились здесь нежданно, как чума в средние века. После них оставались трупы и чудовищные слухи. Но Клейн осторожно и уверенно вел свою игру. Он походил на шахматиста, когда, склонив голову, как это было сейчас, излагал свои тщательно продуманные планы.

— Самое важное — информация, — заканчивал свое сообщение начальник, — кто-то знает про убийство. Знает и его участников. На Горни знают многие. Раскидываем бредень. Загребем один голавль — неплохо, видим карась — хорошо. — Он замолчал, потом оглядел всех повеселевшими глазами и чуть улыбнулся.

— А поведет на операцию вас Степан Спиридонович. Наконец и он с нами. Это есть мой сюрприз... Сбор в одиннадцать. Всё.

В одиннадцать на тускло освещенном дворе губрозыска собралось полтора десятка сотрудников. Вечер обдавал холодным ветром. Большинство было в шинелях. От конюшни до ворот в линию стояли пять фаэтонов. У забора переговаривались возчики. Парни из бригады по особо тяжким поджидали своего начальника и глухо поминали Горны.

Когда-то, несколько веков тому назад, залегала там Гончарная слобода. Еще и сейчас видны были на этих местах развалины каменных горнов, на которых обжигали когда-то глину. От них и получила слободка свое

название. Теперь это была вольная слободка Горны — приют налетчиков, воров и золоторотцев.

Вечерами выползали оттуда волчьи стан. К рассвету сходились с добычей, делили ее у костров, пили, расшибали тьму гармонями и гитарой. По утрам по канавам и скверам города подбирали трупы обобранных до нитки людей. В прошлом году впервые дошли у властей руки до Горнов. Чоновцы и курсанты, окружив их со всех сторон, с боем ворвались в поселок. После стрельбы и повальных обысков увели с собой несколько десятков захваченных бандитов, унесли пять тел убитых и восемь раненых товарищей.

Но слишком удобно разлеглись они, Горны, — на самой границе города, железной дороги и степи. Было куда идти на дело, было куда удирать при опасности — рядом Москва, в другой стороне дорога на юг. И опять полнились Горны махровым цветом уголовной бражки.

Об этом и толковали ребята из бригады по особо тяжким, когда наконец появился их начальник.

Клыч, плотный, широкоплечий человек в кожаной куртке, поглаживая короткие светлые усы, объяснял что-то возчикам. Клыча в бригаде любили. Он умел быть своим, оставаясь при этом начальником. В схватке первый, он не лез на глаза начальству, держал слово и резал правду-матку всем и всегда, не думая о последствиях. Он был моряк, на английских и русских торговых посудинах обошел моря и океаны, повидал мир, побывал в передрягах и умел их встречать, не теряя соленого матросского юмора и твердого своего нрава. Перед этим за месяц Клыч был ранен в перестрелке. Брали банду Ванюши. Ванюша отстреливался до конца, банду взяли, а частью перебили, и только помощник атамана Тюха удрал. Он и ранил Клыча.

Стас, Селезнев и Климов топтались в углу двора. Дул западный ветер. Селезнев был в штатском. Остальные в шинелях и суконных шлемах. Подошел Гонтарь, огромный парень с улыбчивым лицом, на котором сапожком выдавался крупный нос.

— «Прага», — голосом конферансье объявил он. — Арбат, два, телефон один шесть — три девяносто пять. Ежедневно. Новая грандиозная программа. Гражданин Афонин: обозрение Москвы. А. Рассказова. Рене Кет Арман. Фокстрот. Шиммн. Николаева, Горский, Орлов.

— Протокол, а ну попридержи язык! — крикнул Селезнев.

Клыч, стоя под фонарем, поманил их рукой. Всей группой окружили его. Он осмотрел собравшихся.

— Братишки, — сказал он, разглаживая короткие усы, — чистить Горны сегодня не пойдем. — Он помолчал, небольшие глаза его зло блеснули под густыми светлыми бровями. — На Горнах, — он приостановился и снова оглядел каждого, — на Горнах нас ждут.

Все молча смотрели на него. Возчики позади причмокивали языком. Хрупали лошади.

— Как так? — вырвалось у Климова.

— Так! — сказал Клыч. — Объявлено в шесть вечера. После убийства Клембовских. А к вечеру на Горнах уже ждали.

Все остолбенело пялились на начальника.

— Что это означает, мне вам толковать ни к чему, — глухо сказал Клыч, — или среди нас есть шпанка, которая все доносит своим. Или... со стороны кого-то допущена неосторожность. Поэтому маршрут у нас иной. Будем проверять чайную и бывшие беженские бараки на Воронежском тракте. Там тоже шпаны что грязи. Не промахнемся. Кто у нас в штатском?

Вперед протолкались Селезнев и еще двое.

— Поедете со мной, — приказал Клыч, — в первом фаэтоне. Остальные — разберись по тройкам и по местам!

Толкаясь и переругиваясь, разместились в фаэтонах. Со скрипом открылись ворота, и возки с цоканьем выкатили в ночной, тускло освещенный город. В передних колясках были места, но особо тяжкие не пожелали разделяться. Вчетвером они теснились на сиденьях, и, полузадушенный огромной тушей Гонтаря, Стас делал тщетные попытки выкарабкаться из-под него.

— Все люди как люди, — рассуждал широкоплечий Филин, ворочаясь между Гонтарем и Климовым, — отработали смену и дрыхнут или там любовью занимаются, одних дундуков этих — сыскарей — в любую погоду и в любой час на операции гонят.

— Тебя что, на аркане в розыск тащили? — придушенным голосом возмутился из темноты Стас.

— Да вишь ты, — сплюнул куда-то во тьму Филин, — оно вроде и добровольно, только дюже накладно. — Он помолчал, потом хрипло рассмеялся: — А во-

обще служба заметная. Раньше был кто? Ванька Филин, и все. Только и шуму что хулиган. А теперь по Заторжью идешь, только что собаки не здоровкаются. Хозяин мастерских Гуляев Семка шапку ломит: Ивану Семенычу! А раньше, как после армии я к нему устроился, так чуть не за шкирку таскал...

— Темный ты, Филин, как дупло, — выбрался наконец из-под Гонтаря Стас, — на нашей службе каждый должен понимать идею. А тебе только галуны да нашивки подай! Знал бы, с какими мыслями к нам идешь, перед коллегией вопрос поставил бы: отчислить.

— Вона! — обиделся Филин. — А в деле я не показался? От пули прятался? И Ванюша не от моего нагана в пыль зарылся? Плох Филин, плох, что толковать...

— В деле тебя проверили, — уже менее уверенно заговорил Стас, — тут ничего не скажешь... Только вот мысли твои... каша у тебя в голове, Иван.

— Гримасы фортуны, — прорезал цокот и тарахтение экипажа высокий голос Гонтаря, — взять вот меня. О чем мечтал на фронте? Не поверите: устроиться в цирк и стать чемпионом по французской борьбе. Демобилизовали, а в цирке на пробу выпустили на меня самого Кожемякина. Крах карьеры. Где, думаю, подойдут мои физические совершенства? Пошел в розыск.

— А вот меня ячейка послала, — с обвинительной ноткой в голосе сказал Стас, — стал бы я со всякой мразью возиться. А ребята говорят: уголовщина, бандитизм сейчас — один из самых трудных фронтов республики, я и пошел. А ты, Климов?

Стас и Климов уже около двух месяцев жили на одной квартире, но Климов был так немногословен, что Стас, где только мог, стремился вызвать его на разговор.

Луна выползла и осветила улицы. Ночь, полная звезд и городских щекочущих запахов, смутным ожиданием будоражила души. Под скрип колес в тесноте, но не в обиде уютно было разговаривать, вдыхая крепкий шинельный и табачный дух друзей.

— Ехал я с польского фронта, — заговорил Климов, — ехал с другом, бывшим своим комроты. Приехали в Москву, у меня план верный: университет. Как-никак бывшее реальное за спиной. Кончал, правда, его уже как школу имени Карла Либкнехта, но это не

мешало, наоборот, помогало. Короче, приехали. Поселились на Воздвиженке, у его родственников. Ему еще до Самары ехать. Жена его там ждала и девочка. Голод страшный, да и родственники косятся: из армии голяком... Пошли на Сухаревку закладывать или продать мой польский офицерский ремень — трофей — и его часы. Именные были часы, с монограммой. Народу на Сухаревке погибель.

— Кипень! — встрял Филин. — Палец не просунуть.

— Раскидало нас, — продолжал Климов, — гляжу вокруг: нету друга. Ходил-ходил, затосковал. Через час с лишком гляжу, у палаток столпотворение. Бегу туда, продираюсь сквозь толпу: труп. А лежит мой комроты голый, как перед медицинской комиссией.

Климов замолчал. Дробно стучали копыта. Выезжали на Первогильдейную, за ней лежал Воронежский тракт.

— Шесть лет человек на фронтах отбухал, — с трудом сдерживая дрожь губ, говорил Климов, — ранен был несчетно, выжил, девчонку на свет произвел. И умер ни за понюх... Часы его с монограммой кому-то понравились...

Климов перевел дыхание.

— Вот тогда и решил: буду уничтожать эту мразь! — Он глубоко, до кашля, затянулся. — Эгоизм, братцы, много проявлений имеет, не знаю, избавится ли человечество когда-нибудь от него...

— При социализме избавимся, — вновь подал голос Стас, — при социализме человек будет заботиться прежде о других, а не только о себе.

— Не знаю, — сказал Климов, — хорошо бы, если так... Но думаю, страшнее эгоизма, чем уголовщина, — нет! Убить человека, чтобы денежки его в тот же вечер спустить в притоне, — нет, ребята, чтоб такую сволочь вывести, и помереть не жалко. Считаю, служба наша — вполне на уровне. Полезная она людям.

Все молчали под дребезжание фаэтона.

Отстали последние домики. Впереди забелела полоса тракта. Что-то черное и извилистое змеилось по шоссе. Долетел звук мерного солдатского шага.

— Чонов нагнали! — определил Филин. — Гля, ребята, церемониальный марш!

Передовые коляски остановились.

— Рота, — донеслось издалека, — стой!

Дважды шлепнули и замерли подошвы. Клыч в первом фаэтоне разговаривал с кем-то невидимым в темноте. На подножку последнего экипажа вскочил человек. На курчавых волосах высоко стояла фуражка со звездой. Два веселых глаза смеялись с узкого горбоносого лица.

— Здорово, сыскари! Ильина тут случайно нет?

— Яшка? — Стас окончательно отвалил от себя Гонтаря.

— Докладываю, как бывшему члену ячейки, — куражился курчавый, — два взвода ЧОНа с механического завода изъявили желание участвовать в операции. Явка стопроцентная — и все ради ваших прекрасных глаз, Станислав Иванович, в качестве личной охраны бывшего отсекра ячейки. Видал, как стоят? — несмотря на юмористическую интонацию, в голосе парня была гордость.

Действительно, чоновцы стояли, не ломая строя, ровно глядели в небо дула винтовок. А Яшка Фейгин, балагур и оратор, преемник Стаса на посту секретаря комсомольской ячейки мехзавода, смотрел на них с подножки фаэтона, счастливо и гордо щурясь.

— Ро-о-та! — запел командир.

Яшка спрыгнул. Фаэтоны тронулись. Сбоку в ногу шла колонна. Молодые ребята в кепках и суконных шлемах четко отбивали шаг. Ахали мерно вшибаемые в пыль сапоги и солдатские ботинки.

Замелькали огоньки наверху. Начиналась Мыльная гора. За ней лежал Воронежский тракт. Чоновцы разбились на группы. Двигались тихо. У приземистых, длинных, тускло отсверкивавших огнями построек остановились.

— Трое во двор, — распорядился Клыч. — Все, кто не при форме. Как войдем, двое у входных дверей, остальные по комнатам. По одному ни в коем разе. ЧОН, окружай бараки, никого не пропускать. Пять человек с нами!

...Окончательно разделались с бараками только часам к двум ночи. Нашли и оружие, и несколько самогонных аппаратов, и трех беглых из домзака. Коляски, набитые трофеями, арестованными и охраной, отправили в город. Чоновцев Клыч тоже отпустил. У них смена начиналась в семь. К чайной Брагина пошли вшестером.

Луна взошла и широко осветила пустую, с редкими стеблями ковыля степь. Впереди мерцал огонек. Это и была чайная Брагина. Она стояла на самом краю города, у Воронежского въезда. Около не было никаких других строений, лишь где-то далеко чернели развалины.

— Кто тут бывал? — негромко спросил Клыч.

— Я, — подал голос Филин.

Все шестеро быстро шагали по майской влажной траве и отчего-то говорили приглушенными голосами.

— Селезнев и ты, Филин, вы обходите сзади, — приказывал Клыч. — Там второй выход есть?

— Есть.

— Что во дворе?

— Сарай и клети.

— Двор — ваше дело. Кто выскочит — брать. Остальные в чайную!

Они перескочили кювет и подошли ко входу. На крыльце кто-то валялся, пьяно рыгая. Клыч, переступив через него, отворил дверь и шагнул внутрь. За ним втиснились остальные.

— Угрозыск! Не шевелиться! — объявил Клыч. — Проверка документов.

Самые разные фигуры замерли за столами. Армейские шинели, крестьянские кожухи, городские пальто, полуголые пропойцы в грязных лохмотьях. Большинство вцепились руками в бутылки на столах. Климов давно замечал, что в минуту опасности люди хватаются за самое дорогое.

— Патент на продажу вина есть? — спросил Клыч, поглядывая на хозяина, застывшего у стойки. Рядом замерли двое половых в заляпанных сальными пятнами рубахах, подпоясанных шнурами с кистями.

— Патент? — переспросил могучий толстяк за стойкой. В распахе рубахи под жилетом была видна волосатая грудь. — А как же, гражданин начальник!

Он нагло и весело смотрел, Брагин, но зря он так смотрел. Еще перед облавой Клыч знал, что патента на продажу спиртного у владельца чайной не было. А уж на продажу самогона не давал права никакой патент.

Климов подошел к столу, где сидела компания бородатых мужиков в брезентовых длинных плащах, по виду извозчиков, и отобрал у одного бутылку.

— Самогон? — спросил Клыч.

— Ои самый.

— Документики попрошу! — Клыч решительно шагиул к столу. Извозчики дружно зашевелились, заскорузлыми лапами полезли за пазуху, раздирая иегнущиеся плащи.

В тот же миг грохнулась посуда, брякнул упавший поднос, и, опрокинув входившую хозяйку, на кухню промчался человек в брезентовом плаще и фуражке.

— Сидеть! — приказал вскочившим из-за стола Клыч. — Климов, к дверям. Все равно ие уйдет.

Климов, вырвав из кармана шинели револьвер, встал у кухни. Ноздри его жадно впитывали запах жаркого. Сладко закружилась голова.

Во дворе сухо ударили пистолетные выстрелы.

Клыч приказал другому сотруднику занять место у кухонной двери и послал Климова во двор.

Тот промчался мимо кастрюль, издававших немыслимо сытный чад, мимо скамей с нарублениым мясом, толкиул дверь и вывалился во мрак двора. Тотчас тресиул выстрел, и Климов уловил огненную вспышку. Стреляли из сарая.

— Селезнев! — крикнул ои и отпрыгнул. Опять выстрелили.

— Тут мы! — отозвался Филин. — Обходи его, гада!

Из сарая больше не стреляли. Климов двинулся было ко двору и тут же наткнулся иа телегу. Около мирно жевала лошадь. Климов обошел эту и вторую подводу, сбоку вдоль стены подкрался к сараю. Дверь его была открыта, в черном ее зеве непроглядная тьма. Шагнув еще раз, он наткиулся на кого-то.

— Филин? — шепнул он.

Селезнев ответил тоже шепотом:

— Брать надо!

Опять треснуло. Слышно было, как из стены сыплется древесная труха.

Оии дышали друг другу в лицо, у обоих громко стучали сердца.

— Как брать будем? — шепнул Селезнев.

У Климова от возбуждеиия сел голос. Ои не мог даже ответить. Надо было принимать решение. Касаясь досок стеиы, чтобы ие потерять дороги, ои троиулся вдоль сарая. За углом луиа светила прямо в лицо, озаряя серые доски до самых стыков. Довольно высоко иад землей чернело окио.

Климов огляиулся — поблизости лежало бревио. Он поднял его, подтащил к стеие, осторожно приставил и, обхватив всем телом, стал медленно вползать по нему наверх. Вот и окно. Он ухватился за него, дряхлая рама хрястнула, у самого уха свистнула пуля, и только потом дошел треск выстрела и сразу же повторился, ио стреляли уже не в него. Там, внизу, в сарае, шла борьба. Он, упираясь сапогами в сучья, подполз к самому окну и взглянул вниз. Матерясь и хрипя, ворочалась во тьме куча тел. Ничего нельзя было разобрать. Неловко перебросив вперед ноги, он просунул их в окно и спрыгнул.

Перед иим возились трое.

— Петро, где ты? — крикиул ои, и в тот же миг кто-то, расшвыряв остальных, вскочил. Не отдавая себе отчета, Климов ударил его рукояткой револьвера, и тот, охиув, осел.

Двое иавалились на него, крутя и выворачивая локти.

— Выходи! — прохрипел Филин. Тяжело дыша, оии поволокли оседающего бандита к выходу.

У двери в дом уже ждали остальные. Луч фонаря ударил в обросшее широкое лицо задержаниого. Тот заморгал, попытался отвернуться.

— Здорово, Пал Матвеич, — сказал Клыч. — Достали тебя все-таки.

— Ништо, — сказал Тюха. — Пуля на пулю, баш на баш.

— В тебе нашей что-то не вижу, — сказал Клыч.

— А ты скажи своим легавым, пусть отпустят, — выхрипел Тюха и стал опускаться. — Под ребро пульнули, гады.

— Взять! — приказал Клыч. — Климов, позови хозяина.

Тюху поволокли за дом. Климов ринулся было в кухню, но хозяии, отдуваясь и утирая пот, спешил уже сам.

— Начальиик зовет. — Климов распахиул перед ним дверь.

Во дворе свистел ветер. Пахло помоями и вылитым в окно самогоном.

— Что, Брагин, — сказал Клыч, поглядывая на луиу, — понял, чем дело для тебя пахиет?

— По какой статье паяешь, начальник? — Хозяин угрюмо смотрел в грудь Клычу.

— И за незаконную торговлю самогоном, и за укрывательство уголовного элемента.

Оба помолчали. Слышно было, как шумят внутри дома ожившие после ухода сотрудников гости и как шумно дышит хозяин.

— Может, избегнуть есть тропка? — спросил изменившимся голосом Брагин.

— Избегнуть — нет. Отсрочить могу. — Клыч сунул в карман куртки наган, — а потом, может, суд и скостит по амнистии.

— Освети, начальник.

— Могу, — Клыч помолчал. Потом посмотрел на хозяина. — И чайную твою до другого раза погожу запирать. Вопрос есть. Ответишь, ходи в козырях.

— Ну? — Брагин перестал дышать.

— Кто пришил Клембовского?

— Не взыщи, — развел руками Брагин. — Не знаю.

— Климов, — сказал Клыч, — начнем опечатывать. Ты, Брагин, собирайся.

— Побойся бога, начальник, — застонал Брагин.

— Кто пришил Клембовских?

— Кот, — после долгого молчания сказал Брагин и испуганно обернулся. Никого не было. Только дверь кухни подрагивала от ветра.

— Сообщи, когда появится, — сказал начальник. — Климов, пошли.

ГЛАВА II

В семь его растолкал Стас.

— Службу проспишь, — сказал он и умчался.

Климов, с трудом продрав глаза, стал собираться. Майское солнце било в окно. По комнате медлительно двигался золотой водоворот пылинок. Дерево подоконника было теплым от падавших лучей. Из распахнутых створок окна широко входил запах цветущего сада и свежевскопанной земли.

Он вышел на крыльцо. Стас бегал по саду, и за ним с лаем носился щенок. Потом Стас стал наклоняться, раскидывать руки и приседать. Каждый день с неумолимой строгостью Стас развивал свое щуплое тело гим-

настнкой Мюллера. Климов сбежал во двор, размялся, понграл полуторапудовнчком, сохраннвшнмся у хозяйки от былых торговых времен, потом ополосиулся водой из ведра н быстро оделся. Голубая рубашка с галстуком и штатский костюм стесняли его, но костюмы нм всем были куплены угрозыском с процентов, полученных от продажн нмущества банды Ванюшн. Клейн считал, что агент губрозыска должен был одет, как большннство населення города. А теперь все больше входила в моду штатская одежда, хотя в губкоме, губнсполкоме и в некоторых другнх учреждениях все еще не решалнсь изменить френчу и галифе. Война только что кончилась, да н кончнлась лн? На севере добивалн Пепеляева. Владнвосток лншь полгода как стал советскнм.

Подошел Стас.

— Поеднм?

— Есть что?

— Хозяйка в кредит дала.

Пока ели, Стас листал кннжку по цветоводству. В последнее время ои бреднл цветамн. Добыл где-то семян н под смешкн хозяйкн засаднл имн угол сада. Не было иа свете более рачнтельного цветовода.

— Мие вчера Селезиев втык сделал, — говорнл Стас, жуя горячую картофелиу и морщась от ее жара, — говорнт, я должен полнтпросветработу усилнвать. А то, говорнт, всякне там Гонтарн черт знает какую бузу разводят, а мы нм отпора не даем.

— Не знаю, — сказал Клнмов, — за что Гонтарю давать отпор. Нормальный пареиь... А вот Селезнев твой...

— Селезнев — человек нден, — перебил его Стас. — А вот Гонтарь и Филии — это точно: созиательности в иих не внжу.

— Плохо свое дело делают? — спроснл Климов. — Не припомню, чтобы тот или другой на дежурство не вышли, с опасной операцнн сбежалн...

— Разве только в этом человек познается?

— В чем же, Стас? — спросил Клнмов, подчнщая тарелку. — Объясни ты мне: жнвет на свете человек, хорошо делает свое дело, ие подставляет другнм ногу, смотрнт на мир, вндит его радостн и с инмн радуется, видит его недостаткн и пытается нх нсправнть. Разве это плохой человек?

— Эх, Внтя, — с горечью сказал Стас, — ие идей-

но ты мыслишь, не социальио. Главиое дело, иа чьей человек стороне, за чью идею он готов голову положить!

— А если за свою собственную? — засмеялся Климов.

— Вот такой человек и есть индивидуалист и негодный для общества элемент.

Стас не умел жить без политработы, зря его в этом упрекал Селезнев.

— Вечером увидимся? — спросил Климов, дожевывая последнюю картофелииу.

— Дежурю в танцзале Кленгеля.

— Тогда до завтра.

Бегом, потому что опаздывал — а Клыч этого не любил, — Климов вылетел из калитки.

...В комнате подотдела на подокоиинке сидел Селезнев в роскошном сером костюме, белой сорочке и «бабочке», туго стягивавшей красную жилистую шею. Кепкой он сбивал пылиики с отглажеииых брюк. За столом писал что-то Потапыч, дымя короткой обкуреиной трубкой. В галифе и спортивной фуфайке, обрисовывавшей мускулатуру, прохаживался Филин.

— Не, ей-богу, — говорил Филин, морща низкий лоб и самолюбиво посматривая на остальных. — Если что, я отсюда сматываюсь и открываю спортзал для гиревого спорта.

— Капиталец накопил? — спросил Селезиев, усмехаясь.

— Капитал найду! — упрямо тряхнул челкой Филин. — А без гирь жить человечеству невозможно.

— То-то ты вчера со всеми твоими бицепсами Тюху удержать не мог, — смешливо щурился на него Селезнев.

Филин, набычась, смотрел на него.

— А ты мог?

— Не будь Климова, — снисходительио повествовал Селезнев, — Тюху бы только и видели. Молоток Климов!

Климов не поверил своим ушам. Он уже полгода работал в угрозыске, но похвала Селезнева его изумила. Селезнев хвалить товарищей не любил.

— Вы и сами б его взяли, — сказал он.

— Факт, взяли б, — тут же ответил Селезнев, — но и ты вовремя случился.

— Ты, Селезнев, конечно, здорово вчера на него кинулся, — сказал, багровея, Филин. — Это я ничего не говорю. Но только чего это ты тут награды раздаешь? И сами знаем, кто чего стоит.

— Не любишь, Филин, критику, — захохотал Селезнев. Его крутоскулое сероглазое лицо было полно чувства собственного превосходства. — Вот за это и в комсомол тебя не берут. Не выйдет из тебя человека, Филин.

— Зато из тебя уже вышел, — со злобой сказал Филин, сплевывая. — Коммунист, а вырядился, как фазан. Правильно это, а? Ответь вот тут трудящимся.

Селезнев соскочил с подоконника и прошелся по комнате.

— Я тебе так скажу, гражданин Филин, — резко повернулся к оппоненту Селезнев. — Во-первых, много себе позволяешь, пытаясь критиковать партийца. Вот первый тебе ответ.

Вошел Клыч, кивнул всем и ушел к себе за перегородку.

— Во-вторых, скажу тебе вот что, — продолжал Селезнев, раскуривая папиросу «Ира», — я так считаю: мы — авангард мировой революции, мы ее пружина, нерв. Это правильно?

— Ну правильно, — настороженно глядел на него Филин.

— А раз так, то имею я право во всем и всюду занимать первое место. В стране недород. Тяжело. Но меня это не должно касаться. Меня надо кормить, обувать и одевать. Потому что я обязан быть готов к последнему, решительному бою, ясно? Я должен выглядеть на все сто! Потому что я, если хочешь знать, вроде как бы правофланговый, а по нему всех нас мерят и оценивают.

— Значит, тебя обеспечь и принаряди, а остальные хоть умри, потому что по таким, как ты, и нас должны мерить? — подал голос от своего стола Потапыч.

— Давно замечаю, — жестко и раздельно для большей внушительности проговорил Селезнев, — буржуазным духом попахиваешь, дед. И несешь в массу разброд и шатания.

— Я человек старый, — сказал Потапыч, выдохнув дым, — и вполне могу ошибаться. Тем более времена так перевернулись. Но не могу все-таки сообразить: революция была потому, что одни имели все, другие ничего не имели. А теперь ты требуешь, чтоб ты имел

все, опять-таки даже когда у других нет ничего. Что же, революция для одного Селезнева делалась?

— Уравниловку тебе подай, — негромко сказал Селезнев, что-то обдумывая.

В это время из-за своей перегородки вышел Клыч.

— Я с тобой, Потапыч, согласен, — объявил он, — в тринадцатом году работал я на английском угольщике. Вел понемногу пропаганду. Но англичане, они народ другой. Они прямую выгоду во всем ищут. И вот как-то раз мне один приятель говорит: «Принципы ваши, друг, очень высоки. Но погибнут они, — говорит, — потому, что человек немыслим без жажды стяжательства. Вы победите, — говорит, — и опять кто-то захочет жить лучше других...» А я тогда ответил: «Человек меняется, старина. Мы воспитаем такого человека, который — надо будет — голову сложит за счастье других. А ты, Селезнев, тут проповедуешь черт знает что. И за всеми твоими словами та же пошленькая идейка: я лучше других и хочу жить лучше их. А на каком основании, раздери свою печенку? Чем и кого ты лучше?

Селезнев стоял совершенно прямо. Крутоскулое лицо его было белым, челка прилипла ко лбу.

— Ваше выступление, товарищ Клыч, да еще в среде беспартийных, — медленно произнес он, — я расцениваю как политически вредное. Обо всем этом буду ставить вопрос на ячейке.

— Валяй, — отмахнулся Клыч, — а теперь, ребята, обсудим вчерашние события... Такого дела, как убийство Клембовских, у нас, можно сказать, и не было, кроме, пожалуй, случая на хуторе Веселом. Но как ни верти, а за последние три месяца таких нещадных убийств уже два. Кто докладывает?

Селезнев, уже усевшийся за свой стол, поднялся.

— Лежали они три дня. Соседи Шварцы слышали, что наверху ходят, двигают мебель. Но Клембовский принимал на дому, поэтому они к шуму наверху привыкли. Обнаружила трупы дочь. Учится в Москве в медицинском. Приехала и подняла тревогу. Все четверо: Клембовский, жена, кухарка и дворник убиты ударом ломика или обухом...

— Дочь допрошена? — спросил Клыч.

— Допрошена, — ответил Селезнев, — буржуйская барышня. Сквозь зубы с нами говорит. Не верит рабоче-крестьянскому угрозыску.

— Что унесено из квартиры?
— Она говорит, что только верхняя одежда и ковры.
— Клембовский состояние имел?
— В банке есть вклады, но чтоб он дома хранил большие деньги, едва ли.
— Добавишь, Потапыч? — поглядел на старика Клыч.
Потапыч встал.
— Характер ранений точно такой, как в случае на хуторе Веселом. И еще одно важное добавление. Кухарка изнасилована. В точности так, как на хуторе были перед убийством изнасилованы все женщины. Следов особенных преступники не оставили. Но все же в кладовке обнаружил я полный отпечаток мужских туфель. Это туфли «шимми» — с узким носком. Их носят модники и франты. Размер говорит о принадлежности их рослому мужчине.
— Работаем так, — подумав, сказал Клыч, — по делу Клембовских ответственный Селезнев. Помогает ему Климов. Вчера я Брагина прижал, он слегка поддался. Брать его не будем, да и не за что. Можно только чайную прикрыть, но это, считаю, не мера. А пока Гонтарь поедет к Брагину и продолжит вчерашнюю беседу. Надо вытянуть из него все, что знает. А ты, Климов, — закончил Клыч, — давай-ка пошерсти нашего крестника Афоню да проверь, кстати, как там он... Опять недавно с блатными его видели.

Климов подошел к цирку. Толпа здесь не убывала ни днем, ни вечером. На всех афишных тумбах города ядовито-красные аршинные буквы кричали: ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА. ЧЕМПИОНАТ НА ГЛАЗАХ ПУБЛИКИ. ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ СХВАТОК! РАЙНЕР ПРОТИВ СМИРНОВА. КОЖЕМЯКИН ПРОТИВ ПОБЕДИТЕЛЯ. ПРИОБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ! БЕСПОДОБНОЕ ЗРЕЛИЩЕ! ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ СХВАТОК.

Вторую неделю людские скопища штурмовали деревянное круглое здание с высоким куполом. Барышники и перекупщики наживались больше, чем на ипподроме.
От цирка надо было пройти через местный кремль, а там и проходные механического завода. Афоня не-

сколько месяцев назад попался на деле с убийством. Сам он стоял «на стреме» и думать не думал, в какую его втянут историю. Дружки клятвенно заверили его, что все будет «чисто», без каких-либо «мокрых» дел. Они, возможно, и сами не предполагали застать в квартире, пустой по их сведениям, полупарализованного старика. В розыск позвонили из аптеки. В квартире дома напротив, обычно пустынной, царило странное ночное оживление.

Афоня мерз в подъезде и понял, что происходит, лишь когда железные лапы Гонтаря зажали ему рот. Дружков взяли прямо при упаковке вещей, рядом с трупом хозяина. На первом же допросе Афоня рассказал все, что знал, и дружки подтвердили, что этот среди них случайно. Клыч выхлопотал у суда смягчения срока наказания. Афоня отделался двумя годами условно. Потом его устроили на механический завод, и ребята из первой бригады следили за его дальнейшим поведением. Изредка он был нужен и по делу. Так, как Афоня, местную уголовную братию не знал никто в городе.

Двор завода, еще недавно заваленный металлическим хламом и щепьем, теперь сиял чистотой. Между приземистыми кубастыми зданиями цехов знобко покачивались тоненькие саженцы. Тяжело и низко гудели моторы, изредка их мычанье прорезал высокий высвист шлифовального станка.

Мимо Климова то и дело проносились чумазые парни и девчонки с тачками и носилками. От здания к зданию переходила группка людей, очевидно кто-то из заводоуправления. Климов только собрался подойти, решив выяснить у них про Яшку, как сам Фейгин вылетел из дверей сборочного и понесся по двору к заводоуправлению. Климов кинулся за ним.

— Яшка!

— Ну? — на бегу повернул к нему голову Яшка. Глаза у него сияли, вид был шалый.

— Узнаешь? — на бегу кричал Климов. — Я из губрозыска.

— Климов! Знаю! — Яшка прибавил ходу.

— Я насчет Афони! — кричал Климов, пытаясь выдерживать темп.

— Плохие дела, браток!

Теперь оба они неслись, как кровные жеребцы на последнем кругу ипподрома.

— Подробно давай! — кричал Климов, отдуваясь.

— Погоди!

Домчавшись до здания заводоуправления, Яшка кошкой взлетел на второй этаж. Климов остался ждать внизу. Через минуту они уже дружно неслись обратно.

— Что Афоня? — кричал Климов.

— Лодырь! — тяжело дышал Яшка, наддавая ходу. — Прогульщик! И с блатом не порвал.

— Бросил работу?

— К тому идет...

— Погоди! — взмолился Климов, осаживая Яшку за локоть. — Объясни ты мне, что тут у вас такое происходит? Все как полоумные летают!

— Пресс пускаем! — счастливо заорал Яшка и обхватил Климова за плечи. — Первый пресс! Своими руками собрали, — глаза его плавились от жгучей гордости, — сами пускаем! Понял, браток?

Он отпустил Климова и сгинул, но через минуту, вытирая фуражкой черное от копоти лицо, опять появился и подскочил к Климову.

— Сегодня Афоня нужен?

— Сегодня.

— Ищи у «позорных» касс. За деньгами небось придет, позорник! В пять! — и Яшку опять смыло волной бурлящей заводской жизни.

До встречи с Афоней еще было время, и Климов побрел куда глаза глядят. Глядели они в определенное место, потому что минут через двадцать он оказался на базарной площади, рядом с трактиром Семина, в котором весь розыск обедал, когда бывали деньги. Через окно он увидел за одним столом Гонтаря, Филина и Селезнева. Он хотел было войти, но вспомнил, что денег нет, и постеснялся. Ребята, конечно бы, накормили его, но, во-первых, он сегодня завтракал, что не так уж часто случалось, а во-вторых, хоть есть и хотелось, Климов не любил долгов и очень редко соглашался на одалживания.

Он встал под расцветшей акацией и загляделся на неуемную суету базара, заслушался музыкой его галдежа и гомона, задохнулся в терпких его запахах. От торговых рядов мужики в синих сатиновых рубахах волокли к своим телегам какие-то узлы и кули. Сгибаясь под

тяжестью мануфактуры, семенили бабы с коричневыми лицами, обрамленными белыми платками. Азартно торговались возле сивой рослой кобылы бородатый прасол, в картузе, белой рубахе, подпоясанной кушаком, в черных, спавших на смазные бутылочные сапоги штанах, и низконогий крепкий цыган с ядреными зубами, сверкающими в безбрежной улыбке. Они хлопали по рукам, разбивали сговор, расходились и сходились опять, а лошадь лениво жевала, кося лиловым мокрым глазом, мерно отмахиваясь хвостом от мух.

В коляске на дутых шинах проехал сам Фирюлин, хозяин десятка мельниц и сепараторов.

Мимо Климова то и дело сновали мальчишки из скобяной лавки, пронося на плече длинные узкие ящики с чем-то тяжелым, и хозяин, выходя время от времени на улицу, подгонял их отборным ядреным словом.

«Позорные» кассы были в Кремлевском сквере. Официально они назывались «кассы общественного позора». Там выдавалась получка только тем, кто прогулял или пролодырничал несколько дней. Остальные рабочие получали зарплату в цехе. Сегодня как раз был день получки. Перед тоненькой цепочкой получателей стояла немая толпа и хохотом приветствовала каждое новое лицо, примыкавшее к очереди.

— Ванюха, — орал кто-то, — четверть с тебя, курий сын! За почет — при всем народе получаешь!

— Почет и влечет! — вмешался кто-то еще.

— Работнички «золотые руки»! — потешались в толпе.

Стоящие в очереди или окаменело таращились в затылок товарищу по позору, или, нервно вертя головами, отругивались и пересмеивались с любопытными. Афоня, белобрысый, маленький и вертлявый, появился минут через пять, он влез в толпу, дурашливо кривясь, встал в очередь, затем пнул стоящего последним и начал выкидывать коленца перед толпой, затем снял кепку, обошел зрителей, делая вид, что хочет получить за труды. Порезвившись, опять встал в очередь.

«Артист пропадает, — думал, глядя на него, Климов. — Куда бы его пристроить к самодеятельности? В клуб какой-нибудь? Может, лет так через пяток знаменитостью станет».

В это время внимание любопытных обратилось на новый предмет. Вдоль чугунной витой ограды сада, гремя по булыжнику подковами и железом колес, двигался

обоз. Могучие владимирские тяжеловозы, опустив головы в полотняных, украшенных звездами налобниках, влекли за собой плоские, накрепко сбитые телеги. В телегах, широко раскинув рослые тела и заглушая все уличные звуки, храпели ломовики. Густейший сивушный дух доносило до заполнившего тротуар народа.

— Нанюхаешься, и штофа не надо, — острил кто-то.

— Получку в кооперативе получили, — делились догадками в другом месте. — Ничо, у них животина выучена. Точно к воротам довезет.

— Ишшо бы, всю жизнь с ею упражняются.

Афоня уже расписывался. Климов протолкался и взял его за локоть. Афоня обернулся. Лихое курносое лицо под кепкой подмигивало и лукавило.

— Айда под башню, там потолкуем.

Афоня нырнул кому-то под руку и исчез в толкотне гуляющих. Климов прошел по аллее, завернул за кусты и вышел к башне. Там на камне уже сидел Афоня.

— Афоня, — сказал Климов, — такие у нас, брат, дела, что нужна помощь: кто такой Кот? Кто в его шайке, где они обитают? — Он тоже присел на камень.

Солнышко пригревало, сытый запах навевал дрему, ярко раскрашенные «царьки» планировали и взлетали вокруг них. Афоня задумался. Веснушчатое курносое лицо стало взрослым и угрюмым.

— Хошь верь, хошь нет, — сказал он, — а про энтих что знаю — одна липа. Ни в личность не видел, ни о делах ничего... — Он огляделся. — Слушки о них страшные идут. Это верно. Кот этот, о нем даже в блате говорить страх. Имя! Одно знаю, — вдруг заторопился он, — Куцего Кот прижал. Это вот как на духу. Тот пьяный сам проболтался. Говорит: «Каждая сука будет грозить!» Я говорю: «Тебе? Да где они такие найдутся?» А он говорит: «Нашлись уже. Слыхал про Кота?» Я говорю: «Слыхал». Тот-то и зубами аж заскрипел. «Никому, — говорит, — в жисть не спускал, а тут...»

— А из-за чего?

— Так я понял, что Куцый хотел одного танцора поучить. Оттянул на него на танцах... Это на Куцего-то! Одна девочка им обоим понравилась... Короче говоря, какой-то Красавец. И тут явился в Горны Кот и говорит: «С Красавца брать хочешь?» Куцый говорит: «Возьму». — «Гляди, — говорит Кот, — решай как знаешь, только голову береги». Куцый было рыпнулся, а Кот го-

ворит: «Красавец — мой человек, усек?» — и ушел. Ну, Куцый, конечно, усек. Маруху уступил! — Афоня звонко расхохотался: — Не, ты понял, а? Куцый какому-то Красавцу маруху уступил? Конец света!

— А на каких танцах они сцепились?

— У Кленгеля небось, где ж еще!

— Слушай, Афоня, — сказал Климов, помолчав, — я еще вот о чем: опять ты работу забросил, опять со шпанкой дружбу свел, забыл, куда такая дорожка ведет?

Оживление на курносом лице паренька пропало.

— Так я ж для пользы дела, — сказал он, отводя глаза, — вам вот могу помочь.

— Брось, — сказал Климов, — работать надо, парень. Иначе жизни не будет.

— Да неохота! — закричал вдруг Афоня визгливо. — Неохота, понял? Я, может, эти станки в гробу видал! Не могу я завод выдерживать: гром, лязг, железо! Воротит меня!

— Там главная жизнь страны...

— Пущай, — перебил Афоня, — какая хошь там жисть: главная, подчиненная — не могу я там, пойми ты, Климов! И ребята хорошие, а в глаза им смотреть не могу! Работать там не буду! Уволюсь. Вот!

— Ладно, — в раздумье сказал Климов, — работу мы тебе, может быть, подыщем другую, раз эту так нервно воспринимаешь. А когда с блатом порвешь?

Афоня молчал. Ногой в драном тапке ковырял замусоренную землю.

— Скажу, — не выдержал наконец он. — Вот вы все обо мне хлопочете: на работу устраиваете, слова всякие говорите... Да как же я с ними развяжусь? Это ж два дня до фонаря. Ты думал, они что? Безглазые? Они знаешь как все секут? «Чего-то непонятно, — говорят, — кореш, парни сидят, а ты гуляешь?» — Он вскочил. — Идтить надо. Спасибо вам. Только больше не заботьтесь. Афоня сам дорогу найдет.

В помещении бригады сидел Гонтарь. Белая рубаха апаш открывала бронзовую мощную шею. Он смотрел в окно и не глядя попадал бумажными комками в корзину для бумаг.

— Отрабатываешь гранатометание? — спросил Климов, садясь за свой стол.

— Ни дня без боевой подготовки! — провозгласил Гонтарь и тут же перешел на серьезный тон: — Пока ты там разгуливал, дела в бригаде такие: первое, Брагин сгинул. Жена клянется-божится: знать не знает, ведать не ведает, что с ним. Но по разным признакам, главным образом по душевному покою всех служащих, ясно, что исчез по собственной инициативе, а не по чужому сглазу. Да и дела у него веселые, направо поедешь — пулю найдешь, налево — к нам завернешь, допзак близко. Решил, видно, поискать третьей дороги.

Дальше, наши парни из второй бригады сообщают об активной и не совсем понятной в свете материалов вашего допроса деятельности мадемуазель Клембовской: бродит по самым подозрительным притонам и пытается завязать знакомство с блатными.

Климов еще только обдумывал эти новости, как явился похмыкивающий в усы Потапыч.

— Приказ висит, — сказал он с некоторым удивлением, отставляя руку с дымящейся трубкой, — и кандидату в вожди товарищу Селезневу черным по белому прописан выговор за грубость и бестактность, несовместимую с работой следователя рабоче-крестьянского угрозыска.

— Я, братцы, Селезнева не люблю, — сказал, улыбаясь чему-то своему, Гонтарь. — Но скажу, что в этом случае почти на его стороне. С чего это нам церемониться с нэпманами?

— При чем здесь это? — У Потапыча раздулись усы. — Селезнев грубил Клембовской — какая она нэпманша? Студентка, будущий врач. И отец был врач, и какой! Он и в старые времена бедняков лечил бесплатно... Это во-первых, а во-вторых, не понимаю... что они, из воздуха взялись, нэпманы? Им же разрешили таковыми стать! И почему вы, сударь мой, забываете, что без их появления вы, может быть, валялись бы по госпиталям, а кое-кто был бы и в могиле. Голодуха, она ведь страшнее холеры.

— Понял! — сказал, не сгоняя с лица привычной улыбки, Гонтарь. — Кое в чем убедительно, папаша. Но вот как ты меня научишь их любить, когда я три года убивал на фронте их защитников и сам дважды валялся по лазаретам от их буржуйских свинцовых подарков? И как мне ты прикажешь к ним относиться, когда я возвращаюсь с фронта героем, я, в прошлом телегра-

фист Гонтарь, а теперь комвзвода Красной Армии. Я победил! Встречайте меня с оркестрами! А что я вижу, победивши толстопузых во всероссийском масштабе? Я вижу, что вокруг меня швыряют деньгами — они! На работу берут, а то и не берут — они! Самые удачливые — они! Уж не за их ли удачу я дрался?

— Я у тебя одну только логику сознаю, — сказал задумчиво, затягиваясь, Потапыч, — логику неудачника. Временно ты неудачник, Гонтарь. И это тебя тревожит. И правильно тревожит, потому что крепость любого строя и устойчивость любого государства в конечном итоге определяется тем, удачниками или неудачниками осознает себя самая активная часть населения. А у нее, как я вижу, иной взгляд на вещи, чем у тебя. Но скажи мне, а чего лично ты, собственно бы, хотел? Высокого поста? Зажитка? Капитала?

— Я? — переспросил Гонтарь. — Философ ты, как я погляжу, папаша. Хотел бы я семьи, вот чего, — он вдруг стал серьезен, — сына бы я хотел. Чтоб на руках его носить, нянчить, французской борьбе учить и верности революции. Вот чего бы я хотел. А семьи я завести пока не могу, потому что на нашу получку можно только голубей кормить, и то не каждое утро.

Они замолчали.

Гонтарь что-то яростно насвистывал за своим столом. Лицо у него было расстроенное. Обычная улыбка куда-то пропала.

— Стас не заходил? — спросил Климов.

— Заходил, — кивнул Гонтарь, с радостью отвлекаясь от своих мыслей. — Поговорили. Что-то, Витя, не нравится мне Стас.

— А что такое? — удивился Климов.

— Понимаешь, цветы эти... Конечно, хорошо... Но какое-то это болезненное. Мы сегодня толковали. Я говорю: «Ты, Стас, предмет увлечения нашел какой-то стариковский. Я понимаю, красивое дело цветы, но ты ж молодой — девушки нужны, любовь». Он так, знаешь, горько улыбается. «Любовь, — говорит, — дело тяжелое. Неохота увязать. Кто, — говорит, — меня полюбит, такого хлюпика? Это тебе, — говорит, — о любви самое время думать. А у меня, кроме мировой революции, невесты нет и не предвидится».

— Странный он бывает, — сказал Климов, вспоминая Стаса, — от женщин действительно бежит, как Кле-

мансо от красного флага. Не верит в себя, самоед несчастный. Но вообще, Мишка, он, знаешь, по-моему, живет в ожидании случая. Готовит себя к геройской смерти за дело пролетариата.

— Все к этому себя готовим, — неожиданно серьезно сказал Гонтарь. — Только подвиги в армии совершают. А мы с такой мразью имеем дело, что, как тут ни рискуй, какой там подвиг...

— Я вот о чем все время думаю, — сказал Климов. — Есть ли все-таки в человеке какая-нибудь преступная наследственность? Или врет все Ломброзо? Смотришь на блатных — сколько из них могло бы людьми оказаться, если б не война, не голод, не гибель матери, да мало ли что другое. В человеческих условиях были бы людьми.

— Эх, — сказал Гонтарь, — я про Клембовскую-то зря так, конечно, говорил. Хорошая девчонка. И красивая. Что-то есть в лице... Благородство, что ли. Она, по-моему, с бывшей нашей секретаршей Шевич дружит... Попадись мне Кот или кто-нибудь из его шайки, разорвал бы.

Климов встал. Его занимало другое — надо попытаться найти этого Красавца у Кленгеля.

— Осиянный решением, — сказал, поглядывая на него и улыбаясь, Гонтарь, — небось опять наполеоновский замысел идешь исполнять?

Климов улыбнулся, пожал Гонтарю руку и вышел. Хорошие у них все-таки ребята в бригаде.

ГЛАВА III

Уже издалека было слышно, как тоскует саксофон, подхватывает, уносит в высокие нежные дали труба и страстно рушится сладостным свершением ударник. В танцзале «Экстаз», как именовалось заведение Кленгеля, играл джаз — новейшее и современнейшее музыкальное достижение эпохи.

Здесь, на темной глуховатой улице, где теснились низенькие аккуратные домики с такими же тихими и аккуратными их обитателями — чиновничьими семействами, на узкой, поросшей пыреем между булыжниками мостовой, стиснутой щербатыми гнилыми заборами и переполненной запахами сена, навоза и псины улочке, в единственном на ней белом трехэтажном угловом зда-

нии, ревел и задыхался в топоте и рыках джаза танцзал «Экстаз». Летели ввысь и ухали оттуда вместе с синкопами сердца посетителей. Каждый день Кленгель собирал в своем заведении не менее шестисот человек. Не было девчонки в городе, не мечтавшей побывать в «Экстазе». Там театр самолюбий, выставка туалетов и физического совершенства.

При входе мышиный костюмчик и непрезентабельный вид Климова были оценены швейцаром и администратором, и, не тревожимый их вниманием, предназначенным для совсем иных лиц, он двинулся дальше, оглядываясь на стук дверей на первом этаже — здесь, видимо, был ресторан с отдельными номерами. Впрочем, Филин и Гонтарь утверждали, что номера в подвале. По их сведениям, там было все — и буфеты, и музыка — только иная, цыганская, — и женщины, от которых кружилась голова. Но это все было для тузов, для коммерсантов, и то не из средних. Утверждали, что к Кленгелю наезжали даже из Москвы люди, чековые книжки которых неплохо выглядели бы даже в Америке.

А вообще, это был длинный, хорошо освещенный коридор с зеркалами вдоль стен и дверьми между зеркалами, а между зеркалами и дверьми, с одной стороны, и посетителем — с другой, стояли два саженных человека в ливреях и молча смотрели на входящих. Обладатели обычных танцевальных билетов при взгляде на их лица теряли всякое любопытство и поднимались по лестнице выше, где на втором и третьем этажах было их царство — царство рядовых танцоров, правда, сдобренное довольно густо толстосумами, которые, прежде чем двинуться в номера, заряжались здесь необходимым настроением и желаниями.

На втором этаже были буфеты. Около зеркал пудрились и причесывались женщины, и, едва посмотрев на них, Климов увидел около вертлявой, без умолку болтающей особы тяжелую фигуру Филина, его сдавленную галстуком багровую шею.

— Витька! — заорал Филин. — Поди-ка, представлю!

У Климова тягостно сжалось сердце. Во-первых, Филин был пьян в публичном месте, а это было противопоказано сотруднику розыска. Во-вторых, он собирался знакомить его с женщиной, а по требованию Клейна в публичных местах они должны были не замечать друг друга. Но Филин уже вел, вернее волок, свою остроносую

птаху с галочьим лицом, в блузке с галстуком и коротенькой юбке.

— Таська, — сказал он, отдуваясь, — вот, знакомься. Витя, сослуживец. Свой в доску. Одним словом, че-ла-эк...

— Сослуживец Ивана? — пропела подруга Филина, вытянув вперед лисий подбородок и жеманно улыбаясь, не раздвигая губ.

— Виктор, — сказал Климов, пожимая ее влажную узкую ладонь. — Сослуживец? А где он, кстати, служит? Ни разу мне так и не сказал.

Филин размяк, заулыбался, стал подмигивать, демонстрируя всем своим видом, что все понял и что все в порядке — не подведет. Шустрая подружка презрительно окинула его взглядом, приложила палец к губам.

— Все знаем, все понимаем, никому ни звука.

— Как вас зовут? — спросил Климов.

— Анастасия, — пропела птаха. — Витенька, запомните это имя. Надо будет — услужу.

Климов посмотрел в ее острое личико с прищуренными серыми глазками, еще раз тряхнул ей руку и удалился.

Танцы шли на третьем этаже. Климов поднялся туда. Джаз свирепствовал. Аргентинское танго струилось в стоячем душном воздухе. У самого входа одышливый толстяк в перстнях уговаривал высокую красавицу:

— Малютка, пользуйтесь случаем. У нас мало времени. Мы все заложники у большевиков. Скоро час расплаты. Надо спешить жить.

Пожилые толстячки с жирными пальцами, унизанными перстнями, кидаясь приглашать на танец, резвостью соперничали с юными краскомами в шуршащих ремнях; каникулярные студенты конкурировали с совслужащими, уволакивая в буфет смеющихся своих девчонок, чтоб вытрясти там с купеческой лихостью последние бумажки из нищих карманов.

Оркестр грянул тустеп. Выстроилась длинная линия пар и понеслась по навощенному паркету. Мотив был вызывающий и дразнящий.

Что он знал о Красавце? Кот не берет к себе в банду слабаков — у него рецидивисты, владеющие и пистолетом, и финкой. Ладно, будем смотреть на лица. У бандюги-налетчика есть свое характерное выражение лица:

на нем прежде всего начертана иаглость. Налетчнк — парень иахрапистый. На этом качестве основывается вся его профессия.

Вот этот длнннный, с прндавленным носом, смотрит на девчонку рядом с ннм, как коршун... Да, впрочем, тут, только поглядеть, коршунов хватает! А вот этот, тоже рослый, тоже на лнце наглость н вызов, лнцо алчное, толстая шея подперта маннншкой, во фраке — фу-ты ну-ты! — прямо старые времена! Ну погоди, дорогой, мы тебе еще покажем, что времена новые... И еще одни — тоже остроносые ботнннки, тоже наглость на морде н пошнб ннзменный — ей-богу, этот вполне мог бы быть Красавцем. И рядом такая девчонка, а он иад ней как волк облнзывает губы. Эх, девочка, где у тебя глаза?..

И вдруг, когда онн проносилнсь мнмо, Клнмов глазам свонм не повернл. Так вот оно что-о! Так вот оно что! Таня, Танюшка! И с кем?!

Да, это была Таня, любовь. Бывшая секретарша нх управлення. Тонкая, с нежно-смуглым овальным лнцом, с начесанной на лоб темной челкой, большеглазая, затаенная в себе двадцатнлетняя девчонка, возле которой вечно толпнлнсь парнн нз всех брнгад. Но ннкому не повезло, н только ему, Клнмову, дважды удалось по нескольку часов смотреть в этн утянутые к внскам печально-поннмающне, добрые, но н безжалостные своей добротой глаза. Нет, н Клнмов был третнй лншний. Да он это н знал с самого начала.

Одесскне джазнннкн совсем сошли с ума, онн не моглн ни одного танца нграть в одном темпе, онн гналн всю кавалькаду по залу, как будто это уходнла нз-под выстрелов разбнтая коннчца.

А он все нскал этого чуть ссутуленного парня с завитой пшеннчной укладкой н рядом с ннм тонкую, с печально опущеннымн плечамн, с потухшнмн глазами, ту, едннственную...

Кто-то, подойдя, стал рядом. Голос Стаса, перекрывая оркестр, сказал:

— Ты чего тут?

— По делу, — сказал он, не оглядываясь.

— Ну?

— Однн нз шайкн Кота здесь.

— Кто такой?

— Красавец. Кроме клички, ни примет, ни зацепок.

— Поищем... В следующий раз придешь разговаривать во второй буфет, присядешь ко мне за столик...

— Да ладно, конспираторы... Филина видел?

— Видел. Он за это погорит.

Тустеп кончился. Толпа повалила к дверям. Стас исчез. Климов смотрел, как мимо него проталкивались пары. Полагалось после такой скачки смачивать горло в буфете. На эстраде суетился маэстро и за что-то разносил своих джазников.

Они проходили, краскомы в иовеньких френчах, молодые, сияющие, нэпманы с их красавицами, студенты с их простоволосыми, коротко стриженными девчонками, ио где же...

И вдруг увидел, как пшеиичиая укладка, выделяясь над остальными головами, двинулась к дверям. И вот оии прошли. Какой измучеииый у иее вид, как белы ее щеки; где оиа, смугло-здоровая бледность тех времен, когда она сидела в приемной у Клейиа; где дальиий внезапный свет ее глаз? Словно повииуясь упорству его взгляда, ресницы ее затрепетали, она повела плечиками под блузкой и искоса взглянула на него, как-то виновато, как-то обреченно и умоляюще. Узнала — и тогда холодная, никогда раньше ие виданная им надменность распрямила ее спину, она резко отвела глаза и прошла мимо него, далекая и недоступная, уже с увлечением слушая, что говорит ей рослый человек лет тридцати в коричневом костюме и желтых «шимми».

...Собраиие, иа котором все и произошло, до сих пор стояло перед его глазами во всех подробностях. Клейн как раз выступил по вопросу об утере революционной бдительности и зачитал циркуляр из Центророзыска о более решительной проверке кадров. Едва он кончил, как иа сцену выскочил Селезиев и попросил слова. Он был сдержан, и только жесты, которых он не мог удержать, своей торопливостью указывали на его волнение и предчувствие торжества.

— Вериые слова говорили, товарищ начальник, — сказал он, обращаясь к Клейну, — беспощадио надо пресекать! — Он остановился и вздохнул, чтобы сдержать ярость. Желваки явствеиио проступили иа скулах, и лицо его с русой челочкой на лбу все напряглось.

— Мировая революция не за горами, товарищи, —

сказал он, — и нам тут нянчиться некогда. Гражданка Шевич! — он посмотрел в зал, где в самом конце его, неподалеку от Климова, сидела, подперев кулачком подбородок, Таня, и она растерянно встала с добро-непонимающим, изредка появлявшимся на ее милом, смешливом лице выражением.

— Пусть пройдет сюда! — уже не ей, а кому-то приказал Селезнев, и весь зал обернулся и смотрел на Таню, которая шла, чуть наклонив голову, с тем же непонимающим, но уже тревожным лицом.

— Пройдите к столу! — сказал Селезнев, и Климов с инстинктивной враждебностью и ожиданием какой-то неприятности посмотрел в президиум, где молчаливо следили за Селезневым и Клыч, и начальник второй бригады, и сам Клейн. Он почувствовал, что, как весь зал, как Таня, как и он сам, руководство тоже терроризировано активностью Селезнева и тоже, готовясь к чему-то неприятному, ожидает разгадки всей этой сцены.

— Я прошу, не откладывая, решить, как мы поступим с гражданкой Шевич, — медленно и весомо сказал Селезнев, — скрывшей свое дворянское происхождение и благодаря этому пробравшейся в розыск.

Таня, высоко вскинув голову, стояла прямая, оцепенелая и смотрела в зал. И зал на нее смотрел. Ее все знали и любили. Она второй год уже работала с ними. Все привыкли видеть ее тонкую, спешащую по коридорам фигурку, привыкли к стуку ее машинки, к ее смеющемуся юному лицу, к ее доброте, к возможности занять у нее на обед и даже забыть потом о долге (а ведь она жила скудно, это все знали). Так уж ведется, что доброта всегда оплачивает чужую наглость. Она была с ними, переживала их потери и победы, была даже раз на операции, и Клейн ее потом отчитывал за безрассудство... И вот она стояла перед ними уже в другом качестве, уже как враг, и, хотя Селезнев ничего еще не пояснил, всем было ясно, что за жестокостью этого невысокого человека с запавшими, горячечно светящимися глазами стоит какое-то знание.

— Кто по происхождению ваш отец, гражданка Шевич? — в ошеломляющей тишине спросил Селезнев, а Таня, не отвечая, все так же смотрела в зал, и на белом лице ее проступало выражение горькой и отрешенной усмешки.

— Ваш отец дворянин, — четко проскандировал Се-

лезнев, — а в анкете, написанной вашей рукой, сказано, что отца своего вы не знали, но что он был трудового происхождения. Так или не так?

— Так, — сказала Таня, — я его не знала, он умер, когда мне было два года.

— Откуда у вас эти сведения, товарищ Селезнев? — официально спросил Клыч.

Клейн сидел рядом с ним, бледный и спокойный.

— Я допрашивал по делу Мальцева ее тетку — проходила как свидетель, — обстоятельно и уже не волнуясь, пояснил Селезнев, — она прямо сказала, что хоть сейчас и портниха, но сама дворянского происхождения. Даже, понимаешь, гордость этим проявляла. Тогда я вспомнил и спросил про самого Шевича, отца этой гражданки. Ну и конечно, он тоже дворянин. И теперь я обращаюсь к президиуму с просьбой проголосовать: может ли оставаться в нашем учреждении классово чуждый элемент?

Все молчали, а Таня все стояла впереди президиума и смотрела перед собой. Уже не в зал, а только перед собой.

— Прошу проголосовать! — настойчиво сказал Селезнев.

Клейн встал.

— Кто за то, чтобы гражданку Шевич вычистить из наших рядов как классово чуждый элемент?

Таня оглянулась на него с таким детским ужасом, что у Климова все оборвалось внутри. Вот так, должно быть, смотрела Красная Шапочка, когда вместо бабушки вдруг волк...

— Товарищи, — сказал Селезнев, яростно обводя глазами ряды, — сейчас не время миндальничать. Скрыла одно, потом скроет другое. Мы — розыск, и мы не имеем права, — он почти кричал, — не имеем права терять бдительность!

Таня стала спускаться по ступенькам, не ожидая, пока проголосуют.

— Кто за? — спросил Клейн и посмотрел в зал. И Селезнев тоже смотрел в зал. И Клыч.

Большинство подняло руки. И тогда, чуть замедленно, поднял руку Клейн. И только Клыч в президиуме не поднял руки.

— Кто против? — спросил Клейн, а Таня уже выходила.

Климов кинулся за ней, начал говорить что-то, она только взглянула — и он осекся, только повела плечом — и он отстал. А ведь тогда, на вечеринке, он поцеловал ее. Поцеловал, вобрал в себя трепет ее близкого тела, вдохнул ее запах, нежный, юный девичий запах...

Теперь это все не имело значения. Теперь для нее он был один из тех, из непонявших, из бывших друзей, в одно мгновенье, из-за одного слова ставших врагами...

...Стас дернул его за руку, и он очнулся.

— Учудим штуку, — шептал, глядя на танцующих, Стас, — выгорит — можем выйти на Красавца.

— Нарушаешь конспирацию, — с трудом возвращаясь в действительность, проговорил Климов.

— Плевать, — Стас проследил загоревшимися глазами за вытекающей в двери публикой. — Во втором буфете сидит Куцый. Пьян в лоскуты. Если ему польстить, он должен про Кота что-нибудь брякнуть. Не любит шпана конкуренции, а рядом с Котом он — дохлая крыса. Точно говорю, надо попробовать его на эту наживку, а?

Климов встряхнулся. Дело есть дело. План был хорош. Особенно с учетом того, что говорил ему днем Афоня.

— А как подсесть?

— Нас тут один тип подсадит.

Климов согласился.

Издалека улыбался золотыми зубами незнакомый разодетый парень. Стас шепнул ему пару слов, и тот закивал головой.

Во втором буфете стоял галдеж, перекрыть который можно было лишь из трехдюймовки. Один столик был почти свободен. За ним сидел низкорослый крепыш с русым чубчиком и пьяно смотрел перед собой. За Куцым шло подозрение в трех убийствах, но доказать ничего было нельзя, и розыск ждал своего часа. Новый знакомый Стаса кинулся к буфету, волчком ввернулся в толпу, окриком закрыл какому-то возмущенному студентику рот. И через минуту вел уже Стаса и Климова к столу, за которым сидел Куцый.

Климов повернул голову влево — неведомая сила заставила его сделать это, — за столом в компании нескольких мужчин и девиц сидела Таня. Ее партнер расставлял по столу бутылки, около вертелся официант с

салфетками, вилками и ложками. Во втором буфете трудно было дождаться официанта, действовали в основном сами посетители, и, если официант оказывался у столика, это была большая честь, свидетельствующая либо о высоком положении кого-то из сидевших, либо о немалом его капитале.

Стас подтолкнул Климова к столу. Он сел, продолжая чувствовать Танин напряженный и какой-то вызывающий взгляд.

— Куцый, — говорил сверлящим голосом знакомый Стаса, — знакомься: свои ребята. По одному делу мокрели год назад.

— Водка есть? — спросил Куцый, с трудом раздирая веки. Серые глаза его не глядели, в них плавала дымка. Тоска и тупость были во взгляде Куцего.

— Куцый, — сказал златозубый, — ты готов? Или для смазки?

— Для смазки, — промычал Куцый, и слюна повисла в углах рта.

— Принес, — златозубый разлил по рюмкам.

Куцый выпил и уронил голову на руки.

Златозубый угодливо заулыбался обоим.

— Перебрал братуха!

Куцый поднял голову, разлепил веки и сказал трезвым голосом:

— Брысь!

Златозубый секунду всматривался в него и вдруг исчез.

— Дело ко мне? — спросил Куцый. Взгляд у него был дымчатый, но слюна у рта исчезла.

Климов сосредоточился. Взгляд от столика слева тревожил его, но он уже мог соображать.

— Куцый, — сказал он, — Кот пришил нашего человека. Хотим взять за него.

Куцый отвел взгляд и опять упал головой в локти. Стас и Климов молча ждали. Похоже, он был все же пьян. Куцый опять выпрямился, глаза его были трезвы.

— Вы? — спросил он. — Хипесники, вы хотите взять с Кота! Не заставляйте меня улыбаться.

— Куцый, — настойчиво сказал Климов, — ты нас не знаешь, мы сюда двое суток назад залетели...

— Одесса-мама? — совсем уже дремотным языком пробормотал Куцый.

— Ростов-папа!

— Уважаю! — сказал Куцый и очнулся. Он внимательно оглядел обоих и одобрил. — Этот, — сказал он, глядя на Стаса, — этот вообще. Не похож... Мне бы таких парочку. А то за версту разит Феней...

— Куцый, — сказал Климов, — мы хотим взять с Кота, сведи нас с его ребятами.

— Не, — сказал Куцый и помотал головой. Снова на подбородок сползла слюна. — Без пользы дело. С Кота не возьмете.

— Кончай шуршать с шестеркой! — вдруг вмешался Стас. — Трухает, не видишь? Они тут все перед ним задом вертят.

Куцый снова открыл полный ясности взгляд и сказал:

— Пережали, менты! Узнал я вас. Пережали.

Климов хотел было уже встать, но Стас наклонился и что-то шепнул Куцему. Тот коротко поглядел на него, потом уставился в стол.

— Пусть этот ушлепает, — сказал он.

Климов покорно встал и, протолкавшись, вышел в дверь. У двери его поймал пьяный Филин.

— Климов! — раскрыл он ручищи. — Витя! Хо-ро-шо!

— Куда уж лучше, — Климов с трудом высвободился из его объятий.

— Климов! — кричал Филин, толкая его в грудь. — Хо-ро-шо!

В это время Климов увидел высокую девушку, светловолосую, с траурно выделяющимися на белом лице черными ресницами, и рядом с ней златозубого. «Это же Клембовская, — успел подумать он. — Что она делает тут с этим типом?»

— Климов! — орал, восторженно обнимая его, Филин. — Хо-ро-шо!

Вдруг рука Филина слетела с плеча Климова, и перед ним встала черноволосая подруга Филина. На галочьем лице цвела наркотическая улыбка.

— Витя, вас зовут.

Он оглянулся. У трюмо, глядя на него в зеркало, припудривалась Таня.

Он подошел, заглянул в это милое осунувшееся лицо с резкими морщинками в углах рта, потупился.

— Как живешь? — спросила она, оглядывая его с новым в ней женским вниманием.

— Живу, — сказал он неопределенно.

— Как остальные?

— Кто нменно?

— Ну... хотя бы Клейн?

И в ту же мниуту он вспомнил. Клыч послал его зачем-то к Клейну, и он вошел в прнемную начальника, когда тот додиктовывал что-то Таие.

— ...Начальинк губрозыска Клейн, — закончил тот. И оиа, непохожая иа себя, с лихорадочым румянцем на нежио-бледиых щеках, вынула и протяиула ему листы, н рука ее дрогиула, н листы затрепеталн в воздухе, и рука Клейиа, взявшая листы, дрогиула в ответ, и Климов, незамечеииый стоя у дверн, поймал взаимную горестиую мольбу нх глаз: застенчиво сдавшийся взгляд Танн н взгляд Клейна, мужской, страстный.

— Товарнщ начальиик! — сказал он тогда злобно, и безгласное соединение двух душ оборвалось.

— Пройдем ко мие! — приказал, выпрямляясь, Клейи, и Клнмов прошел за иим в кабинет, бешеио и подчеркиуто громко стуча сапогами, ненавидя ее, ненавидя себя, уиичтожеиный в самой вере в себя, ссутулеиный от собствениого ннчтожества н ревностн.

— Что-нибудь ему передать? — спроснл ои теперь, пробуя улыбнуться н закладывая рукн в карманы.

— Нет, — сказала она, задумчиво н взросло вглядываясь в него. — Что передать! У вас же нзобретеио миого отговорок. Я хотела быть с вамн. Вы выброснлн меня. Я хотела быть с ннм, ои броснл меня в самую тяжкую мииуту жизии. Его ие проймешь, у вас это иазывается принципиальностью. Ои мог спасти меня, мог повериуть всю мою судьбу, он струсил.

— Ясио, — сказал Клнмов. — Дальше неиитересио. У тебя ко мие все?

— Все, — сказала оиа, усмехаясь. — Ах, сколько решительности. — Она вдруг затнхла, потом потянулась к иему лнцом. — Климов, я верю, ты настоящнй. Не прнкндывайся со мной. Меня сейчас можешь спасти только ты...

Но в это время нз дверн одиовремеино вывалнлись двое. Гнгаит с пшеничиой укладкой волос и Стас. Гигант подскочил к Таие, Стас — к Клнмову!

— Пошли! — шепиул Стас, н Клнмов с солдатской готовностью бросился за ннм. Уже из-за поворота коридора он огляиулся. Гнгант уводил безвольно повнсшую на его руке Таию.

ГЛАВА IV

Утром была оперативка. В бригаду по особо тяжким пришел Клейн.

— Товаричи, — сказал он с мягким своим акцентом, — вчера ми продольжали виполнять задуманное. Притони на Рубцовской прикрити. Взято трое знакомих — налетчики. С поличним попались содержатели этих уютних уголков. Это звено в большой цепи чистки города. Это есть так. Но о Коте ми ничего не виясиили, хотя ребьята из второй бригады очьень интересовались именно им. Теперь о вашем вчерашнем промахе. Кто докладчик?

Стас встал.

— Это я виноват, — сказал он. — Куцый нас провел. Я думал, что, раз нас подсадит Ферзь, Куцый примет за своих. Была хорошая идея выдать нас за блатных, которые хотят взять с Кота и его парней за кого-то из своих, кого те будто бы убили. — Стас замолчал, поглядел в стол и стал алым до корней волос. — Я ему сказал, что это мы банк в Новочеркасске очистили. Но Куцый раскусил нас. Когда он пообещал быть через час на Вознесенском рынке с Красавцем, мы поверили. Вернее, я поверил. — Стас опустил кудлатую голову и замолчал, потом вновь поднял глаза на остальных. — Мы взяли трех оперативников из дежурной группы. Но на пустыре никто так и не появился.

Климов сидел, не поднимая глаз. Он вспоминал, как они ринулись со Стасом по коридору, как он оглянулся и увидел Таню, безвольно повисшую на руке гиганта в коричневом костюме. Нет, теперь она уже никогда не простит ему. Она не простила Клейну, когда он не выступил на собрании и не защитил ее. Теперь не простит Климову, хотя бы сто Красавцев проходило на расстоянии трех метров от него. Женщины не прощают... Он посмотрел на Клейна. Тот внимательно слушал, что говорил Клыч, но глаза у него были далекие, отсутствующие. В густых волосах Клейна уже засеребрилась седина, и вообще в последнее время начальник как-то высох и ушел в себя, раньше он любил пошутить на оперативках, теперь этого почти не случалось.

— На полундру хотели взять, — говорил Клыч, постукивая пальцами по столу. — А Кота на полундру не возьмешь. Это хищник матерый. Мы же почти раскры-

лн карты. Кот знает, что его ищут, и будет вдвойне хитер. Селезнев, что у тебя накопилось по убийству Клембовскнх?

— Поначалу я вот о чем, — прнгладил волосы Селезнев. — Товарнщей нашнх, устроивших вчерашнюю панику и получнвших кукиш в результате, полагаю, надо наказать. — Он взглянул на Клейна.

Клейн холодио н любезио улыбнулся.

— Рад услышать ваше мненне, но постараюсь решить это сам.

— По делу Клембовских, — озлобляясь от тона Клейна и как-то сразу старея от этого, продолжал Селезнев, — никаких новостей нет. Факт, что действовали Кот н его шайка. Надо его брать, в этом все дело. Прнбавилась лншь одна деталь: дочь Клембовских непрерывно шляется по подозрительным местам, сводит знакомство с самой жуткой бражкой. Не она ли навела Кота на папашу? Предлагаю установить за ней наружное наблюденне.

Клейн помолчал. Потом положнл на стол сухую длиннопалую руку н понграл пальцами, как на фортепьяно.

— Товарнч Клнч, — сказал он, — товаричн. За вчерашнюю ошнбку сотрудникам Ильину и Климову вношу взискание. По поводу вашей работи могу сказать одно: мало пснхолёгин, товарнчн. Товарнч Селезнев говорнт: не могла ли Викторня Клембовская участвовать в убийстве своих родителей? Я отвечаю: не могла. Почему? Потому что чем больше знакомншься со свндетелямн, тем вернее узнаешь, что Клембовские очень любнлн дочь н она любнла роднтелей. В семье бнли, я би сказал, нежные отношения. Эта версня отпадает совершенно. Далее, по действиям Ильина и Климова заметна польная недооценка психолёгии преступника. Блатной всегда подозревает. Он подозревает всех: знакомых, товаричей, родную мать и отца, даже пьяниій, или, скорее, пьяниій в особенности. Искать Красавца надо бнло медленно и серьезно, всемн путямн немного больше вияснив о нем. Пути у нас есть. Блат внутри себя не мольчнт. Он говорит. А у нас есть нсточники информацин. Теперь о будучих действнях. Считаю, что у нас есть возможности вниїтн на Кота, прежде всего через Тюху. Тюха знал и местни, и столични блат. Что у нас с Тюхой, товарнч Клнч?

— Молчит, — сказал Клыч, грызя ногти, — никак не подъеду.

— Надо думать, — мягко сказал Клейн. — Сначала думать, потом действовать.

Позвонил телефон на стене. Филин встал, взял трубку.

— У нас, — сказал он. — Товарищ начальник, вас.

Клейн подошел, послушал, потом сказал:

— Пришлите его в первую бригаду. Там и поговорим.

— Надо заставить заговорить Тюху, — сказал Клейн и потер двумя пальцами лоб. — Нет смисла повторять вам, что только средствами морального принуждения...

Открылась дверь.

— Сюда, — сказал дежурный.

Вошел длинный высушенный старик с горбоносым белым лицом, с седой головой.

— Садитесь, гражданин Шварц, — сказал Клейн. — И вот здесь, среди товаричей, излёжите снова то, что ви мне говорили вчера. Ви ведь по тому же делу?

— Я по тому же делу, — уныло сказал старик и сел на подставленный Климовым стул. — Граждане из угрозыска, я очень прошу вас, — он склонил голову, и пряди длинных седых волос свесились вдоль щек. — Бандиты приходили ко мне, а не к Клембовским. Клембовские — случайная жертва. Я прошу вас выставить охрану у моего дома. Я боюсь за свою семью.

— Но какие доводы у вас? — спросил Клейн. — Почему я дольжен виставить охрану к вам, а не к остальным ста тисячам граждан нашего города?

— Вы не понимаете! — закричал, внезапно багровея и начиная задыхаться, Шварц. — Что думают люди? Они думают, что Шварц — богач. Эта публика не понимает, что я лишь маленький ремесленник. Я могу оправить бриллианты, но я не владею ими. А кто такой бандит? Разве он умный человек? Он такой же! И он думает, что Шварц богат, как четыре испанских короля. Они придут! Я знаю...

Все молча смотрели на него, Филин фыркнул и отвернулся. Остальные молчали.

— Смеются, — с горечью сказал Шварц, — он смешон, старик Шварц! Он так боится за свою драгоценную жизнь! Но старик Шварц боится не за свою драгоценную жизнь, уважаемые. Он умрет, а его семье надо

кушать. А кто будет кормить четырех пожилых женщин, для которых я работаю? Без меня им долго не протянуть. Приставьте ко мне охрану, гражданин главный начальник, я заплачу.

— Гражданин Шварц, — медленно сказал Клейн. — я понимаю вас... Но мы не можем приставить охрану к вам или вашей квартире. Не можем.

Шварц опустил голову, долго думал, потом встал.

— Они убьют меня, — сказал он, — это здесь. — Он приложил ладонь к сердцу. — Я знаю, я не придумал это. Они убьют меня. А вам будет стыдно. — И сгорбленный, длинный, он медленно вышел в коридор.

Филин захохотал.

— Вот чучело!

Клыч и Клейн одновременно взглянули на него, потом друг на друга и опустили головы.

— Товарищ Клыч, ко мне, остальным на работу! — приказал Клейн и вышел из комнаты.

На обед Стаса и Климова повел Потапыч. Старик почему-то был привязан к этим двоим. Решили идти не в нарпитовскую столовую, а в «Культурный отдых» Семина. Место было подозрительное, но кормили там хорошо.

В плохо освещенном помещении столы стояли далеко друг от друга. Поэтому было здесь приятно разговаривать о делах интимных и конфиденциальных. За столами, округло обходящими кухню и буфетную стойку, оживленно беседовали люди в толстых пиджаках, в брезентовых плащах, сплошь в пыльных сапогах — приезжие. В трактире этом собирались по большей части лошадиные барышники и конокрады.

— И по расстегайчику! — говорил Потапыч, нежно поглядывая на полового.

— Выпить чего не прикажете?

— Чаю! — отрезал Потапыч.— И поторопись, любезнейший.

Половой исчез.

— Эх, Потапыч, Потапыч, — сказал Стас. — Он член профсоюза небось, а вы ему, как при царизме, «любезнейший».

— Это не оскорбление, — отбился Потапыч. — А потом, милостивые государи, я человек старый, и перековать меня полностью невозможно.

Подали первое. Климов и Стас так навалились на

щи «по-крестьянски», что некоторое время не могли принимать участия в беседе. Потапыч же ел мало, зато много рассуждал.

— Война, как и всякий долговременный период насилия, порождает огромное количество человеческих отходов, шлаков — всякого рода злодеев, вот хоть того же Кота... Вот скажи мне, ты за любую революцию? Где бы она ни была? Какая бы ни была?

— А как же! — чувствуя какой-то подвох, сказал Стас. — Но за пролетарскую, конечно.

— А не кажется тебе, что революция — это только средство, а цель — совсем иное.

— Какое средство? Чего ты мне поешь? — обиделся Стас. — Революция — это цель!

— А разве не цель — счастье людей?

— Ну и это! — сказал Стас. — Оно сюда входит...

— Никуда оно не входит, — сказал Потапыч. — Счастье — это свобода, равенство, братство, материальное благополучие. А если это цель, то ее в разных условиях можно достигать разными путями, и эволюция тут ничем не хуже. К тому же при ней затрат меньше, меньше погибает людей и культурных ценностей.

— Оппортунист ты, Потапыч, — сказал Стас. — Да сколько ждать-то ее, твою эволюцию? Раз одни могут ждать до упаду, а другим остается лишь с голоду дохнуть, выход один — революция. Она-то и дает и счастье, и свободу, и равенство, и братство.

— Поглядите-ка, братцы, в угол, только не очень пристально, — прервал их спор сидевший лицом к дверям Климов.

Стас, сделав вид, что хочет позвать полового, оглянулся, потом тоже будто бы за этим, помахав рукой, обернулся Потапыч. За столиком около двери сидел Гонтарь и уныло прихлебывал пиво. Заметив глядящих на него товарищей он едва заметно покачал головой. Они отвернулись. Климов, у которого осталась возможность наблюдать, комментировал.

— О, — сказал он, — ребята, а ведь он знаете кого «ведет»? Клембовскую!

В дверь трактира действительно вышла Клембовская в сопровождении женщины лет пятидесяти в длинном платье и шляпке. Через секунду исчез и Гонтарь.

— Значит, Клейн установил за ней наблюдение, — сказал Климов.

— Но почему наших на этих делах используют?
— Начальник знает, что делает, — ответил Стас. — У ребят из других бригад тоже дел по горло.

Возвращаясь в управление, они зашли во двор и обнаружили там спортивные состязания. Филин боролся около конюшни с рослым парнем из третьей бригады. Филин зажал противника двойным нельсоном, потом перебросил через себя и после недолгого сопротивления припечатал лопатками к траве. Во дворе стоял закрытый экипаж для перевозки заключенных. У дверец томились двое охранников, а в помещении бригады за своей перегородкой Клыч кого-то допрашивал. Скоро стало ясно, что начальник допрашивает Тюху.

— В ограблении и убийстве Филипповых? — спрашивал голос Клыча.
— Было дело, участвовал, — солидно соглашался Тюха, — это, гражданин начальник, как на духу.
— Ладно. Налет на лавку потребкооперации в Жорновке?
— Ни единым пальцем. Это мне, начальник, не клей.
— Значит, Ванюша руководил?
— Как есть он.
— Пал Матвеич, — с укоризной говорил Клыч, — ты вот твердишь, что в бога веруешь. А по библии врать-то — грех. Ранее перед этим Ванюша был. Другой налетом-то руководил.
— Може, кто и другой, я запамятовал, начальник.
— От статьи бережешься, Пал Матвеич, а уберечься-то нельзя. Вот читай.

За стенкой замолчали, слышно было, как сопел Тюха, шелестя листами. Просунула в дверь голову секретарша.

— Филин, к начальнику!

Филин затянул галстук на распахнутом вороте, отряхнул брюки и вышел за дверь.

— Так как, Пал Матвеич? — опять спросил голос Клыча. — Будем и дальше вола за хвост вертеть?
— Да пиши, начальник, пиши! Сопляков похватали, они варежки и раззявили! Суки!
— Так и пишем: принимал участие в нападении на лавку потребкооперации в селе Жорновка. Ладно, теперь сам добавь, что еще не записано.
— Я себе не враг, начальник.

— Тебе, Пал Матвенч, стесняться нечего, и того, что есть, хватнт.

— Мне что вышка, что пышка, начальиик! Кто за наше дело берется, тому жизни мало остается.

— Дурное ваше дело, Пал Матвенч.

— Оно н ваше не больио хорошее. Легавое ваше дело, начальиик.

— Зато не душегубы.

— Замолчь! — вдруг фистулой вскрикнул Тюха. — Чего душегубством мне тычешь? Ты людей ие губил?

— Задаром? Опупел, бандюга?

— А на войие?

— То ие людей, а врагов, — сказал серьезный голос начальннка. — Это другое дело.

— А окромя врагов, так ни одну невиииую душу и не кокнул?

За перегородкой засопели. Потом Клыч сказал:

— Ладно, скажу. — Он иа секунду смолк и медленио заговорнл сиова: — В восемнадцатом сполиял я решенне трнбунала. Прнговор. Офнцерика в расход пускал. Молоденькнй офицернк. Стонт, слезы катятся, а смотрнт гордо. Пожалел я его, вражнну: «Давай, — хоть глаза завяжу». А он: «Стреляй, — говорит, — твое дело собачье». Оскорбил ои меня. Не собачье мое дело было, человечье. Был он мне классовый враг. Уж сгннл он небось, дьявол глазастый, — порвался вдруг голос начальннка, — а я ночн из-за него не сплю. Снится мне. Слезы его снятся. Думаю: оголец ведь. Не будь войны, перековался бы, понял... А иа войне какая же жалость...

Опять наступнло молчанне. Слышалось тяжелое дыханне Клыча. Потом он сказал подчеркнуто ровио:

— Последний к тебе вопрос. Расскажн о шайке Кота. Вы там поблнзостн орудовалн.

— Про Кота пущай он тебе сам расскажет, — хохотнул Тюха. — Он дюже разговорчивый.

Опять помолчали, потом Клыч сказал:

— Ладно, Пал Матвеич, ты нди, мы еще с тобой потолкуем.

— Прощевай, начальннк.

Тюха, коротконогий, крепкнй, в арестантской робе, но в своей пока еще кепке, вышел из-за перегородки. За ннм показался бледный Клыч.

— Ильин, — сказал Клыч, — проводи.

Тюха помедлил, оглядывая присутствующих, потом,

сопровождаемый Стасом, доставшим свой кольт, прошел к двери, издевательски раскланялся со всеми:

— Нашего вам со звоном! — и вышел.

Немедленно после этого просунулась в дверь голова секретарши.

— Товарища Клыча к начальнику.

— Есть! — Клыч прошел через комнату, с силой саданул дверью.

Вернулся Стас. Светлые волосы его стояли дыбом, все лицо выражало изумление.

— Филина взяли!

— Что? — к нему повернулась вся бригада.

— Только сейчас сунули в конвойку Тюху, смотрю, ведут Филина. Я только рот раскрыл.

Вошел Клыч. Он смотрел себе под ноги. Прошел к своей конурке и встал у дверей в нее. Не оборачиваясь, глухо сказал:

— Товарищи, наш с вами сотрудник Филин оказался злостным нарушителем революционной морали. Своей сожительнице, содержательнице тайного притона Анастасии Деревянкиной, он выболтал все наши секреты. Операцию по чистке Горнов сорвал он. Кроме того, шпана слишком многое знает о нас. Филин и Деревянкина арестованы. Будем проверять, по глупости он все это насовершал или с целью.

Клыч прошел за перегородку и засел там. В комнате установилось пасмурное настроение.

— Как же он мог? — недоумевал Стас. — Жил с нами, в операциях участвовал...

— Да в нем всегда мелкий буржуйчик проглядывал! — резал Селезнев. — На ипподроме играл, порицание получил. То гимнастический зал мечтал открыть...

— Селезнев всегда рад другого вымазать, — зло посмотрел на него Климов. — Филин с тобой вместе Тюху брал. Жизнью рисковал не меньше остальных. Об этом забыл?

— Жизнью рисковал! — усмехнулся Селезнев. — Жизнь, брат, копейка! Вопрос, на какой кон ее ставить! А он, видно, не на наш ставил, раз с такой связался!

— Надо узнать, потом говорить, — жестко сверлил глазами крутоскулое, зло-насмешливое лицо Селезнева Климов. — Не обязательно предательство, может, просто глупость!

— Да уж умом не блистал дружок твой! — захохо-

тал Селезнев. — Если б за глупость прощалось, многим бы можно амнистию объявить.

— Ладно, — сказал Климов, — я не обижаюсь. Пусть он мой дружок. Он им не был, но раз тебе нужно — пусть. Но скажу тебе, Селезнев: мужик ты храбрый, но дурной.

— А мне плевать, что там обо мне твои мозги сварят! — сказал Селезнев, презрительно усмехаясь. — Кто ты мне, Климов? Товарищ по ячейке? Соратник по идее? Всего-навсего сослуживец. Ныне ты здесь, завтра тебя нет! Так что чихал я, что ты там обо мне думаешь!

И тогда неожиданно поднял голос Стас.

— Я твой соратник по идее, Селезнев, — сказал он своим глухим от застенчивости голосом, — а говорю тебе так же, как друг мой Климов: дурной ты человек! И плохой товарищ!

— Вот об этом поговорим в другом месте, — сказал Селезнев, и серые глаза его с открытой враждой осмотрели обоих собригадников. — Но и тебе отвечу: мне неважно, что обо мне вы думаете! Я живу для идеи, а все, что болтают разные обывательские элементы, от меня, как дробь от брони, отскакивает! — и, увидев, что Стас опять было открыл рот, отрезал: — Все! Разговорчики... Ваш дружок продавал. А не мой! Тут не ячейка, и я слушать вас не собираюсь!

В этот момент ворвался Гонтарь. Он хрупал огурцом и расплывался всем своим мускулистым лицом с привздернутым сапожком носа. Нечесаные темные патлы свисали на уши.

— Братцы! — сказал он, падая на стул. — Слыхали? Цирк наш выезжает, — он откашлялся. — Оглашаю: «Борьба борьбе». «Развившаяся в городе цирковая борьба приняла за последнее время нездоровый уклон и разлагающе влияет на рабочие массы.

Сами рабочие указывают на вред и разлагающее влияние борьбы в массовых письмах в редакцию и заявлениях в горсовет. Учтя волю рабочих, президиум горсовета обратился в губком РКП(б) с просьбой воздействовать на соответствующие организации в деле принятия ими мер к скорейшему удалению из городского цирка борьбы и оздоровлению цирка художественно-сатирическим репертуаром». — Он засмеялся: — Нет, граждане, уважая горсовет, я все же против этого

постановлення. У нас в городе даже пьяные перестали драться, стали бороться! За что бороться с борьбой? Нет, это огорчительно, братцы-новобранцы!

— Филина арестовали, слыхал? — спросил Селезнев.

— Фи-ли-иа? — в изумлении привстал Гонтарь.

— За разглашение служебной тайны, — пояснил Стас. — Он своей любовнице проболтался. Из-за него тогда операцию в Горнах отменили.

Гонтарь сокрушенно помотал лохматой головой и несколько минут сидел молчал. Но вот зубы опять блеснули на загорелом лице, опять заискрились глаза.

— Нет, граждане, жизнь удивительная штука, как сказал поэт! Топаю сегодня за Клембовской. Надоело хуже горькой редьки. Куда эта мамзель лезет, чего она ищет? Во все притоны суется, отовсюду ее или деликатно выпрут, или вышибут. Просто жаль становится. Физиономия отчаянная, а чуть что — глаза на мокром месте, и все же опять рвется, я иду позади, индифферентно держу дистанцию и думаю: «Барышня, чего вы хотите от шпаны? Спросите у меня, старого сыскаря, я вам все выложу на голубом блюдечке». И целый день ходит как ненормальная... Впрочем, ребята, не вру, а она немного тае... чего-то в ией есть этакое... Из палаты номер шесть.

— И понятно, — сказал Климов. — Я как вспомню тех четверых у нее в квартире, аж озноб берет. Ну и волк этот Кот. Такого мы еще и не брали.

— Ничего, найдется и на этого волка своя Красная Шапочка, — сказал Гонтарь. — Прижмем гада! — и запел, похлопывая ладонями по столу. Он весь так переполнен был ощущением силы и здоровья, что просто не мог воспринимать ни дурных, ни печальных известий.

Зазвонил телефон. Гонтарь кинулся к нему, взял трубку.

— Яшка? Ну да, я. Где? На Камчатке, у бакалеи Нилина? Ладно. А она не выйдет? А то вы скроетесь, я вообще вас не найду. Ладно. Возьму пролетку. Выезжаю. — Он дал отбой и повернулся к остальным: — Адью и аванти. Сменщик ждет. Опять буду шлепать за красоткой Клембовской, вдруг она выведет нас на след Кота или какого-нибудь тигра! Не хнычьте, парнишки! Жизнь продолжается. — Он грохнул дверью и исчез, унося с собой свою улыбку и неистребимую жизнерадостность. Снова зазвонил телефон.

Стас снял трубку.

— Что? Разборчивее говорите. Так, — он жестом руки вызвал к себе внимание Климова и стал тыкать в сторону перегородки: «Зови Клыча».

Климов сбегал за Клычом, тот подошел и стал рядом.

— Передаю инспектору бригады, — сказал Стас.

Клыч взял трубку, выслушал первые булькающие звуки, весь построжал, подтянулся.

— Подробнее, — сказал он.

Минуты две он слушал не перебивая, потом повесил трубку, дал отбой и обернулся к остальным:

— При перевозке в тюрьму Тюха вышиб в дверь конвойного и попытался бежать. Филин кинулся за ним и свалил его. Тюха все же отбросил Филина и побежал. Второй конвойный выстрелил. Ранил его под левую лопатку. Пуля пробила легкое. Ранение тяжелое, может быть, смертельное. Оба заключенных доставлены в тюрьму.

Клыч оглядел всех и чуть улыбнулся.

— Во всей этой истории одно небезнадежно, братишки: Филин вел себя как подобает сотруднику угрозыска. Пусть и бывшему.

Он ушел за свою перегородку. Пришел Потапыч.

— Старость не младость, судари мои, — сказал он, садясь за стол Гонтаря. — И приходят всякие неутешные мысли. Например, правильно ли распорядился я со своими шестьюдесятью четырьмя годами? Мог ли я прожить по-иному и лучше?

— Ну и? — спросил Стас, поднимая голову. — Ведь если бы ты, Потапыч, был революционером с юности, разве это было бы не прекраснее?

— Революционером? — поразмыслил Потапыч и по привычке подул на концы усов. Секунду они парили в воздухе. — Нет, — сказал он, — рискуя вызвать в вас, молодые люди, полное отвращение, должен сказать, что я не хотел быть революционером. Понимаете, я участвовал в студенческом движении, сидел в «Крестах». Правда, всего три дня, нас потом выпустили. На этом революционная часть моей биографии кончается. Ни темперамент мой, ни характер не подходили для этого рода деятельности. Не то любовь к человечеству во мне выражена очень узко, не то честолюбие отсутствует. Мне отчего-то обнаружение преступников всегда казалось

не менее важным делом, чем любое общественное переустройство.

— Нет, ты, дед, все-таки договоришься когда-нибудь, — прищуренно вонзился в него Селезнев серыми клинками глаз. — Все, что ты тут несешь, — сплошное буржуазное разложение. И я как марксист...

— Вы, друг мой, весьма самоуверенный и нетерпимый человек, — спокойно сказал Потапыч, — вы уже не способны выслушивать изложение чьих-либо мыслей. И потом: откуда такая самонадеянность: «Я марксист»? Выучить десять цитат из Маркса и потому уже считать себя умнее других? Согласитесь, образованному человеку это несколько смешно.

— Я вот соберусь как-нибудь и позвоню в ГПУ, — безмятежно сказал Селезнев, — и попрошу знакомых ребят порыться в твоей анкете. Похоже, там кое-что интересное для них отыщется.

— Селезнев, — спросил Потапыч, закуривая трубку, — скажи, что бы ты делал, если бы тебя и таких вот, как ты, перестали бояться? Твоя жизненная функция, на мой взгляд, была бы исчерпана, ты предстанешь голым для посторонних взглядов, и тогда окажется, что ты лишь свирепое ничтожество, которое способно в этой жизни делать лишь одну работу: пугать!

Климов не выдержал и торжествующе захохотал. Стас слушал задумчиво, и как-то непонятно было: одобрял он Потапыча или осуждал.

— Что ж, — сказал, вставая и распрямляясь во весь свой далеко не гвардейский рост, Селезнев. — Я ведь не так уж рвался, ты вынудил меня к этому, старик. — Он пошел к телефону, но тот в этот миг прорвался звонком.

Селезнев снял трубку и тут же закричал:

— Тревога! Товарищ начальник, машина ждет!

Клыч кинулся из-за своей перегородки к дверям, на ходу доставая из кармана галифе кольт.

— Селезнев на месте. Принимает сообщения. Остальные — за мной!

Они с грохотом пронеслись по коридору, ураганом слетели по лестнице. «Фиат» уже тарахтел во дворе. Трое сотрудников из других бригад теснились на задних сиденьях. Стас и Климов еще потеснили их. Клыч вскочил на подножку.

— Жми!

Мотор взревел. Вахтер отскочил с дороги, ринулся навстречу ветер. Авто пронеслось мимо толпы у цирка, прогрохотало по мосту, распугивая игравших в лапту ребятишек, пролетело по улицам Сосновой слободки. Уже слышны были хлопки выстрелов. Выехали на поросшую травой площадку у старой часовни, и шофер затормозил. В пыли между двумя рядами глухих заборов лежало тело женщины, в нескольких шагах от нее катался и корчился мужчина, третий все время приподнимался, упираясь рукой в землю, и падал вновь. Прижавшись вплотную к доскам забора, какой-то человек в штатском стрелял в другой конец тупика, а оттуда, изредка высовываясь, отвечал ему второй.

Человек у забора, обернувшись на звук мотора, замахал рукой.

— Товарищи, за ним!

— Гонтарь! — крикнул Стас, узнав того, кто катался в пыли.

Они с Климовым выпрыгнули через борта, не ожидая, пока распахнутся дверцы. И, едва выпрыгнув, услышали треск выстрелов. Они дружно кувыркнулись в пыль, вырвали из карманов пистолеты и приподняли головы. Бандит, высунувшись из-за угла, прицельно бил в сидевших в машине. Оттуда ему ответило сразу несколько пистолетов. Тогда, отпрянув за угол, бандит еще раз выстрелил, и тот раненый, который все время пытался встать, вскрикнул и упал.

— Гони! — услышал он команду, и «фиат» ринулся к тупичку. Все сидящие в нем стреляли наперебой. «Фиат» почти врезался в забор, с него спрыгнуло четверо. Один — на заднем сиденье — не поднялся. Голова его лежала на коже заднего валика. Клыч и остальные исчезли за забором. Климов и Стас кинулись к раненым. Женщина лежала, запрокинув голову в канаву. Климов бегло осмотрел ее. Это была Клембовская. Она дышала. Золото волос потемнело от крови. Климов разорвал носовой платок, положил ее голову на колени и стал перевязывать. От угла возвратился Клыч. Остальные копошились в машине возле оставшегося на сиденье. Клыч подошел к третьему, упавшему в пыль лицом, перевернул его и сел перед ним на колени. Клембовская что-то пробормотала. Климов приложил ухо к ее губам:

— Пи-ить!

— Сейчас, — сказал он, — погоди минутку.

Он снял с колен ее голову и вновь положил на траву, затем бросился к Стасу. В руках того бился огромный Гонтарь, ладонями он хватался за живот, раскрывая горячие глаза, на животе его, присыпанном пылью, сверкала черная густая влага.

— Ма-а-ма! — мычал Гонтарь костенеющим языком, и глаза его были полны ужаса и неистовой жажды жизни. — Ма-а-ма-а!

Всех их положили в машину, где уже вытянулся на заднем сиденье мертвый сотрудник из второй бригады Ленька Ухачев. Климов и Клыч встали на подножки, Стас и два других сотрудника остались опрашивать население и выяснять подробности. Машина взревела и мягко тронулась.

В помещении бригады все сидели по своим столам и молчали. Только Селезнев злобно ругался между затяжками. Слышно было, как ходит за перегородкой Клыч, изредка сквозь простенок слышался тягостный, как мычанье, стон.

Через час после возвращения опергруппы в бригаду пришел Клейн. За ним — невысокий парнишка с рукой на перевязи. Климов узнал в нем того парня, что перестреливался с бандитом, когда они примчались к часовне.

— Товаричи! — сказал Клейн, дождавшись, когда вышел и сел на стул Клыч. — Ми несем потери. Это тяжело. Замечательни люди били Миша Гонтарь и Леня Ухачев из второй бригады. Храбри, честни и верни своему дольгу товаричи. Война окончилась для всех, но не для ГПУ и не для нас. — Он оглядел сидящих. Все они бледны. У Клыча на лбу испарина. Клейн потер висок, закрыл веки. — Товаричи, Миша Гонтарь умер. — Он встал, встали все. Минуту помолчали. Потом Клейн продолжал: — Товаричи, сотрудник угрозыска не имеет права относиться к смерти товарича или собственной как к чему-то из ряда вон выходящему. Ми на войне, а на ней стреляют. И убивают. Перехожу к делу. Важни подробности. Гольцев, сообчайте.

— Я сменщиком с Гонтарем ходил, — сказал парень с перевязанной рукой. — Как раз Клембовская в дом одна вошла и не выходит. Я и позвонил Гонтарю: Миш, мол, смени. Его очередь подходила. Ну, он на

извозчике и приехал. Только я ему сдал, значит, смену, глядь, она выходит и идет себе. Ну я задержался. Дальше. Смотрим, из тупика выходят двое. Она мимо нас, они навстречу. Один на другую сторону перешел — такой дохленький, рыженький, а второй идет встречь Клембовской и, как она поравнялась, чем-то ей ка-ак рубанет по затылку. Я-то еще губами шлепал, а Гонтарь как кинется. Тот-то хотел, видно, уже лежащей ей добавить, но Гонтарь его раз — и сломал. Тот упал, а второй с той стороны бежит, и я бегу. Он в меня трах — я и остановился, а он к Гонтарю. Тот еще только руку в карман, а этот почти в упор ему в живот. Я раз стреляю — мимо, второй — мимо, а он ширк — и за тупичок, оттуда в меня и бьет, главное, зараза, до чего точно. Мишка катается там, Клембовская лежит. Гляжу, тот, дружок энтого, стал вставать — я в него. Упал. Тут постовой откуда-то взялся. Я кричу: давай, мол, браток, беги звони в розыск, я пока отобьюсь. Минут через пять вы... Вот...

— Наделал этот рыжий делов, — сказал Селезнев. — Значит, тебя в руку, Гонтаря совсем, Ухача из второй бригады совсем, Клембовскую ранил...

— Товарищи, — сказал Клейн. — Сейчас ваша бригада становится оперативни группой. Ночевать будете здесь. Пока у нас только неудачи. Но вот удача — человек, которого взяли рядом с Клембовской. Он дважди ранен, но в сознании. Говорить отказался. По тому, как его напарник питался вивести его из игры, заключаю, что он теперь становится чрезвычайно опасним для них. Вполне возможно, что он не из их шайки, а биль нанят для убийства Клембовской. Но знать о них он кое-что дольжен. Так что перви успех, пусть и добитый тяжелой ценой, у нас есть. Какие предлёжения?

— Надо было дом тот обыскать, откуда Клембовская вышла, — сказал Клыч. — Теперь как бы поздно не было.

— Селезнев, возьмите двух людей из второй бригады. Ви проводите! — кивнул Клейн раненому. — Действительно, странная связь: почему они покушались на Клембовскую именно у этого дома? Идите, товарищи.

Селезнев и раненый ушли.

— Клембовская ранена неопасно, — сказал Клейн. — Завтра уже сможет говорить... Очень стран-

ная комбинация, очень странная... Зачем она им понадобилась? Впрочем, я подозреваю зачем.

— Когда Мишу хоронить будем? — спросил Клыч.

Клейн посмотрел на него, опустил голову.

— Через два дня, Степан Спиридонович.

Все помолчали.

— Всё, — Клейн встал и вышел.

Клыч ушел за перегородку. Опять нависло молчание.

В конце рабочего дня приехал Селезнев.

— Убита, — сказал он, входя, — тяжелым предметом в висок Прасковья Моисеевна Кубрикова, торговка.

Клыч вышел из-за перегородки, усы его топорщились, глаза блестели.

— Бешеная собака, — сказал он. — Братишки, жизни надо не пожалеть, но такую гадину изничтожить.

— Ему все равно вышки не миновать, — сказал Селезнев, садясь. — Вот и стреляет, режет.

— Чего он эту-то? — спросил Стас. — От нечего делать, что ли?

— Разгадка у Клембовской, — сказал Клыч. — Предполагаю, дело в ней. И вообще... Не вмешайся эта деваха, неизвестно, как и куда нас бы увело, а сейчас, по всему видно, дело тянет к концу. Скоро будет ему амба!

— Коту?! — усмехнулся Селезнев. — Возьми его вначале.

— Возьмем, — сказал Клыч и обвел всех запавшими, горячечно блестящими глазами. — Не знаю, кто останется жив, но этого дикого Кота мы возьмем, братишки. И по всей форме представим правосудию. Вот тогда я посмотрю, как он повертится, сволочуга.

— Сначала надо взять, — сказал Селезнев, — а потом хлестаться.

— Ребята, у нас три часа свободного времени, — не обращая внимания на слова Селезнева, распорядился Клыч. — В девять быть здесь как штык.

Стас и Климов, накинув пиджаки, пошли к дверям.

ГЛАВА V

Солнце уже садилось, за куполом цирка медленно проливались алые струи заката. Народ схлынул, улицы в этот предвечерний час были пустынны, лишь у рюмоч-

ной толкалось несколько фигур в лохмотьях, выпрашивая у редких прохожих по тысчонке на выпивку.

Климов, как пленку в фильме, не отрываясь прокручивал одни и те же кадры: пыльный пустырь между глухими заборами, Клембовскую, уронившую голову в канаву, катающегося в пыли Гонтаря... Он жил вокруг, город, ходил в цирк на борьбу, работал, торговал, заседал, а где-то рядом, неуловимый и страшный, как бешеный волк, готовый укусить, и укусить насмерть, бродил Кот.

— Мать у Гонтаря где? — спросил он Стаса.

— В Курске, кажется, — ответил Стас.

Они брели без видимой цели, куда-то к мосту, к своей слободке. Но домой обоим не хотелось, да и что было делать там, дома?

— В семь у меня ячейка, — сказал Стас, — объединенная: партийно-комсомольская. Ты что будешь делать?

— Не знаю, — сказал Климов. — Потолкаюсь где-нибудь.

С грохотом и звоном процокала конка. С крыши свистели беспризорные.

— Ты на фронте сколько был? — спросил Стас.

Они теперь спускались к реке по узкой стежке, со всех сторон поросшей лопухами и крапивой.

— Год, — сказал Климов.

— Страшно на фронте? — спросил Стас.

Вечерняя свежесть реки обдула их, заставила поежиться в легких пиджачках.

— На фронте и страшно и не страшно, — пояснил Климов. — Там, Стас, всегда почти на людях. Перед атакой, верно, страшно. А потом, когда побежали, заорали, даже не страшно, а так — безумеешь. Орешь, стреляешь, бежишь, рядом тоже орут, бегут, стреляют. Все как в тумане, ворвались в окопы — вроде была драка, орудовал штыком, но вспомнить трудно. Иногда про другого вспомнишь, а про себя ничего. Да, вообще говоря, редко до рукопашной доходит. Там в каждом бою бывает момент такой: одна сторона вдруг понимает, что не удержит. И знаешь что: понимают сразу — и командиры, и солдаты. И наоборот, иногда все ревет вокруг, кажется, все, хана, а почему-то вдруг чувствуешь: наша берет. И точно. Глядь, огонь ослаб, мелькают спины, вот тогда даешь! И наша победа!

Они помолчали. Шелестела трава под ветром. Чуть

слышно плескала волна. Тьма окружала их, враждебная тьма, и в ее бездонной жути негромко и словно бы о них самих пел с той стороны реки дальний и звучный голос: «Вы-хо-жу-у одн-ин я на до-ро-о-гу...»

— Помереть не страшно, — сказал Стас. — Нет, честно, я не боюсь. Страшно только, что умер, и все. Никакой памяти о тебе. Сгинул. Был — и нет. Ну, ты там вспомнишь, может, еще кто-то, а потом и вы забудете.

Климов улыбнулся в темноте. Чудак он, Стас, милый родной чудак.

— Вот хотел я быть художником, — опять заговорил после паузы Стас, — не вышло. Нет таланта. После художника, Витя, остается красота. Настоящая красота, так что сердце дрожит и плачет. Если, конечно, был у него талант. А у меня нету. И вот цветы... Все равно вся красота мира ничего прекраснее цветов не изобрела. Я бы после смерти каждому не памятник ставил, а цветы на могилу сажал. И каждому свои — по заслугам и по характеру. Одному лютики — за тихость и простоту, другому тюльпаны — за гордость и решительность, третьему — розы. Это за чистоту и вообще за все, за служение идее, людям... Потому что розы — сама красота, Витя... И, знаешь, если бы я вывел такой сорт роз, чтобы он не нуждался в цветниках и оранжереях, а рос всюду и не боялся наших морозов, вот, честное тебе комсомольское, я бы помереть мог спокойно...

«И дыша, взды-малась ти-хо гру-удь!» — пел голос на той стороне.

Темнело. Усиливался ветер. С неожиданно жалобной интонацией закричала в прибрежных кустах какая-то птаха.

— Ну а мне на могилу что бы ты посадил? — спросил, усмехаясь, Климов.

— Да ну, Витя, на какую могилу!

— Ну а все-таки?

— Тюльпаны, — нерешительно пробормотал Стас, — или гладиолусы там...

— Нет уж, — сказал Климов, — если такое случится, ты уж надо мной лютики посади. Ну хотя бы за тихость и простоту.

Они помолчали.

— В семь ячейка, — встал Стас. — Партийно-комсомольское объединенное заседание.

— Встретимся в розыске, — сказал Климов.

Стас ушел, а он лег на влажноватую еще, не совсем росяную траву и стал смотреть в небо. Оно было звездным, темным, безмерным. «А я, — думал Климов, — что после себя оставлю? Вот мы, сыщики, ловим бандюг. Это, конечно, правильная профессия, но почему же я иногда становлюсь перед чем-то, словно башкой о столб ударился, словно я только делаю вид, что совершаю полезное и нужное дело, а сам понимаю, что этого дела мало для оправдания моей жизни на земле? Но что же еще я тогда должен сделать?.. И вообще, откуда сегодня эти мысли у меня, у Стаса? Это, видно, из-за Мишки...»

Кто-то зашуршал позади. Он скосил глаза вбок, но не пошевелился. Затем рядом с ним появилась тоненькая фигурка и села на камень, где только что сидел Стас. Он смотрел на нее внимательно и отрешенно. Это оказалась девчонка лет пятнадцати. На ней было черное платье, продранное под локтем так сильно, что когда она поворачивалась, то в прорехе явственно мелькало белое тело. Она несколько раз нервно оглянулась на него, в глазах ее было возбуждение и страх. Так они провели вместе и далеко друг от друга минут десять.

— Деньги-то есть, дядь? — спросил глуховато звонкий девчоночий голос. Лохматая голова повернулась к нему, опять испугом и возбуждением блеснули темные глаза.

— А что? — спросил он.

— А то... пойдем за два «лимона»

Он привстал. Она искоса взглянула на него и отвернулась, ожидая.

— Одна живешь? — спросил он, чувствуя такую жестокую горечь, что слова с трудом проходили через гортань.

— Сама живу, — сказала она и повела худенькими плечами. — Не бойсь, никто с тебя не спросит... Пойдем, что ли?

Он опять упал на траву и опять всмотрелся в звездное небо. Шел шестой год революции, а голодная девочка становилась проституткой, чтобы хотя бы прожить.

— Как зовут тебя? — спросил он.

— Манькой, — сказала она. — Идешь или как?

Он сунул руку в карман, вытащил краюху хлеба — неприкосновенный запас.

— Возьми, Маня, — он протянул ей хлеб.

Она всмотрелась, схватила, стала жадно есть.

Он лежал, думал: «А если со мной что случится? Неужели Таня пойдет по рукам? Конечно, та взрослее, ей уже двадцать. И все же». Он опять увидел, как беспомощно повисла тогда она на руке у завитого гиганта. Нет, Мишкина смерть требовала другого отношения к жизни. Самолюбие? Но до него ли сейчас? У него нет более близкого человека, чем Таня, и он пожертвует своей гордостью и всем, что потребуется, но уведет ее из того мира, куда ее столкнуло чье-то равнодушие и тупое пристрастие к форме.

Он резко вскочил. Девчонка вздрогнула и согнулась, обхватив колени.

— Маня, — сказал он. — Я тебя в приют отведу.

— Не пойду! — Она, не оглядываясь, наотрез закрутила головой.

«Таня, — думал он. — На этот раз я все-таки поговорю с тобой, чего бы мне это ни стоило».

— Ладно, — сказал он. — Живи как хочешь. Но вот что, — он нагнулся и положил руку на дрогнувшее худенькое плечо. — Меня зовут Климов, и, когда тебе станет плохо, позвони по телефону двадцать — двадцать два... Позвонишь?

Она, не оглядываясь, кивнула. Он пошел вверх по откосу.

— Эй, — крикнул сзади девичий голос. — А как звать?

— Так и скажи: Климова к телефону.

ГЛАВА VI

В «Экстазе» громыхал фокстрот. Ребята из джаза выделывали черт знает что: высоко пели трубы, низко стлались баритоны саксофонов, убийственно выстреливали очереди ударника. В танцзале наверху толпа бешено топотала на одном месте, потому что сдвинуться в толкучке было некуда. Климов, протискиваясь между пустыми стульями у стен и танцующими, всматривался в колышущуюся толкотню голов. Узнать и найти здесь Таню было почти невозможно. Тогда он стал искать пшеничную укладку. Рослых мужчин здесь было немало, но тип в коричневом костюме выделился бы даже среди рослых. Нет, и его не было видно. «Но разве Таня обязательно с ним?» От этой мысли Климов весь похолодел.

«Неужелн темноглазая тоиеиькая чнстая девочка могла пойти по рукам? По этим потиым, алчным, бесстыдиым рукам?»

Старушка не спеша, —

пел на эстраде маленький толстый человек в чесучовом костюме с пестрым шнрокнм галстуком,—

Дорожку перешла.
Ее остановил миль-ци-о-нер!

Навстречу Климову пробнрался невысокнй паренек в дешевом костюме с пышиым галстуком. Они столкиулись, вплотную с ними отчаяиио работали ногами танцоры. Климов узиал парня, это был свой, нз третьей бригады.

— Слушай, друг, — ои потяиул парня за лацкан. — Ты тут Шевич ие вндал?

Пареиь дисциплиннрованно делал внд, что незиаком с ннм, н пытался пролезть мнмо.

— Да ты не дури, — раздражеино сказал Клнмов. — Я тебя по службе спрашиваю.

Тот сразу вскииул глаза.

— По службе? Другое дело. Шевич? Это что у Клейна была, а потом вычистили?

— Эта самая.

— Была на танцах. Потом вннз ушла.

— Одна?

— Был с ией какой-то. Здоровенный. Волосы прнкудрявлеиы.

— Вниз ушла?

— В номера.

Климов повернулся и, расталкнвая танцующих, кинулся к выходу из зала.

На первом этаже в длиниом коридоре, по стенам которого стояли трюмо, отчего каждый проходившнй двоился в отражеииях, перемииались два тнпа в позументах. Клнмов подошел к ним, оии сомкиулись перед иим, образовав непроходимый заслон нз ливрей и мощных торсов. Клнмов взгляиул в разбойно-почтительные лица, вынул удостоверение.

— Розыск! — сказал он.

Позументы дрогнули и расступилнсь. Клнмов почти бегом бросился по коридору, отражаясь во всех зеркалах сразу. Прн повороте вниз на лестницу он увндел,

как один из вышибал тянет какой-то шнур на одном из трюмо, услышал отдаленный звук звонка внизу и понял, что обитателей номеров предупредили о его появлении. Торопиться смысла не было. Он медленно спускался по застеленной ковровой дорожкой винтовой лестнице и думал о том, как отыскать Таню в этом лабиринте тайных удовольствий и нэпмановских секретов. Лестница кончилась, начинался коридор.

Где-то за тонкой стенкой всхлипнула женщина. Климов вдруг почувствовал такую усталость, что сразу решил уйти. Он повернулся, и в тот же миг прямо перед ним распахнулась дверь, и человек в коричневом костюме с решительным клювоносым лицом, с мелко завитыми светлыми волосами встал в дверях. Он смотрел прямо на Климова, и Климов узнал его.

— Таня здесь? — спросил он, подавшись навстречу завитому.

— А! — сказал, узнавая его, завитой. — Таня? А что вам до нее?

— Пусть войдет! — раздался позади знакомый голос.

— Ну что ж, заходите! — сказал завитой и посторонился.

Климов шагнул в душный, настоянный на аромате духов и цветов полумрак номера. Высокая настольная лампа царствовала над столом, уставленным шампанским. На цветных диванах и креслах вокруг стола сидело пятеро. Две женщины — одна блондинка, другая южанка со смелым и нежным одновременно лицом, с влажно мерцающими большими глазами. Рядом с ней юноша в студенческой тужурке старых времен, смотревший на Климова со смешанным выражением интереса и неприязни, могучий толстяк с седой шевелюрой, и в углу Таня. На лоб ей косо падала прядь, блузка тесно охватывала маленькую грудь и прямые плечи. Она смотрела на Климова спокойно и казалась такой чужой, что усталость, сменившаяся было волнением, теперь опять вернулась.

— Меня ищешь? — спросила Таня.

Завитой прошел мимо Климова, подставил ему стул и сел за стол рядом с Таней.

— Поговорить хотел, — сказал Климов.

— Говори, — сказала она.

— Здесь? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Кого нам с тобой стесняться?

— Уйдем? — попросил он, опуская глаза под настой-

чивым ее взглядом, в котором уже замелькали искры вражды и гнева.

— Куда же? — спросила она с непонятным интересом. — Куда же ты меня хочешь увести?

Он сел на стул и посмотрел на студента, потом на толстяка. Те слушали и разглядывали его с холодным любопытством.

— Выпьете с нами? — спросил завитой и разлил всем шампанское.

— Таня, — сказал Климов. Ему вдруг стало все равно, слушают его эти пятеро или нет, — ты пойми, — сказал он, — я не мог тогда. Убийцу брали...

— Прежде всего долг и общественные обязанности! — засмеялась Таня звенящим смехом. — Товарищ Климов и товарищ Шевич. Хватит! Я хотела быть вам товарищем, вы меня выкинули как собаку. Теперь я не хочу быть товарищем, слышишь? — Она смотрела на него своими темными, гневно сияющими глазами. — Я хочу быть женщиной! Любимой! Ты можешь меня ею сделать?

Климов вдруг улыбнулся. Она очень еще юная. Вот когда злится, это особенно ясно.

— Чему это вы? — спросила Таня, и в голосе было удивление.

— Любимая, — сказал он, — уйдем отсюда!

— Общество вы, Танечка, выбрали себе весьма низкопробное, — издевательски пояснил толстяк. — Утонченный вкус советского сыщика возмущен вашим выбором.

— Ничего, — сказала Таня, опять поднимая голос до звенящей высоты. — Потерпит. Так ты говоришь: любимая, а на что ты бы мог решиться ради меня?

Он снова внимательно вгляделся в ее бледность, в сухой блеск глаз и вдруг понял, как ей трудно живется. Надо было бы многое объяснить, но он не мог, не хватало слов.

— Вы гость, — сказал завитой резким тоном, — и прошу вас быть как дома. Выпьем?

Климов взглянул на него и снова перевел глаза на Таню. Там, за стенами этого дома, бродила Маня и тысячи голодных, а эти сидели здесь в тепле и уюте, играли в любовь, пили и еще обижались, что их смеют не понимать. И Таня среди них, среди этих...

Таня вздрогнула и обхватила плечи руками вперекрест.

— Так зачем ты пришел? — спросила она. — Просить

меня отсюда уйти? Я здесь с друзьями, мне некуда уходить. Я однажды уже пробовала уйти из своего круга и расплатилась за это. Что еще ты можешь сказать? Вот Константин, — она показала ладонью на завитого, — ради меня обворовывает свое акционерное товарищество! — Завитой, как лошадь, дернул головой, но смолчал. — Вот Дашкевич ради Этери промотал все свои миллиарды, а что можешь сделать ты для любимой женщины?

— Увести ее отсюда, — сказал он. — Только это!

— Не в твоих силах! — крикнула она. — Потому что, если бы ты и смог это сделать, завтра бы опять нашлась причина — общественная, государственная, какая угодно, — и меня бы для тебя не стало! Потому что для таких, как ты, Клейн и все остальные из вашей компании, я не существую. И совершенно непонятно, как ты решился прийти сюда, чтобы заняться столь личным делом, как выяснение наших отношений!

«Уже обучили своей логике», — он, наливаясь тяжелой яростью, оглядел остальных. Завитой косил на него испуганным глазом, ерзал на стуле. Другие ждали его ответа, мужчины — с неприязненными усмешками, женщины — с каким-то жалостливым любопытством.

— Значит, для доказательства моих слов я еще ничего не украл? — спросил он, поворачивая голову и с едкой злостью оглядывая Таню. — Подскажи где. У меня опыта мало, до этого больше ловил тех, кто крадет...

Наступила тишина. Завитой замер на стуле. Танино лицо полыхнуло краской. Она закрыла глаза, ссутулилась, потом вновь взглянула на него. В глазах были гнев и беспомощность. Сейчас она опять что-нибудь скажет, и уже ничего невозможно будет поправить. Он встал.

— Мишку Гонтаря убили! — Он посмотрел в последний раз в глаза ей, запоминая навсегда это милое, бледное, большеглазое лицо, и пошел к двери.

— Ми-и-шу? — ахнул сзади ее голос.

Он вышел и пошел по коридору. Навстречу ему спешил высокий человек в черном костюме с «бабочкой», с официальной улыбкой на ничего не выражающем желтоватом лице.

— Товарищ из угрозыска?

— Да, — сказал он.

— Клейгель, — он пожал руку Климова холодными, вялыми пальцами. — Я вам нужен?

— Нет, — сказал Климов. — Я по личному делу.

— По личному? — Клейгель понимающе кивнул. — Могу я помочь?

— Не можете! — сказал Климов.

Он обошел Клейгеля и пошел по коридору. За тонкими стенками уже шумели голоса, гремел граммофон, слышались крики, пьяные звуки поцелуев, хохот. Он почти бегом выскочил на улицу. Зашагал по булыжной мостовой. Позади слышался цокоток чьих-то шагов. «Зачем все это было нужно? — думал он. — Почему я решил ее откуда-то извлекать? С чего я взял, что она хочет быть рядом со мной? Она ведь с ними во всем: воспитание, общение, мысли — все их; это к нам, а не к ним, она попала случайно».

— Витя! — позвал за спиной женский голос.

Он встал, словно оглушенный. Подошла Таня.

— Я на минутку, — сказала она, опять охватывая себя руками за плечи. — Как это случилось... с Мишей?

— Тут ранили одну, — роя сапогом землю, пробормотал он. — Дочку зубного врача... Он хотел ее спасти от бандитов.

— Вику? — вскрикнула Таня.

Он поднял на нее глаза.

— Ну, Клембовскую!

— Вику? — повторила она. — Она жива?

— Она-то жива, — сказал он, нехорошо усмехаясь: «Вику ей жаль, а про Мишку уже забыла». — Гонтарь умер.

— Ужас! — сказала она и провела ладонью по лбу. — Витя, какая у вас страшная работа!

Он молчал. Даже радости не было оттого, что она догнала его и заговорила. Не было радости. Потому что «на минуту». Потому что сначала Вика и лишь потом о Мишке.

— Витя, — сказала она, не глядя на него, — можно, я провожу тебя? У тебя есть время?

— Ты ж на минуту, — сказал он зло.

— Да... я и забыла...

Она все стояла на ветру, подрагивая в своей белой легкой блузке. Горькая нежность ударила в сердце, пронзила, затуманила, обожгла. Но он не сделал ни шага, ни движения.

— Я... пойду? — полусказала-полуспросила она.

Ее там ждали друзья. Те самые друзья, с которыми дружить — значило раздружиться с ним, с Климовым.

— Иди! — сказал он жестоко. — Иди! Расскажи им еще раз, как ты ошиблась, когда пошла с нами, а не с ними. Расскажи, им это узнать полезно.

Она вздрогнула, вдохнула воздух, на высокой шее запульсировала жилка, она взглянула на него — взгляд был затравленный, больной, молящий, — повернулась и побежала, слабо поводя локтями. А он смотрел, смотрел...

Вечер был. Звезды прорывались сквозь клочковатые облака. Климов шел по мостовой, сторонился от редко проносившихся пролеток. Горечь томила сердце.

Далеко на окраинах рокотали заводы, гремели где-то пролетки. Уже еле слышно доносил сюда свое томление оркестр из «Экстаза». Он свернул к управлению. В дежурке усталыми глазами глядели трое. На втором этаже из бригадного помещения доносился голос Селезнева. Климов решил было войти, но не хотелось никого видеть. Он отошел в конец коридора, с треском открыл окно. Душный вал сиреневого запаха обдал и словно омыл его. С Таней — все, но жизнь продолжается. Он высунулся в окно. Городской вечер. Синева, простроченная гирляндами огней, грохот повозок и пролеток на улицах. Редкий выкрик автомобильного рожка. Шорохи близких садов. Надо жить и делать свое дело.

Резко хлопнула дверь. Кто-то вышел в коридор, постоял и двинулся к нему. Климов не обернулся.

— Климов? — спросил хрипловатый бас Клыча. — Вахту несешь? Там ребята матрасов натащили. Иди отдыхай.

Климов повернулся, посмотрел на Клыча. Начальник, в тельняшке, сквозящей в распахе кожаной тужурки, с папиросой в зубах, смотрел через плечо Климова в окно, от него крепко пахло табаком и кожей.

— Тоскуешь, браток? — спросил Клыч.

— Просто настроение какое-то... — сказал Климов, отворачиваясь к окну.

— И у меня настроение, — сказал начальник. Он тронул Климова за плечо. — Витек, — сказал он, — айда выпьем? У меня немного есть.

Климов, изумленный тем, что услышал, резко обер-

нулся. У Клыча было печальное лицо, русая полоска усов в сумерках странно посветлела и придала Клычу вид растерянного коммивояжера, у которого отказываются брать его товар.

— Айда? — позвал снова Клыч.

— Можно, — сказал Климов, и они, пройдя по коридору, вошли в комнату третьей бригады.

— Садись, — сказал Клыч и вытянул из бокового кармана тужурки начатый штоф водки.

Климов сел, осмотрелся и обнаружил на столе графин и стакан. Клыч вытянул из кармана две краюхи хлеба, затем аккуратно завернутую в бумагу соль.

— Поехали, — скомандовал он и налил в стакан.

— Пей! — посмотрел он на Климова горячими глазами. — Пей, Витек, за мировую революцию и правду на земле.

Климов дернул головой и выпил. Водка обожгла горло, он закашлялся. Клыч протянул ему посыпанную солью краюху:

— Ешь.

Пока Климов закусывал, Клыч тоже выпил, потом уперся грудью в стол и заговорил:

— Понимаешь, братишка, было у нас собрание, и чего-то после этого все нутро у меня затосковало. Захотелось выпить. А я ведь с двадцатого года как бросил, так к зелью и мизинца не протягивал.

— Расстроили вас? — спросил Климов. Он любил Клыча. Тот был хороший начальник — не мелочный, смелый, несмотря на внешнюю простоту, нередко поражал незаурядным умом и дипломатичностью. Сейчас ему было не до Клыча, но того тянуло к разговору, и Климов старался поддерживать беседу.

— Расстроился, точно, — сказал Клыч и повернул голову к окну.

В темноте выражения его лица не было видно.

— Я, братишка, в партии с шестнадцатого года, — медленно, словно вдумываясь в собственные слова, заговорил Клыч. — Все углы посчитал, всем сомнениям отдал долг, но курс выдерживал без уклонов. А чего не было: Брестский мир! Мать моя богомолка! Я был в отряде на Украине, мы свету белого невзвидели! Уйти, отдать все немцам! Потом наш флот потопили!.. До сих пор вспоминать не могу... Да, всяко было. Но не колебнулся. Не потому, что сам думать не умею, а про-

сто крепко верю тем, кто у нас в командирской рубке. Они туда не за красивые байки поставлены, и в тюрьмах, и на каторгах бывали. И на фронтах под пулями не гнулись. Я верю. Но вот ты мне скажи, почему это такое: встает дрючок этот, Селезнев, и начинает поливать: революция, бдительность, беспощадность... «Клыч не имеет права при посторонних обсуждать высокую политику». Какую такую «политику»? Селезнева, выходит, я не имею права обсуждать? И разве ты посторонний?.. «Потапыч — буржуазный элемент, и его надо изъять!» Почему? Старик иной, у него жизнь была иная, да и не рабочий он, ясно, он по-иному мир понимает. Но с в о й старик-то. Пользы от него — вагон! Он и в преступниках понимает, и дело свое знает как облупленный. Так отчего же контра?

Клыч снова налил в стакан и придвинул его Климову. Тот выпил и в темноте осторожно поставил, потом нашарил недоеденную краюху, стал жевать. Клыч тоже быстро и умело проделал всю процедуру. Стукнул о край стола его стакан.

— И вот что я тебе скажу, — опять зарокотал его голос, — обидно, что, только начинает он свои обличения, сразу кое-кто в его сторону тянет. Потапыча мы, правда, отстояли. Но авторитет у нашего «борца за беспощадность» вот таким путем как на дрожжах пухнет. И вот, браток, интересная штуковина: почитал я кое-что по французской революции: Блосса там, Минье — чего улыбаешься? Такой, мол, дуб, как твой начальник, книжонками увлекается? Это я только кажусь эскимосом, я, брат, книги давно люблю и привык из них уже разные соответственные нашему времени истории вытягивать. Вот, скажем, разные люди: Марат, Робеспьер и в особенности Дантон. Все разные. А Дантон — так тот и на руку нечист бывал. Так когда они наибольший успех у массы имели? Как только начинали ратовать за беспощадность. Факт. И думаю, потому масса на этот лозунг отзывалась, что для революции он поначалу очень важен. Она ведь как? Босая, голая, почти что с голыми руками против контры с ее пушками и офицерьем, против всего привычного прет. За нее вперед всех сознательные, за ними сочувствующие, а прочие — кто сомневается, а кто окончательно против. Поэтому, чтобы победить врагов, работать, строить, нужны зоркость и дисциплина.

А тут — взять у нас вот в России — белые, зеленые, черные, желтоблакитные, коты разные людей, как мышей, душат, и получается, что к таким нужна беспощадность. Но сама революция, она за доброту. Ей только никак не дают доброй стать. Сколько раз у нас смертную казнь отменяли? Раз пять, не меньше. И когда? Война шла, а мы ее отменяли. Но ведь как ее отменишь, «вышку», когда такая сволочь, как Кот, по земле ползает? И я в таких делах беспощадность одобряю. Без нее порой никак дело не протолкнуть.

Но только есть горлопаны вроде Селезнева, которым та беспощадность — не боль, не временное явление, а вроде бы хлеб насущный. Они о ней громче всех орут и авторитет на ней же наживают. И сверху его отмечают за бдительность, и начальство, не разобравшись в этом типе, берет его на положительную заметку, и из прокуратуры требуют его к себе, как преданного и бдительного кадра. И он идет вперед, Селезнев, и, по всему видно, рвется наверх. Как думаешь, не наломает он там дров, наш беспощадный товарищ Селезнев? Что скажешь, менее беспощадный товарищ Климов?

— Я б его вверх не пускал, — сказал Климов, — демагог он.

— То-то и оно, — сказал Клыч. — Такого человека раскусить трудно. За слова прячется и для своей пользы на все готов. На все, понимаешь?

Открылась дверь, что-то зашуршало, и лампочка у потолка сначала заалела тонкими волосиками, потом вспыхнула и осветила комнату. В дверях в белом френче и белой фуражке стоял Клейн.

— Беседуете, товарищи?

— Беседуем, — сказал Клыч, смущенно отводя глаза от начальника. Тот коротко покосился на бутылку, и Климов, понимая, что запоздал, сдернул со стола и осторожно поставил ее на пол.

Клейн подошел, придвинул стул и сел.

— Оперативная группа выехала, — сказал он. — Вокзаль — стрельба.

— О Коте никаких вестей? — спросил Клыч, оправляясь от смущения.

— Надеюсь на Клембовскую и того раненого бандита, — сказал Клейн, трогая пальцем черные усики. Лицо его было бледно, полно утомления и печали.

— Думал я, расколю Тюху, — сказал Клыч. — По-

нимаешь, Оскар Францевич, задел я его на последнем допросе, чем — не знаю, а чую, задел. И вдруг — на, попытка к бегству!

— Мало данных, — вздохнул Клейн. — Центророзыск молотит телеграммами. МУР высылает людей. Такого зверя еще не было. А взять не можем. Цум тойфель! — по-немецки выругался Клейн. — Какой-то чепуха!

Наступило молчание. Потом Клейн оглянулся на дверь, сходил прикрыл ее, вернулся к столу и попросил, горячо и по-мальчишески светя глазами:

— Степан Спиридонович, выпить осталось?

— Есть! — тут же откликнулся Клыч. — Давай, Климов.

Они опять выпили по трети стакана, поочередно передавая друг другу посудину.

— Что, товарич Климов? — спросил Клейн, устало улыбаясь. — Все судиль меня за Таню?

— Когда я вас судил? — спросил, нахмурясь, Климов.

— Ти меня всегда судиль, — сказал Клейн. — Я видель. И все-таки не мог я, не мог. Зачем она нам льгала? Почему прямо не сказать: отец — дворянин. Ми приняли бы к сведению. Дали больший срок на проверку, а потом она била бы с нами.

— Ну соврала раз, так что? — вдруг прорвалось у Климова. — Она ж девчонка, а среди нас разве селезневых мало?

— Э, майн либе кинд, — сказал Клейн, — у тебя все очень просто. А партия нас учит: нельзя льгать. Сольжешь — нет тебе вери. Так и вишло с Таней. — Но глаза он уводил, начальник. И Климов отвернулся.

— Спать надо! — вдруг сказал Клыч.

— Что ж, — вздохнув, сказал Клейн. — Можно и спать. Покойной ночи, товаричи.

Но спокойной ночи не было и быть не могло. Климов спать не мог, да и остальные ворочались на брошенных на пол матрацах. Внизу изредка гремел звонок тревоги, и слышно было, как, прочихиваясь, выезжает за ворота автомобиль. Каждый раз Стас садился на своем матраце и молча смотрел в окно. Оно было озарено светом близкого фонаря. Стас ждал чего-то, потом встряхивал кудлатой головой, вздыхал и снова ложился.

В середине ночи, поворочавшись, Селезнев встал и подошел к окну. Климов поднял голову. Селезнев ку-

рил. От мыслей о сегодняшнем разговоре с Таней, от сумятицы в голове из-за Мишкиной смерти смертельно захотелось курить. Климов рывком поднялся и, как был, в майке и трусах подошел к Селезневу. Тот, медленно выпуская дым, смотрел в окно. Луна высеребрила листву садов, протянула светящуюся паутину вдоль деревьев.

— Дай курнуть, — попросил Климов.

Селезнев, не глядя, протянул ему пачку, сунул папиросу — прикурить.

— А Кота я уважаю, — сказал он, словно продолжая какой-то давний разговор. — Не телится он, Кот. Согласен? Кто не подходит, он — шлеп и пошел дальше. А мы телимся. В общем масштабе телимся, оттого и социализм пока не построили, — он затянулся. — А надо чистить, понял? — Он взглянул на Климова и отвел взгляд куда-то вдаль. — Кто не подходит новой жизни, того перековывать — терять время. Кончать надо эту музыку. Чистить страну в общем масштабе.

— А если ты не подходишь, — озлобляясь, спросил Климов, — с тобой как?

— Я? — усмехнулся Селезнев. — Я не подлежу новой жизни? — Он засмеялся, потом стал серьезен. — А если уж и я не подлежу, и меня к стенке, и точка! А ты как думал? — Он помолчал, потом закончил, улыбаясь почти застенчиво. — Только я-то, Климыч, как раз к ней подлежу. На людей я посмотрел: в большинстве дрянь народишко. И по анкете, и по направлению поступков... Так что именно мне и таким, как я, порядок наводить, дорогу для новой жизни прочищать, а ты говоришь — не подлежу!

— Одно все время думаю, — сказал Климов, — страшное будет время, если ты и такие, как ты, получат возможность «чистить» землю, как ты хочешь.

— А ты как думал? — сказал Селезнев с глубоким спокойствием. — Конечно, страшное. Для некоторых. Зато выскоблим. И до дна.

ГЛАВА VII

Он открыл глаза. Вокруг скатывали матрацы. Селезнев добривался, макая помазок в железную мыльницу на подоконнике. Климов вскочил и принялся за дело. Через пятнадцать минут, когда вошел Клейн, бригада

была уже готова к рабочему дню. Побледневший, но свирепо поглаживающий усы Клыч провел начальника к себе за перегородку. Через несколько минут они появились в комнате, и Клыч объявил:

— Товарищи, работаем так. Товарищ Клейн едет в военный госпиталь, где лежит Клембовская. С ним едет Селезнев. Он должен расколоть раненого бандюгу. От этого, Селезнев, зависит очень многое.

Селезнев хмуро окинул его взглядом.

— Лучший кусочек предложили...

Клыч взглянул на него и тоже нахмурился.

— Ты, братишка, работаешь в военизированном учреждении. И слушал сейчас приказ, а не бабий треп. Продолжаю. Я еду в домзак, занимаюсь Тюхой. Там у нас некоторый успех. Вчера Тюха просил прислать к нему священника. Я прислал, хоть вроде не по уставу. Так что исповедался грешник, теперь сам просил, чтобы я приехал. Климов едет со мной. Тут остается Ильин. В случае необходимости — действовать вместе с оперативной группой. Все.

Прибежал запыхавшийся Потапыч с пачкой фотографий в руке.

— Судари мои, уже собрались? А карточки-то, карточки-то!

Он быстро раздал всем фотографии широкоскулого чубатого хлопца с узкими глазами, мощными надбровными дугами и губастым ртом.

— Всем покажите, всем. Может, узнает кто?

— Благодарю за слюжбу, — сказал Клейн, и Потапыч порумянел.

В домзаке их знали, и через минуту они уже шли по узкому мощеному двору, со всех сторон охваченному каменными стенами. Несколько арестантов скребли метлами по каменным плитам. Один, широкоплечий и чем-то знакомый, оглянулся. Климов остановился: Филин! Клыч прошел через двор к двери тюремного лазарета, а Климов подошел к бывшему сослуживцу. Филин ждал, косо улыбаясь, лицо было серое, глаза смотрели угрюмо.

— Здорово, — сказал Климов. — Ну как ты тут?

— Загораю вот, — сказал Филин, кивнув на метлу. — Там-то у вас что? Кота поймали?

— Ловим, — Климов поглядел на раздолбанные тюремные бутсы Филина, и жалость уколола его. — И как тебя за язык потянуло?

Филин враждебно взглянул на него, потом выражение тяжелого лица его смягчилось.

— Баба продала, — сказал он, вздохнув. — Я к ней всей душой, а она, выходит, там притон держала. Телок я, Климов, точно, телок. Верил я ей. И про все с ней делился. И про облаву в Горнах сказал. Ревновала уж больно: куда едешь, мол? По бабам небось? Вот и тянула она из меня. А сама со шпанкой путалась. И, считаю, правильно, что в домзак меня запечатали. Мало еще... А выйду, ее, суку, найду — убью!

— Она сама под следствием!

— Все равно! — тряхнул головой Филин. — Перед товарищами себя гадом чувствую... — Он вдруг жалобно, как-то по-детски скосив глаза, попросил: — Ты там ребятам скажи: случайно, мол, Филин-то. Промашка вышла. А предателем не был.

— Все так и думают, — сказал Климов. — Ты, Филин, держись! У нас весь подотдел знает, что ты Тюхе не дал сбежать.

Филин смущенно хмыкнул и взялся за метлу.

— Ладно, прощевай. Работать надо.

В бокс тюремного лазарета, где лежал Тюха, Климов вошел во время самой задушевной беседы между убийцей и своим начальником.

— Планида моя такая, — хрипел Тюха. Его темная бритая голова выделялась на белой подушке. Глаза слепили возбужденным и отчаянным блеском. — Я, Степан Спиридоныч, для хозяйства был рожден, для семейственности. А тут война, в разведке служил. На третьем году — что в коровью лепеху штыком ткнуть, что в человека... Пришел в деревню, баба у меня была — нету, уехала, а куда? Никто не знает, детишков нам бог не дал. Хозяйство старшие братья под себя приспособили. Ушел в город, ходил без дела, а тут энтих встретил. Выпили, а потом и пошли на дело. Ослобонили один магазин от товару, потом кооперативную лавку очистили. Спирт, гитара, бабье — так и потекло. Задуматься некогда, да и к чему оно? Дошел так до Ванюши. Тот живорез был. А меня томило. Не повернишь, Степан Спиридоныч, а томило меня. На войне сколь людей на тот свет отправил, не знаю, да тут и не моя вина. А вот

по «мокрому» имею на себе восемь душ опосля. Это как на духу. Мне теперича врать не к чему!

— Понимаю, — сказал Клыч. — Да видишь, поздно ты, Пал Матвеич, каяться начал.

— Оно и не тебе каюсь, Степан Спиридоныч, — спокойно ответил Тюха. — Богу каюсь. А тебя по другое звать послал.

Тюха захрипел и весь словно провалился в подушку. Клыч поддержал его голову. Тюха отдышался и вновь захрипел.

— Ты, брат, Степан Спиридоныч, произил меня. Произил. Офицериком своим. Ты вона кого вспоминаешь, а у меня и похуже есть что вспомнить... Но ладно обо мне. А вот про душегубца настоящего я тебе скажу. Про Кота. Понял я прошлый раз: до него вы добираетесь. И пора, братцы, пора! Я Кота почему знаю: с одной мы с ним деревни, с Тверской губернии, деревня Дикий Бор. Он молодой, Кот-то. Ему теперича двадцать седьмой годок. Отец его из деревни годков в двенадцать в трактир служить отправил. Ларивонова трактир был в Твери. Ларивонов сам-то из нашенских, из дикоборцев. Яво потом перед самой войной — слушок был — полиция взяла, Ларивонова-то. Быдто краденое где укрывал или чего еще.

Климов — у двери, а Клыч — склонившись над кроватью Тюхи, слушали, боясь пропустить хоть одно слово.

— А причастный был Кот али непричастный к тому делу — не знаю. Только исчез он. А уж годами потом стакнулся Ванюша с одной шайкой. Рядом работала. Да работала-то больно угрюмо — никого в живых не оставляла. Это Кот был. С Ванюшей он сладился. Только Кот, он больше не в наших местах работал, это по случаю у него вышло. А потом он в Москву убрался. А вот с полгода назад опять к нам. Теперича уже с женой, а остальные все те же.

— Сколько их всего? — спросил Клыч. Он тоже охрип от волнения.

— Всего их четверо. Жена Котова, Аграфена, та исвроде в самих делах не участвует. Она по имуществу у них заведующая. Но при деле бывает. Только что не режет, черепки не проламывает. Привычка у Кота такая. Выберет себе хозяина — хуторского или городского побогаче, — приходят с обыском. Есть у них ли-

па, вроде оии ГПУ. Как тут не отворишь? Отворяют. Тут он всех в одну комиату, эт как и другие делают. Только Кот — он ни бога, ии кодекса не боится. Ему что лишняя душа иа совести, что ноги о половицу обтереть — одно. Всех кончает. Он и укрывателей своих потом пришивает. У него манер такой: чтобы о ем знающих иа этом свете ие было. Вот как вы Ванюшу убрали н я тебя, Степан Спиридоныч, подвалил, мне все равно бы хана выходила. Пока я при Ванюше был, Кот не трогал. У Ванюши людей много было, Кот хитрый, с такими не вяжется. А как я один из бражки остался, тут мне решка. Не вы, так ои бы пришил. Секретио живет, душегубова его душа!

— Ты, Пал Матвеич, про всех их по порядку.

— Расскажу, будет час, слаб стал больно, — Тюха тяжело дышал.

Клыч шепотом позвал Климова и послал его за мокрым полотенцем. Климов привел медсестру, та послушала Тюху и объявила, что продолжение разговора опасио для здоровья пациеита.

— Ты уж ие умирай, Пал Матвеич, — попросил Клыч, вставая. — Твой рассказ тебя от миогих грехов очистит.

— Стой! — сказал задыхающийся Тюха. — Не уходи! — Ои опять часто задышал, медсестра махнула посетителям, чтобы уходили, ио Тюха с трудом поднял голову и сделал запрещающий жест. Медсестра развела руками и вышла. Клыч и Климов вновь присели у кровати.

— Слушай, — хрипел Тюха, пожелтев и кося глазами. — Пока не доскажу, ие ходи... — Он закашлялся, потом захрипел, отлежался и заговорил с каким-то присвистом в горле: — Всего их у иего трое. Про Аграфеиу уже сказал. Ему ее Красавец под Курском у отца за тыщу рублей купил. Два года назад было. Оиа и приклепалась к иему. И хошь верь, хошь нет, оиа у Кота при полиом доверии. Второй — Красавец. Его весь блат знает. Он и при Николашке сидел. Знаменитый убивец. Сам малеиький, а копыта агромадные. Модный такой, из себя рыжий, в конопушках, иос острый, баб любит страшенно. Перед тем как пришить, иасилует. Сам Кот — ни-ни. Хозяин. Кроме денег, ничего ие любит. С жеиой живет честио. Третий у их Губан, шальная голова, в кавалерии служил. Тот особо всякие заварухи любит со стрельбой. Вот и все.

Клыч достал карточку, протянул ее Тюхе. Тот попытался поднять голову, но упал на подушку, оттуда скосил горячечный глаз, закнвал:

— Точно, Губан!

Клыч вздрогнул, и оии с Климовым впнлись в глаза друг другу. Удача!

— Пал Матвенч, я тебя еще потнраню, — сказал Клыч, н Тюха кивнул. Лнцо его было землисто-бледным. Глаза провалнлнсь глубоко и оттуда смотрели, теряя блеск, тускнея н закрываясь.

— Где прячется Кот? Где у него основная хаза? — наклонился над Тюхой Клыч.

— Я с ним говорил под Клебанью, в селе Решетовке. Навроде там он грабленое прячет, ходнл такой слушок, — шептал бескровными губами Тюха. — А кроме ничего... ие знаю... В Горнах бывает, а у кого — тьма...

Оин встали. Тюха смотрел на ннх мутнеющимн, неживыми уже глазамн, дыханне его было чуть заметио. Клыч иатянул иа него одеяло, и они вышлн.

— Вот так, братншка, — сказал Клыч, когда они шлн через двор тюрьмы. — Жила в человеке какая-то правда. Загубил ои ее в себе, залнл чужой кровью, ан выползает она, хочешь ие хочешь. Вот после этого н суди человека.

Из домзака их подброснли на машине, в зданин управления оин рассталнсь. Клыч поспешил к начальнику, Клнмов пошел в бригаду. В коридоре у окна перекуривали ребята нз другнх брнгад. Окно пламенело солнцем, и лица курильщнков светнлись, волосы и бровн у всех казалнсь огнеиными нли золотымн. Папиросный дым плавал вокруг их голов клубами, и прогорклым запахом табака был полон весь корндор.

В подотделе Стас н Потапыч слушалн Селезнева. Тот сидел на подокоиинке н, куря, небрежно роиял слова:

— Вхожу к бандюге. Ои посмотрел н закрыл глаза. Даже храпит. Я говорю: «Хватит кемарить!» Ни в зуб ногой. Спит. «Подъем, — говорю, — мент пришел!» Открывает глаза: «Чего, говорнт, легавый. выпендриваешься? Я раиеиый, нмею право». — «Я тебе,— говорю, — покажу сейчас право, баидюга! Разевай шнифты, протокол составлять будем». Ладно, глаза раскрыл, смотрит. Я устраиваюсь, лнст кладу, иачинаю задавать вопросы. Он только смотрит. Я: «Имя, фамилия,

где родился?» Он смотрит, гад ползучий, и — молчок. Напрасно бился, короче: сказал ему и что «вышка» его ждет, и что может облегчить свою вину чистосердечным признанием. Ноль внимания. Только смотрит, сволочь, разбойными своими глазами. Так и ушел. Выхожу, а высокое наше начальство стоит в коридоре и пытается что-то втолковать этой лишенке, что у него секретаршей работала, — Шевич. Навестить, понимаешь, пришла подругу. Клембовская, видишь, подруга ее, оказывается... Он ей хочет сказать, а она — фуит презрения, смотрит мимо. Клейн меня увидал, сразу исчез.

Климов, не отрываясь, смотрел на Селезнева. Тот обеспокоенно взглянул на него и отвел глаза. Косо усмехнулся:

— Чего смотришь, Климов? Плохо допрашивал?

Климов с трудом оторвал от него взгляд. Уставился на носки сапог. Да, права Таня, права, иногда стоит бить, а ты не можешь: все время помнишь, что вы служите одному делу... И тут он вспомнил слова Селезнева, и боль тонко прошила сердце. Так они разговаривали — Клейн и Таня?.. Надо было немедленно забыть об этом. Кот бродил на воле, а он, чем он, Климов, занимается — мелко, по-мещански ревнует своего начальника к своей девушке... Впрочем, она и не была его девушкой. Две вечеринки, один поцелуй, и тот от возбуждения, от паров портвейна... Климов стиснул зубы, сел и стал раскладывать на своем столе листы. Ему надо было записать допрос, или, скорее, разговор Клыча с Тюхой.

— Плохо ты Губана допрашивал, — сказал Стас.

— А что за Губан? — спросил Селезнев.

— Тип этот... Его несколько человек уже опознали. Губан — из шайки Кота.

— Так и думал, — усмехнулся Селезнев, медленно выпуская дым из ноздрей. — Они мне нарочно самый твердый орешек подсунули. Никак не простят выступления на ячейке.

— Не знаю, сударь мой, — сказал Потапыч, жуя губами, — что вы такое изволили сказать на ячейке, но ни Клейн, ни Степан Спиридонович не таковы, чтобы осуществлять личную месть через служебные отношения.

Селезнев насмешливо покачал головой.

— Да-да, — повторил Потапыч, — не способны. Я много всякого начальства видел на веку. Эти совсем иные. Оба революционеры-с. Вот.

— Чья бы корова мычала, — сказал Селезнев, — ты, старик, о революции рассуждать не смей.

— А кто ты такой, чтобы всем указывать, что сметь, что нет? — внезапно даже для себя ввязался Климов.

Селезнев удивленно скосил на него глаза. Распахнулась дверь, вошли Клейн и Клыч.

— Оператнвка, товаричи.

Все расселись по местам. Клейн оглядел сндящих воспаленными глазами, остановил взгляд на Климове. Тот тоже смотрел на него, пытаясь узнать, что же успел он все-таки сказать Тане. Но что можно узнать по худому, замкнутому лицу такого человека, как Клейн! Они отвели друг от друга глаза.

— Товаричи! — сказал Клейн. — Итак, дело за нами. Благодаря сообчениям Тюхи и Клембовской много виясняется. Во-первих, шайка Кота действовала по разработанному плану. Клембовские били ограблены и убиты, потому что это заранее било намечено. У Клембовского золото, необходимое ему как дантисту, хранилось в сиденье зубоврачебного кресла. Найти его могли только люди, знавшие о месте его хранения. Виктория Клембовская не доверилась нам. Из-за этого и пострадала, питалась наладить слежку и месть преступникам собственными силами. Она бродила по притонам и кабакам, думая там услышать об убийцах. Но вместо этого лишь привлекла к себе их внимание. Тем не менее она знала, что путь к золоту мог указать бандитам только человек, близкий к их семье. Она вспомнила, что совсем недавно от отца ушла его медсестра, много лет помогавшая ему в работе. Дольго пришлось искать медсестру, потом Клембовская обнаружила ее. Та запиралась и все же призналась, что о золоте она говорила только одному человеку — своей квартирной хозяйке. Хозяйка торговала на ринке, ее иногда навещал рижий человек небольшого роста. Его медсестра несколько раз виндела. Клембовская направилась к Кубриковой — так звали домохозяйку. Она вошла к той и иаткнулась на труп. Сначала питалась принять... э... как это... помочь. После возни поняла, что это есть труп. Вишла оттуда напуганная и растерянная, и в этот момент на нее било совершено покушение. Ми потеряли в том деле двух сотрудников. Но Губан в наших руках, а вторым бил, по всей видимости, Красавец, тот самий рижий, что стрелял в наших людей, а потом питался ликвидировать

Губана. Видимо, не хотель оставить его в наших руках. Таким образом, ми идем по следу Кота. Больше того, в руках у нас его сообчник. Он, правда, мольчит, но ми постараемся, чтоб он заговориль. Надо только придумать ход.

— Не заговорит он, — сказал с места Селезнев. — Их, гадов этих, пытать бы с огнем, как в старые времена, тогда бы небось развязали языки.

— Питать ми не можем, ми революционная страна, а заговорить он дольжен, — сказал Клейн. — Тюха тоже мольчаль, но Степан Спиридонович нашель к нему ключ... Итак, начнем обдумивать операцию..

В дверь вскочил дежурный.

— Товарищ начальник, — закричал он, — ломится к вам эта сумасшедшая баба, не могу ее удержать!

— Кто такая?

— Да эта, Шварциха! Кричит: немедленно подавай ей начальника!

— Момент, — сказал Клейн. — Через несколько минут я буду у себя...

Но дверь, отброшенная сильным толчком, загремела пружиной, и грузная черноволосая женщина в платье с бесчисленными рюшами и оборками ворвалась в комнату.

— Не медлите! — кричала она. — Прошу вас, не медлите! Его не оказалось! Вы слышите? Его не оказалось в поезде!

— Момент, мадам, — сказал Клейн. — Говорите подробнее. Кого не оказалось в поезде?

— Мужа! Он ехал в Москву. Он вез бриллианты! Его не оказалось в поезде!

— Он ехаль один?

— С ним был этот Митька Федуленко с пистолетом, но что он может сделать? Я ему говорила! О боже, боже, что ты такое делаешь со всеми нами? Спасите, гражданин начальник! Умоляю!

— Каким поездом ехали? — спросил Клейн и тут же кивнул Клычу: — Виясните все о поездах на Москву.

Клыч вышел.

— Рассказывайте как можно пунктуально, — попросил Клейн.

— Что же будет? Что будет? — Из глаз женщины по напудренным щекам, оставляя на них тоненькие стежки, катились слезы. — Он получил заказ — опра-

вил два алмаза и решил сам везти заказчикам. Заказчики из Москвы — Кулиши, торговый дом «Кулиш и сыновья». Я просила его: пусть сами приедут, но разве его удержать? Муж никому не мог доверить такое дело. Сам повез, старый идиот. Взял с собой Федуленко с пистолетом. Вы знаете Федуленко?

— Я не знаю Федуленко, — прервал ее Клейн, — продолжайте.

— Поезд приходит в два. Я просила его позвонить мне из Москвы, что приехал. У меня сердце беспокоилось. — Женщина опять затряслась и заплакала навзрыд. — Два часа, он не звонит. Я позвонила Кулишам. Мне говорят, что его встречали, но его нет, а проводник поезда говорит, что он их давно не видел. После посадки внес им чай, а потом видел Федуленко в коридоре. А потом уже через час никого не видел. Гражданин нача-альник! — закричала женщина, хватаясь за рукав клейновского френча. — Спасите его! Я отблагодарю! Спасите его!

— Ильин, — сказал Клейн, — отведите даму к врачу. Гражданка, — он мягко снял с рукава ее руку, — я обещаю вам, что мы сделаем все, что можем.

Стас смущенно взял женщину под руку и потянул к выходу. Она, что-то бормоча, покорно побрела за ним. Еще входя, она была просто пожилой женщиной, уходила уже больной, полубезумной старухой.

— Селезнев, позовите Клыча, — распорядился Клейн и подошел к телефону. Он вызвал телефонистку, заказал ей дорожно-транспортный отдел милиции Южной дороги и сел у телефона ждать.

Вошел Клыч.

— Неприятное дело, Оскар Францевич, — сказал он. — Проводника надо допросить. Пусть это москвичи сделают и нам сразу сообщат. Над нами Кот висит, а тут еще это.

— С Москвой я буду говорить, — задумчиво сказал Клейн, — но дело это наше, его с себя... как это?.. не скинешь. Думаю, так: придется бросить на него вас. Всю бригаду.

— А Кот? — спросил Клыч.

— Я так думаю, — как всегда аккуратно выговаривая окончания русских слов, пояснил Клейн. — Кот, он теперь затаился. Мы много про него узнали. Не узнали лишь самого главного — места, где он прячется.

— Про Решетовку-то забыли?

— Решетовка — да. Но там действовать надо осторожно. Пошлем вначале людей. В селе заметен каждый новый человек. Лучше так. В Решетовку пойдет один наш. Вы срочно едете на железный дороге, выясняете все про дело Шварца. Это особо тяжкое преступление. Кота мы будем обкладывать, будем трясти Губана, а новое убийство надо раскрывать по свежим следам. Впрочем, пока не убийство — исчезли два человека. Придется и это вам взять на себя, уважаемый Степан Спиридонович... — Он опустил голову в ладони, секунду сидел так, глухо сказал: — Помните, как он просил об охране?..

Зазвонил телефон.

Клейн вскочил и схватил трубку. Он долго говорил с транспортным отделом милиции. Договорились, что Москва создает оперативную группу, а Клыч со своими людьми идет им навстречу до пограничной между губерниями станции; на двух промежуточных пунктах, в Клебани и Товаркове, они по телеграфу свяжутся с москвичами, сообщат друг другу о результатах. Проводник говорит, что не видел двух пассажиров спального купе уже после Андреевского, то есть отъехав всего пятьдесят километров от города. После Серпухова он заглядывал в купе, там уже никого не было. Не было и чемоданов. Но ему в голову не пришло ничего страшного, он счел, что пассажиры перешли к соседям перекинуться в пульку или покер. Многие пассажиры в спальных вагонах так и проводят большую часть пути. По мнению его, человек, сопровождавший старика, невысокий плотный мужчина в летнем пальто и котелке, вел себя беспокойно. Долго маячил в коридоре. Клейн договорился о связи и простился с москвичами.

— Все, — сказал он, устало глядя на Клыча. — Начинайте, Степан Спиридонович. Пошарьте по станциям. Они маленькие. Там много глаз. Часто каждый приезжий бывает ими примечен. Мне звоните со всех пунктов. Кто от вас останется в бригаде?

— Селезнев, — сказал Клыч, приглаживая усы. — Смотри, браток, — повернулся он к Селезневу, — от твоих указаний теперь вся история с Котом зависит.

Селезнев усмехнулся, ничего не ответил. Вбежал Потапыч, со штативами под мышкой, с неизменным своим чемоданчиком.

— Меня берете?

— Без тебя как без рук, — сказал Клыч. — Разрешите Потапыча с нами, Оскар Францевич.

— Разрешаю. — Клейн пожал всем руки и вышел.

— Ильин, Климов, Потапыч, — сказал, подтягиваясь и застегивая тужурку, Клыч, — полчаса на подготовку, сбор на вокзале, у транспортного отдела милиции. Я тут пока еще кое-что у старушки выясню. Ты, Климов, по приезде на вокзал возьми расписание, по которому шел поезд, выясни все места остановок. Ильин, позвони в магазин Шварца, потолкуй о Федуленко. А лучше съезди туда сам. Даю тебе на это пятнадцать минут сверх положенных. Все.

ГЛАВА VIII

Путейский рабочий орудовал рычагами, и дрезина ходко бежала по рельсам. С обеих сторон вдоль насыпи густо стояли сосны. Места были глухие. Темная тяжелая зелень бора изредка перебивалась косяками молодых берез, тогда запах хвои уступал свежему запаху вешней молодой еще листвы, и птицы с майской страстностью запевали над полотном дороги. Черные подгнившие шпалы скрипели. Проржавленные рельсы гудели под колесами дрезины. Изредка пролетали будки путевых обходчиков, и опять шли леса. На редких переездах перед закрытыми шлагбаумами стояли впритык друг к другу телеги. Лошади, поднимая морды, ржали в небесную синеву. Возницы в домотканых пиджаках, поднося ладони к глазам, долго глазели вслед пролетевшей дрезине.

— Начнем от Андреевского, — сказал Клыч, пытаясь закурить на ветру бешеной езды. — И пойдем обратно, к городу. Климов, твое дело только смотреть. Местность, подозрительное поведение, личности... Ильин, ты расспрашиваешь. Сначала путейцев, потом всех, кто там будет по дороге встречаться... Не видали ли, не слыхали ли... Тут, черт его раздери, братишки, как бы не спугнуть. Может, он где на станции и прячется.

— Вы Федуленко подозреваете? — спросил Стас. — Анкета у него такая. Кончил перед войной гимназию, из чиновничьей семьи. Потом юнкерское училище, два

года фронта. В гражданской войне принимал участие на нашей стороне. Работал в продарме Восточного фронта.

— Ин-тен-данты! — хмыкнул Клыч. — Хотя, конечно, разные бывали.

— С двадцатого года безработный. В двадцать втором стал работать у Шварца старшим продавцом. Пьет умеренно. В карты не играет, в воровстве замечен не был, отношения с хозяином хорошие. Состоял в профсоюзе. Человек молчаливый, скрытный, но суетливый. Всегда много ходит, толчется на месте, как будто у него на душе беспокойно. В общем, тип неопределенный. Никто о нем ничего точного не знает. Я позвонил Селезневу, попросил к Федуленко на квартиру направить ребят, пусть потолкует с хозяйкой. Жил, кстати, один. Семья была когда-то, но исчезла.

Путеец за рычагами, обернувшись, что-то крикнул. Ветер отнес слова. Клыч шагнул к нему, держась за поручни, выслушав, кивнул.

— Уже Клебань, потом Пахомово, за ним Андреевское. Обдумывай, ребята, как будем работать. Ничего не понятно: когда исчезли, как исчезли... Может, они и правда где в другом вагоне сидели после Андреевского, все может быть.

— А не мог Шварц сам сбежать? — спросил Стас, подняв к начальнику синеглазое задумчивое лицо.

— Что он, граф Толстой, этот Шварц? — хмыкнул Клыч. — С чего ему бежать? Семью любил, детей, зарабатывал им на приданое... Нет, ежели и сбежал, то не по своей воле.

Опять за соснами замелькали дома.

— Пахомово, — сказал Клыч. — Скоро и Андреевское.

В Андреевском на станции было пусто, запасные пути поросли травой. У водокачки, привязанный к ее основанию веревкой, пялил на приезжих веселые глаза бычок. У входа на станцию сидел инвалид, отгоняя мух. Картуз его с несколькими медяками лежал на обрубках ног.

На другой стороне путей у развешанного белья звонкими свежими голосами ругались две бабы.

— Я к начальнику, — сказал Клыч, спрыгивая с дрезины. — Ильин, поспрошай публику. А ты, Климов, секи!

Стас подошел к ннвалнду. Тот пьяно дремал, изредка клюя носом н вздрагивая.

— Отец, — сказал Стас, — ты давно тут прохлаждаешься?

— С пятиадцатого года, — уставился на него продымлениыми алкоголем глазами безногий. — Как нз госпнталя явился после Стрыпы, так досе тут и прохлаждаюсь. Подай «лнмончик», служивый!

— Какой я тебе служивый? — сказал Стас. — Я у тебя вот о чем: ты с утра тут сиднишь?

Глаза у инвалида прнияли осмыслениое выраженне, он смигиул н хитро прищурился.

— Виdал, видал, — сказал он, — подай «лимоичнк», все как есть сообчу.

— Да откуда у меня «лнмоны», отец? — сказал Стас, оглядывая станцию. — А о чем это ты мне сказать собрался?

— Это я-то собирался? — опять прикрыл оба глаза безногий. — Можеть, кто другой, обознался ты, парень.

— Как зиаешь, — сказал Стас, отходя. Слова инвалида его заинтересовали, но ясно было, что чем больше будешь любопытствовать, тем меиьше услышишь.

— Эй, — позвал безногий. Его снедало одиночество н желаиие пообщаться. — Валн обратио, скажу.

Стас подошел.

— О чем это?

Иивалид усмехнулся и погрозил ему корявым пальцем.

— Кому мозги крутншь, милок? Ай я не знаю? Ты из-за Феньки сюды явился?

— Какой Феньки? — засмеялся Стас, подмигивая подошедшему Климову.

— Ка-а-кой? — укоризненно затряс головой безногий. — Дурак ты, парнишка! Я ж тут про всех знаю. Вы к ей нз Клебаин, а оиа с начальнлком стаицин в лесочке плнроду изучает.

— Вот оно как! — сказал Климов.

— А ты думал! — подскочил безногий. — Я ее, стерву, наскрозь вижу! Она вишь замуж задумала! У нас-то в Андреевском про ейную биохрафию все знают, вот она вам, сторонним, дыму напущает. Зиаем! Все зиаем!

— Дед, ты был, когда тут московский курьерский проходил? — спросил Стас.

— Кульерский! — с презреннем плюнул перед со-

бой старик. — Кульерскне раньше были, а энтот как муха по стеклу ползет. Раньше, почитай, сотнягу, а то н больше — и на николаевки бабы зарабатывали — огурчнки алн там пирожки домашние к звоику прнволокут, а тут три калеки выглянули, «лимоном» только погрозились.

— Сходил тут кто-ннбудь? — спросил Стас.

— Здесь? — инвалид закатился так, что слезы выступнли на бурых веках. — Тута отродясь один Колядурачок сходит. В Серпухов на богомолье ездит, а сходит — кажиный раз станцию путает.

Из дверей вокзального строеньица вышел Клыч, поманил Стаса рукой.

— Здесь никто не сходил, — сказал Клыч. — И никто на станции из посторонних вообще не объявлялся. Что у вас?

— То же самое, — сказал Стас.

— В Пахомово, — скомандовал Клыч и вспрыгнул на дрезину.

Но в Пахомове тоже ннкто не сходил. Дело шло к семи вечера. Начинало смеркаться. Клыч высчитывал.

— Если поезд был здесь часов в одиннадцать утра, то у нас еще есть время, — крнчал он на ухо Климову. Тот, держась за железные перила дрезины, только кнвал в ответ.

Выпрыгнули навстречу первые палисадники Клебани. У длинного вокзального барака путеец затормозил. Клыч кинулся внутрь. Стас пошел болтать с двумя парнями с роскошными чубами из-под низко надвинутых картузов, лениво лузгавшими семечки на травянистом пригорке за путями. С одной стороны железной дороги нзрытыми выбоинами улиц и кособокими домишками начиналась Клебань, с другой шел лес, разрезанный надвое проселком. В старых лужах, поросших зеленой осокой, валялись свиньи, лаяли вдалеке собакн. Потапыч курил трубку н посматрнвал с дрезины на Климова, тот бродил между рельсами, оглядывая потрескавшиеся шпалы, думая о том, как хлипка эта связь между городами. Как эти шпалы еще держат рельсы, как эти стертые до половины железяки еще несут составы?

В выбоине перед насыпью был четко врублен след колеса и видны свежие отпечатки копыт. «Прямо по путям кто-то шпарил, — думал Климов, — как будто нет

переезда! Долго еще изживать в народе эту расхлябанность, нежелание и отрицание любого порядка... Но откуда же он ехал, этот возчик?! Пьяный был, что ли?» Климов примерился по направлению колес, перешел рельсы и вышел к поселковой стороне. Здесь отпечатков колес не было. Правда, земля тут шла суше. Хотя почему суше — вот они, лужи, через них никак не проедешь, след останется. Значит, кто-то подъезжал чуть ли не к самым путям, потом повернул обратно? Он опять перешел пути, дошагал до первых деревьев. У съезда на проселок по краям лужи четко просматривался двойной след колес. Колеса были не тележные, а дутые шины. Экипаж? Наверное, кто-то из сельских богатеев. Он услышал свое имя. Стас бежал к двери вокзального барака, махал ему рукой. Потапыч осторожно спускался с дрезины. Путеец, до этого дремавший, проснулся и с интересом следил за происходящим. Из вокзального здания вышел Клыч с высоким человеком в путейской форме. Климов, охваченный предчувствиями, кинулся через рельсы.

— Сходило три человека, — на ходу шепнул Стас.— Один в летнем пальто. Похож на Федуленко.

Они ходко шли за Клычом и железнодорожником, сзади торопился Потапыч. Свое оборудование он оставил в дрезине и все время оглядывался.

— Иван Фомич! — густо басил худой железнодорожник. — Мельник. Я его как облупленного знаю.

Клыч что-то спросил.

— Другие? Нет, те неизвестные. И с ним ли они, сообщить не могу. У него расспросим... У меня к вам, товарищ, международный вопрос: вот англичане ультиматумом грозят, в этом году война будет?

На скамьях вдоль улицы посиживал разный народ. Некоторые по деревенской привычке здоровались с незнакомыми. Несколько ребятишек бежали сзади. Две дворняги с блудливо косящими взглядами и опущенными хвостами заключали шествие.

Клыч остановился и подозвал Климова и Стаса.

— Идите отдельно, — сказал он вполголоса. — Отстаньте. А то целая полундра. Нас за километр видать и слыхать.

Они отстали. Мальчишки потолкались около них и вновь побежали за Клычом и железнодорожником, дворняги с опаской обнюхивали чертыхавшегося Потапыча.

Тот попал в лужу и теперь вытряхивал из ботинка черную воду.

Подошли к двухэтажному домине, нижний этаж был каменный.

— Тут! — как в бочку бухнул высокий железнодорожник.

— Потапыч! — позвал Клыч.

Присеменил Потапыч.

— Сейчас нас московская опергруппа будет вызывать по телеграфу, — сказал Клыч негромко. — Иди и передай наши дела. Скажи: еще ничего не известно. Если через час их не вызовем, пусть едут в Клебаиь.

— Есть! — Потапыч бодро засеменил обратно, обе дворняги потянулись за ним.

— Ильин! — сказал Клыч. — Встань тут, у ворот. В случае стрельбы или шума действуй по обстоятельствам.

Стас кивнул и встал, прислонившись плечом к косяку дома.

Клыч и Климов вслед за высоким железнодорожником вошли в калитку. Огромный волкодав, глухо зарычав, поволок навстречу им тяжелую цепь. Через штакетник видно было буйное белое цветение яблонь, одуряюще пахло весной и нежным яблочным цветом.

Железнодорожник, оглядываясь на волкодава, удержанного цепью и потому у самого крыльца с порыкиванием и злобой разглядывавшего пришельцев, потянул за шнур звонка. В доме было тихо. Потом раздались шаги, и толстый мужик, лохматый, в рубахе враспояску, в лакированных сапогах, отворил дверь.

— Здорово, Иван Фомич, — сказал железнодорожник. — Вот гостей тебе привел.

Мельник оглядел неизвестных маленькими свирепыми глазами, потом отстранился от двери.

— Пущай войдут, коли нужда до меня.

Он закрыл за ними дверь, взял с полки огарок свечи и, светя им, повел наверх.

В низкой комнате, душной, с горящей в красном углу лампадой, за столом сидели двое. Стол был уставлен бутылками, цветастая скатерть кое-где уже залита и измазана вином. Старинные сулеи и узкие блюда для рыбы, тарелки с солениями и едой стояли так густо, что трудно было понять, как можно извлечь из этой тесноты хоть что-нибудь, не уронив или не опрокинув посуды.

Двое сидящих за столом людей в европейских костюмах смотрели иа вошедших иедружелюбио.

— Вот гости мои, — сказал хозяин, показывая на иих рукой. — Члены правлеиия акционериого общества «Хлебопродукт». С кем честь изволим иметь?

— Угрозыск! — сказал рослый в коричиевом костюме, и укладка на его голове заколебалась. Климов узнал Таииного воздыхателя.

Клыч зорко оглядывал сидевших и хозяина.

— Раз представляться ие иадо, такой вопросик, — сказал ои. — Вы с московскнм поездом приехалн?

— С московским, — подтверднл ннзеиькнй мужчнна рядом с завитым.

— Вы иарод торговый, Шварца зиаете?

— Отчего же не знать, одним поездом ехалн, — сказал завитой.

— С кем он ехал, ие помиите?

— Служащий у иего в магазине, Федулеико, сопровождал. А что, случилось что-нибудь? — спроснл низенький, с нитересом прнглядываясь к сыщнкам. — Ииаче чего бы вы этим ннтересовались?

— Вы нх в вагоне видели? — ие отвечая, расспрашнвал Клыч.

Климов, ие отрываясь, смотрел иа завитого, н тот повериул свое остроиосое решительиое лнцо к нему и тоже смотрел враждебно и вызывающе.

— Мы в другом вагоне ехали, — отвечал иизенькнй, оглядывая Клыча н, вндимо, оцеиивая его. — Федуленко раз прошел по иашему вагоиу, потом мы нх ие встречали.

— А в Клебани оин ие сходили?

— Здесь, кроме нас, по-моему, иикто ие сходил.

— Ваши документы, пожалуйста! — Клыч протянул руку.

Оба выиули документы и подали ему. Клнмов отошел в угол к божиице, оглядывая старорусское убранство комнаты. К иему медлеиио приблизнлся завнтой.

— Добились своего? — спросил ои свистящим шепотом.

— Чего имеино? — повернулся к нему Климов.

У стола иегромко разговарнвалн хозяин, ннзенькнй и Клыч.

— Таия ушла. А куда?

— Куда? — спроснл ошеломленный Климов.

— Пошла благодетельствовать. К этой Клембовской. Чтобы та втянула ее в свои авантюры.

У Климова кругом пошла голова. Ушла, ушла все-таки от этих.

— Какие такие авантюры у Клембовской? — спросил он, чтобы только что-то ответить.

— Она авантюристка, — злобно шептал завнтой, обдавая его запахом вина. — И ее видят в самых гнусных притонах... Чего вы, собственно, добились, уважаемый товарищ?

— Витя, — окликнул своего помощника Клыч, — идем.

Они спускались по лестнице, а в Климове все пело: ушла! Они шагали по улице, их сопровождали ребятишки, пылал закат, окрашивая в алое и накаляя стекла, а Климов был хмельной «Ушла! — звенело у него в ушах. — Ушла!»

На станции Потапыч что-то рассказывал Клычу о переговорах с москвичами.

— Климов! — приказал Клыч. — Узнай точно о поездах: будут ли еще сегодня? Были ли? И в какую сторону? Когда будут завтра?

Климов очнулся. У Клыча ввалились щеки, проступила серая щетина. Стас стискивал зубы. День догорал, а удачи не было.

Он быстро все разузнал у железнодорожников. Поездов сегодня не будет. Если только нанесет какой-нибудь шалый южный. Иногда так бывает. Завтра московский поезд в одиннадцать, а перед ним рабочий поезд до Андреевского в девять сорок пять.

Клыч уже сидел на дрезине, рядом с ним светлела легкая, почти пуховая шевелюра Стаса. Потапыч о чем-то беседовал с мотористом. Было еще светло, но солнце уже догорало за лесом, сумерки таились где-то за горизонтом. Климов пошел было к дрезине, но опять вспомнил про следы и повернул к путям. Все-таки странная это была коляска. Почему она доехала только до рельсов? Не переехала их, да и не смогла бы в этом месте, не взгромоздилась бы на такую крутизну... Он вновь прошел до самого поворота проселка в лес, рубчатые шины хорошо отпечатались на ослизлом краю лужи. Он втянул ноздрями ночной воздух. Оглянулся на дрезину. Клыч и Стас смотрели на него. Он махнул им рукой. Клыч сказал несколько слов Потапычу и

спрыгнул, за ним спрыгнул Стас. Они быстро прошли через пути и через минуту стояли перед ним.

— Что? — спросил Стас.

Климов молча показал им на двойной след шин на грязи и повел к полотну железной дороги. Снова показал им отпечаток шин на влажном боку взлобка у насыпи. Они долго стояли, разглядывая следы.

— А на той стороне путей?

— Там нет, — сказал Климов. — Вот и голову ломаю: след свежий. Обязательно сегодняшний. Значит, подъехали к самой линии, а потом повернули и обратно? Это для форсу, что ли?

Клыч быстро пошел к лесу. Стас помчался к станционному строению. Климов ждал. Вернулся Клыч.

— Если бы поезд стоял на этом пути, то коляска могла оказаться почти рядом. В двух шагах от него, внизу.

Подошел Стас, ведя железнодорожника.

— На каком пути стоял московский поезд? — спросил Клыч.

— На этом самом, где мы стоим.

— Так... А на коляске к станции кто-нибудь подъезжал, когда московский здесь стоял?

— Кому же подъезжать? У нас и у мельника коляски нет. У нас в Клебани народ небогатый, знаете.

— А в деревнях есть коляски на дутых шинах?

— В селах? Может, и есть. У нас по уезду торговые села. Возницыно вот или другие...

— Значит, вы не видели коляски на дутых шинах?

— Нет.

— Вы давали отправление московскому?

— Да.

— И всех, кто был на станции, разглядели?

— Да кого тут разглядывать. Два калеки, три дворняги...

— Пошли в Совет, — приказал Клыч. — Климов, сгружай Потапыча. Скажи мотористу: пусть едет.

ГЛАВА IX

Через полчаса на сельсоветской линейке они уже рысили по пыльному проселку, с двух сторон стиснутому подступившими к самому кювету березами и оси-

нами. Лес гудел вокруг. Сумеркн сгущалнсь. Вознница, нзредка оборачнваясь к седокам, жаловался:

— Нету порядку. Середь ночн вызывают в Совет, говорят: везн! А куда? А может, у меня нету никакой моей возможностн? А?

— Ты, дядя, вези. Потом поговорим, — отвечал Клыч. Остальные помалкивалн. Минут через сорок услыхали лай собак, потом замелькалн огонькн.

— Решетовка, — сказал возница, оборачиваясь. — Дальше я вас, ребята, нн в жись не повезу. Ннкакой такой моей возможностн нету.

Проехали первую избу за глухнм забором. Она стояла у самого леса. Сквозь дощатую ограду не было ничего видно. Потом нзбы пошлн гуще, кое-где палнсаднннчки, кое-где вообще ннкакой ограды. Сады былн не у всех. Но село, вндать, не бедное — много железных н цннковых крыш. У церквн остановнлись. Рядом с ней над небольшнм домнком реял по ветру флаг.

— Совет, — сказал вознница. — Так я возвертаюсь, граждане товарищн.

— Вот что, дядя, — внушнтельно сказал Клыч и сунул к самому лицу вознншы удостоверенне. — Снди тут тнхо и дуй в сопелку. Ежелн нсчезнешь, я тебя из гроба выну, понял?

Бородка мужика взъехала наверх, н он затряс головой:

— За что томнте, граждане начальннки? Отпуститя!

— Может, н отпустнм, — сказал Клыч и спрыгнул с подводы, — а ты жди. И чтоб никакой нин-циа-тнвы.

Клнмов и Стас тоже слезлн с подводы, прнморенный Потапыч дремал, привалясь к спине вознницы.

— Мой трудовой день на етом счнтаю законченным, — кричал тощнй человек в солдатской рубахе и фуражке, когда оин вошлн в Совет. — Будут тут все приезжать и командовать. Я прн сполиеннн служебиых обязанностй н не потерплю!

— Слушай, браток, — сказал Клыч. — Ты сядь! А то неудобно. Я вроде гость — а ты власть, я сижу — а ты стоишь!

Председатель грохнул о стол кулаком н сел.

— Мнхеич! — крикнул он. — Волокн лампу!

Сторож, согнутый длнннный старик, внес керосино-

вую лампу. Выплылн нз мрака стены с плакатамн и заклеенные газетами углы.

— Почнтай нашн коркн, — протянул Клыч председателю удостоверення. Тот взял, прочитал, потом отодвннул в сторону н заулыбался.

— Другое дело. Теперя понятно. Раз служба такая, вас и носнт по ночам, чертн полосатые. — Он закрутнл головой. — Скажн пожалуйста, и мы, значнт, под ваш прнцел попалн?

— Скажн мне, председатель, — Клыч вннмательно прнсматрнвался к нему, — у вас в селе есть у кого-ннбудь коляска на дутых шннах?

Председатель поерзал на стуле, наморщнл лоб.

— Откуда? У меня тут особо больших богатеев нету. Может, из Возннцына кто? Там у них и Королев Сила Васнльнч — мукомол н прасол на три губернии, там и Вайюхин — кирпнчный завод имеет. У тех точио есть коляска. У нас нету.

— Утром ннкто по деревне в такой коляске не проезжал?

— Не вндал. Вот, может, Мнхенч зиает? Мнхеич, ие вндал: утром у нас кто на екипаже по деревне ие прокатывал? Чтоб дутые шнны?

Михенч долго думал. Его худое солдатское лнцо с длнннымн седыми усамн было почти величаво.

— Так что, — сказал он, — за мое, значит, дежурство прн вверенном... этом... значнт... долге службы... ие видал. Я днем бабку свою, зверя иеистового, простн н помнлуй, царнца небесиая, чтоб ей три раза лопнуть и кншков не собрать, ее, значнт, милостнвнцу, иавещал. Так что не прнметнл.

— Вот, — развел руками председатель, — иету у иас колясок.

Клыч вннмательно следил за ннм. На лнце председателя лежала тень от козырька, глаза ои все время уводил в сторону.

— Скажн-ка мне, председатель, — Клыч прндвииулся вместе со стулом к столу, — миого у вас по селу Аграфеи будет?

Председатель заерзал иа месте, потом забарабаинл пальцамн по столу.

— А чего Аграфены? — спросил он с иедоумеиием. — Ну есть. Так что?

— Есть у тебя в селе Аграфена, чтоб не местная,

пришлая была и чтобы к ней посторонние люди из города ездили?

Председатель забеспокоился:

— Село, понимаешь, товарищ, торговое. Тут много людей к нашим ездит.

— Ето, тово-етого, они про энту говорят, — забубнил Михеич, — ето про крайнюю, что на околице поселилась... Что, тово-етого, Ваньки Макарова дом летошний год укупила. Про ее, точно. К ей из городу ездють.

— Про Груздеву нешто? — поразмыслил председатель. — Ну тут я ни при чем. Дом при купле мы ей оформили. Документы в порядке были. Мы тут ни при чем.

— Кто, дедок, навещает-то ее? — спросил Клыч. — Людей-то этих видел?

— А нешто нет? — сказал Михеич. — Как я при сполкении своего, значит... тово... етого... я всех видел. Как же без етого.

— Какие из себя люди-то? — допытывался Клыч.

— Обнаковенные, — равнодушно ответил Михеич, почесывая затылок, — один навроде лысый. Побрит весь. Здоровый мужик. Молчит все. А при ем рыжий давеча приезжал — соплей перешибешь. Разряженный. Видать, при торговле состоит.

Теперь все трое стояли. Клыч натягивал кепку, ощупывая в кармане кольт. Климова пробрал озноб. Стас был белее стены.

— Веди! — приказал Клыч председателю. — И гляди, никому ни слова!

Председатель, захваченный их возбуждением, только ошалело пялился на приезжих. Потапыча и возницу будить не стали.

Они быстро прошагали всю деревню и подошли к тому одинокому дому, на который они обратили внимание при въезде. За серым высоким забором было тихо.

— Постучишь, скажешь: насчет налога! — наставлял вполголоса Клыч председателя. — Климов, заходи с тылу. Ильин, со мной!

Климов пошел вдоль забора, щупая рукой занозистые сучковатые доски. Может, где есть щель. Слышно было, как в ворота застучали. Издалека откликнулась собака, но со двора не раздалось ни звука. Стук усилился. По-прежнему ответа не было. Климов ухватился за острые клинья забора, подтянулся, забросил вверх

ноги и спрыгнул во двор. Окна дома были темны. У риги и клети никого. Он прошагал по двору, чувствуя дикое напряжение, исходящее от темных молчаливых стекол, за которыми чудились револьверные стволы. Ни звука. Он поднялся на крыльцо и тут вздохнул облегченно. Огромный замок висел на двери. Он спрыгнул с крыльца, подбежал и открыл створ калитки. Клыч и Стас ворвались во двор.

— Кто в доме? — спросил Клыч, поводя дулом кольта.

— Замок! — сказал Климов.

Все трое направились к дверям. Клыч попробовал замок, потом досадливо зажмурился.

— Пока такой оторвешь, сто потов сойдет, — он посмотрел на председателя. — Выстрел далеко слышен?

Тот пощупал замок, бодрость к нему постепенно возвращалась.

— На мой ответ! — махнул он рукой, залез в карман, вынул браунинг, снял предохранитель и выстрелил в скважину. Замок раскрылся. Все прислушались. Собаки залились гуще. Но уже через минуту все успокоилось.

— Айда, — сказал Клыч и снял замок. — Еще один понятой нужен, да ты его потом приведешь.

— Приведем! — пробормотал председатель. Зубы у него щелкали, весь он немного подрагивал, но вид имел геройский.

Клыч чиркнул спичкой, толкнул дверь, и они вошли в сени.

Дрожащий огонек выхватывал из тьмы пустоту пола, голые доски антресолей.

— Светите там! — приказал Клыч.

Председатель чиркнул спичкой, тотчас же зажег какую-то бумагу Стас. Клыч толкнул видную теперь дверь, и они один за другим вошли в горницу. Пламя дрожало и срывалось. В огромной пустоте комнаты метались тени, отблески огня ложились на отполированные долгим служением лавки у стен, на выскобленный стол. Клыч позвал Стаса и шагнул в кухню. Они повозились там с минуту. Председатель судорожно жег перегоревшие спички, косноязычно матерился, держался рядом с Климовым, не отходя ни на шаг. Когда гасла спичка, Климова охватывала жуть. Из темных углов, от высокого потолка полз страх. Только возня товарищей на

кухне успокаивала. Изба была огромная, а комната одна да кухня за перегородкой. Бумага на кухне погасла. Кто-то вышел в комнату. Председатель подрагивающими руками никак не мог зажечь спичку.

— Эй, власть, — сказал в темноте Клыч. — Вот что, браток: вали сейчас к себе, гони сюда нашего, что на подводе остался, да возьми с собой двух свидетелей и тоже сюда.

— Иду! — председатель ринулся к двери, на ходу сшибая табуреты.

— Вы нашему там его имущество помогите донести! — крикнул вслед Клыч.

Стукнула дверь.

Клыч опять зажег спичку и стал осматривать углы.

— Что, навек они отсюда убрались? — вслух спросил Клыч. — Даже керосиновую лампу не оставили?

Действительно, дом был пуст, как после грабежа, только после грабежа не остается такого благоустройства. А тут лавки стояли по стенам, табуреты у стола — все словно в ожидании гостей.

— Порядок любят, черти! — ругнулся Клыч.

Вдруг все застыли. Какой-то звук, неизвестно откуда дошедший, стегнул по нервам. С минуту все молчали. Климов вдруг почувствовал тяжелый запах, стоявший в избе.

— Показалось? — шепотом спросил Стас. — Вроде кто-то шепнул что?

— Молчи! — приказал Клыч. Они застыли, как стояли, по углам. Теперь уже все чувствовали тяжелый, удушливый запах.

Звук повторился. Он был низок и непонятен.

— А ведь стонет! — пробормотал Клыч. — Стонет кто-то!

Снова донесся звук. Это был какой-то хрип.

— Внизу! — шепнул Стас. — Где тут подпол?

Клыч зажег спичку и заходил, нагнувшись, всматриваясь в доски. Стас, а за ним Климов шарили на кухне.

— Кольцо! — сказал Климов.

В углу к доске было приделано медное кольцо. Он рванул его, тяжелая плаха поднялась, и сразу их обдало духом сырой земли и еще сильнее тем же удушливым запахом, что стоял в горнице. Стас опустил руку в подпол, но там лежали какие-то тюки, слизью побле-

скивала близкая стена — и только. Вдруг прямо в уши им ударил стон. Он шел откуда-то от тюков.

— Свети! — приказал Климов, отстранил Стаса и спрыгнул вниз. Подпол был глубокий, выше человеческого роста. Климов поскользнулся, но устоял. Стас зажег наверху спичку и вытянул руку как можно ниже. Климов шагнул, и под ногой что-то загудело. Он протянул руку и уперся в округлый холодный металл. Сверху спрыгнул Клыч, Стас менял спички. Клыч зажег свою. Климов подошел вплотную к какой-то баррикаде. Стальной блеск ударил в глаза. Подсвечивая спичкой, придвинулся Клыч, взглянул и выругался:

— Куркулье поганое!

В несколько рядов в половину человеческого роста стояли надраенные, вставленные одна в одну кастрюли, ушаты, ведра. Отдельно, сложенные строго один на другой, лежали подносы. Опять долетел стон. Он шел откуда-то совсем рядом. Клыч зажег очередную спичку и прошел вперед. За ним, осторожно ступая, двигался Климов. Стас наверху раскурил, наконец, найденную где-то головню и спрыгнул к ним. Теперь отблески пламени заплясали на стенах, высветили груду жестяной посуды, потом Стас продвинулся к остальным, и все они остановились. Под каким-то рядном угадывалось человеческое тело, рядом, прикрытое мешками, лежало второе. Стас высоко поднял головню. Рука у него дрожала. Клыч отплюнулся, присел перед рядном и сбросил его. Мертво блеснул остекленевший глаз. Лицо, залитое сукровицей, было искажено. Седые волосы разметаны и перемешаны с темными засохшими комьями крови.

— Шварц, — сказал Клыч.

Опять донесся стон.

Клыч перешел ко второму, смахнул мешки. Раскинув руки, перед ними лежал низкорослый широкоплечий человек в сером костюме, в сорочке с галстуком, на груди темнели три больших пятна. На меловом лице сверкал пот, изо рта изредка вылетал хрип.

— Федуленко, — сказал Клыч, — скорее всего он. Давай за водой! — толкнул он Стаса в плечо. Стас позвал:

— Климов! Помоги вылезти!

Климов подошел, прихватил Стаса за ноги и поднял. Тот ухватился за края отверстия, вылез, ушел. Через минуту нагнулся вниз, светя спичкой, другой рукой

передал Климову ковш с водой. Климов шагнул и вдруг остановился. Удушье стиснуло горло, голова кружилась. Он с трудом пересилил себя и, обойдя баррикаду кастрюль, подошел к Клычу, тот стоял над Федуленко, светил головней.

— Шварцу они голову раздробили. А этому три пули в грудь вогнали — что-то новое... — Он снова присел над раненым. — Подними его голову и дай хлебнуть.

Климов намочил платок, положил его на лоб Федуленко, — даже через платок чувствовался жар. Опять закружилась голова от прежнего запаха. И тут только Климов понял, что это запах крови. Федуленко что-то забормотал. Климов поднес ковш к его губам, пролил в рот несколько капель воды. Раненый забормотал громче, приоткрыл глаза. Они сверкали сумасшедшими огоньками.

— Добить пришли! — шептал он. — Добивай! Давай! Большего не стою! — Он вдруг дернулся, но тело не подчинилось, он разинул рот, и все лицо его исказилось судорогой. — Бей! — шепотом крикнул он. — Чего ждешь?

Вылезающие из орбит глаза его с диким выражением ужаса и странной радости смотрели на Климова. Тот отпрянул. Клыч приблизил горящую головню к лицу Федуленко.

— Успокойтесь, — сказал он, — мы из розыска. Слышь? — он присел и склонился над самым лицом раненого. — Федуленко, не бойся ничего. Мы из розыска.

Раненый закрыл глаза и минуту лежал молча, потом веки его затрепетали. Он всмотрелся в склоненные над ним лица и опять закрыл глаза. Лицо его окаменело. Клыч переглянулся с Климовым. Подошел Стас.

— Слушайте, — прошептал Федуленко, — мне тянуть недолго. Все скажу... — Он опять закрыл глаза. — Если вы эту тварь, Кота и всю его компанию... прихватите... я отомщен... буду... — Он облизал губы. Климов прижал к его рту ковш, и тот жадно втянул в себя воду, в груди его захрипело. Клыч поддержал раненому голову, и он пил долго, медленно, пока не выпил полковша. Клыч отпустил его голову, и Федуленко зашептал: — Связался я с Котом давно... Из-за семьи... У меня дочь и жена в Архангельске... Мечтали уехать за границу... Денег не было. Тут меня и застукал Красавец...

Они за Шварцем давно следили... Договорились со мной насчет магазина... А старик словно чувствовал... Вдруг вывез все ценные вещицы... Куда... неизвестно... Тогда решили ждать... А тут... эти бриллианты привезли оправить.. Кот знал... Я сказал... Договорились... Я до Клебани должен был его оглушить... Завернуть в портьеру... Они подъедут на шарабане... Я спускаю окно, просовываю им его... Он им живой был нужен... Они прихватывают меня, а потом делимся...

— Мог бы и в одиночку, — не сдержал ярости Клыч. — Со стариком сам бы справился.

— Не хотел руки пачкать, — шептал Федуленко, не раскрывая глаз. — Да и... Если б я его убил в купе и скрылся, меня б искали...

— И так вас искали бы! — сказал Клыч.

— Не хотелось руки пачкать, — пробормотал Федуленко и облизал губы.

— Где сейчас Кот и остальные?..

— Решили выехать, как стемнеет... в город... а там в Москву... На возы все уложили. Потом сюда спустились... Шварца пытали... Про всех зажиточных людей города... Какое у кого состояние... Где держат деньги... Потом старика пристукнули... Потом Красавец подходит ко мне и смеется... В долю, говорит, хочешь?.. Я сразу понял... А он выстрелил, и все... Они думали, убили. Да я и сам думал... Они знают, что вы на них вышли...

Наверху затопали сапоги. Раздался говор. Клыч ринулся к отверстию:

— Климов, подсади!

Когда Стас и Климов вылезли из подпола, Клыч отдавал последние указания:

— Значит, лошадей нам самых хороших, пусть хозяева хоть волком воют. Раненого и труп в Клебань. Нашего человека тоже доставишь в город.

— Один здесь остаюсь? — тоскливо спрашивал Потапыч.

— Один! — ответил Клыч. — Тут, старичок, надо тебе все досконально осмотреть. Завтра увидимся.

— Да чего так спешите-то? — уговаривал председатель. — Тут без вас и не разберемся...

— На войне был? — спросил Клыч. — Так вот, считай, друг, что опять тебя война зацепила. Гони подводу! И лошадей самых лучших!

— Слушаюсь! — председатель выбежал.

— Товарищ начальник, — сказал Потапыч, провожая их, — я вас очень прошу: берегите себя и этих молодых людей. Знаете, если с ними что-нибудь случится...

Он махнул рукой и вернулся в дом.

ГЛАВА X

...Уже полчаса они неслись по вечерней дороге. Промчались через Возницыно. Стас хотел было расспросить местных мужичков, не видели ли они проезжавший экипаж на дутых шинах, но Клыч не позволил.

— Газу! — кричал он, молотя по широкой спине возчика. — Наддай!

Мужик отругивался, но нахлестывал и без того шедших в полный мах коней. Линейка под ними кряхтела и стонала. До города оставалось километров восемнадцать. По вычислению Клыча, тяжело нагруженный шарабан должен был ехать не торопясь, и на таком ходу они могли настигнуть его километрах в пяти-четырех от города. Мужик-возница ворчал.

— Ему что! Ему давай! — оборачивал он к ним бритое лицо с пышными усами, — а мне — лошади-то не казенные. Свои. С чего мне их уродовать, али навар какой буду иметь?

— Будет и навар, — шипел сквозь зубы Клыч. — Гони! Все будет, только нахлестывай ты своих кляч, матери твоей утроба!

— Какие энто клячи? — негодовал возчик, щелкая кнутом и обжигая им спины откормленных, крепеньких саврасок. — Ты таких кляч у других поищи! На киевской ярмарке покупал, на отборном зерне кормленные!

Светлая лента дороги, четко выделяясь посреди темных стен леса, извилисто улетала вперед. Опять показалось село. Снова пронеслись без остановки, вызывая неистовство собак. У трактира стояли какие-то подводы. Клыч послал Стаса осмотреть их и публику в трактире, тот вернулся через несколько минут: тех, кого искали, тут не было.

Опять тарахтела и тряслась всеми частями прочная российская линейка. Стас стискивал зубы, Климов, сам возбужденный до того, что, когда начал было говорить,

заикался, чувствовал спиной дрожь близкого Стасова тела. Азарт погони и опасности натягивал нервы.

Вот уже остались позади леса. Впереди, очень еще далеко, замаячили бесчисленные огни. По ровным их рядам угадывались улицы. Но этот четкий порядок был перемешан массой других огоньков. До города оставалось километров пять. Лошади стали уставать. В ответ на удары только тихонько ржали. Мужик-возчик взбунтовался. Натянув вожжи, он приостановил лошадей.

— Я вам животных мучить не дам! — сказал он решительно. — Хочь стреляй, хоч что! А то уселись — вона! Гони! А мне на их пахать! Возить! Они кормилицы.

Клыч, поняв, что тут приказом не возьмешь, сменил тактику.

— Друг, — просил он, прикладывая к сердцу убеждающую ладонь. — Ты такое дело сделаешь — вся Россия тебе поклонится.

— На кой мне ейные поклоны, — бормотал возчик. — Заплатил бы червонными, тады посмотрел бы еще!

— Три червонца дам! — решительно сказал Клыч.— Гони, мужицкая ты моя колдобина, гони, серость ты разнесчастная! Гони!

Возчик оглянулся, всмотрелся в жесткое лицо Клыча и погнал.

Пошли какие-то строения, за ними начиналось поле. На крайнем доме электрическая лампочка освещала вывеску «Постоялый двор Бархатиова».

— Стой! — скомандовал Клыч. — Давайте, ребята, оба. Пошарьте там внимательнее, поглядите.

Стас и Климов спрыгнули с телеги, стремительно кинулись к входной двери.

Климов завернул во двор. Стас вошел в помещение. Во дворе мирно жевали овес лошади, стояло несколько подвод. Климов подошел поближе, вгляделся. Два огромных воза, обтянутых брезентом, приткнулись у самых ворот, лошади из них были выпряжены. Остальные подводы не привлекали внимания, на одной были навалены дрова, на другой сено. Лошадей не было. Оглобли торчали вверх. У конюшни светились огоньки самокруток, разговаривали мужики. Климов подошел к упакованным возам, попробовал поднять брезент. Он был

плотно затянут веревками. Но край брезента с треском поддался. Он пошарил рукой, нарвался на что-то мягкое. Перины, что ли? Приподнял повыше брезент — верно, перины; на них спрессованно давила какая-то мануфактура. Он встал на колесо, пощупал вверху. Какие-то пальто, манто, накидки, костюмы. Купец переселяется, что ли?

Он соскочил с колеса, еще раз прошелся по двору. Шарабана на дутых шинах не было. Даже если он завезен в этот вот сарай, его было бы видно. Ничего там не стоит. Шагах в пятнадцати лениво судачили мужские голоса.

— Как королевна сидит, — говорил один, — а посмотришь — ни кожи ни рожи.

— А добра-то, добра, — вторил ему другой. — Я давеча брезент задрал, а там и сундуки, и чего только нет. И посуда, ира слово, царская...

— Лихая, скажу, баба! По нонешним временам да с таким богачеством ночью разъезжать...

— А ты тех-то не видал? — у конюшни перешли на шепот.

Нет, шарабана не было. Климов вышел из ворот, на дороге светлой шерстью выделялись лошади. От взошедшей луны силуэты сидевших на телеге были четко вырисованы в лунном сумраке. Стас был уже на подводе.

— Что? — спросил Клыч. — Никого не обнаружили?

— Шарабана нет, — сказал Климов.

— Газу! — крикнул Клыч.

Савраски рванулись. Отдохнувшие лошади резко взяли с места. Огни приближались.

— Сидит какая-то бабенка, — рассказывал Стас. — Хозяин перед ней расстилается, а из углов такие рыла смотрят, что дрожь берет. Как можно сейчас женщине одной ездить?

«Возы, обтянутые брезентом, барахло...» — что-то смутно заворочалось в мозгу Климова. Он вспомнил пустую, как нутро гитары, избу Аграфены. «Да разве они могли вывезти все на шарабане?»

— А в городе мы его упустим! — вдруг хлопнул по колену Клыч. — Прозевали гада!

— Стоп! — скомандовал Климов и дернул за плечо возчика. — Да стой ты!

— Ошалел? — повернулся к нему Клыч.

— Товарищ начальник! — Климов чувствовал, что

глазами своими он мог бы прожечь железо. — Товарищ начальник! Надо обязательно взять эту женщину.

— Ты что? — Клыч пощупал его голову. — Береги, браток, здоровье. От таких переживаний и рехнуться легко.

— Трогать, что ли? — спросил возница.

— Возвращаемся! — приказал Климов. — Товарищ начальник, мы их нагнали. Они на постоялом. Это их возы, — и он, торопясь, рассказал, что обнаружил под брезентом. Клыч секунду раздумывал, потом приказал повертывать. Возчик уже не гнал лошадей. Они не торопясь катили по дороге. Навстречу им тоже двигалось что-то. Клыч всмотрелся. Два высоких воза медленно вырастали из темноты. Когда до них осталось шагов пятнадцать, Климов, не дожидаясь команды, спрыгнул с телеги и побежал навстречу. Первым возом правила женщина в платке.

— Аграфена Ивановна? — спросил он.

— До днесь Дмитревной была, — ответила женщина и наклонилась с воза. — От Алексей Иваныча?

— От него, — вдохновенно согласился Климов.

— Ай чего передать послал?

— Встретить просил.

— Ничего, добралась почти. Где сам-то?

— Там, куда собирался.

— Ну и слава богу, — сказала она, — а это кто? — голос ее дрогнул. — Кто энти-то идут?

— Свои, — сказал Климов. — А вас-то куда прикажете сопроводить?

— Как куда? — в голосе женщины зазвенела тревога. — Ай он вам не сказал? Да вы кто будете? — сорвалась она на крик. — Я с постоялого-то без его воли снялась!

Клыч что-то приказал шепотом Стасу, тот пропал во тьме.

— Слезайте, Аграфена Дмитриевна! — сказал Климов. — Угрозыск!

Женщина ударила по лошадям, они рванули, но Клыч одним прыжком оказался впереди и повис на поводьях. Климов сдернул женщину с воза.

— Легавые! — крикнула она тоненько и замолкла.

Климов поднял ее на ноги. Она была небольшая, щуплая, но жилистая. На бледном лице сверкали испуганные глаза.

Подошел Стас.

— Второй воз привязан, — сказал он. — На возах — никого.

Клыч в раздумье остановился перед пленницей.

— Как ее обыскивать? — сказал он. — Баба, поди. — Он обошел ее вокруг. Женщина уставилась под ноги, глаз не поднимала.

— Оружие имеешь? — спросил Клыч.

— Отродясь не носила! — ответила Аграфена глухим голосом и перекрестилась.

— И муженек не носил? — усмехнулся Клыч.

— Ему бог судья, — женщина подняла глаза. — Я тут непричастная.

Луна опрокинула их тени на пыльную полосу дороги. Тени возов и лошадей казались чудовищно огромными. Звякали мундштуками кони.

— Что ж он тебя бросил тут одну ночью, муженек твой? — допрашивал Клыч.

— Не бросил. Завтра велел ехать, спозаранку, а я вот вечером решилась.

— Ослушалась самого Кота?

— Так страховито на постоялом-то, — сказала женщина и поежилась. — Мужики смотрят, по возам шарят.

— Что ж, не знал он этого? — спросил Клыч. — Возы-то с двухэтажный дом.

— Так хозяин-то знакомый, он ему меня на руки сдал.

— А сам куда же?

Женщина промолчала.

— Аграфена, — сказал Клыч, — ты в молчанку не играй. Кровопийце твоему решка приходит. Мы сегодня весь город подымем, а его возьмем. Тогда наравне отвечать придется.

Женщина молчала. Климов стоял к ней вплотную и чувствовал, что она дрожит.

— Людей вместе убивали, — сказал Стас, — теперь вместе и ответят.

— Я к тому непричастная, — сказала Аграфена. — Я никого не трогала.

— А убивал кто?

— Алексей Иваныч на дело с собой брал. Не могла ж я ослушаться.

— Как же, мужняя жена, — сказал Клыч. — Домострой, растуды твою качель...

— Что он велел, то я и сполняла, — опять сказала Аграфена. — А людей не трогала. Мужики своим делом занимаются, а я по хозяйству...

— Что ж из дому-то все забрала?

— Не все... — Она помолчала, потом перечислила: — Котору посуду пооставляла, в сараюшке ободья, колес три пары новых, мешки, мануфактуры — тоже аршин сто сорок.

— Места, что ли, на возах не нашлось?

— И места. Да и Алексей Иванович говорит: ишшо, мол, вернемся. Все заберем.

— Та-ак, — сказал Клыч. — А куда ж ты спозаранку хотела ехать?

— В Заторжье. — Аграфена крепче закуталась в платок. — Там на Вознесенской у меня сестрица живет в собственном доме, к ней мы...

— Знает она, откуда у вас это добро?

— Откуда же... Думает, что крестьянствуем мы...

— Ладно воду в ступе толочь, — сказал Клыч и шагнул вплотную к Аграфене. — Где сейчас Кот?

Она вздрогнула.

— Да откуда ж мне знать?

— Говори, баба, на суде зачтется. — Клыч чиркнул спичкой и осветил темнобровое узкоглазое лицо с высокими скулами и сухими, по-старушечьи подобранными губами. Глаза спрятались под ресницы от света. — Только этим и спастись можешь.

Аграфена молчала.

Клыч зажег от первой вторую спичку, вгляделся в женщину.

— Потянет тебя за собой твой Алексей Иваныч. Потом поздно будет прощения просить.

— В Горнах он, — глухо сказала Аграфена, защищаясь от огня спички ладонью. — А где — сама не знаю. Он мне никогда не сказывал.

— Смотри! — Клыч еще немного посветил спичкой и погасил ее. — Соврешь — всю жизнь жалеть будешь. Климов! Садись с ней рядом. Гони к первому посту, звони нашим. Давай-ка, Стас, и ты. Я жду у Тростянского колодца.

Климов кивнул. Колодец этот пользовался славой целебного. Вода в нем действительно была очень чистой и вкусной. Расположен он был у линии, на задах Горнов.

— Ежели наши задержатся, валяйте оба ко мне, начнем сами.

Климов вскочил на облучок, Стас подтолкнул к нему Аграфену, сам сел с другого бока, неприметно держа у бедра свой браунинг. Лошади понесли. Через полчаса бешеной скачки домчались до швейной фабрики. От ее заборов и начиналось Заторжье. Климов соскочил с облучка:

— Стас, сторожи!

Он ринулся в проходную. Старичок вахтер оцепенел от его вида и стал шарить за спинкой стула, винтовка его с грохотом упала.

— Телефон! — крикнул Климов и сунул старику удостоверение угрозыска. Пока тот читал, Климов уже звонил.

— Барышня,—кричал он,—двадцать—двадцать два!

Скоро ответил сонный голос Селезнева.

— Селезнев! — закричал Климов. — Поднимай ребят, звони к Клейну, пусть поднимает курсы. Кот в Горнах. Идем по следу.

— Крепко! — Селезнев сразу возбудился. — Сейчас сделаю. Молодцы, ребята!

— Плохо только, не знаем, как его выманить. Известно, что на Горнах, а где — ничего не ясно. На какую-то приманку надо брать.

— Вы вот что! Вы — это! — возбужденно кричал Селезнев. — Вы сами не пробуйте...

— Слушай! — кричал, перебивая его, Климов. — Вышли сюда людей, на швейную фабрику, я тут жену Кота оставлю.

— Взяли?

— Да! Поспешай.

— Климов! Ты тут популярным у слабого пола стал! — кричал Селезнев. — Почти как вы уехали, пошли звонки. Требуют тебя, и все. Я говорю: «Может, я заменю?» Даже не пожелали ответить. Спрашивают, будешь ты сегодня? Я говорю: «Он на операции, должен быть». Сказали, что будут звонить каждый час, мол, надо сказать что-то важное.

Климов вспомнил девчонку у реки. Он же дал ей телефон. Видно, она.

— Передай, что скоро буду! — крикнул он. — Высылай людей за Аграфеной и ее пожитками. Мы ждем наших у Тростянского колодца!

— Через полчаса обязательно еще звони. Я к тому времени всех подниму!

Климов бросил трубку и поднял вахтера на ноги.

— Дед, — сказал он, — ты тут один охранник?

— Нет, — во все глаза пялился на него дедок. — Ишшо двое есть.

— Зови!

Вахтер как ошпаренный кинулся из проходной. Вскоре пришли двое. Один был молодой, другой лет пятидесяти.

— Граждане, — сказал Климов, — сдаю вам опасную преступницу с ее пожитками: через полчаса за ней приедут из угрозыска. Не укараулите — суд и высшая мера наказания.

У всех троих глаза полезли на лоб.

— Это... нам не положено, — начал было один.

— Име-нем пролетарской диктатуры, — раздельно сказал Климов, — отчиняй ворота!

Молодой кинулся на улицу. Слышно было, как, громыхая колесами, въехали возы, как со скрипом закрываются ворота. Стас ввел со двора Аграфену. Та шла спокойно, и на лице ее было выражение тупой терпеливости.

— Не спускать глаз! — приказал Климов. — Сдать только под расписку. Пока документы угрозыска не предъявят, никого сюда не допускать!

— Есть! — рявкнул пожилой.

Климов, за ним Стас выскочили из помещения.

— Бегом! — скомандовал Климов, и они понеслись.

От фабрики надо было пробежать квартала два, потом начинались огороды. Горны оставались сбоку, впереди была линия железной дороги и около нее Тростянский колодец. Они мчались, изо всех сил работая локтями. Вот и линия. Они скатились с насыпи. Увидели колодец. У его сруба сидели, покуривая, двое.

Они, тяжело дыша, подошли. Рядом с Клычом, удобно пристроившись спиной к срубу, сидел возница.

— Коли заплотите, я хочь до утра служить буду,— объяснял тот. — Оно теперича и ехать тревожно. Ночь, как ни толкуй!

— Слыхали? — хохотнул Клыч, освещая затяжкой крепкое лицо с полоской светлых усов. — Вот и транспортом обзавелись. Ну что там?

Климов доложил. Стас только кивал, подтверждая.

Клыч поразмыслил, огляделся. Луиа высокó тяиула по темному небу оранжевый ореол. Трава иа боковине иасыпи была высветлеиа мертвеино-золотыми отсветамн. Далеко пахло полыиью н гннлью. Неподалеку лежала свалка.

— Подождать можно, — сказал Клыч. — Я тут сндел кумекал, братишки, как их взять... Положим, поднимем мы пехотиые курсы, иачнем облаву. Могут уйти. Не выход это. Надо Кота без шухера брать. А как?

Климов прнсел на корточки, рядом прнсел Стас.

— Вот что, — сказал Клыч, отбрасывая чииарик. — Иди-ка, Климов, звоии опять и говори с Клейиом. Если нет, втолкуй Селезиеву. Время у нас есть. Сейчас одиииадцать. До рассвета ему из Гориов выходить иекуда. Надо иам туда проинкиуть. Курсы трогать пока не стоит. А вот наших иужно туда иаправить как можио больше. И без шуму, без стрельбы, по одиому. Чтоб все были в штатском. А иачием обкладывать — народ в ЧОНе разный, есть и без опыта которые. Кот в суматохе уйдет. В прошлом году, как чистилн Горины, пошли в наступление чуть ие с музыкой. И что? Стрельбы миого, убитых и ранеиых миого, а толку чуть. Пока сеть заводнлн, крупиую рыбу упустнли, осталась одиа плотва. Так что передай: главиое, чтоб без грому и стрельбы. Я жду здесь. Понял?

— Есть, — сказал, подинмаясь, Клнмов, — бегу.

— Чего бегать, — сказал Клыч. — Этому вот мелкособствеиинческому элементу завтра заплатим, а ныиче пусть возит, слышь, дядя?

— Колн заплотят, — сказал, поднимаясь, возчик, — я завсегда.

Оии полезли вверх, где пощипывалн траву саврасые. Через мниуту лошади уже несли их к фабрике. Где-то пели пьяные голоса, проскакал ваиька, иещадио иахлестывая замореииую клячу. В пролетке иенстово целовалась пара.

У фабрнки Климов соскочил на ходу, влетел в проходиую. Аграфена дремала иа стуле. Пожилой стоял перед ией, чуть не упираясь ей в грудь дулом винтовкн. Во всей его фнгуре было неумолимое служебное рвенне. Молодой расхажнвал у стола. Старик дремал, опершись на виитовку.

Клнмов подскочнл к телефоиу.

— Граждаинн агент, — повернувшись к иему, за-

шептал, вытаращивая от усердия глаза, пожилой, — так что сполняю приказ. Когда ваши будут?

— Будут! — бросил ему Климов и закрутил ручку телефона. — Барышня, дайте двадцать — двадцать два.

Селезнев отозвался тут же:

— Дежурный по первой бригаде слушает.

— Селезнев! — закричал Климов. — Клыч велел передать: курсов не надо. Где Клейн?

— Курсов и нету! — кричал в ответ Селезнев. — Они в лагерях. Клейн пока с ЧОНом связывается.

— Клыч говорит: не надо ЧОНа, — кричал, перебивая, Климов. — Сами будем брать. Наших надо как можно больше и чтоб все в штатском. Он у Тростянского колодца будет ждать.

— Передам! — кричал Селезнев. — Главное, не зарывайтесь, ждите нас. Я тут одну штуку учудил, сам не знаю: к лучшему или наоборот... Из-за этих твоих звонков... — голос Селезнева стал глуше. — Тут, понимаешь, Климыч, такая история. Опять тебя спрашивают, звонят, а голос другой. Я говорю: «Кто его спрашивает?» Тут мне и говорят: «Клембовская». Я и говорю: «А вам зачем Климов понадобился? Он сейчас вашего приятеля Кота на Горнах ловит, а вы тут телефон мне обрываете!» И, понимаешь, сказал, а потом вдруг всплыло, что ты говорил: выманить их надо. Думаю, отчаянная она девка, поедет ведь. Я и говорю: мол, если хотите смертельного вашего друга повидать, можете немедля отправиться на Горны и там его поискать. И что ты думаешь, она мне отвечает?

— Что? — в ужасе закричал Климов.

— «Еду», — говорит.

— Селезнев! — завопил Климов в трубку. — Ты скот, понял? Скотина! Клейну сообщи об этом немедля...

— Ты мне смотри, Климов! Ты до моих начальников еще не дослужился!

— Давно ты с ней говорил?

— Нервы-то не расходуй, они для Кота понадобятся!

— Давно ты с ней говорил?

— Минут пятнадцать назад!

Климов на секунду отнял от уха трубку, растерянно огляделся. Аграфена дремала, старик вахтер, сначала вздрагивавший от его крика, теперь откровенно спал, навалясь грудью на стол. Молодой щурился на свет

лампочки, пожилой был начеку, неся охрану. В трубке журчал голос Селезнева.

— Селезнев! — крикнул он, перебивая. — Запомни! Клыч ждет у Тростянского колодца. Сбор там. Торопи Клейна!

Он повесил трубку и зачиркал карандашом по клочку бумаги, лежащему на столе: «Тов. Клыч, Клейн будет у Тростянского колодца как сможет. Все передал. Сам должен немедленно идти в Горны. Климов».

Он выскочил на улицу. Возчик дремал. Он ткнул его кулаком в бок.

— Найдешь то место, откуда приехали?

— Ай безглазый совсем? — сказал мужик, зевая. — Найду.

— Вот записка, передай тому, с усиками.

— Старшому?

— Да.

— Передам.

Климов зашагал по улице. К Горнам тут можно было выйти двумя путями. Через свалку, где ждали Клыч и Стас, — кружной дорогой, — или через окраину Заторжья мимо прудов. Второй путь был короче. Главное — быть уже в Горнах, когда там окажется Клембовская. Ну Селезнев, Селезнев! Спровоцировал! Зачем Клембовской понадобился он, Климов? Сначала одна женщина, потом другая!

Заторжье кончилось. Вот последние дома с потухшими окнами, с накрепко задвинутыми ставнями. Он свернул вдоль забора. Вон они, пруды! Черная вода в них серебрилась. Пробираясь впритирку к забору по узенькой стежке, он услышал бессонное бормотанье Горнов. Ржали лошади, кто-то пел, слышался раздерганный дребезг гитары, голоса. Доносило дым костров. Цыганский табор. Он вышел на бугор. Отсюда Горны были как на ладони. Горели костры, в их свете виднелись лица сидевших вокруг них. Бродили неясные силуэты. Из окон вразброс поставленных беззаборных домов светили огни. В середине небольшой площадки, заставленной подводами и палатками, одиноко высился шатер. Климов спустился вниз и пошел к этой площадке, где было особенно много движения. Он шагал, небрежно сунув руки в карманы, опустив до переносья кепку. От одного костра кто-то оглянулся на его шаги, позвал:

— Костяра, мы нонче кимать будем?

Он прошел мимо. Казалось, что вслед ему оглядываются, но он не убавил шага. В центре около шатра звенела гитара, и хриплый женский голос пел:

> А потом загу-ля-а-ли, запе-ли, братва,
> Вne-ре-межку ба-я-ан да гита-ара-а!
> Сколько девушек было в тот ве-э-чер у нас,
> В этот ве-э-чер хме-льно-го уга-ра!

Он подошел, постоял позади сидевших. Беспризорники в лохмотьях, одутловатые пропойцы с высвеченными пламенем багровыми лицам, хорошо одетые молодые люди с перстнями, высверкивающими от падавших отсветов. Он должен был искать Рыжего и самого Кота. Но как найти их ночью, когда все кошки серы?

Какой-то пьяный выскочил плясать и чуть не упал в костер. Его с хохотом оттащили от пламени. Климов пошел дальше. У другого костра играли в «железку». У третьего, передавая круговую бутыль, пели вразнобой «В Ростове-городе открылася пивная». Сзади пьющих стояли несколько оборванцев и собачьими глазами следили за бутылкой, переходившей из рук в руки. Но тут гулял народ безжалостный — деревенские конокрады. Да и кто, кроме них, осмелился бы ночевать в Горнах. Климов обошел телеги, палатки, вышел к домам. Около них было тише. Возле одного на бревнах сидели какие-то люди, переговаривались вполголоса.

Климов прошел, независимо покачивая плечами. За его спиной разговор оборвался. Он встревожился. Но там уже опять заговорили. Впереди, у входа к насыпи, за которой совсем неподалеку был Тростянский колодец, горел костер. Оттуда шел тошнотворный запах паленой шерсти и мяса — коптили коровью ногу.

У костра какой-то парень, раскачивая ногами, плясал на руках. Климов подошел и вдруг остановился. С перевернутого лица смотрели дико вытаращенные глаза. Парень упал. Грохнул смех. Упавший поднимался, не сводя глаз с Климова. Тот вдруг по тельняшке, угловатости плеч и белесой шевелюре угадал Афоню. В глазах Афони был ужас. Климову стало не по себе. Он повернулся и пошел. Почему Афоня так перепугался? Не предал бы еще, чего доброго. Он прислушался. Но от костра долетали лишь мирные звуки чавканья да лопалась от жара шкура коровьей ноги.

Климов повернул к площадке с шатром, прошел мимо двух близко стоявших друг к другу домов с темными стеклами и остановился. Спиной к нему, к площадке, где горели костры, шли две девушки. Одеты они были в темные платья, головы в платках, но Климов стоял, потрясенный этим зрелищем. Их выдавали даже походки, они не умели ходить, как женщины из Горион — проститутки и боевые подруги налетчиков. Там в самой поступи был вызов и наглость, а здесь шли две молоденькие девушки-интеллигентки, держась под руки. Климов смотрел, обливаясь потом. Одна из них была Таня. Ему не нужно было заглядывать под платок, он за километр отличил бы этот ее шаг, эту робкую, еще не расцветшую женственность движений. Девушки шли к кострам, а он смотрел в их спины и вдруг каким-то звериным, обостренным чутьем понял, что смотрит на них не один. Из-за косяка дома вышел человечек. Маленький, щуплый, он переступал как-то странно, словно на протезах. Человечек поплелся за девушками, и когда они вышли к кострам, обошел их сбоку и с минуту пристально смотрел на них. Костер качнулся под рывком ветра. Человечек попал в полосу света, и Климов увидел рыжину пышной прически, острый нос и цепкие сощуренные глаза. Человечек обошел костер и куда-то пропал. Климов стоял как прикованный. Красавец видел девушек. От костра на стоявшую неподалеку пару стали оглядываться. Огромный босой мужик, поднявшись, пошел к ним. Девушки отступили несколько шагов и встали, прижавшись друг к другу. Оборванец, пошатываясь, подошел. За ним неторопливо подошли двое красавчиков в модных костюмах.

— Не ко мне в гости пришли? — спросил босой и вдруг схватил обеих за плечи. Тотчас же парни в модных костюмах оторвали его и пинками погнали к костру.

— Чьи марухи? — деловито спросил один из них.

— К Куцему пришли? — спросил второй. — А то он канает второй день.

Девушки молчали.

Подошли еще двое. Климов уже двинулся было к ним, как вдруг откуда-то появился Рыжий. Он что-то шепнул молодчикам в пиджаках, и те испарились. Рыжий подошел к девушкам шага на два, и тут одна из них (Клембовская — по резкости движений узнал Кли-

мов) дернула рукой, но Рыжий, прыгнув, выбил у нее из рук пистолет.

— Пошли! — просипел он и дулом погнал перед собой обеих. От костров оглянулись, но никак не отреагировали. Видать, не посмели.

Климов, стараясь ступать как можно тише, пошел за ними. Рыжий уже проконвоировал девушек между последних домов и вывел их на бугор. Дальше были пруды. Климов побежал, стараясь заглушить дыхание. Выскочил на бугор.

Девушки в смутном свете луны пятились к пруду, а Рыжий с выставленной вперед рукой надвигался на них. Климов выстрелил дважды, и Рыжий, прыгнув, повернулся и упал. В ту же секунду Климов, почувствовав чье-то присутствие рядом, резко повернулся. Сзади, почти рядом с ним стоял рослый костистый человек с голым черепом и безглазым лицом. Рослый шагнул, и Климов вдруг понял, кто перед ним. Это был Кот. Тот придвинулся вплотную. Климов почувствовал запах его пота и сразу ударил. Он ударил дулом пистолета и тут же рухнул и откатился от жестокого удара головой. Но вскочил он прежде, чем бритый оказался рядом с ним. Страшная боль переломила руку. Браунинг его упал, но он тоже изо всей силы пнул ногой, и бритый скорчился. Левой рукой Климов поднял пистолет и, прежде чем Кот разогнулся, изо всей силы, так, что отдалось в руке, рубанул рукояткой по бритому черепу. Противник осел.

Рядом с Климовым вдруг оказалась Таня.

— Климов! — шепнула она. — Я тебя искала!

Клембовская тоже подоспела и теперь стояла рядом, с сумасшедше сверкающими глазами, держа в руке «бульдог». Из-под сбившегося платка видны были бинты на голове.

Климов наклонился над осевшим на колени бритым, толкнул его ногой. Тот завалился на бок, руками он зажимал рану на голове. Климов, корчась от боли, сунул браунинг в карман и обшарил лежащего. Из-за пазухи он вынул парабеллум, из кармана — браунинг. Рассовал все по карманам. Бритый стонал, перекатываясь по земле. Внезапно чувство опасности заставило Климова поднять голову. Таня и Клембовская медленно пятились за его спину. Со всех сторон, стараясь отрезать его от прудов, подступали разномастные личности. Свет лу-

ны слабо высвечивал их лица, но по цепкой сторожкости их шагов Климов понял, что Горны разобрались, кто тут враг, кто друг. Он сунул руку в карман, вытащил браунинг и выстрелил трижды поверх голов. Бритый, держась за голову, стал подниматься. Наступающие остановились. Потом кто-то сзади выпалил, и грохот обреза разом стряхнул оцепенение со всех остальных. Они завопили и пошли на Климова. Тот крикнул:

— Таня, Вика, уводите этого! — и снова выстрелил поверх голов. Он не знал, кто эти люди. Может быть, просто подгулявшие парни из Заторжья. Не все же они бандиты.

Какой-то паренек вдруг прошелся колесом между Климовым и нападавшими. Он что-то отчаянно вопил. Его поймали и отбросили куда-то за спины. Но Климов успел понять, что это последний трюк Афони. Может быть, этим он хотел спасти его, Климова? Во всяком случае, Климов был ему благодарен. Сейчас главное — время. Но Горны уже опять шли на него.

Климов прислушался и уловил далекие звуки автомобиля. Наши. Он расстрелял, целясь поверх голов, все патроны из браунинга и, отбросив его, тут же вынул парабеллум бритого. Сбоку медленно подходил к нему огромный оборванец, который первым атаковал девушек у костра. Климов выстрелил. Тот присел, и это дало Климову возможность оглянуться. В трех шагах позади бритый, не отрывая рук от головы, рассматривал Клембовскую, грозившую ему пистолетом. Климов снова поймал на мушку огромного оборванца, но тот не двигался. И вдруг Климов увидел, как позади цепочки нападавших появилась знакомая кряжистая фигура в тускло блестевшей кожанке и рядом светловолосая голова Стаса.

— Клыч! — шепнул он радостно, и в тот же миг сзади что-то случилось. Он повернулся на женский вскрик. Клембовская держалась за руку. Таня, закрыв глаза ладонью, отступала. Но что-то словно опахнуло его живот, опахнуло — и только. Потом вдруг слабость подкосила ноги, он хотел шагнуть навстречу злобно-готовному лицу бритого, но Стас и Клыч уже держали того за руки, а весь живот содрогнулся от боли, и Климов почувствовал, что ударился спиной о землю, что лежит уже, что кружится небо, и лицо Тани, и лицо Клыча, и лицо Стаса, и лицо Клейна... Потом вдруг наступила

тишина, и он увидел рассыпавшиеся вокруг кожаные куртки и пиджаки. Клейн командовал, кого-то вели. Бритого волокли по земле, от пруда несли на шинели чье-то тело. Совсем рядом качнулось лицо Тани.

— Витя! — шепнула она, по щекам ее текли слезы. Они падали ему на щеки, попадали в глазницы. — Витенька мой, единственный! Выживи, я все объясню! Выживи, прошу тебя! Я целый день звонила, чтобы сказать...

Он улыбнулся ей. Боль раздирала живот, поднималась выше. «Таня, — думал он, — Таня, что это она говорит: единственный. Неужели? Нет, этого быть не может, этого не может быть, нет! За что меня любить?»

— Климов, ну как, живой? — Селезнев виновато морщился над ним. — Ты прости, Климов, меня за этих девок.

Он и ему улыбнулся. Теперь уж ничего не исправишь. Проклятый человек ты, Селезнев! Проклятый... «Таня, — подумал он, — Таня-а! — и еще подумал: — Все!.. Не успел!.. Кончено...»

— Взяли мы его, Кота-то, — тряс его за плечи Селезнев, но он уже улыбался сквозь липкую, глухую, тяжелую мглу. Уже ни до чего ему было, ни до кого.

Арестованного допрашивал в помещении бригады по особо тяжким сам Клейн.

— Куда вы спрятали золото, взятое у Клембовских?

Тот повел бритой головой, пощупал темя, на котором явственно приметна была кровяная запятая, сказал буднично:

— И даже не знаю, об чем это вы толкуете.

— Будете отвечать, Кот?

— На клички не отзываюсь.

Клейн посмотрел на залубеневшего в ненависти Стаса.

— Введите гражданку Груздеву.

Стас вышел. Бритый сидел спокойно, серая гимнастерка на широкой груди ровно вздымалась от дыхания. Глаза его с ленивым любопытством оглядывали присутствующих. Клыч, не отрываясь, смотрел на него, шевеля ноздрями. Потапыч, положив голову на руки, плакал. Селезнев двигал желваками на крутых скулах.

Вошла Аграфена. Бритый посмотрел на нее, она поклонилась.

— Здравствуйте, Алексей Иваныч... Уж вы извините, коли что не так...

Он дернул бритым черепом, сказал придушенно:

— Дура! — Потом прикрыл тяжелыми веками глаза. — Ладно. Запишите в протоколе: даю чистосердечные показания.

Клейн дернул верхней губой, стиснул зубы.

— С какой целью был вами похищен Шварц?

— Камушки вез, — пояснил Кот, — дорогие камушки. И знал много. От него про всех нэпачей в городе мы узнали... Запишите, гражданин начальник, что собственность государства мы ни разу не тревожили. Только частников.

— Почему вы не уехали сразу, а вернулись в город? Не знали, что мы за вами охотимся?

— Знали, как же. — Кот помолчал, потом солидно объяснил: — Имущество хотели припрятать. Не пропадать же... Сколько лет работаем.

— Убийство и грабеж — это вы называете работой?

Кот прищурился.

— У кого какое понятие. Вы у богатеев все в государственном масштабе грабили, я в личном.

— Теорию даже подвел, — с ненавистью прошептал Стас.

Клейн взглядом остановил его.

— Почему вы всегда всех, кто присутствовал при грабеже, убивали? Из принципа, что ли?

— Да какой прынцип... Языки ж — они длинные. Вот и укорачивал.

— Значит, из-за имущества остались в городе? — продолжал допрос Клейн.

— Из-за него, — подтвердил Кот, — да и не думали мы, что так быстро вы нас загребете. Губана сразу не расколешь. И знал он мало. А где хаза — совсем не знал. А когда Красавец сказал, что дочка Клембовских тут бродит, я сразу так и раскумекал: берут на живца. Послал Красавца следить, а сам вылез к линии поглядеть: может, уже оцепленне, облава. Вижу, нет. Тогда и сам пошел.

— Не могли поручить кому-нибудь другому?

— Сам все делаю, — пояснил Кот и положил на стол

короткопалую широкую руку. — На людей полагаться по нонешним временам нешто можно?

— А как вы напали на Климова?

— Обежал все Горны, думаю, где ж они, не иначе на прудах. Красавец-то... Он без какогось кренделя отродясь не может. Топить удумал. Вылажу на бугор, а там пальба. Смотрю, а девки у самой воды, отпятил их туда Красавец-то, а энтот ваш Красавца подвалил... И запишите, гражданин начальник, не я первый, а он меня в дых дуреной двинул. А потом сюда — вон они, знаки. — Кот наклонил череп, чтоб всем была видна подсохшая рана на черепе. — Будь другой кто, свободно бы ухайдакал. Хорошо кость у меня плотная... Так что я его пырнул в порядке самообороны. — Он замолчал и оглядел всех спокойными глазами. — Пущай суд учтет.

— Суд учтет, — сказал Клыч. — Суд все учтет. Но хоть тебе и дадут «вышку», а даже если и сотню таких, как ты, отправить с тобой вместе, все равно это Климова нашего не окупит.

— Алексей Иваныч, аблаката нанять можно? — спросила, утирая рот, Аграфена.

Был солнечный день в конце мая. Над прудами, затененными заборами, колобродил ветер, морщиня темную, бутылочного оттенка водную толщу. Высокая молодая женщина в черном платье с раскинутыми по плечам темными волосами поднялась на холм. Впереди лежала безлюдная после недавней облавы пустыня Горнов. Почти на самой вершине холма, у небольшого, вытянутого вдоль бугорка, работал, взрыхляя землю, щуплый светловолосый паренек.

Женщина, неслышно ступая по траве, подошла почти вплотную к нему. У светловолосого было отчаянно-упрямое выражение лица.

— Нет, Витя, — бормотал он, зарывая в землю семена, — не лютики над тобой зашумят, а розы. Ослушался я тебя. Ослушался. — Он резко оглянулся и увидел женщину. На лице у него мелькнуло выражение неприязни, он отвел взгляд.

— Вам тут чего? — спросил он, глядя мимо нее. — Пришли отмаливать? Так поздно...

М. СТЕЙГА, Л. ВОЛЬФ

Дело Зенты Саукум

ГЛАВА I

1

Молоденькая девушка, секретарь суда, взглянула на часы. До начала заседания еще десять минут. Она выдвинула ящик стола и достала пачку синеватых бланков протокола. Потом метнула взгляд в зеркало, взбила светлые кудряшки и оправила на себе узкую коротенькую юбку.

— Зря стараешься, — с язвительной усмешкой заметила сидевшая у окна машинистка и сменила закладку в стареньком «Ундервуде». — Адвокат Робежниек предпочитает шатенок.

Секретарь же предпочла пропустить эту реплику мимо ушей. Задрав кверху курносый носик, она важно прошествовала в зал.

Зал суда был самый заурядный. Такие встречаются в Риге и в Валке, в Москве и Новосибирске. Несмотря на различия в форме и размерах, им присуще нечто общее. И прежде всего это тяжелая дубовая мебель, позолоченные гербы на высоких спинках судейских стульев, придающие залам суровую простоту, как бы подчеркивая справедливость судебного приговора и незыблемость закона.

Судебное разбирательство шло уже третью неделю, однако интерес рижан к этому делу не ослабевал. Зал был ежедневно полон публики. Одних тяжкое преступление волновало своей необычностью, других интриговали отдельные детали процесса. Были и такие, кому просто хотелось увидеть своими глазами настоящего убийцу.

Справа от судейского стола занял свое место государственный обвинитель Роберт Дзенис. Он медленно перелистывал дело, словно надеялся обнаружить в нем какое-то важное, но ускользнувшее обстоятельство.

Защитник Ивар Робежниек, щеголеватый молодой человек с худощавым энергичным лицом, сидел, небрежно заложив ногу на ногу. Выступление в столь нашумевшем

судебном процессе льстило самолюбию адвоката. И он старался произвести хорошее впечатление на публику.

Робежниек поглядывал в зал, где не осталось ни одного свободного места. Возле самого окна дородная тетка подозрительно косилась на свидетелей и что-то нашептывала своей соседке — старушенции с тонкими, плотно сжатыми губами. Адвокат безошибочно узнавал здешних завсегдатаев. Еще не перевелись обыватели, которые дня не могут прожить, не сунув носа в чужую кастрюлю. Когда же возможности коммунальной квартиры бывают исчерпаны, эти людишки шляются по судам и млеют от удовольствия на бракоразводных процессах или на разборе дел, связанных с преступлениями против нравственности. И туго приходится судье, который примет решение слушать дело при закрытых дверях!..

В дальнем конце зала расположилась шумная компания студентов юридического факультета. Оттуда, с «камчатки», слышались приглушенные смешки и реплики:

— Потеснись, миледи! Дай сесть человеку.

— Куда лезешь, плоскостопый!

— Смотрите-ка, Айя толстую тетрадь вытащила, сейчас будет конспектировать!

После набивших оскомину скучных лекций по административному и колхозному праву этот процесс для студентов был как хорошее театральное представление, после которого есть о чем поговорить и поспорить.

Вдруг по залу пролетел шорох, словно легкий бриз тронул вершины сосен на приморских дюнах.

— Ведут, ведут!

Как по мановению волшебной палочки смолкли разговоры. Воцарилась почтительная тишина. Помощник прокурора Дзенис отложил в сторону папку с делом. Приосанился адвокат Робежниек. Секретарь отбросила непослушный локон. Всеобщее внимание сосредоточилось на боковом входе. С минуты на минуту в сопровождении милиционеров оттуда должен выйти убийца.

Итак, сейчас начнется суд.

2

В октябре вечереет быстро. Гасиет мутновато-багровое небо за подернутыми зеленоватой паутиной шпилями рижских церквей. В комнату заползают серые сумерки.

Город начинает подмигивать огненными неоновыми глазами.

Ответственный дежурный по Управлению внутренних дел включает в кабинете свет. Теперь еще отчетливей виден занимающий всю стенку рельефный план города. Крохотными домиками и фигурками обозначены на нем места, где расположены штабы народных дружин и милицейские посты. Прямые и изогнутые линии улиц унизаны красными и белыми жемчужинами электролампочек. Вереницы вспышек, словно трассирующие пули, отмечают движение милицейских машин. Сквозь атмосферные помехи в громкоговорителе слышны короткие рапорты патрулей.

— Я «Чайка-два». Нахожусь в Чиекуркалне. Двигаюсь по маршруту. Происшествий нет.

— Докладывает «Орел-три». В переулке у забора комбината «Ригас мануфактура» вижу большой сверток. Очевидно, переброшен через ограду. Продолжаю вести наблюдение. Жду распоряжений.

— Я «Чайка-восемь». В конце улицы Бикерниеку у троллейбуса сломалась полуось. Позвоните в аварийную службу.

В небольшом кабинете точно луч в капле воды отражается жизнь столицы Латвии, прослушивается ее пульс. Со всех концов города сюда стекается оперативная информация. Ответственный дежурный принимает донесения, регистрирует их, отдает распоряжения.

В соседней комнате бывалый сержант играет в новус * с молоденьким лейтенантом. Седоволосый судебно-медицинский эксперт за шахматным столиком глубокомысленно изучает позицию противника. Неужто и на этот раз не удастся одолеть самоуверенного Шерлока Холмса? Капитану Соколовскому чертовски везет в шахматы, и это обстоятельство просто бесит обычно невозмутимого врача.

— Что ж, укрепим позиции временным отступлением, — замечает он, возвращая слона на исходный рубеж.

— Сдаете завоеванную территорию без боя? — злорадствует Соколовский.

— Территория нынче не имеет решающего значения.

— Имеет, и еще какое! Однажды я приехал в свой

* Распространенная в Латвии игра, отдаленно напоминающая бильярд.

...дной Вилякский район, — говорит капитан, не отрывая взгляда от шахматной доски. — Сидим с тамошним участковым Езупаном в его служебном кабинете. Вдруг распахивается дверь, вваливается какой-то верзила и орет: «На помощь! Убийство! Там, около старой мельницы труп!»

Лейтенант с сержантом кладут на стол кии иовуса. Надо послушать! В Управлении внутренних дел капитан Соколовский известен как великий мастер рассказывать всякие байки.

Капитан продолжает, но это не мешает его ладье вторгнуться в тыл противника.

— Мы с Езупаном вскакиваем, седлаем мотоцикл и едем на мельницу. Глядим, в канаве лежит ничком какой-то малый в резиновых сапогах, руки раскинуты в стороны, весь в грязи перепачкан.

Езупан, бедняга, пожимает плечами. «Скверное дело. Надо протокол составлять. Эксперта вызвать. Что начальнику скажу?» И тут на него находит просветление:

«Слушай, да ведь это же не наша территория. Канава-то пограничная! Лежит он, правда, на моей стороне, но стоял-то не на моей! Видишь, где его ноги? Поехали, позвоним».

Прибыл инспектор соседнего участка. Походил вокруг трупа, покряхтел и рассудил: «Раз голова, Езупан, на твоей территории, значит, тебе вести следствие». Езупан ни в какую. Голова, говорит, важное обстоятельство для живого, а не для трупа.

Покуда препирались, труп исчез! «Елки-палки!» — схватился за голову Езупан. А из-за кустов кто-то басит: «Эй, опохмелиться у вас нечем?»

Соколовский делает рокировку в длинную сторону.

Лейтенант с сержантом хохочут. Судебно-медицинский эксперт кисло улыбается. Лишь следователь прокуратуры Борис Трубек никак не реагирует на столь неожиданный финал истории. Он сидит в углу комнаты на низком диванчике, спина горбом, уши зажаты ладонями. Очки с толстыми стеклами съехали с переносицы. Трубек с головой ушел в свои конспекты — скоро госэкзамены, каждая свободная минута на счету.

Смуглый старший лейтенант с пижонскими усиками настраивает телевизор. До начала трансляции со стадиона остаются считанные минуты.

— Так и так твоя «Даугава» продует, — добродуш трунит над ним капитан, объявляя гарде королеве доктора. — Не порть нервы, дорогой. Здоровье надо беречь смолоду, говаривала моя мудрая тетушка, да будет ей земля пухом.

— Зачем так говоришь? — возмущается старший лейтенант. — Сегодня обязательно выиграют.

Соколовский твердит свое:

— Продуют как пить дать! Вне всякого сомнения. Класса «А» ей не видать, как тебе копейки после того, как отдал жене зарплату.

Спор прерывает металлический голос репродуктора.

— Опергруппа, на выход! Убийство на улице Вайрога! — коротко сообщает ответственный дежурный.

Старший лейтенант резко встает и выключает телевизор. Врач с сожалением покидает шахматный столик. Следователь Трубек распихивает по карманам конспекты.

Несколькими минутами позже милицейская машина уже мчится по улице Кришьяна Барона к Воздушному мосту.

3

— Свидетель Майга Страуткали! — вызывает председатель суда. — Попросите войти.

К судейскому столу приближается стройная блондинка. Серые выразительные глаза в упор смотрят на судью.

Взгляд адвоката машинально задерживается на недурных ножках молодой женщины.

«Волнуется», — отмечает про себя прокурор, глядя на свидетельницу. — Даже руки дрожат. Наверно, первый раз в суде».

Свидетельницу предупреждают, что за ложные показания она несет уголовную ответственность по такой-то статье кодекса. Затем председатель приступает к допросу.

— Вы работаете в поликлинике?

— Да, я районный врач.

— И на месте преступления оказались первой. Расскажите, пожалуйста, как это было.

Тук-тук, тук-тук. Постукивают каблучки по асфальту. Раз-два, прыг-скок. Майга скачет на одной ноге по нарисованным мелом клеткам на тротуаре. На лице детская улыбка, озорные огоньки в глазах. Хорошо бы теперь перелезть через этот обветшалый длиннющий забор. И на другой стороне написать мелом: «Айя + Янка = дураки».

Да где уж там... Юбка узка, пальто слишком длинно. И прочие препятствия. Майга перескакивает еще в один «класс» и затем продолжает свой путь по пустынной улочке.

Тут, на окраине города, осень может показать, на что она горазда. Куда ни глянь, покрытые багрянцем и позолотой деревья. Прохладный ветерок закрутил на мостовой хоровод кленовых листьев. А когда ему это надоедает, норовит забраться Майге за ворот и растрепать волосы.

Закутавшееся в темные тучи солнце одним глазом еще косится на землю. На оконце второго этажа деревянного дома вспыхивает отблеск скупого луча.

«Как там себя чувствует Лоренц...» — вспоминает вдруг участковый врач о своей пожилой пациентке, проходя мимо ее дома.

Лоренц бывала у нее обыкновенно по средам. Но вот уже третью неделю старушки не видно. Не слегла ли?.. Сердце-то неважное. Женщина она одинокая, а соседи, по ее словам, — сущие изверги.

Майга останавливается, что-то прикидывает в уме, затем отворяет калитку и пересекает двор.

В сенцах темновато. Майга, придерживаясь за шаткие перила, осторожно поднимается на второй этаж. В нос назойливо лезет запах кислых щей.

— Это вы, доктор? — на верхней площадке из двери высовывается разлохмаченная женская голова — К кому же, у нас вроде бы все здоровы.

Женщина выходит навстречу, вытирая руки о передник.

Страуткали невольно хмурится. Ее всякий раз передергивало от отвращения в неприбранном жилище Геновевы Щепис, да и сама хозяйка, всегда растрепанная и неряшливая, не вызывала ни малейшей симпатии.

— Я пришла к вашей соседке. Как она себя чувствует?

— Старуха-то? — скривилась Геновева. — Что ей

сделается? Такая сама кого угодно до коидрашки доведет. Настоящий антихрист. Слава богу, в последние дни ие видать ее.

Страуткалн охватило дурное предчувствие. Наверное, серьезио захворала? Оиа подошла к двери, громко постучала, но Лореиц ие отозвалась.

«Куда-иибудь вышла? — подумалось Майге. — Соседи могли ие заметить, когда старушка ушла. Может, в деревию уехала?»

Страуткали иаклоиилась и глянула в замочиую скважииу...

— Двориика! Скорей за дворииком! — крикнула оиа Геиовеве.

Двориик прибежал вместе с сержаитом милиции. Взломали дверь. Посреди комнаты опрокинутый стул, на полу кровь и осколки разбитой вазы. Стеиы тоже забрызгаиы кровью. Тело Алиды Лореиц лежало иа кровати. Оно было прикрыто одеялом и подушками.

Старуха была мертва.

4

Комиата для свидетелей уютом ие отличалась: голые стеиы, узкое окио и старомодные стулья иа высоких ножках.

Геиовева Щепис уселась в самом углу и оттуда опасливо поглядывала. Хоть бы ие очеиь доимали расспросами.

С того раза, когда ее задержали иа Центральиом рынке, Геиовева избегала встреч с представителями власти и при виде милициоиера переходила иа другую сторону улицы.

Это произошло в прошлом году летом, ближе к осеии. Геиовева прохаживалась вдоль рядов колхозиых грузовиков, стоявших почти вплотиую друг к другу, как в гараже.

— Не иадо ли хорошую кофточку? — шепотом предложила оиа свой товар красиощекой пышке, бойко торговавшей яблоками прямо из кузова машииы.

— Покажи!

Геиовева, воровато оглядевшись, достала из сумки синий шерстяной джемпер.

— Не пойдет, — отвергла ее товар колхозница. — Вот если б красивый...

— Есть и красивый.

Но Геновева не успела вынуть красивую кофту. Кто-то прикоснулся к ее плечу.

— Пройдемте, гражданочка, в отделение! — мужчина в штатском сказал негромко, но твердо.

К счастью, тогда Юзику был всего только год. Не то пришлось бы, наверно, худо.

И вот опять...

Сначала вызывали в милицию. Раз, другой. Заставляли ждать, обдумывать, вспоминать. Потом таскали в прокуратуру. Теперь торчи тут, в суде. Боже милостивый, чем все это кончится!

Геновева погрузилась в невеселые раздумья и даже не услышала, когда ее вызвали в зал суда.

— Свидетель Геновева Щепис! — председатель заглянул в толстый том. — Вы жили по соседству с покойной Лоренц. Что вы можете сообщить по существу этого дела?

Геновева подозрительно посмотрела на председателя.

— Какого дела? Про дела ничего не знаю. У меня никаких дел с ней не было. Не дай бог!

В последних рядах раздались смешки. Председатель с укоризной взглянул на студентов и опять обратился к свидетельнице.

— Что вам известно об Алиде Лоренц?

— Ничего про нее не знаю, — Геновева малость осмелела. — У такой разве чего узнаешь? Пряталась как хорек в своей норе. И комнату всегда на ключ запирала. Сколько лет живем бок о бок, а хоть бы раз к себе впустила. Ни разу.

— Ее посещали родственники или друзья?

— Ах, святые угодники! Да она ни единой живой души к себе не пускала. Одну только докторицу. Еще если кто из домоуправления насчет ремонта или по какому другому делу, и то разговор вела через щелку, дверь на цепочке держала.

Геновева шумно высморкалась.

— Сквалыга распоследняя. За копейку готова была удавиться. А уж с каким скандалом за свет платила — не приведи бог. Один раз через нее у всего дома электричество отрезали. Зато для себя ничего бывало не пожалеет. Всегда у нее за щекой конфета.

Судья хотел уже было направить этот словесный поток в более спокойное русло, но передумал.

— Следователю вы говорили, что у Лоренц проживали квартирантки.

— И правду говорила, истинную правду. Сперва у нее Мирдза жила, на вид квелая вроде, а сама ух, бедовая девчонка! Ругала старуху на все корки. Бывало, и в космы друг дружке вцепятся. Только старуха все равно верх брала. Мирдза плюнула, собрала пожитки и съехала с квартиры. Для старухи это было все равно что золотой зуб изо рта долой. Другую барышню привела — Тамарой звали. Такая попалась, бедняжка, неприкаянная. Целыми днями все хныкала.

— Сколько времени прожила у Лоренц Тамара? — поинтересовался председатель.

Для точного исчисления срока Геновева призвала на помощь все десять пальцев.

— До осени. Ну да, до осени. Луция, девчонка моя, уже в школу ходила. Завелся у Тамары ухажер, долговязый такой, одевался культурно — импортная куртка у него на скорой застежке. Вроде бы дело пахло свадьбой. Старуха узнала и аж почернела от злости. В тот же день у них чуть до драки не дошло из-за какой-то там юбки. Я чего-то не разобрала — то ли старуха ее сперла, то ли спалила.

Судья постучал карандашом по столу.

— Откуда вам это известно?

Геновева Щепис потупила взор.

— Подслушала за дверью, — вполголоса призналась она.

— Скажите, в последнее время Лоренц жила одна? Допрос продолжал помощник прокурора Дзенис.

— Что вы, что вы! — замахала руками Геновева. — Сразу после Тамары другая барышня объявилась. Эта была скрытная. Домой возвращалась поздно. Из дому уходила чуть свет, покуда я встану, ее уже и духу нет. Я ее даже и разглядеть толком не успела. И, как звать, не знаю. В последнюю неделю она и вовсе не появлялась. Это, значит, до того, как докторица нашла старуху приконченную.

— Вы присутствовали, когда Лоренц была обнаружена убитой, — сухо напомнил председатель.

— Езус Мария! Этакий страх-то! Ни в жизнь не забуду!

Соколовский показал иа закрытую дверь.

— Здесь?

Сержант милиции вытянул руки по швам.

— Так точно, товарищ капитаи! — И вполголоса добавил: — Никого туда ие допускал. Чтобы следы не запутали.

— Молодец!

Капитаи отпер отмычкой дверь и остаиовился иа пороге.

— Приступим, товарищ капитаи? — сказал следователь Трубек. Рядом с ширококостиым, плечистым Соколовскнм Борис выглядел совсем мальчиком. Остальные — Геновева Щепис, Майга Страуткали и понятые — не спешнли переступить порог.

Комиата была довольно большая, но так заставлена, что негде было повериуться. Массивиый круглый стол и под стать ему тяжелые стулья, высокий буфет и щироченный комод.

— Включайте камеру! — крикиул капитан Соколовский.

У старшего лейтеианта все было наготове.

Застрекотала кинокамера, фнксируя на плеике обстановку места происшествия. Техиический эксперт сиачала отснял общий вид комнаты и затем каждый отдельиый предмет.

Старший ниспектор милиции и следователь прокуратуры методнчески осматривалн место происшествия. В первую очередь потолок, затем стены, пол и каждый предмет в отдельности. Шаг за шагом двигалнсь оии по кругу, постепенно прнближаясь к середине комнаты.

Следователь Трубек изучал содержимое комода. Белое, по виду совсем недавно глажеиное белье в ящиках было все переворошено и помято.

— Похоже, здесь здорово порылись, — проворчал ои себе под нос.

Судебно-медицинский эксперт прнступил к осмотру трупа. Убитая лежала на спиие. Врач снял с ее головы подушку. Лицо жертвы представляло собой кровавое месиво. Геиовева Щепис с криком ужаса выбежала из комиаты. Майга Страуткали брезгливо отвериулась.

— Шесть-восемь ударов тяжелым тупым предметом, — констатнровал эксперт. — По всей вероятности, раздроблеиы кости черепа.

— Когда наступила смерть, можете сказать? — спросил капитан Соколовский.
— Примерно неделю тому назад.
— Вполне возможно, — согласился Соколовский. — Но неужели никто во всем доме ничего не видел, не слышал? Где соседка?
Сержант привел Геновеву Щепис. Она уже успела запереться в своей комнатушке.
Соколовский показал на кровать.
— Когда вы ее видели последний раз?
Геновева молчала. В конце концов с трудом произнесла:
— В среду. На прошлой неделе. Я стирала на кухне, дверь была открыта. Лоренц, наверное, в лавку пошла, у нее был в руках бидон. Больше не видела.
— В тот вечер крик не слышали? — задал вопрос Трубек. — Или, может, на другой день?
Геновева отрицательно покачала головой.
— Я слыхал, — неожиданно раздался хриплый голос.
Все оглянулись. У двери стоял дворник и мял в руках фуражку.
— Когда это было? — спросил следователь.
— В прошлый четверг... Ко мне аккурат свояк приехал. Сидели за полночь. Он как раз собрался идти домой, как наверху кто-то закричал страшным криком. И жена тоже слышала. Еще сказала: «Небось Геновева опять со старухой Лоренц схватилась».
— В четверг? — Соколовский поглядел на судебномедицинского эксперта. — Восемь дней.
Врач утвердительно кивнул.
— Очень может быть.
Капитан повернулся к Геновеве.
— Где вы были в четверг ночью?
— Дома. Ночью я всегда дома.
— И вы утверждаете, что ничего не слыхали?
— Бог свидетель, ничегошеньки не слыхала. Может, за полночь что и было, да я сплю крепко.
— Странно!
— Что и говорить, — согласился Трубек.
Он исследовал с помощью лупы обои над кроватью. Из курса криминалистики Трубек знал, что брызги крови на вертикальных поверхностях могут иметь различную форму. Так, например, пятнышки, смахивающие на головастиков с задранными хвостиками, свидетельствуют

о том, что капли падали под углом сверху вниз. Однако эти мелкие темные пятнышки по большей части походили на маленькие, перевернутые наоборот парашютики и цилиндрики.

— Н-да, кровь брызнула снизу вверх, — пришел к заключению молодой следователь. — Можно предположить, что пострадавшей наносили удары, когда она была в лежачем положении.

— А вот и предмет, которым били, — отозвался Соколовский. — Тупой и тяжелый.

За шкафом валялся измазанный кровью кирпич.

— Как по-вашему, доктор?

— Вполне возможно, — согласился эксперт. — В ранах я обнаружил крупинки кирпича.

Соколовский удовлетворенно потер руки — вот и найден конец ниточки. Пока она еще очень тонкая, но тем не менее нить.

— Шамиль, будь ласков, сфотографируй на память этот драгоценный камушек. И упакуй как вещественное доказательство.

Трубек почесал за ухом.

— Да, но откуда тут взялся кирпич?

— Бес его знает, — пожал плечами Соколовский.

— У нее керосинка всегда стояла на кирпиче, — заметила Майга Страуткалн.

— Вы это знаете точно? — повернулся к ней капитан.

— Да, — подтвердила Страуткалн. — Я много раз бывала по вызову у Лоренц и говорила ей, чтобы не держала керосинку в комнате, а вынесла на кухню. Но больная упрямилась: так ей было удобней.

Соколовский посмотрел, как технический эксперт аккуратно запаковывает кирпич в коробку из-под торта.

— Ну так, — негромко сказал капитан Трубеку, отозвав его в сторонку. — Давай присмотримся к фактам, как говаривала моя дорогая тетушка, глядя в газету. Мистер Икс явился безоружным. Отсюда вытекает, что убийства он заранее не замышлял. За этим круглым столом состоялись дружеские переговоры. Предположим, о предоставлении долгосрочного кредита. Однако в ходе дебатов возникли разногласия по какому-то пункту, допустим, по поводу размеров суммы. Это привело к конфликту, и одна сторона нанесла удар другой стороне вот этим кирпичом. Нам же остается только выяс-

нить несущественную деталь — кто был этот таинственный посетитель.

Трубек запустил пятерню в свой лохматый чуб.

— Я бы не стал торопиться с подобной версией, — задумчиво протянул он. — И в особенности потому, что жертва в момент убийства находилась в постели.

Старший лейтенант с ехидцей заметил:

— Молодец, Борис! Вот видишь, Виктор, что значит учиться в институте.

Но не так просто было сбить с панталыку бывалого капитана.

— А это и не версия, а рабочая гипотеза, — уточнил он и перенес все внимание на раскрытый платяной шкаф. — Товарищ Страуткалн, вы не припомните, вся ли здесь одежда, которую вам случалось видеть на убитой?

Врач подошла к шкафу и стала нехотя перебирать висящие на плечиках платья, кофты и прочие вещи.

— Трудно сказать. Я тут не вижу зимнего пальто. У Лоренц было коричневое, с воротником из цигейки. Нет синего костюма и зеленого шерстяного платья, в котором она ходила в поликлинику.

— А не было ли у Лоренц драгоценностей? — поинтересовался Соколовский. — Вы у нее ничего такого не замечали?

— Не имею ни малейшего представления. Напротив, по-моему, Лоренц жила очень скудно. Как-то раз жаловалась, что даже на лекарства не хватает денег.

— Тем не менее имела счет в сберкассе. — И инспектор вынул из шкафа серую книжечку. — Сто сорок девять рубликов...

В этот момент шкаф шевельнулся и начал медленно двигаться к середине комнаты. Соколовский и Страуткалн отскочили в сторону.

— Помогите! — раздался за шкафом голос Трубека. — Или хотя бы не стойте на дороге. Здесь есть дверь в другую комнату.

Соколовский потрогал полоски бумаги, которыми были заклеены щели в двери.

— Придется сделать экспертизу.

— А это что за чудеса! — эксперт выудил из-под шкафа листок тетрадной бумаги с нарисованными на ней черепом и перекрещивающимися костями.

Соколовский взял бумажку.

— Тайны тысячи чертей и одной ведьмы. Детективный роман в четырех частях. Не хватает только подписи «Фантомас», и сразу стало бы ясно, кто убийца.

— Это она, сама старуха Лоренц, рисовала, — тут же стала плаксиво оправдываться Геновева Щепис. — Она мне всегда под дверь подсовывала такие картинки.

— Очень романтично, — посочувствовал капитан. — А вы на чем же отыгрывались? Что ей подсовывали вы? Быть может, вот это? — И он поднял с пола окурок папиросы.

Технический эксперт взял находку пинцетом.

— Визитная карточка, нетипичная для женщины. Прикус скорей всего мужской. В лаборатории уточним.

— Вот, я все-таки нашел роман. — Трубек протянул Соколовскому книжку в желтом переплете.

— «Катапульта», — прочитал инспектор вслух. На титульном листе стоял штамп библиотеки. — Здорово! Оказывается, старушку интересовали актуальные проблемы современной молодежи. Как вам это нравится, доктор? Василий Аксенов.

Страуткалн стояла возле комода и разглядывала черного металлического слоника.

— Сомневаюсь, — смущенно отозвалась женщина. — Вряд ли она много читала. Моя пациентка жаловалась на зрение.

— Оригинальная штучка, — Трубек взял слоника и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Антикварная вещица, — заметила Майга Страуткалн. — Слоник всегда стоял вот тут на комоде. Но, помнится... у него был отломлен хвост. А этот цел и невредим.

— Может быть, снова отрос, — пошутил Соколовский. — В природе разные бывают чудеса. А теперь, товарищ следователь, напишем протокол осмотра места происшествия. Садись, Борис, тут ведь начальник ты.

5

Голубой «Запорожец» резко затормозил у здания суда. Майга Страуткалн, в нетерпении ожидавшая мужа, подбежала к машине.

— Где ты был так долго, Эдвин? Сейчас тебя вызовут!

Эдвнн Страуткалн с невозмутимым спокойствием оглядел себя в зеркальце, провел расческой по белокурым волосам и разгладнл брови. Высокий лоб, прямой, с небольшой горбннкой нос и глубоко посаженные, нскрящнеся глаза давали ему повод считать себя интересным мужчиной. Он неторопливо вышел из машнны, тщательно запер дверцы н направился к парадному.

— Ну как там дела? — равнодушно спросил он.

— Сегодня допрашивали соседей и дворннка. Знаешь, Эдвин, я ничего больше не понимаю. Всегда счнтала себя хорошим психологом. Но эту несчастную женщину я все-таки не раскусила. Кое-какие странности я за ней замечала, однако...

— В ее возрасте это бывает, — заметил Эдвин.

— Сегодня о ней высказывали свое мнение несколько человек, — продолжала Майга. — О покойниках ие принято говорить плохо. Тем не менее должна сказать, что моя пациентка была на редкость злой и нелюдимой. Какая-то отщепенка...

— Таких тоже на свете немало.

С подчеркнутой галантностью Эдвнн распахиул перед женой дверь, пропуская ее первой.

— Ты сегодня удивнтельно хороша. Была в парикмахерской?

Майга вспыхиула.

— Благодарю за комплимент, но он неуместен. Неужели тебя совсем не интересует этот суд?

— Больше всего меня интересует, чтобы всегда была прекрасной моя жена.

— Пустомеля!

— Теперь моя очередь благодарить за комплимент.

Онн остаиовилнсь перед дверью зала заседаний.

— Перестань, Эдвин, дурачиться. Ты же зиаешь — я впервые в жизни на суде. Странная вещь: я всегда себе представляла прокурора невероятно строгим и желчным старцем с громовым голосом и парализующим взглядом питона. А этот ннчего похожего! Даже иногда улыбается.

— Свндетель Страуткалн! — выкрикнул кто-то.

Эдвии открыл дверь и вошел в зал.

Председатель медленным движением снял очки и пристально смотрел иа Страуткална, покуда секретарь записывала в протокол имя и фамилию свидетеля.

— Где вы работаете? Должность?

— В иаучио-исследовательском нституте. Старший инжеиер.

— Что вам известно по делу об убийстве Алиды Лореиц?

— По сутн, ннчего, — пожал плечамн Эдвин.

— Вы были иа месте происшествия?

— Нет, там была моя жеиа.

— Вы зиали Алиду Лореиц?

— Нет, ие зиал.

Судья принялся листать дело.

— Возможно, у прокурора есть вопросы?

Роберт Дзеиис подался вперед.

— Пожалуйста, расскажите суду, когда и при какнх обстоятельствах вам угрожали?

— Это произошло на третий вечер после того, как убийство было обиаружено. Около однниадцати вечера позвоиил телефон. Жена сняла трубку, и я заметил, что она побледиела. Какой-то незиакомый человек грозил рассчитаться с Майгой, если оиа будет вмешиваться в расследованне убийства Лореиц. На следующий вечер звоиок повторнлся. На этот раз трубку снял я. Мне велели передать жене, чтобы она ие вздумала впутаться в эту историю. Не то будет плохо. Мол, в Риге хватает темиых закоулков.

— Что вы иа это ответили?

— Сказал, что сообщу в милнцию.

— И сообщили?

— Да, жеиа поставила в известность прокуратуру.

— Том первый, сорок третья страиица, — повериулся к судьям адвокат.

Дзеннс продолжал:

— По всей вероятности, жена вам подробио рассказывала о происшествии иа улице Вайрога?

— Разумеется, мы иичего не скрываем друг от друга. Тем более такой кошмарный случай.

— Быть может, вам известио, с кем еще она об этом говорила?

— Не зиаю. Возможно, с приятельинцамн или с сослужнвцами.

— Есть еще вопросы? — Председатель закрыл толстые папкн с материалами дела и сложнл нх в стопу. — Нет? Тогда объявляю перерыв.

6

Ярко-желтый «Икарус» с шумом и ревом мчится по широкому асфальту улицы Леннна. Остались позади радиозавод и вагоиостроительный. По обеим стороиам улицы потянулись, словио солдаты в почетиом карауле, липы, клеиы и тополя.

На берегу Чертова озера асфальтовая лента делает петлю. Здесь конец маршрута. Дзеиис выходит и, щурясь от яркого света, озирается по сторонам. Давиеиько ои тут не бывал. Вокруг озера тоже выросли многоэтажные дома, как близиецы похожие друг иа друга. Попробуй-ка сориеитируйся. Еще хорошо, что старший лейтенаит нарнсовал плаи.

Дзенис подиимается на третий этаж и нажимает кнопку звоика. Дверь открывает статная блоидиика. Оиа в иарядной пижаме. Аромат хороших духов. Роберт иевольио делает шаг назад и с поклоном сиимает шляпу.

— Я хотел бы видеть капнтана Соколовского.

— Ои дома. Входнте, пожалуйста. Сиимайте пальто.

У жеищииы иизкнй голос прнятного тембра. Оиа слегка картавит.

Увидев Дзеииса, Соколовский вскакивает с дивана.

— Привет, старик! Не верю своим глазам.

Судя по выраженню лица, капитаи искреиие рад нежданиому гостю.

— Осмелился нарушить твой домашний покой. Видишь ли...

— Молодец, что пришел, Роберт. Как ты меия тут разыскал?

— Шамиль дал мие твой иовый адрес. Я его видел в суде.

Дзеинс с иитересом разглядывает уютиую комнату. Легкая мебель расставлеиа несимметрично, в углу небольшой шкафчик-бар. На светло-зелеиых, теплого оттеика стеиах развешаиы глиияиые маски и вазочки с цветами.

Хозяйка поправляет на голове ярко-алую леиту, огиенным кругом охватывающую светлые локоиы.

— Да, я же вас не представил друг другу, — спохватывается Соколовский. — Познакомьтесь

Женщииа подает узкую холеную руку, ногти покрыты пуицовым лаком.

— Янина Цыбульска.

— Очень принятно. Дзеинс.

Сколько ей лет? Румяные щеки, крупные, чуть подведенные глаза светятся вроде бы совсем еще молодым задором. На шее, однако, уже видны предательские морщинкн. Такие у женщин обычно появляются годам к сорока.

— Я пойду приготовлю вам что-нибудь иа ужни, — Яннна отправляется иа кухню.

— Яркая женщииа, — говорнт Дзеиис, провожая взглядом хозяйку. — Где тебе посчастливилось ее пленнть?

— Представь себе — в парикмахерской. Недалеко от нашего управлення. Там н позиакомнлись.

— И ты сюда переселился окоичательио?

— Думаю, что да. Трн месяца уже пролетелн.

Роберт Дзеннс вннмательио нзучает киижную полку.

— А как ты решил с Алниой и детьми?

Соколовскнй пожимает плечамн н хмурится.

— Что поделать? Буду о них заботиться...

— Ладио, ладио, — Дзеннс чувствует, что задал неуместный вопрос, и круто меияет тему. — Не подумай, что я хочу нотацнн тебе чнтать... Поннмаешь ли, судебиое разбирательство подходит к коицу. Завтра я должен поддержнвать обвиненне. И тем не меиее кое-какне обстоятельства не выясиены. Кое-где концы с коицами ие сходятся.

Соколовскнй несколько делаино усмехается.

— Ты что, опасаешься, как бы судья ие вериул матернал на доследованне?

— Наоборот.

— Тогда я тебя не понимаю.

— Видишь лн, я не нмею права поддержнвать обвиненне, еслн сам сомневаюсь...

— Чепуха, — перебивает его Соколовский. — Я тебя знаю, Роберт! Ты сейчас начнешь толковать о виутренней убежденностн, не замкнувшейся цепн доказательств и о том, что любые сомнеиня в пользу обвнняемого. На сей раз, дорогой мой, все проще: иаша птичка в самом начале прямо н откровенно во всем прнзналась. Я сам...

— Потому-то я и отмахал такой коиец, чтобы ты мне рассказал, как это произошло. Ты же, можио сказать, герой этого дела.

Соколовский расплылся в самодовольной улыбке.

— Хорошо. Устраивайся поудобней н слушай.

7

С утра в городской бнблнотеке посетителей было сравнительно мало. Потому-то Лаума, обслуживавшая абоиемент, сразу обратила винмание на рослого широкоплечего мужчииу в драповом пальто. Лаума знала в лнцо почтн всех постояниых читателей библнотекн, а этого видела впервые.

Человек иеловко огляделся по сторонам, затем решительно иаправился к столу выдачн.

— Девушка, — обратился ои к Лауме, — ие откажите в милости... спасти мою жизиь!

Лаума удивлеиио подияла бровн.

— Как это поиимать — в прямом или в переиосном смысле?

— В любом!

Незиакомец оперся руками иа стол и заговорщицки прищурнлся.

— Я сидел тут неподалеку в кафе. За одннм столиком увидел девушку. Настоящий ангел! Рыжеватые волосы, ресиицы — прямо как веера. Я уже стал соображать, как бы с ней познакомнться, но мой аигелок вдруг расправил крылышки н упорхиул.

Лаума нзобразила на лице сочувствие.

— Ай-ай-ай, какая досада! Я только не поиимаю, почему вы решнли обратнться ко мие. Вроде бы я н не рыженькая, и ресиицы у меия на веера не похожи.

— Все зависнт от вас, — странный посетитель достал нз карманa пальто желтую киижицу. — Дело в том, что оиа в спешке забыла на стуле свою киигу. На ней штамп вашей бнблиотеки.

— И вы решилн оказать ей бескорыстную услугу?

— Почтн угадалн. Только мне еще надо выясинть, где прожнвает эта девушка.

Лаума взгляиула на киижку.

— «Катапульта», Васнлий Аксенов. Сейчас посмотрнм.

Оиа покопалась в картотеке н вынула учетиую карточку.

— К сожаленню, должна вас огорчнть. Кинга выдаиа Скайдрнте Бебре. Помию эту девушку. Довольно симпатичная. Но ее внешность совсем не отвечает вашему идеалу. Нет у нее нн рыжей грнвы, ии вееров-ресниц.

— Дорогая, сегодня хнмня н накладиые реснпцы

преображают женщнну в мгновеиие ока до полиой неузнаваемости.

— Улица Лугажу, общежитие Рижского строительного треста. Надо сказать, ваша симпатия очень неаккуратный человек. Книгу иадо было сдать еще два месяца назад.

— Обещаю вам с ходу взяться за перевоспитание Скайдрите. Увереи, в кратчайший срок она стаиет образцовой читательиицей. И большое вам спасибо за адрес.

В переулке капитана Соколовского поджидал милицейский «газнк».

— Поехали иа Лугажу! — сказал шоферу капитан.

— Вам кого? — спросила пожилая дородиая женщина, вскндывая иа прншельца сердитый, иедоверчивый взгляд.

Голос у нее был скрнпучим, словио немазаная калитка.

Тот вежливо н тихо ответнл:

— Мие бы хотелось видеть комеидаита.

— Я комендант. Что надо?

— В вашем общежитии проживает Скайдрите Бебре?

— Проживает. Ну и что из этого?

— Я ее двоюродиый брат.

Женщиа подиялась со старомодиого кресла, красная плюшевая обивка которого местами протерлась уже насквозь. На посетителя оиа двииулась решительно и грозио, как атакующий танк.

— Видала я такнх братьев, у которых в каждом кармаие по бутылке.

— Да что с вами, мамаша! У меия хроиический гастрит и холецистит. Я н наперстка ие смею выпить, а вы — бутылка.

Непоиятные слова сбили тетку с панталыку. Но сдавать позиции оиа ие собиралась.

— Ходят тут всякие, к девкам шьются. Вот как вызову сейчас милицию!

Этим нспытаииым приемом комендантша надеялась обратить противиика в бегство.

Но мужчина даже ие шелохнулся в ответ на ее угрозу.

— Зачем же так сразу милицию? Я взаправду двою-

родный брат Скайдрнте. Вчера приехал нз Айнажей. Привез гостнниы н привет от тети. Вы ие беспокойтесь, я только на мниутку.

Комеидаитша не нашлась, что возразнть, но и уступать ей так легко не хотелось.

— Сперва все овечками прнкидываются... Ладио, на пять мннут... Сорок шестая комиата иа третьем этаже. И чтоб без баловства.

«Вот цербер! — думал Соколовский, поднимаясь по лестнице. — Фельдфебель в юбке, форменный жандарм!»

В просторной светлой комнате стояло четыре койкн. Дома оказалнсь только две девушки. Капитан остаиовился в дверях и вежливо сиял кепку.

— Мие иужна Скайдрнте Бебре.

Курносая девушка в светлых спортнвных брюках и кофточке с удивленнем уставнлась на незнакомого мужчину.

— Это я... Но я вас не знаю.

— Я из библнотеки.

Девушка вспыхнула.

— Вы, наверно, за книгой. Саднтесь, пожалуйста.

— Да, я прншел за книгой. Срок сдачи истек два месяца тому назад.

Скайдрите медлеиио села иа кровать и опустила рукн.

— Что делать? Нет у меня этой «Катапульты». Дала Зеите почнтать, а она больше носу не кажет.

Незиакомец разглядывал коврнк над кроватью.

— Что за Зеита? Подружка? И вы даже не зиаете, где ее разыскать?

— В том-то н беда, что не знаю. Оиа почтн год прожнла тут, как прнехала из деревни. Мы вместе работали иа стройке.

— А потом сбежала, — как бы подсказал мужчииа. — На строительстве работа трудиая. Девочка не выдержала н смоталась иазад к мамаше.

— Да иет же, Зента не белоручка, работы ие бонтся. Просто позиакомнлась с каким-то тнпом. Ннкто из иаших девчоиок ие вндел этого парня, но, говорят, он иамиого старше ее. Наверно, это он н сбнл Зенту с путн.

— Почему вы так думаете?

— Да так. Вдруг работа маляра стала ей неподходящей. Начала нскать почнще и чтобы платили побольше

ше. Наверно, нашла, раз бросила в прошлом месяце работу.

— И из общежития тоже ушла?

— Конечно. Говорила, койку у какой-то старушки сняла. Адрес не оставила и книжку не вернула. А еще считалась подругой. Я даже не знаю, как теперь быть.

— Волноваться не надо, — успокоил девушку гость. — Давайте лучше подумаем, что нам делать с этой бесшабашной Зентой. Как ее фамилия?

— Саукум. Зента Саукум.

Мужчина как-то сдержанно встрепенулся.

— Хорошо, все будет в порядке. Я это дело улажу. А вы, Скайдрите, можете смело ходить в библиотеку. Там работает симпатичная девушка. Будет вам давать хорошие книжки.

Он подал на прощанье руку.

— Благодарю вас, большое спасибо. Обязательно приду.

Открывая дверь, капитан Соколовский чуть не сбил с ног сердитую комендантшу.

— Ведь божился, что на пять минут, — недовольно проворчала она. — С виду вроде порядочный человек, а обманываешь. Все вы теперь, мужчины, такие.

Настроение у Соколовского было отличное, и он добродушно пошутил:

— Не надо сердиться. От этого красота вянет. Вы же весь наш разговор подслушивали. И знаете, что ничего худого я вашей девушке не сделал. Так ведь?

Женщина опешила, а когда пришла в себя, Соколовского уже и след простыл.

На улице он замедлил шаг, сдвинул шляпу на лоб и задумчиво поскреб затылок.

«Ну так. Теперь ясно, кто была эта таинственная квартирантка Алиды Лоренц. Остается только разыскать эту девушку».

Прибавив шагу, Соколовский свернул за угол.

8

Рабочий день в Управлении внутренних дел давно начался, когда капитан Соколовский, входя в служебное помещение, резко распахнул дверь.

— Шеф у себя?

Долговязый старший лейтенант сидел за письменным столом и мирно чистил пистолет.

— Не стоит рисковать. Старик зол как черт. — Он кивнул на дверь кабинета. — Всю ночь просидел в засаде, а «крестник» так и не явился.

— Волков бояться — в лес не ходить! — подмигнул старшему лейтенанту Соколовский и осторожно приоткрыл дверь.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Входите!

Подполковник милиции Крастынь сидел за письменным столом и просматривал оперативные донесения. Начальник отдела уголовного розыска пробегал глазами листок за листком и некоторые места подчеркивал красным карандашом, писал резолюции, делал пометки в настольном календаре.

— Ну-с, давай выкладывай! — с холодком в голосе произнес подполковник, не глядя на Соколовского. Тот молча сделал шаг вперед и положил на стол рапорт.

— Разрешите поехать в командировку!

Начальник отдела оторвал взгляд от бумаг и с интересом посмотрел на капитана.

— Опять в командировку. Это, что ли, по делу Лоренц?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Куда же?

— В Норильск.

Подполковник взял папиросу и закурил. Седую голову окутало почти непрозрачное облако дыма. Когда оно рассеялось, начальник отдела жестом предложил Соколовскому сесть. Усталые глаза рассеянно смотрели куда-то вдаль.

— Доложите о ходе расследования.

— Выяснил в общежитии имя и фамилию девушки, навел справки в нашем адресном столе, — начал Соколовский. — Саукум действительно была некоторое время прописана на улице Лугажу. А куда выбыла — отметки нет.

Подполковник откинулся на спинку кресла. Веки его были плотно прикрыты, и несведущему могло показаться, что он заснул. Однако Соколовский проработал много лет со своим начальником и знал, что тот внимательно слушает. И потому уверенно продолжал:

— Собрал сведения в отделе кадров Рижского стро-

ительного треста, узнал адрес матери. Мария Саукум проживает в совхозе, в Валмиерском районе. Оттуда год назад и приехала Зента в Ригу.

— Вы только нынче утром вернулись из Валмиеры?

— Так точно. Канители было много. Не хотелось пугать мамашу. Применил обходной маневр. Первым делом завел дружбу с почтарем — большой охотник выпить. За бутылкой старикан разговорился. Надо сказать, он в курсе дел всех окрестных жителей. От него я узнал, что Мария Саукум на днях получила письмо из Норильска.

Подполковник сидел неподвижно.

— Он убежден в том, что письмо было именно от дочери, от Зенты?

— Мария Саукум, по его словам, ни с кем переписку не вела. Почтальон хорошо запомнил штамп норильской почты. Он еще сказал, что, когда мать читала письмо, вид у нее был встревоженный.

Начальник отдела встал, подошел к окну, посмотрел на улицу.

— Стало быть, по-вашему, Зенту Саукум надо искать в Норильске?

— Считаю, что надо ехать в Норильск. Пока что это единственная возможность напасть на ее след.

— А если почтальон наболтал?

— Товарищ подполковник, я что, по-вашему, совсем уж лопух? На другое утро пошел на почту. Сортировщица тоже помнит это письмо. Более того, она узнала почерк на конверте. Такие же письма раньше приходили из Риги.

Подполковник по-прежнему стоял у окна.

— Хорошо, капитан, допускаю, в Норильске вы отыщете эту Зенту. А дальше?

— Девушка, несомненно, знает многое. Я уверен. Иначе она не бросила бы работу с такой поспешностью и не скрылась. Этот неожиданный рывок на Крайний Север очень похож на бегство.

Крастынь вернулся к столу. Взял рапорт Соколовского и наложил резолюцию.

— Ладно, поезжайте. Я сейчас свяжусь с Норильском по прямому проводу. Когда вылетаете?

— Сегодня ночью.

— Тогда попутного ветра тебе, Виктор!

Он сердечно пожал Соколовскому руку.

Сотрудники Управления внутренних дел гостеприимно встретили своего коллегу из далекой Риги. Им уже удалось выясить, что Зента Саукум действительно недавно поселилась в Норильске. Работает на горнорудном комбинате, живет в общежитии. Прописана девятнадцатого октября, приблизительно неделю спустя после убийства Лоренц.

— Мне необходимо срочно допросить эту девушку,— уточнил свои намерения Соколовский.

— Можем доставить хоть сейчас, — предложил начальник уголовного розыска и отдал приказание младшему лейтенанту: — Петя, садись в машину и кати в общежитие. Если там не застанешь, давай прямо на комбинат. Ясно?

Не прошло и часа, как лейтенант привел невзрачную худенькую девушку. Остроносое личико с большими темными глазами, с тонкими, как бы в удивлении поднятыми вверх бровями, пухлым ртом обрамлял толстый шерстяной платок, завязаный сзади на шее узлом. Худые ноги, свободно болтавшиеся в непомерно больших валенках, казались от этого еще тоньше...

— Лабвакар, Зента! — поздоровался Соколовский с девушкой по-латышски.

Она вздрогнула.

— Присядь, малышка, — фамильярно продолжал капитан. — Давай поговорим. Я ведь специально приехал из Риги, чтобы спросить у тебя, за что ты укокошила Алиду Лоренц.

Зента вмиг как-то съежилась и опала.

— Я не хотела, не думала... Честное слово, я сама не знаю, как все случилось, а...

Соколовский опешил. Такого поворота дела он не ожидал. Все, что угодно, но не признание в убийстве.

Капитан был убежден, что внезапный отъезд девушки связан с таинственным происшествием на улице Вайрога, что ей многое известно. Он рассчитывал с помощью Зенты напасть на след преступника и потому надеялся, что такое вот неожиданное обвинение сразу развяжет девчонке язык. Это был испытанный и нехитрый психологический прием. Нередко человек, став очевидцем тяжкого преступления, в первую очередь пробует скрыться. Замыкается в себе и, трясясь от страха, выжидает развязки. Когда же нагрянет опасность, то срабатывает инстинкт самосохранения. Спасая свою

шкуру, он в отчаянии выдает участников преступления, не щадя даже самых близких людей. Соколовский только на это и рассчитывал. Ему и в голову не приходило, что эта девочка сама могла убить Алиду Лоренц.

Капитан быстро взял себя в руки.

— Рассказывайте все по порядку. Во-первых, кто вам предложил снять койку у Лоренц?

— Никто. Я сама.

— А может, все-таки ваш друг или знакомый?

— Нет у меня друга.

— Это неправда. Вы сами рассказывали девушкам о своем парне.

— Рассказывала, — созналась после паузы Зента. — Потому что они все время дразнили меня старой девой. Я и придумала, будто у меня тоже есть друг, лишь бы они отвязались. Хоть верьте, хоть не верьте, но ни одна из наших девчонок его ни разу не видала.

— Верно. Чего не было, того не было, — согласился Соколовский. — А как вы познакомились с Алидой Лоренц?

— Совсем случайно, у доски объявлений. Плохо мне было в общежитии. К девчонкам приходили знакомые ребята. Иногда гулянки устраивали... Я училась в вечерней школе и не могла готовить уроки при таком шуме.

— Но первым делом вы ведь бросили работу.

— Так получилось. Не по силам была мне эта работа. Подвернулась возможность поступить ученицей в шляпную мастерскую. Специальность подходящая, и зарабатывать можно прилично.

Ответы Зенты звучали правдиво.

— Что же было дальше? Стали враждовать с хозяйкой квартиры?

— Никакой вражды не было. Это вышло нечаянно.

— Нечаянно убили человека?

— Лоренц была жутко вредной старухой. Никогда ей было не угодить. За койку драла большие деньги и еще придиралась на каждом шагу. Я терпела сколько могла, старалась ей не перечить. Боялась остаться на улице.

Зента поджала губы.

— Расскажите про тот вечер.

— Я в тот день пришла домой очень усталая. С ног прямо падала. Да еще схватила двойку за контрольную

по математике. И так было тошно, а хозяйка принялась мне мораль читать. Я не выдержала...

— И взялись за топор.

— Нет, я стала на нее кричать. Первый раз в жизни выругалась и велела ей заткнуться. И еще пригрозила, что, если не замолчит, хвачу ее чем-нибудь.

— А она? Показала на дверь?

— Стояла посреди комнаты и трясла кулаками. Обзывала меня всякими словами, грозилась на работу пожаловаться. А потом... Сама не знаю, как у меня в руках оказался кирпич. Я не хотела ее ударить, честное слово, — понурилась Зента. — Ей-богу, не хотела. Сама не понимаю...

На капитана смотрели влажные, до смерти перепуганные глаза.

— И потом выбросили кирпич в окно?

— Нет, за шкаф кинула.

— А почему окно осталось открыто?

— Не знаю, уже не помню. Может, окно было открыто, не заметила. Только я его не открывала. Лоренц никогда не давала открывать окно, не позволяла проветривать комнату.

— Что же было потом?

— Со страху накидала на хозяйку сверху одеяла и подушки, взяла свой чемоданчик и бросилась бежать.

— Перед тем как уйти, в шкафу или в комоде что-нибудь искали?

— Да, свою одежду забрала.

— Но из шкафа исчезли кое-какие вещи Лоренц?

— Да что вы! К чужому я никогда даже не прикасалась!

— Впопыхах дверь, наверно, не заперли.

— Н-нет, не может быть, — подумав, возразила Зента. — Нет, нет, заперла. Я это хорошо помню. Потом всю ночь проходила по улицам. Как помешанная была. Несколько раз хотела пойти в милицию, но не осмелилась. На другое утро взяла расчет и уехала в Москву. Оттуда полетела в Норильск. Старалась уехать как можно дальше.

Наступило гнетущее молчание. На чистом бланке протокола капитан Соколовский задумчиво рисовал чертиков. Одного, другого, третьего... Словно проверяя себя, он мысленно сопоставлял факты. Картина убийства, столь отчетливо нарисованная Зентой Саукум, соответ-

ствовала тому, что он видел своими глазами в квартире Алиды Лоренц. Сваленные на труп одеяла и подушки, кирпич за шкафом, раскрытый комод, запертая дверь комнаты...

Однако капитан не испытывал профессионального удовлетворения, всегда сопровождающего раскрытие тяжелого преступления. Напротив, он ощущал разочарование. Вместо матерого бандита перед ним стояла худышка с большими детскими глазами. Что поделать, бывает в жизни и такое...

— Отправитесь со мной в Ригу, — объявил о своем решении капитан. — Или будем оформлять арест официально?

Зента поняла.

— Не сбегу. Все равно разыщете.

— Ладно, тогда поехали в общежитие за вещами.

9

Зал суда был набит до отказа. У самых дверей даже нельзя было различить лица людей — они сливались в одну сплошную гудящую массу.

Сегодняшнее заседание обещало быть интересным. Свидетели уже были допрошены, эксперты подтвердили свои заключения, подсудимая призналась в содеянном преступлении. Публика с нетерпением ожидала обвинительной речи прокурора.

На последних скамьях студенты с юридического сдвинули головы вместе. Девушка с русыми косичками торопливо листает «Уголовный кодекс».

— Пожалуй, точнее будет квалифицировать как особо жестокое убийство.

Худой и длинный юнец полностью с ней согласен:

— Конечно, Миллия. Зверское убийство, жесточайшее. Кирпич-то ведь был такой жесткий!

— Эх вы, лопухи, наверняка это будет убийство в состоянии сильного душевного волнения, — включается в разговор брюнетка в очках.

— А может, убийство при самозащите или по неосторожности, — робко высказывает свое предположение еще кто-то.

Адвокат Робежниек явно скучает. Он больше не

смотрит на публику, а, поджав губы, что-то рисует в своем блокноте.

Через полузакрытые двери народ помаленьку протискивался в зал и толпился в проходах.

Разговоры внезапно смолкли. В зале суда мгновенно воцарилась напряженная тишина. Все взгляды обратились на боковую дверь. На пороге возник дюжий широколицый милиционер. За ним семенила щупленькая девушка. Рядом со своим стражем Зента Саукум выглядела и вовсе ребенком. Жиденькая челка прикрывала и без того невысокий лобик. На худом личике была написана покорность неотвратимой и жестокой судьбе.

Девушка послушно прошла к отгороженной барьером скамье подсудимых. Мгновенно поколебавшись, опустилась на нее. Сидела одинокая и поникшая.

Затуманенный взгляд Зенты бесцельно блуждал по коричневым стенам, по ребристым сводам потолка, покуда не застыл на тяжелой дубовой люстре с лампами в виде свечей. Казалось, девушка лишь сейчас окончательно поняла, где находится.

Темная туча заслонила солнце, и в зале стало сумрачно, но ненадолго — спокойный, ровный свет вскоре опять залил переполненное помещение.

Прокурор бросил на подсудимую короткий взгляд, который задержался на миг на ее лице и соскользнул в сторону. На лбу государственного обвинителя собрались глубокие складки.

Дзенис медленно встал и заговорил спокойно, как бы размышляя вслух. Его голос постепенно становился громче, каждое слово падало камнем в тревожную тишину.

— Мы заслушали показания свидетелей, заключения экспертов. Признание подсудимой Саукум, казалось бы, объективно совпадает с другими обстоятельствами дела. Однако если углубиться в его сущность, то возникает ряд вопросов, на которые следствие не дало ответа. Зента Саукум точно описала место происшествия. Не подлежит сомнению то, что она там была. Очень вероятно, что она является соучастницей преступления. Однако нет бесспорного доказательства того, что убийство совершила она. Подсудимая призналась. Но ведь всякому юристу известно, что признание не является

доказательством вины, если оно не находит иных убедительных подтверждений.

Голос прокурора звучал сурово и с оттенком горечи.

— Обвинение зиждется в основном на показаниях самой Зенты Саукум, — продолжал Дзенис. — Но они идут вразрез с неоспоримыми фактами, а стало быть, вызывают сомнение. Обвиняемая утверждает, что нанесла Лоренц удар кирпичом посреди комнаты. Однако пятна на стене говорят о другом: Лоренц убита в постели. Когда опергруппа прибыла на место происшествия, окно в комнате не было заперто на задвижку. Если же верить Саукум, то ни она, ни Лоренц его никогда не раскрывали. В довершение всего исчезла наиболее ценная одежда убитой. Обвиняемая утверждает, что вещи она не трогала. Ложь? Не исключено. В таком случае каким же ее показаниям можно верить?

Дзенис на мгновение умолк, и в жаркой тишине зала был слышен лишь скрип пера судьи. Люди словно боялись пошевелиться. Обе старушки возле окна так и застыли с раскрытыми ртами. Притихла даже неукротимая студенческая «камчатка». Ребята с любопытством вытянули шеи, предчувствуя неожиданный поворот в ходе судебного процесса. Однако обвиняемая, кажется, не отдавала себе до конца отчета в том, что происходит вокруг.

— Цепь доказательств не замкнута, — продолжал Дзенис. — Отсутствует ряд важных звеньев. Ввиду этого я не имею права назвать Зенту Саукум убийцей. Не исключено, что за ней стоит один или даже несколько преступников, которые завтра будут угрожать жизни других людей. Не исключено также, что обвиняемая боится назвать их имена.

По рядам пробежал ропот удивления. Дзенис невольно повысил голос.

— Товарищи судьи, мой долг исчерпать истину до последней капли. Посему прошу передать материалы дела на доследование в прокуратуру.

Дзенис сел. Вид у него был усталый.

Зента Саукум подняла влажные, полные отчаяния глаза на прокурора. Она дышала тяжело, будто взвалила на себя непосильный груз. Потом сгорбилась и уронила голову на грудь.

ГЛАВА 2

1

В этом году весна в Риге финишировала бурно: еще не кончился май, а город утопал в цветущей сирени.

По тенистым дорожкам бульвара у древней Бастионной горки носилась ватага школьников. Побросав на скамейки свои пальтишки и ранцы, детвора шумно «штурмовала высоту».

Под Большими часами прохаживались молодые люди, нетерпеливо на них поглядывавшие. Рядом, на мосту через канал — пестрая группа экскурсантов. Гости как зачарованные не могли оторвать взор от лебедей. А тем хоть бы что — плывут себе, горделиво выгнув шеи, наслаждаются солнышком и свободой.

Однако настроение у помощника прокурора Роберта Дзениса в тот день было отнюдь не весенним. Подхваченный людской толпой, он медленно шел по улице, немного нескладный в своем мешковатом костюме. Зигрида позвонила и сказала, что задерживается в редакции — дописывает статью в завтрашний номер. Надо теперь самому тащиться в детский сад за Марите, по пути купить хлеба и молока. Надо бы и в школу заглянуть, поговорить с классным руководителем Ольгерта. Мальчишка в последнее время совсем от рук отбился. В дневнике одни тройки.

И тут еще дело Зенты Саукум. Мысли непрестанно возвращаются к нему. Суд не согласился с его выводом и дал девчонке семь лет.

Дзенис был настолько погружен в размышления, что не обратил внимания на темно-красный «Москвич», остановившийся у края тротуара. Смуглый мужчина в модной замшевой куртке с вязаными рукавами и воротником приоткрыл дверцу машины.

— Маэстро, карета подана. Разрешите вас подвезти.

Дзенис не питал особой симпатии к адвокату Робежниеку. И тем не менее решил воспользоваться его любезностью.

— Странная вещь, товарищ прокурор, — в глазах Робежниека блеснула искорка иронии. — Ведь сегодня утром мы с вами фактически поменялись ролями. Даже я, защитник Саукум, не усмотрел ни малейшей воз-

можности отрицать ее виновность. А государственный обвинитель еще бы чуть — и добился оправдания подсудимой.

— Разве это было бы так плохо? — спокойно парировал Дзенис.

— Вы, я вижу, философ.

— Ничуть. Я отнюдь не пытался добиться оправдательного приговора, а лишь дополнительного расследования. По-моему, это далеко не одно и то же.

В следующий миг Дзенис едва не вышиб лбом ветровое стекло. Перед самым радиатором машины промелькнуло юное существо, чей пол по внешнему виду определить было нельзя. Оно, по-видимому, намеревалось ошеломить публику удалью и проскочить под самым носом «Москвича». И чуть не угодило под колеса. Робежниек едва успел затормозить.

— Скотина! — в сердцах выругался адвокат. Затем обратился к Дзенису: — Вы, маэстро, всегда были правдоборцем. Но где она, ваша правда? Допусти шофер малейшую оплошность, и автоинспектор тут же лишает его водительских прав или пробивает дырку в талоне. Зато любой разиня пешеход может вытворять на улице все что угодно.

Дзенис поглядел, как потомок Тарзана поспешно ретируется с места чуть было не состоявшегося происшествия.

— Если бы вы догнали этого малого и вздули, я на минутку позабыл бы о том, что работаю в прокуратуре.

Робежниек покосился на своего пассажира.

— А вы не такой тихоня, каким кажетесь. Поэтому, наверно, вас так и заело дело Зенты Саукум.

— Я ей не верю.

— Вот оно что! Прокурор не верит чистосердечному признанию обвиняемого. Оригинальный подход!

— А вы сами разве полностью исключаете мысль, что не Зента, а кто-то другой...

—...отправил старуху на тот свет? Ну и что? Один лезет зимой купаться в проруби...

— Другой кидается с пятого этажа от несчастной любви, — с мрачной иронией подхватил Дзенис.

— Вот именно. А этой девчонке захотелось посидеть за шведскими гардинами. Ну и пусть сидит себе на здоровье. Не знал, что так печетесь о спасении душ заблудших овечек.

— Нет, нет, я не намерен вторгаться в сферу вашей деятельиости.

— Что вы хотите этим сказать? Уж не то ли, что адвокат Робежниек перед лицом суда иоровит отмыть добела черного кобеля?

— Не перед судом, а перед публикой. Ведь это вам выгодио: растет клиентура, а с ней и доходы.

Не отрывая взгляда от дороги, Робежниек ловко закурил сигарету и ухмыльнулся.

— Что поделаешь? Сэ ля ви, как говорят французы. Такова жизнь.

— Н-да, как видио, у иас с вами взгляды на нее весьма различаются.

Адвокат вздохнул с деланиой досадой.

— В этом-то и вся беда, дорогой коллега. Разумеется, ваша беда. Жизнь отпущена человеку единожды, и желательио прожить ее с комфортом. Разве я не прав?

— Признаться, я об этом не задумывался.

— Чепуха! О хорошей жизни мечтают даже распоследние дураки. Только не каждому по уму устроить ее для себя. Иной уже в двадцать лет норовит просунуть глупую башку в хомут супружества и весь век влачит семейную колымагу. А то и похуже — разводы, матери-одиночки, брошенные дети, папаши-алиментщики... Бр-р-р!

— Вы убежденный холостяк?

— Упаси боже! Я за семью. Только в разумной дозировке. — Робежниек проводил долгим взглядом девушку в ярко-красном брючном костюме, прогуливавшуюся по аллее. — Придет время, и я брошу якорь в тихой гавани супружества. Не хочу одинокой старости. А пока что стараюсь жить полноценной жизнью. Скажите, Дзенис, вы когда-нибудь проводили отпуск в Сочи или в Ялте?

— Нет. Летом мы, как правило, отдыхаем в палаточном городке на Гауе.

— Это прекрасно. Но, дорогой мой, неужели так вам никогда и не хотелось отведать плодов цивилизации двадцатого века?

— В каком смысле? — не без ехидства улыбнулся Дзенис. — Для меня, например, самая большая радость — это провести свободное время с женой и детьми.

Робежниек усмехнулся, но промолчал.

Машина катилась под сенью вековых деревьев бульвара Падомью. На обширных газонах садовники высаживали цветочную рассаду.

— Сколько вам лет, Ивар? — неожиданно спросил Дзенис. — Тридцать или даже того меньше?

— Давайте, давайте, Дзенис, продолжайте. Обожаю лекции о моральном облике молодежи...

— Я имел в виду другое, — перебил его Дзенис. — Вы помните дело Скалберга? Сколько энергии вы в него вложили, сколько бессонных ночей оно вам стоило! Мне тогда понравился молодой и способный адвокат Робежиниек, с таким азартом исполнявший свой долг юриста и гражданина. Вы доказали невиновность Скалберга и предотвратили чудовищную судебную ошибку. Какие чувства вы испытывали после заседания суда, когда его освободили из заключения?

Робежниек усмехнулся и стал притормаживать — впереди, на перекрестке у драматического театра, зеленый огонек светофора помигал и сменился желтым.

— Вас интересуют мои тогдашние чувства? Наивный вопрос. Почувствовал приятный хруст банкнотов в кармане.

— Ну знаете ли! — возмутился не на шутку Дзенис. — Не притворяйтесь худшим, чем вы есть на самом деле.

— По-моему, лучше уж так, чем наоборот. Или вам больше по душе негодяи, прикидывающиеся святошами?

Помощник прокурора хмуро смотрел вперед и на провокационный вопрос ответил не сразу.

— Знаете, Ивар, очевидно, вы избрали для себя верный путь в жизни. Вы прирожденный адвокат.

— Благодарю за комплимент.

— Серьезно. Вы одаренный человек. Зато из вас никогда не вышел бы следователь или оперативный работник.

Робежниек сдвинул к переносице брови и спросил неожиданно серьезно:

— Вы убеждены в этом?

— Абсолютно. Разыскать нужных свидетелей, нащупать слабые места в обвинении, а потом эффектно преподнести суду свои выводы, заодно блеснуть остроумием перед большой аудиторией — все это вам удается без труда. А вот изо дня в день по крохам собирать

доказательства, разрабатывать и проверять версию за версней — это уж вам ие по плечу. У вас ие хватило бы ни иастойчнвости, ни терпеиия, ии...

Дзеиис осекся.

— Стоп! Вот я и приехал. Мие иадо забежать за дочкой в детсад. Спасибо, Ивар.

Робежниек резко затормознл. На его лнце была ие свойствеииая ему серьезиость.

— Как говорится, зуб за зуб. Я тоже буду откровеиен. — Робежииек достал сигарету, закурил и выключил двигатель. — Я ваш характер знаю, Дзеиис. Чего бы вам ии стоило, вы добьетесь доследоваиия по делу Саукум. А раз так, то виикиите получше в заключеиие экспертнзы. Похоже, вы оставили без виимания иемаловажное обстоятельство: смертельиые удары были иаиесеиы Лореиц по правому виску. Уж ие был ли убийца левшой? Зеита Саукум ие левша. Я это проверил.

Помощник прокурора открыл было дверцу машииы, ио снова захлопиул.

— Чувствую, что становлюсь вашим должииком. Не поннмаю только, почему в суде...

В Робежииеке вновь заговорил давешиий цииик.

— Угождал своим клиеитам. Саукум очеиь желала, чтобы ей выиеслн обвнннительиый приговор. Вы разве этого ие заметилн?

— Отказываюсь вас поимать, Робежииек.

Дзеиис вышел из машины.

— Вы многого ие поинмаете, уважаемый коллега. И не замечаете. Вы обратили виимаиие иа свидетеля Майгу Страуткалн? На редкость привлекательиая женщина, должеи вам сказать...

И, помахав Дзеиису рукой, Робежииек резко дал газ. Машииа иабрала скорость и скрылась за углом.

2

В тот вечер Роберту Дзеинсу долго не удавалось заснуть. Тихоиько, не зажигая света, чтобы ие разбудить Зигриду, он выскользнул в коридор. Загляиул в смежиую комнату. Марите сладко посапывала в обиимку со своим любимым медвежоиком. Ольгерт беспокойио метался во сие и что-то бормотал. Роберт укрыл сыиишку, вышел иа балкои.

Легкий ветерок овевал лицо, шею, забирался под пижаму и приятно ласкал тело.

Дзенис задумчиво смотрел на темное небо и вспоминал другую майскую ночь, увы, давно минувшую. Студенту Роберту Дзенису тогда тоже не спалось. В точности, как сегодня, он стоял в общежитии у распахнутого окна, и в голове беспорядочно роились мысли.

Накануне профессор сказал на лекции, что стать юристом, как и врачом, имеет право лишь тот, кто любит людей, верит им. Вечером в общежитии по этому поводу развернулись ожесточенные дебаты.

— Старик, безусловно, прав, — держал речь кудрявый Марек, величайший философ на их курсе. — В каждом человеке, и даже в распоследнем преступнике, где-то в глубинах его натуры тлеет искорка добра. Иной раз бывает трудно разглядеть этот крохотный огонек. Долг юриста его разжечь, заставить гореть ярким пламенем и вернуть человека обществу.

— Как это прикажешь понимать? — возмутилась Мария, щупленькая блондиночка. — Мы, значит, должны стать этакими всепрощающими христианскими пастырями? Ты укокошишь человека, а я тебя поглажу по головке и легонько пожурю: «Ай, ай, ай, мальчик, как ты нехорошо поступил, так делать нельзя». А на другой день ты преспокойно свернешь шею еще кому-нибудь. Ложно понимаемый гуманизм! Преступников необходимо строго карать без всякого снисхождения и жалости.

— При чем тут жалость? Никто не проповедует жалость! — возразил Марек. — У нас есть милиция, суд, прокуратура, по всей строгости взыскивающие с преступников и нарушителей законности. В этом и проявляется истинный гуманизм.

— Ага! — потирала руки Мария. — Теперь сам же себе и противоречишь!

— Никакого противоречия в этом нет.

В спор вмешался Роберт. Он редко принимал участие в словесных баталиях. Но если случалось высказаться, то каждое его слово било в цель. Авторитет Дзениса среди однокурсников был непререкаем.

— Карать и воспитывать. И никакого противоречия в этом нет, — веско заметил Роберт. — Кара — один из методов воспитания. Одному надо помочь стать на путь истинный. Другому достаточно небольшого нака-

зания. Но есть и закоренелые правонарушители, которые берутся за ум лишь тогда, когда их надолго изолируют от общества.

— Выходит, для каждого нужно издавать отдельный закон? — не уступала своих позиций Мария.

— Зачем же? — продолжал Роберт. — Закон для всех один. Но применять его надо с умом.

— А где взять такой дозиметр, чтобы определить, по какой мерке отмерять в том или ином случае? — задиристо спросила Айя, бойкая толстушка со второго курса.

— Вот тут-то собака и зарыта, кисонька. Не всякому это по плечу, — иронизировал Марек. — На плечах надобно иметь головку, а вот тут, в грудной клетушке, чуткую душу, — ехидно добавил он и приложил руку к сердцу. — А теперь, философы, послушайте.

С этими словами Марек взял с полки небольшую книжицу.

— Клапье де Лука Вовенарг, французский писатель, восемнадцатый век. — Он открыл на нужной странице и стал читать вслух: — «Разум и чувство помогают друг другу и дополняют друг друга. Тот, кто следует советам одного из них, отказываясь от другого, нерасчетливо лишает себя той помощи, которая дана нам для нашего руководительства».

Эти отдающие архаикой, но мудрые слова на всю жизнь запали в сердце Роберта.

С помощью холодного рассудка юрист воспринимает факты, анализирует показания, оценивает преступление с точки зрения его опасности для общества. Но вот он с глазу на глаз встречается с обвиняемым, наблюдает его, изучает характер, образ мыслей, отношение к содеянному, выясняет психологические мотивы, побудившие человека к преступным действиям. И тут к рассудку присоединяется чутье — личные эмоции и впечатления юриста, его внутренняя убежденность. Вот теперь он имеет право принять решение, как действовать дальше. Если следователь, прокурор, судья обладают способностью разумно сочетать рассудок с интуицией, то их решения, несомненно, будут точны и справедливы.

Эмоциональное восприятие юриста зачастую входит в противоречие с обстоятельствами уголовного дела. В таком случае нельзя спешить с выводами. Необходимо все тщательно взвесить, обдумать. И уж если ты

пришел к определенному заключению и убежден в его точности — не бойся принять на себя ответственность, действуй смело и безоговорочно, без трусливой оглядки.

...Блуждая в прошлом по закоулкам памяти, Роберт Дзенис даже не заметил, как над темной стеной дома напротив заблестел краешек луны. Край довольно быстро округлялся, покуда серебристый диск не оторвался от крыши и не выплыл в открытое небесное море.

Темные деревья на тротуаре отбрасывали призрачные тени на пустынную мостовую. На черной листве мерцала бледная лунная дорожка. Она тянулась все дальше, до тех пор, пока не уперлась в кустарник на сквере у перекрестка.

«Светлая тропинка, — подумалось Роберту. — Как трудно бывает иной раз отыскать ее в жизни! Вот и в деле Зенты Саукум столько еще неясного, еще так много темных мест, которые надо высветить».

В ходе следствия девушка многие свои показания повторяла слово в слово как зазубренный урок. Именно эта точность не устраивала Дзениса. Очень редки случаи, когда люди вспоминают происшествие во всех подробностях.

Дзенис помнил, как выглядела Зента Саукум на суде: смирная, даже флегматичная, с замедленной реакцией. Такой человек вряд ли способен потерять самообладание и убить другого в ссоре из-за пустяка.

С какой готовностью рассказывала она все до мельчайших подробностей, словно опасалась, что ей не поверят. Обвиняемые так поступают лишь в одном из трех случаев: когда стараются угодить следователю или судье в надежде на смягчение наказания, с намерением скрыть другое, более тяжкое преступление или же если хотят выгородить истинного виновника.

От внимания Дзениса не ускользнула тревога Саукум, когда он потребовал дополнительного следствия. Когда же суд огласил приговор, который, казалось бы, должен привести ее в смятение, Саукум странно успокоилась. Несомненно, она что-то скрывает. Но что? Неужели это так и останется тайной?

Роберт Дзенис по-прежнему стоял на балконе. Небо на востоке затянулось облаками. Одна за другой гасли сонные звезды. Ночной холодок пробирал все глубже.

«Утро вечера мудренее», — решил Роберт и пошел спать.

3

Ивар Робежниек просунул голову в окошко регистратуры.

— Дайте, пожалуйста, номерок к врачу Страуткалн.

— Карточка есть? — не поднимая взгляда, спросила девушка.

— Извольте.

Робежниек подал свою визитную карточку.

— Вы что дурака валяете, гражданин! Я спрашиваю, есть ли у вас амбулаторная карточка! Бывали у нас или вы первичный больной?

Адвокат развел руками.

— К сожалению, нет. Если бы знал, что тут такие симпатичные девушки...

— Паспорт! — коротко потребовали у него.

— Очень жаль, но не захватил с собой. Могу предложить только служебное удостоверение.

Девушка была неумолима.

— Мне нужен паспорт. Может, вы не из нашего района.

— Из вашего, дорогая, — адвокат что-то прикинул в уме. — Улица Бикерниеку, шестнадцать. Это ведь ваш район?

— Ничего не знаю. Без паспорта не имею права заводить на вас карту.

— У меня высокая температура. Бросает то в жар, то в холод. Необходима срочная медпомощь. Не верите? Дайте градусник.

Регистраторша смягчилась.

— Ладно уж. Как для тяжелобольного сделаю исключение. А в следующий раз обязательно берите с собой паспорт. Держите номерок. Семнадцатый.

В коридоре перед кабинетом врача толпились люди. Робежниек вышел на лестницу покурить. Когда вернулся, его очередь уже прошла. У врача побывал уже двадцатый и даже двадцать пятый номер. Адвокат терпеливо ждал. Время тянулось медленно, как больная черепаха.

Наконец, из кабинета вышел последний посетитель. В двери появилась медсестра.

— Есть еще кто на прием?

Робежниек подал свой номерок.

— Я немного опоздал и потому ждал, когда пройдут все.

— Входите, пожалуйста.

В белом халате Майга Страуткалн показалась Робежнику еще привлекательнее, чем на суде. Она сидела за столиком. Халат снизу был слегка приоткрыт, юбка подтянулась кверху.

Перехватив нескромный взгляд пациента, Страуткалн запахнула полы халата.

— Садитесь. На что жалуетесь?

— Сердце болит, — вздохнул адвокат.

— Боль щемящая или колющая?

— Нечто среднее.

Врач с подозрением посмотрела на больного. Измерила пульс, кровяное давление, выслушала сердце и легкие.

— Изжога есть?

— Да, очень сильная.

— Головокружение бывает?

— Бывает и головокружение.

— И боль в пояснице?

— Почти ежедневно.

Врач с трудом сдерживала смех.

— Скверно, — заключила она. — Придется немедленно положить вас в больницу. Необходимо клиническое исследование. Анализ крови из вены, рентгеноскопия кишечника, анализ желудочного сока и желчи...

Робежниек поежился.

— Доктор, но у меня болит ведь только сердце. Неужели его теперь лечат методами средневековых пыток?

— Извините, но мне уж видней, что делать, — сухо сказала врач.

— Но, быть может, все это можно в амбулаторном порядке, под вашим надзором? Хотелось бы...

— Ни под каким видом, — в том же непреклонном тоне возразила врач. — Только в больнице, в условиях стационара. Сейчас позвоню, чтобы подготовили место.

Страуткалн взялась за телефонную трубку.

— Одну минутку! — задержал ее руку Робежниек.— По-моему, мне уже лучше.

Глаза Майги Страуткалн лукаво заискрились.

— Вот видите. А ведь многие больные не верят в психотерапию.

— Я же сказал, что хочу лечиться только у вас.

— Пришли к этому решению еще тогда, в зале суда?
Робежниек рассмеялся.
— Стало быть, узнали?
— Как только появились на пороге. У меня хорошая зрительная память. А минутой позже я убедилась в вашем незаурядном здоровье.
— Выходит, разыграли меня?
— Да нет, отчего же. Просто теперь мы квиты.
Робежниек был восхищен.
— Вы изумительны!
— И вы пришли только ради этого сообщения?
Адвокат встал.
— Вопрос по существу. Кабинет врача неподходящее место для частных бесед. Прием ведь уже окончен. У входа стоит моя машина. Разрешите...
— С работы я предпочитаю ходить пешком. Прогулка на свежем воздухе — надежная защита от микробов и инфекций.
— С удовольствием составил бы компанию, если не возражаете. Только сомневаюсь, что хождение по пыльным улицам отвечает требованиям гигиены. У меня другое предложение. Поедемте на взморье. Вы когда-нибудь гуляли по пляжу в мае месяце?
Страуткали сняла халат.
— Соблазнительное предложение. Только...
Она взглянула на часы. Затем неожиданно решилась.
— Хорошо! Только с одним условием. В семь я должна быть дома.
Робежниек поклонился.
— Ваше желание будет исполнено. Как говорили раньше: ваша воля для меня закон.
Взморское шоссе, летом обычно переполненное машинами, теперь было пустынным и манящим. Робежниек смело прибавил газу. Стрелка спидометра поползла вверх. Майга опустила боковое стекло.
— Люблю такую скорость. Мой муж не ездит быстрей шестидесяти.
— Последовательный человек. Простите, а он ревнив? — поинтересовался адвокат. — Может быть, мне предстоит дуэль?
— Чепуха, мой муж не так уж глуп, к тому же у него нет никакого повода для ревности.
Позади остался мост через Лиелупе. Дорога пошла сосновым лесом. Вскоре за деревьями замелькали дачки.

У концертиого зала в Дзинтари Робежииек остановился и помог своей спутиице выйти из машины.

К пляжу вела асфальтовая дорожка. Порыв ветра метиул в лицо влажный привет моря, пошуршал в кустарнике и затих среди сосен. Солнечные лучи, расшибаясь о сииие волны, рассыпали ослепительные искры, и глаза приходилось все время щурить или прикрывать ладонью.

Вокруг ие было ии души, если не считать одной парочки в отдалении. Парень, защищая девушку от ветра, прикрыл ее своим плащом и крепко обнимал.

Море шумело и звало. Синие с прозеленью волны, облитые молочио-белой пеной, иабегали на песок, но, передумав, медленно возвращались в море. Чайки с вызывающими криками пролетали низко над водой и терялись среди белых гребешков.

— Как тут хорошо, когда нет людей, — сказала Майга. — Трудио себе представить, что через месяц тут будет толчея, как иа рынке. Такое взморье я не люблю.

— Вы индивидуалистка, — засмеялся Робежниек. — Избегаете людей.

— Ничего подобиого. Людей я люблю. Но иногда они меня утомляют, и тогда хочется побыть одной.

Под ногами похрустывали мелкие белые ракушки.

— Давайте будем откровеииы, — после паузы, как-то особенно неожиданно сказала Страуткалн. — Скажите, каким ветром вас сегодня заиесло в поликлинику? И для чего привезли меия сюда?

— А вы сомиеваетесь в силе своих чар? Как увидел вас в зале суда...

Страуткали резко его прервала:

— Не надо. Терпеть не могу тривиальностей. Я не девочка, да и вы достаточно практичный человек, чтобы тратить время попусту.

Робежниек молчал. Он что-то обдумывал, потом сказал:

— Мне было необходимо вас встретить.

— Как адвокату по делу об убийстве Лоренц?

Робежниек уклонился от прямого ответа на вопрос.

— Скажите, вы никогда не мечтали стать актрисой? — начал он издалека.

— Конечно, мечтала, как все девчонки. В школе даже играла в художественной самодеятельности. И, говорят, неплохо получалось.

— А что вы скажете, если я сейчас предложу вам роль?

— Интересно. Какую же?

— Весьма таинственную...

Ветер постепенно крепчал. Над морем летели рыжевато-серые, рваные облака.

Со стороны врач и адвокат походили на влюбленную пару, которой нипочем любая буря. Над их головами кружили любопытные чайки, словно хотели подслушать, о чем так оживленно разговаривают эти два человека.

Внезапно адвокат посмотрел на часы.

— Половина седьмого. Пора ехать! Обещал доставить вас в срок.

И вскоре красный «Москвич» снова демонстрировал, на что способен его мотор.

4

Электричка остановилась в Саулкрастах.

Стояло погожее воскресное утро. Из переполненных вагонов высыпались сотни пассажиров, слились в бурливый людской ручей и утекли в сторону пляжа. Лишь десятка два человек отделились от общей массы и направились в противоположном направлении, в лес, начинавшийся сразу за железной дорогой.

Дорожка вилась через сосновый бор, огибала болотце и взбегала на пологий холм.

Дзенис шел краем оврага мимо недавно заложенных садов и недостроенных дач. На своих участках суетились работящие человечки. Краснощекий здоровяк в шелковой майке быстро, как в мультфильме, орудовал лопатой. Он копал с такой потешной быстротой, точно боялся, что у него вырвут лопату из рук. Сухой песок сыпался с краев ямы будто в песочных часах.

Немного подальше долговязый субъект, в очках и с бородкой, вытянувшись ничком на крыше сарайчика-времянки, приколачивал толевую обшивку. Он энергично лупил молотком перед самым своим носом, через несколько ударов ощупывал головку вбитого гвоздя и, кажется, что-то приговаривал.

Тоненькая невысокая женщина с модной прической, стиснув зубы, толкала перед собой навстречу Дзенису

тачку торфа — удобренне для сада. «В поте лица своего...» — вспомнилось Дзенису.

В самой середине участка, над кособокими, кое-как сколоченнымн временными постройками гордо возвышалась готовая дача с пологой крышей. К ней подъехал грузовнк. Бригада рабочих выгружала шпунтованные доски для пола н складывала в аккуратный штабель. Энергичный человек суетливо бегал и командовал:

— Давай, давай, ребяткн, поднажмем! Сегодня еще в одном месте успеем подкалымить.

Дзенис подошел ближе.

— Вы не скажете, где тут живет Озоллапа? — спроснл он.

— Не знаю, не знаю, — отмахнулся тот.

К счастью, подошел хозяин соседнего дома, мускулнстый человек с большимн рукамн. Он охотно объяснил Дзенису:

— В нашем кооперативе два Озоллапы. Один строится вон там, вндите, желтая конура? А другой подальше, у самого леса.

В конце концов Дзенис разыскал того, который был ему нужен. Возле небольшой хибарки, сколоченной из горбыля, плечистый мужчина приделывал к лопате новый черенок. Рыжеватые волосы былн подстрижены ежнком. Безукорнзненные складкн на серых рабочих брюках н аккуратно закатанные рукава говорили о том, что этот человек в любых обстоятельствах не забывает о своей внешностн.

Он неожиданно поднял взгляд и увидел Дзениса.

— Роберт! — он повернулся к хибаре. — Гайда, ндн поглядн, кто к нам пожаловал!

В дверях появилась полная шатенка.

— Ба, сам Роберт Дзенис! — радушно восклнкнула хозяйка.

Хозяин двинулся навстречу гостю.

— Молодец, что решил посетить мой внгвам. А где же Зигрнда?

— Вчера улетела в Лиепаю. Охотится за каким-то знаменитым рыбаком. Хочет написать о нем очерк.

— Дернул тебя черт жениться на журналнстке! — пошутил Озоллапа, но в его голосе послышалась также н серьезная нотка. — Неугомонные, на неделе у них семь пятнц. Вечно чего-то ищут, куда-то летят, разъезжают, торопятся. Что я тебе тогда говорнл?

— Верно, говорил! Ну, знаешь, я и сейчас не жалею.

— Так я тебе и поверил! Небось другой раз и полы самому мыть достается, и еду детям готовить.

— Все бывает. Но ведь они так же мои дети, как и Зигриды.

— Н-да, братец, здорово ты прогрессировал!

Подошла Гайда.

— Опять спорите? Отдохнули бы лучше, в шахматы поиграли, пока я обед сготовлю.

Утренняя дымка в небе помаленьку рассеивалась. Полуденное солнце ласково выглядывало из-за облаков.

Лаймон взял гостя под руку.

— Пошли, покажу тебе все здешние прелести.

5

Густой подлесок заглушал визг пил, стук топоров и молотков. Ноги мягко ступали по серебристому мху, и это вселяло чувство покоя и умиротворения. Высокие ели здесь дружно уживались с раскидистыми кленами, липами и ветлами. Прямо-таки не верилось: всего несколько сот шагов от людского жилья, и такая глубокая тишина... Впрочем, нет. Где-то в ветвях скрипуче крикнула голубая сойка. Какая-то птица, сидевшая высоко на сосновом суку, молнией метнулась на неведомо как залетевшего сюда воробьишку.

— И здесь то же, что и в мире людей, — философски заметил Роберт.

— Ты о чем? — спросил Озоллапа.

— Да о последнем уголовном деле, в котором я поддерживал обвинение.

— Это по делу Саукум?

— Ну да. Сердитые старики налетели на девчонку, влепили ей семь лет и считают, что совершили благое дело.

— Ты не согласен с приговором...

— Не прикидывайся, Лаймон. Тебе моя точка зрения известна.

Лаймон Озоллапа улыбался редко, и все же вид у него был добродушный. Морщинки возле глаз придавали его лицу выражение спокойного довольства.

Много лет назад Роберт Дзенис и Озоллапа одновременно закончили юридический факультет. Роберт как

был ершистым, так и остался, всегда убежденно и яростно отстаивал свое мнение. Лаймон с годами стал покладистей, сговорчивей. Нельзя сказать, что он поступал вопреки голосу совести. Отнюдь. Служебный долг он исполнял честно и пользовался славой добропорядочного работника. В свое время это помогло Озоллапе стать прокурором. Дзенис работал под его началом, но разница в служебном положении не повлияла на их дружбу.

Они пересекли поляну, перепрыгнули через старую траншею, по сей день напоминавшую о войне, и углублялись все дальше и дальше в лес.

Наконец Озоллапа спросил без обиняков:

— Надеюсь, ты приехал не только для того, чтобы уломать меня опротестовать приговор?

— Как раз об этом мне и хотелось поговорить. По сути дела, преступление еще до конца не раскрыто. Мы не имеем права останавливаться на полпути.

Озоллапа поднял брови.

— На мой взгляд, следователь сделал все, что было в его силах.

— Ты забываешь, кто вел следствие по этому делу. Лора Лиепа. Она ведь и на юридический поступила только потому, что не надо было сдавать математику и физику. Понимала, что при ее способностях на другой факультет не попасть.

— Ты хочешь, чтобы все следователи были как Шейнин?

— Было бы не худо, если бы на юридический факультет принимали только тех, у кого есть способности к этой профессии.

— Не всегда это можно своевременно установить.

— Так ведь никто и не пытается. Вот в театральных институтах или в академиях художеств устраивают конкурсы, помогающие раскрыть способности человека, его склонности. Труд юриста не менее творческий, юрист тоже должен иметь тонкое восприятие, должен уметь заметить то, мимо чего другие прошли бы мимо, должен быть хорошим психологом. Должен быть! От знаний и интуиции следователя зачастую зависит судьба человека.

— Никто в этом не сомневается.

— Вот, скажем, Гунар Дзелзитис или, скажем, Борис Трубек. Почему ты не дал ему доследовать дело

Саукум до коица? У иас, к сожалению, часто так: одии следователь иачиет, а следствие продолжает другой. Потом сами удивляемся, отчего коицы с коицами ие сходятся.

— Не мог же я дело об убийстве поручить желторотому стажеру!

— Почему бы и иет, если у человека способности? Коиечио, иадо приглядывать, помогать, учить...

Оии вышли иа сырой кочкарник и остаиовились. Лесная чаща отгораживала их от шумиого и суетиого мира, и это иастраивало иа разговор по душам. Озоллапа присел на комель повалеииой бурей сосны, Дзеиис сел рядом иа пеиь.

— Давай будем откровеииы, Роберт. Что ты от меня хочешь?

Дзеиис внимательио следил за муравьями, бежавшими бескоиечиой вереиицей по своей тропке мимо пия.

— Ты ведь опытиый юрист, Лаймои. Материалы дела Саукум читал, сам же утверждал обвиинительиое заключеиие. Неужели ие заметил, что следствие ие дало ответа на целый ряд вопросов?

Озоллапу это иачинало раздражать.

— Перестаиь! Все это ты уже выложил один раз суду. В любом деле можно отыскать туманные места. Но вопрос в том, иасколько они существеииы. Я считаю, что суд поступил правильио. В повторном следствии нет иикакой иужды.

— А что, если я докажу тебе обратиое?

— Что ж, попробуй!

— Вспомии протокол места осмотра происшествия. Соколовский и Трубек обнаружили за шкафом дверь в комиату соседей. Щели в двери были заклееиы. Ребята оторвали полоски бумаги и отправили иа химический аиализ. Однако чистосердечиое признаиие Зеиты Саукум сбило Лиепу с паиталыку, и оиа даже ие сочла нужиым потребовать заключеиие кримииалистической лаборатории. А заключеиие не лишеио иитереса. Вот взгляии. — Роберт протяиул Озоллапе листок. — По остаткам клея иа бумажиых полосках эксперты определили, что прилеплены оии были примерио в то же самое время, когда произошло убийство.

— Заклеить дверь Лореиц могла и сама, — резоиио заметил Озоллапа. — Если принять во виимаиие ее отиошеиия с соседями...

— Они грызутся уже давно, — напомнил Дзенис. — Почему же она именно теперь заклеила дверь? Случайное совпадение? Не верю я в такие случайности. И есть почва для другой версии. Неизвестный проник из соседней комнаты, убил Лоренц и заклеил дверь изнутри, чтобы отвести подозрения от соседей.

— А сам преспокойно ушел по лестнице?

— Нет, в этом случае его заметил бы дворник. Дворник показал, что в ту ночь долго не ложился спать и слышал наверху крики.

— Ага, — оживился Озоллапа, — твой убийца испарился через печную трубу!

Дзенис пропустил иронию мимо ушей.

— Преступник с таким же успехом мог вернуться по коридору в соседнюю комнату, из которой пришел, или же вылезти через окно, — продолжал он. — Могу напомнить: когда обнаружили убийство, окно в комнате Лоренц не было заперто.

— Да, но ведь Трубек обследовал двор и под окном ничего подозрительного не нашел.

— Это еще ничего не значит. Осмотр производился спустя неделю после происшествия. А во дворе мимо окна ежедневно проходят десятки людей. След преступника мог затоптаться.

— Все это одни предположения.

— Ну и что же? Тем не менее каждое надо проверить. По существу, вся работа следователя и состоит в преодолении сомнений.

Озоллапа не желал сдаваться.

— Теперь, когда прошло столько времени, будет еще трудней что-либо обнаружить.

— И тем не менее искать надо. Послушай дальше. Дворник на первом этаже слышит крики ночью. А Геновева Щепис утверждает, что ничего не слышала, хотя и живет в соседней комнате. Если Щепис врет, то ее можно отнести к подозреваемым.

Прокурор раздраженно грыз травинку. Что и говорить, аргументация Дзениса заслуживала внимания.

— Тебя интересуют мотивы преступления, — продолжал Роберт. — Допустим, имело место обыкновенное ограбление. Ведь пропали же из гардероба вещи Лоренц, и притом самые лучшие.

— Одежду Лоренц могла унести и сама, скажем, в химчистку, — возразил Озоллапа.

— Трубек проверил в Риге все приемные пункты, был в ломбарде. Нигде не обнаружил вещей, принадлежащих Лоренц. А комод! Ведь в нем были перерыты все ящики.

— Шкатулку с сокровищами искали?

— А ты не смейся. У таких старушонок водятся и золотишко, и прочие «фамильные драгоценности». Соседи могли о них проиюхать.

— Все это так, но не проще ли было соседям найти подходящее время днем в отсутствие Лоренц и очистить ее квартиру без помех.

— Лоренц не выходила из дому целыми днями. А если и уходила, то обычно возвращалась очень скоро.

— А ночевала она ведь тоже дома!

— Ночью человек спит. Вероятно, вор рассчитывал провернуть все втихую. Но просчитался. Лоренц проснулась, подняла крик...

Озоллапа бросил размочаленную травинку.

— Из твоих рассуждений вытекает, что Зента Саукум вообще не имеет отношения к убийству. Каким же образом она могла так подробно, а главное, точно описать картину преступления?

Дзенис ожидал этого вопроса.

— Я полагаю, ограбление совершалось с ведома девушки, возможно, даже в ее присутствии. Но Зента не ожидала, что дело примет мокрый оборот. А когда увидела кровь, бросилась бежать. В смятении заперла дверь. И потому убийца вынужден был уходить через окно.

— Но перед этим решил на всякий случай залепить бумажками дверь к соседям?

— Да, здесь действительно не все сходится, — согласился Дзенис. — Вероятней, что он бежал через окно умышленно. Да конечно же! С вещами куда спокойней можно прокрасться через соседний сад в переулок.

— М-м... — задумчиво и неопределенно промычал Озоллапа. — Если в деле участвовала Саукум, то для чего же было пользоваться дверью за шкафом? Девчонка ведь могла впустить своего дружка из коридора.

— Могла. Но для этого ей пришлось бы ночью вставать: значит, лишний шум. Надежней было заранее отпереть дверь за шкафом.

— Допустим. Но почему Саукум сама ие пыталась найти эти мифические драгоценности? Ведь ей это было куда сподручией.

— Кто сказал, что не пыталась? Но, как видио, ие хватало опыта.

— Почему же не выдает убийцу? Почему все берет иа себя?

— Неизвестио. Быть может, любит, боится мести.

Озоллапа встал с пеиька.

— А если все-таки она сама...

— У Саукум ие было иикакой необходимости заклеивать дверь или открывать окно. Вещи убитой у иее так и ие иайдеиы. В Норильске оиа иичего ие продавала. Это уточиено.

— А в Риге?

— И в Риге иет. Оиа уехала иа следующее утро. К тому же Соколовский в оперативиом порядке проверил все скупочные и комиссионки. Пропавших вещей иигде иет.

— Теперь ты сам себе противоречишь, — заметил Озоллапа. — Саукум говорит, что вещей не брала. И ты теперь это подтверждаешь. Одиим словом, девушка не лжет. С какой же стати ей ие верить?

— Но тем ие меиее вещи пропали. Кто-то их взял. Нет, Лаймои, быть может, Саукум и соучастиица преступления, ио ии в коем случае ие его главный исполнитель.

— Ты увереи?

— Абсолютио. Одиому обстоятельству я и сам вначале ие придал зиачения. Мне помог адвокат Робежиинек. Почитай-ка еще раз судебио-медицииское заключеиие. Череп раздроблеи у правого виска.

— Возможно, Саукум левша?

— В том-то и дело, что нет.

— А если удар иаиесен все-таки правой рукой? Допустим, Саукум напала сбоку.

Пушистая белочка, шурша коготками по коре, сбежала вниз по стволу сосиы и кииулась иаутек. Дзеиис следил за иеи взглядом. Неожидаиио он увидел за кустом кострище. На нем лежали два кирпича. По всей вероятности, какая-то компаиия жарила шашлык.

— Проведем иебольшой следствеиный эксперимент.— Дзеиис шагнул к кирпичам. — Алида Лоренц была

убита именно таким кирпичом. Возьми его и несколько раз подряд как следует замахнись.

Растопырив пальцы, прокурор поднял кирпич, размахнулся раз, другой, третий... После пятого замаха он едва не выронил кирпич и опустил руку.

— К чертям, я тебе не Жаботинский.

— Не думаешь ли ты, что Зента Саукум — Алоиз Туминьш? Восемь, десять ударов тяжелым, тупым предметом — гласит заключение экспертизы. А у девушки рука узкая, маленькая. Вряд ли она могла нанести столько сильных ударов кирпичом даже правой рукой, не говоря уж о левой.

— Постой! А брызги крови на стене? Ведь они говорят о том, что убитую били в то время, когда она лежала в постели?

— Саукум это категорически отрицает. Вот и еще одно противоречие в ее показаниях.

Озоллапа закинул кирпич в кусты.

— По-твоему, преступник — мужчина?

— Об этом свидетельствует и окурок с характерным для мужчины отпечатком зубов. Окурок найден на месте происшествия. Если верить свидетелям, то Алиду Лоренц мужчины не посещали, по крайней мере, в последнее время. И наконец, телефонные звонки.

— Какие звонки?

— Страуткалнам несколько раз звонили и предупреждали, что врачу придется худо, если она будет вмешиваться в ход следствия.

— Звонил мужчина?

— Нет, женщина. Какая разница. Зента Саукум в это время была уже в Норильске.

— Выходит, тут замешана целая компания.

— Возможно.

— Чем дальше, тем путаней. — Озоллапа прошелся, вернулся назад. — Вот что. Я слушал тебя внимательно. Теперь ты выслушай меня. Следствие по этому делу, конечно, имеет немало изъянов. Тем не менее Зента Саукум была и остается соучастницей преступления. Это не вызывает у тебя возражений?

— Нет.

— Саукум осудили на семь лет. Если бы теперь удалось доказать правоту одной из твоих версий и задержать главного виновника, то преступление было бы квалифицировано как убийство с целью ограбления.

Зента Саукум как соучастница получила бы те же семь лет, а то и побольше. Чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы был соблюден один из основных принципов социалистической законности — неотвратимость кары за всякое преступление. Убийца на свободе, и его надо найти. Я же не просил оправдания Саукум, но требовал доследования дела.

— Легко сказать — доследования. Это брак в нашей работе. Ты знаешь — я не из тех, кто боится ответственности. Но если уж передали дело в суд...

— То мы обязаны отстаивать честь мундира?

— Надо отстаивать свою точку зрения, но не к чему себя сечь, подобно гоголевской унтер-офицерской вдове.

— Так что же для тебя важней — справедливость или папка с делом? На мой взгляд, лучше признать ошибку сразу, а не усугублять ее.

— А ты подумал, к чему это может привести? Хорошо, мы опротестуем приговор суда, заново начнется следствие. Где гарантия того, что удастся найти настоящего виновника? Теперь, спустя столько времени. Сомнительно! Но может произойти нечто другое, похуже. Вдруг на новом следствии Саукум откажется от своих показаний, начнет все отрицать. Что тогда? Все наше обвинение, плод долгого расследования, пропадет даром. Доказательств виновности Саукум остается слишком мало, и мы будем вынуждены освободить ее и принести свои извинения, несмотря на то, что уверены в ее причастности к преступлению. Что тогда запоет твоя мудрая и безупречная совесть? Где окажется справедливость? Не лучше ли оставить все как есть? По крайней мере, хоть один преступник осужден.

На лице Дзениса не пошевелился ни один мускул.

— То, о чем ты говоришь, не что иное, как беспринципный компромисс, — негромко сказал он.

Озоллапа сложил руки за спиной и наклонил голову.

— Значит, так: вчера я санкционировал арест Саукум, утвердил обвинительное заключение, передал дело в суд. А на другой день, когда Саукум уже осуждена, сам же потребую отмены приговора, дополнительного следствия по делу. И в этом ты видишь принципиальность!

— Именно так. Это будет принципиально, смело и справедливо!

Озоллапа молчал. Он понимал — прокурор должен быть внутренне убежден, бесповоротно уверен в том, что принятое им решение — единственно верное. В деле Саукум Дзенис пошатнул его, Озоллапы, прокурорскую убежденность.

Да, конечно, в любом уголовном деле необходимо точно установить факт преступления, его детали. Но это лишь часть работы следователя. Не менее важно узнать, что побудило человека к преступным действиям. Задача следователя — анализировать поведение обвиняемого, мотивы поступков, попытаться найти им объяснение, хотя бы с точки зрения самого обвиняемого. Да, такого анализа в деле Зенты Саукум не было.

Ветер стих, деревья стояли неподвижно, словно боялись помешать раздумью прокурора.

— Уравнение со многими неизвестными, — изрек наконец Озоллапа. Затем повернулся к Дзенису. — Ладно, пошли. Обед, наверно, уже готов. Потом сходим взглянем на море.

ГЛАВА 8

1

После шумного и людного городского центра узенькая улица Вайрога показалась Дзенису совсем пустынной и тихой. И хотя был вроде бы самый разгар дня, здесь редко попадался встречный прохожий. По разбитому булыжнику вперевалку, громыхая и жалобно поскрипывая, ехал одинокий грузовик.

— Вот тебе и столица, — добродушно подмигнул Трубеку Дзенис. — Не отошли и на сто метров от улицы Ленина, а тут уже как в деревне.

Вдоль тротуара тянулись палисаднички, выкрашенные в самые невообразимые цвета. За штакетником виднелись ухоженные сады. Кусты акаций и шиповника заслоняли от посторонних взглядов увитые диким виноградом одноэтажные и двухэтажные особняки.

Дзенис сорвал свесившуюся из-за забора веточку жасмина.

— Колдовство какое-то! С детства не могу равнодушно пройти мимо цветущего жасмина, — произнес он.

Вскоре Трубек показал Дзенису облезлый двухэтажный деревянный дом, выглядевший бедным родственником среди своих нарядных собратьев.

Дом стоял посреди пустыря, который лишь условно можно было назвать садом. Несколько чахлых деревьев сиротливо жались по углам, словно стыдясь своего убожества.

Трубек отворил калитку и пропустил Дзениса первым.

На крыльцо вышла средних лет женщина с ведром в руке. Не сходя с крыльца, она выплеснула помои у самой двери. Женщина стояла спиной к калитке, но помощник прокурора и следователь тотчас узнали ее.

— День добрый!

Женщина испуганно обернулась на голос. Ведро выпало из рук от неожиданности.

— Гражданин прокурор!

— Собственной персоной, — подтвердил Дзенис. — И следователь Трубек, мой коллега. С ним вы ведь, кажется, тоже знакомы. Помните, он был тут, когда вашу соседку обнаружили убитой.

Геновева Щепис, не зная в растерянности, чем занять свои руки, то обтирала их о бока, то засовывала под передник.

— Так я же... ничего больше не знаю... Не могу сказать... Ей-богу...

Дзенис стал успокаивать женщину.

— Вы не волнуйтесь, мы просто заглянули к вам. Поговорить, поглядеть, как вам теперь живется.

— Плохо живется, товарищ гражданин прокурор, — поборов замешательство, затараторила Геновева. — Двоих детишек надо прокормить да одеть. Муженек, чтоб ему пусто, мало денег присылает.

— Как это — присылает? — удивился Дзенис. — Разве он больше с вами не живет?

— Законтрактовался на Крайний Север. Поехал за длинным рублем, да, видно, все пропивает. Присылает гроши.. На детей ему начхать, вроде как не его.

Сообщение Геновевы заинтересовало Дзениса.

— И давно он уехал?

— Господи помилуй! Да еще осенью. Аккурат перед праздниками.

— Поди, надоели ему вечные свары с соседями. Наверно, потому и уехал.

— Да нет, что вы, — всплеснула руками Геновева. — Когда Казимир уехал, старухи уже не было в живых. Ну да, аккурат через неделю, как ее докторица нашла.

— Куда же он законтрактовался? — ввел разговор в нужную колею Дзенис.

Геновева стала припоминать.

— Тьфу ты пропасть, опять позабыла, как оно называется. Не то Нуринск, не то Муринльск.

— Возможно, Мурманск, — пришел на помощь Трубек.

— Нет, нет, по-другому.

— Не Норильск?

— Во, во, он самый.

Дзенис и Трубек переглянулись.

— Чего же мы стоим на пороге? — сказал Дзенис. — Не пригласит ли нас хозяйка в комнату?

Женщина смутилась.

— Отчего же нет, пожалуйста, только простите за беспорядок.

Когда они поднялись в квартиру, оказалось, что Щеписы теперь занимают обе комнаты.

— Лоренц была прописана одна, — пустилась в объяснения Геновева. — После ее смерти комната пустовала. Я уж ходила, ходила, просила, просила, покуда мне ее отдали.

— Отчего же не дать. У вас ведь двое детей.

Дзенис открыл и закрыл несколько раз дверь, соединяющую обе комнаты.

— Теперь не запираете. А раньше заклеивали наглухо.

— Я ничего не заклеивала. Это все она, только она.

Дзенис прошелся по комнате, встал подле окна и как бы невзначай отворил его.

— Хороший садик у ваших соседей.

Да, окно было невысоко над землей. Любой мужчина мог запросто выпрыгнуть из него во двор.

Дзенис осмотрел подоконник, затем высунулся наружу и тщательно исследовал наружную стену под окном. Внезапно он повернулся к хозяйке.

— Ваш муж, если не ошибаюсь, шофер.

— Ну да, шофер, а как же, — подтвердила Геновева.

— Где он работал до отъезда на Север?

— В транспортной конторе, на грузовой машине.

— И часто выезжал в командировки?

Щепис махнула рукой.

— Можно сказать, дома его и не видела. До того, как законтрактовался, он почти целый месяц в Кулдиге пробыл. Говорил, дрова возил на станцию.

— Это когда было, в октябре?

— Ну да, весь октябрь.

— И за все время ни разу домой не заглянул?

Геновева Щепис на миг смолкла, но тут же затараторила:

— Не, не, не был ни разу. Право слово, ни разу не заехал.

Дзенис, кажется, выведал здесь все, что было возможно. Он взглянул на часы.

— Ладно, Борис. Нам пора идти. До свидания, хозяюшка!

Когда они спустились вниз, Дзенис потянул Трубека за рукав.

— Давай-ка зайдем к дворнику.

Дворника дома не было, но на вопросы Дзениса охотно ответила жена.

— Это все точно насчет того, что Казимир Щепис в октябре не появлялся дома.

— Так-таки и ни разу?

— Самого Казимира не видала, что правда, то правда. Но один раз... Да как же, это было в ту ночь, когда убили Лоренц. Я же следователю рассказывала, что у нас были гости. Засиделись допоздна и слышали крик. А когда провожали гостей, машина Казимира стояла в переулке. Я ее знаю. Утром чуть свет вышла улицу подметать, но он уже уехал.

— На следствии вы об этом не говорили, — заметил Трубек.

— Про машину никто не спрашивал.

Когда Трубек и Дзенис вышли со двора на улицу, последний, еще раз взглянув на двухэтажный дом, сказал:

— Кое-что помаленьку начинает выплывать на свет божий.

— Да, появились кое-какие новые обстоятельства,— согласился Трубек. — И, пожалуй, немаловажные.

— И еще более существенное значение имеют несколько нитей пряжи, зацепившиеся за острый край жести наружного подоконника, — сказал Дзенис. — Тебе придется срочно пригласить понятых извлечь эти шерстинки и потом проверить, откуда они, не из одежды ли Лоренц.

2

Отворив дверь кабинета Соколовского, Дзенис сразу понял: капитан не в духе. За письменным столом Соколовский сидел в рубашке с закатанными рукавами и недовольно листал комментарий к уголовно-процессуальному кодексу.

— Проваливай ко всем чертям! — зарычал капитан. — Не желаю я сегодня видеть прокуроров!

— Кто обидел нашего малыша? — сочувственно спросил Дзенис.

— Меня обидеть? — взвился Соколовский. — Такой еще не родился, кто мог бы нанести мне обиду.

— С чего тогда взъелся на меня?

— Ты же знаешь мой терпеливый нрав, Роберт. Я человек тихий, миролюбивый. Но даже меня твой Озоллапа сегодня вывел из терпения. Видали, умник нашелся!

— Не дал санкцию на арест?

— Как в воду глядел! Не дал, упрямый олух! И в таком деле! Два месяца я как ищейка гонялся по следам этого ворюги, пока застукал. А теперь что же — прикажешь прекратить дело, да?

Дзенис задумчиво поглядел в окно.

— У тебя были серьезные улики? Может, хотелось поскорей доказать, что преступление раскрыто и спихнуть дело следователю, пускай, мол, копается в нем дальше?

Капитан ударил себя кулаком в грудь.

— Ты что, Соколовского не знаешь? Разве Соколовский хоть раз без улик лез к прокурору за санкцией? А вы тут разводите бюрократию. Трясетесь над каждой санкцией. Не дай бог, если суд кого-нибудь потом оправдает.

Соколовский откинулся на спинку стула.

— Наше дело, друг любезный, — продолжал он, — расследовать всё, добраться до истины, собрать доказательства. А дать оценку доказательствам — это, ты уж не взыщи, дело суда. Но кое-кто обязательно спешит опередить суд. Прн малейших сомнениях в исходе готовы тут же прикрыть дело, хотя н убеждены, что у обвнняемого рыльце в пуху. Для того ведь суд и существует, чтобы сказать последнее слово.

Дзеннс скептически посмотрел на Соколовского, но тот не заметил взгляда н продолжал, все больше распаляясь:

— Научились же мы в последнее время быстро и оперативно, без предварительиого следствия судить хулнганов и мелкнх спекулянтов. Почему бы не применять этот принцип в таких уголовных делах, где все обстоятельства не вызывают сомнений? Допустим, схвачен за руку вор. Есть свидетели. Ну чего разводить канитель? Волоки его в суд, и делу конец. Не надо ннкакнх санкций. Так нет! Требуют оформить целый ворох документов, допросить свидетелей, провести конфронтацию, опознать личность, предъявить обвинение и, наконец, нзволь познакомить этого жулика с материаламн дела. А ведь потом всю эту процедуру повторит суд!

— Процессуальный закон должен соблюдаться. У обвиняемого должно быть время для подготовки защиты.

— Ну конечно, чтобы он успел сочиннть разные небылицы, а свидетели — все позабыть. Нет, друзья мои, следователя необходимо освободить от мелкнх уголовных дел. И тогда будет больше возможностн заниматься серьезнымн, сложнымн преступленнями. И тогда твой Озоллапа не будет дрожать иад каждой санкцией, как участковый инспектор Езупан. Тот боялся даже составнть протокол на преступление — не дай бог не удастся раскрыть, тогда ведь можно сесть в галошу.

— Езупан?

— В Внляке его все знают. Заходит к нему одна старуха — Карклиха. «Курочки мои пропалн, — говорит. — Все как есть тринадцать штук: пеструшка, рябонька, чернохвостка...» — «Околели, что ль?» — «Нет, сынок, уворовали. Утром иду поглядеть, курятник разломан, и курочкн мои тю-тю». Езупан взял бланк протокола и приготовился писать. «Куры былн зарегистрн-

рованы?» — спрашивает Езупаи. Старая в толк не возьмет, о чем ее спрашивают. «А как вы докажете, что куры были ваши?» — «Господи, да хоть соседка подтвердит. Одна была пестрая, у другой хвост черный...» — «Ну ладно, ладио. А налог за кур уплачеи?» — «Какой иалог?» У старухи корзиид из рук на пол. «Кстати, — продолжает Езупаи. — Вы ведь проживаете в граиицах города. А в городе держать домашний скот запрещено. Только, может, вообще у вас иикаких кур ие было?» Старуха и вовсе опешила, ио потом все же смекиула, куда ои клоиит. «Батюшки-светы, да иешто я говорю — были? Ясное дело, ие было». Старуха иа попятный, Езупан блаик порвал да и в корзиму.

— Ладио, будет философствовать, — прервал Дзенис очередиую импровизацию капитана Соколовского.— Есть серьезиый разговор. Наш Озоллапа далеко ие такая бестолочь, каким ты его изображаешь. Приговор по делу Саукум ои опротестовал. Верховиый суд его отменил. Надо приступать к новому следствию. Дело поручеио Трубеку. Я буду ему помогать, а тебе предстоит ряд оперативиых задаиий. Сам понимаешь, история запутаииая, придется поработать по-иастоящему.

— Короче, Роберт. Давай выкладывай, что надо сделать.

Дзенис выиул из кармана записиую книжку.

— Всплыли иекоторые иитересиые обстоятельства. Мы с Трубеком заходили к Геиовеве Щепис. Кстати, она теперь заиимает обе комиаты.

— Значит, смерть Лореиц была для иее выгодиа.

— Выходит, что так, — согласился Дзеиис. — Затем: иа наружиом подокоииике мы обнаружили шерстяные нити. Отыскали портииху, у которой Лоренц иногда шила, иашелся и лоскуток от ее заказа. Заключение экспертизы установило: найдеииые иити вырваиы из пропавшего зимиего пальто.

— Одним словом, твоя версия подтверждается: вещи брошеиы через окио.

— И третье. Казимир Щепис весь октябрь иаходился в комаидировке. Его жеиа утверждает, что Казимир за это время ии разу ие был дома. А дворничиха в иочь убийства, когда наверху кричали, видала в переулке машиину Щеписа. Наконец, последиее и самое главиое: Казимир Щепис, как и Зеита Саукум, после смерти Лореиц сразу подался в Норильск. Два челове-

ка из одного дома одновременно уезжают в Норильск. Не слишком ли странное совпадение?

— Ого, брат, тут не то что ниточка, за которую можно потянуть, а настоящий канат, — потер руки капитан Соколовский.

— Вот и хочу тебе всучить конец этого каната.

На столе зазвонил телефон. Капитан взял трубку.

— Уголовный розыск, — отозвался он. — Слушаю, товарищ подполковник... Где вы сказали, на Рупниэцибас?.. Так, так, похоже, работа Рыжего Джумбо... Есть, сейчас выезжаю.

Соколовский положил трубку и снял со спинки стула китель.

— Приемное время окончено. Будь здоров, Роберт! Если что нащупаю, сразу же дам знать.

3

С самого утра лил теплый весенний дождь. К полудню он перешел в мелкую изморось, и теперь улицы были окутаны настоящим лондонским туманом. Оконные стекла от него запотели. Комната напоминала каюту корабля, плывущего в туманном море.

Адвокат Робежниек стоял у окна и вглядывался в серую муть. Рабочий день был окончен. Приемная юридической консультации опустела, коллеги разошлись по домам.

Телефонный звонок дерзко разорвал тишину кабинета. Хотя Робежниек и ждал его, он все равно вздрогнул.

«Нервишки у вас пошаливают, молодой человек!» — мысленно укорил себя адвокат и взял трубку.

— Алло! Да, это я... Конечно, могу. К вам? Хорошо, еду.

Десятью минутами позже адвокат уже поднимался на верхний этаж одного из домов в конце улицы Горького. Дверь открыла сама Майга Страуткалн.

— Входите, пожалуйста.

— Ого, трехкомнатная квартира на двоих?! — удивился Робежниек. — Вот это я понимаю.

— Это отец мужа оставил нам.

— Щедрый у вас тесть.

— Возможно, слышали об академике Страуткалне?

— Еще бы! Только не знал, что он ваш родственник.

— Два года назад, когда у Эдвина умерла мать, тесть ни за что не захотел тут оставаться. Купнл себе домнк в Пабажах, у самого моря, н поселился там. Городскую квартнру оставнл Эдвину. Мне пришлось только обставнть ее по-своему.

Робежннек переступнл порог комнаты и остановнлся. Все тут говорнло о недурном вкусе хозяйкн и ее любвн к уюту. Оранжевые шторы на окнах гармоннровали с корешками кннг на полках, торшер с двумя абажурамн, торчавшнмн в разные стороны, как тюльпаны, ажурный столнк для кофе и еще многие мелочн.

— Вы одна дома?

— Муж уехал на рыбную ловлю. Приедет поздно нлн даже под утро.

— В рабочий день?

Майга развела рукамн.

— Я в этом не разбнраюсь. Эдвин утверждает, что только в буднн бывает хорошнй клев. По субботам и воскресеньям ему не везет. Понаедут, говорнт, разные пьянчуги на реку, горланят, не столько удят рыбу, сколько ее распугнвают.

— А как же служба?

— Он часто берет работу на дом н тогда может по нескольку дней не появляться в своем ннстнтуте.

— И каковы же у него успехи? — продолжал ннтересоваться Робежниек. — Я нмею в виду рыбную ловлю.

Хозяйка открыла дверцу буфета и вопросительно посмотрела на гостя.

— Вино нлн коньяк?

— Еслн не возражаете — коньяк.

Майга Страуткалн налила рюмку коньяку адвокату, немного внна себе.

— Меня никогда не ннтересовалн уловы Эдвнна, — сказала она равнодушно. — Рыбу он отдает нашему дворннку. Тот присматрнвает за машнной.

— И вас не волнует увлечение супруга рыболовством?

— А, собственно говоря, почему?

Робежннек немного смутился.

— Я думаю...

— А я не думаю и не желаю нн о чем думать. Я не юрист н не занимаюсь расследованиямн. И вообще: умная жена должна кое-что пропускать мимо ушей н на некоторые вещи смотреть сквозь пальцы. Если ты че-

ловеку доверяешь, то незачем вынашивать в голове всякие подозрения. А если не веришь — не живи с ним ни дня.

Робежниек улыбнулся.

— Вас ожидает безоблачное счастье до гробовой доски.

Страуткалн недоуменно взглянула на гостя.

— Почему вы так думаете?

— Знаю по опыту.

— Насколько помню, вы никогда не были женаты.

— Добрые духи общими силами спасли меня от этого, — подтвердил адвокат. — Но мне часто приходится выступать на бракоразводных процессах. И я обнаружил одну важную закономерность.

— Интересно, какую же?

— Есть категория женщин, которые смотрят на своего мужа как на разновидность личной собственности. Не дай бог, если он невзначай глянет на другую женщину. Тут же начинается слежка, сцены ревности. А то и еще лучше — бегут к мужу на работу и жалуются в общественные организации. Результат всегда один: развод.

— Но меня-то вы ведь не причисляете к этой категории. И в предсказания я тоже не верю. Расскажите лучше — узнали что-нибудь?

— Узнал. Интересующий нас человек живет в шестидесяти километрах от Риги. Хутор Ляундобели. Сегодня вечером мы могли бы поехать к нему и вернуться не слишком поздно, как и было условлено. Вам следует с ним переговорить.

— Мне одной?

— Полагаю, что так будет лучше. Но я буду там же, поблизости.

Страуткалн встала.

— Я неопытна по части конспирации, но пусть будет по-вашему. Сообщите мне необходимые сведения.

Ивар смотрел на эту женщину с восхищением. Как хорошо, что именно она согласилась оказать ему помощь. Лучшего союзника трудно было себе представить.

Прямое и широкое, блестящее, как меч, Псковское шоссе рассекало леса и луга, перебрасывалось через овраги и ручьи. Темно-красный «Москвич» уже оставил

позади себя Баложи, Гаркалие, Ваигажи... «Дворники» еле успевали сметать капли дождя с ветрового стекла.

Не отрывая взгляда от асфальта, Ивар украдкой посматривал на свою спутницу. Густые и мягкие пряди светлых волос; на лице почти никакой косметики, разве что губы чуть подкрашены. Робежниек вообразил Майгу в летнем платье с короткими рукавами гуляющей с ним по песчаному берегу моря, представил, как поблескивают при низком предвечернем солнце золотистые волоски на обнаженных руках, когда она стряхивает пепел с сигареты.

Робежниек в своей жизни встречал немало женщин. Однако ни одна из них не пробудила в нем настоящего чувства. Одни надоедали скорей, с другими встречался дольше, но неизменно придерживался принципа: все, что имеет начало, должно иметь и конец. Его связи прекращались спокойно, без сожалений и драм.

С Майгой оказалось иначе. От встречи к встрече Ивар все сильней ощущал, что эта женщина придает его жизни новый смысл, без которого не стоило ждать наступления следующего дня.

На тридцать восьмом километре, где у развилки шоссе стоит ресторан «Сэните», Робежниек свернул влево. Лил дождь. Мокрая узкая дорога теперь изобиловала крутыми поворотами, но адвокат не сбавлял скорость.

За мостом через Браслу Ивар Робежниек съехал с асфальта и остановил машину на обочине. От этого места разбегались три проселка, и все они исчезали в лесу. Ивар долго изучал указатели, сверялся со своей записной книжкой и в конце концов избрал среднюю дорогу. Высокие сосны смыкались над ней, образуя сумрачный туннель. Машина продвигалась вперед все медленней, словно ощупью находя себе путь меж ухабов и рытвин. Робежниек попробовал было включить ближний свет, но лучи рассеивались в потоках дождя и только ухудшали видимость.

Километра через два лес поредел, дорога пошла полем. На самой опушке, под высокими деревьями, притулилась небольшая избенка. Поблизости чернел старый овин.

Робежниек выбрал укромное местечко, где поставить автомобиль, и развернул его передком к дороге. Тут

машина была не видна от дома и никому не могла помешать, если бы по дороге кто-то ехал.

Темнота сгущалась быстро. Ивар запер машину, и они с Майгой направились к избе.

В одном из окон мерцал тусклый свет.

— Он живет один, — шепотом сказал Ивар. — Значит, дома. В остальном все, как условились. И не волнуйтесь!

— Хорошо, пойду, — так же тихо сказала Майга.

— Я буду здесь. В случае чего...

Майга кивнула в знак согласия. Затем быстрым шагом подошла к двери и взволнованно постучала.

Дверь отворялась медленно, как бы нехотя. На пороге стоял седой худощавый человек, со впалой грудью и непомерно длинными руками. В одной из них он держал фонарь. На щеках у него горел нездоровый румянец, губы потрескались, кожа напоминала пергамент. Высокий покатый лоб и плешивый череп придавали ему зловещий облик.

— Вам что надо?

«Вот ведь хрыч! — подумал о старике Робежниек, наблюдавший за встречей из-за куста можжевельника. — Сладит ли с ним Майга?»

Старик впустил гостью в комнату, и дверь захлопнулась. Ивару показалось, что стало еще темней и страшней. Ивар нечаянно задел ветку можжевельника, и на лицо ему упали холодные капли. Робежниек немного подождал, затем нагнулся, бегом пересек двор, подкрался к самому дому и заглянул в освещенное окно.

Комната была обставлена вполне современно, что не гармонировало с внешней убогостью избы. У противоположной стены были высокие книжные полки с несколькими собраниями сочинений и большим количеством других книг. Майга спокойно сидела в удобном кресле. Старик нервно ходил взад-вперед по комнате и жестикулировал. Видно было, что он взбудоражен и сердит. Однако разобрать, что он говорит, Робежниек не мог. Оставалось лишь запастись терпением и ждать.

Дождь перестал, и туман постепенно рассеивался. К счастью, низкие облака по-прежнему закрывали луну. Листва кустарников, стволы деревьев — все было мокрым и мрачным.

Внезапно седой сделал шаг к окну и резко распахнул его. Робежниек едва успел нагнуться. Теперь он сидел на корточках, точнее, стоял на одном колене, в самой что ни на есть неловкой позе. Зато кое-что можно было расслышать. Старик говорил отрывисто и глухо, словно забивал сваи.

— ...сколько раз предупреждал Алиду. Не слушала. Все они, Лоренцы, упрямы испокон веку. И брат такой же, и старый Лоренц, ее отец. Еще в тридцатые годы, когда у Алиды был на Гертрудинской свой...

Порыв ветра тряхнул вершину сосны, и град крупных капель заглушил последние слова. Когда ветер стих, Робежниек услыхал голос Майги:

— Вы поступили весьма опрометчиво.

У старика неожиданно упал голос.

— Вам легко говорить... А я... сколько раз, бывало, сдерживал себя, чтобы своими руками не удушить. Жаль, что еще в тот раз...

— Значит, вы утверждаете, что драгоценности должны быть?

— Еще бы.

— Куда же они могли деться?

— Понятия не имею, мадам.

— Возможно, Волдис...

Робежниек чуть привстал, чтобы распрямить затекшую ногу, и невзначай задел плечом куст шиповника. Мокрая ветка, освободясь, шумно стегнула по стене. Голоса сразу смолкли. Очевидно, в комнате прислушивались.

— Вы приехали одна? — немного погодя недоверчиво спросил старик.

— Я вам уже сказала, — спокойно завернла Майга. — Я заинтересована не меньше вашего в том, чтобы разговор остался между нами.

— Кто же там скребется снаружи?

— Сегодня такая непогода, ветер и дождь.

Робежниек замер, потом неслышно прокрался через двор и спрятался за толстой сосной. Отсюда ему было видно, как старик высунулся из окна, поглядел вокруг и, очевидно успокоясь, продолжал говорить, сопровождая речь неуклюжими жестами.

Приблизительно через час Майга вышла во двор. Робежниек направился ей навстречу. Они тихо сели в машину.

Заговорила Майга, лишь когда они выехали на шоссе.
— Необходимо срочно отыскать некоего Волдиса.

Робежниек с благодарностью посмотрел на женщину.

— Потом. Поговорим обо всем позднее. А сейчас вам необходимо успокоиться. Эти два часа потребовали от вас такого напряжения. Я вам бесконечно признателен. Теперь постарайтесь думать о чем-нибудь другом. Не хотите положить голову ко мне на плечо?

4

Виктор Соколовский подскочил на постели и сел. Резкий звонок. Так. Палец на кнопку будильника. Виктор потянулся было за брюками, но вовремя спохватился. И снова блаженно откинулся на подушки.

Со школьных лет сохранилась у него привычка в субботу на ночь заводить будильник. Таким образом он дважды испытывал прелесть выходного дня, когда ранним утром по звонку будильника можно было не вставать, а вновь погрузиться в сон.

Однако в то утро ему не спалось. Янина уже встала. Она сидела у туалетного столика и подпиливала ногти. Виктор смотрел на ее голую спину.

Словно почувствовав его взгляд, она медленно повернула голову. Улыбнулась, чуть приоткрыв рот. Сейчас Янина походила на маленькую девочку, и это особенно нравилось Виктору.

— Поднимайся, соня, — подмигнула она Виктору. — Посмотри, какая погода! На море сегодня благодать.

— На море? — задумчиво протянул Соколовский.

— А ты что, разве забыл? Сам же собирался в это воскресенье свозить меня на взморье.

— Верно, собирался, — Соколовский встал и взял гантели. — Да не всегда бывает так, как хочется.

Янина нахмурилась.

— Опять служба?

— Ну да, я должен быть в одном месте.

В этот самый час Геновева Щепнс шла домой с рынка. В одной руке она несла тяжелую сумку с продуктами, на другой повис ее трехлетний пострелёнок Юзик, ни за что не желавший идти домой.

Да и Геновеву тоже дом не манил. Непрнютен он был без смуглого и волосатого верзилы Казимира. Когда он входил, всегда казалось, что их комнатка слишком тесна и потолки низки для мужа. Правда, любил он, паразит, выпить, что поделаешь. Но если не перепьет, то притащится домой и спит в передней на своем полушубке. Зато когда заложит сверх меры — сиди в уголке и нишкни. И не дай бог, если попадалась ему на глаза старуха Лоренц! Тут уж он просто начинал землю под собой рыть от злости.

«Буржуйка старая, гадюка», — скрипел он зубами и потрясал кулачищамн.

А теперь сам нечистый уволок куда-то Казимира. И не пишет ни слова, барсук этакий. Ты тут лезь из кожи вон, надрывайся. Прокуроры и милиционеры житья не дают, все допытываются насчет проклятой старухи.

Геновева подошла к калитке и остановилась. Сердце в груди застучало, словно молоток. У двери дома спиной к калитке стоял рослый детина в спортивном костюме и с портфелем под мышкой. Что-то в этом человеке было знакомо Геновеве.

На скрип калитки мужчина обернулся. На глазах у него былн темные очки от солнца. Геновева пристально всматривалась в лицо. Нет, все-таки она его раньше не видела.

— Вы не из третьей квартиры? — Незнакомец сделал шаг вперед навстречу Геновеве. — Здравствуйте, я из домоуправления. Мне надо проверить, крепкие ли у вас междуэтажные перекрытия и перегородки. Дом будут ставить на капитальный ремонт.

Не дожидаясь ответа, мужчина взбежал по лестнице на второй этаж. Геновева последовала за ним.

Войдя в квартиру, незнакомец вынул из портфеля плоскую коробку с рычажками и лампочками и присоединил к ней провод с метелочкой на конце. Геновева, разинув рот, наблюдала за происходящим и даже забыла обо всех своих домашних делах и о Юзике. Человек водил своей метелкой, как пылесосом до всем стенам, закоулкам и половицам. Потом еще простучал все молоточком и что-то отметил у себя в блокноте.

— Уж не сносить ли собираются? — вернулся к Геновеве дар речи. — У соседей тоже так было. Проверяли, проверяли да и снесли.

— Нет, нет, все в порядке, — пробормотал в ответ незнакомец, явно не собиравшийся точить лясы. — Халупа еще постоит. А проверить лишний раз не вредно, может, где какая трещина.

Он сложил свои инструменты, попрощался и ушел.

5

— Чтоб он сгорел, этот драндулет!

Молоденький шофер в яркой ковбойке сплюнул в сердцах. С самого утра не мог он раскочегарить свой пятитонный ЗИЛ. Сперва казалось, дело вроде бы в аккумуляторе. Сменили. Потом пропала искра. В конце концов стало ясно, что барахлит карбюратор, но отрегулировать его никак не удавалось.

В автопарке транспортной конторы рабочий день был в разгаре. Въезжали и выезжали машины. В воздухе стоял неумолчный гул и рев моторов. Уж давно кончился обеденный перерыв, а шофер в ковбойке все никак не мог выехать в рейс. Наконец к нему на помощь пришли механик колонны и слесарь. Теперь они втроем сунули головы под капот двигателя и пытались найти причину неполадки.

— Все жиклеры продул, — рассказывал шофер.

— Бензонасос качает? — спросил механик.

Слесарь, теряясь в догадках, глубокомысленно поскреб затылок.

— А еще одного специалиста не надо? — раздался чей-то голос за их спинами.

Все трое одновременно выпрямились и оглянулись. Перед ними стоял плечистый человек в зеленом пиджаке.

— Это еще что за карикатура? — шофер в ковбойке был зол на весь мир.

Незнакомец покачал головой.

— Я к вам с лучшими намерениями, хочу помочь, так сказать, поделиться опытом. А вы сразу — карикатура.

— Видали таких опытных! — не снижала тона ковбойка.

— Зря, парень, ерепенишься. Мы с Езупаном едем раз по Мельничной. Вдруг стоп машина! И не заводится, хоть ты тресни. Сразу, конечно, нашлись добрые

советчики. Каждый свое ладит. Кто про карбюратор, кто про зажигаиие. А малец лет двеиадцати дергает Езупаиа за рукав: «Дядеиька, а бензин у тебя в машине есть?» Загляиули в бак — сухо! А ты говоришь!

— Ладио, коичай заливать. Ты откуда — из иаших? — примирительио спросил шофер.

— А что, разве на шофера ие похож?

Механик улыбиулся.

— Да иет, видать, пареиь свой; поступай к иам деньгу зашибать. Шофера нужиы позарез.

— Разве у вас заработаешь?

— А то нет, — поддержал механика тот, что в ковбойке. — Зиаешь, какие бывают рейсы! В Москву гоияем, в Леиинград, в Кишинев. Командировочные, премиальные.

Незиакомец махнул рукой.

— Что-то не верится. У меия тут дружок работал. Не заметил я, чтобы ои разбогател.

— Это кто же такой?

Незнакомец вытащил пачку «Примы», всех угостил и закурил сам.

— Щепис Казимир.

— Ах вон кто! — усмехнулся шофер. — Этому никогда не хватит. Пол-литра и колесо колбасы наворачивал только для затравки.

— За пьяику иебось и уволили?

— Нет, за другое.

— А мие он ничего ие говорил.

— Это было прошлой осенью, в октябре, иаверио. Точио! В октябре иаша бригада целый месяц работала в Кулдиге, в комаидировке. А ои все в Ригу рвался. Видио, по бабе заскучал. Бригадир строго-иастрого запретил уезжать. Но надо зиать Казимира. Ночью, втихаря смотался. Гиал, наверио, под сотню. Нарвался на автоиспектора. Превышеиие скорости. Протокол, сообщили в контору. А у иас тут порядочки моиастырские, строго.

— Превышеиие скорости ие бог весть какой смертиый грех, — заметил человек в зеленом пиджаке.

— Верио, коиечио, — согласился механик. — Его иаказали главиым образом за самовольную поездку.

— Квартальиая премия иакрылась, — уточнил шофер. — Его, коиечио, заело. Подал заявлеиие и уволился. Ребята говорили, уехал иа север.

— Идея неплохая. Надо и мне туда податься за длинным рублем. Схожу к начальству. Посмотрю, что тут предложат. Где контора?

Начальник отдела кадров, тучный человек, у которого из тесного воротничка выпирали складки жира, рылся в кипах бумажек. На посетителя он замахал обеими руками.

— Подождите в коридоре, сейчас нет времени!

Посетитель, похоже, не расслышал, что ему сказали. Он приблизился к столу с раскрытым служебным удостоверением в руках.

Начальник отдела кадров сразу переменил тон.

— Не успеваем. Знаете, сколько тут дел. Не то что в бухгалтерии или в отделе эксплуатации. У нас работа с живыми людьми! Кадры решают все! Так чем могу быть полезен, товарищ капитан?

— У вас когда-то работал шофером Казимир Щепис.

— Числился такой прохвост, хорошо помню. Сколько трудов положил, чтобы от него избавиться. Опять чего-нибудь натворил?

— Нет, почему же? Он теперь передовик производства, на Доске почета висит.

Начальник отдела кадров понял, что дал промашку, но сразу вывернулся:

— Вот я и говорю, мы много с ним работали, старались перевоспитать. Стало быть, труд не пропал, результаты налицо.

В глазах капитана Соколовского прыгали веселые чертики.

— В прошлом году со Щеписом произошла неприятность. Помните, когда он приезжал из Кулдиги в Ригу. Меня интересует точная дата этого происшествия.

Начальник отдела кадров сразу повеселел. Такой поворот дела вполне его устраивал.

— Извольте, один момент, сию минуточку...

Он порылся в шкафу, вытащил толстые папки с делами и принялся их перебирать. Наконец отыскал нужную.

— Извольте, вот приказик. Товарищ Щепис ездил в Ригу в ночь с одиннадцатого на двенадцатое октября.

В ночь на двенадцатое октября? Одиннадцатого был четверг. Значит, дворник и его жена не ошиблись, ко-

гда слышали крики поздно вечером в четверг и в ту же ночь видели в переулке машину Щеписа. Приказ официально подтверждал их показаиия.

— Попрошу вас дать мне заверенную копию этого документа.

— Сию минуточку, через пять минут будет готово.

Начальиик отдела кадров был счастлив, что легко отделался от такого посетителя.

Через полчаса, выйдя из конторы, Соколовский опять встретил шофера в ковбойке, тот бежал с путевым листом к машине.

— Все в порядке, выезжаю!

— Что же все-таки было с машииой? — поинтересовался Соколовский.

— Беизина не было! Ха, ха, ха!

6

Утренняя электричка шла в Ригу. От станции к станции пассажиров все прибавлялось. В Майори поезд был уже переполнеи, тем ие менее иашлось место и для тех, кто толпился на перроне стаиции Дзинтари.

Борис Трубек стоял зажатый в углу у двери.

— Пропустите, молодой человек! — Кто-то пытался протиснуться к двери мимо Трубека, чтобы поскорей выйти, — поезд подходил к Риге.

Людская река, миновав подземные переходы, выплеснулась на вокзальиую площадь. Трубек прибавил шагу, чтобы не опоздать на работу.

Гуиар Дзелзитис уже сидел на своем месте и одним пальцем стучал по клавишам пишущей машиики. Вид у него был совершенно несчастный.

— Кончаются сроки по трем делам, а ты тут колупайся с машиикой. Полдня как ие бывало, пока настукаешь обвинительиое заключение.

— Машиинстка, конечно, как всегда, занята, — подлил масла в огонь Трубек.

— Переписывает для начальства доклад иа сессии исполкома. Разве можно ее беспокоить по таким будиичным делам!

— А я вчера видел колоссальную картииу. Венгерский детектив. Там следователь вообще ие пишет иикаких протоколов и ие переводит килограммы бумаги,

а творит мозгами и обходится блокнотом. Зато у него есть диктофон, кинокамера, портативная лаборатория и пишущая машинка. Даром не пропадает ни одна оперативная минута.

— У них, наверно, плохо с хранилищами. Некуда складывать толстые тома. Потому и не марают столько бумаги.

Гунар вставил в машинку чистый лист.

— Совсем без документации тоже нельзя, — возразил Трубек.

— Но не протоколировать же всякую ерунду. Как недавно в деле о краже мотоцикла: допросили пятьдесят шесть свидетелей-прохожих, из которых ни один своими глазами происшествия не видел. И каждое показание подробно запротоколировали. Получился целый том.

— Служебное рвение?

— В общем да. Доказательство трудолюбия. А то ведь как бывает: вкалываешь почем зря, рыщешь, рыщешь, пока найдешь настоящих свидетелей, и все равно, если исписал мало бумаги, тебя упрекают, что ничего не делаешь.

В этот момент дверь распахнулась, и появилась могучая фигура капитана Соколовского.

— Привет львам прокуратуры! — зычным голосом поздоровался он.

— Да здравствуют тигры милиции! — отозвался Гунар.

Соколовский поднял над головой темный сверток, облепленный сургучными печатями.

— На, Борис, получай посылку с доставкой на дом.

Трубек поймал брошенный ему сверток как баскетбольный мяч.

— Значит, кое-что все-таки нашел? — радостно воскликнул он.

Капитан гордо подбоченился.

— Соколовский да не найдет! Ха!

— Ну не томи, старина, распаковывай, — горел нетерпением Гунар.

Как правило, в прокуратуре работники без нужды не вмешивались в уголовные дела, следствие по которым вели их коллеги. Но дело об убийстве Алиды Лоренц приняло необычный оборот. Это был редкий случай, когда прокуратура опротестовала приговор, тре-

буя, чтобы суд вернул дело на дополнительное дослегование. И теперь все сотрудники внимательно следили за ходом событий.

Соколовский плюхнулся на стул и закурил.

— Ну так слушайте и учитесь, дети мои, — начал он. — На сей раз я действовал энергично и принципиально, как мой друг Езупан, инспектор из Прейли, когда он выколотил штраф из старухи Карклиете.

— Снова про Езупана! — вздохнул Дзелзитис. — Непонятно только, почему на этот раз он из Прейли. Насколько помню, в прошлый раз он был из Виляки.

Соколовский нахмурился.

— Прейли, Виляки — какая разница. Ну, взяли да повысили человека по службе и перевели из Виляки в Прейли. Вызывает Езупан эту Карклиете и давай отчитывать: «Ты почему, старая, штраф не платишь?» Старуха глаза на него вылупила, а Езупан знай себе бумаги перебирает. «Тут все в протоколе написано. Дебош был? Был. Стекла в окне побиты? Побиты! Жена побита? Побита!..» Карклиете ни жива ни мертва. «Ай, ай, ай, чья ж это жена... Это ведь меня старик поколотил. Сама же я к вам прибегала, старика чтобы приструнили...» — «А я что говорю? Приструнил я твоего старика на десятку. А что с него получишь? Все до копейки пропивает. Муж и жена — одна сатана. Одни радости, одни горести. Теперь давай сама и плати!»

В кабинет вошел Дзенис. Капитан замолчал, погасил сигарету и положил на стол заключение экспертизы.

— Вот, товарищ начальник, задание выполнено!

Для такого многоопытного оперативного работника, каким был капитан Соколовский, это задание отнюдь не было сложным. Надо было произвести обыск в квартире Щеписов и выяснить, нет ли там каких-либо вещей покойной Алиды Лоренц. Он захватил с собой и лоскутки ткани, полученные Дзенисом у портнихи Лоренц.

— Честно говоря, искать пришлось недолго, — рассказывал Соколовский. — В шкафу сразу же нашел черную блузку с лиловым узором и голубой халат. Материя в точности совпадала с образцами. Здесь оно все, — показал он на опечатанный сверток. — Можете сами убедиться. Вот и заключение экспертизы.

— А что говорит Геновева Щепис? — спросил Дзенис.

— Сперва отказывалась, бога в свидетели призывала. А потом начала лепетать, будто Лоренц эти вещи ей подарила.

— Наивно, — вмешался в разговор Трубек. — В особенности если принять во внимание их отношения...

Соколовский налил себе из графина полный стакан воды и залпом выпил.

— Так что, Роберт, похоже, все в порядке. Твои подозрения подтверждаются. Вещи сперва были вынесены через окно и спрятаны. А после того как Саукум осудили и все вроде бы затихло, Геновева Щепис получила свою долю.

— Надо полагать, лучшие вещи Казимир увез в Норильск и загнал там, — предположил Трубек.

— Трудно сказать, — Соколовский кинул скептический взгляд на молодого следователя. — Судя по всему, тут орудовали не только Щеписы и Саукум. Помните телефонные звонки к Страуткалнам? Звонила женщина. Саукум в то время была в отъезде. Геновева отпадает тоже, совсем другой голос и выговор. Значит, замешана по меньшей мере еще одна женщина. Черт его знает как к ней подобраться!

— Как бы там ни было, — заключил Трубек, — но, по-моему, Казимира Щеписа надо немедленно арестовать.

— Да, — согласился Дзенис, — Казимир в ту ночь, несомненно, был дома, дворник слышал крики, а Геновева категорически это отрицает. Зента Саукум сразу после убийства уехала в Норильск. При первой же возможности за ней отправился Казимир. И наконец, вещи Лоренц в шкафу у Геновевы.

— Вот видишь! — воскликнул Соколовский. — С такими уликами даже твой Озоллапа даст санкцию на арест, не моргнув глазом.

Позвонил телефон. Гунар Дзелзитис взял трубку.

— Прокуратура!

На другом конце провода послышался приятный женский голос.

— Мне, пожалуйста, следователя Трубека!

— Одну минутку! — Гунар передал трубку.

— Товарищ следователь, — произнес женский голос. — Если вы действительно намерены найти убийц Алиды Лоренц, рекомендую поинтересоваться ее завещанием. Оно в нотариальной конторе. И вам

будет ясно, кто больше всего был заинтересован в ее смерти.

— С кем я говорю? — спросил Трубек.

— С человеком, которому известно об этом деле больше, чем вам.

В трубке раздались щелчок и короткие гудки.

Борис повернулся к Гунару.

— Звони скорей на телефонную станцию, пусть проверят, откуда был звонок.

Дзенис махнул рукой.

— Разве мало в Риге автоматов...

— Э, братец! — воскликнул Соколовский. — Мне этот звоночек нравится. Не она ли грозила по телефону Страуткалнам? Стало быть, противник в панике, напуган обыском у Геновевы. Чувствуют, что сук под ними начал потрескивать.

— Может быть, они хотят нас запутать и повернуть следствие в другую сторону? — предположил Трубек.

— А ты как думал? Они тоже не дураки. Понимают, что раз нашли одежду, то арестуем Казимира. И кинули нам, как приманку, новое обстоятельство. Расчет простой — пока мы будем бегать в поисках наследников, Щепис успеет еще раз улизнуть.

— Да, но завещание и в самом деле новое обстоятельство, — попытался возразить Трубек. — Возможно, следовало бы...

— Изучить завещание успеем, оно никуда не денется, — перебил его Дзенис. — А вот Казимира Щеписа упустить нельзя. Товарищ Трубек, пишите постановление на арест.

7

Дзенис взглянул на часы.

— Уже пора бы. Непонятно, почему они задерживаются.

Он взял стул и сел в углу комнаты, неподалеку от окна.

Трубек убрал со стола все лишнее, снял очки и принялся тщательно протирать стекла носовым платком.

В дверь постучали. Затем в щели появилась веснушчатая физиономия под милицейской фуражкой.

Трубек отложил очки в сторону.

— Введите!

В кабинет тяжело вошел Казимир Щепис. Он обвел стены мрачным, злым взглядом.

— Вы, может, скажете, за что меня взяли?

Трубек указал ему на стул, стоявший примерно в метре от стола.

— Прошу сесть, — предложил он спокойно.

— Спасибо вам! — Щепис сжал кулаки. — Уже третий день сижу, только не знаю, за что.

— Не беспокойтесь, все узнаете. А теперь поговорим.

— Вон чего: поговорим! — передразнил его Щепис. — Ради этого приволокли меня аж из Норильска, чтобы поговорить?

Трубек достал из кармана шариковую ручку и принялся вертеть ее в пальцах.

— Где вы работали до отъезда на Север?

Щепис налился краской от злобы.

— Ишь чего! Будто сами не знаете. В автотранспортной конторе работал.

— А почему уехали?

— Надоело в Риге, вот и уехал. Заработать хотел побольше.

— Здесь тоже грех было жаловаться на заработки. Часто ездили в командировки. Весь октябрь в прошлом году были в Кулдиге.

Щепис подозрительно покосился на следователя.

— Подумаешь, какая лафа — Кулдига, — проворчал он. — Из лесу не вылезали.

— Не так далеко от Риги. Разок-другой можно было и домой съездить.

— Черта с два съездишь при таком бригадире. Как собака на сене: сам не едет и других не пускает.

— И все-таки в Риге вы побывали!

— Кто вам сказал?

В кабинет вошел прокурор Озоллапа.

— Ну как, развязался язык у нашего приятеля?

— Он никак не может вспомнить, ездил из Кулдиги в Ригу или нет, — сказал Трубек.

— Так, так, — протянул Озоллапа. — Придется напомнить, — и прокурор повернулся к Казимиру: — Что вы делали в Риге в ту ночь?

— В какую ночь?

— Не прикидывайтесь, нам все известно. Вот тут написано, — Озоллапа хлопнул ладонью по толстым папкам на столе. — Ну так как, будете говорить?

— Мне говорить нечего.

— Совершил такое тяжелое преступление, и ему нечего рассказать, — покачал головой Озоллапа. — Ай-ай-ай!

— Я уже сказал, что в октябре в Риге не был, — упорствовал Казимир.

Дзенис, молча сидевший в углу, встал и вышел на середину комнаты.

— Не забывайте об одном: по нашим законам чистосердечное признание является смягчающим обстоятельством. Не надо упираться. Нам известно о преступлении, совершенном вами ночью одиннадцатого октября. И мы можем это доказать.

— Ничего вы не докажете.

— В ту ночь дворник видел вашу машину в переулке, недалеко от дома.

— Брешет, — отрезал Щепис. — Это была не моя машина.

— Быть может, ошибается и автоинспектор, задержавший вас по дороге в Ригу? — Трубек положил перед Казимиром Щеписом два документа.

Щепис поглядел на бумаги, словно нехотя стал их читать. И чем дальше читал, тем сильней ощущал безвыходность своего положения.

Внешне он оставался спокоен, но мысль петляла как вспугнутый заяц: раз уж они пронюхали о происшествии на шоссе, тогда крышка. Очевидно, инспектор кое-что им порассказал. А тут у следователя на столе еще целая пачка бумаг. Столько всего понаписано. Уж это точно — кто-то раскололся. Наверно, эти двое, что помогали в ту ночь. Может, и впрямь лучше признаться?

И Казимир Щепис решился.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы. — Расскажу все.

Озоллапа окинул победным взглядом Дзениса с Трубеком и вышел из комнаты.

Когда дверь за прокурором закрылась, Щепис попросил разрешения курить. Трубек придвинул пепельницу к нему поближе. Казимир достал помятую пачку «Памира», долго разминал в пальцах сигарету, зажег

и сделал иесколько глубокнх затяжек. Откашлялся и начал:

— Есть у меня в Рнге старый кореш, я его с детства знаю. Еще до войны вместе бегалн по Московскому форштадту. Правда, теперь встречаемся редко. Он теперь большой человек, завмагом работает.

Щепнс стряхнул пепел на пол. Дзеннс опять сел на свой стул в углу н, скрестив рукн на груди, терпеливо слушал. Трубек медленно прохажнвался по комнате.

Казнмнр, постепенно успоканваясь, продолжал:

— Прошлый год осеиью я сидел раз в пнвном баре н потягнвал «Жнгулевское». Вдруг — я глазам даже своим не поверил — вырос он передо мной, как гриб после дождя. Подсел. Из кармана пол-лнтра достает. С пивом она хорошо идет... Рассказываю ему про свою жизнь. Дела ндут неважно. Тогда он предлагает мне бизнес. Подумал я, решнл, на такого человека положиться можно; лншннй рубль тоже не помешает. Ну чего еще? В голове звон стонт. Однмм словом, ударнли по рукам. По дороге домой все обговорнлн.

Трубек сел на свое место н прнготовился записывать. Щепнс закурил вторую сигарету.

— И в тот раз, когда я был в Кулдиге, он дал знать н прислал деиег. Я сразу иачал действовать. Нашел подходящего старикана, договорилнсь. Когда стемнело, подъехал на машнне. Погрузнлн быстро н... жму в Рнгу. Мне — кровь нз носа — надо было вернуться к утру, не то крышка. Газовал иа всю железку, не заметил запрещающнй зиак, ну и погорел. Автоинспектор задержал. В Рнгу прнехал уже за полночь. Но дальше все шло как по нотам.

Щепнс умолк.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрнл Трубек арестоваиного.

— А чего тут еще? Я же сказал, все шло как договорнлнсь. Дружок ждал меня у Понтонного моста. С ннм былн еще два здоровых мужика.

Трубек с Дзеннсом переглянулнсь.

— Для чего же вас было так много? — не скрыл удивлення следователь.

— Я же сказал: хоть умрн, а к утру я должен был вернуться в Кулднгу. Вдвоем нам было не управиться так скоро.

— И что же эти мужики? Стояли на стреме, чтобы никто не помешал?

— Нет, грузить помогали.

— Да разве там было что грузить?

— Я же сказал — полный кузов. Пять тонн, не меньше.

Трубек вытаращил глаза.

— Чего пять тонн — вещей?!

— Каких вещей? Яблок!

Дзенис встал и подошел ближе.

— Не валяйте дурака. При чем тут яблоки, что за яблоки?

Тогда настала очередь удивиться Казимиру.

— Я же говорил. Друг прислал денег, и я у одного старика под Кулдигой купил яблок. Отборные, антоновка и за бесценок! Друг пустил их через свой магазин первым сортом. Заработал он здорово, но и мне тоже перепал хороший кусок.

В кабинете воцарилось молчание. Дзенис напряженно думал. Судя по всему, арестованный говорил правду. Да уж чего-чего, но не такого признания ожидали они с Трубеком. В расследовании убийства Алиды Лоренц они не продвинулись вперед ни на шаг. Что же делать, какую тактику применить в дальнейшем допросе? За какую нитку разматывать этот клубок? Может, переключиться на другую волну, начать с другого конца?

— Из магазина вы сразу направились домой? — начал издалека Дзенис.

— А куда же еще? — подтвердил Щепис. — Сперва только как следует поддали.

— И что же вы делали дома?

— Спал, чего же еще.

— Жена ваша рассказывала иначе! — перебил его Трубек.

— Врет, гадина! — отрезал Казимир. — Мне и оставался-то всего час поспать. В четыре надо было выезжать, чтобы успеть вовремя в Кулдигу.

Дзенис открыл дверь.

— Попрошу войти.

В кабинет, опасливо озираясь, вошла Геновева. При виде мужа она зажмурилась, будто ее ослепил прожектор.

Дзенис не дал ей опомниться и сразу задал вопрос:

— В октябре ваш муж приезжал из Кулдиги?

— Нет, нет, не приезжал, — замахала руками Геновева.

— А вот он утверждает, что был.

— Да чего его, беса, слушать! Бог мне свидетель, не приезжал!

Казимир грузно повернулся к жене.

— Брось, Геновева, будет врать. Они и так все знают.

— Ты же сам наказывал никому ни словечка не говорить. Грозился голову оторвать...

— Здесь вы обязаны говорить правду, — строго прервал ее Дзенис. — Стало быть, он приезжал в ночь с одиннадцатого на двенадцатое октября?

Геновева еще раз покосилась на мужа и, убедившись, что с его стороны угроза миновала, затараторила:

— Был, приезжал, забулдыга окаянный, бухой, как скотина. Девчонку еще напугал чуть не до смерти.

— Какую девчонку? — быстро спросил Дзенис.

— Да нашу Луцию, кого же еще. Спьяну кровати попутал. Девка с перепугу заорала так...

— И громко она кричала? — поинтересовался Трубек.

— Езус Мария! А вы бы не закричали, если б посреди ночи пьяный кобель на вас завалился? Я думала, все соседи сбегутся.

— На суде вы утверждали, что в ту ночь никаких криков не слышали, — напомнил Дзенис.

— Меня же спрашивали про соседкину комнату.

Трубек думал. После успешной махинации с яблоками Щепис действительно мог вернуться домой, изрядно подвыпив. Был ли он в состоянии так расчетливо совершить второе преступление? Допустим, был. Но ведь девочка своим криком могла поднять на ноги весь дом. Решился бы Казимир при таких обстоятельствах пойти на убийство? И последнее. Картина происшествия свидетельствовала о преднамеренности преступления. Если бы Щепис заранее к нему готовился, то ни за что не стал бы ложиться спать. Выходит, к убийству он ни в коей мере не причастен. До сих пор следствие ориентировалось главным образом на ночной крик. Теперь ему найдено другое объяснение. И еще: экспертиза определила дату убийства лишь приблизительно. Значит, есть

вероятность, что убийство было совершено вовсе не в ту ночь.

Следователь поднял телефониую трубку и набрал номер.

— Отдел кадров комбината? Говорит следователь Трубек из прокуратуры. Пожалуйста, назовите мие точиую дату увольиеиия Зеиты Саукум?.. Да, да, прошлой осеиью... А когда получила расчет? Благодарю вас... Да, это все.

Дзенис с Трубеком переглянулись. Потом помощник прокурора что-то иаписал иа бумажке и отдал ее следователю. Трубек кивиул в знак согласия и быстро покинул кабииет.

Спустя иесколько мииут он стоял перед Озоллапой.

— Ну как там у вас? — спросил прокурор. — Все в порядке?

Трубек переминался с иоги иа иогу, как провинившийся школьник.

— Кажется, мы дали промашку, — уиыло сказал ои и изложил результаты допроса.

— Что-о? — пробасил прокурор, и трудио было понять, удивлеи ои или возмущеи. — Щепис иепричастеи к делу Лоренц? Быть этого не может!

— В иочь на двенадцатое октября Щепис побывал дома, — докладывал свои соображеиия Трубек. — Это мы установили точно. А Зеита Саукум показала, если помиите, что на другой деиь после убийства взяла на работе расчет и уехала. Уволеиа оиа одииадцатого числа. Если Зеита Саукум уехала одиниадцатого, то Казимир Щепис ие мог с ней вдвоем совершить убийство в иочь на двенадцатое.

— Неужели оиа так быстро получила расчет?

— Да, в то же утро, она ведь была учеиицей. Там и рассчитывать-то особеиио иечего.

Прокурор в этот миг походил на завзятого рыболова, у которого на крючок попала здоровеииая щука, но леска была тоика и грозила вот-вот оборваться.

— Да бросьте вы мне тут умиичать! Такой бандюга, как Щепис, мог обойтись и без девчоики!

— Убийство было совершено в присутствии Саукум, — сдержаиио иапомиил еще раз Трубек. — Ииаче она ие смогла бы так точно и подробно восстановить картииу преступления.

Прокурор задумался и поостыл.

— Так, так. Саукум уволеиа одиниадцатого. А где сказаио, что оиа действительно уехала в тот же деиь? Преступление скорей всего готовилось зараиее. В этом случае Саукум вполие могла заблаговременно уйти с работы, иочью совершить преступлеиие и уехать только на следующий деиь.

— Вот это надо проверить. Поэтому и пришел к вам. До Москвы Саукум ехала поездом. В списках пассажиров рижского аэровокзала ее фамилия не значится. Но дальше, в Норильск, оиа, вероятней всего, отправилась самолетом. Надо срочно затребовать сведения из Москвы.

— Хорошо, — согласился Озоллапа. — Сейчас я позвоню по прямому проводу.

Выиуждеииая длительная пауза в допросе иалилась тягостиым молчанием. Тупо уставясь в пол, выгнув горбом мощную спину, сидел Щепис. Трубек коротал время за тем, что в двадцатый раз листал дело, иногда что-то в нем перечитывал. Геиовева пугливо поглядывала то на одного, то на другого, то на третьего и нервно теребила уголки платка. Дзенис стоял у окна. Казалось, его ничто больше ие интересует, кроме этих бесчисленных пешеходов иа тротуаре.

Неожидаиио повернувшись к Геновеве, он задал ей вопрос:

— Да, кстати, расскажите, каким образом вещи покойиой Лореиц попали к вам в шкаф?

Геиовева встрепенулась.

— Я же говорила господиiу из милиции, который рылся в моей комиате. Лоренц сама...

— Нет, сказки вы можете рассказывать другим. Лоренц была ие из тех, кто добровольио раздает свои вещи. Да еще вам! Вы же с ией ежедневио грызлись. Одежду вы взяли сами, ио когда? Говорите правду.

— А меия судить за это ие будут?

— Вы еще, может, потребуете от меня письменную гараитию? Ну, я жду.

— Я... Ну да... Это было...: — заикалась Геиовева. — Ну, когда наследиик пришел. Которая одежда была получше, ту он разом с мебелью увез. Барахло всякое оставил. Я его и прибрала.

В этот момеит в кабниет вошла секретарь.

— Товарищ Дзеиис, вас просит к себе прокурор.

— Хорошо, спасибо, — сказал Дзенис, вставая. — Ну а с этим все ясно, — кивнул он иа Щеписа. — Можете закругляться, товарищ Трубек.

Прокурор сидел, подперев кулаками подбородок, и хмуро глядел в окно. Перед иим на пустом столе лежала только что приинятая телефонограмма.

Когда в кабинет вошел его помощник, Озоллапа, ие поворачивая головы, бросил сердито:

— Вот, полюбуйтесь!

Дзенис быстро пробежал глазами текст, в котором говорилось: «В ответ на ваш запрос сообщаем, что Зеита Саукум убыла из Москвы в Норильск самолетом 12 октября в 10. 30, рейс № 541».

— Н-да, — протянул помощник прокурора. — Значит, из Риги оиа уехала действительно одиниадцатого октября. Что теперь будем делать с Казимиром Щеписом и его яблоками?

Озоллапа зло поглядел на своего помощника.

— Эх, Роберт, ну н посадил же ты меня в галошу! — Озоллапа резко встал и направился к вешалке.

— Выходит, дали маху, — призиался Дзеиис. — Версия казалась весьма правдоподобиой. Все вроде бы совпадало тютелька в тютельку.

Не дожидаясь, пока Озоллапа оденется, Дзеиис вышел из кабиета. Ои и без того испытывал неловкость и ие хотел выслушивать упреки. Около лестиицы его догнал Трубек.

— Ну что там, товарищ Дзенис?

— Таковы оии — будии прокуратуры, Борис. Работаешь, работаешь, а потом, оказывается, все зря. Надо начинать сызиова. Подумай, пока еще ие поздно, может, лучше тебе стать адвокатом, у них жизнь полегче.

— Подумаю, когда будет побольше времени, — Трубек обижеино поджал губы. — А теперь и без того есть над чем поломать голову. Кстати, Геиовева Щепис упоминала какого-то наследника. Да и звоиившая тогда жеищина говорила о завещаиии. Быть может, как раз тут собака и зарыта.

ГЛАВА 4

1

В ателье входит Майга Страуткалн. К двери прилеплено коряво нацарапанное объявление о том, что сегодня будет принято только пять заказов на пошив пальто и семь — на платья. Хорошо, что Эдвин знаком с одной из закройщиц. Не то Майге пришлось бы выстоять длинную очередь или вообще отказаться от нового зимнего пальто.

У столика приемщицы столпились заказчицы.

— Какое хамство! Испортить такой дорогой материал! — в голосе возмущенной клиентки слезы.

Другая, настроенная более оптимистически, медленно и подчеркнуто спокойно спрашивает:

— Я прихожу сюда третий раз. Скажите, когда же в конце концов состоится примерка моего костюма?

Ультрасовременно причесанная девушка в миниплатье, похожем на распашонку, казалось, не слышала претензий заказчицы. Она взяла у Майги квитанцию.

— Ждите, вас вызовут.

Майга Страуткалн отошла в сторонку и присела на краешек потертого кресла.

В эту минуту в дверях появился Эдвин. Он окинул зорким взглядом зал, увидел жену и подошел к ней.

— Пунктуален, как всегда! — усмехнулась Майга. — По тебе можно проверять часы.

— Точность — вежливость королей, — холодно отшутился Эдвин.

— Не прикажешь ли теперь обращаться к тебе «ваше величество»?

Эдвин сел на соседнее кресло.

— Всегда и всюду ты чувствуешь себя очень самостоятельно и независимо. Но вот пойти без супруга к портному ты не можешь ни в какую.

— У тебя хороший вкус. Я хочу, чтобы мое новое пальто нравилось и тебе тоже.

Эдвин, не вставая, склонил голову.

— Благодарю за комплимент, мне льстит такое отношение.

Мимо Страуткалнов прошел мужчина со свертком под мышкой. Майга проводила его взглядом. Он подо-

шел к столику приемщицы в правом углу зала, огляделся по сторонам и подал записочку. Девушка понимающе кивнула, взяла сверток и стала выписывать квитанцию.

— Пока я тут сижу, — сказала Майга мужу, — оформляют уже четвертый заказ. Хотя официально прием кончился еще утром.

Эдвин приподнял руку и критически осмотрел свои холеные ногти.

— А ты забыла, как недавно сама...

— И все-таки это отвратительно. Все по знакомству, везде через черный ход.

Эдвин поморщился.

— Кажется, знакомство с милицией и прокуратурой пошло тебе на пользу. Ты стала горячей поборницей законности.

— Что же в том плохого?

— Как тебе сказать. А твои поступки всегда соответствуют букве закона?

Майга недовольно покраснела. Она вспомнила о своем недавнем разговоре с Робежниеком на пляже, о поездке с ним в Ляундобели... Да и сейчас ей предстоит выполнить поручение адвоката, ради чего, собственно говоря, она и попросила Эдвина прийти в ателье. Кто знает, насколько законна вся эта затея. Тем не менее...

Майга, чтобы не выдать смущение, притворилась, будто последний вопрос не достиг ее слуха.

— Почему ты с таким презрением произнес эти слова: милиция и прокуратура?

Эдвин вызывающе поднял брови.

— Просто не понимаю, какое тебе дело до безобразий в ателье. Незачем портить нервы. Мир все равно не переделать. Главное, плевать на все и беречь здоровье.

— Какой же ты все-таки циник! — отвернулась Майга от мужа. — А я вот не могу относиться к этому равнодушно. Не могу и не желаю.

В этот миг Майга невзначай подняла глаза и увидела тоненькую, очень миловидную девушку в халате, которая несла несколько недошитых пальто.

Когда работница поравнялась с Эдвином, ее смуглые щеки чуть заметно вспыхнули. То ли от смущения, то ли укололась о булавку, но она сделала неловкое движение и уронила верхнее пальто.

Эдвин вскочил, поднял пальто и галантно подал его мастерице.

Девушка смутилась еще больше.

— Благодарю вас.

— Не за что, — улыбнулся Эдвин и, подмигнув, шепотом добавил: — Всегда готов служить.

Майга проводила девушку взглядом до двери. Где она ее видела? Остроносенькая, характерный изгиб темных бровей и родинка на левой щеке. Да, несомненно, Майга встречалась с этой девушкой и неоднократно. Но где? Она не была из числа пациенток. Своих больных Майга помнила хорошо.

Эдвин тоже смотрел девушке вслед. Но думал при этом совсем о другом.

В зале ожидания загорелся свет. Лишь теперь стало заметно, что на улице вечерело. Сумерки темной вуалью ложились на город и гасили краски дня.

— Мы сидим тут почти полчаса, — Эдвин посмотрел на часы.

Майга встрепенулась, выведенная из каких-то своих раздумий.

— Да, да, очень долго. Хотя, впрочем... Наверно, мастер занят с другой заказчицей.

«Как кстати он мне напомнил о времени», — подумала Майга. Ведь скоро ей придется зайти в примерочную кабину, а тогда...

Рядом на столике были разложены журналы мод. Майга выбрала один из них и стала перелистывать, внимательно рассматривая рисунки.

— Взгляни, Эдвин, как тебе нравится этот костюм для улицы?

Эдвин бросил небрежный взгляд на журнал.

— Недурен. Тебе должен пойти.

— А вот это платье? Миленькое, верно?

— Я всегда высоко ценил твой вкус.

Майга продолжала перелистывать страницы. Наконец она нашла то, что искала.

— Дорогой, — и своим плечом она слегка коснулась плеча мужа, — а ты помнишь, что скоро мой день рождения?

— Разве хоть раз я об этом забыл?

— Сделай мне какой-нибудь оригинальный подарок.

— С превеликим удовольствием.

— Вот, взгляни.

На цветном рнсунке Эдвнн увидел блондинку в декольтированном вечернем туалете из ткани с люрнксом.

— Тебе хочется такое платье?! Блеск делает его просто вульгарным!

— Да нет же! Ты взгляни на украшения. Изумительная вещица.

Эдвнн внимательней присмотрелся к цветному фото. Стройную шею блондинкн охватывала тонкая золотая цепочка со светло-голубым сапфиром. Небольшой камешек походил на крупную каплю воды, в которой отразнлось весеннее небо. Казалось, она вот-вот скатнтся вннз по груди красавицы.

Майга ласково прнжалась к мужу.

— Подари мне такой кулон!

— Сомневаюсь, можно лн найти в ювелирных магазинах именно такой камень.

— Драгоценные камнн покупают не только в магазннах. Есть люди, у которых...

Эдвин подозрительно покоснлся на жену.

— Я с такими незнаком. — На его лнце появилось брезглнвое выражение. — Я только из газет знаю о спекулянтах золотом, брильянтами и валютой. Никакнх дел у меня с ними не было.

— Куда хватил — брильянты! — Майга по-детски надула губки. — И потом мы не собнраемся ничего перепродавать. И о спекуляцнн вообще нет речи. Мне такой кулон очень пойдет. Сам увидишь.

Эдвин молчал. Еще никогда жена не выпрашнвала у него подарков. Доверяла вкусу мужа и нензменно бывала довольна. Подарки Эдвина всегда были оригинальны и интересны. Что может означать эта необычная просьба? Возможно, Майга о чем-то догадывается и решила его проверить? Или действнтельно загорелась желаннем приобрести такой кулон? Нелегко понять женщнну.

Майга словно зачарованная, не отрывая взгляда, смотрела на картинку.

— В поликлинике нашн девочки говорили, что такне вещицы есть у одного молодого человека. Нет, ты не думай, что он спекулянт. Просто уцелелн фамнльные драгоценности с прошлых времен. Не то от матерн остались, не то от тетки. Возможно, у него есть и такой сапфир.

Эдвин молчал.

— Говорят, он работает в газовом управлении, — продолжала Майга. — Инспектором или контролером каким-то. Кое-кому из наших он что-то продавал. Его фамилия Лапинь. Вольдемар Лапинь.

Эдвин сдержанно улыбнулся.

— И ты думаешь, он станет вести с посторонним человеком разговор о брильянтах? Скорей всего пошлет меня к черту.

Майга заранее приготовилась к подобному и при том логическому завершению этого разговора.

— А ты скажешь, что тебе посоветовал к нему обратиться Айвар. Они когда-то дружили, вместе работали в одном автопарке шоферами. Айвар брат нашей регистраторши.

Разговор прервал каркающий голос репродуктора:

— Гражданка Страуткалн, на примерку в шестую кабину.

Майга встала и направилась к кабине номер шесть. Эдвин пошел за ней.

Часом позже их голубой «Запорожец» остановился у нового дома на улице Горького. Эдвин запер машину.

— Ты собирался зайти к Фреду, — напомнила Майга.

— Да, да! Он обещал мне новые контакты для прерывателя.

— Надеюсь, ты долго не задержишься.

— Нет, дорогая, я скоро.

Майга взбежала по лестнице, отперла дверь, осторожно закрыла ее за собой и кинулась к телефону.

Судя по всему, на другом конце провода этого звонка ждали. Трубка была поднята по первому же гудку.

— Алло!

Приглушенным голосом Майга сказала:

— Это я. Все в порядке. Эдвин его разыщет. Все. Пока!

Она положила трубку и устало опустилась на стул.

2

Софья Трубек сидела на краешке дивана и вязала сыну джемпер. Руки поднялись и вновь устало упали на колени. Уже сколько раз она разогревала ужин. А Борис ее как с утра ушел, так все и не возвращается с

работы. Да, трудно свыкнуться с фактом, что сын стал взрослым человеком, что у него свои интересы и увлечения. Что поделать, жизнь имеет свои непреложные законы...

Мать подошла к окну и приоткрыла штору. Все люди приходят вовремя с работы домой, только ее сына все нет и нет. Опять беднягу, наверно, задержали дела. Возится все со своими преступниками.

Наконец-то раздались на лестнице знакомые шаги. Софья сняла очки и направилась, шаркая шлепанцами, к двери. Щелчок ключа, в переднюю входит Борис.

— Где ты запропастился? — в голосе привычная тревога. — Просто не знаю, что и думать.

— Какая ты у меня трусишка, мамочка!

Борис обнял мать и поцеловал в морщинистую щеку. Так всегда они встречались, даже после двухчасового отсутствия, хотя Борис давно уже не маленький, как казалось матери. Всем матерям так кажется. После школы он пошел работать на завод. И лишь спустя несколько лет, когда по-настоящему стал на ноги, поступил на заочное отделение юридического факультета.

Мать стучала на кухне крышками, Борис долго и тщательно отмывал с мылом руки. Потом они сели за ужин.

— У тебя сегодня был трудный день, — спустя некоторое время заговорила мать.

— Трудный, мама, — подтвердил Борис. Взгляд его был задумчив.

Поев, Борис встал.

— Мам, я тебе помогу со стола убрать.

— Ступай, и так устал. Сама справлюсь. Вот здесь газеты. Лучше почитай немного перед сном.

Борис зажег лампу над диваном, расположился полулежа и стал лениво просматривать газеты. Но ничего интересного не было. Мысль непрестанно вертелась вокруг одного и того же. Сегодня он был в нотариальной конторе. Там выяснилось, что Лоренц в самом деле оставила завещание, по которому все ее имущество переходило во владение Адольфа Зиткаурнса, старого человека, старше, чем она сама. Но вот три года назад она переписала завещание на имя Вольдемара Лапиня.

О каком имуществе вообще могла идти речь? После смерти Лоренц нотариус описал все ее вещи. Это была старая мебель и одежда. Ничего ценного. Если не счи-

тать сберкнижки, на которой лежало сто сорок девять рублей. Правда, врач Страуткалн видела у Лоренц на руке старомодные золотые часы и массивное кольцо. Ни того, ни другого не нашли. Возможно, убийца похитил ценные вещи.

Адольф Зиткаурис. Кем он приходится покойной — родственником или старым другом? Известно ли ему, что он больше не наследник Алиды Лоренц? Это могло быть поводом для ссоры, а то и для убийства или грабежа...

Борис отложил газету в сторону, постелил постель, разделся и залез под одеяло. Но заснуть не удавалось. Слишком громко тикает будильник. Громыхает на стыках рельсов трамвай...

А если все-таки Лоренц убита Зиткаурисом? Тогда при чем тут Зента Саукум? Да и Зиткауриса она выдала бы на первом же допросе. А Вольдемар Лапинь? Молодой мужчина. Такому деньги всегда нужны. Если он был родственником убитой, то наверняка знал, что у старухи кое-что в чулке припрятано. И если он к тому же считал, что наследником по-прежнему считается Зиткаурис...

Борис повернулся на другой бок. Мать дышит тяжело. Опять, наверно, сердце. Борис зажег ночник и поднялся.

— Тебе плохо, мама? Дать капли?

— Пройдет, я уже приняла.

— Может, «неотложку» вызвать?

— Не надо, уже лучше. Ложись спи, сынок. Тебе рано вставать.

Постепенно мать задышала ровнее, видать, уснула. А у Бориса не было сна ни в одном глазу.

Прав Дзенис: чтобы расследовать это убийство, необходимо собрать как можно больше сведений об убитой и выяснить, кому была выгодна ее смерть. Похоже, и Зиткаурис, и Лапинь могли быть заинтересованы... Но какая роль при этом отведена Саукум? Неужели отношения были так натянуты, что Лоренц не впускала к себе ни того, ни другого? Надо будет познакомиться с этими людьми поближе.

Борис перевернул подушку. Она теперь приятно холодила и освежала разгоряченную голову.

Сказала тогда о наследнике и женщина по телефону. Та, что звонила в прокуратуру. Ей якобы известно больше, чем нам. Быть может, даже знает убийцу? Странно.

Почему же раньше звонили Страуткалиам, угрожали, а теперь вроде бы хотят оказать помощь следствию? Может быть, раздоры среди соучастников? Может, совесть замучила, да не хватает духу прийти с повинной? Так тоже бывает. Как ее разыскать?

Коротка летняя ночь...

3

Светло-серая «Волга» свернула с шоссе и остановилась перед двухэтажным домом. Постройка старинная, но крепкая, стены сложены из громадных отесанных валунов. Такие здания в буржуазной Латвии строили для волостных управ. Строили основательно, на долгие времена. Сейчас в этом доме помещалась контора лесхоза.

Роберт Дзенис вышел из машины, которая тут же развернулась и укатила в сторону Риги.

Директор лесхоза уже поджидал работника рижской прокуратуры, о прибытии которого предупредили по телефону.

— Прошу вас, — сказал директор, показывая на массивный стул за письменным столом, а сам направился к двери. — Кабинет в вашем распоряжении. Я должен объехать участки. Лесника сейчас пришлю. Он здесь, я вызвал.

Дзенис не стал садиться за письменный стол, а удобно расположился на широком диване у окна. Предстоял серьезный разговор. Однако Роберт решил начать его как непринужденную беседу. Таким путем легче настроить человека на откровенный лад. Потому он и не стал вызывать лесника в прокуратуру, а приехал сюда сам.

В кабинет вошел несколько деревянным шагом высокий сухощавый седой человек, в брезентовой куртке и резиновых сапогах. Серые глаза смотрели холодно и недоверчиво.

Помощник прокурора придвинул стул поближе к дивану.

— Прошу вас, Зиткаурис.

Старик покосился на стул, на Дзениса, потом неохотно сел. Свет из окна падал ему на лицо. Как раз это и нужно было Дзенису.

— Мне хотелось с вашей помощью выяснить некоторые вопросы, — безразличным тоном начал помощник прокурора. — Я, понимаете ли, разыскиваю родственников Алиды Лоренц. Она умерла прошлой осенью. Вы, кажется, знали Лоренц.

На жестком сером лице Зиткауриса не дрогнул ни один мускул. Старик держал себя так, словно разговор не имел к нему ни малейшего отношения. По дороге из Риги Дзенис продумал, как повести предстоящий разговор, чтобы установить контакт с этим человеком. Может, все-таки начал не в той тональности? Хорошо, испробуем по-другому.

— Просто ужасно, какой смертью привелось умереть Алиде! — вздохнул Дзенис. — Говорят, она была добрая, сердечная женщина.

Лесника передернуло.

— Сердечная?! Хотел бы я посмотреть на того, кто так говорит!

В общем-то Дзенис ожидал другой реакции, но и эта его устраивала. Лед так или иначе тронулся.

— Вы придерживаетесь другого мнения? — удивился он.

— Ведьма! — вырвалось у Зиткауриса.

— Ну что вы!

— Если б вы только ее знали!

— Вы-то знаете ее.

— Лучше было бы не знать.

Зиткаурис старался подавить в себе возбуждение. Он сидел прямо, не касаясь спинки стула. Ответы его были отрывисты, как удары топора.

— По всей видимости, она была к вам в чем-то несправедлива? — Дзенис говорил дружелюбно и даже сочувственно.

— Алида со многими поступала несправедливо. Даже с самыми близкими людьми. Насквозь была злонравная баба. Настоящая выжига.

— И давно вы ее знали?

— С самого детства. Мы же родня. Наши матери были двоюродными сестрами.

Дзенис почувствовал удовлетворение. Начало многообещающее. Удалось все-таки стронуть с места этот паром. Помощник прокурора решил перейти к активным действиям.

— Стало быть, вы всегда недолюбливали Алнду Лоренц?

В глазах у лесника заискрились злые огоньки. Он поджал губы, будто запер их на ключ. Дзенис задумался. Как видно, старик не из простаков. В каком же направленин разматывать дальше клубок?

Неожиданно Зиткаурнс заговорил сам:

— Недолюбливал?! Не-ет! Я ее ненавидел! Ее убили, и хорошо сделалн. Так ей и надо! Да, да. Хоть она мне и родственницей была. Одной негодяйкой на свете меньше.

Казалось, старнка того глядн начнет колотить лнхорадка. Землистые щеки нездорово запылали.

— Удивлены, что я посмел так выразиться? — продолжал он. — А мне бояться нечего. Прокуратура ищет убийцу. Я так понимаю ваш приезд и разговор со мной. Могу сказать только одно — мне никакого дела до всего этого нет. Вот так.

Дзенису окончательно стало ясно, что старика голымн руками не взять. Достойный противник. Предлагает открытую борьбу. Самым правнльным будет принять вызов.

— Да, мы разыскнваем преступннка, — подтвердил Дзеннс. — И я вас пригласил для разговора именно об этом. Если вы действительно не нмеете отношення к убийству, то будете заинтересованы в раскрытии преступлення.

— Чего ради я должен вам помогать?

— Совершено тяжкое преступленне. Внновник подлежнт суровому наказанию. Этого требуют закон и справедлнвость.

— А я так считаю, что поделом ей. И карать убийц незачем. За еретнческие мыслн меня суднть ие станут? За мысли ведь к ответственностн не прнвлекают.

Старнк явно потешался над Дзенисом.

— Вы правы. За мыслн, даже за еретнческие, наказывать нельзя. Но за отказ дать свидетельские показания — можно. Неужели вы действительно хотите, чтобы ваш отказ был запнсан в протокол? Вы производнте впечатление разумного человека, н я надеюсь найти с вами общий язык.

Зиткаурис пожал плечамн.

— Спрашивайте. На что смогу — отвечу.

— Это другой разговор. Расскажнте, чем занималась

Алнда Лоренц до войны, точнее — во времена Ульманиса?

— Ей прннадлежал цветочный магазин на Гертрудинской.

— Лоренц была состоятельным человеком?

— Жила всегда шикарно. Умела устроиться, подладнться под любую власть.

— И под немецкую тоже?

— Еще как!

— Она сотрудннчала с оккупантамн?

— Не знаю, как с оккупантами, но с немецкими офицерамн — это уж точно.

— А разве у Лоренц не было семьн, мужа?

Бледные уши Зиткауриса слегка порозовели.

— Для семейной жнзни эта дрянь не годнлась. Чего ради обзаводнться детьми, заботиться о муже? Ей бы только самой снимать пенки с жизни.

Дзенис наблюдал за ушами Зиткауриса, они невольно выдавали хозяина. Не получил ли он в свое время отставку, а теперь хочет задним числом свести счеты? Ну что ж, пускай...

— Много у нее в юности было поклонников?

— Ого, эта бабенка и под старость не терялась. Штурмбаннфюрер фон Гауч влюбился в нее по уши и даже собнрался увезти с собой в Германию, когда узнал...

Знткаурис осекся.

— Что узнал? — резко переспросил Дзеннс.

Лесник упрямо молчал.

— Я вас спрашиваю, о чем узнал фон Гауч?

В голосе Дзениса зазвучали металлнческне нотки. Старик опустил глаза.

— Что у ннх будет ребенок.

Молчание.

— Ребенок роднлся?

— Да, мальчик. Но Алида даже не подумала его сама воспитывать. Чужнм людям сбагрила в деревню. И опять зажила припеваючи. А сын плоть от плоти... Этого я ей простить не мог.

«Да нет, не этого», — подумал Дзеннс.

— А как штурмбаннфюрер? — спросил он вроде бы между прочим.

— Этого тнпа вскоре посадили.

— За что?

— Отдали под суд за присвоение золота и брильянтов.

— Где же он их брал?

— Работал в Саласпилсском концлагере. Через его руки проходили конфискованные драгоценности.

— Вы хотели сказать — награбленные? — уточнил Дзенис.

— Ну да, те, что отбирали у заключенных и увозили в Германию. Этот малый о себе тоже не забывал. Алида рассказывала.

— А потом Лоренц встречалась с ним?

— Я слышал, фон Гауча расстреляли. Немцы были на это скоры. Но кое-что из наворованного перепало и моей родственнице. Уж не знаю — штурмбаннфюрер ей дарил или она сама нахапала.

Дзенис встал и прошелся до окна. Перед домом стояли трое мужчин навеселе и оживленно что-то обсуждали. По шоссе в обоих направлениях неслись автомашины.

— Чем занималась Лоренц после войны?

— Работала на Центральном рынке продавщицей в ларьке. Потом ей удалось выхлопотать небольшую пенсию.

— И помаленьку расторговывала свои драгоценности?

— Наверное, кое-что продала. Но большую часть, конечно, припрятала. Ждала, что времена переменятся. Надеялась, сызнова...

— Где она прятала драгоценности?

— Если бы я знал!

— А что было дальше с ребенком?

Зиткаурис отвернулся.

— Моя изба с краю...

— Не прикидывайтесь наивным и не увиливайте. У нас был уговор: я буду спрашивать, вы — отвечать. Итак, что произошло с мальчиком.

— Жив и здоров. Вырос под фамилией своих приемных родителей. А когда те умерли, кто-то из соседей разболтал.

— И ему стало известно, кто его настоящая мать?

— Ну да. Только он к ней не пошел. Тогда был еще молод и горд.

— А потом?

— А потом жизнь малость пообломала ему рога. Был

у него товарищ. Айвар. Они вместе уехали в Снбирь. Работали шоферамн где-то на стройке. Очевидио, жизнь там у ребят была не райская. А может, что иатворили. Не знаю. Только трн года иазад Вольдемар вернулся на родииу.

Вольдемар? Теперь проясияется, кто второй наследиик. Но иа всякий случай иадо проверить.

— Но ведь после возвращения из Сибирн Вольдемар Лапииь все же иаведался к своей матерн.

Зиткаурнс вытаращил глаза.

— Вам известна его фамилия?

— Мне миогое нзвестно, Зиткаурис. Гораздо больше, чем вы полагаете. Могу проверить каждое ваше слово. Так что ие будем забывать про уговор.

— Я говорю правду.

— Вы не ответилн иа мой последиий вопрос.

Лесник нахмурился. Да, этот прокурор стреляный воробей. Поди зиай, что еще ему удалось пронюхать.

— После возвращения Вольдемар прншел к Алиде. Только оии не ужились. Признать, коиечно, признали друг друга. Алида больше всего боялась, что он будет просить помощи. И потому прикидывалась последней нищенкой.

— И тем не меиее переписала завещанне иа его нмя?

— И это знаете? Да, перепнсала. Но не из-за материнской любви. Только радн того, чтобы мие насолить.

— И сообщнла об этом сыну?

— Мало того. Потребовала выкуп. Двадцать рублей в месяц.

— А почему же первое завещанне было на ваше имя? Вы ведь не ладили между собой. Возможно, вам тоже надо было платнть выкуп за завещаине? Илн она была перед вамн в долгу? Не стесняйтесь, Зиткаурис, рассказывайте все о вашнх с ией делах.

Зиткаурис заерзал на стуле.

— У меия было хорошее пианиио. Еще с мнрного времени. Алида иашла покупателя и помогла продать инструмент. Но отдала мие только половину денег. Сказала, что остальиые у нее укралн. А я требовал, даже угрожал ей. Тогда в уплату долга она написала завещание на мое имя.

Дзенис отнесся скептнческн к этому рассказу. Несомиенио, какие-то сделки между ними нмелн место. Не эта, так другая. На сей раз Зиткаурис использовал

затасканный, но неглупый прием: держаться как можно ближе к правде и тем самым притуплять бдительность следователя, а в нужный момент подмешать в показания ложь. Ничего, проглотим эту пилюлю. Покамест противопоставить нечего. Надо притвориться, что во все веришь.

— А вас разве устраивал такой вариант? — поинтересовался помощник прокурора.

— Да что я, спятил, что ли? Ругался с Алидой на чем свет стоит. И пригрозил. Но она была не робкого десятка. Понимала, стерва, что я ничего не смогу доказать. Я ей говорю: «На кой черт мне твое наследство, ты дольше меня будешь небо коптить». А она: «Заткнись, старый хрыч, не то завещание отзову».

— И отозвала? — сочувственным тоном спросил Дзенис.

— Да. Как только появился Вольдемар. Назло мне переписала завещание на него.

Зиткаурис достал носовой платок и вытер влажный лоб. В кабинете было душно. Июльский зной густо лился в раскрытое окно. Но Дзенис его не чувствовал. Разговор оказался интересней, чем он предполагал. Один за другим всплывали новые факты, новые обстоятельства. Было необходимо их проанализировать немедленно, в ходе допроса. В то же время надо было слушать Зиткауриса и обдумывать следующие вопросы, не давая ему передышки.

— Драгоценности в завещании не упоминаются, — продолжал Дзенис. — Вольдемару было что-нибудь известно об их существовании?

Старик усмехнулся.

— Я ему рассказал.

— С какой целью?

— Думал, он малость тряхнет свою ненаглядную мамочку. Как трясут осенью осыпную яблоню. Отплатил ей — око за око, зуб за зуб.

— А он?

— Сделал вид, паршивец, будто ему начхать. Притворился. Не может того быть, чтобы человек был равнодушен к золоту и брильянтам.

Дзенис подумал: «Вот когда ты у меня весь как на ладони».

— Когда произошел этот разговор?

— С Вольдемаром насчет драгоценностей? Дайте

припомиить. Мы тогда встретнлнсь в городе. Так получилось. Я поехал теплые ботинки покупать. Да, это было в сентябре прошлого года.

— И прнблизнтельио через месяц...

— Алиду убили.

Старик посмотрел иа прокурора глазами невинного ягиеика и продолжал:

— А Вольдемар вскоре купил себе мотоцикл.

— Вы хотите сказать, что...

— Ничего я не хочу сказать. Это могло быть чнстое совпадение.

— Будем иадеяться. В противиом случае, Зиткаурнс, вас можио будет считать лицом, осведомленным о преступлении. Так сказать, подстрекателем.

— Ну иет уж. На убийство я ннкого ие подбнвал. Только сказал Вольдемару, что ои богатый иаследник. А это ие преступлеиие.

— После смерти Лоренц в квартире ие обиаружеио ии золота, ии брнльяитов. Возможио, их взял преступиик. Но что, еслн драгоцеииости по сей день лежат гденибудь в тайннке?

Дзенис винмательио следил за выраженнем лица допрашиваемого. Одиако оио было непроиицаемо. Глаза опять вытяиулись в узкие щелочки, и щеки дрябло отвислн.

— Да, тут вам есть над чем подумать, — согласился Зиткаурис.

— И вам тоже.

— Мие-то что? Я ие наслединк. У меия нет иикаких прав иа имущество Алиды.

— А Вольдемару?

— Тому да. Но, может, ои что-инбудь н знает. Ручаться я ии за что не могу. После смерти Алиды мы не виделись.

— Кто еще проявлял нитерес к драгоценностям?

Зиткаурис долго молчал. Затем все-таки сказал:

— Меня хоть и предупреждали — об этом иикому, ии полслова. Я обещал молчать...

— Мне вы расскажете!

— Она приезжала ко мне. В Ляуидобели. Недавио это было. Расспрашивала про Алнду. Вот так же, как вы сегодия.

— И вы рассказалн?

— Кое-что рассказал. Про Алиду, про фои Гауча.

Про Вольдемара и драгоцениости... больио уж оиа ласково упрашивала.

«Эидшпиль, — подумалось Дзеиису. — Зиткаурис жертвует ферзем ради того, чтобы укрепить позиции моим доверием к иему. Ои мие предлагает иичью. Нет, старче, иичего ие выйдет».

— Вы хотите стравить ее... скажем, с Вольдемаром. Так же, как и в прошлом году пытались иатравить Вольдемара иа мать. Когда двое дерутся, третьему может перепасть то, из-за чего оии сцепились.

— Эк вы куда хватили! Чересчур тонко и хитро. Я хоть и стар, ио все же мужчииа. Представьте себе, что к вам в лесиую глушь приезжает молодая симпатичиая бабеика. Улыбается как святая мадоииа. Хотел бы поглядеть, хватило бы у вас духу противиться ей? Возможио, коиечио. Но я ие смог.

На лице Дзеииса промелькнула саркастическая улыбочка.

— Кто она такая?

— Не иазвалась.

— Как выглядела?

— Красивая жеищииа. Волосы светлые. Одета погородскому.

— Какие еще приметы?

— Не помию.

— Могли бы узиать, если бы встретили?

— Да уж и ие зиаю.

— Ладио, иа сегодия хватит. Дома хорошеиько обо всем подумайте. Мы еще увидимся.

Зиткаурис был разочароваи. Как видно, от этого иастыриого прокурора будет ие так легко отделаться.

Минут десять спустя Дзеиис уже стоял иа шоссе у автобусиой остаиовки. До автобуса еще долго. И, как иазло, иикто ие едет в сторону Риги. Всегда так, когда торопишься.

Дзеиис торопился. Добытая ииформация была чрезвычайио важиой. Теперь иакоиец обрисовывались коитуры Алиды Лореиц как личиости. А главное, проясиились мотивы убийства. Это уже большой шаг вперед в темиом лабириите этого запутанного дела. Версия, по которой Лореиц убили ради старого пальто и пары платьев, с самого иачала вызвала у Дзеиса виутрений протест. Другое дело — золото, брильяиты...

Необходимо теперь срочио проверить показаиия Зиткаурнса. Трубеку иадо поручить разыскать Лапния и допросить, покуда старый лесовнк не предупредил его. Старнк наверняка поторопнтся с этим. Какие между ними отношения? Действовать надо быстро и энергично. А ты тут стой и жди автобуса...

Прошлое Алнды Лоренц старнк описал правдоподобно. Все эти истории с Гаучем, с драгоценностями, с сыном, иадо полагать, ие плод его фантазии. Но его собственные взаимоотношения с Лоренц? М-да... Тут уж позвольте усомниться. К золоту и брильянтам старик отнюдь ие равнодушен. Могло получиться так: Зиткаурнс пронюхал, что завещание переписано на Вольдемара, и все надежды лопнули. Он решает завладеть богатством с помощью силы. Но тогда почему только через три года? И чего ради выбалтывать о золоте Вольдемару? Затем, чтобы позднее иаправить следствие по ложному следу? Очень сомнительно. Слишком уж дальний прицел.

А Вольдемар? Законному наследнику, казалось бы, нет иужды грабить свою мать? Нетерпение молодости? Захотелось поскорей разбогатеть? Может, побоялся, что драгоцеиности будут коифискованы как незакоиио добытые и по завещанию ему достанутся кровать, стол да комод? Кое-какая логика тут есть. Но и это маловероятиое допущение. Для чего Лапиню было красть пальто и платья матери, которые потом все равно достались бы ему? Или это маскировка?

Дзенис стоял и ковырял иоском ботиика землю. А если все-таки Зиткаурнс? Почему он почти без сопротивления рассказал о драгоцеиностях? Старик ие дурак и должен бы понимать, что подозрение может пасть и иа иего. Впрочем, ясио. Рано или поздно мы все равио все это узиаем. Тогда его молчание оказалось бы вдвойне подозрительиым.

Кто из них — Лапинь или Зиткаурнс? Но, возможно, ии тот, ни другой. В конце-то концов преступление мог совершить и кто-то еще, кому было известио об имуществе Алиды Лоренц.

Вопросов хоть отбавляй, и каждый требовал точиого ответа. Надо думать, думать и еще раз думать. Уже достаточио много допущеио ошибок.

На остановке собирались пассажиры. Из-за поворота в облаке пыли показался автобус.

4

— Имеием закоиа!

Тяжелая рука ложится иа плечо. Трубек круто поворачивается. На лице капитаиа Соколовского расцветает широчайшая улыбка.

— Напугал?

— Жутко! Не видишь, колеики дрожат.

Оии стояли иа улице Меркеля возле «Сакты». Город окутывали сумерки. В витрииах магазииа загорелся свет. Над иими весело мигали красиые, желтые и зелеиые буквы, по-своему подсвечивая шумящий прибой толпы.

— Бегу за билетами в кииошку, — подмигиул Трубеку Соколовский. — И целый вечер ие буду думать ии о преступииках, ии о прокурорах и саикциях. Первый свободиый вечер черт зиает за сколько иедель.

— Что, миого беготии?

— Не говори... — Капитаи взгляиул иа часы. — Ты спешишь, Борис?

— Пока ие очеиь, а что?

— Пошли посидим мииут десять. Замотался вдрызг.

Дождавшись паузы в многорядиом потоке машии, троллейбусов и автобусов, Соколовский с Трубеком перешли через улицу и оказались под сеиью вязов Кировского парка. В этот час, когда все торопятся с работы по домам, оии без труда иашли свободиую скамейку и сели.

Соколовский расстегиул верхиюю пуговицу кителя и, с иаслаждеиием вытяиув иоги, сказал:

— Зиаешь, Боря, иногда думаю: иу ее к бесу, эту милицию. Уйду — и точка. Хочу жить как все люди. Свое время отработал — отдыхай! Театр, киио, коицерт. Друзья. Подыщу себе тихую, спокойиую должиостеику.

— Завхоза или иимспектора по кадрам. Идея иеплохая. Выстроишь себе дачку за городом и по выходиым будешь поливать тюльпаиы. Идиллия!

Капитаи полез в кармаи за сигаретами. Закурил.

— Эх, Боря! Не поиял ты иичего! Похороиить меия, что ли, собрался, да?

— Почему вдруг похороиить?

— Завхоз, тюльпаиы! Я же через два месяца испущу дух.

— Сам сказал, душа жаждет спокойиой жизии.

— В сердцах чего не наговоришь, но ты ведь меня знаешь: я живу, когда тружусь.

— А разве работа инспектора по кадрам не труд?

— Не отвечает моей подкожной сущности. Очевидно, я не создан для спокойной благодати.

Вдруг Соколовский спохватился.

— Послушай-ка, Борис, я чуть не забыл. Есть интересные новости. Думал завтра с утра подскочить к тебе. Но раз мы уже встретились, расскажу сразу. Знаешь, есть такой ресторан «Огрите»?

— Знаю. На первом этаже универмага в Огре.

— Ориентиры знаешь. Оказывается, ты не такой тихоня, каким кажешься. Так вот, в один прекрасный вечер сидит в этом ресторане одна наша общая знакомая. Угадай кто?

— Лора Лиепа.

— Э, брат, ты не угадал и в жизни не угадаешь. Сидит в «Огрите» Зента Саукум.

— Из тюрьмы бежала?

— Привет! Это в прошлом году. Так вот, сидит наша Зента за столиком в ресторане. Подваливает к ней один хмельной дядя и приглашает танцевать. Зента отказывается. Тот оскорблен в своих лучших чувствах и дает Зенте затрещину. Скандал. Дружинники дядю утихомирили, составили протокол. Зента в нем фигурирует как пострадавшая.

— Когда это было?

— Второго октября.

— За две недели до убийства Лоренц?

— Так точно.

— Как она оказалась в Огре?

— Ты ее сам об этом спроси.

— Она же не одна пришла в ресторан?

— Я расспрашивал у заведующего залом и у швейцара. Те припоминают, будто вместе с Саукум был молодой человек, рослый такой, брюнет, на лицо симпатичный. Других примет назвать не могли. Швейцар еще вспомнил, что они приехали на машине и оставили ее на стоянке напротив ресторана.

— Марка машины и цвет?

— Не обратили внимания. На улице было уже темно.

— А в протоколе о молодом человеке ничего не сказано?

— К сожаленню, нет. Он в тот момеит куда-то вышел.

Трубек почесал подбородок.

— Н-да, твоя иовость действительио немаловажиая. Помиишь, девушки в общежитин говорнлн, что у Зеиты был ухажер. Хотя сама она категорически это отрицала.

— Врала. И главное — кому? Мне!

— Наверио, был для этого важиый повод. Без прнчины ложиых показанй ие дают.

— Возможно, парень женился, а оиа ие хотела его компрометировать, — предположил Соколовский.

— Ну знаешь, если человека обвиияют в убийстве...

— А если любит? В таких случаях, бывает, ие счнтаются ии с чем.

— Так что, по-твоему, этот молодой человек к убийству непрнчастеи?

— Я этого ие сказал. Хочу только предупредить тебя от поспешиых выводов. Здесь иеобходнма ювелириая работа.

— Как бы там ни было, ио Саукум придется допрашивать. Оиа теперь ие сможет отрнцать эту поездку. Наверно, в огрском протоколе есть ее подпнсь.

— Коиечио.

— Оиа будет выиуждеиа иазвать имя своего кавалера. Возможио, это и будет коицом той самой иити, которую мы ннкак не можем найти.

— Ты ие учел одио обстоятельство, Борис. Зеита ведь ие свндетель, а осужденная. Оиа имеет право отказаться отвечать иа твои вопросы.

— Так что же, ие допрашивать ее вовсе?

— Допросить иадо. И чем скорей, тем лучше. Только осторожио. Если сразу откроешь карты, останешься нн с чем. Поймет, куда ты метишь, и будет молчать.

— Посоветуюсь с Дзеиисом.

— Обязательно. А что у вас иового в деле Лоренц?

— Пока что иичего коикретиого. Одии догадки и предположения. К тому же все время кто-то путается у нас под иогамн. Какая-то жеищина.

— Заварнл же кашу Роберт с этой Зеитой Саукум. Теперь, наверио, и сам жалеет. Возможно, прав был Озоллапа. Лучше бы успокоиться на том приговоре. Работы у нас и так по горло.

— А я тебя, Виктор, счнтал более прииципиальным.

— Не ворчн. Это я просто так. И вообще вы оба с

Дзенисом молодцы. Зиаешь, давай-ка сейчас зайдем к Роберту. Потолкуем. Есть тут у меия одна мыслишка.

— А как же кино н твой первый свободиый вечер?

— Обойдемся.

— Но ведь Яниина ждет.

— Позвоню ей от Роберта. Пошли.

5

Путь на третий этаж по миогочислениым лестннцам и переходам довольио длинеи. На втором этаже адвокат Робежниек нагнал худого высокого старика в кожаной фуражке, как у извозчнков. Придержнваясь за пернла, ои, кряхтя, переставлял со ступеньки на ступеньку свои длиниые ноги в старомодиых ботинках иа крючках.

«Наверно, жалобщнк, — подумал Робежниек н перегнал старика. — В адвокатуру оин, слава богу, не ходят — коисультация стоит денег. Да н вообще, чем может помочь адвокат? То ли дело прокурор. Власть, могущество. А главное, специалнст по всем вопросам. Сосед тебя обругал? Идн к прокурору. Домоуправленне не ремонтирует квартиру? К прокурору. И прокурор должеи всех выслушать».

В прнемиой прокуратуры Робежниек увидел, по крайней мере, пятиадцать посетителей. Одни нервио мялн в руках зелеиые повесткн. Это былн свидетели, вызванные к следователям. Другие терпеливо дожидалнсь своей очереди к прокурору.

Бывает, коиечио, иеобходнмость обратиться за помощью в прокуратуру. Скажем, попирают чье-то законное право иа работе илн в квартире. Илн кто-то считает несправедлнвым решенне суда, мнлнцнн нлн другнх адмннстративиых учреждений. В такнх случаях прокурор все взвеснт, вннкиет, прнмет решеиие. И если закон в самом деле нарушен, скажет свое веское слово и исправит положеиие.

Робежннек поравнялся с канцелярней. Дверь полуоткрыта.

Двое нз мнлицнн сдают секретарю пухлые уголовиые дела н в придачу два мешка вещественных доказательств. Там же крутится Гунар Дзелзитис с какнмн-то документамн в руках.

Робежинек просуиул голову в дверь.

— Привет, Гунар! Как вижу, тебе подкииули работеики.

— А тебе хлеба, — отшутился Гуиар вместо приветствия. — Несовершениолетие. Тебя не интересуют? Хороший материал для суда: отец пьет, мать работает уборщицей в трех местах. Сыиок-подросток, сам себе голова, стал промышлять кражей мотоциклов. Вот тебе готовая речь.

Гуиар вышел в коридор, и оии направились в кабинет Дзелзитиса.

— Нет, не возьму, — ответил Робежниек с кислой миной.

— Я бы тоже ие брал, да ие имею права отказываться. У меня в сейфе целая гора иудиейших дел. И половина из иих — хозяйствеииые. Ревизии, экспертизы, ведомости на зарплату, рабочие задаиия, дебеты, кредиты, балансы, отчеты, копии, подделки... Волком взвоешь...

Оии вошли в кабинет, и Гуиар постучал косточкой пальца по стене.

— Скажи, пожалуйста, какого сорта кирпичи, из которых сложена эта стеиа?

Робежииек приложил руку к груди и поклоиился.

— Выражаю тебе глубокое сочувствие.

Ои положил иа стол свою кожаную папку. Дзелзитис отомкиул сейф и достал иесколько томов.

— Вот, оцеии мое творчество.

— О, ты плодовит почти как Агата Кристи.

— Да, только мне ие выплачивают гонорар за каждую страницу. Почитай, а то еще стаиешь жаловаться, что до суда не дал тебе возможность ознакомиться.

— Где мой клиеит?

— Сейчас прибудет. Я велел привезти.

Робежииек прииялся перелистывать дело с коица. В первую очередь ознакомился с постаиовлеиием о привлечеиии к уголовной ответствеииости.

— Сработано со зиаиием дела, — заметил Робежииек. — Пять складов очистили! А сторожа где же были?

— Одии спал, другого заперли в уборной, третий сам спрятался. Что ему оставалось делать? Загляии в последиий том. Там показаиия сторожей. Приходит ко мие одиа такая храиительница социалистической собствеииости, иаполовииу глухая, с палочкой, восьмидесяти восьми лет от роду. Хорошо еще, в тот деиь ветра

ие было, а то ее мимо прокуратуры пронесло бы. Пришла и шамкает: «Ой, н набралась я штраху, шыиок! Сижу в шваей будке н шлышу — шкребется там кто-то». Скребется! Оии там уже грузовик подогиали н кувалдой замки со складских дверей сбнвают. «Хотела попугать. Табуретку взяла да как трахну по штеике, как по ией штукиу. Гошподи помилуй! Хотела поглядеть, может, оии там уже разбеглишь. Глядь, а дверь жаперта». Я спрашиваю, была ли сигиализация. Оказывается, не было. Блнжайший телефои в конторе иа четвертом этаже. Чему же удивляться, если склад ограбили.

В коридоре послышались шаги, н в дверн возник Трубек.

— Где Дзенис? — крикиул ои, еще ие переступив порог.

— В гюрьме! — отозвался Дзелзитнс.

— Такой добропорядочиый человек, — пробормотал Робежниек и покачал головой.

Дзелзитис взял со стола комментарий к уголовиому кодексу и замахиулся им на Робежннека.

— Поехал в тюрьму побеседовать с Зеитой Саукум. — Ои повернулся к Трубеку: — Велел подождать. Как у тебя с Лапиием?

Робежинек насторожился.

— С Лапнием? — переспросил ои.

— Да, это по делу об убнйстве Лоренц, — пояснил Дзелзитис. — Помнишь, ты еще защищал иа суде Зеиту Саукум. Дзенис поручнл Борису допросить наследиика убитой, Вольдемара Лапиия.

— Ты думаешь, я держу в памяти все процессы, на которых выступал?

Трубек сиял пиджак и повесил иа спинку стула.

— Знаешь, Гунар, мне что-то не иравится этот Лапинь. Скользкий как угорь.

— Водит тебя за иос?

— Да нет. Но поиять его ие так просто. В осиовиом Лапинь подтвердил все, что сообщнл о нем Зиткаурис. Он действительио приехал три года тому иазад из Снбири. Даже документы показывал. Алида Лоренц встретила его не слишком любезио, ио сыиом прнзиала.

— Старуха иасчет драгоцеиностей ему говорила?

— Ни слова. Во всяком случае, это утверждает Лапинь.

— Тем ие меиее ои платил по двадцать рублей в ме-

сяц за иаследство? За старые тряпкн и доисторическую мебель.

— Это он объясияет достаточно логично. Он ие прндавал особого зиачения завещанию, а давал старухе деньгн просто как матерн. Сыновннй долг.

— Ишь ты! Неожнданная вспышка сыновней любви. И ты ему вернншь?

Адвокат Робежииек уткиулся в толстые папкн и прнтворился, будто с головой ушел в матерналы дела, готовясь к защнте.

— Но впоследствнн Лапинь все-таки разузнал о драгоценностях? — ие мог успокоиться Дзелзитнс. — Может, он и это отрнцает?

— Говорнт, прошлой осенью ему рассказал о инх Знткаурнс.

— Теперь подн знай, так оио на самом деле илн они успелн сговорнться.

— Сомневаюсь иасчет сговора. Лапинь зол иа старнка. Даже пробовал мне доказать, что убийство — дело рук Зиткаурнса. Старик решнл, что у него есть права на драгоцеииостн. Какие-то старые счеты с Лоренц.

— Зиткаурис валит на Лапння, Лапннь на Знткауриса. Может быть, иа пару? Такая игра была бы вовсе неплохой тактнкой защнты. Между прочнм, как Лапннь объясняет приобретенне мотоцикла? Где взял деиьгн?

— Говорнт, скопил.

— В сберкассе? Это легко проверить.

— Нет, покупал облнгацнн трехпроцентного займа.

— Н-да, это ие проверншь. А что он рассказывает о Зеите Саукум?

— Ничего. В глаза не видал ее до суда.

— Естественно. Даже еслн н знаком, то сразу не прнзнается, — заерзал иа стуле Дзелзнтнс. — Мотоцнкл! Швейцар ресторана «Огрите» показал, что Зента с молодым человеком приехала на машине. Только ие запомннл, иа какой. Может, ошибается? Может, иа мотоцнкле?

Трубек снял очки н внимательио стал их осматривать, близко поднеся к гразам, будто искал в ннх какой-то дефект.

— Ну нет, Гуиар, в ресторан на мотоцикле ие ездят. Я выясинл кое-что другое. Лапинь в Снбири работал шофером. Воднтельскне права у него есть. Прн проверке газовых магистралей, в особениости ко-

гда иадо добираться на окраины города, он часто пользуется служебиым «Пикапом». Управляет сам. Нередко забирает машииу вечером домой — держит во дворе, чтобы с утра, ие теряя времени, выезжать на лииию. Таким образом, он вполне мог прокатиться с Саукум в Огре.

— Мог, — согласился Дзелзитис. — И, как видио, ие случайиость, что ои поехал в «Огрите». В рижских ресторанах боялся встретить зиакомых. Впоследствии они могли бы стать свидетелями.

— Интересио, что даст сегодняшний допрос Дзенису? Убедит ои в коице коицов Зеиту говорить правду или иет?

— Дело адски сложиое, пропади оно пропадом, — проворчал Гуиар. — Я тебе ие завидую. Даже время работает против тебя. По свежему следу расследовать было легче. Эх, Лора, Лора!

Медлеиио отворилась дверь, и, легка иа помине, вошла следователь Лора Лиепа. Величавым шагом она приблизилась к столу, огляделась по сторонам и, как будто доверяя строжайший секрет, тихо попросила у Дзелзитиса бланки протоколов. Получив желаемое, она так же грациозно выплыла из кабинета.

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Дзелзитис. — Твоего подзащитного привели, Ивар. Начнем-ка...

ГЛАВА 5

1

Сержант милиции Тауриньь неторопливо шагал по бульвару Райниса. Дойдя до приземистого здания Рижского горисполкома, он повернулся на каблуках и так же неспешно двинулся в обратном направлении. Миновал прокуратуру, радиомагазин и пересек улицу Ленина.

Около агентства Аэрофлота Тауринь остановился и взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Дежурство подходило к концу.

Даже в этот предобеденный час главные транспортные артерии города пульсировали с повышеным давлением. Лобастые троллейбусы, злобно рыкающие автобу-

сы выстраивались в покорную очередь перед красным сигналом светофора, чтобы через несколько секунд мощной лавиной хлынуть на перекресток. Между ними лавировали напористые «Волги» и юркие «Запорожцы».

Однако в этом кажущемся хаосе царил четкий порядок. Все маневры водителей были подчинены строгим правилам движения, всевозможным знакам над улицей и линиям на асфальте. К сожалению, этого никак нельзя было сказать о пешеходах, они доставляли много неприятностей как шоферам, так и орудовцам.

Тауринь вздохнул. Неблагодарная служба, что и говорить. Задержишь такого недисциплинированного товарища для его же личного благополучия и безопасности, а он недоволен, артачится. Ну куда тот длинный лезет прямо под мотоцикл...

Сержант Тауринь уже было поднес свисток к губам, чтобы пресечь рискованные действия нарушителя, да так и застыл на месте. Темно-красный «Москвич», до этой минуты притаившийся под старыми вязами на улице Ленина, резко разогнался, влетел на перекресток и, визжа шинами, свернул на бульвар.

В следующий миг мерный шум улицы был прерван женским криком. Люди ринулись к месту происшествия, моментально образовалась толпа. Красный «Москвич», не снижая скорости, умчался дальше. Милиционер едва успел разглядеть номер.

Тауринь с трудом протолкался сквозь стену зевак. На асфальте лежала молодая женщина. Левая нога у нее была неестественно изогнута.

Народ кругом возмущался.

— Удрал, негодяй!

— Прямо на нее пер.

— Счастье, что рядом оказался этот мужчина. Прямо из-под колес ее вытащил.

— Еще бы чуть, и капут бедняжке.

Сержант обратился к кому-то из свидетелей.

— Сбегайте вызовите «скорую помощь».

Сам же бросился в агентство Аэрофлота и, растолкав очередь, сунул голову в окошко.

— Телефон! — потребовал Тауринь.

Люди молча потеснились. В окошке немедленно появился телефон, а над ним испуганные глаза девушки, почувствовавшей, что стряслась беда. Сержант взял трубку и набрал номер.

— Дежурный? Докладывает сержант Тауриня. Сейчас красный «Москвич» сбил гражданку на углу Ленина и бульвара Райниса. Уехал в сторону вокзала. Номер машины — 28-47 ЛАВ.

2

С самого утра у Дзениса было неважное настроение. Началось с того, что заболела Марите. У малышки поднялась температура. Зигрида была вынуждена отказаться от интересной командировки и остаться дома с ребенком. Роберт ничем не мог помочь. Самому надо было торопиться на работу.

В прокуратуре его ожидали новые неприятности. Не так давно он поручил капитану Соколовскому разыскать девушек, живших у Лоренц до Зенты Саукум. Геновева Щепис ничего о них не знала, кроме имен — Мирдза и Тамара. Не было повода думать, что они причастны к убийству, но в этом запутанном деле имела значение каждая мелочь, каждая боковая линия.

Теперь, после допроса Зиткауриса, появились новые предположения. Одна из девушек могла случайно узнать о том, что у Лоренц есть драгоценности, и разболтать об этом своему дружку. У Тамары кавалер был.

Но сегодня, придя на работу, Дзенис обнаружил на своем столе записку Соколовского. Капитан сообщал, что ни Мирдзу, ни Тамару до сих пор найти не удалось.

Главная же неприятность ожидала его у Озоллапы. Шеф вызвал Дзениса и потребовал от своего помощника поддерживать обвинение по делу, которое расследовала Лора Лиепа.

Телефонный звонок нарушил мрачные размышления Дзениса. Он снял трубку.

— Прокуратура.

— Могу я попросить к телефону товарища Дзениса?

— Слушаю.

— Вас беспокоят из клинической больницы. Полчаса назад к нам поступила сбитая машиной женщина. Перелом ноги. Больная просит вас срочно приехать к ней.

Дзенис нахмурился. «При чем тут я? Я не автоинспектор и не следователь по транспортным происшествиям».

— Ей бы иадо обратиться в Управлеиие внутренних дел.
— Пострадавшая проснла лнчно вас.
— Как ее фамилня?
— Страуткали.
Дзенис насторожился.
— Как вы сказалн? — переспроснл он на всякнй случай.
— Майга Страуткалн. Она сама врач.
— В каком отделении лежнт?
— В хнрургин.
— Еду!

Дежурный врач хнрургического отделения иаброснл Дзеннсу на плечн белый халат и повел по длнниому корндору. Гулко цокалн по кафельному полу каблуки, н стук этот походил на удары метронома.

Майга Страуткалн лежала одна в небольшой светлой палате. Бледное лнцо на белоснежиой подушке казалось восковым. Прямой иос заострился. В больших серых глазах застыла тревога.

Увидев посетителя, молодая женщина попыталась приподняться, ио Дзеннс жестом остановил ее.

— Вы лежнте, пожалуйста, лежнте.

Врач вышел и тнхо притворнл на собой дверь.

Дзеннс сел иа стул рядом с кроватью.

— Как это с вамн произошло?

Майга Страуткалн молчала. Потом, очевндно, собравшнсь с мыслямн, начала:

— Я езднла на экскурсию в Палангу, это курортный городок в Литве. Вчера после полудия мы поехали домой. Я сндела в автобусе с правой стороны у окна и разглядывала новые особняки иа окрание Палангн. Мое вниманне првлек небольшой желтый домнк под зеленой железной крышей. В саду работала старая женщнна. Что-то в ее осанке, в движеннях показалось мие знакомым. Она подняла голову. И я сразу узнала... боюсь, вы мие ие поверните. Мой муж поначалу тоже не поверил. Но я не ошиблась, я более чем уверена. Это была... Алида Лореиц.

Узкая рука женщнны лежала поверх одеяла. Дзеннс дружескн сжнмал ее в своей шнрокой ладонн.

— Не волиуйтесь, — пробовал он успоконть боль-

ную. — Возможно, это просто была зрительная галлюцинация, сказалось ваше переутомление. Дальняя дорога, впечатления, ночевка в незнакомом месте без привычных удобств. Все это возбуждает нервную систему.

Страуткали высвободила руку.

— Нет. Мы проехали мимо нее очень близко. Автобус двигался медленно, и я успела хорошо рассмотреть ее лицо и даже вязаную кофточку, которую не раз на ней видела. Песочного цвета с коричневым воротом. Она еще хвасталась, что сама связала. И потом характерная поза. У Лоренц была привычка: согнет руку в локте, а кисть висит плетью. Вот прямо вижу ее перед собой, как она стоит в поликлинике у меня на приеме в такой же позе. Нет, нет, я не ошибаюсь. Это была она.

Дзенис напряженно думал. Многое он повидал на своем веку. Но чтобы воскресали покойники... Это, вне всякого сомнения, какая-то чушь. Но и не верить Страуткали не было оснований. С другой стороны, убийство ведь произошло. Впрочем, лицо трупа совершенно было размозжено. Если Лоренц жива, то кто же убит? Почему убит? Почему Лоренц в Паланге?

В голове у Дзениса взвились вихрем события, домыслы, факты. Он перебирал их, расставлял по местам, сравнивал, анализировал.

— Расскажите, пожалуйста, как вы попали под машину?

Страуткали отвела взгляд.

— Я шла в прокуратуру, чтобы все это рассказать.

— Из дома?

— Да.

— Какой дорогой вы шли? Расскажите подробно.

— Сегодня прием в поликлинике у меня начинается с двух. Потому я не спешила на работу. Вышла из дому, села на троллейбус...

— Улицу пересекали?

— Нет. Троллейбусная остановка на той же стороне, где наш дом, у самых дверей.

— Ну а дальше?

— Доехала до перекрестка улицы Ленина и бульвара Райниса. Сошла у Аэрофлота и хотела перейти улицу, но тут это произошло. Сама не пойму, откуда взялась машина. Я же посмотрела, перед тем как переходить. Троллейбус ушел, улица была пуста.

— Не успели заметить марку машины, цвет?

— Нет, ничего не видала. Меня кто-то рванул за руку. Упала, в глазах потемнело. Только когда приехала «скорая помощь»...

Всегда уравновешенный и тактичный Дзенис сейчас напоминал ястреба, с высоты увидавшего цыпленка.

— А теперь хорошенько подумайте и постарайтесь вспомнить. Это важно. Когда вы вышли из дома, поблизости не стояла какая-нибудь машина?

Молодая женщина с удивлением посмотрела на Дзениса.

— Стояла, — подтвердила она. — Я огляделась, не идет ли свободное такси, и увидела «Москвич». Он стоял недалеко от нашего дома, у магазина.

— Серый?

— Нет, темно-красный.

— Вы хорошо это помните?

— Совершенно уверена. Я еще подумала, не адвокат ли Робежнек оказался в наших краях.

— Вы знаете машину Робежнека?

Страуткалн смутилась.

— Я видела адвоката за рулем. Он ведь на суде защищал Зенту Саукум. У меня хорошая зрительная память.

— Возможно, это и была машина Робежнека?

— Полагаю, что нет, но ручаться не могу.

— В «Москвиче» кто-нибудь сидел?

— Мужчина.

— Знакомый?

— Нет. Я только заметила, что шофер был в темных очках.

— Вы наблюдательны. Не обратили внимания, машина не уехала, покуда вы ожидали троллейбус?

— Мне ждать не пришлось. Троллейбус подошел сразу.

— В троллейбусе вы сидели?

— Свободных мест не было. Я стояла на задней площадке.

— А красный «Москвич» больше не видели?

Майга Страуткалн подумала.

— Некоторое время он в окне виднелся. Ехал за троллейбусом.

— Где вы потеряли эту машину из виду?

— Затрудняюсь сказать. У Стрелкового парка он еще ехал за нами. Потом я про него забыла.

Дзенис не ответил. Он глядел в раскрытое окно палаты. Птичий щебет, которым был полон больничный парк, не воспринимался сознанием. Не видел он и пары голубей, севших на подоконник и в поиске хлебных крошек деловито исследовавших клювами каждую щелку.

Помощник прокурора мысленно еще раз проверил свою гипотезу, которая возникла еще в начале разговора. Она отнюдь не была плодом голой интуиции или сверхъестественного провидения. Нет. На помощь Дзенису пришла логика.

Три происшествия быстро последовали одно за другим. Вчера врач Страуткалн неожиданно для себя узнает, что Лоренц жива. На следующее утро она спешит сообщить об этом прокуратуре. Но по пути ее сбивает автомашина. И теперь все эти три события настоятельно требуют выявления связи между собой.

Проезжая часть бульвара свободна. И вдруг машина наезжает на человека. Бред! Улица в этом месте достаточно широка, движение одностороннее. Даже если пешеход кинется через улицу бегом, и то можно успеть отвернуть машину в сторону.

Быть может, шофер был нетрезв, растерялся и задел Майгу Страуткалн нечаянно? Все, конечно, возможно, но обстоятельства происшествия неизбежно наводят на другую мысль: кто-то преднамеренно стал на пути врача.

Дзенис рассуждал как шахматист, пытающийся разгадать замысел противника.

Откуда шофер мог знать, в каком именно месте Страуткалн будет пересекать улицу? Этот вопрос заставил помощника прокурора спросить у пострадавшей, не видела ли она эту машину раньше. Ответ подкрепил подозрения Дзениса. Неизвестный поджидал Страуткалн в машине у дверей ее дома. Но Майга не стала переходить улицу, а сразу села в троллейбус. В этом месте замысел осуществить не удалось. Тогда он поехал за троллейбусом, не перегоняя его даже на остановках. Как лиса за курицей, крался за Страуткалн и следил, где она сойдет с троллейбуса. Только у Стрелкового парка красный «Москвич» обогнал троллейбус. Оттуда до остановки «Аэрофлот» полкилометра. Можно успеть объехать вокруг памятника и остановиться под деревьями бульвара на улице Ленина. Отсюда удобно следить за пассажирами, выходящими из троллейбуса.

Значит, кто-то хочет как можно скорей, сегодня же, убрать Страуткали с дороги, чтобы она не успела сообщить о том, что видела Лоренц в Паланге. Иначе он избрал бы менее рискованный путь.

Логическая связь налицо. Остается нащупать последнее звено в этой цепи: как владельцу красного «Москвича» стало известно о потрясающем открытии Страуткали?

И Дзенис спросил у пострадавшей:

— Когда вы рассказали своему мужу о том, что видели Лоренц?

— Наш автобус приехал в Ригу поздно ночью. Эдвин поджидал меня на улице. И я тут же на лестнице ему рассказала.

— На лестнице!

— Да.

— А поблизости никого больше не было? Возможно, кто-нибудь спускался или стоял на лестничной площадке?

— Не видела никого.

— Быть может, хлопнула где-нибудь дверь?

— Не слыхала.

— В автобусе никому не говорили?

— Никому.

— Сегодня утром?

Страуткали помедлила с ответом.

— Н-нет.

Опытный криминалист сразу заметил колебание молодой женщины.

— Я вас понимаю. Есть вопросы, на которые... ну, что ли, не хотелось бы отвечать. Но на сей раз... — он понизил голос. — Ведь речь идет об опасном преступнике.

В глазах Майги мелькнул ужас.

— Ничего не понимаю, — шепотом проговорила она. — Это же абсурд!

— Кому вы еще рассказывали о том, что видели Лоренц? — повторил свой вопрос Дзенис.

Лишь мгновение длилась внутренняя борьба. Затем последовал ответ:

— Адвокату Робежнеку.

— Когда это было?

— Сегодня утром. Я ему позвонила, как только мой

муж ушел на работу. Робежниек сказал, чтобы я, не теряя ни минуты, шла к вам в прокуратуру.

Дзенис встал.

— Вы утомились. Я тут слишком засиделся. Дольше, чем мне разрешил врач.

Страуткалн натянула одеяло до самого подбородка и глядела исподлобья на помощника прокурора. В ее взгляде легко было уловить смущение, тревогу, безмолвную просьбу. Дзенис понял значение этого взгляда. Она теперь знала, что страшное подозрение может пасть на двух человек. Но она сама назвала их имена, потому что не могла поступить иначе. Дзенису хотелось хоть как-то успокоить эту милую, честную и смелую женщину. Но еще не настало время раскрыть карты. Он старался говорить как можно мягче.

— Поверьте, Майга, еще нет оснований для серьезного беспокойства. Надеюсь, в ближайшем будущем все прояснится. И тогда я вам дам знать. Пока ни о чем не думайте и поправляйтесь.

У ворот больницы из легковой машины вышли трое. Дзенис поспешил к ней и предъявил водителю служебное удостоверение.

— Мне надо срочно попасть в Управление внутренних дел, — сказал он. — Прошу вас немедленно отвезти меня.

— Садитесь, — предложил человек за рулем.

Дежурный офицер оперативной части в тот момент был один в своем кабинете.

— Товарищ майор, меня интересует дорожное происшествие на углу улицы Ленина и бульвара Райниса, — помощник прокурора задал свой вопрос прямо с порога. — Удалось задержать шофера?

— Удрал. Сам не пойму как. Наши патрульные машины окружили район вокзала, перекрыли и обшарили все прилегающие улицы.

— А дворы? Не исключено, что машину он оставил где-нибудь во дворе, а сам преспокойно ушел. Или же вы просто проворонили, и он уехал из этого района города.

— Поиски продолжаются, товарищ Дзенис. Сообщено всем отделам милиции по республике, автоинспекции.

— Удалось ли хотя бы установить личность владельца красного «Москвича»?

— Номер подделан. Под номером 28-27 ЛАВ зарегистрирована зеленая «Волга». Принадлежит солисту

филармонии, а он уже пять дней как выехал на машине на Кавказ.

— Как только узнаете что-нибудь, прошу сообщить мне или следователю Трубеку.

— Хорошо, товарищ прокурор.

Дзенис поднялся на второй этаж, где находился кабинет начальника уголовного розыска. Подполковник Крастынь сидел за письменным столом, окутанный, как всегда, табачным дымом.

— Интересные новости, Илмар Артурович, — заговорил Дзенис, садясь в кресло. — Оказывается, Алида Лоренц жива. Вчера ее видели в Паланге.

Подполковник долгие годы проработал в милиции и привык не удивляться. Его трудно было чем-нибудь ошеломить.

— Любопытно. Надо выяснить и поскорей. Сами поедете?

— Обязательно.

— Значит, нужна машина.

Подполковник придвинул к себе поближе настольный микрофон и отдал распоряжение. Затем опять обратился к Дзенису:

— Машина будет через десять минут. И вот еще что. Капитан Соколовский сейчас в отделе внутренних дел Ленинского района. Не буду возражать, если по пути вы прихватите его с собой.

— Благодарю вас.

У этого пятидесятилетнего человека был строгий и вместе с тем добродушный и усталый взгляд, какой бывает у людей, повидавших на своем веку много такого, отчего можно поседеть и в двадцать лет. Говорят, советские чекисты — люди без нервов. В этом есть доля правды. Только никто не знает, чего это стоит самим чекистам...

— И еще одна просьба, Илмар Артурович, — спохватился Дзенис. — Здесь в управлении находится следователь Трубек. Мне надо бы перед отъездом...

Кивком головы Крастынь прервал Дзениса и еще раз наклонился к микрофону.

— Младший лейтенант Грауд, найдите в управлении следователя Трубека из прокуратуры и зайдите с ним ко мне.

Дзенис протянул руку к телефонной трубке.

— Можно?

—Да, да, звоните.

Помощинк прокурора набрал номер.

— Юрндическая коисультатня? Попрошу адвоката Робежинека. Не пришел на работу? Самн нщете? Нет, нет, иичего. Извиннте за беспокойство.

Дзеннс положнл трубку.

— Так я н предполагал.

— Адвокат Робежниек? — подполковннк пытался что-то вспомннть. — Это уж не тот ли удалец, с которым иаши автоннспектора вечно воюют за превышенне скорости?

— Наверно, тот самый. Ну инчего, увиднм...

— Что-ннбудь иатворнл?

— Боюсь, что н в самом деле...

В кабинет вошел Трубек с белокурым младшнм лейтеиантом, на вид совсем еще мальчиком.

— Послушай, Борнс, — обратился Дзенис к следователю. — Я сейчас еду в Палангу. Там виделн Алнду Лоренц. Да, да. Цела н невредима. А ты срочно установн, где были н что делали ннжеиер Страуткалн, Вольдемар Лапинь н Зиткаурис сегодня между десятью и двенадцатью часами. В это время сбнта машиной врач Майга Страуткалн. И еще. Собери сведеиня, не пропала ли без вестн в конце прошлого года какая-нибудь похожая иа Лоренц старуха.

— Вам поможет младший иоспектор Грауд, — добавнл подполковник Крастынь и посмотрел иа часы. — Поезжайте, товарнщ Дзеннс. Машина ждет вас.

3

Лет около трндцати назад шоссе между Мейтене и Йонншками было перекрыто двумя полосатымн пограннчнымн шлагбаумами.

Подле одиого стоял толстый столб с гербом буржуазной Латвни. Два кровожадных льва на нем пожирали глазамн восседающего на белом коне витязя в латах, который украшал герб буржуазной Лнтвы, прнбитый к точио такому же столбу шагах в двадцатн южнее. Граница, разделявшая два братскнх народа, была закрыта.

Сегодня этих шлагбаумов нет. День и иочь мчатся по шоссе в обоих иаправленнях автомашииы. Литовскне колхознннки везут на рынкн Риги яблоки, домашнюю

птицу, овощн. Заводы Внльнюса и Каунаса поставляют в Латвию электронное оборудование. Из Риги в Лнтву едут радиоприемнннкн, мопеды, трикотаж. Мчатся по шоссе экскурсионные автобусы, легковые машнны...

Сразу за Мейтене дорога сворачивает вправо н огнбает лесистую горку. Это место н облюбовал себе в качестве наблюдательного пункта районный ннспектор дорожного надзора. Схоронив мотоцикл в придорожном кустарнике, он вместе с помощником, молоденькнм сержантом милицин, расположился в лощинке на вершнне бугра. Отсюда шоссе хорошо просматривалось в северном направленин.

Уже более часа снделн они в секрете. Вовсю жарило июльское солнце. Сержант с трудом отгонял сон, смыкавший ему веки. «Ночь, видать, проплясал», — подумал автоинспектор, у которого беспечная пора танцулек давно и безвозвратно минула. Сержант потер глаза и заговорил:

— Это правда, товарищ старший лейтенант, что мы ожндаем опасного преступника?

Автоинспектор неторопливо закурил сигарету.

— Не первый раз. Волков бояться, в лес не ходить. Если только он газанет в нашу сторону.

— А если другой дорогой?

— Там другие задержат. Посты есть повсюду.

Такой вариант сержанта ннкак не устранвал. Он недавно поступнл в мнлицию после военной службы, впервые принннмал участне в ответственном заданнн и мечтал о приключениях.

Старший лейтенант не отрывал взгляда от шоссе. Вдруг он насторожился. Вдалн показался темно-красный «Москвнч». Машина стремнтельно прнближалась.

— Бегом! — скомандовал старшнй лейтенант и броснлся вниз по склону.

Сержант едва за ннм поспевал. Вдвоем онн выкатнлн мотоцикл нз кустов н перегородили им часть шоссе. Красиый «Москвич» был уже блнзко. Встав посреди шоссе, старший лейтенант поднял черно-белый жезл.

Взвнзгнулн шины, автомобиль застыл перед неожнданным препятствнем. Дверца открылась, нз машины вышел статный мужчина в темных очках. Желтая нейлоновая «бнтловка» оттеняла коричневый загар. Брюкн василькового цвета былн тщательно отутюжены и плотно облегали мускулнстые бедра.

Старший лейтенант подошел к водителю. Сержант держался в стороне и на всякий случай уже расстегивал кобуру пистолета. Но человек в темных очках не бросился бежать, как предполагал сержант. Только насмешливо кивнул на мотоцикл.

— Готовитесь к межколхозным соревнованиям по прыжкам на автомобилях? Или, может быть, район не выполнил план по сдаче металлолома и теперь вы хотите его наверстать за счет проходящих машин?

Старший лейтенант пропустил насмешку мимо ушей.

— Попрошу документы, — сказал он, поднося руку к козырьку.

Водитель красного «Москвича» небрежно подал шоферское удостоверение. Офицер пригляделся к фотографии, проверил печать. Затем обошел вокруг машины, осмотрел номер и сравнил его с записью в техническом талоне. Хозяин «Москвича» глазел по сторонам с таким скучающим видом, точно эта проверка его нисколечко не касалась.

— Прошу открыть капот!

Убедившись, что номера двигателя и шасси тоже совпадают с записанными в документах, старший лейтенант еще раз внимательно осмотрел номерной знак. Затем отдал документы и опять откозырял.

— Можете ехать.

Человек в черных очках церемонно поклонился.

— Только, пожалуйста, откатите свою боевую колесницу.

— Сержант, освободите дорогу!

Красный «Москвич» стремительно набрал скорость. Автоинспектор задумчиво глядел, как машина делалась все меньше и меньше, пока не исчезла из виду.

— Почему отпустили, товарищ старший лейтенант? — сержант был разочарован.

— На каком основании ты его задержишь? Номер был не тот, который сообщили из Риги. Ничего похожего. Следов краски на номерном знаке незаметно. Документы в порядке.

— Значит, не он?

Офицер пожал плечами.

А красный «Москвич» тем временем жадно заглатывал километры.

Июльское солнце стояло еще высоко в небе, когда вдали показались первые домики Паланги. Вот они уже

рядом и поспешно разбегаются по обеим сторонам дороги.

Шофер снизил скорость. На окраине курортного городка он отыскал желтый дом с зеленой крышей. Проехав мимо, свернул в переулок. Оставил там машину и пешком вернулся.

Калитка двора была заперта изнутри. Однако звонить он не стал, а просунул руку между планками и отодвинул щеколду.

От калитки до дверей дома тянулась дорожка, посыпанная белым песком. В два прыжка мужчина был у порога. Он не стучался, но осторожно приоткрыл дверь, неслышным шагом лесного хищника прошел через небольшую переднюю в гостиную.

Ни души. Незваный гость двинулся дальше. Через полуприкрытую дверь спальни он увидел старую женщину. Она стояла у туалетного столика спиной к двери.

Гость нарочито громко откашлялся.

— Приветствую вас, мадам!

Женщина резко обернулась.

— Что надо? Кто вы такой?

В голосе не послышалось ни страха, ни удивления. Скорее злоба. Однако непрошеный гость оказался не из робких.

— Предположим, инспектор социального обеспечения и интересуюсь, как живется нетрудоспособным пенсионерам. Мадам довольна таким ответом? Или было бы лучше сказать, что я из милиции?

Женщина решительно приблизилась к незнакомцу.

— Что вам надо? — повторила она с возмущением.

Мужчина и на этот раз уклонился от ответа.

— Быть может, присядем? Серьезные разговоры обычно происходят за круглым столом.

Женщина смекнула, что за наглостью неожиданного посетителя кроется серьезная угроза. В то же время этот визит в какой-то мере ее интриговал. Поэтому хозяйка решила изменить тактику: она села и жестом, свидетельствовавшим о знакомстве с изысканными манерами, указала гостю на второй стул.

— Прежде всего хотелось бы знать, с кем имею честь говорить?

— Чрезвычайно сожалею, мадам, но я путешествую инкогнито. Принц в изгнании, если вас это устраи-

вает. Не взыщнте, но у меня высокоразвнтый ннстинкт самосохранення. И в подобной ситуацнн...

Любопытство в этой женщнне боролось с подозрнтельностью.

— Мие кажется, вы ошнблнсь адресом.

— А разве вы не Алида Лореиц?

Подозрнтельность взяла верх. Женщнна быстро прнкннула: в Паланге она жнвет замкнуто, нн с кем не встречается. Здесь почтн никто не зиает ее именн. Откуда этот нахал? Кем ои подослан? Скорей всего все темн же, из-за кого пришлось столь поспешно убраться из Рнги и теперь жить в этой добровольной ссылке. В любом случае перед иен враг. Надо быть начеку.

Холеиымн пальцамн мужчнна ловко снял со скатерти длнниый седой волос н с отвращеннем броснл его на пол.

— Зиаете, мадам Лоренц, я завндую людям, которым всегда н во всем везет. Взять хотя бы вас. До войны, если не ошнбаюсь, вы делалн неплохне денежки в цветочном магазнне иа Гертруднинской улнце. При иемцах вам удалось устронться н того лучше. Ей-богу, завидую.

Прищурнв глаза, жеищнна вннмательио слушала. Ах вот куда ты гиешь! Сомнеиий нет: действует та же шайка, что н в Рнге. Проиюхали, где она прячется. С этнмн шутки плохи. Тогда, на улице Вайрога, онн показали, иа что способиы. Удастся ли провестн их во второй раз? Теперь главное — не терять присутствия духа и постараться выиграть время.

Алнда Лоренц расправила складки иа скатерти. Как н подобает хорошей хозяйке.

— Сегодня мне завндовать не приходится.

— Как знать, мадам, как знать. При таком покровнтеле н попечнтеле...

— Каком покровнтеле?

— Очень иекрасиво с вашей стороны забыть господина фои Гауча!

— Вы с ума спятилн! Он расстрелян еще в сорок четвертом.

Мужчниа в черных очках наклоинлся н загадочно улыбнулся.

— Ошнбаетесь, уважаемая. Штурмбаинфюреру тогда удалось выпутаться, и сейчас он в полиом здравин прожнвает в Западной Германин н, надо сказать, весьма процветает. Прнслал весточку с одиим очеиь солид-

ным турнстом. Господии фон Гауч шлет вам свой сердечиый прнвет.

— Почему же турнст обратнлся к вам? И как вы меня тут нашли?

— Я же сказал: у меия сильио развнт иистинкт самосохранения. Поэтому я, как правило, иеделнкатиые вопросы оставляю без ответа.

Лнцо Алиды застыло. Она пыталась противопоставить наглому упорству этого человека холодиую надменность.

— Не верю. Не верю ин одному вашему слову.

Мужчииа встал.

— Тогда разрешите наш разговор считать оконченным. Честь имею кланяться.

Лоренц не ожидала такого поворота.

— Постойте!

— Я вас слушаю.

— Чем вы можете доказать, что нашли меня действительио по задаиию Гауча?

— В старинных рыцарскнх романах кавалер в подобной снтуации присылал своей даме сердца кольцо с фамнльным гербом. К сожалеиию, штурмбаиифюрер ие прибег к этому способу. Вндимо, потому, что все его драгоценности остались у вас. Везти с собой письмо мой знакомый турист не пожелал. Господиму фон Гаучу оставалось лишь на словах поставить вас в нзвестность о его иамерении исполиить свое обещанне: он просит вас приехать к нему в Германию. Еще он велел передать, чтобы вы обязательио прнхватили с собой голубой сапфир, подареиный вам на имеиины. Он сказал, что вы знаете, о каком сапфире идет речь.

У Лоренц голова пошла кругом. Голубой сапфир, обещанне Геирнха забрать ее с собой в Гермаиию. Об этом иикак уж ие могли зиать те, кто шантажировал ее в Риге. Следовательио, этот человек не из их компании... Вдруг ои говорнт правду, вдруг фои Гауч и в самом деле уцелел? Алиде Лоренц вспоминлась Рига летом сорок четвертого года: иепрерывые воздушиые тревоги, нервозность германского иачальства, лнхорадочиая эвакуация. В такой кутерьме могло случиться все что угодно: у Геириха былн верные друзья. «Да, ио если даже Гауч жнв, на что я ему теперь нужна? Столько лет прошло!»

Незнакомец словио прочитал ее мысли.

— Вашему другу в Германии принадлежит небольшая фабрика детских игрушек. Однако есть возможности к ее расширению. Необходим капитал. Фон Гауч рассчитывает на золото и камешки, которые вы здесь не оставите. Он, в свою очередь, гарантирует вам определенный процент от прибылей, виллу в Италии или на юге Франции. Одним словом, беззаботную старость в благородном обществе. Я на вашем месте не отказывался бы. Между прочим, Гуита тоже там и опять работает у него секретарем.

— Можно подумать, мне остается лишь пойти купить билет и сесть в поезд.

— Вас тревожит путешествие через границу? Можете не беспокоиться. Штурмбаннфюрер и его друзья все организовали. Ваша поездка будет не вполне легальной, но и без особого риска. Правда, все это связано с некоторыми расходами. Разумеется, в стабильной валюте. Полагаю, что вы меня поняли.

В Лоренц опять зашевелились подозрения.

— Ничего вы от меня не получите!

— Вы хотите сказать, драгоценностей больше у вас нет? Очевидно, вы их сдали в Государственный банк. В таком случае барон фон Гауч, несомненно, утратит интерес к вашей персоне.

Никогда ранее перед Лоренц не вставал гамлетовский вопрос столь остро. Соблазнительная перспектива, достижение цели жизни. Но ни малейшей гарантии. Рискнуть? Что ее ожидает здесь? Рано или поздно эта банда все равно нападет на ее след. А тогда...

— Я должна подумать.

Мужчина посмотрел на часы.

— Надеюсь, пяти минут вам будет достаточно. Я и так уже опаздываю. Это большой риск с моей стороны.

— Вы можете прийти за ответом завтра?

— Мадам нужно проконсультироваться с господами из службы госбезопасности?

— Ну знаете ли! Вы себе позволяете слишком много.

— Я дорожу свободой.

— Все равно драгоценностей здесь у меня нет.

— Какое легкомыслие с вашей стороны! Вы можете за него дорого поплатиться.

— Как это понять?

— Очень просто, — в голосе мужчины послышалась угроза. — Если вы сию же минуту не выдадите

мне средства на путевые расходы, буду вынужден сообщить...

— Фон Гаучу?

— Прежде всего органам госбезопасности.

— О моих брильянтах?

— О том, каким путем они добыты. И о кое-каких ваших валютных операциях. Таково распоряжение фон Гауча.

Алида поняла, что загнана в тупик, отступать некуда.

— Чтоб вас всех разорвало!

— Это ваше последнее слово?

— Сколько вам надо?

— Покажите все. Лишнего не возьму.

Лоренц тяжело встала и вышла из комнаты. «Гость» последовал за ней. На кухне она отодвинула в сторону бельевую корзину и попыталась поддеть одну половицу. Мужчина поспешил ей помочь. Вскоре в руках у него оказалась аккуратно перевязанная металлическая шкатулка. Они вместе вернулись в комнату.

В этот момент возле дома затормозила машина. «Принц-инкогнито» в темных очках кинулся к окну.

— Кто-то сюда идет. Меня не должны тут видеть. — Мужчина вбежал в спальню и прикрыл за собой дверь. Алида Лоренц поспешила в переднюю, чтобы закрыть дверь на засов, но не успела.

4

Четыре молодых человека были поставлены в ряд, плечом к плечу. Четыре серых лица и коротко стриженные головы.

Следователь Трубек еще раз внимательно осмотрел этот «строй». Слишком похожи они друг на друга. Узнает ли пострадавшая злоумышленника?

Трубек открыл дверь.

— Войдите, пожалуйста.

В дверях стояла щупленькая девушка со своей дородной мамашей. Девушка несмело сделала шаг вперед, посмотрела на парней — и тогда словно удар бича:

— Вот он!

Второй от окна вздрогнул.

— Вы вполне в этом уверены? — спросил на всякий случай Трубек.

— Да.
— Тогда присядьте, пожалуйста. Напишем протокол.
Трубек уже перевернул бланк на другую сторону, когда в комнату влетел младший инспектор Грауд.
— Был в институте, — выпалил он с места в карьер. — Нашего инженера утром видели на работе.
Трубек повернул голову.
— Что значит утром?
— Был там до половины десятого. Потом уехал на завод.
— И во сколько вернулся?
— Еще не вернулся.
Следователь попросил пострадавшую подписать протокол и отпустил домой. Затем велел увести арестованных.
— А на заводе проверили? — снова обратился он к Грауду. — Действительно ли был там Страуткалн?
— Да, был.
— А потом?
— Часов около десяти ушел.
— Необходимо узнать, где он был после десяти.
Грауд прищурил глаз.
— Может быть, сидел в кафе с дамой.
— В кафе! — сердито передразнил Трубек. — А другие двое?
— Адажский участковый инспектор Абол сообщил, что Зиткаурис на рассвете отправился в лес.
— А Лапинь?
— Последний раз его видели на работе вчера после обеда. Взял «пикап», чтобы с утра объехать свой участок.
— Чем дальше, тем отраднее, — Трубек собрал со стола бумажки и засунул их в папку. — Страуткална теперь до вечера не догоним. Зиткаурисом займется Абол. Мы попытаемся выяснить, что сегодня утром делал Лапинь. Поедем на его участок.
У главного входа следователя и младшего инспектора уже поджидал милицейский «газик».
— В старый Милгравис! — скомандовал шоферу Грауд.
У самой Даугавы, где обрывается асфальт улицы Эммас, машина остановилась.
Грауд прошелся вперед и посмотрел на номер большого углового дома.

— Должеи быть здесь. По графику сегодия Лапииь должеи делать обход квартир в этом доме.

Оии разыскали жилище двориика. Дверь открыл подросток.

— Мы из газового управлеиия, — поспешил представиться Трубек.

— Сегодия одии уже был, — удивился мальчик.

— Хорошо, что был. Мы проверяем работу обходчика. В котором часу он приезжал?

Мальчик, повериувшись к кухие, крикиул:

— Мама, во сколько приходил тот дядя, который газ проверял?

Из кухии вышла сама двориичиха.

— Сегодия раио был. В семь часов, когда вышла улицу мести, машииа уже стояла.

— Ои только в этом доме проверял или в других тоже? — спросил Трубек.

— Нет, сегодия дальше ие пошел. Около десяти уехал в город.

Когда вышли иа улицу, Грауд остаиовился.

— Иитересио. Оба, Страуткали и Лапииь, пропали из виду в десять.

— Да, словио сговорились.

— Что будем делать дальше?

— Поехали иазад. Вы зайдете в газовую коитору. Возможио, встретите Лапиия. А я отправлюсь в управление. Надо порыться в старых доиесеииях и журиалах.

5

Уже иедалеко от Шяуляя шофер спросил у капитаиа Соколовского:

— Поедем прямо через Кельмы или иаправо, через Тельшай?

— А где ближе?

— Через Тельшай ближе, ио там ремоитируют шоссе.

— Гоии по ближией, ие будем жалеть рессоры — надо спешить.

Плавио покачиваясь, серая «Волга» мчится по гладкому асфальту. Соколовский с Дзеиисом удобио расположились иа просториом задием сидеиье.

— Не угостите ли меня сигаретой? — обратился помощник прокурора к шоферу.

— Что с тобой, Роберт? — удивлен Соколовский. — Ты ведь не куришь.

— С этим делом, будь оно неладно, не только курить начнешь, но и до запоя недолго, — проворчал Дзенис. — Чем дальше в лес, тем больше дров.

— Ничего, все обойдется. Чего в жизни не бывает. Я тебе расскажу, какой номер получился у моего дружка, участкового инспектора Езупана. Останавливает его на улице один районный ответственный товарищ и спрашивает: «А правда ли, что ты Свиндубиса вчера вором и взяточником обозвал?» Езупан опешил. «Свиндубиса? Да я такого и не знаю». — «Ты мне арапа не заправляй. Сам кашу заварил, а теперь делаешь такие глаза, будто с обратной стороны луны свалился. Был вчера на торговой базе?» — «Был». — «Говорил такие слова: допустим, гражданин Свиндубис разбазаривает казенное имущество и к тому же берет взятки, а коллектив, в котором он работает, все это видит и никак не реагирует? Сказал так?» — «Сказал. Но это же только предположение. Чтобы разговор не был в отрыве от действительности. Это я для наглядности». — «Да уж куда наглядней! Вся база только об этом и говорит. Считают, что потеряли лучшего завскладом». Езупан перепугался не на шутку. «Неужели всерьез обиделся и подал заявление об уходе? Сейчас побегу извинюсь перед ним». — «Поздно. Он уже у прокурора». — «У прокурора? Здорово! Теперь меня еще притянут по сто двадцать седьмой за клевету». На следующий день Езупана вызывает районный прокурор. «Вчера тут Свиндубис был». — «Знаю, — вздохнул Езупан. — Судить будете?» — «Будем. А вам объявляю благодарность. Свиндубис покаялся во всех своих грешках. Он решил, если уж милиция знает, нет смысла ждать. Повинную голову меч не счет. Свиндубис дорожит этим смягчающим обстоятельством». А Езупан рот разинул и глазами хлопает.

Дзенис неумело закурил.

— Зря ты, Виктор, тратишь время в своем угрозыске. Талант пропадает. Из тебя заправский юморист получился бы. Без пяти минут Гашек. Или хотя бы один из братьев Каудзит.

Шофер прыснул со смеху. Соколовский с упреком по-

коснился на него, потом на Дзенис и нахохлился в своем углу.

Машина приближалась к Паланге. Погода, как это часто бывает в Прибалтике, неожиданно переменилась. Солнце затянуло серыми тучами, и по крыше «Волги» забарабанили крупные капли, а через минуту полило как из ведра. Казалось, сплошная серая стена воды окружила машину со всех сторон.

— Попробуй найди в таком потопе желтый дом с зеленой крышей! — ворчал Соколовский.

И все-таки они нашли. Сперва Дзенис в переулке заметил красный «Москвич». Помощник прокурора взглянул на номер машины.

— Так я и думал. Наш друг уже здесь. Только, боюсь, не опередил бы его кто. Скорей, Виктор!

Они подбежали к домику. Соколовский взглянул через окно в комнату.

— Как будто все в порядке.

Шофера оставили следить за остальными окнами, а сами поднялись на крыльцо, и капитан энергично постучал.

Взглянув на милицейское удостоверение, Алида Лоренц не проронила ни слова и впустила прибывших в гостиную. «Принц-инкогнито» встал с дивана и направился к ним навстречу. Его желтая нейлоновая «битловка» была перепачкана кровью. Левая рука висела на перевязи.

— Где вас так долго носило, коллеги? Я рассчитывал, что подоспеете раньше.

— Что с рукой, Ивар? — озабоченно спросил Дзенис. — Ты ранен?

— Пустяки, царапина. Эта дама была очень любезна и сделала перевязку. В благодарность за небольшую услугу. Кажется, я спас ей жизнь. Зато сейчас как бы не хватил ее инфаркт.

Адвокат Робежниек вынул перочинный нож, подошел к секретеру, что стоял в углу комнаты, и открыл крышку. Лоренц в ужасе бросилась на адвоката. Но было поздно. Робежниек успел вынуть из ящика перевязанную шнурком металлическую шкатулку и вручить Дзенису.

— Пожалуйста, товарищ прокурор, вот здесь вещественные доказательства. Сдаю вам как представителю государства.

Дзенис развязал шнурок, открыл крышку и... остолбенел. Перед ним всеми цветами радуги сверкали, переливались и мерцали бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, топазы. Ими были украшены всевозможные золотые перстни, браслеты, серьги, броши, кулоны и ожерелья. В длинные столбики были аккуратно сложены и завернуты в бумагу золотые монеты.

— Так вот она, сокровищница Алиды Лоренц!

— Не Лоренц, а покойного штурмбаннфюрера фон Гауча, — поправил Дзениса Робежниек. — Сокровища, собственноручно награбленные в Саласпилсском концлагере.

— А что у вас с рукой? — повторил свой давешний вопрос Дзенис. — Может...

— Расскажу, Роберт, расскажу все по порядку, — перебил его Робежниек. — Теперь торопиться больше некуда.

— Лихо это у вас получилось! — укоризненно покачал головой Соколовский, распахнул окно и позвал шофера. — Зайди, посидишь полчасика на кухне с барышней, заодно и обсохнешь.

С этими словами он выпроводил смертельно бледную, поникшую старуху за дверь и теперь обратился снова к адвокату:

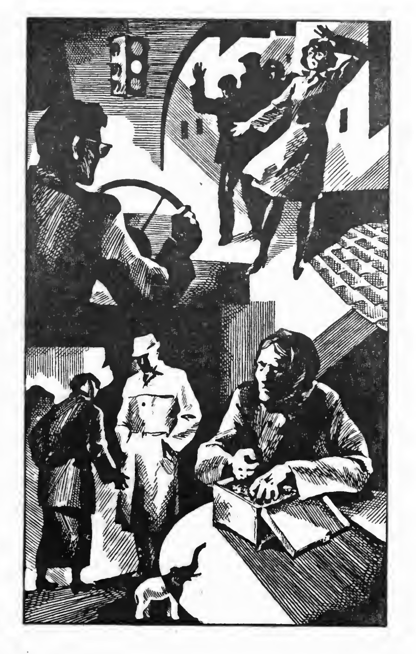
— Взяли на себя роль частного детектива?

— Как вам сказать...

Дзенис сел к столу, закрыл шкатулку и снова перевязал шнурком.

— А не лучше ли за Робежниека на твой вопрос отвечу я? — предложил он. — Так вот: в один прекрасный весенний день, когда я ехал с Иваром в его машине, я, как видно, жестоко уязвил самолюбие нашего друга, позволив себе сказать, что из человека с его характером и взглядами на жизнь никогда не получится ни следователя, ни оперативного работника. Робежниек решил доказать, что я был не прав. И вот таким путем доказал... Разве не так это было, Ивар?

— Не только так, — решил уточнить Робежниек. — Тогда на суде я был вынужден принимать во внимание волю своей клиентки, хотя сам и не очень ей верил. Кроме того, долг адвоката повелевал мне докопаться до истины. Поскольку я не мог заниматься этим во время процесса, то пришлось приложить некоторые усилия после.



Дзеиис улыбнулся.

— Ничего ие скажешь, остроумное решенне древиейшей проблемы защиты: как помочь устаиовить истину, ие переступая граииц этики отиошеиий адвоката и подзащитиого. Н-да!.. То-то я давио чувствую, что иам кто-то сует палки в колеса.

— Бросьте меия смешить! В конце концов, я ии в чем вам ие помешал. Разве что чуточку забежал вперед. Пока вы заиимались Щеписамн, я заглянул в иотариальиую контору, собрал сведения о завещаииях. А вот ие кажется ли вам, уважаемые коллеги, что участие адвоката в предварительиом следствин было бы далеко ие бесполезным? Мы своевремеино помогали бы вам избежать многих ошнбок. И уж тогда ваша Лиепа иедолго продержалась бы на должиости следователя.

— Все в порядке, — примирительио сказал Дзеиис. — Не поиимаю только одиого, для чего вам поиадобилось впутать в эту историю врача Страуткалн?

Робежниек повернулся к Дзенису.

— Вы, Роберт, умиый человек, превосходиый юрист, и я вас глубоко уважаю. Но в женской психологии, простите меия, вы ориентируетесь слабовато.

— Не стану спорить. В этом вопросе вы компетентией меия.

— Благодарю. И в таком случае смею вас заверить: в нашем иеженском деле смекалистая интересная женщииа иногда может добиться большого успеха там, где мужчииа выиуждеи отступить. Спросите Виктора, он вам скажет то же самое.

— Это что — камеиь в мой огород? — взвился Соколовский. — Деликатиый жест метлой?!

Робежииек продолжал:

— Взять хотя бы Зиткауриса. Меня бы он просто выставил за дверь. А Майга Страуткалн миогое выудила из старика. Ои рассказал ей об отношениях между Алидой Лореиц и Гаучем, о том, что штурмбаиифюрер обещал увезти ее в Германию, о Лапиие и о драгоценностях, которые Гауч дарил Алиде Лореиц. Старик даже описал, как выглядит ее любимый камеиь — голубой сапфир, который Гауч преподнес ей иа имеиииы. Мне это все очеиь пригодилось.

— Стало быть, это по вашему указанию Страуткали звоиила в прокуратуру Трубеку и советовала поинтересоваться иаследниками? — осенило вдруг Соколовского.

— Я сторонник корректиой игры, — ответил адвокат. — Хотел честно поделиться ценной ииформацией.

Последиее задело Дзениса за живое.

— Неужели вы думаете, что мы сами ие проверили бы завещание?

Соколовский тоже поспешил отплатить адвокату за давешиюю шпильку.

— Да кому ты веришь, Роберт! Ои просто хотел нас оставить в дураках. Хотел первым раскрыть преступлеиие. А потом хвастать на каждом углу: я раскрыл, я все иашел, куда до меия этим остолопам.

— Не мели чепухи, — отмахиулся Дзеиис. — Лучше послушай.

— Я рассудил так, — продолжал Робежииек. — В первую очередь надо искать драгоцениости. У кого иаходятся драгоцениые камии и золото, тот, вероятио, и причастен к убийству Алиды Лореиц. Зиткаурис после всестороннего аиализа отпал. Если бы драгоценности были у него, ои о иих даже ие заикиулся бы. Оставался Лапинь. И опять помогла Майга Страуткалн. Ей удалось подослать своего мужа к Лапиню с целью купить голубой сапфир. Но о нем Лапинь ие имел ии малейшего представлеиия. И снова тупик. Начал разрабатывать иовый план. А тут звоиит Майга...

— И сообщает, что в Паланге видела Алиду Лоренц живой и иевредимой, — поспешил подсказать Соколовский, который уже забыл про свою обиду.

— Совершеиио верно. И я решил: раз Лоренц так поспешио удрала, то, очевидио, драгоцеиности ие похищены. Не сбежит же она с пустыми руками? Скорей иаоборот: оиа уехала, чтобы спасти свою коллекцию, а с ией и жизнь. Возможно, что убийца ей известеи или, во всяком случае, оиа догадывается, кто мог им быть. Возможио, что в тот раз преступиик охотился за Лореиц и лишь по чистой случайиости убил другую жеищиву в ее комиате. Я сел в машину и помчался сюда.

— Вам не следовало ехать одному да еще без нашего ведома, — заметил Дзенис. — Сами видите, что получилось.

— Так я же велел Страуткалн немедлеиио сообщить вам. Я был уверен, что вы едете за мной по пятам. Чуточку опередить вас мне, коиечио, хотелось. Профессиональиый азарт. Каюсь.

— А мы опасались за вашу жизнь. Когда Страуткали сказала, что звонила вам, я понял, что вы уже в пути. Потому мы и поехали вдогонку.

— Но какими магнитами вам удалось вытянуть шкатулку из тайника? — бурлило любопытство в капитане Соколовском.

— Опять-таки пришлось использовать знание женской психологии и разыграть небольшой фарс. Я оживил барона фон Гауча, который якобы приглашает свою бывшую подружку в Западную Германию. Предложил ей нелегальный переход границы со шкатулкой за пазухой. Одним словом, дал разыграться ее фантазии. И старуха попалась на удочку. Но в самый ответственный момент...

— Заартачилась?

— Хуже. На сцену ворвался не предусмотренный в моем спектакле персонаж. Подъехал на машине молодой мужчина и тут же бросился в дом. Ростом он был с меня, чуть пошире в плечах. У меня не было ни малейшего желания с ним встречаться. Я спрятался в спальне за дверью. Но он не стал растрачивать энергию на болтовню, а сразу взял старуху за глотку: «Гони сюда золото! Второй раз ты от меня не улизнешь. Выкладывай все на стол, или твоя песенка спета!»

— Лоренц, конечно, заупрямилась, — предположил Соколовский. — Ей не хотелось терять шанс на встречу с возлюбленным и чудесами Западной Германии.

— Пыталась вырваться, но у того хватка железная. Вижу, ситуация становится серьезной. Не мог же я допустить, чтобы у меня на глазах задушили женщину.

Всегда присущая Робежнieку ирония пропала. Он рассказывал просто и искренне. Дзенис понял, что за обычной театральностью адвоката скрывается мужественное и отзывчивое сердце. Он почувствовал искреннюю симпатию к этому человеку.

— Я выскочил из спальни и бросился на бандита, почти придавил его к полу, но не заметил, что в левой руке у него нож. И он успел малость пырнуть меня в плечо. Я, конечно, ослабил хватку, он воспользовался моментом, вырвался и бежать. В окно я успел только увидеть, как он вскочил в машину.

— Какая была машина? — быстро спросил Соколовский.

— Светлый «Запорожец». Не то салатного цвета, не

то голубой. У меня от боли в глазах рябнло. Номер машнны тоже не рассмотрел.

— Что же ты сразу не сказал? — Соколовский сам не заметнл, как перешел на «ты». — Может, успелн бы...

— Вы опоздалн почти на час. И неизвестно, в какую сторону он уехал.

— Узнать его сможешь?

— Конечно.

Дзеинс пристально смотрел на адвоката, что-то прнкндывая прн этом, н наконец решился.

— Должен вам сообщить весьма печальиую иовость. Майга Страуткали попала в больницу.

Адвокат насторожился.

— Не волиуйтесь: жизнь ее вие опасиостн, — продолжал Дзенис. — Перелом иогн. Ее сбнла машииа.

— Когда это случнлось?

— Сразу после вашего телефонного разговора. Она шла ко мне в прокуратуру. Надо полагать, наезд был умышленный. Чтобы лишнть ее возможностн сообщить о том, что Лоренц жива.

— Выходнт, я сам же толкнул ее под колеса!

— Ну, ну, еще чего скажете! Вы же ие моглн предвндеть.

— Надо полагать, Майгу пытался задавить этот же самый тнп...

— ...что пырнул вас ножом, — перехватнл его догадку Дзеннс.

— Страуткалн сбнта красным «Москвнчом», — напомнил им Соколовскнй. — А этот был на светлом «Запорожце».

— Не имеет значення, — возразнл Дзеинс. — Преступннк пересел на другую машниу. Он поннмал, что красиый «Москвнч» будут искать, н далеко не уедешь.

— Кто же это мог быть? — простодушно спроснл Робежинек.

— Пока даже не представляю себе, — прнзнался Дзеннс. — Но, надеюсь, завтра к вечеру смогу иазвать его нмя.

Всегда очень самоуверенный Робежниек был растерян н поистнне иесчастен.

— И какой черт меня дернул послать Майгу! Надо было позвоннть самому.

— Что верно, то верио, — согласнлся Дзенис н о чем-то задумался. Потом иеуверенно спроснл: — Прн-

знайтесь, ведь не только дело Лоренц заставляло вас искать встречи с этой женщиной?

Робежниек положил здоровую руку на плечо Дзенису.

— Роберт, не думайте обо мне слишком плохо... Как-то весной в консультацию во время моего дежурства пришла совсем молоденькая девушка, скорей даже девчонка. Она просила совета, помощи. Ее соблазнил один далеко не молодой негодяй. Она ждет ребенка, а он оказался женатым. Девушка назвала имя соблазнителя — инженер Эдвин Страуткалн. После этого...

— ...ты посоветовал ей подать на него в суд на алименты, — ехидно заметил Соколовский. — А сам все выложил Майге.

— Я отправил девушку к другому адвокату. Майга никогда об этом не узнает от меня.

Дзенис встал.

— Ладно, хватит лирики. Пора поговорить начистоту с Алидой Лоренц.

— Ты успел что-нибудь у нее узнать? — спросил Соколовский у адвоката.

— Слишком мало было времени, чтобы вызвать Лоренц на откровенность. Она пыталась убедить меня в том, что нажила эти драгоценности еще во времена Ульманиса. Придется устроить им очную ставку с Зиткаурисом.

— А как она объясняет свой побег из Риги?

— Довольно логично. Сегодняшний налетчик, по ее словам, однажды уже побывал у нее. Это было в октябре. Вымогал золото, камни, грозился убить, но Лоренц перехитрила его. Сказала, что свои сокровища она хранит в другом месте, и велела прийти через несколько дней...

— А сама тем временем перепорхнула в Палангу, — вставил словечко капитан.

— Да. Купила домик. Надеялась, что тут никто ее не найдет. О том, кто он таков и откуда знает о ее состоянии, она не имеет ни малейшего представления. Вот и все.

— Не жирно, — резюмировал Соколовский. — Хорошо, Роберт, давай пригласим-ка старую на интервью. Уже вечер, а у нас впереди дальняя дорога.

— Зови.

Капитан пошел на кухню за Алидой Лоренц.

6

Рижский вокзал уже сверкал всеми своими огнями, когда запыхавшийся Борис Трубек вбежал на перрон. Поток дачников поредел, и теперь в вагонах, совсем как в зале суда при рассмотрении гражданских дел, лишь по углам кое-где сидели немногочисленные пассажиры.

Борис остался постоять в тамбуре. Он нервничал: мать, наверно, заждалась. Нельзя же было предвидеть, что Дзенис даст ему срочное задание и придется несколько часов просидеть над изучением сведений о пропавших старухах. Правда, время потрачено не без пользы — кое-что удалось нащупать.

Может быть, это та, что из Алуксне, рассуждал он, ее видели последний раз восьмого октября. Ушла из дому и не вернулась. Время почти совпадает — убийство на улице Вайрога произошло приблизительно двенадцатого. Однако по материалам милиции эта женщина была сравнительно высокого роста. Убитая же отнюдь не была высокой.

Рижанка из Задвинья ростом соответствовала жертве, но исчезла значительно позже. Сообщение от дворника поступило лишь в декабре. А почему от дворника? Скорей всего жила бобылкой, и соседи по дому могли не сразу заметить затянувшееся отсутствие старухи. Не исключено, что в действительности она исчезла раньше.

Но которая же из них могла быть связана с Лоренц? Старуха убита в доме на улице Вайрога. Не притащили же ее туда в мешке, как кошку, и убили?

Поезд остановился. По освещенному перрону станции Булдури лениво прохаживались несколько человек. Часть из них ожидала поезда в Ригу. В тени деревьев стояла в обнимку парочка. Рядом на скамейке спал пьянчужка. Гордо подняв голову, по платформе шагал дежурный милиционер.

Картина ночной станции поплыла назад и быстро смазалась, ухнув в темноту. Поезд быстро набрал скорость.

Трубек вынул из кармана конверт с фотоснимками, полученными в Управлении внутренних дел. После эксгумации трупа эксперты реконструируют облик убитой. Тогда можно будет сравнить с этими снимками.

С одной фотокарточки на Трубека глядела добро-

душная старая тетушка. Быть может, эта? Пропала в ноябре, жила в поселке Адажи, под Ригой. Стоп!.. Стало быть, поблизости от Зиткауриса.

Однако нельзя отбрасывать и другие варианты. Возможно, убита вовсе и не местная жительница. Тогда предстоит умопомрачительно трудоемкая работа — проверить всех старух, которые в ту пору выехали из дому и не вернулись.

Борис был единственным, кто сошел в Пумпурах...

7

В сером сумраке раннего утра две легковые машины тихо въехали в Ригу. Рассвет уже мерился силой с короткой летней ночью, которая с большой неохотой уступала ему и покидала спящий город. Исполинскими гудящими жуками проползали мусороуборочные машины. Кое-где появлялись первые пешеходы.

За рулем автомобиля Робежниека сидел капитан Соколовский. Сам же адвокат вместе с Дзенисом и Алидой Лоренц ехал в милицейской «Волге».

— Здорово болит? — сдав Лоренц дежурному, сочувственно поинтересовался Дзенис. Он видел, что Робежниек поддерживает здоровой рукой раненую.

— Есть немного.

— Надо сразу показать хирургу. Возможно, медсестра в Паланге не все сделала как надо. Шофер сразу отвезет нас в больницу.

— Не беспокойся, Роберт, я и сам доберусь. Вам надо хоть немножко подремать. Работы сегодня будет по горло.

— Да, но у меня и в больнице тоже есть дела. Кстати, адвокат Робежниек, наверное, не ограничится медицинской помощью, так что нам, кажется, по пути.

Ивар рассмеялся.

— Ладно, поехали вместе.

Из приемного отделения Робежниека переправили в травматологический блок. Там пришлось ждать, пока закончат какую-то срочную операцию. За это время они с Дзенисом успели сбегать в буфет и выпить по чашке кофе, после чего направились в хирургическую клинику.

Майга Страуткали выглядела бодрее, чем накануне, во время визита Дзениса. При появлении нежданных

гостей ее щеки залил предательский румянец. Пытаясь скрыть смущение, она поспешно взяла с тумбочки расческу и зеркальце.

— Ужас какая я лохматая!

— В таком виде вы еще очаровательней, — поторопился ее заверить Робежниек с несколько наигранной веселостью, которая должна была замаскировать его волнение. — Разве я не прав, Роберт?

— Когда женщина на больничной койке начинает заботиться о своей внешности, — откашлявшись, серьезно начал Дзенис, — это верный признак того, что дело пошло на поправку.

Робежниек положил на табуретку три чайные розы и сел так, чтобы Майге не была видна его перевязанная рука.

Майга взяла цветы и поднесла их к лицу.

— Джентльмен, как всегда. Благодарю, Ивар.

Дзенис обвел взглядом палату.

— Я рассчитывал тут увидеть целую оранжерею. Очевидно, ваш муж цветов не признает.

— Эдвин у меня еще не был.

— Разве ему не сообщили, что вы...

— Сестричка вчера звонила, но нигде его не застала. В инститтуте не было. Дома тоже. Последний раз звонила поздно вечером.

— На рыбалку уехал, — сделал вывод Робежниек.

— Вероятно.

— Он тогда предупредил бы, — возразил Дзенис. — Возможно, непредвиденная командировка?

Майга закусила губу.

— Как я сразу не сообразила! Очевидно, он уехал в Литву.

Дзенис с Робежниеком незаметно переглянулись.

— Почему вы думаете, что именно в Литву? — спросил Дзенис.

— Это длинная история. Эдвин всю прошлую зиму мучился с обогревателем машин. Старый, пора менять. Где только не искал, но все зря. И Фредис пообещал ему достать новый. Надо только съездить в Литву.

— Фредис?

— Да. Сын нашего дворника. Раньше он был шофером. Теперь работает автослесарем и помогает Эдвину возиться с нашим «Запорожцем». У Фредиса в Литве есть какие-то друзья-автомобилисты.

— Тогда ваш муж, наверно, уехал в Литву за обогревателем. Не так-то и далеко. Скоро вернется, — успокоил ее Дзенис.

— Конечно! Наверно, Фредис позвонил ему на работу и сказал, что надо сразу же ехать. А меня Эдвин дома уже не застал.

— Да, — согласился Дзенис. — Из Литвы он мог возвратиться и поздно ночью. Интересно, он поехал один или вместе с Фредисом?

— Не знаю, — в сердце Майги закралось подозрение. — А это имеет значение?

Дзенис понял, что сказал лишнее. Больной сейчас необходим полный покой.

— Да нет, просто так. Меня интересует другое. Ваш разговор с Зиткаурисом.

Страуткалн вопросительно посмотрела на Робежниека. Адвокат пожал плечами.

— Товарищу прокурору все известно. На то он и прокурор. Наша игра в детективов, Майга, кончилась. Секретов больше нет.

Страуткалн спохватилась, что до сих пор держит розы в руках, и это должно выглядеть очень глупо. Она бережно поставила цветы в вазу на тумбочке.

— Не знаю, товарищ Дзенис, смогу ли быть вам полезной.

— Видите ли, я тоже беседовал с Зиткаурисом. Естественно, разговор был официальный. Ваша беседа, надо полагать, носила более непринужденный характер. Поэтому хотелось бы услышать ваши соображения, как этот человек в действительности относится к Алиде Лоренц.

— Безусловно, с неприязнью, я убеждена в этом. Почему? Он возмущался бессердечностью своей родственницы: во-первых, она бросила своего ребенка, а во-вторых, надула его самого в денежных делах. А в общем, я думаю, старик не был со мной до конца искренен. Он что-то скрывает. Для такой ненависти должно быть более глубокое основание.

— Вам, доктор, свойственна наблюдательность. Вы случайно не обратили внимание на какую-либо противоречивость рассказа Зиткауриса или на какое-нибудь несообразие, скажем, в обстановке его жилища, в мебели, вещах, в какой-нибудь неоправданной асимметрии?

— В обстановке? У Зиткауриса современная мебель

в доме, много кннг, разных безделушек, нзделнй нз керамнкн... Постойте-ка... А слон!

— Какой слон?

— Тяжелый такой, металлнческнй. Их должно быть в комплекте два. Своимн задраннымн хоботамн онн поддержнвают с двух сторон кннгн на полке. Но у Знткаурнса был только однн. Возможно, я н ошибаюсь, ио помоему, я вндела во время внзнтов такого же слона на столе у Лоренц.

— В протоколе, составленном прн осмотре комнаты Лоренц, слон там стоял. Да вы же самн прн этом присутствовалн.

— Странно, но уже тогда мне показалось, что слон не тот. Раньше у него был обломан кончнк хвоста. А когда прнехалн вашн товарнщн, в комнате Лоренц был такой же слон, но с целым хвостом. Помню, я еще удивнлась по этому поводу, н ваш коллега посмеялся надо мной. Сказал, что хвост отрос снова. Зато у Знткаурнса я вндела слона с обломанным хвостом. Возможно, он поменялся с Лоренц. Родственники как-ннкак.

— Обмен сувенирамн? Сомневаюсь. Да, между прочнм, вы сказалн — родственннкн. А во время вашей беседы Знткаурнс не упомннал какнх-лнбо другнх родственннков? Детей у него не было? Илн у брата, у сестры?

— Нет, об этом мы не говорнлн.

— Вы усталн. Не хочу вас больше мучить.

— Да ннчего, я чувствую себя вполне сносно. Если вас еще что-нибудь ннтересует...

— Вы долгое время лечнлн Алнду Лоренц, неоднократно навещалн ее дома. Может быть, вы виделн ее прежинх квартнранток, живших там до Зенты Саукум? Возможно, кто-то нз ннх болел н в полнклнннке сохранились данные?

— Квартнранткн Лоренц?

Майга Страуткали лежала на спнне и, глядя в потолок, напряжеино вспомннала. Неожнданио она приподнялась на локтях н села.

— Ну да, это же была Тамара! Как я сразу не сообразила!

— Тамара?

— Она жила у Лоренц перед Зентой Саукум. Тнхоня такая была. Если не ошнбаюсь, она вышла замуж и куда-то переселнлась.

— Где-нибудь встречали ее потом?

— Да, в ателье мод. Она там работает. Мы сидели с Эдвином, я ожидала примерки. Девушка эта прошла мимо. По-моему, несла много пальто. Я в тот раз все не могла вспомнить, где видела ее раньше. Да, да, это была Тамара!

Дзенис встал.

— А теперь, Ивар, пошли. Я вконец замучил любопытством нашу бедную больную.

Когда они спускались вниз по лестнице, Дзенис взял Робежниека под руку.

— Вы сегодня вечером будете дома?

— Куда же я пойду с такой рукой? Придется ее нянчить, как малое дитя.

— Я вам позвоню. Надеюсь, к вечеру смогу рассказать кое-что интересное.

ГЛАВА 6

1

Приближаясь к одному из новых домов в конце улицы Горького, Дзенис невольно измерил взглядом фасад, как бы намереваясь проникнуть сквозь кирпичную стену и выяснить то, ради чего он сюда приехал.

Дзенис открыл дверь парадного, остановился и стал изучать список жильцов на таблице. Мимо прошли, весело болтая, молодой человек в светлом костюме и девушка с пышной прической. Дзенис прислушался. Молодые люди поднялись уже на третий этаж, но внизу по-прежнему было отчетливо слышно каждое произносимое ими слово. Наконец хлопнула дверь, и голоса смолкли.

«Акустика как в хорошем концертном зале», — подумал Роберт.

Он огляделся по сторонам. По углам лестничной клетки валялись обрывки бумаги, горелые спички. К батарее центрального отопления было прилеплено несколько окурков. Дзенис внимательно их изучил. Затем поднялся на самый верхний этаж и встал подле окна. Он приготовился терпеливо ждать. Вскоре внизу послышались шаги. Кто-то, страдая тяжелой одышкой, взобрался

на второй этаж. И вновь тихо. Чуть погодя тишину нарушил щебет ребячьих голосов.

— В прятки! Будем играть в прятки! Чур, я не вожу!

— Нет, будем считаться! Я считаю! Аты-баты, шли солдаты...

— Нет, я... На столе стакан вина...

«Странная считалка! «На столе стакан вина...» В мое время этого не было. Впрочем, другие времена, другие атрибуты...»

Дети находились на первом этаже, в парадном. Но Дзенис слышал их так хорошо, будто они стояли рядом. Помощник прокурора остался доволен результатами этого нехитрого эксперимента. Он еще минуту постоял, затем спустился и пошел в домоуправление.

Техник-смотритель, мужчина в летах и с повадками человека, привыкшего к уважению окружающих, скорей всего отставной офицер, внимательно выслушал помощника прокурора. Затем велел принести домовую книгу и никого в кабинет не впускать. Разговор длился более часа. Был вызван общественник этого домоуправления, хорошо знавший всех жильцов.

Около часа дня Дзенис покинул домоуправление, сел на троллейбус и поехал в центр города.

...В ателье мод, как всегда, было полно. Дзенис подошел к одной из сотрудниц.

— У вас тут работает такая скромная симпатичная девушка. С родинкой на левой щеке.

— Тамара, что ли?

— Вот, вот, она самая. Вызовите ее, пожалуйста! Мне необходимо с ней поговорить.

Работница смерила взглядом солидного и, по ее мнению, уже немолодого мужчину.

— Сейчас позову.

Дзенис, разумеется, мог вызвать Тамару через директора или отдел кадров, но это вызвало бы всякие кривотолки. Дзенису не хотелось зря бросать тень на Тамару. Потому он и предпочел такой путь.

Из боковой двери вышла тоненькая миловидная девушка в сатиновом халате с белым воротничком. Она несмело приблизилась к Дзенису.

— Это вы меня вызывали?

— Да. Нам надо бы поговорить, — сказал Дзенис. — Я из прокуратуры. Давайте выйдем ненадолго на улицу. Здесь слишком много народу.

На другой стороне улицы был сквер. Они прошли в дальний уголок и сели на скамейку.

— Скажите мне, Тамара, — начал Дзенис. — Вам издалека приходится ездить на работу?

— Я живу в поселке Берги.

— Это за Баложами, на берегу озера Югла?

— Да.

— Красивое местечко. Только далековато. Автобус туда ходит редко. У вас там родители живут или кто из родни?

— Нет, я одна. Снимаю комнату.

— И давно?

— Скоро будет год.

— А где вы жили раньше?

— В городе. На улице Вайрога.

— Тоже у хозяйки квартировали?

— Да.

Дзенис о чем-то думал.

— Стало быть, на улице Вайрога, — повторил он. — Может, помните, как звали хозяйку?

— Лоренц. Алида Лоренц.

Вид у прокурора был абсолютно равнодушный, как если бы эта фамилия ничего ему не говорила.

— А почему вы перешли от нее? Оттуда ведь гораздо ближе было ездить на работу.

— Там я снимала койку. А здесь у меня своя комната. Хоть и маленькая, зато отдельная. Да и трудно было ладить с прежней хозяйкой.

— Я думал, вы переменили место жительства, потому что вышли замуж.

Девушка густо покраснела.

— Что вы!

Дзенис искоса наблюдал за выражением лица Тамары.

— Вы не стесняйтесь, рассказывайте. Ведь вы тогда готовились к свадьбе?

Девушка буквально опешила.

— Кто вам это сказал?

Дзенис пропустил вопрос мимо ушей.

— А разве вам тогда не сделали предложение? Я имею в виду того странного парня в спортивной куртке на молнии. Забыл уже, как его звать.

Тамара поникла и молчала довольно долго. Потом грустно заметила:

— Давно его не видела.
— С тех пор как переехали в Бергн?
— Да.
— И это вас так печалит?
— Трудно сказать. Пожалуй, теперь уже нет. Наверно, это было не настоящее. Да и вряд ли мы ужились бы. У него тяжелый характер, непонятный. Иногда мне даже становилось страшно.

Дзенис повернулся к девушке и ободряюще заглянул ей в глаза.

— Давайте, Тамара, будем откровенны. Вы, когда уходили от хозяйки, не порекомендовали ей другую квартирантку?
— Да что вы! Хозяйка и слушать бы меня не стала. Под конец мы с ней здорово разругались.
— Наверно, это было не без участия вашего друга.
— Да, пожалуй, так.
— Расскажите все по порядку. Как вы познакомились с этим парнем? Что было дальше?
— Познакомились на улице, там же около дома. Я шла с работы. Он со мной заговорил, спросил, где тут живут Андерсоны.
— Вы их знали?
— В нашем доме Андерсонов не было. Сейчас уже не очень помню, как было дальше. Разговорились. Он пригласил меня в кино. Сперва я отказалась. Но он был очень такой обходительный, вежливый. Потом стали встречаться чаще. Ходили на танцы.
— И в один прекрасный вечер он попросил у вас разрешения зайти к вам домой?
— Откуда вы знаете?
— Нетрудно догадаться.
— Я ему объяснила, что это невозможно. Хозяйка нас обоих выставила бы за дверь. В ее глазах это был бы смертный грех. Однако он не унимался, просил познакомить его со старухой. Уверял, что сможет подмазаться к хозяйке. Ему очень хотелось поглядеть, как я живу. А я все не могла решиться. Боялась оказаться на улице.
— Ведь он мог и без вас подняться в квартиру.
— Что вы! Лоренц никого к себе не впускала.
— А потом друг посоветовал вам сменить жилье?
— Он сам же и подыскал мне квартиру в Бергах. Разве, говорил он, это жизнь — снимать койку у полу-

сумасшедшей старухи. И перебраться помог мие. Да и сколько у меия пожитков-то. Пустяки.

— Ну а в новой квартире ваш пареиь имел возможиость приходить в гости?

— Ои зашел всего одии-единствеиный раз. Хотел остаться иа иочь. Я не позволила. На том дружба кончилась. Через иесколько дией увидела его с другой девушкой.

Дзеиис иасторожился.

— Не помиите, как оиа выглядела, эта девушка? Смогли бы ее узиать?

— Наверио, могла бы. Небольшого роста, худеиькая.

Помощник прокурора достал из карманa фотографии иескольких девушек.

— Возможио, одиа из этих?

Тамара рассматривала сиимки.

— Вот эта.

Дзеиис утвердительно кивиул.

— Да, чуть не забыл. Вы случайно ие зиаете адрес этого молодого человека?

— Ои говорил, живет у какого-то дружка. Кажется, в Чиекуркалие.

— А кем работает?

— Не то механиком, ие то слесарем. Кажется, в какой-то мастерской иа улице Бирзиieка — Упита. Я его одиажды там встретила. В спецовке бежал в магазии за папиросами.

— «Беломор» курит?

— Вы и это знаете про Алика?

— Алика?!

Теперь иастала очередь Дзениса удивиться. До этого момеита все совпадало. И вдруг иовое имя. Он был убежден, что девушка назовет совсем другое. Впрочем... Алик?.. А почему бы и нет?

— Спасибо, Тамара. Простите, что я вас так долго задержал. Всего вам доброго.

Получасом позднее Дзенис виимательно изучал вывески на улице Бирзиieка — Упита. Его привлекла небольшая вывеска на воротах, сообщавшая, что там помещается гараж некоего предприятия. Дзенис зашел, отыскал заведующего, и они долго беседовали.

Помощник прокурора тщательиейшим образом изучил личные дела, просматривая записи в журналах, путевые листы, наряды иа работу, звонил в адресный стол

Управления внутренних дел. И, уже оказавшись снова на улице, вспомнил, что еще не обедал. Дзенис отправился в ближайшее кафе. Прежде чем сесть за столик, он подошел к телефону-автомату и позвонил Трубеку. Следователь оказался на месте.

— Борис, слушай меня внимательно, — негромко сказал Дзенис. — В десять вечера выезжаем на операцию. Будем брать вчерашнего героя, который пытался задавить врача Страуткали. Встреча — в управлении. Позвони Соколовскому, чтобы обеспечил опергруппу и машину. Найди также и Робежниека. Он нам тоже понадобится.

— Шеф, но нельзя же две ночи подряд без сна...

— За меня не беспокойся. Сейчас пойду домой и часок-другой вздремну. До вечера!

2

Шестибалльный морской ветер с разбойничьим посвистом куролесил среди редких домиков прибрежного поселка.

Где-то совсем рядом послышался не то хруст сухих листьев, не то скрежет жести. Казалось, кто-то крадется около дома. Но никого не было. Никого, кроме этого неугомонного морского ветра, уныло трубившего о близости осени, о налетающих с северо-запада штормах, когда даже бывалые рыбаки не отваживаются выходить в море.

Потом ветер неожиданно стих. Но тишина была обманчивой. Ветер притих на несколько мгновений. Затаился, но был рядом.

И вдруг тишина взорвалась. Налетевший шквал бешено рванул кровлю с дома. Жалобно заскрипели сросшиеся сосны.

Семь человек гуськом неслышно шагали через спящий рыбацкий поселок. Время от времени вспыхивал карманный фонарик. Тонкий луч вырывал из темноты то табличку с названием улицы, то номер дома. И сызнова все заливала и выравнивала темнота.

Ветер отколупывал штукатурку со стен дома, пытался раскачать телефонные столбы, звонко бренчал проводами. В садах ломались сухие сучья. Налитые соком яблоки и сливы с мягким стуком падали на землю.

Буря разыгрывалась все сильней, все ожесточенней становились порывы ветра, все громче и отчаянней его завывания и свист. Поселок словно растворился в этой осязаемой, но невидимой лавине ревущего воздуха.

Капитан Соколовский остановился у одноэтажного небольшого дома у подножия дюны и сказал Дзенису:

— Здесь!

Калитка не поддавалась, наверно, требовался какой-то особый прием. Два милиционера поспешили на помощь капитану.

Осторожно пробираясь, Дзенис и Соколовский проникли в сад и обошли вокруг дома. Ставни на окнах были закрыты. Свет нигде не пробивался.

— Возможно, еще никого нет, — шепотом заметил капитан.

— Что ж, подождем. Но, полагаю, он дома. Наверно, спит уже. Расставь своих людей под окнами, на случай, если вздумает бежать. Робежниек пусть подождет в саду. Позовем, когда будет надо.

Дзенис говорил все это Соколовскому прямо в ухо, но ветер подхватывал слова и относил в сторону. Капитан больше догадывался, чем слышал.

Втроем с Трубеком они остановились перед входной дверью и постучали. Громко и нетерпеливо, как люди, которым некогда ждать.

За ставнями заблестел электрический свет. Послышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

Соколовский опустил руку в карман и ощутил холодный металл пистолета.

— Телеграмма. Срочная!

Дверь приоткрылась. В нее ворвался ветер и распахнул настежь. Капитан бросился вперед, оттолкнул опешившую женщину и вбежал в комнату.

Подушки на широком диване были смяты, одеяло откинуто в сторону. Возле шкафа торопливо одевался высокий мужчина. При виде Соколовского он шарахнулся к окну.

— Руки вверх! — приказал капитан.

Мужчина побледнел и медленно поднял руки. Подбежавший Трубек обыскал карманы и положил на стол среднего размера складной нож.

— Садитесь, — капитан стволом пистолета указал на стул, затем обратился к стоявшей тут же женщине, в

глазах которой застыл ужас. — А вы подождите в другой комнате.

Стоящий в двери Дзенис внимательно рассматривал задержанного. Крепкий подбородок и резко очерченные скулы делали лицо молодого человека энергичным и запоминающимся. Такие люди умеют добиваться поставленной себе цели. Только эта цель иной раз бывает неблаговидной.

Дзенис сделал несколько шагов вперед и остановился перед задержанным. Соколовский с Трубеком отошли в сторонку, чтобы не мешать Дзенису. Они знали, какое большое значение имеют именно эти первые вопросы.

В комнате тишина. А за окном шумит ветер, рвет с окон ставни, сотрясает оконные стекла, будто хочет ворваться в комнату, чтобы покарать зло.

Помощник прокурора нарушил молчание.

— Ваша фамилия Инус?

— Да. Что вам от меня надо?

— Вы работаете в гараже на улице Бирзниека — Упита?

— Да, я там работаю.

Задержанный наклонился вперед и положил руки на стол. Он прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить внешнее спокойствие. Но от внимания Дзениса не ускользнули побелевшие ногти Инуса. Он машинально изо всех сил давил пальцами на поверхность стола, словно пытался отломить край доски.

Помощник прокурора не подал виду, что заметил внутреннюю тревогу Инуса. Взял стул, сел рядом.

— Да, Инус, нам с вами давно пора было встретиться и поговорить по душам. Я узнал, что сегодня вы ночуете у своей очередной подружки, и потому решил посетить вас. Предупреждаю, что наш разговор записывается на магнитофон.

Инус напряженно смотрел на Дзениса. Он то сжимал кулаки, то просто прижимал с силой ладони друг к дружке, то вцеплялся в край стола. Хоть бы скорей началась предстоящая словесная дуэль, скорей бы узнать, какие заряды приготовил противник.

— Сегодня в гараже много было работы? — после небольшой паузы вновь заговорил Дзенис.

— Хватало.

— Мотор меняли на грузовике?

Во взгляде Инуса промелькнуло любопытство.
— Ну и что?
— Канительное дело, я бы сказал.
— Конечно. Ухайдакались как черти.
— А вчера?
— Каждый день хватает.
— Меня интересует, чем вы занимались вчера.
— Разная была работа.
— Весь день были в гараже?
— Сегодня весь.
— А вчера?

Инус взглянул исподлобья на прокурора. Дзенис подбодрил:

— Смелей, смелей, молодой человек. Будем взаимно откровенны. Я ведь не скрываю то, что собрал о вас сведения.

— Для чего же тогда спрашивать?

— Хочу, чтобы вы сами рассказали, где были вчера в рабочее время.

— Уезжал.

— Точнее.

— Мне надо было срочно быть в Каунасе. Начальник разрешил взять служебную машину, чтобы к вечеру вернуться обратно.

— Красный «Москвич»?

— Да.

— Стало быть, поехали в Каунас. А приехали в Палангу. Насколько мне известно, Паланга далеко в стороне.

Инус закусил губу: уже всплыло и это! Но он был убежден, что уехал никем не замеченный. Что им известно еще? Осторожная разведка могла бы принести некоторую ясность. И он ответил вопросом на вопрос:

— С чего вы взяли, что я был в Паланге?

Дзенис обратился к Соколовскому.

— Позовите Робежниека.

Через минуту в дверях появился адвокат. Рука у него по-прежнему была на перевязи. Инус поднял глаза и обомлел. Пальцы разжались и выпустили край стола, руки упали на колени.

— Ну, Инус, теперь будете говорить? Или свести вас с Алидой Лоренц? Она в Риге и не откажется от удовольствия сказать о вас пару слов.

Дзенис посмотрел на репродукцию в рамке на сте-

не, «Девятый вал» Айвазовского. В море бушует шторм. Люди с погибшего корабля судорожно вцепились в обломок мачты. А сверху на них накатывается огромная волна. Нет, не удержаться!

— Что вы от меня хотите? — глухо вытолкнул из себя Инус.

Итак, начиналась традиционная дуэль следователя и допрашиваемого. По-разному протекают подобные схватки.

Те, кто переступил черту закона по легкомыслию или по слабости характера, сдаются быстро, понимают и раскаиваются. Матерый же преступник борется отчаянно. Цепляется за малейшую возможность вывернуться, отступает лишь под напором превосходящей силы, последовательно сдавая позицию за позицией. И, будучи положен на обе лопатки, все равно норовит вырваться. Однако уже в самом начале схватки, где-то в подсознании, преступник чувствует, что следователь рано или поздно одержит над ним победу, потому что на стороне следствия правда.

Сознает это и следователь и потому непрерывно атакует. Кое-кто начинает допрос, располагая лишь отдельными косвенными доказательствами. Однако притворяется, будто ему известно все, старается запутать допрашиваемого в сетях противоречивых показаний и вырвать признание в последующем психологическом наступлении. Этот путь короче, но и чреват опасностями. Как только преступнику удается нащупать слабые места в обвинении, так все ухищрения следователя идут насмарку.

До того, как он стал помощником прокурора, Дзенис много лет проработал следователем и всегда добивался признания другим путем, более трудным, но и более верным. Вот и сегодня тщательная предварительная проверка обстоятельств дала возможность еще до начала допроса приблизительно восстановить картину событий. И теперь он неуклонно продвигался вперед, атаковал энергично, но в то же время обдуманно и с оглядкой. Ему было ясно, что Инус так легко не сдастся и надо будет шаг за шагом обосновывать каждую деталь обвинения. Потребуется дать ему недвусмысленно понять, что выдвигаемые аргументы не догадки, а доказанные факты.

Дзенис продолжал допрос:

— В гараже мне сообщили, что вы выехали на красном «Москвиче» в девять утра.

— Без пяти девять, — уточнил Инус.

— Возможно. Минуты в данном случае не имеют значения. Важно то, что двумя часами позже на углу улицы Ленина и бульвара Райниса вы сбили женщину и скрылись.

— Я никого не сбивал. В одиннадцать я был уже за Шяуляем.

Дзенис повернул голову и взглянул на Соколовского. Тот перехватил взгляд и глазами показал на портативный магнитофон, кассеты которого медленно вращались. Значит, все в порядке. Допрос записывается на ленту. Будет возможность прослушать еще раз, как изворачивается Инус, можно будет проследить все интонации его голоса, которых никогда не отразить в протоколе. Это позволит понять и то, что не удалось уловить в первый момент. Подобно анализу отложенной партии в шахматы, следователь в спокойной обстановке будет анализировать ходы обвиняемого, особенности его характера, слабые стороны. И будет знать, на чем строить и как планировать дальнейшее расследование.

Иногда бывает даже полезно дать возможность обвиняемому прослушать запись — пусть сам убедится, как бесплодны и нелогичны его попытки выпутаться. Возможно, тогда скорее прекратит бессмысленное упорство.

— Нет, Инус, так у нас ничего не получится. Сами не желаете рассказать? Придется вам помочь. — Теперь Дзенис уподобляется учителю, который терпеливо втолковывает нерадивому школяру содержание урока. — Вот рапорт дежурного сержанта милиции. Женщину сбил красный «Москвич» с номером 28-47 ЛАВ. Мы проверили. Такой номерной знак выдан на зеленую «Волгу». Стало быть, подделка. Вы выехали из гаража на красном «Москвиче» с номером 23-47 ЛАБ. Наши эксперты обнаружили на номерном знаке свежие следы нитрокраски и установили, что тройка была переделана на восьмерку, а буква Б подрисована так, что получилось В. Итак, ваша маленькая хитрость раскрыта. Смотрите, вот заключение экспертизы. Перед возвращением в гараж вы смыли свежую краску ацетоном, Но не учли сегодняшний уровень техники расследования. Получается, что вы все-таки виновник происшествия с наездом на женщину на углу улицы Ленина.

У допрашиваемого на лбу проступили мелкие капли пота.

— Да, был такой грех. От вас все равно ничего не скрыть. Спешил. Женщина неожиданно выбежала перед машиной. Моя вина в том, что уехал. Неужели теперь за это...

Дзенис не рассердился. Со стороны могло показаться, что ему даже жаль этого молодого человека.

— Затасканный прием, Инус. Признаться в малом, чтобы скрыть большее преступление. Ведь мы с вами оба знаем, что происшествие на улице не случайность. Если бы не подвернулся тот смелый человек, навряд ли женщина осталась бы в живых.

— Нет! — вырвался у Инуса отчаянный вопль протеста. Нервы не выдержали. — Вы этого не докажете. Этого нельзя доказать!

— Докажем, дорогой, все докажем. А для чего подделывали номер, если не собирались пойти на преступление?

— Захотелось, вот и подделал. Чтобы какой-нибудь дружинник не записал номер за превышение скорости. Подрисованный номер еще не доказательство.

— Правильно, всего лишь одна лучинка на растопку. Но вот объясните, для чего вы следили за врачом Страуткалн около ее дома? Надеялись, будет достаточно и темных очков, чтобы она вас не узнала?

— Какая еще Страуткалн? Не знаю такой!

Инус боролся с упорством обреченного; трудно было метаться в лабиринте улик, в который его загнал Дзенис. Приходилось петлять, возвращаться к исходной точке и всякий раз запоминать направление, чтобы не зайти в тупик. В последний, из которого нет выхода.

Дзенис сидел на стуле прямой и неподвижный.

— Успокойтесь, Инус, и обдумывайте свои ответы получше. Можете курить.

Инус взял с ночного столика пачку «Беломора». Горящая спичка дрожала у него в пальцах, и он никак не мог зажечь папиросу. Наконец это ему удалось, и он жадно затянулся.

Дзенис уголком глаза наблюдал за ним.

— Вы живете вместе с родителями?

— Это тоже имеет отношение к делу?

— Самое прямое. Ваш отец ведь работает дворником при одном из новых домов на улице Горького. Ва-

ша квартира иа первом этаже в том же парадном, где квартира инжеиера Страуткалиа.

Иинус иервио засмеялся.

— У вас точиая иифоpмация.

— Я вас предупредил: я собрал сведеиия. Зиаю, что ваше имя Альфред, что дома вас зовут Фредисом, а иекоторые девочки — Аликом. Знаю, что вы помогаете инжеиеру Страуткалиу чинить его автомобиль.

— Разве это против закона?

— Нет, отчего же.

— Тогда непонятио, к чему вы клоиите.

— А к тому, что вам известиа семья Страуткалиов. И вы зиакомы с врачом Майгой Страуткалн.

Иинус кусал губы.

— Допустим, что зиаком. Ну и что в этом плохого?

— Да в общем-то иичего. Но плохо, когда человека выслеживают и пытаются задавить. Быть может, вы станете утверждать, что не сидели в машиие вчера иевдалеке от дома, где живет Страуткали?

— Да! Но это и мой дом тоже! Я забежал взять еды.

— Так спешили, а потом просидели в машиие с девяти и почти до одиииадцати? После чего ехали по пятам за троллейбусом, в который вошла Страуткалн. Остаиавливались сзади иего иа каждой остаиовке. Страуткали все это время иаблюдала за вашей машиной.

Инус отвел взгляд.

— А зачем мне было ее давить?

— Не спешите, Иинус. Сейчас обсудим и этот вопрос. У вашей матери больиое сердце, и она не выиосит табачиого дыма. Курить вам приходится иа лестиице.

— Психологическая деталь.

— Нет, весьма практическая. В воскресенье вечером врач Страуткалн, возвратясь из Палаиги, иа лестинце сказала мужу, что видела там Алиду Лоренц. Вы под лестиицей курили и подслушали этот разговор.

На этот раз осведомлеииость Дзениса иастолько ошеломила Иинуса, что ои невольио выдал себя.

— Страуткалиы не могли меия видеть. Когда я вышел покурить, они были уже иа втором этаже.

Правда, Фредис сразу же спохватился, но было уже поздио. Ои поиял это по усмешке, промелькнувшей на лице Дзеииса.

— Ну хоть в этом признались! Правда, признание еще не есть доказательство.

— Я могу отказаться, и у вас не будет других доказательств.

— Почему вы считаете, Инус, что доказательствами могут быть только показания? Бывают и другие, не менее важные.

Дзенис взял у Фредиса окурок, достал из кармана коробочку с точно таким же окурком и сравнил их.

— Тоже «Беломор», с таким же характерным надкусом. Надо полагать, экспертиза легко установит идентичность. Этот окурок мы нашли вчера на батарее центрального отопления под лестницей около вашей двери. Вот, пожалуйста, есть протокол. Эксперты утверждают, что папироса выкурена, вернее всего, в ночь на воскресенье.

Цепь замкнулась.

— Вы еще прошлой осенью пытались выудить у Лоренц драгоценности. После этого произошло убийство. Об этом мы еще поговорим отдельно.

Теперь Дзенис сидел, удобно откинувшись на спинку стула. Он говорил негромко. Инус, прищурив глаза, слушал. Трубек стоял, прислонясь к косяку двери, и с интересом наблюдал. Соколовский, расположившийся с магнитофоном у окна, держал в левой руке магнитофон, а правой подстраивал аппарат.

— На лестнице вы услышали разговор, — продолжал Дзенис. — Вам стало ясно, что в тот раз жертвой стала не Лоренц и что в настоящий момент она находится в Паланге. Вновь появилась возможность завладеть драгоценностями. Но на пути оказалась врач Страуткалн. У вас не было сомнения в том, что она отправится в прокуратуру. Этот визит грозил сорвать ваши планы. Вам требовалось любой ценой выиграть время, хотя бы один день, хотя бы несколько часов. Поэтому на следующее утро вы взяли машину, изменили номер и подстерегали Майгу Страуткалн. Как только она вышла из троллейбуса и собралась перейти улицу, вы сбили ее и скрылись. Да, кстати, куда вы запрятали красный «Москвич»?

Инуса этот внезапный и теперь такой второстепенный вопрос словно вырвал из кошмарного сна.

— Запрятал? Никуда не запрятал. Поставил на стоянке у вокзала и ушел.

«Вот это номер! Милиция прочесала весь район. А посмотреть на стоянке никому в голову не пришло».

— Где вы взяли «Запорожец» для поездки в Палангу?

— У меня есть доверенность на машину инженера Страуткална за то, что ремонтирую. Вчера утром позвонил ему на работу, сказал, что друг выписался из больницы, надо отвезти его в деревню.

— Значит, о второй машине подумали заранее?

— Я понимал, что после наезда на красном «Москвиче» далеко не уедешь.

— Куда дели «Запорожец» после возвращения из Паланги?

— Поставил возле нашего дома. Страуткалн вечером собирался на рыбалку.

— А потом отогнали «Москвич» в гараж?

— Я пошел за ним попозже, когда стемнело. Боялся, что милиция нашла машину и следит. Походил вокруг стоянки, ничего подозрительного не заметил. Ну и рискнул. Другого выхода не было. Заехал в тихий переулок, смыл с номера краску и в гараж. Вот и все.

У Инуса медленно опустились плечи. Дзенис печально покачал головой.

— Нет, друг любезный, не все. Мы только начинаем. Нам еще надо поговорить о Тамаре и о многом другом.

Инус поднял мутные глаза и уставился на Дзениса взглядом смертельно усталого человека.

3

Дзенис тщательно готовился к следующей встрече с обвиняемым. Он собрал сведения об Альфреде Инусе, порасспросил о нем его сослуживцев, выяснил, с кем тот водит дружбу, поговорил с родителями, покопался в архивных материалах. И, как на смоченном проявителем листке фотобумаги все отчетливей прорисовываются детали и контуры снимка, так и в этом деле одно за другим всплывали новые обстоятельства.

Был ранний утренний час, когда милиционер ввел Альфреда Инуса в кабинет. Врывавшийся через окно шум улицы приглушал монотонный стук пишущей машинки в соседней комнате и мешал думать. Дзенис при-

творил окно и перевел взгляд на арестованного. Он рассматривал его долго и пристально, точно видел впервые. Затем без обиняков приступил к допросу, словно это было продолжением прерванного разговора.

— Каким образом, Инус, вам стало известно о драгоценностях Алиды Лоренц?

Арестованный старался избежать взгляда следователя.

— Кто-то разболтал. Даже не помню кто: давно это было.

— А как вы познакомились с Зиткаурисом? Помните?

— С Зиткаурисом?

Первые же вопросы Дзениса выбивали Инуса из седла. Он пытался выиграть время, лихорадочно думал. Но помощник прокурора не давал опомниться.

— Неужели забыли Зиткауриса?

Молчание.

— Ведь у него вы прожили почти год. Могу вам показать выписку из домовой книги.

Инус чувствовал себя как под микроскопом.

— Что вы пристали со своим Зиткаурисом? Ну жил там. Грех разве? — От прежнего самообладания ни следа. — Я же признался, подписал протокол. Да, наехал на машине на Страуткалн, пытался выжать у старухи золото, ранил вашего адвоката. Мало вам еще? Судите быстрей, посадите и отвяжитесь от меня. Больше мне признаваться не в чем. Ясно вам? Не в чем!

Дзенис не перебивал, дал разрядиться его взвинченным нервам. Затем подал Инусу стакан воды.

— Успокойтесь и держите себя как подобает мужчине. Конечно, вас будут судить. Но до этого нам необходимо кое-что выяснить.

— Вы же все и так знаете, все пронюхали. Чего еще надо?

— Узнали мы действительно немало, — согласился Дзенис. — Но я хочу уточнить некоторые обстоятельства. Скажите, Инус, где вы жили раньше?

— В деревне.

— В Мадонском районе?

— Да!

— И в Ригу прибыли три года назад?

— Да! Надоели деревенские радости. Манили огни столицы.

— Почему же вы поселились в Ляудобелях?

— Негде было жить в Риге. Милиция не прописывала. Устроился в леспромхоз «Адажи» шофером. Там и с Зиткаурисом познакомился. Дом у него большой, три комнаты. Лес кругом. Старику одному скучно. Он рад был пустить меня к себе.

— Родители приехали позже?

— Наверно, через год. Пристроились в дворники, чтобы жилье получить. Я, конечно, сразу к ним прикантовался. Пошел работать в гараж.

— Слесарем?

— А чем плохо?

— Почему же не шофером?

— Эх, да что уж... Трудно от рюмки отказаться. В совхозе — другое дело. Полтора инспектора на весь район. А в Риге в два счета без прав останешься. Слесарем, оно надежней.

— Оказывается, Инус, вы можете быть откровенным. Скажите, в последнее время вы встречались с Зиткаурисом? — спросил Дзенис.

— Давно его не видел.

— Странный он тип, как по-вашему? Не находите?

— Человек как все. Ничего особенного.

— Вы с ним ладили, когда жили у него в Ляудобелях?

— А нам делить было нечего, не из-за чего и ссориться.

— Что он вам рассказывал про Алиду Лоренц?

— Говорил, что она его двоюродная сестра. Сущая ведьма — не баба. Ненавидел ее и клял на чем свет стоит.

— Стало быть, Зиткаурис в последние годы с ней не встречался?

— Отчего нет. Бывало, что встречался.

— Почему же он в тот раз не пошел к сестре сам, а послал вас?

Вопрос был задан так же просто и таким же тоном, как и предыдущие. Однако Инус сразу почувствовал под этой гладью опасный риф.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— В октябре прошлого года вы наведались к Лоренц. Так?

— Кто это вам наговорил?

— Сама Лоренц. Вот протокол. Она утверждает,

что уже тогда вы делали попытку выжать из нее драгоценности, угрожали.

Инус был готов к такому повороту.

— Врет, старая бестия! Пусть докажет. Кто меня там видал? Никто!

— Вы сами оставили свою визитную карточку. Опять-таки окурок «Беломора».

— Вот черт!..

Это вырвалось у Инуса помимо его воли. Сразу стало понятно, что Дзенис плетет вокруг него крепкую сеть. Инус почти физически ощутил незримые тенета, все туже стягивающие его тело... В припадке безотчетного ужаса он с силой рванул на себе воротник рубахи. Оторвалась пуговица, и в наступившей тишине было слышно, как она покатилась по полу.

— Что уж теперь, — проговорил Инус глухо. — Других жалеть нечего. Все равно мне крышка. И так сидеть. За наезд, за нож. А остальное... — он устало махнул рукой.

Дзенис не перебивал. Было ясно, что перелом наступил, что теперь Инус заговорит без понуканий. Вопрос в другом: будет ли он до конца откровенен?

— Закурить можно? — попросил разрешения Инус и, сделав глубокую затяжку, начал уже более твердым голосом: — Прошлым летом иду я однажды после получки с работы. Деньжата в кармане похрустывают. Тогда заколачивали неплохо. Иду думаю, не худо бы спрыснуть. Разве это дело — деньги есть, а глотка сухая? И вспомнил я тут про хорошего собутыльника — старика Зиткауриса. Не встречал его с тех пор, как перебрался в Ригу. Взял три половинки и махнул в Ляудобели. Поддали мы крепко. Целовались, дуэты горланили на весь лес. И увидал я тогда, на свою беду, этого проклятого слона... На вид слон как слон, ничего особенного, будь я трезвый, я его и в руки брать не стал бы. А тут попутал меня дьявол... Повертел я его, да ненароком нажал на левое ухо. Оно подалось. Дело ясное — потайная пружина! Нажал еще раз и сдвинул ухо вбок. Слон распадался надвое. Тайник! Спрашиваю Зиткауриса, где он добыл такую хреновину? Штука интересная. Зиткаурис сперва было упрямился, но потом рассказал. Под честное слово, что никому не проболтаюсь. Была у него жена, но рано померла от чахотки. Дочка осталась. Гунта. Сам ее растил. В сорок

третьем ей не было еще шестнадцати, когда фрицы хотели угнать ее к себе в фатерланд. Зиткаурис пошел к Алиде. Она уговорила своего кавалера, штурмбаннфюрера Гауча, взять мою фрейлейн секретаршей. И вот однажды вызывает Гауч Гунту к себе и сует ей в руки слона. Их у Гауча было два таких. Как двойняшки. Только у второго самый кончик хвоста отломан. Дал девчонке слона и велел беречь. Очень, мол, он дорожит этим зверем. Память о покойнице матери. «Мне надо ненадолго уехать, — сказал он ей. — Как вернусь — отдашь». Но его в тот же вечер забрали. Гауч переправлял золото и драгоценности из Саласпилсского лагеря смерти в Германию. Кое-что, конечно, прилипало у него к рукам. А гестапо пронюхало. Кто-то, видать, предупредил штурмбаннфюрера. Однако упорхнуть воробышек не успел.

— Так слон и остался у Гунты? — спросил Дзенис.

— Как бы не так! Она поставила слона на полку, подпирать книги. А тут как-то заходит Алида к Зиткаурису и видит этого слона. В тот раз промолчала. Но через пару дней прибежала, принесла такого же самого: вот, мол, Гауч по ошибке дал на хранение не того слона. Беречь надо вот этого, а первого скорей вернуть в кабинет штурмбаннфюрера.

В общем Алида поменяла слонов. Как Зиткаурису было ей не поверить? Тетка, добродетельница.

— И куда же девался Гауч? Слона своего не потребовал назад? — поинтересовался Дзенис.

— Как в воду канул. Свои же, наверно, земляки прихлопнули. Так слон и остался у Зиткауриса. Однажды Гунта уборку делала и хотела пыль со слона протереть. Надавила нечаянно за ушами, он и раскрылся. Как у меня в тот раз. А внутри у него была самая обыкновенная дробь. Чтобы не было подозрений, оба слона должны одинаково весить. У того с обломанным хвостом внутри было золото и драгоценные камни, а у этого дробь. Не зря фриц не доверил Алиде. Знал, что она за птичка. Эта гадюка сразу смекнула, в чем дело, и подменила слона.

Зиткаурис пробовал нажать на сестру, предлагал ей разделить сокровище пополам, как положено родственникам. Но Алида и слушать не желала. Чем, говорила, докажешь, что у слона внутри были драгоценности, а не дробь? А как он мог доказать? Доносить тоже смыс-

ла не было. Отняли бы все состояние да еще обвинили бы в том, что дочка у немцев служила в самом Саласпилсском лагере и удрала вместе с ними. Правда, потом Алида малость поддалась и написала завещание на имя Зиткауриса, но, когда вернулся Вольдемар, Алида переписала завещание на него.

Зиткаурис все рассказал ему от начала до конца. Думал, парень такой серьезный, сознательный, вытянет из старухи для своего дяди хоть какое колечко, брошку или кулончик. А тот плевать на него хотел, говорит: «Где же вы, дорогие родственнички, были, когда мать меня подкинула кулакам и я батрачил все детство? А теперь сбежались». — Инус задумался, поскреб пятерней затылок. Было видно, как трудно ему расстаться с мечтой о золотом тельце. — Вот, собственно говоря, и все, — продолжал Инус. — Правда, старик не хотел давать адрес своей сестрицы. Боялся он этой стервы здорово...

4

Дзенис не перебивал арестованного. Теперь Инус успокоился, рассказ его был обстоятелен, и прокурор нисколько не сомневался в том, что ему говорят правду. Дзенису даже не приходилось задавать вопросов.

Вдруг Инус осекся и поглядел по сторонам. Он не сразу понял, чем была прервана нить его откровенного повествования, — звонил телефон.

Дзенис снял трубку.

— Прокурора... Да, слушаю... Сейчас не могу, занят. Позвоните попозже.

Затем вновь повернулся к Инусу.

— Что же вы сделали, получив адрес Лоренц?

— Несколько дней рыскал вокруг дома, соображал, что к чему. От ребятишек узнал, что у Лоренц снимает койку девчонка, Тамарой звать. Детишки, они все знают. Познакомился с Тамарой. Вроде бы невзначай.

— Пытались с ее помощью проникнуть в комнату Лоренц?

— Было так задумано. Но девчонка ни в какую. Боялась старухи как черт ладана.

— Зента Саукум оказалась податливей? — сразу загнал его в угол Дзенис.

Инус усмехнулся.

— И это знаете!..

— Расскажите, как познакомились с Саукум.

— На вечеринке, в клубе строителей. Долго пришлось вокруг нее выкаблучиваться. В конце концов втрескалась в меня по-настоящему, прилипла как муха к меду. Я тоже старался быть с ней поласковей. Она работала на строительстве, жила в общежитии, училась. Трудно ей было. Мне удалось пристроить ее в шляпную мастерскую. После этого Зента стала еще послушней. Делала все, что ни скажу. Сказал бы: выпрыгни в окно — и выпрыгнула бы.

— И вы решили этим воспользоваться. Подыскали для Тамары комнатку в Бергах, а Зенту подсунули к Лоренц.

— Не мог же я двух кошек совать в один мешок.

— Быстро вы отделались от Тамары.

Инус оскалил зубы.

— Зачем же так грубо, гражданин прокурор. Я ведь ей правильного жениха организовал. Вы его знаете. Мой сосед, Эдвин Страуткалн. Такую любовь закрутили — только держись. Сколько раз он оставался у нее на ночь, а жене загибал про рыбалку. Правда, разок дали маху. Потом Тамара бегала по адвокатам, все интересовалась насчет алиментов.

Дзенису вспомнилось, что говорил Робежниек про девушку, обратившуюся к нему в консультацию. Так вот с кем был роман у старшего научного сотрудника, инженера Страуткална! Теперь ясно, почему смутилась девушка, когда увидела в ателье своего сказочного принца вкупе с супругой.

— Как же вам все-таки удалось устроить Зенту к Лоренц?

— Очень просто. Мы с Зентой подкараулили, когда старуха поплелась на квартирную биржу — к доске объявлений. Зента на вид такая тихонькая, как овечка. Лоренц клюнула.

— Зента подругам в общежитии говорила, что ни с кем не встречается.

— Это я ей велел не распространяться. Мало ли что могло быть. Для чего мне свидетели?

— Поэтому вы и предпочли ресторан в Огре, а не в Риге?

Инус уставился на Дзениса.

— Вы здорово поработали, гражданин прокурор, — признал он.

Дзенис пропустил комплимент мимо ушей.

— В «Огрите» ездили на машине Страуткална?

— Он мне разрешал.

— Ладно, это между прочим. Рассказывайте дальше.

Напрягая память, Инус прищурился.

— Сперва думал, все пойдет как по маслу. Зента подменит слоника — и бонжур, мадам!

— Саукум знала, для чего это делается?

— Еще чего? Я бабам вообще не доверяю. Я такой номер сделал: однажды показал Зенте Зиткаурисова слона. Она удивилась: точь-в-точь такой же есть у Лоренц. Я предложил шутки ради подменить. Интересно, мол, заметит старуха или нет.

— И Саукум согласилась?

— Я же говорю, она была послушна, как дрессированный щенок. Взяла с комода у Лоренц слона с обломанным хвостом и поставила вместо него другого, которого мне дал Зиткаурис.

— Вы сами вскрыли слона?

— Вместе с Зиткаурисом в Ляудобелях. Но он был пустой.

— И Лоренц так и не заметила подмены?

Дзенис неспроста задал этот вопрос. В свое время даже Майга Страуткалн обратила мнимание иа то, что слоник другой. Однако никто из опергруппы не придал этому значения. В том числе Соколовский, бывалый оперативник!

Инус пожал плечами.

— Наверно, Лоренц быстро смекнула, что ее собираются торпедировать. Но Зенте не сказала ни словечка. Правда, девочка жаловалась, что старуха стала придирчива до невозможности и ни на минуту не оставляет ее в комнате одну.

— После этой неудачи вы все же не забросили ружье в кусты?

— Прежде всего я решил сделать там небольшой обыск, но из этой затеи ничего не вышло. Старая ведьма далеко от дома не отходила, а для обыска нужно время. Вы это знаете лучше меня.

— И что же вы придумали?

— Решил сам поговорить с Лоренц. Как дипломаты говорят — установить непосредственный контакт.

— Взяли у Саукум ключ?

— Это был пустой номер. Лоренц всегда закрывала дверь изнутри на задвижку. Я пошел вместе с Зентой.

— В таком случае вам пришлось обосновать необходимость такой встречи?

— Сказал Зенте, что хочу провернуть с Лоренц одно дельце. Зента заметила, что старуха жадна до денег. Потому поверила.

— Вы пошли вечером, когда стемнело?

— А как же иначе? Тут наши интересы никак не совпадают. Вам желательно, чтобы были свидетели. А мне наоборот — чтобы не было. Я остался в коридоре, выждал, пока Зента разденется. Старуха ничего не почуяла. Из вечерней школы Зента всегда приходила в это время. Потом она вышла в коридорчик, вроде бы в уборную. Дверь осталась незапертой, я и вошел в комнату.

— Сомневаюсь, чтобы Лоренц обрадовалась такому гостю.

— А она хоть бы хны, даже не испугалась. Зиткаурис был прав — его родственницу голыми руками не возьмешь. Я потому, как говорится, и взял ее сразу за рога. Говорю, мне известно, что у вас есть золотишко и камешки, не совсем законно добытые. За молчание запросил по-честному — третью часть. Она выслушала и даже глазом не моргнула. Потом захныкала: ничего-то у нее нет, о золоте впервые слышит. Живет на пенсию и, чтобы сводить концы с концами, сдает койку девушкам. Причитала, глаза закатывала, а сама ухо востро держит: как я — клюнул или нет? А мне ее басни до лампочки. Взял с комода слона, нажал ему на ухо и раскрыл. Старуха не рассчитывала на такой ход. Но сразу смекнула, что к чему, и переиграла. Когда-то, мол, в старые времена кое-что у нее было. Самая малость. Но давно все продано и прожито. А я — свое: выкладывай товар на стол, не то...

Арестованный достал папиросы и вопросительно посмотрел на Дзенниса. Тот кивнул. Инус закурил.

— Это я вам, гражданин прокурор, коротко рассказал. По правде-то мы с ней целых полчаса сторговаться не могли. В конце концов прижал я ее к стене, как клопа. Ей и податься некуда. Для виду какие-то подписки стала с меня требовать, что отстану, если свое

получу. «Какие еще тебе, старая карга, подписки? — я смеюсь. — Может, вексель написать?»

Дзенис придвинул пепельницу.

— И все же она меня провела, — признался с досадой Инус. — Загнула, будто золото зарыто у нее далеко от дома и чтобы я, значит, зашел через пару дней. Все может быть, я ей почти поверил. Подожду, думаю, не горит ведь. Все равно никуда от меня не скроется. На другой день мне надо было ехать в командировку. В Минск за запчастями. Рассчитывал, вернусь в конце недели. Так и договорился с Лоренц — встретимся в субботу вечером.

— Значит, в тот вечер никакого рукоприкладства не было? — спросил для верности Дзенис.

— Расстались как лучшие друзья.

— В комнате никого, кроме вас, не было?

— Никого. Зента ждала на лестнице.

— Девушка могла подслушать разговор.

— Нет, не думаю. Когда вышел из комнаты, дверь из коридора на лестницу была закрыта.

— Вы ей рассказали про ваш разговор с Лоренц?

— Ни полслова.

Инус задумался. Казалось, лишь теперь он о чем-то начинал догадываться.

— А может, и правда, Зента что-нибудь слышала. Она в ту ночь ни за что не хотела возвращаться домой. Дрожала как овечий хвост. Я еще подумал, она озябла, и накинул на нее свою куртку. Так мы до утра и прошлялись по улицам. Потом проводил ее на работу, а сам — в гараж.

— И в тот же день уехали в Минск?

— В половине девятого утра. На грузовой. Втроем поехали: шофер, мастер и я.

— Это что был за день?

— Среда, десятое октября. Это я точно запомнил. Начальник отдела кадров спросил, какой день, когда выписывал командировку. Я в календарь поглядел.

— Отсюда вытекает, что разговор с Лоренц у вас был девятого числа, во вторник вечером. А в Ригу вы вернулись только в субботу?

— Нет, в пятницу после обеда.

— Все трое?

— Ну а как же. Вместе уехали, вместе приехали. И я сразу побежал к Зенте в мастерскую. Хотелось

узнать, как себя ведет старуха. А в мастерской иа меия как гром с ясного неба — Зента вчера взяла расчет, ушла с работы, и больше ее никто ие видел.

— Она не говорила вам, что собирается уезжать?

— Не собиралась она никуда уезжать.

— Значит, отъезд Зеиты был для вас полной иеожиданностью?

— И какой еще! Поломал голову будь здоров. Вся моя затея висела на волоске. Пойти к Лоренц днем я не рискнул — соседи могли увидеть. Вечером оии запирают нижние двери. Без девчоики я был как без рук. Ходил вокруг дома, опять ребятишек расспрашивал. Так ничего толком узнать и не удалось. Через несколько дней услыхал, что Лоренц убита.

Дзенис мысленно сопоставил показаиия обоих задержаииых. Ииус утверждает, что пришел к Лореиц девятого октября поздно вечером. Это подтверждает и сама Лоренц. Еще на первом допросе она показала, что человек, ворвавшийся к ней в дом в Палаиге и ранивший первого «визитера», побывал у нее в иачале октября и требовал драгоценности. Надо полагать, Ииус не лжет. Инус и Лоренц утверждают, что их разговор происходил с глазу на глаз. В комнате, кроме них, иикого не было. Тоже правдоподобно. В присутствии третьего человека Инус ие осмелился бы шаитажировать Лоренц. Следовательно, в тот вечер убийства не было. Хотя бы потому, что в комнате не было жертвы.

На следующее утро Инус уезжает в Минск. У иего есть два свидетеля плюс командировочиое удостоверение. В ту же среду, в первой половине дня, Геновева Щепис видела, как Лоренц выходила из дома. После того иикто ее в Риге ие видел. Сама же Лоренц утверждает, что бежала из Риги с драгоценностями десятого октября, потому что боялась, как бы претендент на ее богатство не заявился раньше условленного срока. Ведь Лоренц ие могла знать, что Ииус уехал в Минск.

И наконец, Геновева Щепис в ходе предварительного следствия показала, что в ту самую среду поздио вечером она слышала, как кто-то поднимается по лестице, отпирает дверь Лоренц и ходит по комнате. Потом сбегает вииз по лестнице. Геновева убеждена в том, что это Зента. В это время девушка обыкновеино приходит из школы. Одиако Щепис не видела, кто приходил. Это могло быть и другое лицо. Но только ие Лоренц. Лоренц

не могла так быстро сбежать вниз. Это обстоятельство еще раз косвенно подтверждало показание Лоренц.

Одним словом, все эти факты делают убедительным предположение, что убийство произошло скорей всего во второй половине дня десятого октября. На следующий день Зенты уже не было в Риге, и она не могла видеть происшедшего. Инус же не мог быть убийцей, так как отсутствовал в Риге в тот день.

Но каким образом убитая оказалась в комнате Лоренц и кто еще, если не Зента Саукум, мог туда прийти вечером десятого октября и сразу сбежать? Где посторонний человек мог взять ключи от комнаты и от входной двери в дом?

Ладно, это потом. Придется еще раз обстоятельно побеседовать с Саукум. Теперь, после того как Инус дал показания, разговор можно повести с новых позиций.

— Убийство на улице Вайрога спутало ваши карты, — заметил как бы между прочим Дзенис.

— Надежда еще оставалась. На суде я узнал, что золото не найдено. Подумал, может, оно запрятано где-то близко, может, даже в комнате Лоренц. Убийца тоже мог его не найти. Я смонтировал штуковину вроде миноискателя и пришел к соседке Лоренц под видом инженера домоуправления определять техническое состояние дома. Я проверил стены, перекрытия, пол. И хоть бы что!

— После этого махнули рукой на поиски драгоценностей, и если бы не разговор Страутклалнов на лестнице...

— Да. Я сразу понял, что Лоренц, конечно, прихватила с собой и золото и камешки.

— Зиткаурис знал, что вы едете в Палангу за добычей?

— Я, даже если б захотел, не успел бы ему сообщить. Честно говоря, у меня не было желания ни с кем делиться. Сам шел на риск, сам все делал, а значит, и добыча тоже моя.

Дзенис покачал головой.

— Дело, конечно, ваше, но вернемся к судебному заседанию. Показания Зенты Саукум вы слышали. Вы поверили в то, что она убийца?

— Это совсем не походило на Зенту. Я хорошо знал ее характер. Очень сомневаюсь, чтобы такая девочка

могла убить кого-нибудь. Но ведь иа суде призналась. Кто ее знает... Чужая душа — потемки.

— А если она все-таки невииовна? Как вы считаете, для чего было взваливать ей иа себя такую тяжесть?

— Этого я понять не могу.

— Может, пыталась кого-то защитить, спасти от наказания?

— Кого же?

— Например, вас.

— Меня?

— Почему бы и нет? Вы же только что сами утверждали, ради вас она была готова хоть в огонь, хоть в воду.

— Но ведь я никого не убивал!

— Очевидно, у Зеиты были основания подозревать вас.

— Почему же она смылась?

— Пока что я этого тоже не зиаю, — чистосердечно признался Дзенис. — Но выясню. Притом очень скоро.

5

За спиной с громким лязгом захлопнулись двустворчатые железные ворота и впереди распахнулись следующие. Впечатление было такое, будто кто-то гигантским топором отсек прошлое, н впереди приоткрылась другая жизнь, угрюмая и мрачная, как стены этого следственного изолятора.

Каждый шаг Бориса по бетонному полу гулко отдавался в узком, как труба, коридоре. Борис остановился у ниши с зарешеченными окошками. Послышался голос дежурного:

— Ваши докумеиты.

Борис подал удостоверение н пропуск.

Медленио открылась иебольшая тяжелая, как у сейфа, дверь, и Трубек попал во внутренний двор. Узкая, мощенная булыжником улочка с тротуаром на одной стороие вела мимо массивных серых корпусов.

Трубек позвонил у двери женского корпуса. Охраиница через окошко поглядела на служебиое удостоверение и заявку и впустила следователя.

— Свободиа вторая камера, — равнодушно произнесла оиа. — Сейчас приведем Саукум.

В следственной камере был полумрак. Трубек сел на табурет за письменный стол, очень похожий на школьную парту, снял очки и, прищурив близорукие глаза, огляделся.

В школьные годы Борис, как и его сверстники, увлекался романами Стендаля, Дюма и Гюго. В своем воображении он вместе с Фабрицио дель Донго побывал в пропахшей плесенью камере пыток башни Фарнезе, где человек не может выпрямиться, не ударяясь головой о потолок. Вместе с Эдмоном Дантесом он прозябал в подземных казематах крепости Иф, вместе с Жаном Вальжаном делил жуткую судьбу каторжника. Теперь же Борис впервые в жизни оказался в настоящей тюремной камере и невольно искал ее сходства с теми, что так красочно описаны великими писателями. Но сходства не было. Голубые стены камеры были недавно покрашены; потолки высокие. Деревянный пол чисто вымыт, а стол покрыт чистой белой бумагой. Человек здесь был лишен свободы, но не унижен.

Легкий шорох шагов вывел Трубека из раздумья. У двери робко топталась Зента Саукум. Она была в темно-синей блузе с белым, как у школьницы, воротничком и в длинной юбке, полинявшей от частой стирки, но тщательно отутюженной. На ногах у нее были брезентовые туфли. Запавшие глаза девушки со скрытой опаской изучали незнакомого очкастого юношу: что может сулить разговор с ним?

Трубек вымученно улыбнулся и предложил Саукум сесть.

— Я вчера виделся с Альфредом Инусом, — начал он, стараясь держаться как можно спокойней.

Лицо девушки оставалось непроницаемым. Затаилась.

— Легкомысленный он малый, ваш Альфред, — продолжал следователь. — Наделал уйму всяческих глупостей.

— Я такого не знаю и не хочу ничего даже слышать.

Слова как-то сами собой вырвались у девушки. Голос страдальческий. И все-таки она отвечала. Это придало Трубеку уверенности.

— Я пришел, чтобы вам помочь. Мне ваша участь не безразлична. Давайте поговорим по душам.

Зента безучастно смотрела перед собой, не проявляя ни малейшего интереса к предложению следователя.

— Альфред обвиняется в совершении автомобильной аварии, — продолжал Трубек. — Он в этом признался и заодно рассказал все. И то, что вы помогали ему проникнуть в комнату Лоренц.

— Не знаю я никакого Альфреда. Отстаньте от меня, — во взгляде девушки страх и недоверие.

Зента Саукум теперь напоминала маленького ежа, поднявшего дыбом свои иголки, когда грозит опасность. Трубек понимал, что продолжение в таком духе не принесет успеха.

— По-видимому, вы правы, — сдержанно, даже с холодком, сказал он. — Я действительно все это высосал из пальца. И то, что вы с Фредом были в ресторане «Огрите», где к вам пристал какой-то пьяный. И то, что вы неоднократно подкарауливали Лоренц у доски объявлений, чтобы устроиться к ней на квартиру. И то, что стояли ночью на лестнице, покуда Фредис в комнате вел переговоры с Алидой Лоренц, а потом, боясь возвратиться домой, всю ночь бродили по улицам Риги. Я даже вообразил, как вы в ту ночь озябли, и Фредис набросил вам на плечи свою куртку.

Все это Трубек проговорил безразлично и скучно. Зато для Зенты каждое его слово было словно удар плети по нагому телу. Она вся съежилась и исподлобья глядела на следователя.

— Я вам еще много мог бы порассказать, Зента. Например, то, что он во время своего разговора действительно пригрозил Лоренц, но ничего ей не сделал. Убийство произошло на другой день. Это точно установлено. А в этот день Альфред Инус находился далеко от Риги — в Минске. Он никаким образом не мог убить вашу хозяйку. Но, видимо, вас это мало интересует. Что ж, ничего не поделаешь. Если не желаете разговаривать, то и прекратим все это.

Трубек уже протянул руку к кнопке звонка, чтобы вызвать конвой. Но тут Саукум испуганно остановила его.

— Постойте!

— Хотите что-то сказать?

— Н-не знаю...

Трубек поглядел на свои черные ботинки, они были начищены до блеска, и потому осмотр ничего не дал.

— Удивительно странный вы человек. Для чего вы с таким упорством держитесь за свою ложь, будто уби-

ли Алиду Лоренц? Этот обман уже никому не нужен. Вы не могли этого сделать. Хотя бы по одному тому, что она по сей день жива и здоровехонька.

Неожиданный и хорошо рассчитанный ход следователя достиг цели. Девушка в ужасе схватилась за голову, словно перед ней разверзлась земля.

— Не может быть! — взвизгнула она. — Я сама видела...

— Труп?

— Ну да!

— Этому я верю. А лицо убитой рассмотрели?

— Оно было в крови...

— Так слушайте же: там лежала не Лоренц, а другая женщина. Похожая на Лоренц по возрасту и сложению, но другая. Ваша бывшая хозяйка все это время ухаживала за цветочками в Паланге. Она в тот раз уехала из Риги, никому не сказавшись. Потому вначале поверили в то, что ее убили вы. Теперь Лоренц найдена и в настоящее время находится в Риге. Можно устроить вам свидание с ней.

— Кого же тогда... Кто она была, та, другая?

— Это и я хотел бы у вас спросить. Вы утверждали, что совершили убийство в ссоре, когда в комнате горел свет. Вы не видели, с кем ссоритесь и кого бьете кирпичом?

Зента несколько успокоилась. Она подняла глаза на следователя.

— А Фреда будут судить?

— Да, только за другое преступление. Я уже сказал, во время убийства Инуса не было в Риге. Принимая на себя вину за убийство, вы ничем ему не поможете. Только зря губите свою молодость.

Трубек наблюдал за Зентой. Ее худенькая фигурка от печальных раздумий сжалась и стала еще тоньше. Девушка перевела взгляд на оконную решетку. В этом взгляде было столько страдания и безысходной тоски, что у молодого следователя к горлу подступил горький ком.

«Будь они неладны, эти эмоции, — ругал себя Трубек. — Чересчур уж я чувствителен для работы в прокуратуре. Может, надо уходить с этой работы и переключаться на науку? Но, с другой стороны, где сказано, что следователь должен быть суровым?»

Словно издалека до Трубека донесся голос Зенты:

— Если я теперь и скажу что-нибудь, вы мне все равно не поверите.

— Попробуйте. Может, и поверю.

— Знаете, это было как в страшном сне. Я в тот вечер правда стояла за дверью и подслушивала, о чем Фредис говорил с Лоренц. Всего разобрать не могла — они разговаривали тихо. Но я поняла, что Фредис чего-то требует от нее и угрожает. Мне стало страшно. Я выбежала на лестницу и захлопнула за собой дверь.

— Потому Инус и застал вас на лестнице, когда вышел из комнаты.

— Да. Он сказал, чтобы я не возвращалась. Я почувствовала неладное, но спросить не посмела, что там случилось. Страшно мне было. Всю ночь проходили, словом не перебросились. А утром, когда разошлись, Фредис посмотрел на меня таким звериным взглядом, что я вся обомлела. Он пригрозил, чтобы я ни в жизнь не вспомнила про то, что было в тот вечер, и никому ни слова не выболтала. Сказал, если что — оторву тебе голову, как цыпленку.

— Вы и перепугались.

— А то нет! Но вообще-то Фредис иногда бывал хороший. Во многом мне помог. С жильем, с работой. А другой раз — злой как собака. В такие минуты убить мог запросто. Глазом не моргнул бы.

— На следующий день вы все-таки пришли домой.

— Вечером, из школы. С ног валилась после бессонной ночи. Деваться было некуда. Только боялась, пустит ли меня хозяйка после вчерашнего. Поднялась, отпираю дверь, а она и не заперта. Захожу в комнату и... обмерла! Все перевернуто вверх дном. Стул опрокинут, на полу осколки, комод перерыт. И этот кирпич, весь в крови. Я говорю как было. И сейчас еще все стоит перед глазами.

— Успокойтесь, Зента.

Девушка тяжело и прерывисто вздохнула.

— Смотрю, лежит на кровати хозяйка. Сверху на ней подушки, одеяла. Может, конечно, это была не Лоренц. Не знаю. Подняла подушку, и... ноги подкосились. Не лицо — каша кровавая. Поняла, что кирпичом. Побросала в чемодан свое барахлишко и убежала.

— Вы решили, что это работа Инуса?

— Чья же еще? Я своими ушами слышала его угрозы. Была уверена, что это он...

— А почему уехали, даже не переговорив с Фредисом?

— Боялась. Мне тогда было уже не до чего. Об одном думала — побыстрей бы и подальше уехать.

— Почему же потом, когда капитан милиции разыскал вас в Норильске, приняли вину на себя? И на суде тоже?

— Что мне оставалось делать? Я же была уверена, что это Фредис. И меня все равно бы судили за соучастие. Ведь это я привела его к Лоренц. Кто мне поверил бы, что я не знала, какие у него мысли...

— Вопиющее ребячество! — возмутился Трубек. — Допустим, Фредис действительно виновен. Согласен. Основания так думать были. И все-таки вам ничего не грозило. Да, вы помогли Фредису попасть в комнату Лоренц. Но это еще никому не дает права утверждать, что вам было известно о его намерениях. Улик против вас нет. Если бы вы обо всем честно рассказали...

— Выдать Фредиса! Он мне никогда этого не простил бы. Прикончил бы меня так же, как ту женщину.

— Неужели вы думаете, что мы не сумели бы вас защитить?

— Нет, нет, так просто я бы не отделалась. Нашлись бы дружки Фредиса, которые отомстили бы за него. Решила: лучше возьму вину на себя. По крайней мере, хоть Фредиса не надо будет бояться. Может, он передачи носить будет. Была же у нас любовь...

Любовь? Бориса передернуло. Зента любит негодяя Нiуса, хотя прекрасно знает, что он негодяй. Любит и в то же время боится его. Нелепый сплав двух противоположных чувств. Но, к сожалению, в жизни они нередко сливаются воедино. Именно такое сплетение чувств заставило эту хиленькую, запуганную девочку принести себя в жертву.

— Жаль времени, которое вы так непростительно погубили, — Трубек вздохнул и положил перед Зентой отпечатанный на машинке документ. — Прочитайте и распишитесь.

— Что это?

— Постановление о вашем освобождении из-под стражи.

—Меня выпустят?!

— Сегодня же.

У Зенты хлынули слезы, и она не могла выговорить ни слова.

Трубек пришел в полную растерянность.

— Я-то в общем ни при чем. Прокурор товарищ Дзенис доказал вашу невиновность.

6

Дверь шумно распахнулась, и в мрачноватое помещение ворвался порыв ветра. Гунар Дзелзитис недовольно оторвал взгляд от бумаг на столе и увидал капитана Соколовского.

— Рот фронт! — гаркнул на всю комнату капитан.

Следователь кивнул, бросив небрежно:

— Гуд морнинг, сэр.

Однако тон приветствия был таков, словно Гунар хотел сказать: только тебя мне не хватало!

Соколовский остановился посреди комнаты и, широко расставив ноги, уставился в угол. За приземистым сейфом была целая куча автомобильных частей: почерневшие коленчатые валы, погнутые колесные диски, всевозможные подшипники, ржавый глушитель и бездна еще каких-то деталей. Чуть в стороне, как бы чураясь своих соседей-плебеев, стоял прислоненный к стене новехонький руль «Волги».

— Комиссионный ларек открываешь, Гунар? Или записался в кружок «Умелые руки» и будешь лепить автогибрид?!

— Ты не ошибся. Леплю. Но только не автомобиль, а уголовное дело. Это все вещественные доказательства.

Вошел Дзенис.

Капитан повернулся к нему.

— Привет, Роберт! Почему такой мрачный?

Дзенис тяжело опустился на свободный стул подле стола следователя.

— Устал как собака. Хоть бы скорей покончить с этим делом и уйти в отпуск.

— Поедешь на юг?

— Хотели в Крым. Ни разу там не был. Но теперь уже поздно. В сентябре ребятам в школу.

— Тогда надо поторапливаться...

— Надеюсь завтра поставить на этом деле точку.

— Что, новый сюрприз?

— Помнишь три фотоснимка, что приносил Трубек из Управления внутренних дел?

— Старушенции, пропавшие в прошлом году?

— Да. Я эти портретики сегодня показал Зиткаурису. Одну из них он узнал. Эльфриду Краузе.

— Интересно. Кто она такая?

— Более того, — продолжал Дзенис, не обращая внимания на вопрос. — После эксгумации — я говорю о женщине, убитой в комнате Лоренц, — наши эксперты с помощью фотографии установили, что это была Эльфрида Краузе.

— А откуда ее знает Зиткаурис?

— До войны Краузе работала продавщицей в цветочном магазине Алиды Лоренц.

Соколовский даже присвистнул.

— Вот это цветики! Видал, куда веревочка тянется! Был уже у Краузе дома?

— Сегодня утром. Однокомнатная квартирка в Задвинье, на улице Калнциема. Жила одиноко, родственников в Риге нет. Одна соседка вспомнила, что прошлой осенью к Краузе заходил молодой человек. Приезжал на машине. В квартире побыл совсем недолго. Потом они вместе вышли и уехали. После этого Краузе дома не видели. Жильцы думали, уехала к сестре в деревню. Через некоторое время сестра сама прибыла в Ригу. Тут-то и оказалось, что Эльфрида у нее не была. Тогда дворник сообщил участковому. Начался розыск. Квартиру опечатали. Так она и стоит по сей день...

Капитан с интересом слушал.

— И когда же в последний раз видели Краузе?

— В середине октября. Дату никто точно не помнит. Но приблизительно она совпадает со временем убийства.

— На какой машине они уехали?

— На легковой. Определеннее соседка сказать не могла. Но теперь ее свидетельство больше и не требуется. Ясно и без того, что была за машина и кто был шофер.

— Успел проверить?

— Только что. Все подтвердилось.

Соколовский что-то прикидывал в уме. Затем вскочил со стула.

— Роберт! — воскликнул он. — Какие же мы были лопухи! Ведь все проще простого. Кровь брызнула на

стеиу снизу вверх. Дверь заклеена изнутри. Открыто окно, ииткн от пальто Лореиц на наружном подоконнике н наконец, кирпич. Обыкиовенный кнрпнч, который иельзя было схватить ин с того нн с сего, потому что иа нем стояла увесистая кероснука. Все же просто!

— Разве это первый раз? — Дзеиис взял со стола черную пепельннцу и повертел в руках. — Чем проще способ преступлення, тем труднее бывает его распутать.

— Да и машнна, — продолжал рассуждать Соколовскнй. — От Калнцнемы до дома Лоренц кнлометров восемь-девять. Надо ехать на двух троллейбусах. Да еще сколько топать пешком. Старухе трудиовато. Ясио, на машине скорей.

Дзеинс поставнл пепельницу иа место.

— И еще одио важное доказательство я обиаружил во время обыска иа квартире Краузе.

В дверь просунулась завитая головка секретарши.

— Товарнщ Дзеннс, вас шеф к себе проснт, — прощебетала оиа тонким голоском. — Там милицейских собралось внднмо-невндимо. Наверно, что-то важное.

— Спаснбо. Сейчас иду.

— Да, немало мы иаломалн дров в этом деле, — ннкак ие мог успокоиться Соколовскнй.

2

Накануне во время допроса Знткаурнс показал Дзеинсу старую, еще довоеииых времен фотографню. С пожелтевшей карточкн иа помощника прокурора смотрела спесивая н вндиая собой девица. Теперь перед иим сндела совсем другая Алида Лоренц. Ногти обломаны, платье помято, нз-под платка выбиваются иечесаные седые космы.

Протнвно было смотреть, как эта опустившаяся, словно заплесневевшая старуха из кожн лезет вон, чтобы под маской дешевого высокомерня спрятать свой страх. Она сндела у стола помощника прокурора н вела себя так, словно была до глубины душн оскорблена несправедлнвым отношеннем к ней, как будто бы ее присутствне здесь было сущим недоразумеиием, которое вот-вот выясинтся, перед иеи извннятся, а кое-кому за это крепко влетнт.

Допрос тянется почти час. Время от времени Лореиц подавляет зевоту, притворяется, будто не слышнт нлн ие поинмает вопросы Дзеииса. Иной раз иехотя что-то пронзиесет в ответ, ио разговора по существу ие получается. Можно подумать, все, о чем тут говорнтся, не нмеет к ией ин малейшего отношения. Затем она иеожнданно бросает на помощннка прокурора оценивающнй взгляд. Красноватые глазкн под увядшимн векамн с прожнлкамн сосудов вспыхнвают н впнваются в Дзениса. Глубоко впнваются, словно хотят выведать, что у этого представнтеля властн на уме.

Советская власть националнзнровала частную собственность Лоренц — отобрала у иее магазнн н дом, лншила возможности жнть с комфортом за счет другнх и чваннться своим превосходством над трудовым людом. По этой прнчине Лоренц всей своей душой ненавндела Советскую власть н тех, кто ее представлял. Она н не скрывала своей неиавистн.

В кабннете прнсутствовалн еще двое. Онн не прниималн участия в допросе Лореиц. Борис Трубек виимательно следнл за тем, как Дзеннс пытается вызвать Лоренц на откровенность, выкладывая нз своего арсенала аргумент за аргументом н все туже затягнвая петлю из доказательств. Старуха, в свою очередь, продолжает стронть нз себя наивную простушку. Прокурор Озоллапа, сидевшнй рядом с Трубеком, уже начал нетерпеливо барабаннть по колеикам.

Под коиец и Дзеиису надоело бессмысленное запнрательство Лоренц.

— Я даю вам возможность смягчнть вину чнстосердечным прнзиаиием, — сказал ои. — Вы не желаете воспользоваться этой возможностью. Упрашнвать ие буду. Доказательств достаточно, чтобы обойтнсь и без вашнх показаний. Я расскажу, что пронзошло в вашей комнате.

Озоллапа закнвал: давио пора было перейти иа такой тон, нечего с ней мнндальничать.

— Итак, вернемся к тому вечеру, когда вас посетил Альфред Инус, — продолжал Дзеинс. — Вам ловко удалось его надуть. Инус поверил, что драгоценности вы зарыли где-то далеко. Вы же, в свою очередь, готовы былн пойти иа любое преступлеиие, лишь бы сохранить богатство. Вырвали у него иесколько дней отсрочки и стали

придумывать выход из тупика. В ту ночь Зента не вернулась домой, что тоже было кстати: можно было спокойно собраться с мыслями. Наверно, в эту ночь и зародился в вашем мозгу чудовищный замысел...

Алида Лоренц выпрямилась и застыла как истукан. Лишь глаза засветились еще более яростной злобой.

Дзенис встал и прошелся взад-вперед по кабинету. Он как бы говорил теперь не с Лоренц, а обращался к Озоллапе и Трубеку. Мысленно Дзенис уже выступал с обвинительной речью, рисуя перед судом детальную картину происшествия на улице Вайрога.

— Что дальше? План разработан достаточно подробно. Остается осуществить. И чем скорей, тем лучше. Молодой наглец не отстанет, в этом нет никаких сомнений. Он может объявиться и до субботы. Поэтому Лоренц принимает решение ковать железо, пока горячо. И начинает с того, что заклеивает дверь в комнату соседей: Геновева Щепис — женщина любопытная! На следующее утро Лоренц звонит своему сыну, Вальдемару Лапиню, просит привезти из Задвинья ее бывшую продавщицу Эльфриду Краузе. Есть, мол, срочное дело. Лоренц будет поджидать Краузе в маленьком кафе на улице Бикерниеку, а это почти рядом с ее домом, домом, где живет Лоренц.

Трубек не спускал глаз с Лоренц. Он заметил, как она съежилась при упоминании имени Эльфриды Краузе. Но это длилось не долее секунды. Лицо арестованной тотчас скрылось под маской безразличия.

— Товарищ Дзенис, у вас был об этом разговор с Вальдемаром Лапинем? — официально задал вопрос Озоллапа.

— Он все это подтвердил.

— Почему раньше он ни слова не сказал о поездке?

— Лапинь отвез тогда Краузе в кафе, оставил ее в обществе своей матери и сразу уехал. Он не знал, какого числа произошло убийство, потому ему и не пришло в голову соединить эти два события. Итак, идем дальше. Из кафе Лоренц пригласила Краузе к себе домой. Она действовала расчетливо и осторожно. Свою гостью провела в комнату не замеченной соседями. Дома Лоренц угостила ее кофе, в который подсыпала веронала...

— Ложь! Гнусная ложь!

Истерический вопль заставил Дзениса обернуться. Лоренц стояла сгорбившись около своего стула и судорожно сжимала руками его спинку. Не осталось и следа от первоначального спокойствия и наигранного простодушия. Ее трясло как в лихорадке.

Всегда отзывчивый Дзенис на этот раз не испытал ни малейшего сострадания к арестованной.

— Садитесь и не перебивайте! — жестко прикрикнул он на нее. — Вам была представлена возможность дать показания. Вы ею не воспользовались. Теперь слушайте.

Дзенис снова обращался к Озоллапе и Трубеку.

— После эксгумации в трупе Краузе был обнаружен веронал.

— Да, — согласился Озоллапа, — веронал может сохраняться в тканях год и даже дольше.

— Это снотворное средство теперь употребляют редко, — продолжал Дзенис. — В аптеках оно продается только по рецептам. Я тщательно обыскал квартиру Краузе, нашел различные лекарства, но веронала там не было. В поликлинике беседовал с врачом, у которой лечилась Краузе. Она никогда не выписывала своей пациентке веронал. Из снотворных Краузе употребляла лишь димедрол.

— В квартире Лоренц веронала мы тоже не нашли, — заметил Трубек.

— Не нашли, — не возражал Дзенис. — Поскольку в комнате вообще не было никаких медикаментов, хотя Лоренц и сердечная больная. Всю свою аптеку она увезла с собой в Палангу. Вчера я звонил врачу Страуткалн. Она прекрасно помнит, что время от времени давала Лоренц рецепты на веронал. Одним словом, круг замкнулся. Эльфрида Краузе, напившись кофе с вероналом, почувствовала усталость, прилегла на кровать Лоренц и крепко уснула. Лоренц перешла к осуществлению главного пункта своего зверского замысла. Взяв из-под керосинки кирпич, она нанесла им несколько ударов по лицу Эльфриды Краузе. Била до тех пор, пока оно не было изувечено настолько, что труп нельзя было опознать. Этим также объясняется и то, что брызги крови на стене рядом с кроватью направлены снизу вверх. Расчет Лоренц был прост и точен. Когда обнаружат труп с изуродованным до неузнаваемости лицом, никому в голову не придет, что жертва не хозяйка комнаты, а

другая женщнна. Во-первых, это ограднт Лоренц от следственных органов, во-вторых — н это главное — спасет ее от преследования Альфреда Инуса. Двух зайцев однмм выстрелом! Для вящего правдоподобия она инсценнрует нападение с целью грабежа. Опрокидывает стул, разбивает об пол вазу, перерывает ящнки комода. И мы, надо прнзнаться, клюиули на эту удочку. Затем берет вещн, драгоценностн, запнрает дверь н ретируется.

Озоллапа ехидно ухмыльнулся и шепнул Трубеку:

— А кто-то мне пытался доказать, что убнйца был левшой!

— В самом начале, — Дзеннс хоть увлекся свонмн логическнмн построеннямн, но замечанне шефа услышал, — мы ошнбочно предположили, что первый удар жертва получнла стоя. Никто не догадался, что женщнна была предварнтельно усыплена. Теперь я свою ошнбку нсправнл.

— Как же попалн на подоконнмк нитки от пальто? — напомннл Трубек. — Лоренц ведь не через окно ушла, которое, кстати, на втором этаже.

— Разумеется, нет. Это было бы чересчур спортнвно для ее возраста. Все делалось проще. Лоренц не рнскнула ндти с вещамн по лестнице. Поэтому она завернула свон пожнтки в знмнее пальто и выброснла узел через окно. Ннтка зацепнлась за уголок жестяного покрытия подоконника. Сама же она налегке покинула дом через парадное.

— Тогда, надо полагать, телефонные угрозы врачу Страуткалн исходилн от самой Лоренц, — проворчал прокурор Озоллапа.

— Вне всякого сомнения! Страуткалн была опасным свидетелем для Лоренц. Врач неоднократно ее осматрнвала, знала особенностн ее телосложення, одежду н могла установнть, что убнта другая женщнна.

— Логнчно, — согласнлся прокурор.

Дзеннс повернулся к Лоренц.

— Ну так как же? Может быть, будете говорнть?

Арестованная даже не взглянула в его сторону.

— Как угодно. Только должен вас предупреднть: надеяться вам не на что. Вннфвность доказана. Суднть будем незавнснмо от того, заговорите вы илн будете молчать.

— Проклятые! — как змея, прошнпела старуха.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В один из сентябрьских дней у здания Верховного суда толпились люди. Только что закончилось очередное заседание на процессе Алиды Лоренц. Десятки людей, никогда ранее не знавшие друг друга, теперь оживленно обсуждали показания свидетелей, поведение обвиняемой.

Никто, разумеется, не обращал внимания на невысокого кудрявого юношу в роговых очках, стоявшего на ступеньках у главного входа. Сзади к нему подошел широкоплечий мужчина в сером осеннем пальто.

— Привет!

Трубек круто обернулся.

— Здравствуй, Виктор. Что новенького?

— Пришел взглянуть на нашу обанкротившуюся миллионершу. А ты почему здесь, ведь собирался в отпуск?

— Опять сорвалось: подсунули тяжелое дельце. Сроки подпирают. Собрал уже три тома бумаг...

— Надо брать пример с Робежниека. Он не теряется. Полюбуйся-ка!

В этот момент из здания суда вышел, как всегда, элегантный Робежниек с Майгой Страуткали.

— Не торопитесь, Майга, — сказал Робежниек, как видно продолжая ранее начатый разговор. — Еще все, может быть, образуется. Вы прекрасно знаете, что я... и тем не менее...

— Потому и ценю ваши советы. Хорошо, ничего не обещаю. Подумаю. Но заявление я уже написала.

Робежниек грустно улыбнулся.

— Жаль, что закончился процесс. Больше не будем видеться...

— Всего доброго, Ивар. Не говорю — прощайте. Гора с горой не сходится, а человек... — Она не договорила фразу, помахала рукой и исчезла в толпе прохожих.

Авторизованный перевод с латышского Юрия Каппе

РАССКАЗЫ

Петр ШАМШУР

Ромашка

Большой зал Минского Дворца пионеров, заполненный до отказа, напоминает мне лесную полянку. Словно лепестки, шелестят и колышутся белые пелеринки, зеленые воротнички, красные галстуки. Будто от порывов ветра покачиваются легкие головки цветов, наклоняются друг к другу.

Мне надо начинать рассказ о комсомольцах старшего поколения, о нашей трудной и суровой юности. Но я медлю, комкая листики бумаги с тезисами выступления, и гляжу на мальчиков и девочек, так похожих на фиалки, незабудки, колокольчики, ромашки.

Как перенести весь этот зал в далекое прошлое, как сделать зримым для них время двадцатых годов?

Ромашка! Вот о ней, о девушке-комсомолке, так похожей на этот простой луговой цветок, я и расскажу сейчас...

То летнее утро началось плохо. У входа в Ляховский райком комсомола, где я работал, оторвалась подметка сапога с левой ноги. Сапоги были старые, латаные-перелатаные, но никакого «обувного резерва» у меня не было, денег на починку тоже, поэтому предстояло подкрутить подошву проволокой и в таком виде шагать по улицам мне, культпропу райкома, комиссару Ляховского комсомольского полка, шагать вплоть до получки!

Наконец-то нужная проволочка была найдена, сапог снят. Тогда хрипло начал звонить наш телефон. Меня вызывали к секретарю губкома комсомола — «немедленно».

И я спешу. Жарко. В сквере около городского театра низенький старичок в брезентовом плаще поливает из заржавленной лейки зеленеющие клумбы. Напротив театра, в клубе имени III Интернационала, наконец-то начата летняя приборка, распахнуты окна, и девушка в красной косынке смывает зимнюю грязь с толстых сте-

кол. В нижнем этаже клуба, там, где помещается губком, окна закрыты и даже кое-где завешены шторами, зато работает штукатур, заделывает выбитые кирпичи и ямки в стене — следы пуль. Город снимает свой военный наряд и прихорашивается к лету. Гражданская война становится историей, мирные дела и заботы скоро заполнят наши дни.

Мне надо перейти улицу, неестественно высоко поднимая левую ногу, чтобы не зацепиться оторванной подметкой о неровный булыжник мостовой, и войти в распахнутую дверь губкома. Там я получу новое задание. Может, придется организовывать горячий диспут о боге или тщательную проверку мастерской преуспевающего кустаря, создавать новую комсомольскую ячейку или выезжать на похороны убитого кулаками селькора, или...

Словно наткнувшись на невидимый барьер, я останавливаюсь на мостовой. На ступеньках у входа в губком сидит Ромашка.

Сначала я не узнал эту маленькую студентку педфака Белорусского университета, наше «полтора несчастья», как мы ее называли в райкоме. Ромашка числилась у нас, так сказать, балластом, и только хорошая анкета спасала ее от исключения из комсомола.

Люба Ромашка была дочерью красноармейца из крестьян-бедняков, погибшего в 1919 году в боях под Минском. Через год старший брат Любы, комсомолец-чоновец, был убит в своем уезде бандитами Булак-Балаховича. Вступила Ромашка в комсомол еще дома, на селе, приехала в университет по путевке укома. Училась хорошо, мелкие поручения комитета выполняла охотно и аккуратно. Но, по нашему общему мнению, Ромашка была неважной комсомолкой. Ведь представление о человеке складывается, исходя из требований времени. Во время гражданской войны комсомол был, так сказать, военизирован, и достоинства комсомольца проверялись в боях и походах.

На демонстрациях и на марше путала ряды своей роты — Ромашка. Стреляла хуже всех в Ляховском комсомольском полку — Ромашка. Ушла в разведку и собирала цветы — Ромашка. Пришлось отобрать у нее винтовку и сделать санитаркой полка, выдав большую сумку с красным крестом. Но когда позади самой последней роты шла эта маленькая девушка в мешкова-

той гимиастерке и больших солдатскнх ботинках, стараясь ступать в иогу со всемн, прохожие улыбалнсь, а нам, командирам, становилось не по себе. И главное, она ннкогда не замечала своей неуклюжести, не умела гляиуть на себя со стороны. Эх, Ромашка, Ромашка — «полтора несчастья»!

Ромашка сндела на ступеньках с букетнком цветов в руках, а рядом с ней стояла плетеная кошелка с игрнвымн красными полосками. И одета она была как-то страино, не по-комсомольски: белая кофточка с ажурнымн кружевамн, длииная снияя юбка-клеш, черные туфельки иа высоких каблучках. Я мог бы ее и не узнать, ио другой такой кудрявой головкн, таких белых-белых льняных волос, иаверное, не было во всем городе.

Каждый день нашей жизнн тогда складывался из походов и демоистраций, учебы и субботнников, а тут — воздушная косынка, аккуратные складочкн на юбочке, высокне каблучки. Что можно делать в таком иаряде? Лузгая семечки, выйти в воскресенье на улицу?

Что оиа делала здесь, кого ждала? И что озиачает этот маскарад?

Еле сдерживая иегодование, я подошел к ступеиям. Встряхнув головкой, Ромашка улыбнулась, вставая, подхватнла кошелку и сказала:

— Идем скорей. Нас ждет секретарь!

Я задохнулся от злости. Что может быть общего между мной н этой... мещанкой? Неужелн иас вызвали по одному вопросу?

А Ромашка уже стучала каблучками по темному корндору, н я послушио шел за ней.

Секретарь губкома ждал нас — меня н Ромашку, именно нас н обоих вместе.

— Саднтесь, — сказал он, выдвигая ящнк письменного стола.

— Я выдам вам одни пнстолет и, пожалуй... — секретарь на секунду задумался, — н, пожалуй, одну гранату. Чтобы у каждого было оружне. Пншнте расписку.

Граната была снстемы «мнллс», английская, взрыватель исправен, чека выинмается легко. Знакомая штучка: интервенты столько иавезлн такнх кругляшек в иаши края, что за шесть лет никак перебросать всех не можем. А вот в обойме пистолета было всего четыре патрона.

— Патронов больше нет, — произнес секретарь, пожимая плечами. — Хотя из него больше двух выстрелов подряд и не сделаешь — перекосы. А граната первоклассная, осечек не бывает, рвется точно на восемьдесят четыре осколка.

— Что случилось? Я ничего не понимаю! — вырвалось у меня.

— Стоят иностранные пароходы в Ленинградском порту, — сурово говорит секретарь. — Нет белорусского леса для погрузки. Мы платим за простои судов в золотой валюте. Это ты можешь понять? — И он, сжав губы, замолчал. На его худых щеках проступили желваки.

Мне не надо было пояснять, что значило сейчас для страны золото. В первых сельскохозяйственных коммунах в плуги запрягают коров — лошади выбиты во время гражданской войны, а за тракторы надо платить валютой. Толпы безработных ждут своей очереди на биржах труда — для закупки нового оборудования тоже нужна валюта.

— А мы отдаем наше золото за простои норвежских пароходов потому, что на родине вот этой комсомолки, в Глуще, уже десять дней нет погрузки леса! Горстка бандитов прорвалась из-за кордона в Глущанский район — и разбежались лесорубы по хатам, весь план летних заготовок полетел к черту!

Секретарь говорит, пристукивая кулаком по столу. Ромашка нагнула голову и теребит углы косынки. Обстановка проясняется.

— Оба вы отправитесь в Глущу. Ромашка там знает всех. Подымите комсомольцев, тряхните уком. Но чтобы через несколько суток лес пошел на погрузку! Понятно? — Секретарь вздохнул и добавил: — Ну а если встретите кого, так... — и кинул в папку мою расписку.

Вечером мы шли по городу на вокзал. На главной улице было людно. Около витрин частных магазинов стояли франты в светлых костюмах и лакированных туфлях с гетрами. Старик нищий в лаптях дежурил у входа в гостиницу «Европа». Мимо промчалась извозчичья пролетка, прошуршали дутые шины. Покачиваясь, в пролетке сидели два пьяных нэпмана. Я посмотрел им вслед. Что ж, их пока надо терпеть. Долго ли? Это зависит от нас самих, даже от меня и от Ромашки.

На вокзальной площади тускло горели керосиновые фонари. Сотни людей сидели, спали и двигались на площади. Всюду мешки и узлы, лапти и селедка, смех и ругань. Все куда-то спешат, торопятся, и кажется, что вся страна пришла в движение.

Гудит паровоз, к платформе подают состав. Посадка в вагон похожа на штурм Турецкого вала, в тамбуре тесно и дышать нечем. Ромашку толкнули, она прижалась ко мне, маленькая и худенькая. Я искоса глянул на свою попутчицу и встретился с ней взглядом. Ромашка улыбнулась застенчиво и грустно. Только сейчас я заметил, что у нее большие хорошие глаза.

Рассвет мы встречали на высоком речном берегу. На той стороне была Глушча. Широким изгибом уходила в даль, к лесу, речка. От того берега к нам медленно шел паром. Ромашка пошла по тропинке к причалу, а я побежал напрямик, к воде — захотелось освежиться после бессонной ночи.

Меня угнетала и давила непривычная одежда — в губкоме заставили снять военный костюм и выдали на складе какие-то старые брюки в серую полоску, синюю косоворотку, потрепанный черный пиджак. Хорошо, что удалось заменить сапоги прочными солдатскими ботинками. Но беда: грубая кожа давила на пальцы, и теперь я хромал на обе ноги. Пистолет мне пристроили у левого рукава пиджака, а гранату пришлось уложить в кошелку Ромашки, вместе с куском хлеба и двумя воблами — командировочным пайком.

Я уселся на берегу и снял ботинки. Приятно было поставить воспаленные ноги на холодный песок. Вокруг никого не было, и я, сняв пиджак, проверил, как вынимается мой пистолет.

Вдруг раздался тихий свист. Я замер и оглянулся. Сзади стояли двое в штатском, в руке одного из них был наган.

— Тише! — предупредил он. — Пошли! — и выразительно повел револьвером в сторону тропинки. Другой же, шагнув ко мне, ловко вытащил мой пистолет и подхватил пиджак.

Я шел по узкой тропинке, судорожно прижимая к

груди ботинки. Там, под стелькой, были мой комсомольский билет и мандат на эту поездку. Кто же меня захватил врасплох? Бандиты? Тогда надо рвануться в сторону, в кусты. И наган, и мой пистолет плохое оружие для прицельной стрельбы в бегущего человека. Но почему же так молоды и по-военному стройны задержавшие меня люди?

За поворотом мелькнула вода, и я увидел Ромашку. Держа в руках кошелку, она стояла на тропинке и разговаривала с военным в фуражке с зеленым верхом.

У реки нас задержала застава пограничного отряда, и командир, прочитав мой мандат, рассказал о последних событиях в Глушче. Недели две назад банда человек двадцать прорвалась в уезд через границу. Руководит бандой ротмистр Ясючена, он старый «знакомый» в Глушче — подручный атамана Булак-Балаховича по кровавому рейду в конце гражданской войны.

— Ясючена? — переспрашивает Ромашка. — Грузный такой бородач, рыжий?

— Верно, — улыбается командир. — Слышали о нем?

— Встречала.. — спокойно говорит Ромашка, а глаза ее смотрят на реку. — Я ведь местная, помню погромы балаховцев.

— Граница сейчас на замке, и из уезда банда не выскользнет, — продолжает пограничник. — Но по уезду прокатилась волна агитации против участия местных жителей в лесозаготовках. На повал сейчас выходят только рабочие леспромхоза, а вывозка леса стала. Полотно узкоколейки, по которой подвозят лес к железнодорожной станции, в нескольких местах взорвали бандиты, и путь еще не налажен. Рубкой и вывозкой леса вы и займитесь, а поимку банды оставьте нам.

Откуда-то издалека донесся раскатистый взрыв. Умолк пограничник, посмотрел на тот берег реки.

— Зарубежные хозяева снабдили диверсантов взрывчаткой, не жалея денег, — сурово сказал командир, — снова подорвали где-то узкоколейку, прозевала охрана. А мечтал Ясючена поднять восстание во всей Глушче, стать атаманом повстанческой армии. Не пошли за ним селяне, даже кулаки боятся помогать бандитам. У сво-

их-то атаман не только еду, но и лошадей скорей заберет. Сейчас весь уезд помогает нам выследить банду. Мало их осталось на свободе — человек десять, не больше...

Я смотрел на обветренное лицо пограничника и думал о нашем суровом времени, когда в заграничных банках переводятся на деньги и кровь советских людей, и пули бандитов. Может быть, валюту, израсходованную на рейд Ясючени, надеялись вернуть, планируя простои норвежских пароходов?

Медленно шел паром к глушчанскому берегу реки. Можно было не спеша помыться, не торопясь выкурить папироску. Это были последние спокойные минуты за всю командировку.

Время не ждало, начались неспокойные дни, тревожные ночи. Мы шагали словно по кругу — лесные делянки — села, узкоколейка — хутора. Пиджака я не снимал, хотя было жарко в лесу, душно в хатах. Ромашка не расставалась со своей кошелкой.

Вечером нас обстреляли около первых груженых лесом платформ, но уроки пограничников пошли впрок: вооруженные комсомольские патрули убили одного бандита и захватили другого живым. Мы с удивлением смотрели на бывшего русского офицера, одетого в заграничное тряпье. Дрожали его грязные пальцы, по небритой щеке ползли слезы. Непрерывно глотая слюну, заикаясь от страха, он рассказывал нам о последних зверствах Ясючени. Рыжий волк мечется по уезду, чувствуя, что все дороги на запад уже перекрыты. Всех, кто становится на его пути, он стремится убить. Вчера Ясюченя казнил даже двух своих соратников, предложивших сдаться Советам. Сейчас в банде осталось всего шесть человек вместе с атаманом. Шесть бандитов и одна собака. Да, серый пес, помесь волка и овчарки, выкормыш Ясючени — Валет. Лучше всех часовых стережет стоянки банды эта собака...

Ночью, при керосиновых лампах, мы проводили перед зданием сельсовета, на улице, собрание, и во время моего доклада невдалеке раздались выстрелы. Одна пуля, щелкнув, врезалась в стену над головами президиума.

Сельские активисты кинулись в темноту, но вскоре вернулись, никого не обнаружив. Стрелявший, наверное, спрятался в какой-либо хате. Было ясно, что стреляли не бандиты, а местные кулаки, — Ясюченя не промазал бы из винтовки по хорошо освещенным людям. А кулаки хоть и мало помогают балаховцам, но злобу против Советской власти таят и рады любой заварухе.

Собрание продолжалось. В принятой резолюции все жители обязывались в связи с чрезвычайным положением выйти на работу в лес.

В закопченной бедняцкой избушке мы выпили горячего кипятку с брусничной заваркой, но подремать не успели. Уже начинало светать, надо было идти по селу, проверять, как люди готовятся к выезду в лес. Приходилось подолгу стучать и будить хозяев больших домов, огороженных высоким частоколом. Долго звенело железо запоров, золотые минуты пытались украсть у нас кулаки.

Я не знаю, как бы действовал один, без Ромашки. Она знала все тропинки в селах, почти всех жителей — в лицо, и главное, что меня больше всего удивляло, — ее окрику подчинялись все собаки в округе, даже самые дикие, самые злые. Ромашка и сама не могла объяснить такую власть над собачьим племенем. «Просто я их люблю, они это чувствуют», — ответила она на мой вопрос.

Большое дело лесозаготовок нас захватило целиком. На ремонте узкоколейки не хватает лопат — надо их достать и привезти. В ларьке леспромхоза нет махорки, на второй лесосеке заболел инструментальщик, на дальней делянке мало лошадей. Надо идти в Глушчу, в села, на хутора, добиваться, требовать, просить, уговаривать, разъяснять. Время не ждет — пароходы еще стоят.

Несколько раз в день мне приходилось выступать перед лесорубами, комсомольцами, крестьянами. Ведь радио тогда на селе еще не было, газеты приходили с большим опозданием, и, чтобы разбить кулацкие сплетни и антисоветскую клевету, применялось главное оружие — живое слово агитатора.

Ромашка внимательно слушала каждое мое выступление, и мне приходилось часто менять вступительную

часть — о международном положении — из-за нее, постоянного слушателя, серьезного и молчаливого. Когда же мы переходили к текущим вопросам — инициативой овладевала Ромашка. У нее удивительная память; без шпаргалок она называла количество работников в каждом дворе, знала, у кого годится для вывозки лошадь, помнила, как выполняются каждым обязательства по лесозаготовкам. Спорить с ней было невозможно — она помнила все цифры и факты. Люди или умолкали, разводя руками, или же соглашались.

После таких собраний мы долго еще говорили с комсомольцами и деревенской беднотой — все они были сейчас мобилизованы на лесоповал. А после бесед в избах и перекуров на завалинках мы с ней шли на узкоколейку — проверить, как идет ремонт последнего километра пути, таскать вместе с ребятами шпалы для дороги, забивать, скрепляя рельсы, под веселый перебор гармошки железные костыли.

Изредка к нам наведывались пограничники, сообщали последние новости. Конному патрулю удалось обнаружить бандитов Ясючени в лесу, и в перестрелке убит их проводник. Осталось у них теперь всего пять человек, да и те бродят с опаской: тропинок через чащи и болота не знают. А розыскная собака заставы взять след беляков не смогла: обработан какой-то жидкостью. Но недолго будут ступать по советской земле враги — нет у них опоры ни в селах, ни на хуторах, даже кулаки боятся помогать бандитам, берегут свою шкуру.

К вечеру третьего дня нашего пребывания в Глушче лес пошел на станцию, узкоколейка заработала без остановки. На железнодорожной линии началась погрузка в эшелоны для Ленинграда.

Нормальная жизнь устанавливалась в Глушче. Еще где-то отсиживались последние бандиты, отброшенные с дороги, в сторону. А с рассветом начинали звенеть пилы и стучать топоры в лесу, к полудню задорно гудели паровозики узкоколейки, ведя груженые составы, к вечеру шла другая музыка: на улицах слышались переборы гармошек и припевки девчат. Не было в округе такой деревеньки, где бы бандиты Ясючени не оставили кровавых отметин, но люди не могут долго жить без песен и улыбок.

В коице пятого дня комаиднровкн я задремал на лесосеке н, как мне показалось, сразу же проснулся от веселого смеха. Передо мной с большнм букетом цветов стояла Ромашка.

— Вставай, засоня! Пойдем к моей маме попить парного молочка — есть телеграмма губкома: иам можно возвращаться. Выспнмся досыта — поезд в Мннск будет только завтра утром.

Уже в сумерках мы вышлн на берег тнхой речкн и, поднявшнсь на холм, вошли в маленькую, родную Ромашке деревеньку.

Худенькая старушка, увидев дочь, всплеснула руками н захлопотала, бегая по двору. Я впервые после парома снял пнджак, переложнл пнстолет в карман брюк, разулся н хорошо вымылся. Угощая иас, старушка смеялась и плакала, расспрашнвала дочь н, ие слушая ответа, начннала рассказывать свон деревенскне новостн.

Женщины уложилн меня в хате на шнрокой лавке, а сами ушли на сеновал. Я лег н задумался. Что я, культпроп райкома, зиал о Ромашке, рядовой комсомолке? Какое мы имелн право зачнслять в балласт человека только за то, что он не в ладах с шагнстнкой? Разве в этом главные достоинства комсомольца? Скоро придет совсем мнриое время, комсомольскнй полк расформируют за ненадобностью, пойдут собрання, обсуждення, дискуссии. Тогда что же, будем зачнслять в балласт тех, кто плохой оратор?

От подушкн пахло мятой н какими-то душнстымн травами, прохладой тянуло от обнльно смоченного водой глиияиого пола. Сон подкрадывался незаметно.

Наш покой стереглн две дворовые собакн. Крупный поджарый Султан всю ночь бегал на цепи по двору, останавлнвался у крыльца н ворчал, чуя меня, постороннего, в хате. По ночам Султаи любнл убегать в лес, охотиться, поэтому его н сажалн вечером иа цепь. Старая чернеиькая Агатка спала рядом со мной — иа своем месте около печн, на подстилке, иеспокойно ворочаясь н тяжело вздыхая. Я слышал все собачьи шорохи, но они не тревожнлн меия и поэтому не мешалн сиу.

В ту пору, наверное, у каждого нз иас в мозгу был вмонтирован какой-то сложиый прнбор, который фильтровал во время сна звукн, прнглушал безопасные н на полную мощиость включал тревожные.

Ночью грянула буйиая летняя гроза. Широко раскатился гром, ярко сверкиула молиия, хлыиули на землю потоки воды. Но иепогода летом бывает коротка: через полчаса унеслись куда-то черные тучи, посветлело во дворе, легкие капли мелкого дождика-последыша зашелестели по крыше.

Какие-то необычные звуки заставили меия просиуться и открыть глаза: барабаииую дробь, походный марш, кто-то выбивал иа стекле. Вылез с шумом из своей коиуры Султаи, загремел цепью, грозио заворчал иа кого-то. Я подиялся. По стеклу окошка выстукивали дробь малеиькие пальцы.

Залаял Султаи, коротко, беззлобио. Доиесся приглушеииый крик Ромашки. Я подошел к окну.

Под окиом хаты в большой луже стоял босой, в одних трусах мальчишка, а около иего ворчал и скалил зубы Султан. От хлева в пестром коротеиьком платье бежала Ромашка. Зачем же спешил сюда ночью, под дождем париишка? Что так оживлеино, размахивая руками, втолковывает ои сейчас Любе? И раньше я замечал, что Ромашка часто шепчется с деревенской детворой, ио ие придавал этому никакого зиачения.

Я сел на лавку и иачал обуваться. Восьмилетиее существо не кинется через ночиой лес по пустякам, да еще в грозу, в одних трусах. Случилось что-то серьезиое, иадо быть готовым.

Вдали прозвучал раскат грома. Гроза уходила иа запад, через границу.

Хлопиув дверью, в хату вбежала Ромашка. Взвизгиув, вскочила Агатка.

— Одевайся скорее, пойдем иа кордон, иадо спасать лесиика! — быстро проговорила Люба. Дверь в сени приотворилась, и в хату проскользиул мальчишка-гоиец, озябший и мокрый.

Я зажег свечу. Кожа иа правом ботинке засохла складками, ногу обувать больио.

— Иди сюда, парень! Садись рядом со миой, погрейся. Я тебя оботру иемиого...

— Некогда! — оборвала меня Ромашка. — Гена сейчас же побежит на заставу!

— Что случилось, Люба?

Ромашка кружила по хате, как-то по-детски прижав кулачки к груди. Я ии разу не видел ее такой взволноваиной.

— В грозу явились на кордон к леснику бандиты Ясюченя. Во время дождя они собираются удирать за границу. Проводником должен стать лесник, иначе они его убьют... Ты обулся? Пошли!

О глушчанском леснике Семене Недбайло ходили легенды, и, хотя старухи называли его «лешим», окрестные дети любили лесника. Был Недбайло одинок, отлично знал лес, да и ребятам преподавал уроки природы, у него на кордоне всегда дневали и ночевали мальчишки.

Согласится ли лесник оплатить свою жизнь предательством и проведет Ясюченю через границу? Едва ли. Но какие же муки ему придется испытать!

— Ты давно убежал из лесниковой хаты?

— Не... — тянет мальчишка и сопит простуженным носом. — Как пришли бандиты, они дядьку Семена стали бить. А лесникову собаку, нашего Воронка, застрелили, он шибко лаял. У них своя собака, как волк, страшная... Я в чуланчике спал, тихонечко выскользнул — и в лес к тете Любе...

Мои ботинки зашнурованы, пистолет на месте. Можно уходить. Лес в Ленинград пошел, наша командировка кончилась. Сразу же со станции позвонить пограничникам. Они без нас справятся с бандитами и спасибо нам скажут...

— Пошли! — командует Ромашка.

— Куда?

— Как куда?! — возмущается Люба. — На кордон, спасать дядьку Семена! Я же о том давно толкую!

— Но что мы сможем сделать против пяти бандитов?

— Побачим... — твердо говорит Ромашка и, выхватив из-под стола свою кошелку, добавляет:

— У меня есть граната, а у тебя... перекосы!

На плечи мальчишки Люба накидывает свою косынку, ту, в которой щеголяла в Минске, затем нагибается и, глядя в глаза Гене, говорит:

— Милый мой, хороший... Беги скорей на заставу!

— Боюся.. — шепчет Гена, — там лес дюже густой...

— Надо, Гена! Слышишь? — произносит Ромашка и гладит мальчика по голове.

Молчит Гена, жмется к Любе, переступает с ноги на ногу.

— Пошли! Я Султана возьму с собой...

Мелкий-мелкий, словно водяная пыль, продолжается дождик. По сумрачному лесу петляет узкая тропинка. Впереди быстро идет Ромашка, рядом с ней, у ноги, бежит Султан. Я еле поспеваю за ними. Никакого плана действий у нас нет. Все будет решено на месте. Если Гена побежит напрямик к заставе, минут через сорок он встретит пограничников, через час они будут здесь. Мне надо удержать Ромашку от драки каких-то шестьдесят минут.

Впереди мелькнул огонек — показалась лесникова хата. Сквозь серебристую сетку дождя лесная полянка с пышными, немятыми травами, невысокий плетень, обвитый хмелем, хатка с соломенной крышей, огонек в маленьком окошке казались игрушечными. Вокруг стояла тишина. Мелкие дождевые капельки не шумели, тихо опускаясь на ветки дубков, окружавших поляну. Мирная, красивая картинка. А что сейчас творится в хате?! Какие муки терпит дядька Семен! А может, бандиты уже пьют с ним самогон на мировую?

Если нас поймают, то у Ясюченя не будет времени тянуть из нас жилы, скоро рассвет, самое время переходить границу. Ясюченя как-то говорил крестьянам, что ему нужны лишь мертвые коммунисты. Нас просто убьют, без всяких допросов, на ходу. Убьют и сделают отметку в записной книжечке для отчета зарубежным хозяевам. Нет, так запросто мы в бандитские руки не отдадимся!

— Подожди, Люба, — говорю я шепотом, — не ходи дальше. Там у бандитов собака Валет. Будем отсюда наблюдать за хатой.

— Меня Валет не тронет, — спокойно отвечает Ромашка. — А Султан останется с тобой!

Люба наклоняется к своей собаке, треплет ей уши, тихо приказывает:

— Сидеть, Султан! На месте! Слышишь?

Возможно, у Ромашки уже сложился план действий, но мне она не захотела его выложить — знала, не соглашусь.

— Сидеть, Султан! — еще раз повторила Люба и затем вышла на поляну. Я хочу кинуться за ней, схватить за руку, удержать, но внезапно вижу слева от нас, в кустах, какое-то движение, чей-то силуэт. Возможно,

там стоит баидит иа посту и сейчас ои целится в спииу Любе...

Выхватив пистолет, прыгаю в кусты, отвожу ветки. Там испуганно жмется к деревцу старый зиакомый — пиоиер Гена, тот, который сейчас должен быть на подходе к пограничиой заставе.

— Ты, Гена? На заставу ие пошел?

— Одиому страшно...

— А как же дядька Семен?

— Так его вызволит Люба. Она все може1..

Бедияга Гена боится лесиых чудищ и верит в чудеса. Люба все может... Поэтому ои побежал искать спасеиия у Ромашки и ночью боялся далеко от иее отойти. Поймет ли он, став взрослым, что сегодня поставил под удар любимого человека?

Осторожио сквозь рваные облака выгляиула серебристая луиа. А мелкий дождик ие перестает. Но светлей стало на поляне, отчетливей видиа движущаяся фигурка девушки с кошелкой.

Виезапио заворчал Султаи, привстал и иапрягся, как перед прыжком. Я потрепал его по холке и ухватил за ошейиик. Едииствеииое, что может помочь Любе, — тишииа.

Вдруг от хаты метиулась к Ромашке большая серая собака, иавериое баидитский Валет. Султан искоса глянул иа меия и, иавериое, зевиул: неужели ему запретят встать иа защиту хозяйки? Я прошептал: «Сидеть, Султаи! На месте!»

Ромашка увидела Валета, но ие замедлила шаг. А баидитский Валет встал, ие добежав иескольких шагов, и отпрыгнул в сторону, когда Люба, идя по тропинке, приблизилась. Валет не лаял и не рычал, похоже, он был в иедоумеиии: перед ним был чужой человек, ио кинуться иа иего почему-то не хотелось.

Ромашка прошла к хате, подиялась на крылечко. Почему же она ие подошла сиачала к окошку, посмотреть, что там делается? Хоть бы не потеряла разум и не открыла дверь!

— Гена, беги на заставу! Сейчас гады схватят Любу...

Ничего не отвечает мальчишка и, иаверное, даже не слышит меия. Может, ои увереи, что от прикосновеиия ее руки могут рассыпаться стеиы хаты, ниц

упасть враги? Малыши верят любимым людям и наделяют их сказочной силой. Если бы, если бы...

Мне показалось, что скрип двери донесся до нашей опушки. Люба и собака исчезли. Почти сразу же в хате раздался приглушенный выстрел. Я рванулся через поляну. Дверь была приоткрыта, но я приник к окну.

— Понимаешь, девочка, я мог тебя убить, — басил кто-то в хате. — Ты входишь без стука, и я стреляю. Хорошо, что ты маленькая и пуля легла повыше головы. Но как ты сманила моего Валета? Видишь, он лег передо мной, знает, что его будут наказывать.

В хате сумрачно. На столе, перед окном, горит керосиновая лампа, но она коптит. Люди в хате одеты, готовы в дорогу. Двое сидят у стола. Спиной к окну стоит широкоплечий мужчина в офицерской фуражке, с маузером в руке. Он говорит, размахивая пистолетом, и длинные тени движутся по хате, ложатся на пол, тянутся к двери. На пороге в светленьком платьице с голубыми разводами замерла Ромашка, и неизменная кошелка у нее в руках.

— Вот так, девочка. Меня надо слушаться. Как тебя зовут? — Мужчина в офицерской фуражке прячет пистолет в кобуру и чуть поворачивает голову. Я узнаю его, хотя не видел до этого ни разу: рыжая борода, большой нос, вытянутое, как в кривом зеркале, лицо. Это один из псов кровавого палача Булак-Балаховича — ротмистр Ясюченя.

А Люба не отвечает и смотрит куда-то вправо. Что она видит, мне неизвестно, но испуг проступает на лице Ромашки.

— Ну? — сурово говорит Ясюченя и делает шаг в сторону. Теперь я вижу, куда смотрит Люба. На полу, привалившись к стене, сидит истерзанный старик. Конечно, это лесник, дядька Семен, тот, ради которого Ромашка вторглась в осиное гнездо. Около лесника на табуретках расположились два бандита — его «опекуны». Старик спеленат толстой веревкой, только руки его, какие-то темные, блестящие, свободны, он держит их на весу и медленно, словно маятник, раскачивается и стонет тихо, протяжно, на одной ноте.

Позже мне расскажут, как мучили дядьку Семена бандиты, чтобы заставить его быть проводником. По голове не били — мог потерять сознание надолго. Ноги не

трогали — надо будет идти. Балаховцы терзали руки Семена: рвали ногти, дробили пальцы, вырезали «узоры» на коже. До конца дней своих лесник потом прятал от людей страшные свои руки...

— Ну? — снова спрашивает Ясюченя. — От кого ты пришла? Зачем? — И только сейчас начинает понимать бандит, что не его атаманский вид смутил девушку, а замученный старик. — Да выкиньте же на двор эту падаль! — кричит ротмистр. — Он мешает нашему разговору!

Бандиты-палачи хватают лесника, тащат к выходу. Затем ставят на ноги и толкают так сильно, что старик спиной открывает дверь и валится на крыльцо.

— Зачем же ты здесь, красавица? Говори! — произносит Ясюченя и недовольно машет рукой. Те, кто выбрасывал дядьку Семена, осторожно прикрывают дверь, отходят к столу. Наверное, атаман не любит, когда кто-то лишний маячит перед глазами.

— Я скажу... Я сейчас скажу, зачем пришла... — тихо говорит Люба и шарит правой рукой в кошелке.

Мне хочется крикнуть: «Скорей, Люба, Любочка! Бросай гранату! Шмыгни в дверь — я тебя прикрою с крыльца! Ну, моя Ромашка!»

Граната в руке девушки. Упала кошелка. Быстрое движение — чека выдернута, рукоятка отлетает в сторону, через несколько секунд будет взрыв.

Оцепенели бандиты, замерли на месте. Люба, как заправский гранатометчик, не сразу швыряет на пол рифленую смерть. Всегда надо выждать пару секунд, чтобы гранату не перехватил враг и не успел откинуть от себя. Ну?!

Взмах руки. Черный шарик в воздухе, я вижу его как при замедленной киносъемке. «Падай же, Люба, за порог и заслоняйся дверью!»

Внезапно что-то взметнулось в хате серое — это Валет прыгнул на девушку, схватил ее за руку. Ромашка угрожала хозяину, и сработал условный рефлекс. Нет души у собаки...

Падает Люба. Рванулись бандиты к дверям. Я отшатываюсь от окна, надо бежать к крыльцу. И в это мгновение гремит взрыв. Вздрогнула избушка, зазвенели стекла, упала во двор сломанная оконная рама. Сразу же тревожно завыл Султан.

Дверь была распахнута и сорвана с верхней петли. На крыльце лежал человек, не Ромашка — лесник. Он потерял сознание, но изувеченные руки его так и застыли приподнятыми над туловищем. Из хаты тянуло кисловатым запахом взрывчатки, и там разгорался огонь: как видно, опрокинулась лампа, разлился керосин.

У порога стоял на коленях человек с окровавленным лицом — ротмистр Ясючени. Он успел выстрелить только раз — по моему левому плечу будто ударил раскаленный железный прут. Мой пистолет все-таки действовал безотказно, все четыре пули я всадил в зверя-ротмистра. Другие бандиты лежали кучей в хате, и огонь уже подбирался к их исковерканным телам. Англичанка «мисс Миллс» сработала аккуратно.

Ромашка лежала у двери, двух сантиметров пути не хватило ей для спасения. Но ведь не думала она о своей жизни, когда кинулась в хату не только, чтобы спасти лесника, но и для того, чтобы уничтожить последних бандитов в Глушче...

Белую головку Любы миновали осколки — Валет прикрыл ее. А грудь была посечена, и жизни уже не было в легком теле Ромашки. Я вытащил ее на двор, затем выволок тяжелое тело дядьки Семена и вернулся еще раз в хату, чтобы вырвать из руки Ясючени тяжелый маузер. Меня шатало из стороны в сторону, плечо распухало, и вся левая сторона груди была липкой от крови, казалось, что все вокруг качается и вздрагивает.

Я сел на траву рядом с Ромашкой. Дождя уже не было. Светало, дул от леса прохладный ветерок. А хата светилась ярким белым светом, как будто там зажгли мощный прожектор.

Земля тянула меня к себе, словно магнитом. Чтобы не упасть, я прижался спиной к дубку. Сознание мутнело, но рядом лежали мои товарищи, их покой надо было беречь. Сжимая рукоятку маузера, я напрягал всю свою волю, чтобы не закрыть глаза, — ведь мог уцелеть еще один, последний бандит, а дядька Семен был жив. Он уже не стонал, но в уголках его закрытых глаз все время проступали светлые капельки и медленно ползли по небритым щекам. Ромашка же хоть и лежала рядом, но была далеко. Руки ее похолодели, нос заострился, белые-белые шелковистые волосы спутались и слиплись.

Языки пламеии вырвались в дверь, я качиулся в стороиу и подиял маузер: мие показалось, что кто-то черный шевелится за порогом, высовывает иа двор карабии, в прорезь прицела ищет меня. Я выстрелил и завалился иа бок. Стало тихо, даже Султан почему-то перестал выть. Теперь перед глазами у меия была трава, дубки, большая поляиа. Но что это? Я приподиялся на локте...

Из леса на поляиу скакали всадиики в фуражках с зелеиым верхом. Зиакомый комаидир подскакал к иевысокому плетню, осадил лошадь. В седле перед комаидиром париишка — Гена. Все-таки ои сумел побороть трусость и побежал на заставу!

Медлеино качнулись и поползли куда-то вверх стволы дубков. По моему лицу зашелестела мягкая пахучая трава. Я потерял созиаиие.

Меия перевязывали, везли иа машиие, затем в поезде, только в городском госпитале сияли с иог заскорузлые ботиики.

В тот же деиь ко мие пришел секретарь губкома и присел иа койку. Ои долго молчал и не шевелился, только иа его худых щеках проступали желваки.

Уже иаступил вечер. В сквере, под окиами больиицы, шумели дети. Малеиькая девочка настойчиво просила у мамы сахару, хоть кусочек. Мама тихо говорила что-то, успокаивала, слов я разобрать ие мог, но поиимал: сегодия у ребеика сахару еще ие будет.

Секретарь стисиул мне здоровую руку:

— С лесом — порядок. Но выросли новые заботы: Ремизевича иазначили уполиомочеиным Цека, ты один в Ляховском райкоме остался...

Секретарь встал, привычиым жестом оправил гимнастерку.

— Подымайся скорее, брат! Дел миого, время не ждет!

Да, время не ждало, боевое, горячее время. Надо было всей страие двигаться вперед с космической быстротой, а людям той поры совершать иевозможиое, чтобы в короткий срок вырваться из нищеты и отсталости. Для этого иадо было всего себя отдавать делу, целиком, так, как поступала Ромашка.

...Люба похороиена в «красиом» — почетиом — углу кладбища своей тихой родной деревеиьки. Невелико то село, а «красиый» угол большой, почти каждая семья

хоронила здесь своих родных. И больше всего лежит там в земле молодых — комсомольцев, простых и скромных, таких, как Люба Ромашка...

...Я провожу ладонью по вспотевшему лбу и оглядываю зал.

Нет, не просто маленькие девочки и мальчики, так похожие на полевые цветы, сидят сейчас передо мной. В зале замерло готовое к подвигам новое поколение — завтрашние комсомольцы.

Сергей НАУМОВ

В голубых барханах

Следы обнаружили ночью. Две красные ракеты подняли заставу. Капитан Ермаков с «тревожной» группой прибыл на место нарушения спустя пятнадцать минут после тревоги.

Старший наряда, обнаруживший след, сержант Петр Узоров включил фонарик, прикрывая полой плаща яркий свет луча, и Ермаков увидел на мокром после дождя песке едва заметное углубление.

Это не был след человеческой ноги. Скорее всего он походил на крохотную лунку, но Ермакову, служившему на границе десятый год, отметина на песке поведала многое.

Пользуясь грозовой ночью, нарушитель пересек пограничную реку, выполз на берег, лежа в кустах, дождался, пока пройдет пограничный наряд, собрал фиброгласовый шест, почти такой же, каким пользуются спортсмены, и перемахнул контрольно-следовую полосу в надежде, что затянувшийся ливень размоет лунку, оставленную шестом.

Нарушитель выиграл час. Если шел быстро, успел добраться до шоссе.

И еще понял Ермаков, что проводник с собакой здесь уже не поможет. Секущие струи дождя давно смыли всякий след — сразу за контрольно-следовой полосой начиналось небольшое каменистое плато с нагромождением скал, переходящее в пустыню.

Один час времени на границе — это очень много. Дорога, уходящая в глубину республики, — вот первая цель нарушителя. Рядом порт, через который товары из сопредельного государства направляются по бетонке на железнодорожную станцию. До нее сто двадцать километров — полтора часа езды. Движение на шоссе не прекращается и ночью, оно только затухает немного.

Значит, первое, что предпримет начальник отряда полковник Артюшин, — перекроет бетонку.

Так думал капитан Ермаков, сидя в канцелярии заставы и ожидая приезда Артюшина.

Он сделал все возможное, что следовало сделать в таком случае: заблокировал зону иарушеиия, выслал конный отряд на шоссе, попытался определить направлеине, в котором скрылся нарушнтель. Но собака Найда, как он н предполагал, не взяла след.

Ермаков думал о иарушителе. Кто ои? Во что обут? Как выгляднт? Вндать, сильный, треннрованный человек. Долго же он ждал этой грозовой ночи. Дожди в краю песков в это время года редкн.

За окном прошумел «газик», и в канцелярию вошел седой крупный мужчина — полковник Артюшин. Коротко поздоровался. И сразу подошел к карте. С минуту разглядывал ее, словно вндел впервые. Обериулся. И Ермаков заметнл: обычно спокойный, полковиик иа этот раз выглядел взволнованным.

— Саднтесь, капнтан, — негромко обронил он, — будем рассуждать.

Ермаков кратко доложнл обстановку.

— Хорошо, капитаи, что выслали коииый наряд н заблокировали зону иарушеиня. Хорошо, что перекрыта бетоика и все проселки. Только, я думаю, и нарушитель осведомлен обо всем этом. Вернее, предположил такое, будучи еще по ту сторону граиицы.

Полковник помолчал, хрустнул костяшками сцеплеиых пальцев. Виезапно спросил:

— Вам ннкогда не приходнла мысль, что песок похож на воду?

— Нет. Как-то ие думал об этом, — прнзнался Ермаков.

— И я иикогда не думал. А сегодня вот пришло в голову. И знаете почему? Бюро погоды предсказывает иа сегодня-завтра песчаную бурю. Как вы думаете, мог такой факт учесть иарушитель? Гроза уничтожила след иа плато. Буря заметет след в песках.

— Но... пески тяиутся на сотнн километров... Онн безводны... Это же верная гнбель... И потом, пески хорошо просматрнваются с вертолета. Нарушитель, коиечио, знает об этом.

— Да, знает, — согласился полковник, — да мы-то не знаем, какне маскировочиые средства ои применит в песках. Мы не зиаем, сколько у иего воды и иасколько вынослив этот человек. И ие такая уж безводиая пустыия Хорезм-шахи, колодцы есть, капитан. Мало их — это другое дело...

Полковник нахмурился, забарабанил толстыми пальцами по столу.

— Нужен «свободный поиск». Отправьте в пески лучших следопытов с рацией. Собака, я думаю, не понадобится... Выдержали бы люди... Связь по рации через каждые два часа кодом. Никаких радиотелефонов. Квадрат поиска будет прочесываться и с воздуха, вертолет я вышлю в ваше распоряжение... Пока все...

Пустыня казалась Бегичеву огромным целлулоидным колпаком с приклеенным внутрь ярко пылающим диском солнца.

За два года службы на границе Антон так и не привык к песчаному однообразию, к чудовищной летней жаре, к теплой безвкусной воде, выдаваемой по норме. Родом с Алтая, он тосковал по чистым горным лесам, быстрым прозрачным рекам, а засыпая, часто видел солнечные лужайки, пестрящие разноцветьем, далекие заснеженные вершины, манящие прохладой и покоем.

Но не было на заставе более выносливого солдата, чем Бегичев. Сухой, жилистый, насквозь пропеченный солнцем, обладал он завидной выдержкой, рассудительным спокойствием. Был ловок и смел.

Сержант Узоров, получив приказ начальника заставы о свободном поиске, выбрал Бегичева в напарники не раздумывая.

Ермаков кивнул, одобряя выбор, и пригласил сержанта в свой кабинет для беседы.

Час спустя оба пограничника уже шагали по барханам, то и дело вскидывая бинокли. Вертолет, присланный начальником отряда, высадил их в квадрате поиска и ушел на восток прочесывать с воздуха необозримое песчаное море.

С гребня перед пограничниками открывалась лощина, поросшая редкими кустами саксаула. До горизонта тянулись, словно застывшие морские волны, гряды барханов.

— Ищи его тут, — присвистнул Бегичев, — легче иголку в стогу.

— Разговорчики отставить, — строго сказал Узоров. — Маршрут по азимуту — север-север, встреча на четвертом бархане, считая наш первым. Пойдешь кольцами, так легче зацепить след. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант, — не понимая суровой строгости товарища, откликнулся Бегичев.

Они разошлись в стороны и, не оглядываясь, зашагали с гребня, обходя лощину с саксауловым леском. Было слышно, как тихо звенят на ветру его седые от пыли листья.

Этот звон напомнил Узорову давний поиск. Они преследовали нарушителя на лошадях, как вдруг поднялся ветер, и тонко, с надрывом запела пустыня. Ему объяснили — так стонет саксаул перед большой бурей.

Пустыня таила в себе несметное количество загадок и опасностей. Чем больше служил Петр на границе, тем привлекательней становилась для него Хорезм-шахи, одна из древнейших пустынь Средней Азии. Она скрывала под собой города и историю целых народов. Что-то прекрасное и вечное было в ее глубоком желтом безмолвии.

Пять лет потратил Петр Узоров, чтобы, не страшась, уходить в самостоятельный поиск в самое сердце Хорезм-шахи. Он приучил себя сутками обходиться без воды, ночевать, завернувшись в кошму, прямо на песке, познал многоликость пустыни и язык ее обитателей.

Крепыш, с движениями слегка медлительными, но тяжеловатой точности, Петр Узоров производил впечатление ленивого, нерасторопного человека. На некрасивом обветренном лице северянина глаза смотрели зорко и уверенно.

За годы службы Петр изучил радиодело и мастерски владел ключом. Мало кто знал о сокровенной мечте сержанта стать археологом. Пожалуй, один начальник заставы догадывался о тайном желании пограничника. Книги, которые Узоров выписывал из республиканской библиотеки, навели Ермакова на такую мысль. Но он об этом не обмолвился ни сержанту, ни кому-либо другому.

Солнце встало в зенит, когда Бегичев обнаружил цепочку неглубоких вмятин, полузасыпанных рыхлым песком.

— Старый след, — сказал Узоров, — пятичасовой давности. Обут в кауши...

Сержант достал планшетку с картой, еще раз взглянул на след, потом на компас.

— Направление на северо-восток... Что у нас тут поблизости? Сторожевая башня времен Тамерлана. И там... колодец.

— Откуда же он взялся, след-то? — оглядываясь по сторонам, пробормотал Антон.

Узоров чуть слышно рассмеялся.

— Учись, Антоша, пока я жив... Нарушитель упал с неба... Пески, как вода, имеют способность течь, то есть передвигаться в пространстве. За пять, а может, и больше часов песок поглотил след... Этот остался, потому что сравнительно свеж. И заметь, остался в ложбине, где текучесть песка меньше.

— Попить бы не мешало, — пробурчал Бегичев.

— Пить будем через час, — отрезал сержант. — На вот кусочек соли... Легче станет.

Узоров протянул товарищу белый крупный кристалл.

— Обойдусь...

Сержант пристально взглянул в лицо Бегичева. Увидел обтянутые сухой кожей скулы, потрескавшиеся от солнца губы, глухим голосом мягко сказал:

— Придется потерпеть, Антоша. До ближайшего колодца пять часов пути. А мы не знаем, куда нас приведет след.

Теперь они шли вместе, соблюдая дистанцию в пять метров. Песок засасывал, словно трясина, горячими струйками сползал за голенища брезентовых сапог.

Небо превратилось в сплошное, низко нависшее над головой солнце.

Фляга на боку — искушение. Слышно, как в ней булькает вода. Через час это уже похоже на пытку. Один глоток воды! Всего только один глоток.

Антон отцепил фляжку, снял пробку. Бросил взгляд на идущего впереди сержанта и жадно припал к горлышку.

След уводил в сторону от колодца. Он странно петлял среди барханов, и Узоров злился, что не понимает намерений человека, обутого в каушн, бредущего по пустыне, словно по колхозному рынку.

— Что-то тут не так... — бормотал сержант, всматриваясь в отпечатки сильных и легких ног. Он уже давно радировал, что обнаружил след, и получил приказ преследовать неизвестного.

Нарушитель, если это только он, казался Узорову глупым и неопытным человеком. Похоже было, что он заблудился, и теперь метался по пескам в надежде найти воду.

Черепаху первым увидел Бегичев. Она лежала в

стороне от следа, сливаясь с желтизиой бархана. Аитои подошел к ней и дотроиулся до панциря. Черепаха ие шевельиулась.

«Интересио. Мертвая черепаха», — подумал Бегнчев н оклнкнул сержанта.

Узоров, увидев черепаху, вдруг устало опустился иа песок н ие спеша закурнл сигарету.

— Отдыхай... — зло бросил ои и скрипиул зубами.

Сержант долго молчал, разглядывая огромиую черепаху, потом тихо пробормотал:

— Оиа ие мертвая. Оиа спнт, Аитои... Так делает только одии человек в округе. Его зовут Сайфула. Ои уходит в пустыню собирать черепах. А чтобы ие тащить за собой тяжелый груз, кормит поймаиную черепаху травой, которая пропитаиа аиашей. Черепаха засыпает и остается иа месте. На обратиом пути ои собирает их в мешок.

— Но почему одии?.. И зачем ему черепахи? — спросил Бегнчев.

— Сайфула одииок, — поясиил сержаит, — черепахн — его ремесло. Он продает нх в зоопарки, в иититуты для опытов или просто как среднеазиатский сувеинр. Ловнт ои н змей. Двадцать лет как промышляет.

— Зиачнт, ложиый след...

— Возможио так, товарнщ Бегичев...

Узоров задумался. За пять лет службы на граиице Петр привык, размышляя, сопоставлять факты, аиализнровать нх со скрупулезной тщательностью. Сейчас его волиовала мысль — случаен лн выход Сайфулы в пустыню, совпадеиие ли это... Нарушнтель нсчез, а наутро в пустыию пошел Сайфула. Совпадеиие? Вполие может быть. А еслн преднамерениость... Нужио увидеть Сайфулу и поговорить с иим, посмотреть, сколько при ием воды. Что-то подозрительиое в том, что он уходит от колодца. Сержаит развериул рацию и достал сложеииый вчетверо лоскут выгоревшего брезеита.

— Аитои, сделай теиь...

Бегичев встал иад рацней н развернул брезеит.

— Ну что? — спроснл Аитои, когда Узоров закончнл сеаис н упаковал рацню.

— Будем иапрашиваться к Сайфуле в гостн. Угостим старика водой, если... если у него ее нет в избытке. Сайфула где-то рядом — его, оказывается, вндели с вертолета...

Сайфула иастороженно н насмешлнво смотрел на пограничников нз-под лохматой, иадвинутой на глаза папахн.

— Салам алейкум, — первым приветствовал старнка Узоров.

— Алейкум салам, иачальник, — спокойно ответил тот и жестом прнгласнл пограничнников к костру, над которым висел котелок.

— Шурпу варншь? — спросил сержаит.

— Угощайтесь... — сдержанно сказал старнк.

— Спаснбо. Мы гости нежданные и иеиадолго. Чужого ие встречал в пустыне?

Старик прнщурнлся, иетороплнво помешнвая варево в котелке.

— Нет, начальник...

Глядя на худое тоикое лнцо старнка, казалось, с навсегда застывшим насмешливым выраженнем маленькнх раскосых глаз, Петр подумал, что Сайфула знал, наверное, лучшие времена. Сейчас на нем был рваный, в сальных пятнах халат, подпоясанный веревкой. Тоикие длиные пальцы выглядывали нз рукавов.

— Как добыча? — спроснл сержаит.

— Слава аллаху, как всегда...

— Змеи? — кивнул Узоров иа пыльные чериые курджумы.

— Есть немиого...

— Вода нужиа?

— Спаснбо, начальник... Я миого ие пью...

Дым костра сузнл глаза говорнвшего.

— Черепах твоих видел. Спят...

Сайфула равнодушно кнвнул головой.

— Покажи, что поймал...

На лнце сержаита появилось почти мальчишеское любопытство.

Старнк нсподлобья внимательио взглянул на Узорова, в глазах иа мгновенье промелькиула ярость.

— Сам смотри. Гюрза не любнт, когда тревожат ее сон.

Не спуская глаз с Сайфулы, сержант подошел к курджумам. Поднял однн нз ннх, сделал двнженне, словно развязывал мешок.

Старнк бесстрастно помешивал варево в котелке. Легкая усмешка застыла иа его губах.

Узоров вернулся к костру.

— Как же ты нх ловишь, Сайфула?

Старнк кнвнул на длинную бамбуковую палку, расщеплеиную иа конце.

— Сделаю себе такую же, — сказал сержаит, — желаю удачн...

Сайфула встал, приложил рукн к грудн, вежлнво поклонился.

— Курджумы тяжелы. Сколько, по-твоему, весит одна змея, Антон?

— Килограмма два...

— Надо знать точно. В каждом курджуме килограммов по пятнадцать. Если прнинять твой счет, старик поймал пятнадцать змей, что маловероятно. И заметь, с такой тяжестью он петляет по пустыне, а не идет обратно домой. И вспомни — черепахн. Зачем усыплять черепах, их ему уже не унести. Через двенадцать часов оин проснутся. Сайфула знал, что по его следу пойдут...

— И от воды отказался... — сказал Бегнчев, дотронувшись до пустой фляжки.

— Вода... — задумчиво протянул Узоров. — С вертолета обшарили весь квадрат и, кроме Сайфулы, не обнаружили никого... Для кого же старик несет воду?..

— Что? — вскинулся Бегичев.

— В курджумах вода, Антон, — спокойно пояснил сержаит.

— Нужно задержать старика, — твердо сказал Бегичев.

— Это было бы слишком хорошо для нарушителя. И для Сайфулы тоже. Что ты докажешь? Что человек взял с собой в пустыню большой запас воды? Нам с тобой важно знать, где он оставит эту воду. И кто за ней придет...

Шагая по сыпучему склону бархана, Узоров думал о человеке, для которого Сайфула нес воду. Сержант понимал, что старик выполнял роль подвижного промежуточного колодца. Поэтому и обходил сторожевую башню. Он видел вертолет и догадывался, что колодец в башне может быть блокирован пограничниками.

На что теперь надеялся старик? Он должен понимать: мы не выпустим его из поля видимости. Куда он пойдет?

Узоров сделал небольшой крюк по пескам, выбрал самый высокий бархан и достал бинокль.

Сайфула все так же сидел у костра. Похоже было, что он молился.

Старик даже не погасил огня, и тонкая струйка дыма тянулась вверх, в летящий мрамор бледного раскаленного неба. Это было похоже на сигнал, на предупреждение об опасности.

Прошел час, но ничто не изменилось в позе старика, два раза он подбрасывал ветки саксаула в костер и застывал как изваяние.

Изменения произошли в пустыне. Потускнело солнце. Горизонт задернуло бурой пеленой. Внезапно закурились серой пылью гребни барханов. Словно глубокий вздох пронесся над песками, и зашуршали, зазмеились тысячи желтых ручьев.

Вскоре вершины барханов скрылись в тучах песка. Раскаленные песчинки яростно хлестали по лицу, но Узоров не опускал бинокля. Он встал, чтобы лучше видеть. На миг среди пышущей жаром мутной пелены ему удалось разглядеть поднявшегося с земли старика. Взвихренный страшной силой ветра песок заслонил фигуру Сайфулы и все вокруг.

— Он уходит, Антон... — прокричал сержант.

— Радируй в отряд, — скороговоркой выпалил Бегичев, — и пойдем следом.

— Нужно переждать бурю, — склонившись к товарищу, снова прокричал Узоров, — и сберечь рацию. Мы не знаем, сколько будет бушевать «афганец». Доберемся до старой кошары и там пересидим бурю. Кошара слева от нас в двух километрах...

Старая, заброшенная пастухами кошара открылась внезапно среди плотной жгучей мглы. Некогда обшитое кошмой и дранкой помещение являло собой грустное зрелище. Ветер продувал его насквозь, распахнутые ворота бились и скрипели в ржавых петлях.

Узоров захлопнул воротца и привязал их бечевкой к толстой жердине.

Бегичев привалился к стене, где меньше дуло, и, едва разлепив спекшиеся губы, пробормотал:

— Пить...

Сержант встряхнул его за плечи, нащупал пустую фляжку на поясе Антона. Молча отцепил свою, протянул товарищу.

Бегичев сделал большой глоток и, отвернувшись, возвратил фляжку.

Сержаит только смочил губы. Ои вспоминл слова Ермакова, сказаииые во время беседы перед поиском: «Сниоптики предсказывают песчаиую бурю. Держитесь ближе к строениям, нх у вас два — развалииы сторожевой башин н кошара. Укроетесь там в случае необходимости. И берегнте воду...»

Узоров нащупал упрятанную в раиец трехлитровую флягу — НЗ н тихоиько вздохнул. Хотелось пить, но больше хотелось смочнть нссечеииое песком лицо.

«Афгаиец» бушевал весь остаток дия н только к ночи затих. Кошару заиесло песком по самую крышу, и Узоров с Бегнчевым потратили целый час, чтобы выбраться на поверхность.

Огромиые лохматые звезды виселн над пустыией. Небо, яркое от звездиого свечення, соприкасаясь на горизоите с землей, виезапио обрывалось сплошиой темнотой. И только гребин барханов едва просматривались в этой чериоте да угрюмо поскрипывал саксаул.

Но так длнлось иедолго. Выкатившаяся луиа преобразнла пустыню. Бархаиы словио окрасились голубым цветом, потеряли свои коитуры н стали похожи иа присевшие легкие облака.

В этой прнзрачной голубизие все стало близким, невесомым, и Узорову на миг подумалось, что если попробовать сейчас бежать, то, пожалуй, можно оторваться от земли н полететь над песками.

Сержант слушал тишину. Что-то едва слышио шуршало, но в поле зреиня ннчто ие двигалось, н казалось, что это шуршнт луиа, плывущая в холодиом небе.

— Пошлн, — шепотом приказал Узоров, — и тихо...

Оии пересеклн гряду бархаиов и остановились пораженные. След темиел полукругом иа склоне песчаиого холма, как брошеииая веревка. Ои как бы прнглашал ндти за ним и был похож на вызов.

— Если бегом — догоиим, — возбужденно сказал Бегнчев.

Узоров молчал, вглядываясь в дорожку из следов. Человек прошел здесь час иазад. И это ие Сайфула. Сержаит достал складной метр и измерил отпечаток. Стопа шнре и длнниеи, чем у старнка. Обут в спортивные ботиики. А может быть, старнк смеиил обувь. Где же оии прятались от урагана? Неужелн в старом,

полуразрушенном колодце, на месте заметенного песками кишлака?

Никто в округе не знает так пустыню, как Сайфула.

След завораживал, неудержимо манил за барханы. Бегичев непонимающе смотрел на сержанта. Узоров же тщательно исследовал песок там, где не было и намека на след. Наконец удовлетворенно гмыкнул и поднялся с колен.

— Он его заметал, Антон... — негромко, словно самому себе, обронил сержант.

«Ему нужно, чтобы мы потеряли время. Мы пойдем по следу, и след этот будет временами исчезать. Щетка с тонким ворсом — вот чем орудует человек в ботинках. Он хочет, чтобы мы тыкались как слепые котята. Идти по заметенному следу все равно что ползти по пескам на животе. Хитрый, коварный враг. Где же Сайфула передал ему воду?»

Так размышлял Петр Узоров, вглядываясь в своего напарника, словно видел того впервые. Он дорого бы сейчас дал за то, чтобы знать, кто торочит этот фальшивый след — Сайфула или неизвестный.

— Антон, пойдем кругами, — сказал Узоров, — должен быть второй след. Будь внимателен и, главное, старайся идти тише. Ночью в пустыне каждый шорох за версту слышно. Встреча — за четвертым барханом.

Бегичев кивнул. Он давно привык подчиняться товарищу: знал и верил — Узоров опрометчивого, легкого решения не примет. Но как идти бесшумно, если ноги проваливаются по щиколотку в сыпучий, шуршащий песок? Как быть внимательным, если все ждешь, что вот с близкого гребня грохнет прицельный выстрел?

Впереди что-то заблестело, и Бегичев догадался, что выходит к шору — солончаку и что взблескивает в лунном свете соль. Он услышал лай шакалов, насторожился. Поискал глазами фигуру Узорова, не нашел и короткой перебежкой приблизился к солончаку. Шор нужно было обойти по кольцу. След на твердом грунте едва ли обнаружишь, на тонком же слое песка он должен прочитаться довольно четко.

Антон увидел отпечатки знакомых калушей, когда кончал осмотр песчаного кольца вокруг шора. Цепочка следов тянулась с направлением на северо-восток.

И опять след свежий, получасовой давности. Бегичев не сомневался, что след этот оставлен стариком.

Антон шел, низко согнувшись, зорко поглядывая вперед, держа автомат наизготовку. Внезапно ему показалось, что он увидел голову человека. Она мелькнула на гребне холма. Бегичев распластался на песке и медленно пополз вверх по гребню, оставляя так и не исчезнувшую голову слева от себя. Он перевалил через гребень и осторожно двинулся к черному предмету — теперь он не был уверен, что это голова человека, — маячащему на вершине бархана.

Когда подполз ближе, в призрачном свете луны разглядел кожаный туркменский курджум.

Он не раздумывал, когда рванул курджум с земли. А почувствовав тяжесть кожаного мешка и уверенный в том, что там вода, развязал сыромятную тесемку, перехватывавшую горло курджума.

Вероятно, он поступил правильно — пограничник обязан осмотреть найденный им предмет, тем более если он идет по следу. Бегичеву не хватило осторожности, может быть. Осторожности и опыта сержанта Узорова. Из мешка послышалось шипение, и показалась голова кобры. Черной молнией выбросилась она из курджума, злобно раскрыв пасть.

Антон, ошеломленный внезапным появлением змеи, отпрянул от мешка, вскинув перед собой автомат.

Бегичев стрелял в упор. Короткая очередь буквально срезала голову змеи. Черной лентой скользнула она к ногам Антона.

Узоров появился из-за бархана. Он хрипло дышал, бег по песку утомил его.

— Расчет на пограничную бдительность, — процедил сержант, увидев мертвую змею и раскрытый курджум.

Узоров снял со спины ранец и развернул рацию.

— Я радирую в отряд — пусть высылают «тревожную» в наш квадрат. И привезут воду. Мы теперь...

Он не договорил. Длинная автоматная очередь разорвала тишину пустыни. Пули с железным шорохом взбили песок у самых ног сержанта, жалобно звякнули о металл радиостанции.

— Ложись! — крикнул Узоров и скатился по склону к кустам саксаула.

Бегичев бросился следом. Новая очередь веером взбила песок впереди пограничников. Антон упал.

— Жив? — окликнул товарища Узоров.

— Живой...

— Стреляют слева, с гребня... Не давай пристреляться, открывай огонь. Я поддержу... Им важно расстрелять рацию...

Бегичев ударил из автомата по гребню. Узоров резанул короткой очередью на звук вражеского автомата и быстро пополз вверх по склону навстречу выстрелам.

— Прикрывай огнем! — успел крикнуть и замер, ткнувшись головой в песок. Пуля ударила в приклад автомата, рикошетом обожгла щеку.

Снова застучал автомат Бегичева. С гребня ответили длинной очередью. Узоров не шевелился.

— Петя, живой? — крикнул Бегичев.

Сержант молчал.

— Убили, сволочи...

Бегичев рванул к себе брезентовые ремни рации и вдруг увидел на металлической коробке два пулевых отверстия.

— Все, — прошептал солдат, — отработала...

Пограничник посмотрел на то место, где лежал Узоров. Сержант медленно полз вперед.

— Живой... живой же... — пробормотал Бегичев.

Он упер диск в коробку теперь уже бесполезной рации и прицельно ударил по самому гребню.

Узоров по-прежнему ползком достиг середины склона, взмахнул правой рукой. За гребнем вырос черный султан взрыва.

На песке лежали автоматные гильзы. От них тянулась цепочка следов, испятнанных чем-то темным.

— Он был один, — сказал Узоров, рассматривая углубление в песке.

— Теперь не уйдет, — не отрываясь от бинокля, отозвался Бегичев, — жаль рацию попортил. Сейчас в самый раз вертолет нужен.

— Он в радиостанцию и метил, — сказал Узоров, — в нас уже потом...

— Он ранен! — вскрикнул Бегичев, склонившись над следом.

— Вперед, — свистящим шепотом выдохнул Узоров, — я бегом. Если опять застрекочет — прикроешь огнем...

Оии увидели его в лощиие. Человек сидел, прислоиившись спииой к стволу одинокого саксаула, руки его сжимали автомат, голова безвольио свесилась иа плечо. Узоров узиал Сайфулу. Большое темное пятно расплылось иа знакомом рваном халате. Старик был мертв.

— Теперь иазад, — угрюмо приказал сержаит, — к следу, что ведет от солоичака...

Бегичев покачиулся и тяжело опустился иа песок. Кружилась голова, во всем теле ощущалась слабость.

Сержаит достал флягу с иеприкосновеииым запасом, отвиитил пробку, протянул товарищу.

— Пей, пока ие иапьешься, — сказал ои, — и умойся.

— А ты? — пробормотал Антои.

— И я тоже. Сейчас глупо беречь воду... Мы должны его достать... Понимаешь... достать. Ои иедалеко... три тысячи метров... не больше. Пей, Аитои, и вставай... Скоро деиь...

Оии шли иа восток, навстречу солицу. У иих уже не было воды. Им иужно было сделать четыре тысячи шагов, чтобы иастигиуть иарушителя. Связи с отрядом не существовало — сержаит оставил иеиужиую рацию и теперь шел иалегке.

На двоих три автоматных диска и одиа граиата. А след то исчезал, то появлялся в стороие от задаииого иаправления. Нарушитель двигался зигзагами, делал скоростные рывки там, где попадался такыр, и снова петлял, выигрывая время. Казалось, ему зачем-то нужеи яркий солиечный свет дня.

Узорова раздражала такая «неразумность» иеизвестиого. Имеиио иочью ои должеи был идти по прямой, сокращая путь к цели. Дием же обзор местности в бинокль увеличивается втрое, и им легче увидеть его. Здесь крылась какая-то загадка.

Небо смутно розовело. И вдруг яркий жгучий свет залил горизоит от края до края. Ночь была отброшена стремительиым, резким ударом солиечиых лучей.

Пустыия преобразилась Почти мгиовеиио из серо-голубой оиа стала желтой и далеко на востоке проступали иа ставшем шафрановым горизонте плоские и резко очерчениые, точно приклееииые к иебу, холмы.

— Мираж, что ли? — пробормотал Бегичев.

— Там, за холмами, горы, — тихо произнес Узоров, — «ои» идет туда, Аитон. И хорошо зиает дорогу.

Сержант вскинул к глазам бинокль. В окулярах поплыл знакомый пейзаж — гряды бесчисленных песчаных холмов.

Узоров вздрогнул и опустил бинокль. Потом снова поднес его к глазам. По дальнему бархану передвигалась длинная угловатая тень.

— Посмотри, Антон, — протянул сержант бинокль товарищу, — что-то у меня с глазами. Вижу тень, а от чего она, не вижу.

Бегичев взял бинокль.

— Тень... Я тоже вижу тень... Она передвигается! — вскрикнул пограничник.

— Может, облака... — неуверенно произнес Узоров.

Оба посмотрели на небо. Оно было чистым до самого горизонта.

— Теперь бегом, — приказал сержант, — на месте разберемся и с этим фокусом. Я по следу, ты — в обход. Маскируйся и действуй по обстановке. Сигнал — взрыв гранаты.

Узоров согнулся и быстро скользнул вперед. Ноги его сразу обрели легкость. Таким он был всегда в минуту напряженной погони или опасности.

Остановила его длинная автоматная очередь. Пули пропели высоко над головой, и Узоров догадался, что стреляют издалека.

«Хорошо, что «он» заметил мое движение. Это заставит его сконцентрировать внимание только на мне. Антон должен успеть. Только бы он успел», — думал сержант, продолжая бежать по самой кромке бархана.

Короткая очередь полыхнула откуда-то слева. Нарушитель сменил позицию. Еще одна очередь. Пули прошли теперь над самой головой.

«Пристрелялся». Узоров упал, быстро добрался до гребня, снял фуражку, положил козырьком к противнику и отполз в сторону. Старый прием. Но и верный. Сержант отполз еще дальше и укрылся за наметенным ветром взгорком.

Он взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут.

Снова короткая очередь, и фуражку будто ветром сдуло.

Сержант осторожно выглянул из укрытия. Каждый мускул был напряжен до предела. И тут он услышал звук, который словно вонзился в него. Левее того места, откуда нарушитель вел огонь, вырос султан взрыва.

Узоров резко вскочил и ринулся по склону прямо на тусклые вспышки выстрелов. На бегу он бил короткими очередями по гребню и, как ему казалось, быстро карабкался наверх. Справа стрекотал автомат Бегичева.

Внезапно выстрелы прекратились. В жгучем мареве, струившемся над раскаленными песками, вырос силуэт человека с поднятыми руками.

Вот уже можно разглядеть искрящийся на солнце длинный халат лазутчика и такого же цвета диковинный капюшон, закрывающий верхнюю часть лица неизвестного.

Они шли к нему с двух сторон: слева — Узоров, справа — Бегичев.

И вдруг словно сверкнула молния. Быстрым движением нарушитель выбросил правую руку в направлении сержанта. Сухо треснул выстрел. Пуля вырвала автомат из рук Узорова.

Стрелявший воспользовался мгновением, камнем упал на склон и покатился вниз.

— Стреляй в ноги! — закричал сержант, бросаясь вслед за нарушителем.

Бегичев зацепил врага первой же очередью, когда тот вскочил и снова вскинул руку с пистолетом.

Нарушитель обмяк и рухнул на песок. Подбежавший сержант ногой выбил из его рук пистолет, рванул из кармана браслеты-наручники. Он извлекал из воротника рубашки задержанного ампулу с ядом, когда подошел Бегичев.

— Ты ранил его в плечо, — сказал Узоров, доставая индивидуальный пакет, — нам просто повезло...

Он показал товарищу ампулу с ядом.

Узоров истратил на задержанного последний пакет с бинтами. И вдруг похлопал его по щекам.

— Хватит притворяться, вы уже пришли в себя, — негромко сказал сержант. — У вас дрожит правое веко. Вот это...

— Уберите руку, — хрипло выдавил тот и открыл глаза. Резким движением склонил голову и впился зубами в ворот рубашки.

— Скорпион... — брезгливо пробормотал Узоров и отступил на шаг.

Сержант внимательно разглядывал неизвестного. Тот был, пожалуй, по-восточному даже красив. Срос-

шнеся брови, волевой, хорошего рисуика подбородок, тоикий с горбиикой нос. И холодные, жестокие, с иеуловимым зрачком глаза.

Ои кого-то иапоминал Узорову, что-то знакомое было в хищиом изгибе надбровных дуг, в правильностн черт, во взгляде из-под полуприкрытых век. Стоило сержаиту взгляиуть на руки нарушнтеля с длиииыми фалаигамн пальцев, как он вспоминл изящиые, иесмотря иа старость, пальцы убитого Сайфулы.

— Сайфула — ваш отец? — быстро спросил Узоров. — Он убит... Это вы подвели его под наши пули... Родного отца...

Лицо задержанного нсказнлось, напряглись мышцы щек. Он обжег пограиичинков неиавидящнм взглядом, взмахиул скованиыми рукамн, пытаясь встать. Напряжение обессилило его. Ои затнх.

— Поимаешь теперь, почему ие обнаружили его с вертолета...

Узоров потрогал халат иа задержаниом. Он зашуршал шорохом песков.

— Чисто сработано, — отозвался Бегичев, — даже капюшон обклеили...

Ои распахиул халат — иа поясе задержанного плотно одна к другой виселн трн фляжкн.

— Вода, — прошептал пограиичник и отцепил одну фляжку.

— Мы не выпьем нн каплн, рядовой Бегичев, — сухо сказал Узоров и облизиул пересохшие, спекшнеся губы.

— Вода же...

Сержаит обнял товарнща за плечо.

— Нельзя, Антон... Понимать должен... Это его вода... Какая она, мы ие зиаем.

Бегичев ие видел, как сверкнули глаза задержанного, когда пограиичиик отцеплял фляжку. Нарушитель не мог сдержать волнения, мышцы лица его напряглись, вздрогнули руки.

«А еще говорят — восточные люди умеют скрывать свои чувства, — подумал Узоров. — Впрочем, все объясиимо. Он слишком много поставил на жажду. Последний шанс. В пустыне всегда хотят пить».

Сержаит прошел к тому месту, откуда последний раз стрелял нарушитель. На песке лежал новый автомат.

Узоров тщательио осмотрел нстоптанный песок с желтым иакрапом стреляиых гнльз. Его виимание прнвлек взблеснувшнй в лучах солица предмет в коице склоиа. Туда не вел след, н Узоров догадался — прежде чем встать н подиять рукн, иарушнтель что-то выброснл.

Сержаит осторожио спустнлся по склоиу н увидел полузасыпаниую песком плоскую металлическую коробку.

Узорову стало ясио, зачем задержаиный выбрал трудный путь в пески. Ему иужеи был безлюдный квадрат. Чериая коробка — геиератор помех. Сержаит видел подобные, когда заинмался на курсах радистов. Можно предположнть, что таких коробок у сына Сайфулы было несколько и настроеиы они иа разные частоты. Расчет на то, что одна из них совпадет с частотой приграиичиой радиолокациоииой стаицнн н выведет ее нз строя. Ведь радиус действия таких геиераторов не менее двухсот километров — тогда образуется корндор для иарушеиия граиицы по воздуху. Время иачала работы геиераторов и время перелета должны совпадать. Скорей всего это должио произойти ближайшей ночью.

Узоров тщательио осмотрел местность вокруг позицнн нарушителя, ио ничего больше ие обнаружнл и вернулся к задержанному.

Затем он отослал Антоиа за саксаулом. Нужио было разжечь костер н «сделать» дым. Летчикам легче будет нскать. Узоров твердо зиал — нх нщут с воздуха. Оин ие вышли на связь, н это встревожит Артюшииа.

Сержаит думал о Бегнчеве. Такие иужиы граиице. Опыт прнходит с годамн, мужество же впнтывают с молоком матери. Узоров вспомиил Антоиа иеуклюжим первогодком, ие умеющим чнтать след, бороться с жаждой, быть собраииым перед лнцом опасиости. Но было в этом пареньке спокойиое, медлнтельное упорство, глубоко спрятаииая виутренияя снла. И вот первая схватка с врагом. И не с дошлым контрабандистом, а с матерым, специально подготовлеииым агеитом. И в этой схватке родился пограничинк Бегичев.

Строгий судья Узоров. Не о каждом ои думает с затаеиной иежиостью.

Есть в Аитоие частица самого сержаита. Долгие месяцы ходнлн онн вместе в дозоры н секреты. Узоров отдавал товарнщу все, что зиал н накопнл за пять лет

службы. Однажды Бегичев спросил, почему он не демобилизуется, не уходит с заставы.

И строгий судья Узоров спросил самого себя: «Почему?» Тогда он сказал Антону о чувстве долга. И сейчас мог бы повторить то же самое.

На границе служат люди с особо обостренным чувством долга. От неширокой контрольно-следовой полосы начинается огромная, великая страна, первое в мире государство свободных, счастливых людей. И нет большей чести, чем та, что выпала ему, сержанту Узорову, — охранять мирный труд миллионов дорогих его сердцу людей.

— Пить... — услышал сержант. Неизвестный смотрел на пограничника ненавидящими глазами.

— Пить, — потребовал еще раз задержанный и шевельнул головой.

— Придется потерпеть, — жестко сказал Узоров.

Снятые с пояса фляжки рядком лежали на песке у костра.

— Вы не имеете права, — процедил задержанный, — это не гуманно — не дать напиться раненому...

— Не торопитесь умереть, — все так же жестко отрезал сержант, — вы нам нужны живым...

Он сказал это в надежде получить подтверждение своей уверенности в том, что вода отравлена.

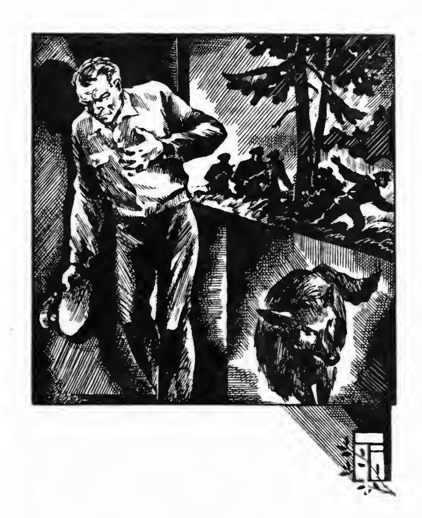
Неизвестный долго молчал, прикрыв веками красные от напряжения белки глаз. Казалось, снова потерял сознание. Внезапно он открыл глаза, внимательно и даже с любопытством посмотрел на сержанта. Тихо, с горечью произнес:

— На той стороне о таких, как вы, думают иначе. Теперь я знаю — они ошибаются...

Их обнаружили с воздуха на исходе дня. Бегичев и нарушитель границы лежали без сознания.

Узоров сидел у костра, по-восточному скрестив ноги, не в силах пошевельнуться. Перед ним лежали три фляжки с водой и под каждой — листок бумаги с единственным словом — «отравлено». Чуть в стороне лежала плоская металлическая коробка.

Борис СОПЕЛЬНЯК



Последний бросок

Опять эта ноющая боль под лопаткой. Потом она поднимется выше, станет нестерпимо острой. И не вздохнуть. Так было и в прошлый раз. Последнее, что запомнилось, — не вздохнуть... Надо спешить. Осторожно опустил ноги. Нащупал шлепанцы. Накинул пиджак. Нацепил фуражку.

«Ничего, ничего, — думал он. — Телефон в парадном. Спущусь, вызову «неотложку» — и наверх. Нет, не выйдет наверх: третий час ночи, лифт не работает. Ну и что, невелик барин, подожду машину внизу. А Тролль посторожит».

Кликнул собаку и вышел на лестницу. Не так уж высоко — пятый этаж, но ведь это сто ступенек! Осторожно, очень осторожно он начал спускаться. А рядом так же медленно шагала шотландская овчарка. И кто знает, кому было труднее. Ведь Тролль давным-давно ослеп. В молодости, правда, кое-что видел — человека или дерево мог различить, но попасть в дверь или прыгнуть через забор не удавалось. И все-таки Андрей Григорьевич с собакой не расстался. Пятнадцать лет работали в уголовном розыске майор Русаков и сыскная собака Тролль. Теперь на пенсии. Оба. И никого рядом.

На третьем этаже старик остановился.

«Проклятые шлепанцы, — чертыхнулся он. — Соскальзывают на каждом шагу». Попробовал вздохнуть поглубже, охнул и, царапая стену, сполз на ступеньки. Тролль подставил спину, и хозяин вцепился в его длинную шерсть. Перевел дух и прислонился к теплому боку собаки.

— Вот, брат, дела, — виновато сказал он. — Я сейчас... Я только...

Тролль сипел, дрожал от напряжения, но стоял. Он даже чуточку потянулся и лизнул хозяина в ухо. Тот понимающе улыбнулся:

— Ободряешь? Знаю, знаю, на тебя еще можно положиться. — И погладил его горбоносую морду. Пальцы наткнулись на рубец.

— Что это? — удивился он. — Откуда? — Потом вспомнил и даже повеселел: — Ведь это моя работа! Ты помнишь, Тролль, как мы познакомились? Помнишь? Тогда мы были молодые, сильные и чертовски упрямые.

Андрей Григорьевич прикрыл веки и увидел себя на берегу шумной мелкой речонки. Он приехал на переподготовку в Нальчикскую школу милиции. А до этого всю войну рыскал со своим Джульбарсом по следам фашистских диверсантов... В сорок седьмом недалеко от Ужгорода бандеровцы прошили Джульбарса из автомата. Надо было искать новую собаку и обучать ее всем премудростям трудного и опасного ремесла.

Почти месяц жил Русаков в школе, но собаку так и не подобрал. И не в привередливости дело. Просто он искал овчарку по своему характеру. Собаки ведь тоже разные бывают — и холерики, и сангвиники, и флегматики. Чаще всего это не только от природы, но и от хозяина. Если он тюха, гуляет и на ходу спит, значит, и собака несобранная, обвислая, не ходит, а волочит себя по земле. Если же хозяин быстрый, энергичный, то и собака навостренная, собранная; слово — и она летит выполнять приказание.

Тролль был единственной шотландской овчаркой в школе. Как он сюда попал, никто не имел представления; да и начальство это не интересовало — ведь все курсанты предпочитали восточно-европейских, или, как их называют, немецких овчарок.

Между тем Тролль демонстрировал чудеса собачьей образованности и злобы. Он отлично шел по следу, не боялся ни ножа, ни пистолета, но никому не позволял себя приручать. Это была собака войны. Конечно, можно было его пристрелить — и баста! Но уж очень способный был пес. Да и статей редких. Высокий, широкогрудый, с резко выступающей холкой — верные признаки огромной силы. Сухие мускулистые ноги с собранными в комок пальцами выдавали отличного бегуна. И это при весе в шестьдесят пять килограммов! А чего стоил редкий чепрачный окрас! Вообще-то Тролль светло-палевый, но черные лоснящиеся волосы, как большая попона — чепрак, покрывали переносицу, лоб, уши, шею, спину, бедра и верхнюю часть хвоста. Даже кончик носа был влажно-черным.

В дрессировке, а тем более передрессировке собак редко обходится без поединка. Если она хоть раз безнаказанно укусила проводника, то все время будет его рвать. Но если человек победит, пес запомнит это навсегда и смирится.

Русаков решил победить свирепого Тролля. Надел пару ватников, обмотал шарфом шею и пошел с ним на занятия. Поначалу все шло нормально: бегает по берегу, приносит брошенные предметы, ползает, прыгает. Потом отказался сесть. Русаков скомандовал раз, другой! Тролль взъерошил загривок, заворчал. И тут Русаков прозевал момент: по всем признакам перед броском Тролль должен был дернуть правым ухом — такая уж у него была привычка, а тут резко хлестнул себя хвостом и прыгнул на грудь. Устоять Русаков не смог. Но, падая, ударил ногой в живот. Врезал, как говорится, от души, но Тролль даже не взвизгнул.

В правой руке у Русакова был хлыст — хоть слабое, но все же оружие. Обезоружить противника — первая заповедь хорошей собаки. Тролль был хорошей собакой, поэтому сразу вцепился в запястье правой руки. Русаков успел отметить, что пес работает очень грамотно: мало того что хватает вооруженную руку, он хватает именно запястье. Ведь если в руке пистолет, а зубы будут на локте или предплечье, человеку ничего не стоит вывернуть кисть и выстрелить прямо в лоб. Два ватника не помогли: рывок — и кисть онемела.

Русаков лежал на спине и левой рукой что есть силы прижимал к груди голову собаки. Тролль рванулся — бесполезно. Тогда он уперся лапами в землю, напрягся и на мгновенье приподнял человека. А потом резко присел. Одновременно он дернулся назад — голова легко выскользнула.

— Молодчина! — крякнул Русаков и дунул прямо в раскрытую пасть. Тролль отпрянул и тут же получил удар в ухо. Клацнули зубы и клыки вонзились в ватник! А потом он начал «стричь», быстро-быстро перехватывая руку все выше и выше. Так он мог добраться и до горла.

Тут уже не до шуток. Русаков перевернулся на бок, и оба оказались в речке. Барахтаются, борются и так нахлебались, что чуть вообще не утонули. Выкатились на берег, а пасть — у самого горла. Тогда Русаков сам рванулся навстречу оскаленной морде и... укусил Трол-

ля. Вцепился в нос зубами и давай мотать из стороны в сторону. Как Тролль взвыл! Даже слезы выступили. Отпустил его Русаков, плюнул и пошел в школу. А сзади — Тролль: хвост поджал, уши обвисли, а в зубах — хлыст хозяина. С этого дня стал как шелковый; так и смотрит в глаза — приказывай, мол, мигом выполню.

Старик погладил рубец, потрепал уши и сказал:

— Помогай, друже... Не встать мне...

Тролль протиснулся между стеной и хозяином, лег, а когда тот навалился на спину, разогнул колченогие лапы. Русаков качнулся, вцепился в перила и медленно пошел вниз. На площадке второго этажа он привалился к двери и нащупал кнопку звонка. Нет, звонить не надо. Не так уж он плох, чтобы не добраться до телефона. А беспокоить людей среди ночи — тоже не дело.

Осталось всего сорок ступенек... На двадцать пятой зазвенело в ушах. Потом пульс перебрался в виски и торопливыми ударами принялся изнутри раскалывать череп. А когда Русаков почувствовал, что боль медленно поползла вверх, что грудь вот-вот разорвется от воздуха, который никак не выдохнуть, он решил использовать последнее средство. Русаков... тихо запел.

— Постелите мне степь, — шелестело на лестнице. Потом шаг... Другой... Остановка. — Занавесьте мне окна туманом. — Снова шаг. Снова остановка. И снова язык, который должен был вопить от боли, хрипел: — В изголовье повесьте... упавшую с неба звезду.

Любил Русаков эту песню. Очень любил. Но пел всего два раза в жизни. В сорок восьмом, преследуя бандеровскую банду, сам попал в их лапы. Повесить его решили утром. Тогда-то и запел Русаков. А ночью Тролль перегрыз горло часовому и сделал подкоп в сарай, где был заперт хозяин. Утром Русаков вернулся сюда с оперативной группой...

Через пять лет он снова цедил слова песни сквозь сжатые зубы. За одну ночь бандеровцы убили десять сельских активистов. Была среди них и Ганка. Русаков хоронил невесту и... вернувшись к себе, пел. Кой черт пел?! Разве можно сказать, что человек поет, если у него судорожно дергаются губы, если он так стискивает зубы, что, кажется, они вот-вот начнут крошиться?!

Песня это, молитва или клятва?.. Наверное, ни то, ни другое. Просто у каждого человека где-то за пределами сознания, за барьером возможного есть дополнительный запас сил. Самый последний. И когда он исчерпан, человек либо погибает, либо начинает жить сначала. С самого нуля.

Шаг за шагом приближался Русаков к телефону. Снял трубку — ни одного гудка. Так и есть: нутро аппарата выпотрошено. Русаков бросил трубку и выбрался на улицу. Он знал, в ста метрах от дома есть будка телефона-автомата. Знал он и другое: сил на эти сто метров хватит. Должно хватить! Не так уж он и мал, этот последний запас!

— Ничего, Тролль, не впервой... Что такое сто метров? Мы же бегали километров по сорок. Да еще по следу. А на финише — засада. Потому и дырок в нас считать не пересчитать. Откуда тут быть здоровью?.. У меня хоть ордена. А у тебя одни шрамы. И слепота не от старости... Дорогу к Ганке помнишь?.. Она хоть и приемная, а дочь хорошая. И внука назвала Андреем. Так что в случае чего беги к ней... Стоп! Скамейка.

Андрей Григорьевич хотел присесть, но никак не мог наклониться. Выручил Тролль. Он вскинулся на спинку и, держась за него, Русаков опустился на скамейку.

Банда была большая. Поэтому не рассеялась по лесу, а вступила в бой. Одного не учли бандеровцы: молодой лесник скрытыми тропами вывел в тыл роту автоматчиков... К вечеру от банды ничего не осталось. Но главари ушли.

Больше часа крутился Тролль вокруг хутора, и все же следа не взял.

— Когда начался бой? — спросил Русаков у командира.

— На рассвете... Часа в три.

— Тогда все ясно. Они ушли в самом начале боя.

— Почему?

— Тролль берет пятнадцатичасовой след. А сейчас шесть вечера. Значит, так... Здесь мы ничего не найдем. Единственный выход — рыскать вокруг хутора расширяющимися кругами, пока Тролль не возьмет след. Кстати, кто именно ушел?..

— Грицько и Бульба.

— Старые знакомые... Дай мне человек пять, только быстрых на ногу.

На третьем кругу Тролль аккуратно подобрал хвост, прижал уши и сел.

— Порядок! — обрадовался Русаков. — Теперь придется бежать. Перемотаем-ка, братцы, портянки. Начинается настоящая работа. Раз Тролль сел, боясь помять хвост, значит, след взят. Это уж точно. Видите, отвернулся в сторону — дает отдохнуть носу и ждет, когда я сниму поводок и ошейник. Не волнуйтесь, сломя голову он не помчится. Темп у Тролля давно отработан. Просто он любит работать самостоятельно, без подергиваний и понуканий.

Потом Русаков встал, передвинул пистолет на живот, потрепал Тролля и скомандовал:

— Вперед!

Собака повернулась к следу, отошла чуть влево, вправо и ходкой рысью побежала в чащу. Осенью в лесу всегда сыровато, собаке только это и нужно. В жару нос пересыхает, и чутье становится хуже. А в туман, после дождичка да еще в лесу — лучшего и желать не надо.

Тролль работал так называемым челночным методом: он все время рыскал вправо и влево от следа. Так он убивал сразу двух зайцев: во-первых, давал отдохнуть носу и, во-вторых, как бы поддразнивал сам себя: потерял след — найди. Ага, вышел на самый сильный запах. Фу, так и бьет по ноздрям! Можно чуточку уклониться.

Это, так сказать, профессорская работа. Большинство собак, взяв след, идут как по шнуру. В результате быстро устают, обоняние от перегрузки сдает, передние ноги подкашиваются, а шея, кажется, вот-вот отвалится. И все это оттого, что собака бежит, уткнувшись в след. А ведь впереди преступник, и он никогда не ждет с поднятыми руками. Он будет драться с яростью обреченного, он вооружен. Значит, собака должна не просто прийти к нему по следу, но прийти сильной и хитрой.

Тролль отлично это понимал и потому торопился не спеша. К тому же нельзя отрываться от хозяина. Без него преступника взять трудно, а бегун хозяин по сравнению с Троллем неважный. Поэтому Тролль предпочитал работать без поводка: вместо того чтобы тащить за

собой хозяииа и тратить на это силы, он бежал чуточку медлеииее, и только.

Ну вот, опять старый фокус. И почему люди решили, что если идти по воде, то собака потеряет след? А верхнее чутье иа что? Ведь запах человека держится ие только иа земле, ио и в воздухе. Если иет ветра, можно даже плыть по следу.

Тролль перебрался через речушку, потом долго шлепал по болоту. На бугорке ои покрутился у дерева, сел и стал ждать хозяииа.

У Русакова давио наступило второе дыхаиие, и бежал он легко, будто на треиировке. Автоматчики, правда, отстали. Но баидиты, судя по всему, далеко, так что можио и не ждать.

На бугорке Русаков остаиовился, вылил из сапог воду, отжал портяики и только после этого подозвал Тролля. Тот подошел с лукавой мордой заговорщика: одио ухо торчком, другое прижато, хвост трубой, зубы в оскале.

— Чего фиитишь? — усмехиулся Русаков. — Выкладывай.

Тролль сделал шаг иазад и сел.

— И в кого ты такой хитрющий? — крякиул Русаков и полез за сахаром.

Когда Тролль подошел ближе и открыл пасть, Русаков обмер: иа вздрагивающем языке лежала обгоревшая спичка и окурок.

— Молодец! — обрадовался Русаков. — Хорошо! Теперь им ие уйти. Это уж как пить дать!

Пробежали километра три и иаткиулись иа потухший костер. Головешки еще теплые... Когда подошли автоматчики, Русаков сказал:

— Теперь совсем близко. Я, кажется, поиял, почему мы их быстро догиали. За день можно было уйти черт зиает куда, а иам поиадобилось всего три часа. Так вот, главари в бою ие участвовали. Оии сидели в укрытии и следили за тем, как развиваются события на хуторе. К вечеру поияли, что баиде крышка. Тогда-то и дали ходу. Поэтому и Тролль идет так увереиио: след-то еще горячий... Часа через полтора догоним. Так что не отставать. И ие шуметь. Брать живьем.

Сиачала все шло нормальио. Тролль перемахивал овражки, переплывал речоики, протискивался сквозь завалы. И вдруг большая поляиа. Тролль сразу ото-

рвался от следа и пошел верхним чутьем — верный признак, что преступник близко. У раскидистого куста Тролль остановился. Уши прижаты, хвост полеиом, зубы в оскале, и мелко-мелко вздрагивают веки. По этим векам Русаков всегда узнавал, что Тролль готовится идти на задержание. А раз так — преступник в поле зреиия.

Окружить бы эту поляну, перекрыть отходы... Но автоматчики опять отстали. Жди их... А бандиты наверняка нас заметили и уж теперь-то драпанут во все лопатки.

Вдруг Русаков увидел человека, прыжком кинувшегося к толстенному буку.

— Твой! — шепнул он Троллю. — Фас! Только тихо!

Тролль прильнул к земле и пополз, огибая поляиу справа. Выждав минуту, Русаков пополз влево. Миновав открытое место, он достал пистолет, снял с предохранителя и шагнул к дереву.

Ба-бах! Справа грохнул выстрел. Русаков рванулся на звук, и в тот же миг прямо перед ним полыхнуло пламя. Пуля чиркнула по щеке. Падая, Русаков увидел чьи-то ноги, успел зацепить их рукой, и человек грохнулся наземь. Пистолет оказался под ним. Своей огромной тушей ои чуть ие расплющил руку. Во всяком случае, пальцы разжались, и Русаков оказался безоружным... Где-то у лица мелькиула борода, а иа лоб со свистом опускалась рукоятка «вальтера».

Русаков дернулся в сторону, и рукоятка уткнулась в землю. Рывок за бороду, коленом — под ребра, и бандит откатился к дереву. Всего мгновенье лежал ои вниз лицом, всего мгновенье не видел Русакова, но этого было достаточно, чтобы вскочить, подбросить себя вверх и каблуками сапог врезаться в кисть, сжимавшую «вальтер». Бульба, а это был ои, ойкиул, выпустил пистолет, ио тут же перевернулся через голову, вскочил и, петляя, бросился в кусты.

Русаков схватил пистолет. Прицелился. Мушка прыгала перед глазами, упираясь в спину бандита. Нет, в спину не годится. А в ноги не попасть. Надо успокоиться. Он глубоко вдохнул. Выдохнул. И мягко нажал на спуск... Бульба подпрыгнул, нелепо взбрыкиул ногой и шлепнулся в лужу.

Теперь вперед! Быстрее! Еще быстрее! Иначе будет

поздно. Живыми главари бандеровцев не сдаются. А этот тип нужен живой. Только живой. В лесах еще немало его дружков... Когда Русаков подбежал к Бульбе, тот тянулся к поясу, на котором висел кинжал.

— Нет, гад, зарезаться не дам! — крикнул Русаков и рванул его пояс.

Надо знать прочность широкого кожаного ремня, чтобы представить силу, которая могла бы его разорвать. Русаков далеко не богатырь, но в этом рывке была вся его ярость, вся ненависть к бандиту, от руки которого погибли многие десятки ни в чем не повинных людей.

Русаков связал Бульбе руки. Наложил жгут на простреленное бедро. Сел. Стер со щеки кровь. Потом вскочил и прямо через кусты бросился на другую сторону поляны.

«Первый выстрел прозвучал оттуда, — вспомнил Русаков. — Но если Тролль убит, почему Грицько не помог Бульбе?!»

Когда Русаков вырвался на крохотную лужайку, когда перепрыгнул через лужу крови, ползущую из-за поваленного дерева, он увидел два трупа. Далеко откинутая рука бандита... Пистолет... Неестественно вывернутая голова... На горле — сомкнутые клыки Тролля... А во лбу собаки дырочка от того единственного выстрела.

Русаков нагнулся. Попытался разжать зубы. Ничего не вышло — мертвая хватка. Пришлось вставлять рукоятку пистолета и буквально раздирать пасть собаки.

Русаков взял Тролля на руки: здоровенный пес стал удивительно легким, он как-то весь переломился и обвис на руках хозяина. Русаков вышел на поляну, опустил Тролля, положил его горбоносую голову на колени, достал платок, вытер кровь с зажмуренных век, обнял его заострившуюся морду и... заплакал. Нет, слез у Русакова не было. На собачью морду капала кровь с раненой щеки. Русаков вытирал кровь свою, вытирал сочившуюся из раны Тролля и без конца баюкал его простреленную голову.

Нет, никому и никогда не понять до конца состояние Русакова! Ведь собака для настоящего проводника — это не просто животное, это друг, это ребенок, это существо, преданность и верность которого не знает границ. Сколько вложено в такую собаку сил, ума и терпе-

иия! И сколько жертв пришлось прииести ради иее! Пустяк вроде бы — иакормить. Но ведь ии от кого другого, кроме хозяиина, оиа иичего ие возьмет. Так что, где бы ты ии был — в отпуске, комаидировке, иа собствеиной свадьбе или иа похороиах друга, два раза в день явись с бачком каши.

«В изголовье повесьте... упавшую с иеба звезду».

Бедиый Тролль, если б ты зиал, как часто твоему хозяииу хотелось вот так, как сейчас, взять твою голову, погладить, приласкать. Но ты — собака-солдат, и иикаких ласк тебе ие положеио.

На поляиу вышли автоматчики. Они поияли, что дело сделаио, и ие приставали с расспросами. Русаков в последиий раз погладил Тролля и дуиул в иоздри. Отпрянул! Сиова дуиул. Ноздри вздрогиули... и с шумом втяиули воздух! И какой воздух! Воздух, пахиувший хозяином! Что еще иужио собаке?! Шевельиулся коичик хвоста, шевельиулось похолодевшее сердце Русакова. Он вскочил и побежал делать носилки.

— Вот и отдохиули, — сказал старик и встал. Сделал шаг... Другой... Опять зазвеиело в ушах... В глазах запрыгали зайчики... Ои повернулся к скамейке... Потяиулся к спинке Не достал. И сполз иа землю.

Тролль почувствовал, что происходит что-то иеладиое. Такого с хозяииом иикогда ие было: идти ие может, дышит с хрипом. Тролль забеспокоился, суетливо забегал вокруг хозяиина, тявкиул. Но ои молчал. Лежал, уткиувшись в землю, и молчал.

Тролль лег рядом и, поскуливая, ловил редкое дыхаиие хозяиина. Потом взял его за плечо и осторожио переввериул на спииу. Тролль был слеп, ои ие видел запавших глаз и посииевших губ, ио всем своим иутром ои почуял: хозяину очеиь плохо. И тут в старой, больиой собаке просиулся решительиый и сильиый пес. Ои уже точио зиал, что иадо делать. Вспомиить бы только дорогу... Тролль лизиул хозяиина, схватил его фуражку и побежал.

Была мягкая летияя иочь. Еще ие засиули сторожа магазииов, еще сидели у подъездов дворники, еще бродили влюблеииые парочки — и все оии жались к подворотиям и шарахались в стороиу: посреди улицы, ие разбирая дороги, мчался огромиый лохматый пес.

Через три квартала он повернул иаправо... Потом налево... Остаиовился... Вериулся иазад и бросился в боковую улочку.

Знакомый двор. Запах сирени. Два прыжка через детскую площадку. Вот и скамейка у подъезда. Тролль уловил слабый запах хозяиина и другой, тоже хорошо зиакомый. Зиачит, иашел.

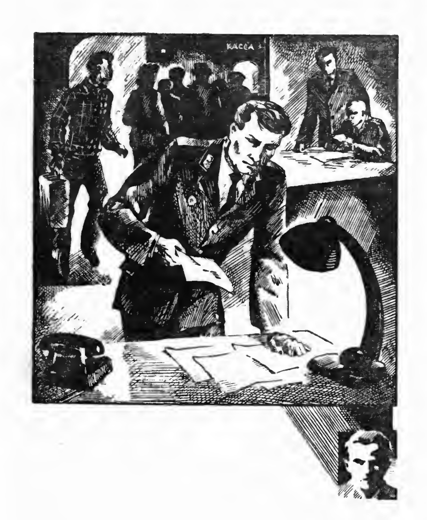
Тролль ринулся к двери, вскииулся, ударил лапами — иичего ие вышло, дверь открывалась иаружу. Попытался зацепить зубами или когтями — бесполезно.

Тогда Тролль обежал вокруг дома, иашел на первом этаже окно, из которого шел запах Гаики, и залаял. Залаял?.. Тролль ие узнал своего голоса. Вместо отрывистых, басовитых рыков вырывался какой-то сиплый хрип.

А время шло... В нескольких кварталах отсюда иа земле лежал хозяии, и ему нужно было помочь. Тролль же сидел, как будто ничего ие произошло, и пытался поиять, что случилось с голосом. Нет, так дело не пойдет! Он схватил фуражку, попятился назад, покрутил носом, примерился к иужиому окиу, разбежался и прыгнул. Раздался треск дерева, звои стекла, крики людей! Но Тролль уже ничего не слышал...

Была мягкая летняя иочь. Еще не заснули сторожа магазииов, еще сидели у подъездов двориики, еще бродили влюблеииые парочки — и все оии жались к подворотиям и шарахались в сторону: посреди улицы, не разбирая дороги, бежала молодая простоволосая жеищина. А в руке была зажата старенькая милицейская фуражка.

Леонид СЛОВИН



Дело без свидетелей

Денисов застал Кристиниииа в его кабинете, на Петровке, на четвертом этаже.

Здесь было, как всегда, по-казенному чисто и пусто. Чуть пузырилась в графине на столике вода, глупый тигр скалил со стены брезгливую, невыспавшуюся морду.

Капитаи милиции Кристинин сидел за столом и читал какие-то бумаги. Увидев Деиисова, он прищурил вместо приветствия один глаз и снова углубился в документы. Денисов осторожно вздохнул, сел в кресло у окна и стал ждать.

Время от времени в комиату без стука входили незиакомые Деиисову люди, брали со стола отпечатаиные иа ротаторе бумаги, читали и расписывались.

Коротко остриженииая, круглая голова Кристиниииа покоилась на подставлениых к подбородку кулаках. Это была его обычная рабочая поза, и Кристинии рассказывал как-то, что в школе ему часто попадало за нее от старого чудаковатого математика.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Кристиниин поднял голову и снова подмигнул на свой манер. Лицо у него было смуглое, живое, с тонкой смешинкой, словно он непрерывио вел какие-то веселые, известные ему одному наблюдеиия.

Пока Денисов ждал, вошел лейтеиант Губеико. Он ничуть не изменился за это время и выглядел таким же костлявым и угловатым.

— Денисов?! — удивился Губенко. — Каким ветром?! Ты где сейчас? — Он ревииво следил за продвижением по службе своих знакомых и, встречаясь с ними после долгого перерыва, заметио волновался.

— Все там же. На вокзале.

— Перешел в уголовный розыск?

— Нет, стою иа посту.

— Но ты ведь иа юрфак поступил?! — Губенко успокоился, и с этой мииуты его отношение к Денисову можно было снова иазывать теплым и даже дружеским. — Почему иа посту?! Ты кадровика своего

знаешь? Я, между прочим, хотел его спросить о тебе: мы двенадцатого вместе гражданский процесс сдавали... И забыл — понедельник, летучка, тут мне еще взносы собирать!

— Четверг, — уточнил Денисов, — двенадцатого в том месяце был четверг.

— Правильно, в понедельник я теорию сдавал. — Губенко удивленно покосился в его сторону.

— Все! — сказал Кристинин, подымаясь. — Можно отдавать печатать! — Он вышел из-за стола и остановился напротив Денисова. — Ну что нового? Дал Блохин какое-нибудь запутанное преступление?

— Дал! — Это и было тем главным, что привело Денисова в эту комнату. — Сначала не хотел, говорил, что сержанту не положено. А потом дал. Кражу чемодана у билетной кассы прошлым летом...

Губенко даже присвистнул.

— Лучше нераскрытое убийство. Подозреваемый есть?

— Никого, ни одного свидетеля. Потерпевшая ждала очереди за билетами, чемодан стоял сбоку. В деле один допрос, три постановления.

Врожденная тактичность не разрешала Денисову прямо попросить о помощи, он сидел и молчал.

— Как собираешься поступить? — спросил Кристинин. Денисов пожал плечами.

— Я бы отказался от такого добра. — Губенко поднял руку, и тонкий золотой поплавок на его пальце запрыгал по вьющейся шевелюре, как по волнам.

Зазвонил телефон.

— Вы ошиблись, — сказал Кристинин и положил трубку. — Эту кражу мог совершить любой вокзальный вор и даже карманник. Мы, между прочим, взяли в том году одного такого. В Верин день рождения — пятнадцатого сентября. В ГУМе.

— Это было в субботу, — подсчитал Денисов и неожиданно покраснел.

Кристинин внимательно посмотрел на него.

— Это трудно? Вот так, за прошлый год?

— Пустяки, сложно только переходить через десятилетия. А так ничего особенного.

— Денисов в своем репертуаре! — рассмеялся Губенко. — Ну что?! Пора, пожалуй, бежать. Ты заходи, может, что-нибудь придумаем?!

— На всякий случай я дам тебе адрес Дмитрия Ивановича, — сказал Кристинин, когда они остались одни. — В психологии карманного вора он разбирается отлично.

— Вот что: может быть, все-таки зря я попросил это дело? Рано мне?

— Ничего не рано! С нераскрытым делом всегда так.

В дверях кабинета неожиданно возник маленький запыхавшийся подполковник.

— Я только что от экспертов, Кристинин! Все прахом — ничего не подтвердилось! — Увидев Денисова, он выразительно замолчал.

Денисов поднялся.

— Я зайду после сессии, двадцатого.

До начала зимней сессии Денисов не успел заняться нераскрытым делом — не хватало времени. Положенное число часов складывалось в сутки, а там уже — не успеешь заметить — проходили недели.

С восьми до шестнадцати он нес службу в залах вокзала или на платформах — смотрел за порядком, не разрешал распивать водку в буфетах, объяснял, как проехать в ГУМ, ЦУМ, на Красную площадь, приводил к родителям заблудившихся детей, выслушивал, советовал, рапортовал. Сдав смену, тут же наскоро перекусив, ехал в читалку, переписывал конспекты, зубрил немецкий, мчался на семинарские занятия, а всю обратную дорогу домой в электричке читал учебник и только в самом конце пути, топая пешком от Бирюлева к поселку, мысленно возвращался к нераскрытому преступлению. Тут он начинал идти медленнее и тщательно контролировать мысли, которые никак не могли замкнуться в ограниченном Денисовым круге скучных фактов. Только увидев издалека, за деревьями, два ярко освещенных окна, Денисов давал себе команду «отбой» и с облегчением ускорял шаг.

Несколько раз, стоя на посту, он видел на вокзале старшего инспектора Блохина. Маленький, неразговорчивый, в коротком осеннем пальто и круглой непримятой шляпе, сменившей его привычную финскую меховую кепку, с газетой в руках, Блохин внезапно появлялся в проходе между скамьями, развертывал газету и поверх нее сосредоточенно, тяжело осматривал зал. Постояв

минут пятнадцать, он исчезал так же внезапно, как и появлялся.

С Денисовым Блохин не заговаривал и никогда не напоминал о нераскрытом преступлении, словно ожидая того дня, когда Денисов сам подойдет к нему и беспомощно разведет руками. В том, что такой день наступит, Блохин с самого начала не сомневался и, догадываясь об этом, Денисов нервничал и злился.

Несколько раз, улучив свободное время, Денисов подходил к кассе, у которой была совершена кража, становился в очередь, внимательно приглядывался к окружающему. Поверх голов ему был виден все тот же огромный, непроветренный зал для транзитных пассажиров, глухие стенки выстроенных буквой «П» автоматических камер хранения, остроконечные галстуки-регата на витрине киоска и люди, сидевшие как на стадионе, ровными рядами.

Сбоку от кассы, у колонны, обязательно стояли оставленные кем-то чемоданы, и каждый, кто, получив билет, пробирался спиною вперед из очереди, толкал их то в одну, то в другую сторону. Когда до окошечка оставалось человек пять, Денисов оставлял очередь и узким проходом, стараясь никого не задеть, шел к тяжелым стеклянным дверям, от которых тянуло морозным воздухом улицы.

«Я только что с экспертизы, — вспоминал он незнакомого маленького подполковника из МУРа, — ничего не подтвердилось — все прахом!»

От этих непривычных забот Денисов заметно побледнел и осунулся. Впрочем, свою первую в жизни сессию он сдал на «отлично».

Дмитрий Иванович, рекомендованный Кристининым как специалист по психологии карманных воров, жил в Химках — Ховрине, недалеко от метро, в одном из блочных домов.

Дверь Денисову открыл худенький мальчик, с белой, почти седой челкой и розовыми, как у поросенка, ушами. Не поздоровавшись, он тут же молча ушел в кухню.

Через минуту оттуда появился полный угрюмый человек в тапочках, пальто и шапке-ушанке. В руке он держал бидон из полиэтилена с красной крышечкой.

Денисов поспешил представиться.

— А-а! — беззвучно засмеялся Дмитрий Ивано-

вич. — Кристииииа я давио зиаю, когда он еще следователем работал. — Коротко кольнув Денисова маленькими светлыми глазкамн, он стал переобуваться. — По дороге поговорнм. Я за молоком собрался. А ну, пострел! — Это уже относилось к мальчику.

Дверь в кухню захлопнулась.

— Пошли!

Морозный деиь резанул по глазам неожнданио ярким светом.

— Ух ты! — зажмурился Дмитрий Иваиович. — Как сверкает! Я ведь сегодня на улнцу еще не выходил! Вот как отпуск догуливаю.

Деиисов в нескольких словах рассказал о своем деле.

Оии шли гуськом по тропнике между домами — впереди Дмитрий Ивановнч, за ним Деиисов. Дмитрию Ивановичу заметно льстил выбор Кристиннна, он помииутио останавливался, подробио расспрашнвая Денисова.

— У нее, у потерпевшей, кроме чемодана, наверное, еще сумочка была? Так?

— Была. Там двести рублей лежало.

— А как она ее держала, не расспрашнвалн? Какой стороной?

— Нет, это ие спрашивали...

Дмитрий Ивановнч чертыхнулся.

— Так... Теперь скажи мне, когда он чемодан взял, то как пошел от очереди — по ходу илн назад вернулся? — Разговаривая, Дмитрнй Ивановнч как-то страниo жестикулировал двумя длинными, торчащнми, как клешия, пальцами — указательным и средним, и Денисов, уже смутно догадывавшнйся о чем-то, ннкак не мог заставить себя не смотреть в их сторону.

— Пассажиры говорнлн, что иазад никто не возвращался.

— Значит, по ходу. Ну а когда из очереди оиа выходила с билетами, иикто в это время к кассе ие лез? Что-нибудь спросить или деньгн разменять?!

— Этого не было.

Незаметно для себя Денисов и Дмитрнй Иванович оказались в пустоватом помещении нового магазина. Не переставая разговаривать, Дмитрий Иванович встал к кассе, потом подал продавщице бидон. Купив молоко, онн повернулн к дому.

Заключение было категорическим.

— Чемодан брал не карманник. Тот бы в первую очередь сумочкой интересовался. Опять же, конечно, в какую сторону сумочка распахивается, когда замок бьешь. На тебя или на потерпевшую?! От этого многое зависит. И был он одиночка! Может, даже не воровать приходил, а польстился! — По лицу Дмитрия Ивановича бродила нагловатая непонятная ухмылочка. — Он двести бумаг, что в сумочке лежали, прямо из рук выпустил. Теплыми! А чемодан с тряпками взял! Скорее это фраер!

— Вы уверены? — спросил Денисов: злорадство и два бесстыдно выставленных вперед негнущихся пальца старого карманника вызвали в нем вдруг острую неприязнь.

— Новичок, точно, — лицо консультанта вдруг как-то сразу сникло и приобрело совершенно иное, суховатое выражение, — по глупости многое еще бывает. По себе знаю, да и Кристинин тебе, наверное, говорил — он меня три раза сажал, пока я сам к нему не пришел. «Хватит, — говорю, — начальник, больше не ворую. Помоги начать жизнь сначала». Сейчас уже семь лет на свободе.

Говорил в основном Кристинин. Он приехал на вокзал под вечер вместе с Губенко и был какой-то особенно возбужденный и отчаянно насмешливый.

— А мы в кино были! — еще здороваясь, объявил Кристинин. — Смотрели «Василису Прекрасную»! Розыск Горыныча! Участие общественности, мероприятия инициативного розыска! Рекомендую!

— Вы мне локтем чуть ребро не сломали во время сеанса! — улыбнулся Губенко.

— Боялся, опять что-нибудь упустишь! — Кристинин поднял глаза на Денисова. — Ну как с твоим делом?

— Кое-что есть. — Денисов взял Кристинина за рукав. — У нас из этого зала два выхода, но преступник мог выйти только через багажный двор, потому что здесь, у киоска, стоял как раз командир отделения, и милиционер ему сразу крикнул про кражу. Понимаете? Но и через двор вор не выходил. Туда побежала потерпевшая, а за нею милиционер, который крикнул командиру... Они бы обязательно увидели вора. Далеко он уйти не мог.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Губенко.

— Из зала вор с чемоданом не выходил.

Губенко издал короткий смешок.

— Он вошел в автоматическую камеру хранения: у него не было другого выхода. Когда его искали на улице, он был здесь, — Денисов кивнул на прямоугольник стальных ящиков в середине зала, — а потом, когда все улеглось, ушел...

— Разве у вас никто здесь не дежурит?

— Дежурный мог быть в глубине помещения. Здесь все решали секунды.

Все помолчали.

— Не так давно прочитал я книгу Штрома, — сказал Кристинин, натягивая перчатку, — исследователь устанавливает факты двухсотлетней давности. Он использует документы, о которых сегодня не всякий следователь вспомнит. Версия о том, что Радищев присутствовал в Москве на казни Пугачева, доказывается требованиями на выдачу подвод и лошадей. Проверяются архивы монастырей, описания личных библиотек, семейная переписка... Нужно искать архивы, старик! Я, правда, не знаю, есть ли архивы у этих ящиков. Ну что-то должно же быть?! Начни с работников камеры хранения, там всегда сидят очень симпатичные люди.

Особого расположения к себе со стороны работников камеры хранения Денисов не почувствовал, тем не менее ему вежливо ответили на все интересовавшие его вопросы. Потом заведующая, запахнув на себе широкое пальто, повела Денисова на склад, где лежали невостребованные вещи. У заведующей были прямые жесткие волосы, падавшие по обе стороны веснушчатого без бровей лица. Она разговаривала с Денисовым, не размыкая рта.

— Можете проверять.

На длинных деревянных стеллажах лежали вещи, а сбоку, на полу, — документация. Денисову раньше и в голову не приходило, что на вокзале скапливается такое количество утерянных вещей. Кроме сумочек, часов, фотоаппаратов, здесь были такие предметы, которые, казалось бы, вовсе трудно потерять — велосипеды, аккордеоны и даже один стол, новый, полированный, с густой паутиной черных прожилок.

— Неужели это все забытые?

— Других здесь не бывает, — заведующая видела в Денисове дотошного несимпатичного ревизора.

В окончательном виде версия Денисова выглядела простой и весьма логичной: забежав в автоматическую камеру хранения, преступник положил чемодан в одну из свободных ячеек и скрылся. Через несколько дней, когда все успокоилось, он спокойно унес чемодан домой.

В камере хранения почти всегда стоят несколько пассажиров, которые забыли номер ячейки, рассуждал Денисов, или набранный шифр. Они пишут заявления и ждут, пока дежурные откроют им ячейки ключом. Эти люди могли обратить внимание на вбежавшего, запыхавшегося человека с красным чемоданом, может, даже запомнить его. Оставалось только установить, кто обращался в тот день к дежурным по автокамере.

Теперь, глядя на все это оставленное владельцами богатство, Денисов подумал, что преступник мог тоже в спешке забыть набранный шифр, а потом не рискнуть прийти с заявлением. Тогда вещи потерпевшей должны быть здесь же, на стеллажах.

Обрисовав приметы похищенного, Денисов подошел к полкам.

— Майор Блохин уже искал этот чемодан, между прочим...

— Да? — Денисов смутился. — Тогда я посмотрю заявления за девятое июля прошлого года.

Заявлений было восемнадцать, все они начинались с отпечатанной жирным шрифтом фразы «ПРОШУ ВЫДАТЬ ВЕЩИ». В конце шла стандартная типографская строчка «ВЕЩИ ПОЛУЧИЛ СПОЛНА». Денисов аккуратно переписал фамилии заявителей, подумал и на всякий случай записал номера и серии паспортов. Потом вышел на платформу.

В привычной вокзальной суете он чувствовал себя свободнее, и она давно не казалась ему такой беспорядочной и бессмысленной, как в первые месяцы работы. На восьмой путь осаживали фирменный скорый, и с другого конца станции к нему уже тащился заснеженный электрокар с длинным хвостом почтовых контейнеров. За ним должны были подать другой — поменьше — для вагона-ресторана. К отправлявшейся электричке быстро, по морозцу, спешили женщины с обувной фабрики. Весело перекликались мороженщицы.

На крыльце отдела милиции Денисова встретил дежурный. Он был в отличном расположении духа и молча похлопывал ключами по голенищам своих разбухших, готовых лопнуть по швам сапог.

— Дождя на улице нет? — сострил гигант.

— Не знаете, как называется этот вокзал? — отыграл Денисов.

Майор Блохин сидел у себя в кабинете и что-то писал мелким неровным почерком, часто царапая бумагу. Увидев Денисова, он улыбнулся и поднял авторучку.

— Ну как дела? Рассказывай...

— Надо написать запросы пассажирам, которые обращались к дежурным. Может, кто-нибудь видел его.

— Не уловил...

Денисов стал излагать свою версию как можно короче и объективнее, чтобы старший инспектор не подумал, что он, Денисов, сам не замечает всех ее слабых сторон. Блохин понял все сразу, но перебивать не стал, хотя оставленный листок с маленькими угловатыми буковками ежеминутно напоминал о себе.

Наконец терпение Блохина иссякло.

— Теперь ты убедился, Денисов, что раскрыть преступление во много раз труднее, чем его не допустить?! Если каждый милиционер будет об этом помнить, знаешь, что будет?! А запросы... — Блохин усмехнулся, — клал ли преступник вещи в автокамеру?! Это же только догадки! А если и клал? Ты думаешь, кто-нибудь через полгода вспомнит, кого он видел в этой толчее...

— Но попытаться мы можем?!

— Нет, я с такими запросами к начальству не пойду. От своего имени берись, пожалуйста. А теперь извини — мне спецсообщение надо писать, — он снова придвинул к себе исписанный листок. — Будь здоров, заходи!

После ужина Денисов не спеша промыл в теплой воде авторучку, аккуратно расшил общую тетрадь, припасенную для конспектов, и взялся за запросы. Писал он долго, пока не приехала из техникума жена, и потом, когда она легла спать, поставив будильник на полшестого. Денисов написал всем восемнадцати пассажирам. От письма к письму стиль изложения улучшался сам собой, и два последних запроса он сочинил так здорово, что пришлось первые переписать заново. Подписывал свои запросы Денисов одной фамилией, без должности и звания, и просил ответить на отдел милиции.

Рано утром, опуская письма в почтовый ящик на вокзале, он чувствовал себя легко и празднично, будто с этой минуты всем мучавшим его заботам мгновенно наступал конец.

Первый ответ пришел уже через неделю.

«Уважаемый товарищ, — писал из Донецка незнакомый корреспондент (прямо-таки по Блохину!), — как видно из полученного мною письма, Вы считаете, что для человека, прибывшего на столичный вокзал, нет там ничего более важного, как примечать все за другими пассажирами!

...Однако, если вам это так необходимо, сообщаю, что свои вещи я клал примерно в 17 часов и получил в 21.45 и, конечно, никого не старался запомнить. С уважением...»

Денисов сам удивился тому, что тон письма его совсем не задел, тем более жаждал он теперь получить ответы на свои остальные запросы.

Несколько дней писем не было совсем, и Денисову все труднее было находить повод для посещения канцелярии. Потом пришло еще одно письмо, а вслед за ним сразу три. В течение недели Денисов получил девять писем, на остальные ответа так и не дождался и решил написать еще раз.

В одном из писем студент-рижанин прислал адрес своей подруги со станции Баскунчак, которая вместе с ним приходила получать вещи и могла чем-то помочь. Этой подруге Денисов послал запрос в тот же вечер.

Все корреспонденты никого из находившихся с ними в камере хранения людей не запомнили, а пожилая женщина, ездившая к внучке в Старый Оскол, посочувствовав Денисову, попросила узнать, можно ли в Москве купить готовальню У15-Л из латуни.

Эти дни, пока он ждал писем и пока они приходили, написанные незнакомыми почерками, со штемпелями далеких городов, были для Денисова особенно радостными, и он терялся, пытаясь объяснить жене причину этой радости.

— Дело, видимо, в том, — по-женски ставила все на свои полочки Лина, — что ты сейчас участвуешь в противоборстве с преступником. Между вами идет борьба...

— Какая же сейчас борьба? Он ничего не делает, пьет, гуляет, борюсь я один...

— Преступник сделал свой ход, теперь очередь твоя, как в шахматах...

Еще до того как пришел ответ на последний запрос, Денисов, поразмыслив, решил написать всем пассажирам, которые получали свои вещи через дежурных с девятого по тринадцатое число, — по инструкции вещи в камере хранения могут находиться пять дней, и преступник мог прийти за ними и на другой день, и на третий, и на пятый.

Письма шли теперь каждый день, и кто-то в отделе сострил, что сержанту Денисову пора обзавестись личным секретарем. А он ломал голову над тем, как еще расширить поиск людей, находившихся в день совершения преступления на вокзале.

Командир отделения Ниязов невольно навел его на счастливую мысль — в комнате матери и ребенка имелась книга с адресами пассажиров, медицинская комната вела свою регистрацию, аккуратно записывала всех обратившихся и касса возврата билетов. Должен же был кто-нибудь видеть преступника на вокзале!

«Когда я получал двенадцатого июля свой рюкзак в автокамере, — писал преподаватель труда вспомогательной школы из Жданова, — то вместе со мной писал заявление незнакомый молодой парень, на которого я обратил внимание. Ему выдали вещи передо мной — сумку и чемодан красного цвета, примерно такой, о каком Вы пишете. В сумке я случайно увидел несколько микрометров, штангель, резцы и что-то еще. В чемодане было дамское белье. Парень был выпивши и заявление написал так грязно и неразборчиво, что дежурный предложил ему написать новое. Парень отказался, сказал, что лучше не может. Дежурный хотел на него воздействовать, но многие из очереди поддержали парня — всем было некогда. Второй работник автокамеры тоже заступился за него, и между дежурными произошла небольшая ссора. В конце концов первый дежурный сказал: «Можешь выдавать сам! Я такой документ подшивать в папку не буду!» Второй дежурный спокойно выдал вещи, а заявление порвал и бросил под стол. Парень был лет двадцати пяти, одежды, конечно, не помню, черненький, со шрамом на шее».

За смену Денисов прочитал письмо несколько раз,

и каждый раз, перечитывая или только вспоминая о нем, начинал улыбаться.

«Самодовольный дурак, кретин! — спохватывался Денисов. — Чему ты радуешься? Задержал преступника? Или раскрыл преступление? Ты думаешь, что дежурные хранят все испорченные бланки с 1902 года, со дня постройки вокзала?!»

Денисов знал обоих работников камеры хранения, о которых писал учитель. Он мысленно представлял себе, как маленький дотошный Хорев, медлительный и вязкий, с вечно недокуренной дешевой сигарой, требует переписать заявление, а ленивый горластый Горелов, с крошечными белыми пятнышками на лице, которые он называет болезнью Витилиго, отмахивается от напарника: «Некогда бюрократизм разводить: люди на поезд спешат!»

И потому, что работники камеры хранения, в свою очередь, хорошо знали Денисова и его служебное положение, он решил, что разговаривать с ними должен сотрудник вовсе им неизвестный. Несколько раз Денисов звонил Кристинину, но не заставал его на месте, не было Кристинина и в конце рабочего дня, поздно вечером, когда Денисов наконец сдал смену.

В электричке, по дороге домой, он снова прочитал письмо, теперь оно только встревожило его, не вызвав никакого удовлетворения. «Почему я решил, что речь идет именно о моем чемодане? И как найти человека по шраму на шее?!»

Приехав на станцию, Денисов не удержался и зашел в проходную кирпичного завода, чтобы еще раз позвонить Кристинину. Было уже начало первого часа.

— Сейчас телефон освободится и звони сколько надо, — махнул рукой вахтер, старый милицейский отставник, провожая Денисова в караулку.

За столом, склонившись к самому аппарату, сидела молоденькая женщина в черном халате. Свободной рукой она скручивала и тут же выпрямляла телефонный шнур.

— ... Так вы всю свою жизнь проспите, — разговор шел, видимо, давно, и все точки над «и» были уже поставлены, — в пятницу тоже никуда не ходили?! Не может быть!

— Ты, девушка, бери быка за рога, — посоветовал ей отставник, — а то человеку позвонить надо!

— ...Товарищи ваши были в клубе... Рыженький такой был, который тогда в гармошку играл... Он почему-то холода не боится! — Денисов решил, что она разговаривает с солдатом, заступившим дежурить на коммутаторе. — А в крайнем случае я могу вам валенки принесть!

— Вот уже сорок минут разговаривает! Мне что?! По мне, хоть всю ночь звони, но когда человек по делу должен... — Денисов дернул вахтера за шинель, и тот умолк.

Ровно гудел за стеной кирпичный завод, чуть жужжали под потолком лампы дневного света, и молоденькая работница в сапогах на босу ногу и в испачканном глиной халате безнадежно и неумело расставляла свои нехитрые сети. Денисов не заметил, как задремал.

— Звони, — разбудил его вахтер.

— Как у нее? Договорились?

— Второе уж дежурство звонит, да все глухо. Без пользы делу!

Денисов набрал номер и на секунду затаил дыхание. Внезапно очень близко он услышал знакомый громкий голос.

— Слушает Кристинин.

— Алло?! Кристинин? — еще не веря, закричал в трубку Денисов. — У меня интересные новости! Алло! Это Кристинин?

— Это я, если будет на то воля аллаха. — Кристинин любил цитировать Насреддина.

Перебивая себя, Денисов рассказал о письме, о дежурных, закончил он тем, что полностью зачитал письмо учителя из Жданова вслух.

— Хорошо. На Хорева мы напустим Губенко. Они найдут общий язык. А сейчас давай домой и ни о чем не думай.

— Спокойной ночи!

Через лес к поселку Денисов шел не торопясь, заложив руки в карманы, как на прогулке, полностью отдавшись вдруг возникшему в нем чувству спокойной уверенности.

Денисов увидел Губенко на крыльце. Лейтенант стоял, как всегда, независимый, худой. В руке он держал новенький, словно сейчас из магазина, импортный портфель-саквояж.

— Здравствуй, Денисов! — он подал горстку длинных холодных пальцев. — Где здесь у вас можно переговорить? Теснота такая! Как вы тут работаете? — Губенко не умел быть приятным.

— Пойдем к носильщикам. Здесь рядом!

Они вошли в небольшую комнату с геранью на подоконниках и длинными скамьями вдоль стен. Губенко достал из кармана старую газету, постелил на скамью.

— Ну вот, — сказал Губенко, — я уже разговаривал с Хоревым. Кстати, в нем ничего от зануды. Спокойный человек, может, чересчур педантичен...

— Что он тебе сказал?

— Он вспомнил все обстоятельства того дня. Как я понял из его рассказа, второй ваш дежурный... Горелов? Безответственная личность...

— Хорев помнит приметы преступника?

— Он в тот же день написал служебную записку. Там есть и фамилия и имя этого парня. Отчества нет.

— Не Смирнов Николай?! — спросил Денисов, леденея при мысли о сотнях людей, среди которых придется искать подозреваемого.

— Николай! Но не Смирнов, а Суждин, — разговаривая, Губенко вынул из кармана капроновую щеточку и стал не спеша протирать свой и без того чистый саквояж.

— Сколько же их в Москве, Суждиных?

— По адресному бюро всего двое, но один уже отпал. Второй живет по вашей дороге. Мы можем к нему поехать. Я разговаривал с полковником и просил дать тебя мне в помощь. Правда, я не сказал, что еду по вашему делу. Ничего? Так что переодевайся.

— Ты... Ты... — не находя слов, схватил его Денисов за руку. — Ты просто молодец!

— Ерунда, — Губенко чуть покраснел. — Тебе сколько нужно времени, чтобы переодеться?

— В общежитие побегу... Здесь рядом.

Заснеженный поселок, куда они приехали через несколько часов, в Москве обычно вспоминают лишь с наступлением грибного сезона. Губенко так и подмывало расспросить о грибах инспектора местного отделения, но молодцеватый, подтянутый младший лейтенант разговаривал с ними сдержанно, чуть-чуть свысока.

— Суждин?! — удивился он. — Знаю такого. Ничего за ним раньше не замечалось.

— Не помните, у него шрамика нет на шее? — спросил Денисов.

— Можно узнать: он здесь рядом живет. Мне все равно там паспортный режим проверять! — Младший лейтенант поправил галстук и провел рукой по значкам на кителе.

Перед тем как зайти к Суждиным, инспектор «для конспирации» решил проверить паспортный режим на всей улице. Втроем это делалось быстрее, а отказаться Денисову и Губенко было неудобно. Поэтому к Суждиным они попали только через час.

Дверь открыл темноволосый мальчуган лет двенадцати, и тут же, вслед за ним, в дверях показалась его бабка — высокая старуха с поджатыми синими губами и острым взглядом. Ей было не меньше семидесяти.

— Кто, значит, еще здесь живет? — нарочито бодро спросил инспектор, беря домовую книгу.

— Внук, Николай, он в райцентре работает, на предприятии...

— Слесарем, — вклинился в разговор мальчуган, — а раньше в Москве работал...

— Что-то я его не помню! — в тон младшему лейтенанту сказал Губенко. — Какой он из себя? У вас фотокарточки нет?

— Витя, — скомандовала старая женщина, — где у нас Колины фотографии? Кажись, в комоде...

Внук вытащил на стол большой черный конверт с фотографиями и выгреб их оттуда на стол.

— А-а! — сказал наобум инспектор. — Знаю его! У него еще шрамик вот здесь, — и он провел рукой по шее.

— Это у него от ожога, — кивнула старуха.

— Так, так... А участковый часто к вам заходит? — под пристальным, проницательным взглядом старухи приглядываться к фотографиям было неудобно, да и не имело особого смысла.

Внезапно Денисов почувствовал, что Губенко тихо постукивает его носком ботинка по ноге, обращая внимание на что-то, чего он, Денисов, еще не замечает. Денисов осмотрелся, но ничего не увидел. Губенко продолжал свое тихое постукивание, пока Денисов не обратил внимания на маленькую фотографию, белевшую на полу, около стола. Улучив минуту, Денисов поднял ее и положил в карман. Потом они быстро распрощались с

хозяевами и, не переводя дыхания, молча прошли шесть домов до конца улицы.

За углом остановились.

— Он, — сказал Губенко, — все подходит: шрамик, слесарь, в Москве работал...

— Когда брать будете? — спросил инспектор, смягчаясь.

— Сначала предъявим фотокарточку.

Инспектор долго молчал, а когда подошли к автобусной станции, сказал на прощанье:

— Давайте в конце лета к нам за грибами! Здесь их навалом!

— Предварительно созвонимся, — пообещал Губенко, вытащил из портфеля изрядно потрепанную записную книжку и записал младшего лейтенанта на «г» — «грибы».

После этого они распрощались и еще долго ждали автобуса на Москву.

Здесь, под тонким деревянным навесом, Денисов вынул фотографию, посмотрел и показал Губенко: с квадратика глянцевой бумаги уверенно смотрел их противник — прилизанный молодой человек с удлиненным разрезом глаз и пробивающимися редкими черными усиками.

Старший инспектор Блохин выслушал Денисова не перебивая, отложив напрочь в сторону все другие дела. Потом вызвал фотографа.

— Десяток репродукций с этой фотокарточки, срочно...

— У меня, товарищ капитан, пленка только что заряжена...

— Ничего, отрежешь! — Маленькие черные брови Блохина сошлись углом. — Ты, Денисов, сейчас иди на пост, а когда я вызову, придешь с дежурными по автокамере. Учителю мы направим фото на опознание телеграфом.

Денисов хотел еще что-то спросить, но Блохин загремел ключами от сейфа, готовясь уходить.

Примерно в двадцать часов динамики разнесли по всем платформам и залам:

«Сержант Денисов, зайдите в отдел милиции! Повторяю...»

— Разрешите?

Кроме Блохина, в кабинете находились Горелов, Хорев и следователь Алтухов, молодой, но уже оплывший жирком человек, с редкими рыжеватыми волосами и большим лбом. Сбоку сидели понятые.

— Сейчас предъявим фотографии на опознание. Пригласите сначала свидетеля Хорева.

На плотном ватмане протокола были наклеены три фотографии, украшенные по углам сургучными печатями. Фотография Суждина была в ряду третьей.

— Товарищ Хорев, — Алтухов сложил короткие руки на животе, — я вас предупреждаю об ответственности... Говорить нужно правду, и только правду...

Маленький Хорев дрожащими руками достал очки, надел их, потом вытащил из кармана носовой платок и шумно высморкался. Проделав это, он низко склонился над протоколом. Денисов отвернулся к окну и так, стоя спиной к Хореву, услышал его ответ:

— Здесь нету!

— Посмотрите получше, — строго сказал Блохин, но Хорев уже прятал очки в карман.

— Нету — я бы сказал!

— Горелов!

— Здравствуйте, товарищ начальник! — еще с порога развязно гаркнул Горелов и скользнул глазами по протоколу. На этом бланке фотокарточка Суждина была первой.

— Ну? — спросил Блохин.

Горелов покачал головой.

— Не в цвет! Ни один не похож!

Следователь отпустил обоих дежурных, простился с понятыми и, складывая протоколы в папку, стал расспрашивать Блохина о последнем служебном занятии, на которое сам он не смог попасть. Блохин рассказывал сначала скупо и нехотя, потом все более и более увлекаясь.

Денисов ждал нареканий в связи с напрасно затраченным временем, но их не было, и самого Денисова словно не было тоже.

— А Кузякин, веришь ли, стоит, глазами хлопает! Хотя бы записи вынул...

Денисов тихо прикрыл дверь и медленно побрел на платформу. В руке он сжимал неизвестно как вернувшуюся к нему фотокарточку Суждина. Темнело. Шел

мокрый снег и тут же таял на платформе. У табло с расписанием поездов чернела толпа пассажиров, со скребками и лопатами в руках тянулись к раздевалке носильщики.

От девушек из справочного бюро Денисов позвонил Кристинину и как можно спокойнее объяснил, что произошло.

Кристинин помолчал немного на другом конце провода, потом спросил:

— Ты в субботу работаешь?

— Выходной.

— Тогда будь в девять на кольцевой. Там, куда я однажды тебя подвозил. Помнишь?

День обещал быть солнечным и, несмотря на утренний мороз, в воздухе ощущалась тонкая свежесть приближающейся весны.

Ждать пришлось недолго. Кристинин сидел за рулем без шапки, как всегда чуть-чуть щеголеватый, с непроходящими следами на лице каких-то известных ему одному забот и увлечений. Подъезжая, он приветственно махнул Денисову рукой в перчатке.

— Здравствуйте! Что нового? — спросил Денисов.

— Сначала о твоем деле, — езда доставляла Кристинину истинное удовольствие, он радовался машине как мальчншка, впервые севший за руль. — Еслн Хорев не спутал фамилию, то вы с Губенко установили, видимо, того самого — единственного Суждина, который получил из автокамеры чемодан. Но тогда я не понимаю, почему дежурные его не опознали.

— Ну вот! И шрам на шее с той же стороны! — обрадовался Деннсов. — Заметьте, жил в Москве на квартнре, субботу и воскресенье проводил дома. Поэтому взял вещи из автокамеры в пятницу, когда уезжал в поселок прямо с работы. А инструменты, микрометры?! Это же по его специальности!

— Выходит, что кражу совершил не гастролер и не рецидивист?!

— Мне Дмитрий Иванович, ваш консультант — помните? — сразу сказал, что это новичок.

— Посмотрнм. Мы правильно едем?

— К Суждину?!

— Да, в поселок, но сначала в отделение милиции.

— Правильно, — Денисов погладнл ладонью бро-

шенную на сиденье мохнатую пыжиковую шапку Кристинина, хотел что-то еще сказать, но промолчал.

Завидев машину с московским номером, подъезжавшую к отделению, дежурный вышел на крыльцо и откозырял.

— Начальник у себя? — спросил Кристинин, показывая удостоверение.

— Начальник отделения в районе, — ответил дежурный.

— Если мы привезем к вам одного человека, кабинет для нас найдется?

— Места хватит.

— Денисов, — сказал Кристинин, садясь в машину, — показывай дорогу.

Проехали они мало: машину вскоре пришлось оставить на шоссе и дальше идти пешком.

— Вон их дом! — кивнул Денисов.

Во дворе перед террасой колол дрова молодой высокий парень в телогрейке, наброшенной поверх белой нейлоновой сорочки. Он оглянулся на прохожих и снова принялся за топор. Денисов заметил, что в жизни Суждин был моложе и тоньше, чем на фотографии, и носил другую прическу. Уже знакомые Денисову бабка с мальчишкой носили колотые дрова на террасу. Кристинин остановился, положил локти на штакетник и, не говоря ни слова, стал наблюдать за работой. Парень снова оглянулся, но ничего не сказал. И это было странно.

Суждин колол дрова, а Кристинин и Денисов наблюдали за ним. Когда был разрублен последний кряж, Кристинин поднял голову.

— Суждин? Николай? Нам с тобою нужно поговорить. Иди сюда!

Суждин ни о чем не спросил, положил топор и вышел за калитку. Старуха посмотрела ему вслед, потом подняла топор и внесла на террасу. Она узнала Денисова, но не показала виду. Кристинин, не оборачиваясь, пошел к машине, за ним так же молча потянулись Суждин и Денисов.

— Тишина здесь такая! — сказал Кристинин, садясь за руль. — Только на санях и ездить.

— Далеко поедем? — спросил Суждин.

— В отделение.

В милицейском доме было так же тихо и пустынно. Дежурный провел их через полутемный коридор в не-

большую, жарко натопленную комнату за деревянной перегородкой. Денисов нервничал. Суждин ждал.

— Вы поговорите здесь, — сказал Кристинин. — Я хочу кое о чем спросить у дежурного.

Секунды потянулись мучительно долго.

— Ты в армии был? — спросил Денисов.

— Был.

— Так... — он вынул из кармана конверт, в котором носил записи, относившиеся к краже, затем вытащил смятую бумажку — бланк заявления на имя заведующего автокамерой. Суждин покраснел: издалека он не мог разобрать, чьей рукой заполнен бланк, но набранные типографским шрифтом слова «ЗАЯВЛЕНИЕ» и «ВЕЩИ ПОЛУЧИЛ СПОЛНА» он видел.

— Как же это получилось? — спросил Денисов.

Суждин сидел не шелохнувшись.

Вошел Кристинин, по-хозяйски переставил стул ближе к Суждину, сел.

— Как же это получилось? — повторил Денисов.

Суждин молчал, но для опытного работника МУРа молчание было достаточно красноречивым.

— Можешь все отрицать, — сказал Кристинин, — я знал людей, которые этим гордились в тюрьме. А потом в колонии. Это были не очень умные люди...

При упоминании о колонии Суждин сделал нетерпеливое движение рукой.

— ...Бабка мне сказала, что вы приезжали... Я знал. — Суждин совсем не напоминал прилизанного молодого юнца, изображенного на фотографии, у него было бледное, чуть асимметричное лицо и больные тоскливые глаза. — Я в тот день увольнялся с завода. Приехал перед работой на вокзал, чтобы положить сумку в автокамеру. На завод ее нести нельзя было — там у меня резцы лежали, штангели... Я их с работы унес. А когда сумку сдал, время еще было — идти некуда. Выпил там, на вокзале, с одним и пошел бродить по залу... Этот чемодан — будь он проклят! — он ведь с полчаса стоял ничейный.

— Зачем тебе были нужны резцы? — спросил Денисов.

Суждин поднял на него тоскливые глаза.

— Я сюда в РТС переходил, тут с инструментами туго.

— Вещи из чемодана продал?

— Ничего себе не взял, все цело. Так в чемодане и лежат, вы увидите! За поленницей, в сарае...

— Зачем же ты пришел за вещами в камеру?

— Хотел отослать. Думал, адрес в чемодане.

— Наверное, уже все сгнило...

— Пишите, — Кристинин пододвинул стопку белой бумаги. — «Заявление. Хочу рассказать органам милиции»... Дальше изложите сами...

Суждин странно зашмыгал носом и взялся за перо. Кристинин с Денисовым вышли в соседнюю комнату.

— Надо же! — сказал Кристинин. — Среди ста двадцати тысяч пассажиров на вокзале найти одного! Ничем не приметного! Больше чем через полгода!

Денисов незаметно перевел дух.

На гулкой деревянной лестнице внизу послышались шаги. Вошли двое.

— МУР есть МУР! Зря не приедет! — провозгласил еще с порога шедший впереди — полный, страдающий одышкой, в форме майора. Он словно обращался к большой невидимой аудитории. — Не та фирма! Вот у кого следует учиться! Слышишь, зам по оперативной части?

Второй, неулыбчивый, в штатском, спросил:

— Как вам удалось его найти? Через скупочный магазин? Или оперативные данные?

— Ни то, ни другое. Воспроизведение обстоятельств совершения кражи.

Денисов вошел в кабинет, где писал объяснение задержанный, взял со стола забытый конверт со своими записями. Суждин на минуту поднял голову, увидел выпавшую фотографию.

— А как это к вам попало? — удивился он. — Это ведь мой друг, мы с ним вместе в армии служили!

Денисов смутился.

Между тем в соседней комнате профессиональные работники розыска анализировали метод, каким было раскрыто преступление. Они судили действия сержанта строго, без скидки на неопытность.

Денисов старался не прислушиваться к разговору за дощатой перегородкой и в то же время не мог не волноваться, как ученик, представивший на суд знатоков первую самостоятельную работу.

Юрий УСЫЧЕНКО

Прозрение

1

В один из дней ранней осени 1946 года Богданна Багрий сидела в чайной села, длинные порядки хат которого вытянулись вдоль шоссе Львов — Дрогобыч. Чайная — маленькая комната с одним окном, грязноватая, оклеенная линялыми обоями. Кроме Богданны, был почтальон с сумкой, «вуйко» — пожилой крестьянин в шляпе, молча потягивающий трубку, да трое проезжих, чей грузовик девушка видела у чайной, когда входила. Они остановились перекусить: вытаскивали из общего солдатского мешка всякие припасы. Занимался этим делом худощавый однорукий мужчина, ловко раскладывая на столе сало, домашней выпечки хлеб.

Лаконично спросил:

— Пол-литра?

— А не много ли, Стефан? — усомнился второй — в потертой кожаной куртке.

— По сто мало, по двести много, выпьем по сто пятьдесят, — пошутил третий. Он был высокого роста, пышноус, с черным чубом.

Стефан возразил что-то, но Богданна перестала прислушиваться к разговору. Человек, которого она ждала, должен вот-вот появиться. Он подойдет к стойке, попросит три пачки «Махорковых» и коробку спичек. Купив сигареты и спички, уйдет. Минут через пять Богданне надо выйти, направиться налево по шоссе. Он будет ждать ее, она отдаст ему деньги и записку, которые у нее в кармане. После этого надо на попутной машине вернуться в город, доложить отцу Иваньо о сделанном. Вот и все.

Богданна украдкой поглядела на часы. Он опаздывает. На целых пятнадцать минут. Девушка лишь начинала принимать участие в конспиративных делах, но понимала: тут нужна точность.

Уж не случилось ли чего?

Опасения оказались напрасными. Распахнулась

дверь, появился дюжий детина в длинном пиджаке, зеленых бриджах со шнуровкой и добротных сапогах с высокими, прямыми, как печные трубы, голенищами. Сапоги такого фасона звали «английками». Лицо у него было довольно миловидное, портили впечатление низко нависшие надбровные дуги и тонкие, вытянувшиеся ниточкой губы. Новый посетитель подошел к стойке, протянул буфетчику зажатые в кулаке деньги:

— Три пачки «Махорковых», коробку спичек.

При звуке его слов Стефан медленно поднялся. Богданна увидела, что лицо его покрывается бледностью.

— Долгий?! — сказал он надламывающимся голосом, в котором странно перемешались скорбь, радость, гнев и надежда. — Долгий?!

Названный этим именем отпрыгнул от стойки, повернулся к Стефану. На белом без кровинки лице Стефана блестели полные ненависти глаза. Пальцы руки сжимались и разжимались, как бы ощущая горло врага.

— Долгий, — повторил Стефан — жуткое чувство заставляло его снова и снова произносить ненавистное имя. — Наконец-то мы встретились, Долгий!

Он встал и, как слепой, опрокинув скамью, пошел на Долгого. Долгий не стал мешкать. Быстрым движением швырнул тяжелый табурет под ноги Стефану и выскочил за дверь. Послышался скрежет засова, которым чайную снаружи запирали на ночь. Две-три секунды Стефан стоял ошеломленный, не понимая, что произошло. Потом кинулся к двери, навалился на нее всем телом, замолотил кулаком единственной руки.

— Ой, люди! — закричал Стефан, и крик его резанул Богданну по сердцу — столько было в нем ярости, ненависти, тоски. — Уйдет! Господи, да что же это! Уйде-о-т!

Товарищи его тоже били по двери, нажимали на нее плечами. И тоже безуспешно — доски и засов держали крепко.

Тогда Стефан с силой и находчивостью, рожденными отчаянием, схватил за ножку табурет, ударил по окну. Звеня, выплеснулись стекла, вылетела рама. Не обращая внимания на торчащие осколки, Стефан выскочил через окно. На улице раздался его голос, полный лихорадочного волнения: «Держи-и! Бандита держи!»

Пышноусый товарищ Стефана тоже вылез в окно и отодвинул дверной засов.

То, что увидела Богдана, выйдя на высокое крыльцо чайной, невольно напомнило облаву на волков, о которой рассказывал дед. В старину, бывало, обезумевшие от голода волки забегали в село, и тогда против них подымались все, кто с чем мог. Так было и сейчас.

Долгий (кличка, или, по терминологии бандитов, «псевдо») что есть силы мчался к лесу, темневшему в километре от шоссе. Сзади, изрядно отстав, бежал Стефан. А за Стефаном на его вопль «Бандит уйдет!» из хат выскакивали крестьяне с топорами, дубинами, железными прутьями.

Однако на вооружении крестьян были не только топоры да палки. Богдана заметила, что из некоторых хат выбегают и на бегу строятся по двое парни с винтовками. Человек в пилотке, солдатском костюме без погон, размахивая пистолетом, отдавал им команды.

«Ястребки», — догадалась Богдана. Так назывались сельские отряды самообороны от бандитов, еще бродивших по лесам.

Надеясь взять врага живым, «ястребки» недооценили его предусмотрительности и хитрости. Лесные хищники обычно ходили тройками- «боёвками». Так было и сейчас: Долгий направился в село на связь с Богданой, сообщники его сидели на опушке, наблюдая за деревней и шоссе.

И когда «ястребки» приблизились, в лесу вспыхнули огоньки автоматных очередей. Отход Долгого прикрывали. Преимущество было на стороне бандитов. Невидимые в своем зеленом укрытии, они простреливали поляну между лесом и шоссе. Повинуясь приказу человека в пилотке, «ястребки» залегли. Стефан не послушался команды, продолжал бежать. Человек в пилотке догнал его, сбил с ног, прижал к земле — вовремя: рядом свинцовая струйка взбила пыль. Из леса швырнули гранату. Она разорвалась, не долетев до «ястребков». Перебежками, переползая по-пластунски, «ястребки» продолжали наступать. Их командир дорожил людьми, не хотел восемнадцати-девятнадцатилетних парней бросать на отпетых бандитов с автоматами. Если встать «ястребкам» в рост, чтобы атаковать, половина их погибнет от вражеских пуль. Но промедление в действиях — на руку бандитам. Может, они еще лежат за ство-

ламн лесных великаиов, целясь в иаступающих. Но, может, и удрали, петляя по буеракам и чащобам.

Так и случилось. Когда «ястребкн» вошли в лес, надеясь охватить протнвиика с флаигов, инкого там ие оказалось. Преследовать врага было бесполезио. Злые, потупив глаза, возвращались «ястребки» в село.

Стефан сидел на краю кювета. Ои издавал какие-то иеясиые звуки; если бы Богдания ие вндела всего предыдущего, подумала бы, что ои смеется. Когда подошел командир «ястребков», Стефан поднял голову н, ие стыдясь слез, которые редкими струйками теклн по щекам, спросил:

— Ушел, а? Как же так?

Никто не посмел ответнть.

— Ведь он... Жеиу мою и дочку... Дитя пятилетнее на мать положил и ножом... Одним иожом обонх...

Стоявший рядом с Богданиой «ястребок» — круглолицый парнишка лет семнадцати — заскрипел зубами.

Вдруг Стефан вскочил, как подброшенный пружииой, и снова рухиул на колеии в дорожиую пыль.

— Люди добрые! — крикнул он, земио кланяясь «ястребкам». — Бейте бандитов! Где ии увидите — бейте. Моих родненьких... ие вериешь... Не вернешь, а сколько еще погубят! Бейте волков окаяииых.

— Успокойся! Успокойся. — Командир взял Стефаиа за плечн, неловко, по-мужскн обиял, помог встать.

Подошлн спутннкн Стефаиа. Пышиоусый попроснл:

— Не надо, Стефан...

Стефан молчал.

Чувствуя, что еще секуида — и оиа закричнт, заплачет, Богданна пошла прочь.

А потом тряслась в кузове трехтонки, едущей в город. На душе было смутно. Мыслн возвращались к Стефану с его страшным рассказом о жене и дочерн, убнтых Долгим.

Когда машнну встряхивало, Богдаина ощущала в кармаие деиьги, которые везла Долгому, и казалось, жгут оии тело через толстое сукно жакета.

Отец Иваньо приият ее в углу храма, за колониами. Лнцо его, как всегда, оставалось иепроиицаемо-добродушным, длниные пальцы медлеиио перебирали четки.

Богданна рассказала, почему не выполннла задаиия, и обо всем случившемся в селе.

Иваньо выслушал спокойно, четки падали медленно, методично, как тяжелые капли.

— Служители святой церкви не вмешиваются в политику, дочь моя, — сказал священник. — Деньги, которые я попросил вас передать этому человеку, он когда-то дал в долг одному из моих прихожан... Так что я плохой судья в этих вопросах... Но, насколько мне известно, рассказы о зверствах лесных воинов преувеличены и раздуваются официальной пропагандой.

— Он был искренен в своем горе — Стефан, у которого убили жену и дочь, — робко возразила Богданна.

— Или был хорошим актером, не знаю, не знаю. — Иваньо кончил перебрасывать четки из правой руки в левую, начал — из левой в правую. — Конечно, есть поганые овцы, которые портят стадо. Но в большинстве своем такие люди, как тот, с которым вам не удалось встретиться, искренние, пламенные идеалисты, борются за веру и западную цивилизацию. Наша церковь одобряет их борьбу, а святая наша церковь знает все, она не может одобрять неправое дело.

— Да, конечно, — грустно сказала Богданна. — Церковь знает все.

Иваньо благословил ее, она ушла. Священник долго смотрел вслед удаляющейся девушке, перебирая четки. Рассказ Богданны и тон, которым она говорила, ему не понравились. Он думал, что надо крепче привязать ее, дать такое задание, после которого она боялась бы кары Советской власти, неминуемо шла дальше по дороге, на которую ее толкнул отец Иваньо.

Конечно, будь у него на примете надежный человек, Иваньо даже внимания не обратил бы на простую девушку. Но надежных людей святой отец уже не имел.

2

Отец Иваньо и Демьянко входили в подъезд пятиэтажного дома, которым заканчивалась круто взвивающаяся на гору улочка. «Дом «белых воротничков», — мысленно определил Демьянко. «Белыми воротничками» в старой Польше звали интеллигентную бедноту: мелких чиновников, учителей, служащих, приказчиков. Они населяли такие вот огромные дома: крошечные квартиры, узкие лестницы, мало удобств, много дохода

хозяину. Лифтов здесь не полагалось. Демьянко заметил, что шагает Иваньо со ступеньки на ступеньку легко, дыхание его не участилось. Подумал непочтительно: «Здоров пан отец, как боров».

Остановились на четвертом этаже. Иваньо нажал кнопку электрического звонка.

Дверь отворила девушка лет восемнадцати. В желтом свете маленькой лампочки Демьянко заметил, что у нее круглое лицо, светлые волосы и темные глаза, которые вспыхнули при виде сутаны.

Гибко, с неосознанным изяществом молодости она склонилась перед служителем церкви. Поймала его руку, поцеловала. Иваньо благословил девушку, чуть отодвинулся, пропуская вперед спутника.

— Богданна...

Ощущая ее теплую, крепкую ладонь, Демьянко подумал, что брови и ресницы у нее темные, как глаза, а голос добрый.

Вошли в комнату: фабричная мебель, несколько вышивок крестом вместо картин, на стенах фотографический портрет мужчины с усами «стрелкой», модными много лет назад. «Отец», — догадался Демьянко, переведя взгляд на Богданну; у нее такая же мягкая линия губ, выпуклый лоб, ямочки на щеках.

Пожилая женщина, сидевшая в углу за вязаньем, быстро поднялась и тоже склонилась под благословение.

— Пани Гелена, вы просили подыскать вам хорошего жильца. Вот пан Демьянко.

Лицо пани Гелены было усталое и чуть грустное — женщины, прожившей нелегкую жизнь. Однако в глазах вспыхивали веселые искорки, как у Богданны.

— Очень рада, — и голос Богданна унаследовала от нее. Пани Гелена выговаривала слова мягким контральто. — Надеюсь, вам у нас понравится.

Так Демьянко обрел новый приют. Ему отвели комнату в конце коридора, когда-то принадлежавшую главе семьи. Мать и дочь занимали две другие.

Богданну Демьянко почти не видел. Она работала кассиршей в заводской столовой, приходила усталая, сразу ложилась спать. Встречаясь, обменивались короткими, ничего не значащими фразами — девушка дичилась, свободное время проводила у себя в комнате за книгой.

Зато с пани Геленой Демьянко подружился быстро.

Отвыкший от домашнего уюта, он испытывал особое удовольствие, просиживая с хозяйкой вечера напролет, слушая рассказы о прошлом, о покойном муже, о долгой-долгой жизни, которая промелькнула как день. В комнате было тихо, чуть стучали спицы (пани Гелена подрабатывала вязаньем, сбывая связанное знакомым), порою Демьянко часами сидел в качалке, не произнося ни слова.

Наверно, пани Гелена не раз говорила с дочерью о жильце и, наверно, говорила хорошее. Демьянко начал замечать дружелюбные улыбки Богданны, ледок в отношениях между ними понемногу таял. Девушка уже не уединялась с книгой, а выходила к Демьянко и матери, порой вставляла словечко в беседу. И тогда Демьянко вдруг ловил себя на том, что эти часы, проведенные в ее обществе, становятся ему особенно дороги.

Не нравилась Демьянко в Богданне и ее матери их крайняя религиозность, доходившая до фанатизма. Обе ежедневно молились дома, аккуратно ходили в церковь, ревностно выполняли церковные обряды и обычаи. Демьянко привык считать религию утехой стариков или людей с несколько ущербной психикой, не представлял, что молодая, здоровая, жизнерадостная девушка может быть фанатичкой.

Скоро пришлось убедиться, что это так.

Зашел разговор об отце Иваньо.

— О! — с жаром воскликнула Богданна. — Это святой человек! Он недавно поселился рядом с нами, но его уже все полюбили. Мы с мамой ходим молиться только к святой Елижбете, где он служит. Отец Иваньо всем помогает. Когда мама заболела — она часто болеет, — и ей помог.

— Лекарство дал? — догадался Демьянко.

— Нет, — Богданна немного смутилась. — Лекарство дал доктор. А отец Иваньо дважды отслужил молебен о ее выздоровлении.

— Ну, невелика помощь! — засмеялся Демьянко. — Что с вами?! — воскликнул, пораженный переменой в девушке.

— Слушайте, — звенящим от внутреннего напряжения голосом, отчеканивая каждое слово, произнесла Богданна. — Если вы безбожник, скажите сразу. Я их ненавижу и презираю. — Неприятная, злая гримаса исказила милое лицо.

— Что вы, Богдаиа, вы меня не так поняли! — после паузы возразил Демьяико.

— А как? — ие успокаивалась она.

— Я вовсе ие хотел посмеяться над вашим религиозным чувством. Я сказал, не подумав.

— Есть вещи, которыми ие шутят. К ним относится религия, — необычно суровым для нее тоном вступила в разговор пани Гелена.

— Простите, — как мог, извинялся Демьянко. — Не будем больше об этом.

— Хорошо, — согласилась Богданна, а паии Гелена молча иаклонила голову.

3

В воскресенье столовая, где служила Богданна, не работала, и потому у девушки был выходной. По приказу отца Иваньо в одно из таких воскресений состоялась поездка, которая соединила судьбы молодых людей, превратила случайное знакомство в дружбу и любовь.

С тех пор прошло много лет, но до сих пор вспоминают они хмурый день того невеселого путешествия.

За рулем старенького закрытого «мерседеса», серая краска которого местами облупилась, как бы тронутая особой автомобильной паршой, сидел Торкун, нахохлившийся, ко всему безразличный. На звоикое «добрый день» Богданы еле ответил. Богдаиа, сперва безотчетио радовавшаяся поездке, сразу потускнела. Вспомиила требования отца Иваньо: никогда, никому, ии при каких обстоятельствах не рассказывать, куда ездила, с кем виделась, кто послал ее; следить, чтобы Демьяико не входил в коитакт ни с кем, кроме Долгого и его товарищей; в случае проверки документов утверждать, что она и Демьянко вместе пошли погулять по лесу, с Торкуном незнакомы, он иагнал их по дороге и предложил подвезти за деньги.

Наказы священника были не сложны, одиако Богданна почему-то все боялась забыть их. Может, потому, что думать о них не хотелось.

— Поехали, — сказала девушка, забившись в угол кабины.

В ту пору на городских заставах стояли КПП — контрольно-пропускные пункты, которые проверяли документы у шоферов, а то и у пассажиров. Чтобы не рис-

ковать, Павлюк посоветовал Демьяико выйти нз города пешком, ждать машнну в двух-трех кнлометрах от КПП. Демьяико так и сделал. Окраиииымн улочками выбрался на пустырь, за которым начнналось поле, пересек рощицу и присел у обочины шоссе.

Ждать пришлось иедолго. Собрался было еще раз закурнть, как из-за поворота нетороплнво выкатился «мерседес». Притормозил. Демьянко поздоровался с Богданной н Торкуиом. Сел на заднее сндеиье, возле девушкн. Торкуи включнл скорость.

Ехали молча. Торкуи склоннлся иад баранкой, ие отрывая глаз от бескоиечной серой леиты, бегущей под автомобнль. Богданна рассеянно поглядывала по сторонам, на какое-то замечаиие Демьянко ответила иеохотно, и он замолчал, чуть обиженный.

День был прохладный, в кабниу врывался свежий ветерок, однако Богданне казалось, что здесь нестерпимо душно. Хотелось вздохнуть полной грудью, расправнть плечн, засмеяться, и не было снл.

Так ехалн и ехалн, оставляя позадн кнлометр за километром.

— Где-то здесь, — через плечо, ие оборачнваясь, сказал Торкуи. — До Волн-Берецкой иедалеко.

— Большой камень у дороги, за инм тропинка, — ответнл Демьянко. О том, как найтн хату леснпка н что сказать при встрече, ему подробио растолковал Иваньо.

Под валуном, что иаклонился над кюветом шоссе, Торкун остановил машииу.

— Может, вам лучше остаться, Богданна? — спроснл Демьянко. — Я пойду один.

— Нет, иет, я с вами! — девушка суетливо выскочила нз машниы. И вдруг подумала: а ведь ей поручено шпноинть за Демьянко. Да, шпиоиить, ииаче ие иазовешь! «Отец Иваньо ие пошлет на плохое дело», — мысленно постаралась оправдать себя.

Торопливый, даже испуганный ответ выдал ее. Демьянко посуровел. Сухо сказал:

— Как хотнте. — Повернулся к Торкуну: — Ожидайте нас с трех часов. Подинмнте капот и возитесь с мотором, будто что-то нспортилось.

— Добре. — Торкун иажал иа стартер. Машииа уехала. Молодые люди остались на пустынном шоссе.

В лесу стояла тншииа. Тропиика за камием была узкая, заросшая, давио иехожеииая. Демьяико шел

впереди, Богданна за ним. Оба молчали. Демьянко понял: спутница приставлена для контроля. Это его встревожило. Уж не догадываются ли Павлюк и Иваньо? Вроде причин для подозрений у них нет. А все-таки?..

Думала о своем и Богданна. В памяти вставал скорбный образ Стефана, коленопреклоненного в дорожной пыли. «Хороший актер», — сказал о нем Иваньо. Хотелось верить пану отцу. Глухая тяжесть в груди росла. Девушка не понимала, что с ней происходит, и старалась отогнать все мысли, все чувства, кроме нерассуждающей веры. «Вера — высшая добродетель», — не раз учил отец Иваньо.

После получасового пути лес поредел. На опушке стояло приплюснутое строение с соломенной крышей. Поле наступало на лес, за полем виднелась деревня.

У бандитов это называлось «зачепная хата» — место тайных встреч.

«Удобно, подходы видны издалека», — подумал Демьянко. Коротко сказал спутнице:

— Вот и добрались.

Возле хаты не было ни огорода, ни садика, и вообще она выглядела заброшенной. Кудлатый пес, привязанный ржавой цепью к хлипкому крыльцу, ощерился на пришедших, захрипел.

— Эй, кто дома есть! — позвал Демьянко. — Не подходите ближе, Богданна, укусит.

Пес захрипел яростнее, задергал цепь.

— Люди добрые, отзовитесь!

Распахнулась дверь, на крыльцо вышел человек неопределенного возраста, неряшливой наружности: босой, волосы всклокочены, будто со сна, глаза бесстыжие, руки в карманах бриджей.

— Ну? — вместо приветствия сказал он.

Тон его не понравился Демьянко. Молодой человек грубо спросил хозяина хаты:

— Ты лесник?

— Если лесник, так что?

— Мы от отца Иваньо. К Стецко.

Несколько секунд молчания. Пес, улегшийся было на место, поднялся, оскалил зубы.

— Я Стецко, — негромко сказал хозяин хаты. — Зайдите.

— Не укусит? — Богданна неуверенно посмотрела на пса.

— Своих не трогает.

Внутри было еще более запущенно и грязно, чем снаружи. «Никогда пол не моет», — брезгливо подумала Богданна. На ее лице, непривычном к притворству, сразу отражалась каждая мысль. Стецко ухмыльнулся.

— Как можем живем, мы люди простые...

— Нет, что вы! Что вы! — смутилась Богданна. Присела на лавку у окна. Прикоснувшись к подоконнику, невольно отдернула руку, — был он покрыт чем-то липким.

— Мы за «медом», что вы пану отцу обещали, — сказал Демьянко. — В этой церкви, которая является пристанищем для всех...

— ...Служба одинакова для каждого, — закончил Стецко условную фразу, служившую паролем и отзывом. — Слава Украине!

От приветствия националистов Демьянко передернуло. Не подал виду. В тон Стецко ответил:

— Героям слава!

Стецко прошлепал босыми ногами за печку, которая выперла на середину хаты, через некоторое время появился одетый и обутый. Сказал:

— Посидите, я скоро, — и оставил Богданну с Демьянко вдвоем.

Пригнувшись к зеленоватому от старости, подслеповатому окошечку, Демьянко увидел нескладную фигуру Стецко, которая мелькала между деревьями. Отойдя метров двести, Стецко повернул обратно. «Днем отсыпаются на чердаке или в подземном схроне, — догадался Демьянко. — Ради конспирации, чтобы нас обмануть, сделает вид, что дружков привел из леса».

В сенях шуршали тараканы. Пахло кислым, портянками, овчиной. Богданна сидела, опустив голову. Тоска не проходила. Девушка спрашивала себя, как она очутилась здесь, почему. Ответить не могла.

Иначе чувствовал себя Ростислав. Был он в возбужденно-радостном состоянии. Такой удачи не ждал — попасть в гнездо «боёвки». Даже безотносительно к главной операции, найти пристанище бандитов было немалым успехом.

О прибытии в город крупного вожака националистов, в недавнем прошлом гитлеровского прислужника Павлюка, органам государственной безопасности стало

известно сразу. Выяснили, что приют ему дал священник храма святой Елизветы Иваньо, как и Павлюк, запятнанный связью с фашистами. Заставил служить себе Павлюк и некоего Торкуна, спекулянта и проходимца, когда-то сотрудничавшего в «двуйке» — контрразведке Пилсудского, а потом — с гестапо.

Выполняя оперативное задание, Ростислав Демьянко сумел под видом эмиссара из-за рубежа проникнуть в банду, узнать их планы. Теперь дело идет к концу. Два-три дня, и Павлюк с сообщниками будет схвачен. Важно взять живыми, порассказать могут многое, особенно Павлюк и Иваньо...

— Слава Украине!

Демьянко вздрогнул.

В дверях стоял Долгий. Он был одет в тот же костюм, что и при неудавшейся встрече с Богданной. На груди висел автомат, сбоку — пистолет.

Из-за спины Долгого выглядывал Стецко.

— Героям слава! — Демьянко поднялся с места. Подумал: «Третий — на улице».

Долгий расшаркался перед Богданной, как ему казалось, очень галантно, протянул руку Демьянко. Пришлось ее пожать.

— Вот, берите «медок». Для пана отца последний отдам. — Стецко подал Демьянко и Богданне два пакета.

Они рассовали взрывчатку по карманам.

— Последний запас, — подтвердил Долгий. — Тикаем отсюда скоро, жить здесь нельзя. — Большой рот его перекосился, тонкие губы задергались.

— Я пойду? — сказал Стецко.

— Иди, — разрешил Долгий. Объяснил гостям: — Вместе с Карпо караулить будут, поговорить спокойно можем.

«Карпо — третий в «боёвке», — понял Демьянко.

Долгий снял автомат с груди, положил на лавку и подошел к ларю в углу. Поднял крышку, достал бутыль, банку консервов, хлеб, пару щербатых чашек, мутный стакан.

— Давай выпьем. Звать тебя как?

— Демьянко.

— А вас, пани?

— Богданна.

— Вот и познакомились. Я — Долгий. Слыхали?

«Бандитское честолюбие», — подумал Демьянко и ответил:

— Не довелось.

Он решил держаться независимо, даже нагловато, чувствуя, что так внушит Долгому больше уважения.

Долгий сморщил узкий лоб, пошевелил бровями — ответ ему не понравился. Однако не сказал ничего.

Разложив угощение на столе, хозяин вытащил из-под пиджака висевший на брючном ремне кинжал. Черный, с фигурной рукояткой — таким вооружал Гитлер своих головорезов-эсэсовцев.

Уткнув острие в консервную банку, Долгий ударил ладонью по рукоятке. Из пробитого отверстия брызнул томатный соус. И вдруг Богдана подумала: может, именно этим кинжалом Долгий убил жену и дочь Стефана. Горло девушки перехватила судорога. Богдана почувствовала, что не сможет заставить себя проглотить хотя бы кусочек угощения Долгого.

А тот уже вскрыл консервы, нарезал хлеб, до краев наполнил стакан и чашки самогоном. Стакан пододвинул Демьянко.

— Ваше здоровье, Богдана. Не ходят к нам девушки, а такие, как вы, и подавно.

Судорога в горле не проходила. Богдана взяла кусочек хлеба, поднесла к губам.

— Пейте! — Долгий тянул к ней свою чашку, чтобы чокнуться.

— Спасибо, я не пью.

Глаза Долгого зажглись злобой.

— Как это «не пью»? Может, компания для вас неподходящая?!

— Чего обижаться, — поддержал Богдану Демьянко. — Нельзя ей, доктор запретил.

Долгий рассмеялся невеселым смехом, похожим на хрип того пса, что привязан был к крыльцу хаты.

— Доктор! До ста лет жить собралась? Всех нас пуля ждет, а она — про доктора. Пей, тебе говорю!

Демьянко понял, что Долгий пьян угарным, запойным хмелем, который продолжался не одну неделю. Глаза его остекленели, большой тонкогубый рот дергался. Лютые дни в сыром схроне — подземном убежище среди леса, волчьи ночи на дорогах, пламя подожженных хат, стоны убитых, выстрелы «ястребков» довели человека-зверя до исступления, и только алкоголь

помогал ему еще как-то жить. Иногда действие яда ослабевало, рассудок мутился.

«Черт, как же быть? — думал Демьянко. — Нельзя ссору затевать, не время и не место».

Мягко посоветовал:

— Выпейте, Богданна, не обижайте хозяина.

Поднял свой стакан:

— Будьмо!

— Слава Исусу! — тотчас откликнулся Долгий, придерживая чашку у губ, ждал, как поступит Богданна.

Мысли Демьянко будто передались ей. Девушка поняла, что нельзя перечить бандиту, обезумевшему от страха, злости, водки; придется подчиниться.

Медленно взяла чашку, глотнула вонючий самогон, закашлялась.

Долгий единым махом осушил свою порцию. С вызовом посмотрел на Демьянко, который отпил три четверти стакана.

— Что, тоже доктор запретил?

— Ты на сеновал завалишься, а мне сорок километров ехать, потом с толом по городу идти, — спокойно возразил Демьянко.

Ответ его вернул Долгого к затаенной мысли, которая не оставляла бандита. Почти любезно Долгий сказал:

— А вы не торопитесь уезжать, побудьте с нами. Бояться нечего, охрана есть, ты заснешь, мы с Богданной посидим.

Глядел в сторону, говорил безразличным тоном, но было в голосе что-то такое, отчего Богданна сжалась, почувствовала беду.

Не понравилось его предложение и Демьянко.

— Нет, задерживаться мы не можем.

— Врешь! — губы Долгого задергались. — Все вы врете! Обманули, предали.

— Никто тебя не обманывает.

— Много ты знаешь! — На лице бандита как будто двигались два лоснящихся красных червя.

«Надо сматывать удочки, — подумал Демьянко. — Совсем его, скотину, развезло».

Долгий опять налил самогону — всем троим. Богданна с ужасом смотрела на стоящую перед ней чашку. Неужели придется снова пить? Нервы ее были так напряжены, что крепчайший «бимбер» не хмелил, но даже вид самогона вызывал тошноту.

— Много ты знаешь! — повторил Долгий. — В западную зону уходить надо, а чего я там делать буду, в Германии нищей?! Чего? Но память здесь по себе оставлю, ой, оставлю! — тяжело заскрипел зубами. — Навек Долгого не забудут. Пей! — Не дожидаясь остальных, снова плеснул самогон в рот. — Пейте, чего ждете.

— Нам хватит, пора идти, — твердо сказал Демьянко, отодвигая стакан. Понял, что больше уступать нельзя, от уступок бандит наглеет. Будь Демьянко один, он бы не боялся ничего, но Богдана!

Встал из-за стола. Девушка последовала за ним.

Долгий в упор оглядел Богдану. Узкие глаза раздевали, липли к стройным ногам, крутым бедрам, высокой груди.

— Ладно, — совсем трезвым голосом сказал Долгий и облизнулся. — Иди! А вы, пани Богдана, останьтесь.

— Нет, — на скулах Демьянко заиграли тугие желваки. — Пришли вместе и вместе уйдем.

«А он красивый, — вдруг подумала Богдана о Демьянко. — И сильный, совсем не боится». Мысль была так неожиданна, неуместна, что девушка покраснела.

Долгий по-своему понял ее смущение. Зарумянившиеся щеки девушки придали ему настойчивости. Спокойно, однако упрямо повторил:

— Не лезь не в свое дело, уходи.

— Перестань, — Демьянко еще не терял надежды урезонить Долгого.

Губы Долгого искривились. Одним прыжком он очутился у лавки, схватил автомат, направил на Демьянко, прохрипел:

— Убирайся!

Богдана чувствовала, что теряет сознание. Под угрозой оружия Демьянко придется уйти, и она останется во власти оскотиневшего бандита. Если Демьянко попытается сопротивляться, его застрелят.

Однако девушка плохо знала своего спутника.

Демьянко нашел единственный выход из положения. Как и в фашистской армии, у националистов основу основ составляло слепое, нерассуждающее подчинение «низших» «высшим». На этом сыграл Демьянко. Даже не глянув на автомат, принял надменную позу и, отчеканивая каждый слог, проговорил:

— Это-то еще что! Как со старшими разговариваешь, хам! Распустились, мерзота, быдло.

Расчет был верен. Холуйская душа, которая привыкла измываться над беззащитными и трепетать перед сильными, знатными, дрогнула. Долгий сообразил, что позволил себе слишком многое. Вдруг Демьянко оттуда, из Мюнхена?! Пристрелишь его здесь, а там тебя... Бандит не терял надежды добраться до западной зоны оккупации Германии.

Секунду продолжалось напряженное молчание. У Богданны онемели ноги.

Долгий опустил автомат.

— Слава Украине! — спокойно, будто ничего не случилось, сказал Демьянко и жестом пригласил Богданну выйти.

— Героям слава! — вслед ответил Долгий.

Спустились с крыльца. Пес не поднял даже головы, только покосился в их сторону. Стецко сидел на завалинке — отсюда он видел подходы к «зачепной хате» со стороны деревни.

Демьянко попрощался с ним небрежным кивком. Богданна сказала: «До свидания» и, сказав, сообразила, как нелепо звучат сейчас эти слова.

— Идите спокойно, не торопитесь, не оглядывайтесь, — вполголоса проговорил Демьянко. — Бояться не надо.

Богданна догадалась, почему он держится сзади, а не рядом — защищает ее собою от выстрела в спину. У девушки забилось сердце. На душе сделалось радостно и тепло, как никогда в жизни. Богданна заметила, что, пока сидели в хате, пасмурный день превратился в яркий, солнечный, услышала приветливый шум леса, увидела облака, которые неторопливо плыли в синем небе.

Опушка все ближе, ближе, ближе.

Сзади тишина.

Тропинка. Петляет в зарослях орешника, уходит в зеленую глушь.

Демьянко посмотрел через плечо. Хата еле видна. Погони нет.

— Фу, вот и все, выбрались! — вздохнул, как бы сбросив с плеч тяжелую ношу, и добродушно рассмеялся.

При этих словах Богданна неожиданно остановилась.

Постояв немного в нерешительности, заплакала. Старалась сдержать слезы и не могла.

— Что вы, Богданна, не надо, не надо, — растерянно сказал Демьянко, взяв руки девушки в свои.

Богданна подняла голову, посмотрела на него. Круглые глаза с темными бровями блестели от слез. Слезы сразу высохли, взгляд сделался густым, глубоким, губы раскрылись. И Демьянко поцеловал — губы, щеки, глаза. Девушка не отвечала на поцелуи, только крепче прижалась к нему.

Сколько времени прошло, не знали ни он, ни она. Богданна опомнилась первой, ласково отстранилась, спрятала лицо у него на груди.

Он погладил ее легкие волосы.

Богданна сказала:

— Нас ждет... этот.

Когда напомнила о Торкуне, Демьянко чуть не вскрикнул от внутренней боли.

Смысл случившегося стал беспощадно ясен.

Ростислав делал опасное и ответственное дело. Готов был встретить любое препятствие, пройти любое испытание — так он говорил себе. Вот испытание и пришло. Совсем иное, чем ожидалось. Он полюбил преступницу, врага своей Родины.

Он не знал прошлого Богданны, не знал степени вины ее перед законом. Эта девушка была врагом его. Нет оснований отличать Богданну от Иванько, Павлюка, Долгого... И все же не может он не отличать. Не может относиться к ней как к ним!

Ростислав думал об этом, ощущая теплоту ее дыхания на своей груди. А что она думает о нем? Для нее он сообщник-националист. Обман стоит между ними, никогда не сменится обман любовью — искренней, чистой, о которой мечтал Ростислав, мечтает каждый настоящий мужчина. Кривить душой, любить без любви он не мог.

— Пойдем, — тихо сказал Ростислав.

Голос его удивил Богданну. Она почувствовала странные, отчужденные нотки. Подумала, что ошиблась. Радость любви переполняла ее, делала ясным и ласковым все вокруг: и лес, и облака, и ручеек на пути, и пичугу, которая смотрела с ветки блестящим глазком.

Звонкое чувство мгновенно исчезло, когда вышли на шоссе и Богданна увидела облупившийся «мерседес».

Действнтельиость сиова вступила в свон права — действнтельиость подполья, заговоров, баидитских тайи, к которым стала прнчастна Богдания. «Я люблю его, а кто он? — с тоской подумала девушка. — Может, как Долгий, людей убивал!»

По телу прошла иервиая дрожь. «Нет, нет!» — хотелось крикнуть всей грудью. А холодиый рассудок спросил: откуда ты знаешь, что иет? Цыкиув иа Долгого, он назвал себя «старшим». Такой же, как Долгий, только чииом повыше. А кто дал чин? Гитлеровцы. За что? За что отличали у фашистов?!

На вопросы эти побоялась себе ответить.

Молча сели в машииу. Молча ехалн, еще более далекие друг от друга.

3

Молчали. Каждый думал о своем.

«Что делать?» — спрашивал себя Демьяико. Ответ был одии, только одии: преодолеть любовь! Отнестись к Богдаине, как она заслуживает, — с иенавнстью. Этого требует долг. Богдаина — преступиица, которую он, Ростнслав, обязан передать в руки суда.

Дорога была плохая, немощеиая, машниу отчаяиио встряхнвало на ухабах, она скрипела всеми суставами, крякала, чнхал мотор. Демьянко не замечал страдаинй «мерседеса». Сндел, уставнвшись в одну точку прямо перед собой, рассматривал пятиышко грязн на лобовом стекле. Думал о сложиости человеческих судеб, о будущем Богданы — невеселом будущем человека, который подиял руку на свой иарод.

Въехали в пригородную рощу. Богдаииа гляиула иа Демьяико, и лицо спутинка показалось ей постаревшнм. Вспомииая потом эту поездку, Демьяико говорил, что оиа оказалась тяжелее фроита, тяжелее лихорадочиых госпитальиых иедель.

— Сейчас город, — иегромко иапомиила Богдаииа.

Демьяико тряхиул головой, отгоияя иенужиые мысли. Ответил:

— Сойдем, мииуем контрольиый пуикт.

— Почему? — оиа опять забыла о иеобходнмости таиться, прятаться.

— У меня ненадежные документы, у нас обоих в карманах взрывчатка.

— Да, да, конечно, — грустно сказала девушка.

Отправились тем же путем, которым Демьянко уходил из города: через рощу, поле. Никто не обратил на них внимания — что может быть естественнее, чем парочка, которая возвращалась после загородной прогулки в воскресный день.

Быстро опускались сумерки. Демьянко взял Богданну под руку — держаться холодно, отчужденно нельзя. А заставить себя болтать о пустяках не мог. Чувствовал нежную теплоту девичьего плеча, подлаживал свои размашистые шаги под ее пружинящую походку, и это доставляло необъяснимо приятное ощущение. Забыть бы обо всем, идти рядом с Богданной бесконечно...

Девушке тоже не хотелось разговаривать. Резкие впечатления сегодняшнего дня произвели полный перелом в ее душе.

Замкнутая, державшаяся в стороне от сверстниц, которые не понимали и не одобряли ее религиозности, покорная матери и священнику, Богданна инстинктивно берегла внутренние силы своего характера. Однако под оболочкой сдержанности таилась пылкость, решительность, ждавшие часа проявиться. Теперь пора настала — под влиянием вспыхнувшего чувства к Демьянко. И в сознании Богданны, пока еще незаметно, неясно для нее самой, шла напряженная борьба.

Благополучно миновали предместье, поднялись по крутой улочке к своему дому.

— Зайдем на минутку в парк, — попросила Богданна. — Я так люблю это место.

В парке, который раскинулся на вершине горы, где когда-то стояла средневековая крепость, положившая начало городу, было так тихо, что слышалось, как падают листья. В теплом воздухе стоял запах мокрой земли. Он смешивался с осенним — ароматом увядания.

Демьянко и Богданна остановились у обрыва. Отсюда был виден весь город. Цепочка огней переливалась, мигала, суетливо бегали отсветы автомобильных фар.

— Потух огонек, — сказала Богданна.

— Где?

— Вон там, — показала в темную даль.

— Я не видел.

— Когда огонек горнт, мы ие обращаем на него винмаиня. А когда потухиет, вспомииаем, какой ои был яркий и веселый.

— Да, верно.

— Так и с людьми. Мы лучше думаем о человеке, когда ои ушел туда, — подияла глаза к высокому, черио-прозрачиому небу.

— Куда? — не поиял Ростнслав.

— Туда.

— А-а.

— Что?

— Ничего.

— Конечно... Совсем иичего, — круто повериулась спииой к обрыву. — Пора домой.

Паин Гелеиа встретила молодежь радостиыми восклицаииями, расспросами о прогулке. Богдаина отвечала одиосложио, сославшнсь на усталость, быстро ушла спать. Демьянко, как мог, удовлетворил любопытство хозяйки и тоже уеднинлся в своей комнате. Его день еще не закоичнлся.

Полежал иемиого, отдыхая. Обождал, когда все в квартире затихло, — паии Гелеиа долго бормотала молитвы. Ростислав скорее чувствовал, чем слышал ее моиотоиный голос. Накоиец угомоинлась и оиа.

Ростнслав подиялся, включнл настольиую лампу, присел к секретеру, которым пользовался еще отец Богдаины. Начал пнсать рапорт о событнях дия. Завтра, пройдя провереиным, надежиым путем, рапорт окажется там, где его ждут. И полковинк Грнцай будет читать расшнфрованиое, отпечатаиное иа машннке донесение своего сотрудиика.

Увлекшнсь работой, которая требовала виимаиия и сосредоточенностн, Демьяико не услышал легкнх шагов по корндору. Очиулся, когда иа пороге появилась человеческая фигура. Демьяико выхватнл пнстолет, с которым ие расставался. Он думал, что пришел Павлюк или Иваиьо. Застав своего «сообщиика» иад лнстом бумаги, покрытым цифрамн, они сразу сообразят, в чем дело. У Демьянко оставался одии выход — немедлеино арестовать иочного посетнтеля, ие дав ему опомииться.

Эти мысли проиеслись за долн секуиды, в которые он ощутил рубчатую рукоятку «парабеллума» н иаправнл оружие иа вошедшего.

И сразу опустил его! На пороге стояла Богданна.

Лицо Демьянко, каким оно было в тот миг, Богданна потом часто видела во сне и просыпалась с тяжело бьющимся сердцем. Добродушная, спокойная физиономия была полна холодной решительности, готовности встретить беду. Серые глаза потемнели, крылья тонкого носа вздрагивали, челюсти сжались так, что на скулах вздувались желваки. Пистолет в его руке целился чуть пониже груди девушки.

Пистолет исчез, напряженная фигура Демьянко обмякла.

— Вы? — выдохнул он. Сразу поправился: — Ты?

Сказав это, покраснел, спрятал глаза.

Покраснела и Богданна — от корней волос до, казалось ей, кончиков пальцев на ногах. Девушка поняла, как мог истолковать Демьянко ее приход ночью в его комнату. Первым побуждением было убежать. Девичья гордость бушевала в ней, заглушала другие чувства.

Однако Богданна полюбила слишком сильно, чтобы поддаться слепой и нерассуждающей гордости.

Повинуясь искреннему душевному порыву, она почти повисла на руках у Ростислава, заплакала взахлеб, со вкусом, как плачут маленькие дети.

От ее слез он смешался. Привлек Богданну ближе к себе, заговорил, ласково гладя девичьи волосы:

— Ну что ты! Что? Успокойся, перестань.

Ему хотелось сказать так много, а слова не приходили, и он, не зная слов, бережно прижимал ее — теплую, желанную.

Девушка отстранилась, подняла покрасневшее лицо и, глядя круглыми, неморгающими глазами, заговорила полушепотом, горячо:

— Нельзя! Нельзя так — со зверями! У нас вся жизнь впереди, а с ними — пуля. Тоже озвереем, будем убивать, грабить...

Ей хотелось многое сказать ему, торопились слова, догоняя друг друга.

Слушая лихорадочную, сбивчивую речь, Демьянко сперва не понял, о чем она. Девушка продолжала говорить, и в душе его поднималась волна счастья — такого счастья, какого Ростислав никогда не испытывал.

Молчал, светло глядя на нее. А Богданна опять приникла к нему, просила, умоляла.

— Сдайся! Пойдем расскажем, нас простят, ты же

читал приказ *, он расклеен по всему городу, на всех улицах, я верю — простят.

Руки ее лежали на плечах Ростислава, он чувствовал каждое движение близкого тела ее и радостно-благодарно думал, что не ошибся в Богдане. Он не знал, как и чем связана она с преступниками, а вера в нее говорила: Богдана — жертва бандитов, обманом втянутая в их круг. Ставить ее рядом с Павлюком, Иваньо, , Долгим нельзя. Поп сумел использовать религиозность девушки в своих целях. Жизнь раскрыла ей глаза. Богдана начала сознавать, кому служит, какому делу. Теперь, поняв все до конца, обретет решимость вернуться в семью честных людей.

И верится — Демьянко ей поможет. Проносились быстрые мысли о будущем, они были непонятными и ясными, непонятными потому, что он не знал будущего, ясными потому, что связывал с Богданой свое грядущее.

— Что же ты молчишь?

При ее вопросе Демьянко помрачнел. Как ответить Богдане? Объяснить, кто он на самом деле, Демьянко не имел права. Долг обязывает молчать. Неужели искать увертки, ответить хитростью на искренний порыв любящей и любимой?

— Я сделаю все, что ты хочешь, — тихо сказал Демьянко.

Девичьи глаза заблестели еще ярче.

— Тогда идем! Сейчас же идем. Сразу!

— Нет, Богдана, сразу не надо. Немного обожди.

— Чего ждать? Ждать нельзя. Надо решиться и перевернуть жизнь.

«Ну что придумать? — с тоской спрашивал себя Демьянко. — Как убедить ее?»

Вслух ответил:

— Я не хочу губить товарищей. Пусть скроются.

Богдана отшатнулась, проговорила с гневом и тоской:

— Товарищи? Кто твои товарищи? Долгий — товарищ? Не надо, не говори так. Пойдем! Милый, родной, пойдем! Нельзя жить, как живешь ты.

---

* ЦК КПУ и правительство Украины трижды обращались к националистическому подполью, гарантируя, что добровольно явившиеся участники этих антисоветских организаций не будут привлечены к ответственности за прошлые преступления. Сейчас эти люди давным-давно искупили честным трудом вину перед народом, живут мирно и счастливо.

Он решительно покачал головой.

— Верь мне, Богдания. Надо обождать. Потом поймешь, что я был прав.

— Не верю. Ничему не верю! Идем!

Демьянко не ответил.

— Только сейчас, — надломленным голосом сказала девушка. — Сейчас! — Руки Богданны беспомощно опустились.

— Обожди.

— Нет!

Повернулась и вышла, шагая, как во сне, незрячими шагами.

Дверь за Богданной осталась открытой. Демьянко машинально затворил ее. Сел иа кровать. Сидел долго, не меняя позы, выкуривая сигарету за сигаретой. Найти выход из сложившегося положения так и ие смог.

Провела ночь без сна и Богданна. Однако девушка пришла к решению, как поступить. Решению ясиому, бесповоротному. Она хотела спасти любимого, даже против его воли.

Едва дождавшись утра, побежала к святой Елижбете. Спросила, здесь ли отец Иваньо. Он был в храме, по просьбе девушки вышел к ней.

— Паи отец, — сказала Богдаииа. — Вы добрый, мудрый, я верю вам как себе самой... Даже больше... Я прошу у вас совета.

Священннк вгляделся в ее осунувшееся лицо, обведеиные темными кругами глаза. Пригласил ласково:

— Пожалуйста, дочь моя. Зайдем сюда, в исповедальню.

— Паи отец, — девушка стояла перед Иваньо иа коленях в высоком, лакированного дерева ящике, говорила ровным глухим голосом. По отдельным срывающимся ноткам чувствовалось, как дается ей виешнее спокойствие. — Я пришла сказать, что вас обманывают подлые н жестокие люди. Я говорю о Долгом, к которому вы меня посылали.

Румяное лицо оставалось неподвижным. Ничего ие выражали холодиые голубые глаза. Присутствуй здесь Павлюк, он еще раз позавидовал бы самообладаиию отца Иваньо.

— Долгий? — равнодушно переспросил Иваньо. — А, да, вы что-то рассказывали о нем.

— Пан отец, он ие борец за демократию, как вы думаете. Это бандит, настоящнй бандит.

— Ну н что же?

— И Деменяико такой... Не такой, ои ие может быть таким! — вздрогиув, оборвала себя Богдаииа. — Я... Я люблю его!

— Истиииая любовь возможиа только к богу, — поучающе вставнл Иваиьо.

— Я хочу спасти его, уговорить, чтобы он пошел и повниился во всем.

Глаза Иваиьо чуть сузились.

— А вы знаете, чем это грознт? Его арестуют, сошлют в Снбирь. Вы инкогда ие увидите любнмого.

— Нет, ие может быть. Ведь обещаиа полная амиистия, кто придет добровольио.

Иваньо выиул четкн, иачал перебирать их длииными пальцамн.

— Он согласился? — спросил священиик.

— Отказывается, как я ии убеждала.

— Что же вы хотите сделать?

—Я пойду и заявлю о нем. Тюрьма лучше такой жнзии. И тюрьма не вечиа. Когда-ибудь его освободят, и мы будем вместе. Ииаче погибием.

— Ваши гражданские чувства делают вам честь.

— Подбодрите меня, паи отец! Прнкажите мие идти, не медля ин часа. Тогда мне будет легче. Легче.

Священиик молчал. Голубые глаза его были устремлеиы поверх Богдаииы — иа желтую лакированную стенку исповедальии. Казалось, Иваньо читает иа ней невидимые письмена.

— Я помогу вам, — иегромко сказал Иваиьо. — Я поговорю с Демьяико, сумею убедить его явиться с повиииой к советским властям.

— Спасибо, пан отец! Спасибо!

Горячими губамн прильиула к длииным хищным пальцам Иваньо. Он перекрестнл Богдаииу.

— Иднте с миром, дочь моя, и пока ие предприиимайте иичего. Все будет, как желает бог.

Богданиа ушла, а ои через дверь с кольцом вместо ручки попал в коридор, затем — в комиату, где ждали Павлюк и Демьянко.

По одиому взгляду иа священиика Павлюк поиял: случилось иеладное. Дериув плечом, вскочнл с места, быстро спросил:

— В чем дело? Выкладывайте, пан отец. Быстро!

Не отвечая, священник присел к столу, навалился на него локтем. В позе Иваньо были усталость, тоска.

— Ну! — с угрозой потребовал Павлюк.

Не поднимая головы, глухим, надтреснутым голосом Иваньо передал разговор с Богданной. Закончил:

— Сегодня я ее убедил обождать, она пойдет завтра, послезавтра — обязательно пойдет.

Демьянко внимательно прислушивался к его рассказу. Руководимая самым благородным чувством, Богданна может наделать больших бед. А что, если, встревоженные ею, Павлюк и Иваньо решат бежать? Сейчас все готово для их ареста, а потом придется налаживать заново. «Нельзя упускать их! — мысленно решил Ростислав. — Надо как-то выправлять положение. Любыми средствами!»

— Эх, пан отец, пан отец, — даже не столько со злобой, сколько с горечью говорил в это время Павлюк, — что вы наделали! Я же говорил, что нельзя полагаться на девчонку.

Иваньо вскочил. Холодные глаза его, казалось, хотели вылезти из орбит, румяное лицо побагровело, длинные пальцы судорожно корчились.

— А на кого, на кого я могу полагаться?! — в голосе священника визжали истерические нотки. — Улица, город, страна — кругом люди, тысячи людей, а рядом никого нет! Как я ненавижу их! Господи, как ненавижу!! Я должен бороться, хотя даже здесь, в храме, перед такими, как я, служителями бога, скрываю свои мысли.

Он замолчал — судорога свела горло. Павлюк молча смотрел на Иваньо, его тоже одолевали невеселые думы. Долго длилось тягостное молчание. Наконец Павлюк встряхнулся, наигранно-бодро проговорил:

— Не распускайтесь, пан отец, все в жизни не столь страшно, как кажется. Давайте лучше подумаем, как быть с девчонкой. Вы уверены, что она донесет?

— Уверен, — тяжело мотнул головой Иваньо. После истерической взвинченности его охватила полная апатия. — Я изучил человеческую натуру и не сомневаюсь — донесет.

— Плохо. Неужели придется ликвидировать? — деловым тоном размышлял вслух Павлюк. — Лишний риск, ненужный риск.

— Как это «ликвидировать»? — дрогнувшим голосом спросил Демьянко.

— Не задавайте идиотских вопросов, прекрасно понимаете, о чем речь! — огрызнулся Павлюк. — Ваше мнение, пан отец?

— Не знаю, — не поднимая головы, ответил Иваньо. — Поступайте как хотите.

— Вот, — дернув плечом, сказал Павлюк. — Хочешь не хочешь, а придется. Любыми средствами вы, Демьянко, уговорите девчонку поехать завтра с вами.

— У нее рабочий день.

— Наплевать! — скривился Павлюк. — Придумайте что угодно, лишь бы она согласилась ехать к «Бесовой скале». Самое подходящее место. Под скалой река, которая скроет следы. Поняли? — глаза цвета спитого чая уставились на Демьянко.

— Да, — коротко ответил молодой человек.

— Затем — сюда, — продолжал приказывать Павлюк. — Вы тоже, пан отец, позаботьтесь, чтобы вас ничто не задержало. Надо действовать как можно быстрее, пора кончать игру...

Вечером, когда пани Гелена вышла из комнаты, Демьянко сказал:

— Богданна, завтра утром мы поедем за город, и ты все поймешь.

Девушка посмотрела с удивлением и надеждой. Длинные ресницы ее дрогнули.

— Я не могу, мне надо на работу.

— Ничего, потом скажешь, что была больна.

— И после этого ты сделаешь, как я просила?

— Все узнаешь, Богданна. Все узнаешь завтра.

И вот опять они в кабине «мерседеса», за рулем — Торкун. Дорога на «Бесову скалу» заброшенная, пользовались ею мало, и контрольно-пропускной пункт здесь не ставили, к обманным уловкам прибегать не пришлось. Выехали из города все вместе.

Километрах в десяти от скалы их обогнала ничем не примечательная легковая машина.

— Кто такие? — испугался Торкун. — Не за нами?

Ростислав не ответил.

— Куда и зачем мы едем? — спросила Богданна.

— Не надо задавать вопросов, объясню потом.

Перебросились еще несколькими словами — пусты-

ми, ничего не значащими. Настоящая беседа не налаживалась.

Вот наконец прибыли к цели путешествия.

— Машину оставлять без присмотра нельзя. Торкун посидит здесь, мы к скалам, — сказал Демьянко, выходя из автомобиля, когда «мерседес» остановился.

Богдана молча приняла приглашение. В руках девушка держала большую хозяйственную сумку.

— Мама пирожки положила, — объяснила спутнику, ласково улыбнувшись.

— Оставь, мы сейчас вернемся.

— Хорошо.

На лесной тропинке под ногами шуршали листья. Свежий осенний воздух бодрил. Богдана еще девочкой приезжала сюда с отцом и матерью. До войны «Бесова скала» была у горожан одним из любимых мест воскресных пикников. Сейчас, тем более в будний день, тут царили безлюдье, тишина, покой.

Вышли на просторную, залитую солнцем поляну. Красавец бук раскинул пышные ветви. За буком оборвалась пропастью каменистая площадка. Это и была «Бесова скала» — мрачное, хаотическое нагромождение валунов. Со дна пропасти несся шум горного потока.

— Как приятно! — невольно сказала Богданна, вздохнув всей грудью. — Красиво.

— Да, очень красиво, — равнодушно отозвался Демьянко. Остановился, посмотрел на девушку. — А ты знаешь, что я обещал сделать, когда приедем сюда?

— Нет, — с удивлением ответила Богдана. — Откуда мне знать.

— Когда приедем сюда, — он говорил странным, неживым голосом, без всякого оттенка, — когда приедем сюда, я обещал застрелить тебя и труп бросить в реку.

Ей стало так страшно, что она даже не испугалась. Смотрела на Демьянко, не понимая слов. Полным обиды голосом воскликнула:

— Как не стыдно! Что за шутки!

— Не бойся! Не бойся! — заторопился он, увидев побелевшее лицо девушки. — Я не убить тебя хочу, а спасти. Лишить тебя жизни хотел...

— Кто?

— Отец Иваньо, которого ты так почитаешь. Ты должна понять, сколько бед могла натворить своей слепотой.

Демьянко не догадывался, какова религиозная нерассуждающая и безграничная вера, воспитанная с детства. При имени священника страх на лице Богданы сменился гневом. В глазах заиграли мутные фанатические огни.

— Теперь я поняла, все поняла, — гадливо и презрительно сказала девушка. — Ты и Долгий обманывали пана отца и теперь клевещете на него, боясь расплаты. Звери! Проклятые звери, которые недостойны сапоги целовать святому человеку. Погоди, за меня отплатят и тебе и Долгому!

— Долгого уже нет, — он старался говорить спокойно. — Нынешней ночью «боёвку» окружили, в перестрелке Долгий убит.

— Ложь! Все ложь! — кричала, ничего не понимая, не слыша и не желая слушать. — Проклятые!

— Богдана, успокойся, пойми...

Вместо ответа девушка плюнула ему в лицо.

Не сознавая, что делает, Ростислав схватил ее, стиснул ей руки.

— Ой, — сказала покорно и жалобно. Глаза ее были совсем близко от глаз Ростислава, и молодой человек увидел в них слабость, печаль и еще что-то, от чего чувства его пришли в окончательное смятение. Ни о чем больше не думая, обнял Богдану. Она прижалась к нему теплым, послушным телом.

— Прости, — сказала Богдана. — Если можешь, прости.

Он ответил на ее поцелуй, робкий, неумелый. Напрягая всю волю и всю любовь свою, подумал, что так, как он готов поступить, нельзя поступать. Во имя любви, будущей любви на всю жизнь, тихонько отстранил Богдану. Она послушалась — трепещущая, покорная.

Он сказал:

— Сейчас мы должны расстаться.

Она молча смотрела на него. Провела ладонью по его щеке. Заплакала тихо, виновато.

— Не надо, родная, не плачь. Послушай меня.

— Да, милый, да.

— По этой тропинке выйдешь на дорогу...

— Да...

— Там тебя ждет автомобиль — номер сорок восемь — тридцать два. Шофер в штатском.

— Да...

— Садись в автомобиль, не спрашивай ни о чем. Тебя отвезут куда надо, все объяснят.

— Да, милый...

— Все будет хорошо, не бойся, сделай так, как я тебе сказал. От этого зависит наша жизнь и наше счастье.

— Я все сделаю, милый. Ты простил меня?

— Глупая, ты сама не помнила себя.

— Да, я не виновата.

— Иди, нам нельзя здесь долго. Не заблудись. Прямо по тропинке, автомобиль сорок восемь — тридцать два.

— Я иду, милый, не беспокойся за меня. Мы еще увидимся?

— Может быть, даже скоро... И еще — вот карандаш, бумага. Пиши.

— Да... Что писать?

— Пиши: «Дорогая мама! Не беспокойся за меня, я неожиданно уехала на десять дней по очень важному делу. Вернусь точно в срок. Целую, твоя Богдана». Готово?

Все еще ошеломленная, не понимая, что с ней происходит, девушка выполнила полупросьбу, полуприказ.

— Теперь иди.

Демьянко долго смотрел, как стройная фигурка мелькает между деревьями. Потом достал из-под пиджака парабеллум, выстрелил в воздух.

Когда пассажиры вышли из машины и скрылись в лесу, Торкун поудобнее уткнулся в угол сиденья, стал ждать их возвращения. Цель поездки его нисколько не интересовала.

Ждал долго. В лесу была мертвая тишина. Вдруг со стороны скал донеслись выстрелы — один, другой.

Торкун не придал им значения, даже увидев выходящего из леса Демьянко.

— Поехали, — сказал Демьянко, садясь в машину.

— А девушка? — недоуменно спросил Торкун.

— Она... ушла.

— Куда ушла?

— Не ваше дело. Поехали!

Торкун ничего не понимал. И вдруг вспомнил о выстрелах. Почувствовал, как на голове зашевелились волосы.

— Вы! Вы! — больше не мог выговорить ни слова.

Демьянко стиснул его плечо. Сказал с холодным бешенством:

— Да! Я! И если вы не тронете сейчас же машину с места, я и вас прикончу как собаку.

Торкун понял: Демьянко готов привести угрозу в исполнение. Плохо соображая, что делает, нажал на стартер, развернул «мерседес», помчался к городу.

Старенький мотор выл, захлебывался, а полуобезумевший от ужаса Торкун старался еще и еще прибавить скорость. То и дело поглядывал через плечо, надеясь, что все это лишь почудилось, девушка сидит рядом с Демьянко.

Но, сколько ни оглядывался Торкун, на заднем сиденье видел одного Демьянко с сигаретой в плотно сжатых губах.

Когда предместье было совсем рядом, Торкуну пришлось резко остановиться — заскрипели тормоза. Прохожий, неторопливо шагавший навстречу, поднял руку. Это был Павлюк.

— Жду вас давно, — объяснил он, открывая дверцу и плюхаясь на сиденье рядом с Демьянко. — В собор нельзя, приехало духовное начальство, пану отцу не до нас. Скверно, что очень затягивается дело.

После паузы спросил:

— Ну что? Впрочем, понятно.

— Прочтите, — коротко сказал Демьянко, протягивая записку Богданны. — Заставил ее написать.

Павлюк с восхищением хлопнул Демьянко по колену.

— Ну и ловкач же вы! А я ломал голову, как устроить, чтобы мамаша не побежала заявлять о пропаже дочки. Вы обладили — лучше не надо. Через десять дней мы будем далеко. Вы ценный человек, Демьянко.

Павлюк заметил большую сумку. Раскрыл.

— Ого, пирожки!

Достал пирожок, с аппетитом стал жевать.

— Неплохие, попробуйте.

Торкун почувствовал тошноту. Зажав рот рукой, выскочил из машины.

Павлюк доел один пирожок, взял другой. Одобрительно поглядывал на Демьянко, думал: «Да, из него выйдет толк».

— Эй, Торкун, поехали! Какого черта вы удрали. Лезьте на свое место...

Той же ночью работники госбезопасности ликвидировали остатки националистского подполья.

Всех троих взяли живыми.

СОДЕРЖАНИЕ

Сборник приключенческих повестей и рассказов.
П-75 М., «Молодая гвардия», 1973.

576 с., с илл. («Стрела») 100 000 экз. 1 р. 17 к.

В новом сборнике читатель найдет произведения как уже известных ему авторов-приключенцев, так и новые имена.

Повесть У. Умарбекова «Встреча» посвящена чекистам первых лет Советской власти в Узбекистане. В мир борьбы народов Африки за свою независимость против колонизаторов переносит читателя повесть Е. Коршунова «Гроза над лагуной». Повесть Ю. Файбышенко «Розовый куст» рассказывает о работниках уголовного розыска в годы нэпа. Сегодняшним дням посвящена большая повесть М. Стейги и Л. Вольфа «Дело Зейты Саукум». Ее герои — следователи и оперативные работники милиции Советской Латвии.

В сборник вошли также рассказы П. Шамшура, Л. Словина, Ю. Усыченко, С. Наумова, В. Сопельняка.

7—3—2
191—73

Р2

Редактор-составитель А. Строев
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Г. Прохорова

Сдано в набор 23/XII 1972 г. Подписано к печати 23/V 1973 г. А00395. Формат 84×108 1/32. Бумага № 2. Печ. л. 18 (усл. 30,24). Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 17 к. Т. П. 1973 г. № 191. Заказ 2330.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.